

В
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ
В
РЕАЛЬНОСТЬ

ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ
В РЕАЛЬНОСТЬ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

ОДИНОЧКА
СМЕРШ-2

Москва

2005

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете художника *А. Дубовика*

Головачев В. В.

Г 61 Вторжение в реальность: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 704 с. — (Отцы-основатели: русское пространство).

ISBN 5-699-12517-5

Матвей Соболев — «ганфайтер», профессиональный контрразведчик, в совершенстве владеющий многочисленными приемами борьбы и рукопашного боя, вступает в схватку с беспределом, захлестнувшим страну. Ему приходится столкнуться не только с уголовниками всех мастей, коррумпированными чиновниками и «оборотнями» в системе МВД и ФСБ, но и с самим Монархом Тьмы — нечеловеком из иной реальности Земли.

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Головачев В. В., 2005
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-12517-5

ОДИНОЧКА

Если ты мне враг —
Кто тогда мне друг?

Леонид Филатов

Глава 1

ПОГРУЖЕНИЕ

Больше всего это походило на стремительное падение в темную пропасть, хотя никуда он не падал: так начинался спуск сознания по цепи наследственной памяти в прошлое. Учитель называл такой процесс «получением доступа к файлам генетического древа человека», самому же Тарасу нравилось другое определение: «погружение трансперсональной сферы в глубины родовой линии». По сути, он открывал тайники глубинной психики, кладовые памяти, хранившие все сведения о предках, которые жили до его появления на свет. Но ощущение быстрого погружения во тьму превалировало над другими чувствами, и Тарас отдался потоку сил, уносящему его «вниз», в бездну памяти, и лишь считал секунды, стараясь не пропустить момент выхода в нужном времени и в нужном месте.

Научился он «хронопогружениям с фиксированным выходом» не сразу. Несколько раз его вышвыривало обратно в родное время с оглушающей отдачей, дважды заносило в начало времен, когда его предками были какие-то громадные существа, не оставившие в истории Земли никаких следов. И лишь благодаря подсказкам учителя Тарас наконец добился необходимой сосредоточенности и дисциплины мысли и смог контролировать свои сны-состояния, чтобы видеть и переживать то, что видели и переживали его предки сотни тысяч и миллионы лет назад. На самом деле, конечно, это не он «нырял» в глубины родовой памяти, а информация о прошлых звеньях филогенеза всплывала из подсознания и проявлялась в сознании картинami жизни предков.

Но вот падение замедлилось, ощущение невесомости прошло, тьма «внизу» под ногами расцвела сполохами северного сияния, и Тарас прозрел.

Перед глазами лежала каменистая, поросшая куртинами жесткой желтоватой травы долина, окруженная цепью белоснежных гор. Темно-синее небо с висящим над горами слепящим оком солнца перечеркивали серебристые полосы облаков, похожие на инверсионные следы высотных самолетов. В центре долины высилось монолитное угрюмое сооружение необычной формы из коричневого бликующего материала, похожего на расплавленный базальт. Более всего оно напоминало форт с пятью округлыми башнями и центральным куполом — это если сравнивать его с человеческими постройками, или гигантскую раковину моллюска — если вспомнить формы, созданные неразумной земной природой. Однако Тарас в своих походах по родовой памяти уже встречался с подобными постройками и знал, что перед ним «замок» изоптеров, разумных термитов.

Разрушить подобные сооружения можно было, наверное, только с помощью ядерного взрыва, и тем не менее в куполе «замка» зиял огромный звездообразный пролом, по которому можно было судить о невероятной силе противника колонии изоптеров, который пробил стену «замка» и уничтожил его хозяев.

Над мертвым «фортом» висело в воздухе еще одно удивительное сооружение, соединенное с ним толстым колючим тросом. Его сложную форму описать было трудно, однако отдаленно оно напоминало гигантский самолет, без винтов и кабины летчиков, из желтовато-зеленого пористого материала. Фюзеляж этого «самолета» образовывали вертикальные овальные короба, или, точнее, складки из того же толстого материала, а «крылья» с бахромчатыми вздутиями на конце походили на соты, некоторые ячейки которых светились изнутри. Кроме того, из «фюзеляжа» вырастали ветвистые рога, черные кончики которых дымились, как сгоревшие в костре ветки.

И это сооружение было хорошо знакомо Тарасу. Оно представляло собой «гнездо», или летающую «крепость», разумных ос — веспидов.

Эпоха, в которую он попал после «всплытия» в нише родовой памяти, хранившей знания и переживания предка, давно сменила эпоху Инсектов на Земле, однако их сооружения жили долго и попадались на глаза часто, хотя на место разумных насекомых пришли уже новые повелители природы, потомки трансформированных Blattoptеров — люди.

Впрочем, еще не совсем люди.

Тело предка Тараса, в котором он временно «поселился», имело шесть конечностей — две ноги, сжимавшие в настоящий момент бока странного зверя, скорее всего прирученного динозавра, и четыре руки. Одна пара рук держала поводья «коня», вторая — устрашающего вида самострел.

Конечно, самого себя (то есть предка) Тарас видеть не мог, но уже встречался с «соотечественниками» во время погружений и знал, что на людей они похожи мало, несмотря на почти человеческую голову и вполне человеческие кисти рук.

Во время хроногенетических путешествий ему встречались и еще более экзотические существа: одноглазые великаны, позднее воспетые в мифах как циклопы, трехглазые и четырехрукие гиганты восемнадцатиметрового роста и вообще жуткие монстры, похожие на помесь динозавров, крокодилов и людей. Все они были детьми трансформационной войны, вспыхнувшей между Инсектами, кроме собственно людей, которые представляли собой потомков измененных Аморфами блаттоптеров — тараканов разумных. Остальные Инсекты после вмешательства Предтеч, Первых Разумных на Земле, были сброшены ими в «энтропийную яму», то есть резко измельчали — в сто раз! — и потеряли весь свой интеллектуальный потенциал. Хотя некоторые насекомые, избежавшие общей участи в ходе трансформационной диффузии, встречались на Земле еще тысячи лет после Изменения.

Предок Тараса прищипорил «коня» и поскакал по склону в долину, к «форту» изоптеров. Он не был странником или открывателем земель, как другие предки, но целеустремленно обшаривал древние сооружения в поисках сохранившихся информационных банков данных. Этими «банками» могли быть и каменные плиты и свитки, и кристаллические стержни, и многое другое, что использовали в своей деятельности Инсекты. Однако самому Тарасу нужны были только лингвотопологические носители, изменявшие форму в соответствии с изменением законов реальности. В двадцать первом веке, в котором жил Тарас Горшин, эти носители представляли собой плиты с гипертекстом, расшифровать который специалисты еще не смогли. Во времена Перволюдей, один из которых — предок Тараса — стал Хранителем опасных знаний, плиты могли быть чем угодно, от материальных предметов до голографических долгоживущих кластеров. Но главное, что тексты этих плит не надо было переводить на человеческий язык. Предки знали м е т а я з ы к, основанный на звуках, которые, в принципе, не могло произносить человеческое

горло, а также на Ключах понимания, и если бы плиты нашлись, через сознание предка Тарас воспринял бы и смысл послания. Искал же он по заказу учителя не что иное, как описание базовой системы самозащиты, которую разработали Перволюди и отголоски которой дошли до современников Тараса в виде иносказаний и легенд.

Впрочем, возможно, никакой базовой системы боя и не существовало, а учитель принимал желаемое за действительное и искал то, чего никогда не было.

«Форт» изоптеров приблизился, закрыл полнеба, внушая уважение и страх. Высотой он был не менее двенадцатизэтажного дома, а в диаметре достигал размеров футбольного стадиона.

Внезапно «носитель» Тараса остановился, вглядываясь в дальний конец долины, где наметилось какое-то движение. Зрение у Перволюдей было объемным, как и у всех насекомых, в то время как у людей — бинокулярным, поэтому приспособиться к такому способу обработки видеoinформации удавалось не сразу.

Сначала Тарасу показалось, что зашевелилась одна из скал на краю долины. Потом он понял, что это идет один из гигантов, вымирающие ветви которых сохранились вплоть до голоцена.

Гигант приблизился к «форту» изоптеров, ступая тяжело, с грацией слона, однако быстро и целеустремленно. Рост его достигал примерно пятнадцати метров, он был узкоплеч, не имел талии, ноги у него были толстые и по первому впечатлению гнулись где придется. Руки длинные — гораздо ниже пояса; одна болталась свободно, вторая придерживала лежащую на плече дубину, или скорее булаву с колючками. На бугристой голове, уходящей в плечи, сидело нечто вроде дырчатой шапки или шлема. Лицо у гиганта было также бугристым, с очень широким носом и узким и длинным, как у лягушки, ртом. Глаз посреди лба был один, и тоже узкий и длинный, сверкающий ледяной синью.

Он остановился у «форта», не обращая внимания на Тараса, поднял руку ко лбу козырьком, разглядывая висящую в воздухе крепость веспидов, потом начал взбираться на стену «форта», не выпуская своей огромной шипастой булав. И, как оказалось, не зря, хотя булава ему явно мешала. В тот момент, когда гигант-циклоп взобрался на купол крепости изоптеров, из «фюзеляжа самолета» веспидов на крыло выбрался его хозяин. Но не веспид, как ожидал Тарас. Это был такой же великан, как и тот, что заинтересовался летающей крепостью, разве что трехглазый и четырехрукий.

В отличие от первого, закованного в подобие чешуйчатых лат, хозяин замка веспидов был одет в нечто косматое, вроде шкуры медведя цвета дорожной пыли, а вооружение его состояло из зазубренного меча длиной не менее десятка метров и висящих на поясе шипастых шишек, напоминающих ручные гранаты.

Некоторое время гиганты разглядывали друг друга, не торопясь начинать диалог. Затем циклоп поднял руку и гулким рыком, от которого заколебалась земля под ногами «коня» Тараса, выкрикнул какое-то непонятное слово.

«Самолет» веспидов дернулся, затанцевал в воздухе, словно от порыва ураганного ветра. Его нынешний хозяин взмахнул всеми четырьмя руками, но не для сохранения равновесия, как показалось Тарасу, а для того, чтобы метнуть в пришельца две шишки, которые и в самом деле оказались гранатами.

Одна из них упала на камни у стены «форта» изоптеров, вторая угодила в дыру в куполе. Раздались два мощнейших взрыва. Вспышка от первой гранаты была такой яркой, что затмила солнце. Хотя опытный предок Тараса успел закрыть глаза ладонью, Тарас все же смог оценить и яркость вспышки, и силу взрыва, образовавшего десятиметрового диаметра воронку.

Вторая граната взорвалась внутри крепости изоптеров и разворотила ее как консервную банку!

Купол взлетел на воздух, распадаясь на куски, стены же, более толстые и прочные, просто легли во все стороны лепестками тюльпана.

Циклоп, однако, успел соскочить с крыши «форта» и зычно прокричал еще одно дикое и страшное слово, от которого «самолет» веспидов подбросило вверх на добрые полсотни метров, и он начал разламываться на части.

Но и трехглазый великан уцелел. Схватившись за трос, он соскользнул по нему на землю и выпрямился во весь рост перед циклопом, не спешащим с нападением, вытянул вперед свое сверкнувшее металлом грозное оружие.

Тарас затаил дыхание. Его предок тоже. Они еще не были свидетелями схватки между представителями Предтеч, хотя битвы их с различными видами Инсектов видели не раз.

Трехглазый взмахнул мечом.

Длинное зазубренное лезвие с шипением вспорол воздух, обрушилось сверху на голову циклопа и наткнулось на подставленную булаву. Раздался хруст и звон, будто столкнулись два сосуда — стеклянный и костяной. Во все стороны полетели фонта-

ны искр. Меч срезал часть навершия булавы, но при этом резко уменьшился в размерах — вдвое!

Трехглазый отступил, озадаченно поднес к глазам изменившийся меч, перевел взгляд на противника, который, в свою очередь, угрюмо разглядывал его.

Еще один выпад мечом, едва не доставший циклопа. Но острие меча вонзилось в подставленную булаву, и меч снова уменьшился, превратился в кинжал, задымился, раскалившись до бело-золотистого свечения. Трехглазый выронил его, но тут же подхватил с земли, попятился, решая, продолжать бой или нет.

Тарас понял, что циклоп вооружен более серьезно, чем его противник. Булава, очевидно, была силовым трансформатором или своеобразным компактификатором, изменяющим размеры и свойства объектов. К тому же циклоп знал Слово Власти, то есть владел метаязыком, также влиявшим на материальные предметы и вообще на пространственные связи. Трехглазый великан был обречен, несмотря на свои гранаты, взрывающиеся, как мощные авиабомбы.

По-видимому, это понял и он сам. Отступив еще дальше, трехглазый гигант метнул в своего противника кинжал — бывший меч, затем еще две гранаты и бросился бежать, сгибая ноги странным образом, как кузнечик.

Его атака не достигла цели. Кинжал, не долетев до циклопа, превратился в струю дыма, одна граната взорвалась еще в воздухе, выбросив длинный язык лилового пламени, а вторая не взорвалась вообще. Но и циклоп не стал преследовать противника, послав ему вдогонку короткое и энергичное с л о в о, прозвучавшее как проклятие.

Трехглазый споткнулся на бегу, пробежал еще несколько десятков метров, постепенно останавливаясь, упал ничком и больше не поднялся. Смерть настигла его, странная и непонятная, прятавшаяся всего в одном сложном звуке. И даже на предка Тараса, находившегося в километре от места схватки гигантов, «проклятие» циклопа, не предназначавшееся ему, действовало как физический удар.

У Тараса потемнело в глазах, воздух застрял в легких, остановилось сердце, и он ощутил волну страха, охватившую душу предка.

Однако все обошлось.

Сердце заработало вновь, дыхание восстановилось, глаза прозрели. Тарас напряг зрение, разглядывая разрушенный

«форт» изоптеров, но никого не увидел. Пока он приходил в себя, циклоп пересек долину и скрылся за скалами. Его недавний противник остался лежать недалеко от «форта» и упавших с неба остатков крепости веспидов. Над ним уже кружили огромные черные птицы, напоминавшие летучих мышей.

Два крыла крепости все еще плавали в воздухе, а вот «фюзеляж» торчком воткнулся в камни, смятый ударом.

Предок Тараса пришпорил маловосприимчивого к шуму «коня» и подскакал к телу поверженного трехглазого великана. Вспомнилось изречение знаменитого американского гангстера Аль Капоне: «С помощью доброго слова и револьвера можно добиться гораздо большего, нежели одним только добрым словом». Но этот представитель исчезнувшего в веках племени великанов умер не от пистолета, а именно от слова. Хотя вряд ли доброго.

Предок спешил, постучал ногой в сапоге по руке великана, по плечу, по голове. Успокоенный, осторожно снял с пояса три оставшиеся гранаты, спрятал в седельную сумку и вскочил в седло. Он был не только запасливым человеком, но и исследователем, хранителем криптотехнологий и артефактов, созданных предшественниками Перволюдей. Гранат в его коллекции еще не было.

Вскоре он подъехал к упавшему «самолету» веспидов, снова спешил и подошел к смятому «фюзеляжу», состоящему из шести складок-коробов. Материал, из которого он был сделан, больше всего напоминал крупнопористый бетон или губку, но главное, что поры вблизи складывались в удивительную вязь неких письмён, создающую впечатление осмысленного, хотя и непонятного текста. Предок Тараса замер, сам же Тарас встрепенулся, вглядываясь в письмена, покрывающие весь гигантский остов летающего дома веспидов. Это было то, что искал учитель Тараса, — древнейшая система рун и знаков, основа метаязыка, которым когда-то владели Инсекты. Прочитать письмена, не имея Ключей смысла, было невозможно. К тому же они покрывали весь корпус обиталища разумных ос, и для их изучения и перевода потребовался бы не один месяц кропотливого труда.

Предок тем временем достал из сумки какой-то прибор из планок, трубок и объективов, приладил к голове, и Тарас практически ослеп, перестал видеть пейзаж. Все расплылось перед глазами, смазалось в цветные пятна и радуги. Прибор, очевидно,

представлял собой нечто вроде оптического преобразователя, приспособленного под зрение Перволюдей, и, не зная принципов его работы — диффракция ли, интерференция, эмиссионное расщепление, спектральное расширение, — нечего было и думать о непосредственном участии в процессе изучения письмён и вообще о наблюдениях за действиями предка.

Сознание Тараса «завибрировало», сместилось в серую зону десинхронизации. Пора было возвращаться, организм требовал отключения энергоинформационного потока.

Усилием воли он «выдернул» рецепторы мысленного восприятия из сферы сознания предка и начал «всплывать» в будущее, как глубоководный батискаф сквозь толщу воды.

Сознание померкло... и снова развернулось в полном объеме.

Тарас ощутил себя сидящим в кожаном кресле в кабинете учителя. Голова кружилась, сердце работало в режиме пожарного насоса, он был потный и слабый, хотелось пить и спать.

Перед глазами сгустилась тень, превратилась в руку с большой фарфоровой чашкой. В чашке дымился густой коричневый напиток.

— Пей, — послышался низкий, басовитый голос.

Тарас послушно взял чашку и выпил горячий, вкусный, пахнущий травами напиток до дна. Глубоко вздохнул, успокаивая сердце.

Учитель стоял рядом и смотрел на него внимательно и строго. Во всем его облике сквозила необычайная уверенность, опиравшаяся на великое терпение, знание и мудрую силу.

Учителя звали Елисеем Юрьевичем, и шел ему шестьдесят седьмой год, хотя выглядел он на сорок пять: в светлых волосах ни единой седины, лицо твердое, волевое, с добродушными ямочками на щеках, нос с горбинкой, а глаза темно-синие, умные и полные невероятного спокойствия.

Работал Елисей Юрьевич Смирнов экспертом-аналитиком Департамента стратегического планирования Федеральной службы безопасности, а учителем Тараса он стал по законам Внутреннего Круга, адептом которого был уже много лет. Впрочем, когда Тарас впервые встретился с ним после победы на очередных Боях без правил мирового уровня, проходивших в Новгороде, он тогда не знал ничего о Внутреннем Круге, о древних системах воинского искусства и об Инсектах, предках людей.

Исполнилось тогда Тарасу всего двадцать четыре года, а прошло с тех пор ни много ни мало — двенадцать лет.

— Удачно сходил? — спросил Елисей Юрьевич, отбирая чашку.

Тарас слабо улыбнулся.

— Я нашел Тексты... но оценить их не успел. К тому же предок нацепил на себя какой-то оптический прибор, и я вообще перестал что-либо видеть.

— Транслятор, — кивнул Елисей Юрьевич. — Для идентификации смыслового ряда и применения Ключей нужен транслятор. Нам повезло, что твой предок по отцовской линии оказался не просто воином, а Хранителем знаний. Рассказывай.

Тарас потер лоб.

— Мне бы принять душ...

— Тогда иди купайся, я а пока приготовлю ужин.

Елисей Юрьевич вышел на кухню.

Тарас сбросил с себя влажную от пота рубашку, направился в ванную, разделся догола, разглядывая себя в зеркале.

Занятия боевыми искусствами и изучение эзотерической литературы изменили его больше, чем это сделал бы любой гример или косметолог. Он и раньше отличался от сверстников уравновешенным и сильным характером, упорством и трудолюбием, стойкостью перед лицом неприятностей, теперь же, после двенадцати лет занятий под руководством учителя, и вовсе превратился в олицетворение уверенности и спокойствия. А иронично-решительный взгляд светло-желтых, не кошачьих, скорее тигриных глаз только подчеркивал это впечатление.

Тарас был не слишком высок — сто восемьдесят шесть сантиметров, но гибок, развит, мускулист, силен, хотя физическая сила не была основным его достоинством. Главное, он был внутренне силен и независим, что чувствовалось на расстоянии. В этом они с учителем сходились полностью. А еще они почти одинаково оценивали красоту и тяготели к мистике, хорошо зная при этом, что так называемая мистика — р е а л ь н а.

Не мужской, скорее женский, миндалевидный разрез глаз, прямой нос, но круглый на кончике, луковкой, лица не портили. Прямые губы, чуть выдающиеся скулы, твердый подбородок. Вот и все приметы. Не ахти какой красавец, но и не урод. Если бы не чересчур упрямая и решительная складка губ, его можно было бы назвать обаятельным. Хотя, как говорил рано умерший отец Та-

раса: не волнуйся, сынок, если находятся женщины, любящие козлов, то найдутся и те, кто любит баранов. А ты не баран, а всего лишь упрямец.

Правда, такой женщины, которая полюбила бы упрямца, Тарас пока не встретил.

Приняв холодный душ, он насухо вытерся махровым полотенцем и вернулся в гостиную.

Глава 2

УЖИН С УЧИТЕЛЕМ

Учитель все еще возился на кухне.

Тарас было сунулся к нему предложить свою помощь, но получил отказ и устроился на своем любимом диване в гостиной, рядом со столиком, на котором всегда лежали свежие журналы. Когда их читал хозяин, не имевший ни минуты свободного времени, было неизвестно, однако он всегда был в курсе всех политических, научных и светских событий и мог поддержать разговор на любую тему. Впрочем, удивляться его эрудиции не приходилось. Елисей Юрьевич в свое время закончил два института — радиотехнический и экономический, затем Академию внешней торговли, два года проработал пресс-секретарем президента и пять лет послом в Ватикане и представителем России в Мальтийском ордене. И все это время был одновременно сотрудником КГБ, позднее — ФСБ. А когда ему исполнилось шестьдесят лет, стал экспертом юротдела службы, а затем аналитиком Департамента стратегического планирования.

Однако и это было не все. Вряд ли кто-нибудь из его приятелей и сослуживцев догадывался, что их добродушный и неизменно вежливый коллега является Посвященным во Внутренний Круг человечества, о существовании которого складывались легенды.

Сам Тарас узнал о Круге всего лишь два года назад, когда прошел первую стадию инициации к Посвящению в Круг и стал кшатрием. В то время первый ученик Елисея Юрьевича внезапно изменил свое отношение к учителю, и пути их разошлись. Ученика звали Дмитрием Щербанем, Тарас знал его, но так и не понял, что произошло. На его прямой вопрос Елисей Юрьевич ответил уклончиво, мол, каждый оценивает свои силы сам, и лишь

много позже Тарасу удалось выяснить, что Дмитрий потребовал от учителя прямого выхода на иерархов Внутреннего Круга, чтобы получить Посвящение экстерном, минуя ступени реализации. Елисей Юрьевич ответил отказом, и взбешенный Дмитрий ушел, пообещав дойти до главного иерарха и заменить его.

Тарас не знал, чем закончился демарш Дмитрия, он с ним больше не встречался, а учитель избегал говорить об этом. Но Дмитрий был упрям, настойчив, силен, виртуозно владел боевой гиперборейской системой «наваждение» и всегда добивался своего. Дружить с ним было невозможно, враждовать опасно. Учитель однажды обмолвился, назвав его Конкере, но что означала эта кличка, Тарас не понял. «Наваждением» он занимался всего второй год и еще не овладел ею в надлежащей мере, хотя считал это несущественным. С малых лет он предпочитал азиатские воинские стили — кэмпо, айкидо, карате, тайский бокс, — и лишь в армии, в десантных войсках, освоил барс — боевую армейскую систему и увлекся синтетическим унибосом, унаследовавшим первые русские стили самбо и смерш. И только став учеником Елисея Юрьевича, Тарас узнал о существовании древнеславянских практик и стал заниматься хорой, потопом и спасом, оказавшимися ступенями единой системы «жива».

Елисей Юрьевич был не первым мастером, занимавшимся синтезом боевых искусств в современном исполнении с применением психофизических и энергоинформационных дистантных методов воздействия на противника, а также поиском древних документов и свидетельств о существовании универсальной системы праметабоя. Но он оказался первым, кто изучил наиболее действенные практики, создал специальную программу для их анализа и с помощью компьютера разработал единый универсальный алгоритм оптимального боевого состояния и движения. Мало того, он пошел дальше, к прикладному использованию в боевых системах методов воздействия с помощью звука и слова. Так, как это делали предки людей во время войн за выживание сотни миллионов лет назад.

Основой для подобных исканий послужили психолингвистические учения древних философов и современных ученых, утверждавших, что «слово и лечит, и калечит». Гипотеза о том, что у человеческого бессознательного есть некий «внутренний язык», адекватно отражающий реальность, подтвердилась. Ученым удалось доказать, что движения и положения тела напрямую связаны с архетипическими символами и структурами челове-

ского подсознания. Елисей Юрьевич взял эти исследования в качестве краеугольного камня своей системы и разработал двигательные формы, через которые можно было навязывать желания и решения своему или чужому подсознанию, и таким образом управлять как собой, так и другими людьми. Это был путь к «мягкому» управлению человеческой психикой и движением, и Елисей Юрьевич добился того, чего не добивался ни один адепт боевых искусств, — восстановления целостной структуры личности бойца и через это — возможности самолечения любых болезней и травм. Но и это было еще не все.

Ему удалось восстановить секреты древней системы «жива», которая позволяла работать не только с физическими движениями противника, но и с его бессознательным. В отличие от «наваждения» (ожидания Нави, смерти), одной из самых жестоких боевых школ гипербореев, которая не давала противнику никаких шансов выжить, «жива» могла использоваться и как система оздоровления, лечения и даже о ж и в л е н и я, так как воздействовала на подсознание человека и снижала в ходе боя уровень его агрессивности.

Кроме того, Елисей Юрьевич начал изучать древние языки, пока не добрался до праязыковых структур древнерусского языка, языка т в о р е н и я, который наиболее точно, без искажений, переводил образы бессознательного в современную речь. По сути, это были уже основы метаязыка, существующего еще во времена Инсектов, который воздействовал на мир на тонком уровне, изменяя его «грубую» физическую структуру. Если бы удалось соединить бессознательное и сознание через движение и метаязык, можно было бы научиться влиять на людей без контакта, посредством виртуальных форм движения или фразами магического звукоряда. Но Елисею Юрьевичу не хватало базовых элементов метаязыка, изменяющих мотивы и побуждения противника напрямую, и он с помощью Тараса пытался найти их в прошлом, в бездонных кладовых родовой памяти, научив его «нырять» в омут генетической линии.

Впрочем, Елисей Юрьевич и так стал мастером ВИК — «виртуального искусства контроля», как окрестил его способности сам Тарас, и по праву входил в иерархию Внутреннего Круга. Стоило услышать, как он произносит-поет один из ключей смысла метаязыка — слово «здро́во», чтобы ощутить его внутреннюю силу.

Вообще же Ключей смысла, или «Ключей для нелогического

восприятия нового», существовало восемнадцать. Елисей Юрьевич знал четырнадцать, Тарас — семь, и втайне от учителя он искал эти Ключи самостоятельно и надеялся, что когда-нибудь познает их все. Система Ключей позволяла снять внутренние запреты с упрятанных в глубинах подсознания изначальных з н а н и й, и ее практическое применение превращало человека в мага, в оператора реальности. Хотя этим знанием следовало пользоваться с большой осторожностью, так как Природа реагировала на магическое воздействие адекватно и не терпела «несанкционированного» вмешательства в свои Законы.

Впрочем, Тарас не собирался становиться оператором реальности и с помощью метаязыка изменять мир по своему усмотрению. Ему было достаточно научиться владеть самим собой и достичь понимания законов Вселенной, чего добивался и учитель, совершенствуя сиддхи — цели самодисциплины. Тарас вспомнил, как во время первой встречи с учителем у него дома Елисей Юрьевич продемонстрировал ему одну из сиддх — лагхиму, то есть способность по желанию делать тело легким, уменьшать вес и даже воспарять над землей.

Когда речь зашла о возможностях человеческого ума и тела, Тарас поинтересовался, не может ли учитель показать «что-либо необычное». Елисей Юрьевич улыбнулся, закрыл глаза и вдруг начал медленно подниматься в воздух. Повисев на высоте двух десятков сантиметров над полом гостиной, он так же медленно опустился обратно.

Это могло оказаться и иллюзией, наведенным пси-состоянием, но Тарас сразу поверил, что учитель владеет сиддхами реально. Однако больше всего Тараса поразила способность учителя без вреда для здоровья пропускать сквозь свое тело пули и лезвие ножа. Он и сам научился этому за годы упорного тренинга ценой многих ушибов и ран и теперь мог не обращать особого внимания на вооружение противника. А ведь учитель занимал в иерархии Круга далеко не самую высшую ступень, ступень мастера. Что же тогда знали и умели Посвященные в высшие тайны Круга, светлые иерархи — от пентарха до декарха, не говоря уже об адептах и ангелах, достигших энергетической стадии бытия?

— Тайна сия велика есть... — вслух пробормотал Тарас.

— Ты что-то сказал? — донесся из кухни голос Елисея Юрьевича.

— Разговариваю сам с собой, — отозвался Тарас, вспоминая первую беседу о Внутреннем Круге.

Речь о каналах информации скрытой реальности заходила и раньше, к тому же Тарас уже почитывал кое-какую серьезную литературу и знал о существовании тайных знаний, хранимых некими носителями древних традиций. Но то, что он услышал от Елисея Юрьевича, подействовало на него как удар.

Во-первых, оказалось, что человечество неизмеримо старше, чем считает мировая академическая наука. Его возраст исчислялся не десятками и даже не сотнями тысяч, а сотнями миллионов лет! Перволюди появились на Земле еще во времена динозавров, и сменилось по крайней мере пять человеческих рас, прежде чем люди приобрели современный облик. Хотя ни о каком родстве с обезьянами речь, конечно, не шла.

Некоторые цивилизации достигали куда более высокого уровня, чем современная, хотя от них не осталось почти никаких следов, если не считать таковыми «файлы памяти», сбереженные Хранителями Внутреннего Круга.

Сам Круг был создан еще Перволюдьями, потомками Инсектов, точнее — потомками трансформированного рода блаттоптера сапиенс, тараканов разумных, и Тарасу действительно повезло, что один из его предков-Перволюдей оказался Хранителем, может быть, самым первым, или же представителем первой волны Хранителей, осознавших свою ответственность перед будущими поколениями за сохранение знаний.

Вторым откровением оказалось для молодого Тараса существование темных иерархов наряду со светлыми. И Елисей Юрьевич пояснил:

— К сожалению, согласно Герметическому Принципу полярности земного бытия, даже Внутренний Круг не свободен от столкновения мнений и борьбы за власть. Таким образом, также сохраняются древние знания, более всего опасные, и темные Хранители, «тарантулы» и «монархи тьмы», используют эти знания в угоду своим желаниям и ради личного возвышения. К счастью, скрытое знание доступно далеко не всем Посвященным, иначе земное человечество давно погубило бы Природу и себя в жестоких войнах за право повелевать другими.

— Но ведь войны идут по сей день... — пробормотал ошеломленный открытием Тарас.

— Это войны людей, которым не доступны великие тайны прошлого. Войны Посвященных или, как принято говорить нынче, войны магов намного страшнее. Последняя такая война между магами Атлантиды и Гипербореи закончилась сорокаты-

сячелетней «ядерной зимой», хотя в ход было пущено не атомное оружие, а психофизическое, глубоко изменившее законы реальности. Естественно, и Атлантида, и Гиперборея, и их союзники-люди были уничтожены, а уцелело человечество лишь благодаря терпению светлых иерархов.

— Что это было за оружие?

— В нашем обычном понимании оружием назвать его трудно, однако если оно уничтожает живых и разрушает природные основы, значит, это оружие. Но тебе еще рано знать такие вещи.

— Почему? Я же никому не скажу...

Елисей Юрьевич снова улыбнулся:

— Разумеется, не скажешь. Ты действительно хочешь знать, чем воевали предки?

— Хочу. Вы только намекните...

— Я думаю, ты уже догадался. Во-первых, это з а к л и н а н и я, то есть фразы метаязыка, способные мгновенно изменять материальные объекты. Во-вторых, это особые энергии или с и л ы, с помощью которых наш Создатель творил Вселенную. Но вот об этом мы поговорим позже, когда ты созрешь.

Тарас недоверчиво заглянул в непроницаемые глаза Елисея Юрьевича.

— Если верить Библии, Создатель творил нашу Вселенную словом...

— Да будет свет! — усмехнулся Елисей Юрьевич. — В принципе, Библия права, хотя писали ее люди для того, чтобы сокрыть истину. Истина же хранится в Знаниях Бездн, которые мы с тобой ищем. Так вот с л о в о Бога и есть с и л а, причем физическая, затрагивающая основы материи. В дальнейшем ты узнаешь все подробности, сейчас же запомни только, что всего уровней воздействия на мир — с и л Создателя — девять, от первой — Эхейх, что означает «Я Есть», до девятой — Шаддай Эль Хай, что означает «Я Всемогущий».

— Значит, мы тоже можем овладеть этими силами?

Елисей Юрьевич покачал головой.

— Не все так просто, мальчик. Для овладения с и л а м и необходимо пройти много испытаний и многому научиться. Для начала надо заставить работать свой собственный механизм внутреннего регулирования поведения — совесть, изменить свое отношение к природе и к людям, пройти все десять Сфер Света, почувствовать их порядок и гармонию, а уж потом решать...

— Что решать? — не понял Тарас.

— Нужна ли тебе такая ответственность. Ибо могущество — это прежде всего ответственность за судьбу всего сущего. Владение с и л а м и требует жестокой самодисциплины и твердости духа, безусловного подчинения своих желаний Предназначению.

— А если я не знаю своего... предназначения?

— Будешь идти правильным путем — понимание придет. Станешь на путь удовлетворения страстей, как это сделал Дмитрий, превратишься в слугу Монарха Тьмы...

Разговор этот происходил давно, однако запомнился Тарасу на всю жизнь. С тех пор он много узнал и многому научился, хотя не был уверен, что подошел к овладению с и л а м и Бога достаточно близко. Метаязык, которым пользовались Инсекты и Перволюди и который являлся отражением Дэванагари, праязыка, базировался на звукорядах, не связанных с артикуляцией и резонансами голосовых связей человека. Человеческое горло просто было не в состоянии произносить божественные императивы — с л о в а и формулы воздействия. Инсекты обошли этот барьер тем, что создали особые семантикограмматические синтезаторы, воспроизводящие з а к л и н а н и я. Перволюди пытались усовершенствовать собственные звукогенераторы — горло и гортань, но, добившись успеха, уничтожили цивилизацию. Их потомкам надо было начинать с нуля, с поисков древних Текстов, описывающих с и л ы и их воздействие на живое.

Знание об этом не было утеряно, сохраняемое адептами Внутреннего Круга, которые с трудом удерживали глобальное равновесие Тьмы и Света, Добра и Зла. Но иногда происходили утечки опасной информации, и мир снова оказывался на пороге очередного кризиса, высвобождая запасы зла и агрессии в этнических конфликтах и войнах.

Мало того, поиском методов воздействия на людей и вообще на физические законы занимались уже не одиночки-энтузиасты, доморощенные маги, а целые научные коллективы, и добивались успехов, не догадываясь, что их технологии по сути являются фрагментами единой «божественной технологии», опирающейся на законы магического оперирования пространством, временем и материей.

— Заходи, — появился в дверях кухни Елисей Юрьевич и по-манил Тараса рукой. — Поужинаем здесь.

Тарас очнулся, послушно двинулся на кухню, где хозяин уже расставил на столе приготовленные блюда: кулебяку с грибами, жареную картошку и салат из свежих овощей. Жена Елисея Юрь-

евича Вера Павловна уехала к матери в Чечню, и он уже вторую неделю хозяйствовал сам. Правда, поваром он был отменным и, в отличие от Тараса, мог приготовить самое замысловатое блюдо.

Поужинали молча, думая об одном и том же. Затем взяли по кружке горячего клюквенного морса и устроились в гостиной, напоминавшей библиотеку, картинную галерею и геологический музей одновременно. Здесь же в уголке стоял и компьютер; отдельного кабинета Елисей Юрьевич не имел.

Наступило время беседы, и Тарас рассказал учителю о «виртуальном» походе в прошлое своего рода, о бое гигантов-Перволюдей и о находке Гипертекстов, зашифрованных «рунными сотами» летающей крепости веспидов.

— Я вернусь туда, — поспешил добавить Тарас, закончив повествование и видя задумчивость собеседника. — Это будет нетрудно, я запомнил момент выхода. Поскольку предок начал изучение артефакта, от своих намерений он не отступится, и мы наверняка сможем прочесть, что записано в Текстах.

— Не факт, — качнул головой Елисей Юрьевич; в стареньком спортивном костюме он напоминал тренера дворовой команды. — Информация Текстов может оказаться недоступной восприятию предка, и тогда он просто запрячет Тексты в хранилище. Но вообще твой род очень могуч и интересен, гораздо информативнее моего. У тебя великое будущее, если ты, конечно, сможешь перекачать информацию из кладовых подсознания в сознание и правильно выберешь цель.

— Постараюсь, — скупой улыбнулся Тарас. — По долгу службы мне иногда приходится заниматься математическими и инженерными расчетами, и я задался вопросом: существует ли группа матпреобразований, которая приводит Мироздание к Богу?

— Ну и как? — приподнял бровь Елисей Юрьевич. — Ответ положителен?

— Я понял, что одному мне эту проблему не одолеть. Хотелось бы знать, не занимался ли ею кто-либо из Посвященных?

— Конечно, занимался, и ответ уже имеется, но каждому идущему лучше находить решение самому.

— Вы тоже нашли его сами?

— Нет, меня интересовали другие проблемы. Я искал и ищу истоки Мироздания, иными словами — материнскую, или матричную, реальность, ибо реальностей много, а Начало Начал — одно.

— Значит, наша реальность — не материнская?

— Наша реальность запрещенная.

— Кем?

— Теми, кто имеет право запрещать.

Тарас подождал продолжения, но Елисей Юрьевич молчал.

— Странно... я никогда не слышал о том, что наша реальность запрещена.

— К сожалению, мы живем в той реальности, которой заслуживаем.

— А как сильно наша реальность отличается от... э-э, материнской?

— Не знаю. Поиск не закончен, я все еще в начале пути, а прямого ответа в анналах Хранителей нет. Или этот ответ мне просто недоступен. Еще морсу?

Тарас поставил на стол пустую кружку, чувствуя прилив сил.

— Нет, спасибо, учитель. Больше одной чашки ваш морс пить нельзя, начинает тянуть на подвиги. Что вы в него добавляете?

— Это старинный рецепт, — ухмыльнулся Елисей Юрьевич. — Кое-какие травы, кое-какие корни, ягоды и вода, вот и все.

Он ушел на кухню.

Тарас покачал головой. Напитки, которые готовил учитель, снимали головную боль, бодрили, тонизировали и «подключали к космосу», по его собственному выражению, хотя ни о каких наркотических добавках речь не шла. «Зелье» действительно готовилось на травах, цветах и ягодах, и весь секрет крылся лишь в пропорциях добавляемых в настой ингредиентов и насыщении смеси положительной энергией. Однако Елисей Юрьевич знал толк не только в отечественных травах, ягодах и фруктах. Он умел приготовить и плоды экзотических растений, такие, как рамбутан, папайя или дуриан, употреблявшиеся в пищу особым образом.

Однажды учитель угостил ученика рамбутаном, так и не пригнавшись, где он добыл этот необычный фрукт. Тарас, никогда прежде не бывавший на Мальдивах, где растет рамбутан, и не встречавший его в московских ресторанах, с интересом повертел в руках плод рамбутана, похожий на морское животное величиной с детский кулачок. Шкурка у него была красная и волосатая, и казалось, что он вот-вот высунет ножки и побежит. Шкурку же следовало разрезать вместе с внутренним плодом и семечком, разделить от беловато-желтой мякоти и лишь потом съесть эту

плоть, оставившую во рту ощущение свежести и изысканной терпкой сладости.

Пробовал Тарас у Елисея Юрьевича и мангостин, фиолетовый шарик размером с яблоко. С ним надо было поступать так: аккуратно разрезать кожуру по кругу, снять верхнюю часть и ложкой извлекать белоснежные, кисло-сладкие дольки сердцевины. Но больше всего Тарасу понравилась пассифлора, или «цветок страсти». Эта ягода величиной с лимон содержит не только много витамина С, пектин и полезные для организма кислоты, но и алкалоиды, действительно повышающие сексуальное желание. Контролирующим свои чувства людям пассифлора не вредна, а вот привыкших потакать своим желаниям она способна довести до эмоционального взрыва.

Елисей Юрьевич вернулся в гостиную, неся в руке желтовато-коричневый плод пассифлоры. Он словно прочитал мысли гостя, собравшегося идти на встречу с женщиной. С Оксаной Тарас был знаком уже три года, хотя о женитьбе разговора не было. Оксана была замужем, мужа не любила, но и бросать его не собиралась, и такое положение устраивало всех.

— Возьми, — протянул «лимон» Тарасу Елисей Юрьевич. — Тебе сегодня пригодится.

Тарас смутился, хотел спросить: откуда вы знаете? Но передумал. Вместо этого задал другой вопрос, принимая подарок:

— Где вы их берете?

— Друзья привозят, — небрежно отмахнулся Елисей Юрьевич.

Тарас кивнул, подумав, что этими друзьями могут быть только сотрудники ФСБ, с которыми учитель работал вместе много лет.

— Спасибо, я пойду, пожалуй. Когда мы начнем очередное погружение?

— Отдохни пару дней, опиши, что видел. Надо подготовиться как следует, чтобы не проскочить момент истины. Глубокая генетическая память — не библиотека, штука капризная, иногда выкидывает такие сюрпризы, что приходится выгонять из себя зверя.

Тарас посмотрел на Елисея Юрьевича непонимающе, и тот добавил:

— При неосторожном вскрытии наследственных «файлов» могут возбуждаться «секретки» — скрытые гены, в результате че-

го сознание погружается в психику дочеловеческих предков — тех животных, которые предшествовали появлению людей.

— Инсектов?

— Инсекты тоже имели своих предков. Вот почему спуск к корням генетического древа требует подстраховки. Одному это делать не рекомендуется.

— Но я пробовал спускаться один, и ничего... — признался Тарас виновато.

— Будь осторожен, воин. Если ты нащупал оптимальный режим погружения, это хорошо, если надеешься на авось — рискуешь когда-нибудь застрять в собственном прошлом.

— Как это? — озадачился Тарас.

— Попросту говоря, ты не сможешь выйти из сферы памяти предка и будешь вынужден «прожить» его жизнь

— То есть я... умру вместе с ним?

— Не умрешь, но сойдешь с ума.

Тарас внутренне поежился.

— Хорошо, я буду осторожен.

Они попрощались, пожав друг другу руки, и Елисей Юрьевич закрыл дверь за учеником, не запирая ее. Он никогда не закрывал дверь на замок, даже уходя из дома, и еще не было случая, чтобы его квартиру ограбили. Это работало заклинание «ограничения доступа», или по-русски — «от ворот поворот». Когда-то Тараса поразило это обстоятельство, красноречиво показывающее возможности учителя, но впоследствии он и сам научился наговорам и простым заклинаниям, не требующим особых навыков.

Во дворе старенького двенадцатиэтажного дома — Елисей Юрьевич жил в Митине — уже зажглись фонари, хотя время было не позднее — девять часов с минутами. Однако небо было затянуто тучами, накрапывал дождик, и казалось, что наступила ночь.

Начало апреля в этом году выдалось холодным и дождливым. С одной стороны, дожди оказались благом, так как принесли долгожданную весну, быстро согнав снег, с другой — они не позволяли этой самой весне развернуться во всю силу, и температура даже в погожие апрельские дни не поднималась выше десяти градусов.

Подняв воротник плаща, Тарас перебежал двор и нырнул в кабину своей темно-синей «Вольво» восьмьсот пятидесятой модели. На такой машине ездила семья вернувшегося в Россию графа Шереметева, о чем писали газеты, и коллеги по работе про-

звали Тараса Графом, не зная, что точно так же его дразнили в детстве. Впрочем, он не обижался на кличку, считая, что лучше пусть его называют Графом, чем Рэкетиром или Мафиози. Хотя машину он купил, во-первых, за свои собственные деньги, а во-вторых, поддержанную, четырехлетней давности.

Внезапно запиликал мобильный телефон.

Тарас достал трубку. Звонил Марат Барамидзе, великолепный теннисист, входящий в мировую элиту, и он же — дальний родственник Тараса по материнской линии. Года четыре назад он помог Тарасу переехать из подмосковной Кубинки в столицу, и с тех пор они встречались довольно часто, когда Марату удавалось вырваться из турнирного колеса для посещения отца и мамы.

— Привет, Граф, — раздался в трубке веселый голос Барамидзе. — Я в столице. Не занят?

— В общем-то нет, — почти искренне ответил обрадованный Тарас.

— Тогда бери тачку и жми в «Континенталь» на Садовой-Триумфальной, я заказал там столик. Сколько тебе ехать?

Тарас бросил взгляд на циферблат часов.

— Минут сорок.

— Жду.

В трубке заиграла мелодия отбоя.

Тарас улыбнулся, мысленно развел руками, прося прощения у Оксаны — извини, в другой раз, — и поехал в центр города.

Глава 3

КРАСИВО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ

Марат ждал его у входа в ресторан, нетерпеливо прохаживаясь перед коричнево-золотыми зеркальными — от тротуара до второго этажа здания — окнами. На нем был бежевый плащ в стиле «тренч-кот», с обилием деталей, и белоснежный шарф, в туфлях от Vgioni отражался свет фонарей, отчего двадцатисемилетний теннисист походил на молодого банкира, а не на спортсмена.

Они обнялись, и Марат повел Тараса в ресторан, не обращая внимания на склонявшихся перед ним швейцара и метрдотеля, хорошо знавших своих постоянных клиентов.

Под плащом на Марате оказался приталенный пиджак из серебристого вельвета, однобортный, на три пуговицы, прямые брюки из золотой кожи и белая рубашка без галстука. Марат не стал снимать шарф, подчеркивающий его «продвинутый» вкус.

Тарас был ненамного старше племянника, однако предпочитал классический стиль и носил либо темно-серые костюмы в голубоватую или фиолетовую полоску, либо все белое. Нынче на нем был темно-серый костюм, белая рубашка и галстук в диагональную полоску, так что он ничем не отличался от посетителей «Континенталья», если не считать спокойствия и уверенности, которым дышал весь его облик.

Ресторан «Континенталь» был камерным тихим рестораном, полным антикварных вещей, словно гостиная в старом аристократическом доме. Гостей здесь встречали приветливо и радушно, как хороших знакомых, и кормили блюдами европейской кухни.

Столик, к которому их подвел метрдотель, был накрыт на троих, и Тарас обратил на это внимание.

— Должны были прийти две мои девушки, — отмахнулся Марат, провожая глазами красотку с ногами от шеи и голой спиной. Кивнул на нее со смешком: — Видал стоп-модель? Хочешь, познакомимся?

— Не хочу, — улыбнулся Тарас, невольно завидуя напору и жизнерадостности Марата. — Ну и где же твои знакомые?

— Они подруги, сегодня у них съемка, так что они не придут. Вот я и позвонил тебе. Ничего, я с ними завтра пересекусь.

— И ты встречаешься сразу с двумя?

— А что тут такого? — удивился теннисист, изучая меню. — Им нравится, а мне и подавно.

— Ты же собирався жениться на какой-то спортсменке.

Марат поморщился.

— Это было случайное увлечение, да и рано мне еще жениться. Женщин хороших много, а жениться надо только по любви, на одной-единственной. Ты вон тоже еще холостой, и ничего, жив-здоров.

Тарас кивнул, с интересом разглядывая красиво вылепленное смуглое лицо собеседника. Он и сам думал так же, но не предполагал услышать подобные речи от парня, у которого в каждой стране было по сотне поклонниц.

— Я где-то читал, что один сорокалетний австралиец, который был женат дважды, и оба раза неудачно, решил связать себя брачными узами с телевизором.

— Бред! — рассмеялся Марат.

— Может быть, эту историю выдумали журналисты, но свадебная церемония прошла по всем правилам — со священником и обручальными кольцами.

— Шизофрения! — убежденно заявил Марат. — Запад вообще болен, ты представить не можешь. Я часто езжу по Европе и по Америкам и везде встречаюсь с подобного рода кретинизмом. Иногда тошно становится: неужели человечество действительно деградирует, как утверждают ученые?

— Не все человечество, — усмехнулся Тарас. — Россия пока держится, и есть шанс, что сумеет сохранить духовный потенциал.

— Дай-то Бог! Мне много раз предлагали другое гражданство, а я между тем люблю родину и никогда отсюда не уеду, хотя и бываю здесь нечасто. Ну, что будем заказывать?

Тарас пожал плечами.

— Вообще-то я поужинал.

— Где, если не секрет?

— У учителя.

— Ты все еще тренируешься у него? По-моему, ты давно можешь тренировать сам.

— Совершенствовать умения можно всю жизнь, тем более что этому процессу нет предела.

— Это философия, а на практике очень быстро достигаешь потолка, и тогда становится скучно. Тебе не приходилось переживать это ощущение?

— Нет, — покачал головой Тарас. — Как может быть скучным любимое занятие?

— Иногда приедается, — признался Марат со вздохом. — Особенно если достиг всего, чего хотел. Но без тенниса, конечно, я прожить долго не смогу. Ну, а ты до чего досовершенствовался? Какой сидхой овладел?

— Сиддхой, — поправил Тарас; когда-то он дал племяннику почитать кое-какую санскритскую эзотерическую литературу, в том числе об индийской школе самореализации, и Марат заинтересовался ею, хотя и ненадолго.

— Ну, сиддхой. Я пытался попрактиковаться, используя твои методики, но добился только уменьшения веса. Хотя в игре это

довольно сильный козырь, я долго не устаю. Так какой сиддой ты занимаешься сейчас? Небось уже научился летать или становиться невидимым?

Тарас неопределенно пожал плечами. Однажды он показал Марату, что такое т е м п, то есть сверхскорость, исчезая в одном месте и появляясь в другом, и этим сильно озадачил теннисиста, считавшего свою реакцию идеальной. В настоящее время Тарас под руководством учителя готовился овладеть вянти — тонкой силой восприятия мыслей, чувств и энергии других людей, и кое-что у него уже получалось.

— Ладно, давай полакомимся местной кухней, — сказал Марат, видя, что его более старший родственник не расположен к откровениям. — Я закажу гуся с яблоками, пару салатов, грибной жульен и сладкое. Что будем пить?

— Минералку, — сказал Тарас.

— Тогда еще мускатное шампанское. До следующего турнира ровно неделя, так что я могу позволить себе расслабиться. А ты по-прежнему не потребляешь ничего алкогольного?

— Глоток шампанского и мне не повредит.

— Тогда поехали.

Марат взглядом подозвал официанта, сделал заказ. Тарас попросил холодной минеральной воды и, в свою очередь, заказал тушеные баклажаны, чтобы не сидеть сложа руки, пока племянник будет есть.

— Мясо не любишь? — посмотрел на его блюдо Марат. — Или твоя религия есть его не велит?

— Моя религия — самореализация, — сказал Тарас, не обижаясь на шутку. — А мясо можно заменить десятком других продуктов, богатых белками и аминокислотами. Раньше я любил хорошо приготовленное мясо. Просто я не голоден, поужинал у учителя. Кстати, он мяса вообще не ест.

— Боится трансжиров?

— Едва ли, в природных продуктах трансжиры практически не содержатся. Но вот шутить по этому поводу не стоит. Трансжиры действительно вредны, так что ты поосторожнее с жирной пищей, да и маргарина ешь поменьше за границей.

— Я его и так не потребляю, фигуру блюду. Я слышал, что трансжиры способствуют развитию атеросклероза и приводят к инфарктам.

— В том числе. Страшнее то, что они нарушают работу ключевых ферментов, обезвреживающих химические шлаки орга-

низма и канцерогены. Вон посмотри. — Тарас скосил глаза на столик у стены, где сидели двое толстяков, уписывающих за обе щеки поросенка под хреном. — Не хочешь присоединиться?

— Чтобы быть похожим на них? Не хочу. Хотя поросенок — это вкусно. А вот видел бы ты трапезу одного йога в Индии — сна бы лишился. Я был в Калькутте и заходил в один из ресторанов, так этот йог живьем глотал ящериц и змей, запивая их бензином.

— Не может быть, — не поверил Тарас. — Бензин не усваивается организмом даже в малых количествах.

— А он пил! Я сам наблюдал. Вообще-то сколько наций — столько и видов пищи, которую они употребляют. Я поездил по миру, знаю. В Корее, к примеру, выводят породы «мясных» собак. В лондонском Сохо едят консервы из сверчков, пчел, гусениц, тараканов, муравьев и даже из мучных червей. А китайцы вообще едят все, что движется: от улиток и слизней до летучих мышей и ежей.

Тарас кивнул.

— Я читал об этом.

— А я видел собственными глазами.

— Что ты хочешь от китайцев? Их так много, что начнешь есть все живое и неживое, лишь бы выжить. Интересно, что бы сказали любители насекомых, узнав, что едят по сути своих трансформированных предков?

Марат поднял бокал с шампанским.

— Ты мне это уже не первый раз говоришь, намекая на родственные связи людей и насекомых, а потом таинственно умолкаешь. Ты так шутишь или знаешь истину? С чего ты взял, что мы родственники тараканов?

— Истину знает один Господь, мы, к сожалению, можем только приближаться к ней. Когда-нибудь я тебе расскажу о наших прямых предках — блаттоптера сапиенс. Сегодня у меня не то настроение.

— Ты всерьез считаешь тараканов нашими предками? — удивился Марат.

— Я это з н а ю, — кивнул Тарас.

— Ну, знаешь ли... — покрутил головой теннисист. — Боюсь, ты там на своей работе перегрелся. Кстати, что нового у экологов?

— Все старое. Хотя на самом деле экология у нас является набором страшных мифов, страшилкой журналистов, а более всего — инструментом политического давления.

— Даже так?

— Как специалист утверждаю. — Тарас имел в виду, что работает экспертом Национального комитета экологической безопасности. — Но давай лучше о чем-либо более веселом.

— За встречу!

Они сдвинули бокалы, отпили шампанского: Тарас — глоток, Марат — почти весь бокал.

— Хорошее шампанское... Что ты имеешь в виду, говоря об экологии, — «набор страшных мифов»?

— Что виноваты в загрязнении природы не газ, нефть, химия и атомные электростанции, как об этом трубят «зеленые», а конкретные люди. Я был в командировке в одном из районов Башкирии, где и в помине нет никакой промышленности, а тяжелых заболеваний регистрируется в два раза больше нормы. Молва утверждала, что это след комбината «Маяк», хотя находится он далеко от этого места и на ближайшие районы не влияет. А оказалось, что в этой зоне находилось дно древнего океана с отложениями солей тяжелых металлов.

— Ну, это единичный случай.

— Не единичный, хотя примеров сбрасывания отходов куда попало хоть отбавляй. И тем не менее самый сильный удар по среде обитания наносят не новые технологии и промышленность как таковые, а сам человек, живущий одним днем. Между прочим, первым фактором загрязнения воздуха является транспорт и электроэнергетика, а не химические заводы. А воду загрязняет более всего жилищно-коммунальное хозяйство и пищевпром, а уж потом нефтехимия. Я уж не говорю о радиационной опасности, которая для России в пятнадцать тысяч раз меньше алкогольной.

— Это выдумки журналистов, — хмыкнул Марат.

— Это статистика.

— А Чернобыль? Вдруг где-нибудь еще такой же реактор бабахнет?

— Не бабахнет, таких реакторов больше не делают, а Чернобыль вообще проблема из проблем, не решенная теоретически до сих пор. Во всяком случае, на стечение обстоятельств это не похоже.

— А на что похоже?

— На вмешательство неких сил, «тарантулов тьмы». Уж очень им хотелось... — Тарас замолчал, занявшись едой.

Марат выпил еще один бокал шампанского, раскраснелся. Поковырялся вилкой в грибном салате.

— Это твои фантазии или тебе кто-то рассказал, как было дело?

— Утверждать не берусь, но то, что мне удалось узнать, похоже на правду.

— Что похоже на правду? Что хотелось этим самым... «тарантулам»? Не бойся, я никому не сообщу, просто любопытно.

— Я не боюсь, — улыбнулся Тарас, — хотя праздное любопытство обычно к добру не приводит. «Тарантулы тьмы» — это психофизические структуры, эгрегоры, пытающиеся подчинить системы светлых сил на Земле и вообще все человечество, превратить его в «расходный материал» для своих опытов. Один из таких «тарантулов» решил проверить свою силу, спровоцировал разнос чернобыльского реактора, но справиться с остановкой процесса не смог. А реактор не взорвался потому, что вмешались светлые иерархи.

Марат перестал есть, с недоверием разглядывая серьезное, спокойное лицо собеседника.

— Неужели это правда?

Тарас промолчал. Марат Барамидзе был далек от всякой эзотерики и мистики, в тайные союзы и оккультные силы не верил и жил так, как хотел, не привязываясь к каким-либо теориям.

— Обещай, что посвятишь меня во все это, — потребовал теннисист, оценив молчание родственника. — Скоро моя спортивная карьера закончится, и я займусь изучением всего того, что изучаешь ты. Или будет уже поздно?

— Учиться никогда не поздно, смотря какую цель поставить. Но давай сменим тему, мне тоже хочется услышать о твоих подвигах. Откуда прибыл в Москву на этот раз?

— Из Германии, дошел до полуфинала «Кубка Берлина».

Марат оживился и принялся описывать свои переживания до игры, во время игры и после. Тарас слушал его с удовольствием, получая подпитку бодрости и оптимистического отношения к жизни. Марат был счастливым человеком, поднявшимся на Олимп профессионального тенниса не только с помощью упорного труда, но и благодаря особенностям характера, жизнерадостного и легкого.

Незаметно пролетели два часа, пришла пора расставаться, и Тарас почувствовал, что в компании с парнем-везунчиком вполне отдохнул. Можно было возвращаться к своим рабочим про-

блемам и готовиться к следующему погружению в бездну родовой памяти.

Марат заплатил за ужин, не дав это сделать Горшину, и они направились к выходу из ресторана, провожаемые взглядами молодых, хорошо одетых красавиц, сидевших парами и поодиночке в ожидании кавалеров. Обычно они подсаживались для знакомства за столик к тем, кто заявлялся в ресторан без дам, однако к беседующим родственникам не подошли. Тарас заранее поставил вокруг столика «завесу интима», отпугивающую всех, кроме обслуживающего персонала.

На улице царствовала холодная и сырая апрельская ночь. Дождь перестал, но уюта и тепла от этого не прибавилось. Гулять по улицам по такой погоде не хотелось.

— Все еще на своей старушке ездешь? — похлопал по капоту «Вольво» Марат. — Пора менять. Хочешь, я тебе свой «мерс» отдам?

— Спасибо, не надо, — хмыкнул Тарас. — На твоей торпедке только в соревнованиях участвовать, а я не спортсмен, как ты.

Марат хохотнул.

— Да, машина — зверь, не ездит, а низко летает. Люблю прокатиться с ветерком. Пошли, покажу свой телик.

Они подошли к серебристому трехдверному «Мерседесу» полуспортивного типа, стоящему прямо напротив въезда на паркинг ресторана, среди мощных джипов и других «Мерседесов». Марат открыл салон и показал встроенный в панель управления дисплей телевизора.

— «Элджи», ловит все программы.

— Когда же ты успеваешь его смотреть? — покачал головой Тарас. — Не во время движения, я-надеюсь?

Марат засмеялся.

— Можно и во время, компьютер сам притормозит или остановит машину, если что.

В это время на площадку въехал огромный «Лексус» редкого сиреневого цвета, остановился напротив. Из него выглянул здоровенный бритоголовый бугай в черных очках (ночью!), в белом костюме с черным галстуком.

— Эй, мужик, выкатывайся побыстрей, я аппарат поставлю.

Тарас и Марат переглянулись.

— А повежливей попросить нельзя? — сказал Марат.

Бритоголовый вытаращил глаза.

— Что ты брякнул?!

Марат демонстративно хлопнул дверцей машины.

— Подождешь, я раздумал выезжать.

— Ты на кого трусами машешь, козел?! — изумленно pokrутил головой здоровяк. — Здесь же каждая собака меня знает!

— Собаки, может, и знают, а люди нет. Ставь свой аппарат, где хочешь, мест хватает.

— Ну смотри, я тебя предупредил!

Джип сдал назад, развернулся и, проезжая мимо, вильнул вправо, так что его мощный никелированный бампер снес номер на бампере «Мерседеса» и разбил блок-фару. Как ни в чем не бывало «Лексус» еще раз повернул и занял место в соседнем ряду машин, в десятке метров от остолбеневшего Марата. Из него со смехом выбрались трое парней в белых костюмах, похожие друг на друга, как патроны из одной обоймы, и вальяжный господин в смокинге.

— Вот сволочь! — опомнился Марат. — Он же мне фару разбил! Я же его за это...

Теннисист сунул руку в бардачок машины и достал пистолет. Тарас понял, что пора брать ситуацию под контроль.

— Не суетись, — спокойно сказал он, накрывая пистолет ладонью и заставляя руку с пистолетом опуститься. — Не хватало нам только стрельбы.

— Это газовый...

— Зато у них наверняка настоящие. Попробуем договориться.

— Ну что, козел, доквасался? — сказал, подходя, бритоголовый бугай в очках. — Я тебя предупреждал. В следующий раз не будешь зазря рот разевать.

В следующее мгновение Тарас сделал выпад пальцем в брюхо парня, и тот, икнув, схватился за живот и осел на тротуар. Удара никто не заметил, кроме Марата, имевшего хорошую реакцию.

— Прошу прощения, господа гангстеры, — вежливо сказал Тарас, не выпуская из поля зрения остальных мордоворотов. — Мы вынуждены вызвать патруль ДПС, так как ваш аппарат нанес повреждения нашему. Правда, можно договориться и без этого, если вы благородно согласитесь оплатить расходы на ремонт.

Господин в смокинге с блинообразным лицом покосился на своего скорчившегося водителя, прошагал мимо, бросил через плечо:

— Разберитесь с ними.

Скрылся за зеркальными дверями ресторана, которые распахнул перед ним предупредительный швейцар.

— Ну, бля чернозадая, ты нам сейчас... — угрожающе начал бугай с челочкой над узким лбом, сунув руку под мышку.

Тарас шагнул к нему и звонко шелкнул по лбу, перехватил руку парня и направил ствол армейского пистолета «волк» (калибр девять миллиметров, магазин на шестнадцать патронов, прицельная дальность стрельбы сто метров) на замершего напарника бугая с челочкой.

— Спокойно, малыш, лучше тебе не хвататься за свою пушку, можно случайно пораниться. Чьи вы «шестерки»?

— А? — вспотел бугай, глядя на зрачок пистолета.

— Кто ваш босс?

Парень с челочкой облизнул губы.

— Он тебя из-под земли достанет!..

— Я не клад, чтобы меня доставали из-под земли, — терпеливо проговорил Тарас. — Под землю нас еще запихнуть надо, чтобы достать. Я спрашиваю, кто твой пахан?

— Да я тебя, паскуда!.. — очнулся бугай с чубчиком, и Тарас снова шелкнул его по лбу особым образом, успокаивая.

— Ну?!

— Шейникис... Эдуард Артурович... бизнесмен...

— И каким же бизнесом он занимается?

— Нефть... бензин... у него двенадцать бензоколонок на Юго-Западе...

— Тогда понятно, почему он такой важный. В таком случае, у него есть деньги. — Тарас посмотрел на Марата, ошеломленного разворачивающимися событиями. — Сколько нам будет стоить ремонт?

Марат бросил взгляд на свою поврежденную машину.

— Да один бампер стоит полторы тысячи «зеленых»! Плюс блок-фара около тысячи... да плюс работа... всего три с лишним получится.

— Слышал? — повернул голову к охраннику Шейникиса Тарас. — Пошарь-ка по карманам, у тебя наверняка найдется требуемая сумма. Шеф потом возместит расходы.

— У меня только штука... — проямлил бугай.

— Тогда поищи у дружков.

Здоровяк наклонился над приходящим в себя водителем в черных очках, вытащил его бумажник.

— Тут две с мелочью... вот еще одна... всего три будет...

— Достаточно. — Тарас ловко выхватил деньги из руки охранника, протянул Марату. — Держи добровольный взнос, пока дают. Парни раскаялись.

Тарас выщелкнул обойму из пистолетов охраны и водителя, бросил оружие на асфальт.

— Забирайте свои грозные пушки, я сегодня добрый. А начнете шебуршиться, сдам всех мусорам, отсидите пару лет за ношение стволов. Кумекаете?

Охранник кивнул.

— Босс... тебя... по стене размажет... — сквозь зубы выговорил бугай в очках, сидевший на корточках.

— Передай ему, чтобы не мучился дурью, наживет крупные неприятности.

Тарас повернулся к охранникам Шейникиса спиной, взял под руку Марата:

— Поехали, спектакль закончен.

В кабине «Мерседеса» Марат окончательно пришел в себя, покачал головой, бросая восхищенные взгляды на невозмутимое лицо спутника.

— Я не предполагал, что ты знаешь такие приемчики. Где научился? В десанте?

— Я учусь этим приемчикам с детства. А когда долго занимаешься одним и тем же делом, в конце концов становишься профессионалом. Ты же стал теннисистом экстра-класса?

— Но то — теннис, а это — боевое искусство.

— Не имеет значения. Главное — для чего тебе то или иное знание. Я занимаюсь боем не для того, чтобы бить бандитам морды и крушить стены.

— А для чего?

— Мотивация у всех мастеров разная, но все сходятся в одном: жизнь — это иллюзия, реализующая борьбу страстей, и вся гамма техник должна всего лишь научить человека обходить эту борьбу, а не участвовать в ней. В идеале мастер должен не только эффективно противостоять атаке, но и предупреждать ее.

— Как это сделал ты?

— Я еще только учусь этому. Мой учитель вообще не допустил бы схватки. Его девиз: совершенствование боевого искусства — оптимальный способ познания самого себя. Поехали, не жди продолжения. Эти мальчишки сейчас опомнятся и вполне способны наехать еще раз.

Марат тронул машину с места, вывел на дорогу.

— Пожалуй, я позанимался бы единоборствами под твоим руководством. Возьмешь в ученики? Я когда-то в детстве боксом занимался.

Тарас улыбнулся.

— Ты уже не раз делал подобные заявления, а потом укатывал за границу.

Марат виновато шмыгнул носом.

— Турнирная сетка... я участвую в двух-трех десятках соревнований в год. Но вот увидишь, составлю график и буду приезжать заниматься борьбой.

— Поживем — увидим. Однако больше не конфликтуй ни с кем по пустякам, особенно с такими жлобами, как эти. Есть железное автодорожное правило, оно работает и в обычной жизни.

— Какое?

— Правило «трех Д»: дай дорогу дураку. Останови, я выйду, предпочитаю свою машину нигде не оставлять.

Марат засмеялся, притормозил.

— Я совсем забыл, что ты на своей тачке. Спасибо за урок, дядя Тарас. — Он снова прыснул.

— Будь здоров, племяш, — в тон ему ответил Тарас, вылезая.

Марат помахал рукой, вдавил педаль газа, и «Мерседес» исчез в переулках Садового кольца. Тарас проводил его взглядом, вернулся к «Вольво», мечтая уехать тихо и мирно. Продолжать выяснение отношений с бензиновыми мафиози не хотелось.

Ему повезло.

У «Континенталя» «шестерок» бензинового короля Юго-Западного административного округа Москвы господина Шейника уже не было. Тарас вздохнул с облегчением, завел двигатель, расслабился, и ему вдруг показалось, что на него сверху насмешливо посмотрел кто-то огромный, как планета, и черный, как бездна.

Глава 4

МОЖЕТ БЫТЬ, ПОДОЖДЕМ?

Звонок телефона раздался в тот момент, когда Елисей Юрьевич открыл глаза: сработала интуитивная система оповещения об изменении обстановки. Секунду он вслушивался в тишину квартиры, автоматически определяя время — пять часов утра, — бес-

шумно встал, хотя жена уехала в Грозный и он уже вторую неделю жил один, можно было не бояться разбудить ее, накинул халат и прошел в гостиную.

Гость ждал его, сидя в кресле, не зажигая света, хотя рассвет еще только начинался и гостиная пряталась в полутьме. Телефонный звонок был лишь вежливым средством предупредить хозяина о своем появлении.

Гостем на этот раз был один из носителей тайного знания — Адептов Внутреннего Круга, занимавший в его иерархии место гептарха. Звали его Герардом, и отвечал он за Анналы Преемственности, или, иными словами, за отбор и инициацию учеников. Возраст его Елисею Юрьевичу был неизвестен, но он подозревал, что гептарх живет на Земле не одну сотню лет, хотя выглядит как сорокалетний мужчина. Уровень же его биоэнергетики был на порядок выше, чем у Елисея Юрьевича.

Одет гость был в серую хламиду, напоминающую рясу и плащ одновременно, которая скрывала фигуру.

— Прошу прощения за столь ранний визит, мастер, — сказал он, пожимая руку хозяину. — Плохие новости. Благодаря вмешательству эмиссара Монарха Госдума приняла закон об «Упорядочении систем образования» в стране. Фактически это означает дальнейшее выхолащивание русского языка, что накладывается на глобальную природоотрицающую деятельность человека и ведет к деградации общества по примеру Америки.

Елисей Юрьевич остался невозмутим.

— На Земле давно действует система замещения этических и эстетических норм на абсолютно уродливые формы отношений и взглядов, внедряемые «тарантулом» Конкере. Мода, реклама, ток-шоу, эстрада, искусство, СМИ — везде засилье уродства! Что мы можем противопоставить этому?

— Пока в основном энтузиазм одиночек, вот почему так важен отбор учеников. Собственно, я пришел к вам поговорить о Посвящении вашего ученика Тараса Горшина. Однако есть и еще о чем побеседовать, близком к вашему уровню компетенции. Мы знаем, что Конкере готовит себе замену в среде Федеральной службы безопасности. Сможете его вычислить?

Елисей Юрьевич огладил пальцами подбородок.

— Попытаюсь.

— Только будьте осторожны, мастер, ошибок эта братия не прощает. Если Конкере вас засечет, возможна не просто прямая атака, но запуск целенаправленной программы уничтожения

системы воспитания, которую вы поддерживаете. А когда объем Зла на Земле увеличивается, достигнуть равновесия очень трудно, так как уровень Добра остается прежним и не зависит от роста населения. Потребуется время, чтобы восполнить утерянное, а проигрывать мы не имеем права.

— Зло многолико.

— Увы, мастер, это правда. Во все эпохи мы считаем Зло временным победителем, и это уже становится постоянным. Я все больше убеждаюсь, что человечество идет тем же путем, что и его предки — Инсекты. И осталось совсем немного до последней черты. Нам дали шанс исправить ошибки предков, но мы им не воспользовались, свернув на дорогу технического прогресса по подсказкам того же Конкере. А вам должно быть известно, что скрытая цель так называемого технического прогресса — уничтожение цивилизации.

Елисей Юрьевич промолчал, не желая спорить, хотя не считал положение настолько катастрофическим.

Гептарх понимающе усмехнулся.

— Я вас напряг, мастер, прошу извинить. С утра плохое настроение, что отражается и на мыслях, и на поступках. Теперь поговорим о вашем ученике Горшине. Вы настаиваете на Посвящении?

— Да, — твердо сказал Елисей Юрьевич.

— Вы уверены, что не ошибаетесь?

— Он готов.

— Он готов физически, но не психологически.

— Его нынешний уровень — Метатрон¹, хотя сам он не догадывается об этом, и он близок к овладению первым планом сил — Эхейх.

— Тем не менее он еще не изжил обычные человеческие слабости и такие негативы, как агрессивность и неадекватно жесткий отпор. Свежий пример: вчера вечером он избил охрану приемателя Шейникиса.

Елисей Юрьевич испытал неприятное чувство досады, но не выразил своих чувств.

— Значит, была причина.

— Шестерки Шейникиса разбили бампер машины его друга.

— Тогда речь об агрессивности не идет, это просто жесткий

¹Ангел Присутствия, уровень сил тонкого плана Космоса.

ответ, причем я уверен — адекватный. Но я приму вашу озабоченность к сведению и поработаю с Тарасом. Ручаюсь, он преодолеет соблазн использования своих сил без нужды и научится точно соразмерять их и соблюдать степень необходимой обороны.

— Уровней необходимой обороны всего два: внешний — сохранение тела, и внутренний — сохранение духа. Второй намного важнее.

— Я знаю.

— Я знаю, что вы знаете. — По губам гептарха скользнула тонкая печальная усмешка. — Но это не снимает с вас ответственности за де я н и я вашего ученика. Один раз вы уже ошиблись.

Елисей Юрьевич снова пережил неприятное чувство досады и вины. Его первый ученик Дмитрий Щербань не выдержал испытания с л о й и ушел от него, считая, что достоин большего в иерархии Круга, нежели предложенная ему ступень воинской интернатуры. Он желал большей свободы и не хотел подчиняться иерархическим законам Круга. А тот, кто уходит от одной команды, непременно окажется в другой. Доходили слухи, что Дмитрий перешел на сторону Конкере, который умел о б е щ а т ь.

Гептарх все еще смотрел с неопределенным сожалением, и Елисей Юрьевич сказал через силу:

— Он очень мощный парень и умный, но все же не настолько, чтобы овладеть метабоем. Не говоря о метаязыке. Информацию об этом он получал дозированно.

— Тем не менее, по моим сведениям, он знает уже три ступени «наваждения» и девять Ключей смысла метаязыка, а это уже почти ваш уровень, мастер. Дмитрий очень опасен, и с этим надо считаться. Ваш парень сможет ему противостоять?

Елисей Юрьевич ответил, помолчав:

— Не сразу, но сможет.

— Готовьте его по-максимуму. Как Горшин относится к «ходам внутрь самого себя»?

— Тарас до сих пор в шоке от того, что наши предки — блатоптера сапиенс, тараканы разумные.

Гептарх улыбнулся.

— В свое время я тоже был ошеломлен этим открытием. Но почему Аморфы трансформировали именно тараканов, а не Ин-

сектов посимпатичней — пчел или бабочек, к примеру, остается за пределами нашего понимания. Как ваш ученик отнесся к проблеме поиска Гипертекстов?

— Вполне нормально. Ему интересно, но этот интерес скорее познавательный, чем прикладной.

— Не получится ли так, что он самостоятельно расшифрует Тексты и уйдет от вас, как Дмитрий? Соблазну влиять на реальность с л о в о м поддавались и многие из нас.

Елисей Юрьевич покачал головой.

— Я знаю его достаточно хорошо. Он чистый человек.

Гептарх снова опечалился.

— Я вижу тридцатипроцентный вероятностный размыв траектории его движения в будущем. Это слишком много. Он непредсказуем.

— Я ручаюсь за него! — тяжело сказал Елисей Юрьевич.

— Может быть, все-таки подождем с Посвящением? Посмотрим, как он поведет себя дальше?

— Я понимаю ваши сомнения, но, с другой стороны, не понимаю, почему вы не доверяете мне. Случай с Дмитрием — не показатель. Я чувствую потенциал Тараса, он близок к магическому уровню понимания мироустройства и пойдет далеко.

— Если научится подчинять свои чувства долгу и Предназначению. Что ж, я вас понял, мастер. Готовьте своего ученика к испытанию. Какое деяние ему по силам?

— Вплоть до уровня вянти¹.

— Конкретная ситуация?

— Он получит задание от руководства проинспектировать ЗАО «Наслаждение» в Кадоме Рязанской губернии. Это совместное американо-российское предприятие по производству табака и сигарет. Есть сведения, что ЗАО допускает неконтролируемые сбросы отравляющих веществ в реку Мокшу.

— Хорошее дело. Я имею в виду инспекцию. Если ему удастся доказать злой умысел владельцев фабрики и если наш Комитет по экологической безопасности примет резолюцию о закрытии ЗАО, мы получим маленькую, но победу в борьбе против систе-

¹Одна из сиддх: сила восприятия от других людей мыслей, чувств, энергии и проецирование собственных мыслей в сознание других людей.

мы Конкере. Желаю вам удачи, мастер. Помните о предупреждении.

И гептарх исчез. Современные транспортные средства ему были не нужны, как и всем иерархам. Он знал способы внепространственного перемещения, которыми владели еще Инсекты и Перволюди.

Глава 5

КАДОМ

В Кадом Тарас приехал к обеду, получив директиву от Юлиана Львовича Самсонова, начальника Комитета, проверить выпуск газеты «Известия» о неблагоприятной экологической обстановке на северо-востоке Рязанской губернии. Газета ссылалась на источник — «Кадомские ведомости», в которых местные «зеленые» заявляли о сбросе в реку Мокшу ядовитых отходов кадомской сигаретной фабрикой, купленной некоей американской компанией и превращенной в ЗАО «Наслаждение».

Поехал Тарас на своей машине, чтобы сэкономить время, но не один, а с бухгалтером Комитета Ниной Павлиашвили, красивой грузинкой тридцати лет, имевшей большой опыт работы в Счетной палате. Она должна была проверить бухгалтерские расходы ЗАО на экологическую безопасность производства, имея карт-бланш на подобные проверки. Точно такой же документ о неограниченных полномочиях имел и Горшин, числившийся главным экспертом Комитета, только стоящие перед ним задачи были посерьезнее.

День пятого апреля начался дождем, но в Кадоме сотрудников Комитета (экологов, как остроумно называл своих подчиненных Юлиан Львович) встретило солнышко, и настроение гостей слегка поднялось, несмотря на предстоящую нервотрепку. Правда, настроение, в принципе, тут же и упало, так как выяснилось, что половина Кадома затоплена паводковыми водами.

Кадом, которому исполнилось уже более семисот лет, был своеобразным городом, архитектура которого уходила корнями в теремное зодчество. Из-за разлива Мокши его затапливало не раз, но городские власти, как всегда, реагировали на следствия, а не на причины, и старинные деревянные дома левобережья, простоявшие по две-три, а то и по четыре сотни лет, постепенно ис-

чезали, сменяемые безликими новостройками, участь которых была определена все тем же принципом «дешевого народного жилья» обеспечить существование людей хотя бы на два десятка лет. На большее рассчитывать не приходилось при том качестве строительства, которое демонстрировали отечественные строительные организации.

Более или менее качественные дома строили в центре города, где жили «отцы» города и «доны Корлеоне» местного криминального разлива.

Сигаретная фабрика «Наслаждение», выпускающая сигареты двух десятков наименований, в том числе «Кэмел-Р», что означало — «Рязанский верблюд», располагалась как раз на более высоком берегу Мокши, и затопление ей не грозило. Однако гостиница, куда сначала подались эксперты Комитета, находилась на границе затопленного участка города, и вид на торчащие из воды дома и деревья подействовал на спутницу Тараса угнетающе. Она вообще не отличалась разговорчивостью и общительностью, а тут и вовсе замолчала, изредка вскидывая на Тараса миндалевидные черные глаза. В конце концов выяснилось, что у нее на родине, в Цхартели, несколько лет назад сель снес дом, погибли мама, брат и бабушка, и Нина до сих пор не могла забыть весь этот ужас. Наводнение в Кадоме напомнило ей семейную трагедию.

Зная два одноместных номера в гостинице «Ока», эксперты поехали сначала в центр города, в редакцию газеты «Кадомские ведомости», предварительно созвонившись с ее редактором и договорившись о встрече.

Редактор — крупная женщина с решительным и жестким лицом, с тяжелым узлом льняных волос на затылке — пожала гостям руки и завела в свой кабинет, где умещались два стола, шесть стульев, шкаф и компьютер. Звали хозяйку Нелли Трофимовна Зеленчук, и в качестве главного редактора «Ведомостей» она работала уже два года.

— Трижды нас пытались закрыть, подавали на нас в суд «за клевету», угрожали, — заявила она, выяснив, с чем прибыли высокие московские гости, — но мы работали, причем честно и профессионально, смею вас уверить, и будем работать. Материал, о котором вы говорите, был добыт журналистами в ходе расследования, после чего, кстати, на сотрудника газеты было совершено нападение, и все данные вы можете проверить сами.

— Проверим, — пообещал Тарас. — Можем ли мы поговорить с этим вашим корреспондентом?

— Коля сейчас дома, долечивается, ему поломали пальцы, чтобы не писал больше «вредных статей».

Тарас и Нина переглянулись.

Нелли Трофимовна грустно улыбнулась, развела руками.

— Как видите, наша жизнь — не сахар, приходится работать и в таких условиях.

— Вообще-то к журналистам я отношусь, мягко говоря, настороженно, — призналась Нина, — особенно за их готовность писать по заказу, за деньги, но уважаю конкретных людей, которые не боятся пойти против чиновничьего или бандитского произвола. Кстати, вы в суд не подавали на тех, кто избил вашего корреспондента?

— На кого подавать в суд? — поморщилась Нелли Трофимовна. — Наша доблестная милиция не нашла бандитов. А угрозы в наш адрес продолжают.

— От кого, вы знаете? — поинтересовался Тарас. — Кто заказчик?

— Заказчик известен — гендиректор ЗАО «Наслаждение» господин Киселев Давид Евгеньевич. Но доказать вам это не удастся, и не пытайтесь.

— Посмотрим, — шевельнул уголком губ Тарас, обозначая улыбку.

Улыбнулась и Нелли Трофимовна.

— Я чувствую, вы смелые люди, такие редко встречаются в наше время, и тем не менее будьте осторожны. Администрация города, да и всей губернии, пожалуй, кровно заинтересована в бесперебойной работе «Наслаждения», так как местные чины получают оттуда «зеленую» подпитку. Поэтому будьте готовы ко всему.

— Мы готовы, — заверил женщину Тарас. — Дайте, пожалуйста, адрес вашего работника, мы поговорим с ним.

Редактор продиктовала адрес: жил Николай Белозеров как раз в затопленном секторе Кадома. Они поговорили еще немного о делах и заботах редакции, о положении города, о насущных проблемах его жителей, и московские гости откланялись.

В шестом часу Тарас и Нина оставили машину у отделения милиции на улице Шевченко и отправились искать плавсредство, чтобы добраться до двухэтажного деревянного дома на улице генерала Скобинова, где на втором этаже жила семья Николая Белозерова: мать, бабушка, он сам, жена и четырехлетняя дочь Саша.

Плавсредство нашлось через несколько минут — плоскодонная лодчонка, похожая на корыто. Ее хозяин помогал эвакуироваться тем, до кого дошла вода, и сразу согласился доставить приезжих по адресу, не требуя никакой платы. Договорившись с мужичком, чтобы он подплыл к дому Белозеровых через час, эксперты высадились на ступеньки деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, и постучали в крепкую на вид дверь, обитую толстым брусом.

— Кто там? — глухо спросили из-за двери.

— Гости из Москвы, — ответил Тарас.

— Не жду я никаких гостей, уходите!

— Мы действительно из Москвы, — заговорила Нина, прилизив губы к дверному косяку. — Из экологического комитета. Пришли поговорить с Николаем по поводу его журналистского расследования.

За дверью помолчали, потом загремел засов, дверь отворилась, и на пороге появился худой и бледный молодой человек с топором в левой руке. Правая у него была забинтована по локоть. Глянув исподлобья на гостей, он вздохнул со смущенным облегчением и проговорил:

— Извините, что я вас так встречаю, думал, это снова та братва пожаловала.

Тарас усмехнулся.

Парень смутился еще больше, опустил топор.

— Приходится вот держать под рукой колун. Вы и вправду из столицы?

— Не сомневайтесь. — Нина показала хозяину свою красную книжечку с тисненным золотом двуглавым орлом и буквами «НКЭБ Совета безопасности Российской Федерации».

— Тогда проходите. Только не обращайтесь внимания на раскардаш, у нас тоже сыро, отопление не работает, только электронагревателем спасаемся, и мы все спим в одной комнате.

Гости прошли за хозяином в квартиру, — он занимал половину второго этажа старого бревенчатого дома, а всего в доме до затопления проживали четыре семьи, — и увидели, как живет бесстрашный журналист Николай Белозеров, рискнувший заняться расследованием деятельности ЗАО «Наслаждение».

Описать обстановку квартиры можно было одним словом: бедность. И у Тараса сжалось сердце, когда он встретил взгляд широко раскрытых любопытных глазенок девочки, обеими ру-

чонками вцепившейся в юбку пожилой женщины, по-видимому, матери Белозерова.

Однако время торопило, и задерживаться гости в квартире не стали, отказавшись от предложенных чая и кофе, несмотря на заблаговременно приготовленную коробку конфет; эту коробку Тарас вручил дочке хозяина, и девчушка, застеснявшись, спряталась за бабушку.

Разговор занял всего двадцать пять минут. Николай показал материалы расследования, которыми располагал: результаты анализа воды в Мокше ниже и выше фабрики, воздуха вокруг ЗАО, сделанные энтузиастами местной санэпидстанции, а также видеокассету, где были зафиксированы пятна пены на воде, мертвая рыба, черный налет на листьях засыхающих деревьев, увядшая трава на берегу реки; съемку делали еще прошлым летом.

— Возьмите кассету, — предложил оживившийся Белозеров. — У меня еще есть. А вот вторую у меня изъяли. Мы сняли с вертолета всю зону вокруг фабрики, особенно болота, там было видно, где есть выходы отравляющих веществ на поверхность — сизые пятна, словно инеем земля покрыта. Там ничего не растет. Но вот где проходит труба, по которой фабрика сбрасывает отходы, мы не нашли. — Он виновато развел руками. — Группу не пустили, стреляли даже и собак спускали.

Нина и Тарас переглянулись.

— Мы этим делом займемся, — сказал Горшин. — Спасибо за информацию.

— Берегите себя, — добавила Нина. — Не лезьте на рожон.

— Но ведь кто-то же должен остановить этих бандитов, — с бледной улыбкой сказал Николай, баюкая руку. — Нельзя же всю жизнь бояться, прятать голову в песок, как страус.

— Это заблуждение, — качнул головой Тарас.

— Что? — не понял журналист.

— Что страусы прячут голову в песок. Это легенда, придуманная кем-то из первых австралийских путешественников и исследователей. Страусы просто пригибают головы к песку, понижая, чтобы их не было заметно издалека.

— Я не знал. А откуда вы... — Николай не договорил.

Снаружи послышался стук в дверь и чей-то громкий голос:

— Эй, писака, открывай!

Гости посмотрели на побледневшего хозяина. Тот ответил

беспомощным взглядом, посмотрел на возникшую из спальни жену.

— Не открывай, Коля, — сказала молодая и тихая женщина в халате, под которым уже обозначился животик — жена Белозерова ждала ребенка. — Это снова они...

— Я открою, — встал Тарас. — Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Он рывком распахнул дверь и увидел двух крупногабаритных парней в серых костюмах и сержанта-милиционера. Первый парень, с толстым мясистым носом и глазами-буравчиками, так и остался стоять с поднятым кулаком, оторопев.

— Слушаю вас, — вежливо и негромко сказал Тарас, ощутив в ауре милиционера.

Сержант, лет сорока от роду, очень толстый в поясе, но ощущаемо опасный и сильный, смотрел на Тараса, словно прицеливался, и зеленовато-серый оттенок его ауры говорил об отсутствии у этого человека каких-либо сомнений. Тем не менее в спектре ауры просматривались и темные струйки готовности подчиниться приказу, и коричневатые вихрики равнодушия и лакейской угодливости. И еще Тарас ощутил, что в настоящий момент сержант находится не на службе, несмотря на официальный вид, и подчиняется не своему непосредственному начальству.

Кроме трех визитеров, обнаружился еще четвертый — в моторной резиновой лодке, приставшей к лестнице вниз, у окон первого этажа дома.

— Гражданин Белозеров? — зычным, прокуренным басом проговорил милиционер.

— Нет, — ответил Тарас. — А в чем дело?

— Мне приказано доставить его в отделение. Где он? Пусть выходит.

— Во-первых, покажите ордер на арест. Во-вторых, представьтесь.

— Ты чего, оборзел? — выкатил глаза толстоносый громила. — Дай пройти!

Тарас остался стоять в дверях с выражением безмятежного спокойствия на лице, но глаза его посветлели, будто налились изнутри золотистым свечением.

Сержант замялся.

— Гражданин, вы мешаете работе органов правопорядка. Освободите проход или вызовите гражданина Белозерова.

— Ордер, — лаконично сказал Тарас, протягивая руку.

— Ах ты, падла! — Толстоносый здоровяк попытался схватить Тараса за грудки и вдруг отшатнулся и с криком сорвался с лестницы в воду, звучно шлепнулся о лодку, едва не потопив ее вместе с четвертым парнем.

Возникла пауза.

Сержант тупо посмотрел на бахтавшегося в воде спутника, перевел взгляд на Тараса, не сделавшего ни одного движения, и, видимо, что-то сообразил. Рука его потянулась к кобуре пистолета, замерла в нерешительности. Второй парень, такой же плотный и здоровый, с родинкой на щеке, шагнул было на ступеньку выше, собираясь силой проложить себе путь.

В этот момент в дверях появилась Нина, и гости остановились, разглядывая женщину.

— Что здесь происходит? — строго спросила Нина.

— Вы кто? — опомнился сержант.

— Инспектор из Москвы. — Тарас показал свои блеснувшие золотом «корочки» и спрятал в кармашек на груди. — Так как там насчет ордера, уважаемый слуга закона?

Сержант помолчал, туго принимая решение, повернулся спиной к Тарасу и Нине, бросил глухо:

— Поехали.

Парень с родинкой посмотрел на Тараса, наткнулся на его предупреждающе-холодный взгляд, вздрогнул и полез в лодку вслед за своим командиром, где уже сидел и матерился сквозь зубы мокрый здоровяк. Затарахтел мотор. Лодка с представителями местных властей направилась вдоль улицы к более высокой части города.

Из двери выглянул взволнованный Белозеров.

— Уехали? Как вам удалось их уговорить?

— Вам надо официально заявить в милицию об угрозах, — посоветовал Тарас. — Тогда такие визиты прекратятся.

— Но ведь это была милиция...

— Это были не милиционеры. Сделайте заявление в УВД и попросите, чтобы ваши коллеги, из тех, кому вы доверяете, пожурили у вас дома какое-то время, дня три. Когда мы разберемся с ситуацией на фабрике, вы вздохнете спокойно.

— Спасибо вам! — тихо поблагодарила гостей жена Нико-

лая. — Я говорила ему, чтобы не вмешивался, но он разве послушает. Теперь вот живем, как в тюрьме...

— Ничего, авось все образуется, — утешил ее Белозеров. — Нельзя, чтобы нас травили, а мы молчали. Это же наша земля, мы здесь родились, и здесь жить нашим детям. То ядерные отходы сюда везут, то химию... Как-то надо с этим бороться? Да и не один я. Видишь, люди даже из Москвы приехали. Надо держаться всем вместе, тогда выживем.

— Правильное решение, — кивнул Тарас. — Это у американцев философия — выживает сильнейший. Наша русская философия — всем миром победим! Удачи вам.

Попрошавшись с хозяевами, эксперты спустились вниз, подождали давешнего мужичка-перевозчика и покинули затопленную талыми водами территорию. Добрались до машины, думая о простых людях, не имеющих никакой защиты, кроме веры в справедливость. В кабине «Вольво» Тарас заметил:

— Этот парень разворошил осиное гнездо. Они не успокоятся, пока не заставят его замолчать. Ты не боишься, что и на нас наедут лакеи Киселева?

Тарас имел в виду гендиректора ЗАО «Наслаждение».

— Не боюсь, — повела плечиком Нина. — Мы не делаем ничего противозаконного. Это они пусть боятся, не соблюдая законы.

— Будь осторожна. Заметишь вокруг себя подозрительное шевеление, дай знать.

«Вольво» отъехала от здания Отдела внутренних дел, провожаемая взглядом охранника-милиционера, пересекла город и вскоре остановилась у проходной сигаретной фабрики. Территория фабрики была окружена высоким бетонным забором, из-за которого виднелись крыши двух зданий — административного и производственного корпусов — и высокая труба. Ворота в заборе рядом с проходной были металлические, тяжелые, раздвижные и не позволяли разглядеть территорию. Тарас, чувствуя на себе взгляды охраны — площадка перед проходной просматривалась телекамерой, — толкнул дверь проходной, пропустил Нину и вошел сам.

За турникетом справа стоял охранник в черном комбинезоне, с эмблемой сигарет «Кэмел-Р» на груди. На ремне у него висела кобура с пистолетом. Еще один охранник в черном сидел за окном слева у монитора и читал книгу или делал вид, что читает.

Они подняли головы и посмотрели на вошедших с одинаковым профессиональным равнодушием, которое было сродни предупреждению.

Тарас раскрыл удостоверение сотрудника НКЭБ, протянул охраннику у турникета.

— Вас должны были предупредить о нашем приезде.

Охранник мельком взглянул на удостоверение, посмотрел на своего напарника за окошечком. Тот снял трубку телефона, что-то проговорил, дождался ответа и кивнул, глянув на гостей:

— Пропусти. Вас ждут на втором этаже администрации, в приемной. Подниметесь по центральной лестнице — и налево.

Тарас и Нина вышли из проходной, направились к четырехэтажному зданию административного корпуса, за которым располагались два низких барака со стеклянными крышами, но без окон, и двухэтажный производственный корпус. Ветерок принес едва ощущаемые горьковато-приторные запахи табака и каких-то химреактивов. Нина на них не отреагировала, но Тарас уловил, подумав, что запах табачных листьев намного приятнее запаха сигаретного дыма и намного опаснее. Сам он никогда не курил, даже в юности, хотя и не считал этот процесс настолько вредным, насколько его считали вредным медики.

В холле административного корпуса, отделанном мрамором и ракушечником, их встретил суровый рослый молодец в черном, проверил документы и сопроводил гостей из столицы до приемной, где дежурил еще один охранник, вооруженный пистолетом. Было заметно, что руководство ЗАО «Наслаждение» не чувствует себя спокойно в местных условиях.

Секретарша, дама в возрасте, в строгом деловом костюме, с короткой стрижкой, нажала пальчиком клавишу селектора и проговорила низким голосом:

— Давид Евгеньевич, к вам товарищи из Москвы.

— Пусть войдут, — ответил селектор фальцетом.

Секретарша открыла дверь, эксперты вошли в кабинет директора.

Кабинет был просторен и сверкал фарфоровой белизной и хромированными деталями интерьера. Все здесь было суперсовременным — от мебели до прибамбасов делопроизводства.

Рабочий стол директора больше напоминал ажурный трехлопастной пропеллер из металла и стекла. На одной стеклянной лопасти стоял компьютер с клавиатурой, на второй лежали папки

из рифленой кожи и Z-блокноты, третья служила столешницей, на которой стояли изящные приборчики таинственного назначения и элегантные подставки для ручек и карандашей.

Второй стол — для приема гостей — имел вид кленового листа и был окружен деревянными стульями оригинальной формы.

Кроме столов, в кабинете присутствовали прозрачные шкафы с моделями космических кораблей и продукцией фабрики и стойки с благородной матовой хромировкой. Две картины на стенах размером метр на полтора — с туманно-зыбкими пейзажами, созданными напылением разных металлов на медной подложке, — довершали интерьер.

Хозяин кабинета, Давид Евгеньевич Киселев, оказался тучным молодым человеком с пышной шевелюрой, с усиками, помодному небритый. У него был большой нос и глаза неопределенного цвета. Одевался он в коричневый костюм, на зеленой рубашке сверкал золотой галстук, а на пальцах обеих рук директора Тарас насчитал семь разнокалиберных перстней.

Досье на директора Тарас изучил еще в Москве, поэтому знал о нем все, что было необходимо для работы.

Давид Евгеньевич начал свою деловую карьеру доцентом кафедры управления Дагестанской сельхозакадемии в тысяча девятьсот девяносто пятом году. Затем он возглавил Международный институт бизнеса «ОЛМА», два года жил в США, вернулся и стал одним из учредителей Союза защиты потребителей. Однако вскоре он попал под «колпак» правоохранительных органов и снова уехал за границу, где занялся торговлей сигаретами. Вернулся он в Россию уже в качестве генерального директора ЗАО «Наслаждение», вложив в фабрику немалые средства.

Первое время Давид Евгеньевич исправно платил налоги и даже занимался благотворительностью: переводил деньги на счета школ и детских домов, построил две синагоги и костел. Потом у него появились высокие покровители из Государственной думы и губернской администрации, после чего Киселев почувствовал себя господином положения. Он достроил вторую линию по производству сигарет «Голубой дымок» и «Кэмел-Р» и перестал обращать внимание на законы, зная, что губернатор, имевший треть акций фабрики, всегда прикроет его своей широкой спиной.

Однако в открытую ссориться с властями он не хотел и визитов НКЭБ принял с подчеркнутым радушием.

Предложил кофе, напитки, в том числе коньяк.

Выслушав, с какой целью прибыли в Кадом эксперты Комитета, он посетовал на журналистов, гораздых на досужий вымысел, и заверил, что представит всю необходимую для инспекции документацию и покажет производство. Договорились, что работать гости начнут с утра следующего дня.

— А пока я приглашаю вас сегодня вечером отужинать со мной, — заявил Давид Евгеньевич в конце беседы, не сомневаясь, что гости примут приглашение.

— Нет, спасибо, я не пойду, — отказалась Нина. — Неважно себя чувствую с дороги.

— Пожалуй, я тоже откажусь, — покачал головой Тарас. — Поброжу по городу и пораньше лягу спать.

— Понимаю, — осклабился директор. — Сам на вашем месте отказался бы, во избежание, так сказать. А городок наш весьма примечателен, есть что посмотреть. Затопленную часть вы уже видели, теперь погуляйте по центру.

Тарас заглянул в масляные глаза Киселева и понял, что тот знает об их визите к Николаю Белозерову. Однако уточнять этот момент не стоило.

Гости попрощались с владельцем ЗАО «Наслаждение» и вышли, провожаемые его недобрым взглядом.

В кабине «Вольво» Тарас задумчиво проговорил:

— Завтра у нас будет тяжелый день.

Нина промолчала. Она думала о том же.

Глава 6

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

Кадом действительно оказался своеобразным городом, где сохранились не только древние каменные церкви и монастырь, но и трехсотлетние деревянные дома. Однако бродил по городу Тарас недолго. Во-первых, потому что пошел дождь. Во-вторых, за ним следили. Заметить слежку было нетрудно, наблюдатели оказались неопытными, и оторваться от них не составило бы труда, но Тарас решил не предпринимать никаких активных действий и ждать, что будет дальше.

В книжном магазине в центре города он заинтересовался брошюрой «Происхождение жизни» американского ученого

Мишлера и, придя в гостиницу и попив в буфете чаю, улегся на кровати поверх одеяла с книгой в руках.

Профессор биологии Калифорнийского университета Брент Мишлер утверждал, что на Земле существует пять основных ветвей генеалогического древа живых существ, пять царств сложных организмов, а не два, как считалось раньше, — царство растений и царство животных. Только одна ветвь — зеленые растения — содержала более пятисот тысяч видов, включая все известные наземные растения, в том числе травы, мхи, лишайники и цветы, а существовали еще коричневые растения, красные растения, грибы и животные.

Мало того, ученый сделал вывод, что вся многообразная земная жизнь имеет одного «прародителя», а раньше считалось, что мхи и папоротники произошли от разных предков. А выход на сушу происходил не однажды, раз десять-пятнадцать, но только один-единственный выход увенчался успехом. При этом многие «захватчики» суши через некоторое время возвращались назад в воду. Мишлер имел в виду дельфинов и осьминогов.

Тарас отложил брошюру в сторону, вспоминая все, что он узнал о происхождении жизни от учителя и во время походов в прошлое, и решил еще раз спуститься «вниз», на самое «дно» родовой линии, чтобы проверить высказанные американцем гипотезы. Если верить эзотерической информации, процесс распространения жизни по суше происходил иначе, и первыми живыми существами на Земле были Аморфы, отличавшиеся и от растений, и от животных и представлявшие собой «квазизивые кристаллические организмы» величиной с горные цепи. Куда они ушли с Земли, достигнув высот понимания мира, оставалось загадкой, никаких следов своей жизнедеятельности они не оставили, если не считать таковыми человечество. После их ухода на Земле наступила эпоха Инсектов, разумных насекомых, едва не погубивших Землю, и последним деянием Аморфов стал акт трансформации Инсектов. Все гигантское царство Инсектов было просто уменьшено физически в пятьдесят-сто раз, а род блаттоптера сапиенс был изменен и дал начало роду Перволюдей, предков современного человечества.

Тарас разделся, снова улегся в кровать, сосредоточиваясь на внутренних ощущениях, пока не перестал слышать все внешние звуки. Однако закончить процесс формирования поля необходимости получения генетической информации ему не дали. Кто-то приблизился к двери его гостиничного номера, и сработавшая

сторожевая система отключила канал «спуска» сознания в глубины родовой генетической памяти.

В дверь постучали.

Тарас накинул на голое тело рубашку, прислушиваясь к тишине в коридоре гостиницы. За дверью было тихо, но обострившееся чутье подсказывало, что за ней сейчас притаились четверо человек.

Стук раздался снова.

— Кто там? — сонным голосом спросил Тарас.

— Девочку заказывали? — послышался игривый женский голос.

— Нет, — коротко ответил Тарас.

Молчание. Тихое шевеление за дверью. Сдержанный смех.

— Мы для вас сделаем скидку.

— Спасибо, не надо.

Тарас отступил, и вовремя.

От сильного удара дверь распахнулась, и в номер ворвались трое могучего телосложения парней, из-за спин которых выглянула молодая женщина с короткой прической. Один из парней, в коричневом костюме и зеленой рубашке (вспомнился наряд директора ЗАО «Наслаждение» господина Киселева), махнул рукой, оглядываясь, и женщина закрыла за ним дверь со сломанным замком, оставаясь в коридоре.

Все трое визитеров посмотрели на оставшегося спокойным Тараса. Затем второй громила, в куртке и кожаных брюках, достал пистолет, и Тарас узнал его: это был тот самый толстоносый здоровяк, что пытался пройти в квартиру Николая Белозерова в компании сержанта милиции.

— Ну вот мы и встретились, — ухмыльнулся он. — Руки за голову!

Тарас усмехнулся.

— Битому неймется?

Толстоносый нахмурился, демонстративно передернул затвор пистолета (тип 64, китайского производства, под патрон калибра семь и шестьдесят пять сотых миллиметра, пистолет средних качеств и к тому же легко идентифицируемый, странно, что им пользуются местные бандиты) и направил в лоб Тарасу.

— Ну, ты, эколог вонючий, руки за голову, я сказал, а то башку отстрелю!

— Не попадешь, — покачал головой Тарас. — Несерьезная у тебя пушка. — Он посмотрел на парня в коричневом, который

тут явно был главным. — Вы не ошиблись номером, господа хорошие? Может быть, предъявить документы?

— Мы знаем, кто ты такой, — глухим голосом проворчал вожак группы. — И знаем, куда и зачем приехал. Так вот давай договоримся. Завтра ты пишешь заключение о проверке фабрики, причем то, какое нужно, получаешь за это тысячу баксов и уезжаешь в столицу вместе со своей дамой. Годится такое предложение?

— Нет.

Парень в коричневом костюме выкатил глаза.

— Что ты сказал?!

— Видимо, вы не поняли, какую структуру я представляю.

— Ты что, идиот?! Кого бы ты ни представлял, здесь у нас один хозяин! А твоя контора далеко, смекаешь? Или ты принимаешь предложение, или...

— Что?

— Мы тебя обломаем.

— Большой, а без гармошки, — осуждающе качнул головой Тарас. — Как же ты меня обламывать будешь, ежели у тебя голова бо-бо, денежки тю-тю и во рту бяка?

Вожак в коричневом изумленно вытаращился. Его напарники в замешательстве переглянулись. Тарас наконец поймал нужный момент и, вытянув губы особым образом, выстрелил звуковой пакет, содержащий один из ключей метаязыка, способный становиться с тобой на физическом уровне.

Звук — нечто среднее между «о» и «у» — упругим шариком толкнул руку толстоногого, выбивая пистолет, отразился от стены комнаты и влип в ухо третьего парня, заставив его охнуть и схватиться за голову.

Тарас подхватил пистолет, навел на вожака в коричневом костюме, не успевшего вытащить свое оружие.

— Стой смирно! Пистолет заряжен. Я зол. Вы — налетчики. Получите сполна. Доходит?

— Ты, гад, отдай пушку! — опомнился толстоносый, бросаясь на Тараса.

Тот сделал шаг в сторону и с виду лениво нанес точный урaken — удар с полувращения кисти по носу кулаком. Здоровяк отлетел к стене и присел на корточки, держась за нос. Тарас настаивал на него палец.

— Сиди тихо! Говори мало. — Он посмотрел на третьего гостя, в куртке и спортивных штанах. — Руки за голову! К стене!

Парень молча повиновался.

Тарас повернулся к вожаку группы.

— Говори кратко. Кто послал?

Парень сунул было руку за пазуху, и Тарасу пришлось в темпе бить его под невероятным для нападения углом. Удар назывался рикен — «выхватить меч из ножен вбок», и от него вожака унесло по спирали к окну. Он запутался в ковре на полу, грохнувшись на кровать, едва не сломав ее, сел с ошеломленным видом, тараща глаза.

— Повторяю вопрос, — терпеливо сказал Тарас, закрывая дверь перед девицей, заглянувшей в номер на шум. — Кто послал?

Вожак помотал головой, глухо промычал:

— Он тебя отсюда не выпустит...

— Ну, это мы с ним будем решать. Кто?!

— Губер...

— Громче!

— Губергриц.

— Это что еще за птица?

— Начальник охраны...

— ЗАО «Наслаждение»?

Здоровяк поднял голову, криво усмехнулся — на его щеке лиловел отпечаток кулака Тараса.

— Думаешь, сильно крутой? Мы таких крутых в Мокше топили.

— Не сомневаюсь. Кстати, все, что здесь происходит, записывается, так что советую держать язык за зубами. А теперь уходите отсюда. Быстро!

Вожак с недоверием посмотрел на Горшина.

— Ты нас... отпускаешь?

— Мне надо отдохнуть перед завтрашним днем. А Губергрицу передай, что он меня очень сильно раздосадовал. Теперь я буду работать по полной программе.

— Ну, смотри... — с плохо скрытой угрозой проговорил вождь.

— Спасибо за совет. Конечно, я буду смотреть.

Боевики команды неведомого Губергрица зашевелились, двинулись к выходу из номера, поглядывая на хозяина. Тарас привычно выщелкнул из пистолета обойму, вернул его владельцу.

— Никогда не вынимай эту штуковину всуе. К тому же я не

уверен, что у тебя есть лицензия на ношение оружия. Ты меня понял?

— Понял, — хмуро буркнул толстоносый, держась за свой еще больше увеличившийся, вспухший и покрасневший нос.

— Болит? — сочувственно спросил Тарас.

Парень злобно скривился, и Тарас добавил:

— Скажи спасибо, что я бил в треть силы, иначе бы сломал.

Дверь номера закрылась и тут же распахнулась вновь.

— Ну ты и козел! — заглянула в нее девица, сопровождавшая налетчиков; в глазах ее плавало восхищение. — Согласился бы на девочку, и всем было бы хорошо. А теперь будешь ходить, как по минному полю. Не передумаешь?

Глубоким гортанным голосом Тарас произнес короткое и энергичное слово «Вон!», и девицу словно сдуло ветром. Дверь захлопнулась.

Подождав немного, он выглянул в коридор, затем натянул брюки и вышел, остановился у двери в номер Нины в конце коридора, постучал.

— Кто там? — раздался сонный голос бухгалтерши Комитета.

— У тебя все в порядке? Гости не беспокоили?

Нина, в халатике, открыла дверь, прищурилась от света в коридоре.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, но вполне может случиться. Никому не открывай, а если постучат — сразу звони мне.

— Снова эти... визитеры? — догадалась женщина.

— Ничего, все образуется. Хотя такое давление на меня оказывается впервые. Спокойной ночи.

Он кивнул Нине и отправился к себе в номер, хотя мог бы, наверное, и остаться. Нина жила без мужа, с дочерью, и мужчины ей противопоказаны не были. Однако Тарас был воспитан в традициях почитания женщин и легкого секса не искал.

Кое-как починив замок, он лег и уснул без особых переживаний, просто приказал себе спать.

* * *

Утро шестого апреля выдалось хмурым, но без дождя. И уже к одиннадцати часам облака стали расходиться, выглянуло солнышко, и природа ожила, омытая ночным ливнем, а на лицах

прохожих впервые появились улыбки. Правда, экспертов из Москвы встретили на территории фабрики без них.

Встречающих было трое: высокий поджарый мужчина лет тридцати пяти с худым острым лицом и цепкими прозрачно-серыми глазами, одетый в кожаную куртку зеленоватого цвета и такие же штаны, и двое охранников в черном. Мужчина в коже и оказался тем самым Губергрицем, начальником охраны фабрики, который, по словам ночных визитеров, приказал им прощупать инспектора из Москвы. Звали его Юстасом Карловичем.

— Мне велено сопровождать вас по территории, — сказал он с заметным прибалтийским акцентом.

— Без претензий, — пожал плечами Тарас. — Проводите даму в бухгалтерию, и начнем.

Они сопроводили Нину до административного корпуса. Один из охранников скрылся с ней в здании, Тарас остался наедине с Губергрицем и вторым охранником, массивным, как сейф, и таким же эмоциональным.

— С вами все в порядке? — индифферентно поинтересовался Губергриц, прищурясь.

Он знал о провале своих подчиненных и пытался прощупать Тараса на предмет его отношения к ночному визиту.

— Со мной — вполне, — коротко ответил Горшин. — Давайте начнем.

— Вы ничего не хотите мне сказать?

Тарас остался невозмутим:

— Когда сочту необходимым.

Начальник охраны фабрики сжал губы в бледную полоску, но сдержался.

— Как хотите. С чего начнем?

— Покажите мне схему очистки предприятия. Затем мы посмотрим очистные сооружения и стоки...

— Что на них смотреть? — угрюмо пробубнил сейфовидный охранник. — Их кто только не смотрел, есть акты экспертизы санэпидстанции...

— Посмотрим очистные сооружения и стоки, — ровным голосом повторил Тарас. — После этого я проверю все водоотборы фабрики и пройду по цехам.

Губергриц и его телохранитель переглянулись.

— Может, лучше посидим в уютном кабинете, глотнем коньячку, пока наши специалисты приготовят акт? Зачем вам бродить по территории зря, пачкаться, дышать разной гадостью?

— Мое терпение имеет пределы, — тем же тоном сказал Тарас. — Или вы помогаете мне, или я составляю отчет о грубом давлении на эксперта НКЭБ.

— Не кипятись, эксперт, — поморщился Губергриц. — Все мы тебе покажем, просто неохота терять время. Витя, неси документацию.

Сейфовидный Витя бросил на Тараса неприязненный взгляд и вразвалочку направился к административному корпусу.

— Плохо начинаешь карьеру, парень, — сказал Губергриц, не глядя на Горшина. — Тебе дело предлагали. Ну, не угадали с суммой, так не поздно переиграть. Назови свою. Зачем лезть на рожон?

Тарас не ответил.

— Чего молчишь? Прикидываешь цифру? Пять тысяч «зеленых» хватит?

Тарас покачал головой.

— Слов нет, одни буквы, да и те складываются по три. Знаешь, чем пахнут такие предложения?

— Так ведь никто нас не слышит, эксперт. А начнешь права качать, я в суд подам за поклеп. Хочешь совет? Не суй нос куда не надо. У нас губернаторская «крыша», а губернатор очень не любит столичных проверяльщиков.

— Тогда и ты послушай совет: увольняйся с фабрики, сегодня же. Завтра будет поздно. Я все равно найду канал сброса отходов в Мокшу, и тогда ты сядешь вместе с директором на одну скамеечку.

Губергриц хмыкнул, поиграл желваками, изучая лицо Тараса злыми умными глазами, наткнулся на ответный ледяной взгляд, и улыбочка сползла с его губ.

— Это надо понимать как объявление войны?

— Это надо понимать как выполнение долга.

— Ну-ну, смотри, долговыполнитель. Человек ты, я вижу, смелый, но недалекий. Такие долго не живут.

Появился Витя с папкой в руке, покосился на Тараса.

— Не договорились?

— Пусть поработает, — осклабился Губергриц. — У нас все нормально. Может, клад найдет, тогда поделим по-честному.

Охранник хмуро улыбнулся.

— А если он...

— Заткнись! И не болтай много, этот парень не промах, вдруг действительно записывает наши речи?

Витя сплюнул, проворчал:

— Во жизнь пошла, на хрен некого послать!

Тарас молча взял у него папку, расстелил на лавочке схему очистных сооружений, поизучал ее несколько минут и свернул.

— Начнем с цеха подготовки. Показывайте.

Губергриц ответил Вите предупреждающим взглядом, кивнул.

— Веди, куда скажет, я займусь кое-какими делами. Будь на связи. — Он повернул голову к Тарасу: — Удачи тебе не желаю, эксперт. Будь готов к неожиданностям.

Он ушел.

— Пошли, — бросил Витя, направляясь в обход административного здания к производственным корпусам, откуда всю территорию фабрики накрывала волна горьковато-сладких запахов, от которых кружилась голова.

К обеду Тарас обошел все очистные комплексы фабрики, половина которых не работала, осмотрел производство, упаковочный и сушильный цеха и понял, что его не зря пытались купить. Оборудование на фабрике стояло итальянское, устаревшее, купленное по дешевке, выпускало оно около миллиона сигарет в месяц, и мощностей очистных сооружений, как воздушных, так и жидкостных, явно не хватало на весь цикл. Однако по документам выходило, что претензий к фабрике со стороны санэпиднадзора и местной экологической комиссии не было, все необходимые бумаги, акты проверок и заключения экспертов с печатями и подписями находились на месте, и, в общем, придраться как будто было не к чему. И тем не менее после осмотра водосбросов у Тараса сложилось впечатление, что на фабрике существует некая хитрая система слива отходов, не фиксируемая стандартной аппаратурой. Приборы, которые он взял с собой — газоанализатор, масс-спектрометр, химический идентификатор и полевой сканер, — молчали на всей территории фабрики и лишь на берегу Мокши показали увеличение вредных окислов и сернистых соединений, хотя и в пределах нормы. Фабрика все же периодически сбрасывала отходы в реку, в этом Тарас был абсолютно уверен.

— Все? — спросил его сопровождающий, по мере приближе-

ния инспекции к концу приобретавший все большую уверенность.

— Теперь мне нужна схема канализации, — сказал в ответ Тарас. — Пока ты будешь ее искать, я проверю склад ГСМ и бензозаправку.

Охранник Витя едва сдержался, чтобы не выругаться, достал мобильный телефон и сообщил начальству о новой инициативе инспектора. Выслушав ответ, буркнул:

— Жди здесь, я сейчас.

Тарас остался один, однако ждать сопровождающего не стал, а направился к отгороженному проволокой участку территории со вкопанными в землю резервуарами. Это была бензозаправка фабрики, оборудованная по последнему слову техники.

Пока Витя искал чертежи канализации фабрики, Тарас изучил бензозаправку, проверил цистерны и подземные хранилища топлива, затем оценил их расположение и с сожалением констатировал, что эта зона фабрики представляет собой именно то, что есть на самом деле. Использовать емкости бензозаправки в качестве резервных хранилищ отходов владельцы ЗАО не решились. Оставалась надежда на подземные коммуникации, в которых можно было спрятать все, что угодно, в том числе и канал вывода отходов за территорию предприятия.

Витя появился вместе с Губергрицем.

— Схемы канализации на фабрике нет, — сказал начальник охраны. — Зато звонил твой начальник из Москвы, он хочет сообщить что-то очень важное. — Губергриц раздвинул губы в насмешливо-издевательской усмешке. — Кажется, тебе с дамой придется срочно отбыть в столицу.

Тарас понял, что у гендиректора ЗАО «Наслаждение» нашлись высокие покровители, заинтересованные в сохранении существующего положения, и они сумели каким-то образом надавить на Самсонова, заставить его отменить инспекционный вояж.

Тарас достал мобильник, набрал номер начальника НКЭБ.

— Горшин? — раздался в трубке голос Юлиана Львовича. — Что там у тебя?

— Вы меня искали?

— В общем, тут появились обстоятельства...

— Я уже заканчиваю проверку.

— И что? Предположения наших корреспондентов подтвердились?

Тарас покосился на подошедшего ближе Витю.

— Я буду готов ответить вечером.

— Сворачивай дело и выезжай домой, здесь тебя ожидает более важная работа.

Тарас помолчал и коротко проговорил:

— Хорошо.

Выключил связь, убрал трубку.

— Ну, что он тебе сказал? — полюбопытствовал Губергриц. — Я был прав?

— Показывайте центральный коллектор, — сказал Тарас. — Пора заканчивать этот затянувшийся спектакль.

Начальник охраны и его подчиненный переглянулись.

— Ну, ты и ко... — не выдержал Витя.

Губергриц остановил его сверкнувшим взглядом:

— Покажи ему коллектор, пусть полюбуется и понюхает ароматы. Я к шефу.

Он исчез в административном корпусе.

Охранник повел эксперта к небольшому кирпичному строению рядом с котельной, открыл железную дверь с грозной надписью: «Стоять! Посторонним в... запрещен!»

— Можешь заходить. — Витя скривил губы. — Я здесь покараулю. Не люблю нюхать всякое дерьмо. Там лестница, на площадке выключатель. Найдешь?

Тарас снова достал мобильный телефон, вызвал Нину:

— Как дела?

— Заканчиваю, — ответила женщина. — Бумаги в порядке, хотя есть кое-какие странности с отчетами о вывозе мусора.

— Запротоколируй, добавим к акту. Когда закончишь, позвони Бородину, пусть готовится.

— Я поняла, — с заминкой ответила Нина. — Когда тебя ждать?

— Если хочешь, езжай в гостиницу одна, но лучше дождись. Я буду примерно через час.

Тарас шагнул в проем двери и оказался в небольшом помещении с голыми бетонированными стенами, с дырой люка в полу и двумя электрическими шкафами у стен. Затем дверь за ним закрылась, в замке заскрежетал ключ, стало темно. Снаружи донесся довольный голос Вити:

— Захочешь выйти — постучи, эксперт гребаный. Только выход здесь платный. — Он хихикнул: — Не провались в коллектор, он у нас бездонный.

Тарас усмехнулся. Сам того не осознавая, охранник выболтал главную тайну фабрики: неконтролируемые отходы работники предприятия сливали в канализационный коллектор, сбрасывая их по мере накопления в какой-то секретный канал. Оставалось найти этот канал и сообщить об открытии руководству. Сёма Бородин командовал особой группой Комитета, ответственной за безопасность сотрудников, и его появление на территории инспектируемого объекта обычно служило началом судебного процесса.

Тарас закрыл глаза, сосредоточился на «третьем глазе», и темнота отступила.

Глава 7

ДЕЯНИЕ

Коллектор оказался внушительным: бетонная шахта диаметром чуть ли не в полсотни метров и глубиной около тридцати, если верить ощущению глубины, подсказанному «третьим глазом». Шахта была накрыта куполом с четырьмя выходами труб полутораметрового диаметра, по которым сочилась в коллектор едкая, вонючая дрянь. Еще одна труба, воняющая больше других, выходила прямо в край шахты. Очевидно, по ней в коллектор и сливались отходы из цехов фабрики, миновавшие системы очистки.

Тарас мог бы заблокировать обоняние, чтобы не ощущать зловония, шапкой висевшего над коллектором, но не стал ограничивать сферу восприятия. Вместо этого он просто перешел на кожное дыхание, позволявшее легким работать с частотой не более одного вдоха-выдоха в минуту. То, что его заперли, не имело значения и не волновало, он в любой момент мог воспользоваться канализационными трубами и выбраться на поверхность земли через люки канализации. Едва ли Губергриц и его команда контролировали каждый люк на территории фабрики.

Обойдя коллектор, Тарас попытался определить, где начинается труба слива отходов, явно скрытая на дне коллектора, но не смог. Для этого надо было иметь гидрокостюм, чтобы опуститься на дно шахты. Однако и гидрокостюм не спасал, так как требова-

лось не только найти выход трубы, но и определить, куда она ведет и где выходит на поверхность. Оставался один путь — астральный поиск.

Тарас поднялся по лестнице наверх, на узенькую балюстраду, опоясывающую зал коллектора, прислушался к тишине за дверью входного бункера и уселся на пол в позе лотоса. Закрыв глаза. Сосредоточил мысленный взор на пупке и волевым усилием вышел из тела.

Появилось чувство необыкновенной легкости и свободы.

Тело исчезло, перестало ощущаться физически.

Вокруг стусилась мерцающая фиолетово-багровая субстанция, создающая странное впечатление двойственности восприятия. С одной стороны вокруг стоит густая тьма, с другой — видно все как днем. Да и сама фиолетовая тьма не мертвая и пустая, но живая и вздрагивающая от присутствия человека, хотя едва ли можно было описать человеческим языком столь необычное состояние. В двух словах это можно было обозначить как «тьму, пронизанную светом». Она не была абсолютной, но и не казалась прозрачной. Она не проявляла враждебности, но и не излучала дружелюбия и тепла. Она смотрела на проявившегося в ней человека и ждала.

Тела своего Тарас действительно не чувствовал, но мог каким-то образом двигаться в пространстве «светлой тьмы». Тогда он превратил себя в поток силы и устремился вниз, в бездну неизвестных состояний и озарений.

Тьма внезапно расступилась. В ней образовался зыбкий коридор с пульсирующими стенами, уходящий в бесконечность. С каждым мгновением свечение стен становилось все ярче, они начали уплывать назад все быстрее и быстрее. Теперь Тарас мчался с огромной скоростью навстречу раскрывающейся бездне, не ощущая страха, так как не один раз уже переживал подобные состояния.

Коридор вывернулся наизнанку, швыряя Тараса (его сознание, разумеется) в иное пространство, отличное от привычного ему космоса со звездами, галактиками и чернотой. Вокруг него заиграли переливы, потоки, реки и моря призрачного света, размывая границы реальности и волевые опоры. Душа еще помнила себя и пыталась сконцентрировать вокруг ядро «самости», но и она поддалась необычайно мощному воздействию потоков света и начала растворяться в них, ощущая призывы колоссального

океана растворенных живых душ — поля Вселенской информации.

Тарас заставил себя не слушать голоса давно ушедших в небытие душ живых существ и остатками воли замедлил падение в бездну.

Тотчас же под ним проявилась панорама светлых узоров и огней, напоминающая картину ночного города, видимую с большой высоты. Потоки света побледнели, перестали виться перед глазами, расступились, как бы приглашая человека сделать еще один шаг. Это была ловушка, и Тарас уже знал, в чем хитрость такого «предложения», поэтому «прыгать вниз» не захотел. Сосредоточившись на контроле высоты, он позвал:

«Отвечающий всем свободным, отзовись!»

Спустя мгновение в сознании возник ровный, глубокий, бархатный голос:

«Контролирующие Род слушают тебя, идущий. Зачем ты вышел за пределы Яви?»

«Нужна определенная и конкретная информация».

«Ты же знаешь, мы не даем прямых ответов, мы высвечиваем лишь с о с т о я н и е Яви или с т р у к т у р ы взаимодействий».

«Этого достаточно. Я разберусь».

«Ты рискуешь остаться с нами, не справившись с синхронизацией своей оболочки с динамической волновой структурой узла информации. Твой силовой каркас уже деформирован».

«Я справлюсь!»

«Хорошо. Что тебе нужно?»

«Зона п р я м о г о пространственно-волнового видения. Координаты зоны: Россия, Рязанская губерния, город Кадом, сигаретная фабрика «Наслаждение». Диаметр зоны — десять километров».

Собеседник Тараса не выразил удивления.

«Смотри».

И в то же мгновение «панорама ночного города» под ним изменилась. Появился пейзаж с рекой (Мокша) и кварталами небольшого городка (Кадом), чуть сдвинулся в сторону, так, чтобы в центре панорамы оказалась территория сигаретной фабрики, а затем с глухим гулом весь этот участок превратился в кусок светящегося изнутри прозрачного желе, пронизанного «кротовыми норами» коммуникаций.

Длился сеанс энергоинформационного просвечивания всего несколько секунд. Затем Тарас почувствовал, что проваливается

в трясину небытия, и последним волевым усилием выдернул себя из нижнего слоя «болота» астрала. Дальнейшее пребывание в этом «болоте» было чревато психическим расстройством и даже потерей разума.

Пришел он в себя от птичьей трели мобильного телефона. Открыл глаза, достал трубку.

— Слушаю...

В трубке зазвучал голос Нины:

— Тарас, меня не выпускают, заперли в комнате на втором этаже... Что делать?

— Хорошо, что не отобрали мобильник. Бородину позвонила?

— Не успела. Но они не знают, что у меня есть телефон.

— Звони немедленно и ничего не предпринимай, я скоро приду.

— Что-нибудь нашел?

— Пока нет.

Тарас выключил телефон, посидел, унимая головокружение, дождался, пока перед глазами перестанут плясать цветные пятна и звезды, и встал. Теперь он з н а л, где строители спрятали трубу, выводящую отходы за пределы фабрики. Труба тянулась на семь с лишним километров и выходила к болотистой низине на левом берегу Мокши. Когда низина переполнялась, в реку попадали десятки и сотни кубометров неочищенной дряни, от которой гибла рыба и чернела трава. Именно об этом и поведал на страницах газеты журналист Николай Белозеров.

— Ну что ж, ребята, — вслух проговорил Тарас, направляясь к выходу, — вы не зря подняли панику. Хотели разборок? Их есть у меня.

Дверь из верхнего строения коллектора наружу все еще была заперта. И, судя по отсутствию биополей в окрестностях строения, ее никто не охранял. Очевидно, амбал Витя свято верил в непреодолимость препятствия, иначе ждал бы настырного московского эколога здесь.

Тарас мельком взглянул на засветившийся циферблат часов. Он находился взаперти уже около часа, пора было являться пред светлые очи гендиректора ЗАО «Наслаждение».

— Как ты там? — связался Тарас с Ниной на всякий случай.

— Сiju, — обрадованно сообщила бухгалтерша. — Только что дозвонилась до Бородина. Где ты?

— Скоро приду, жди.

Тарас остановился перед деревянной, обитой снаружи железным листом дверью, сосредоточился на замке. Конечно, можно было спуститься к шахте коллектора и выбраться на территорию фабрики через канализационную трубу, однако не хотелось пачкаться в нечистотах, да и времени этот вариант требовал больше.

Замок оказался одноязычковым, английским, не рассчитанным на экстремальные ситуации. Тарас усмехнулся в душе, прикинул импульс и ударил ногой в дверь с такой силой, что замок не выдержал и лопнул. Второго удара не потребовалось.

Снаружи, как и ожидалось, никто пленника не встретил, что указывало на отсутствие у охранников Губергрица элементарной предосторожности. Провожасмый взглядами встретившихся на пути работников фабрики, Тарас поднялся на крыльцо главного входа в административный корпус и столкнулся со спешащим куда-то сейфообразным Витей.

— Тю! — изумился охранник. — К-как тебе удалось?!

— Хаппо кэри, — сказал Тарас.

— Что?! — не понял Витя.

— Хаппо кэри, — терпеливо повторил Тарас. — Удар ногой вперед. Этому тебя не учили?

Он отодвинул разинувшего рот охранника и прошел через турникет, не обращая внимания на второго стража ворот. Однако просто так пройти не удалось.

— Ах ты, курва! — взревел Витя, бросаясь за экспертом.

Не останавливаясь, Тарас нанес точный суки кэн — удар локтем назад — в подбородок охранника, раздался сдавленный вскрик «эк!», и Витя сел на мраморный пол вестибюля с выражением тупого удивления на лице. Тарас обернулся, наставил палец на второго охранника в черном, шагнувшего было к нему, тихо, с нажимом, сказал:

— Не балуй!

При этом Тарас проделал сложное движение второй рукой, и по его телу пробежала волна сокращений мышц, мало заметная из-за одежды, но индуцирующая определенное психополе.

Охранник побелел и отшатнулся, меняясь в лице.

Тарас усмехнулся, взбежал по лестнице на второй этаж здания. Учитель мог быть доволен. Его ученик только что применил психофизический паттерн — особое малоамплитудное движение из арсенала «наваждения», которое вызывало безотчетный страх. До этого во время конфликтных ситуаций Тарас редко применял

бесконтактное силовое воздействие, и успех его обрадовал и позабавил.

В приемной, кроме секретарши и телохранителя Киселева, никого не было. Заледеневшим взглядом Тарас остановил встретившегося парня и, ни слова не говоря, толкнул дверь в кабинет гендиректора.

Давид Евгеньевич был не один. Кроме него, в кабинете присутствовали еще двое мужчин: начальник охраны фабрики Губергриц и знакомый Тарасу по инциденту у дома журналиста сержант милиции. Все трое оглянулись на вошедшего и некоторое время молча его разглядывали. Потом директор ЗАО посмотрел на Губергрица и проговорил сквозь зубы:

— Что это значит, Юстас?

— Не понимаю, — нахмурился начальник охраны. — Он должен...

Дверь распахнулась от сильного толчка, в кабинет влетел запыхавшийся мордоворот Витя. За ним вошел смущенный телохранитель Киселева.

— Он, гад, сам... — сипло выговорил Витя, помассировал горло. — Я не успел...

— Вижу, — поморщился Губергриц, повернулся к директору: — Разрешите, я его...

— Вы зашли слишком далеко, господин Киселев, — бесстрастно сказал Тарас, взвешивая решение; начинать бузу не хотелось, но и ждать, пока его захватят растерявшиеся «шестерки» директора, не хотелось тоже. — Советую вести себя достойно. Мы вызвали спецназ, через несколько минут он будет здесь. Если хотите ослабить наказание, укажите координаты слива отходов, если же вы этого не сделаете, я найду место сам.

В кабинете повисла тишина.

— Он блефует! — процедил сквозь зубы Губергриц.

Давид Евгеньевич опомнился, сдавленным голосом произнес:

— Уберите его!

Сержант милиции с готовностью щелкнул кнопкой кобуры, чтобы достать пистолет, и в то же мгновение Тарас очутился рядом с ним, выхватил пистолет, в доли секунды разрядил его и вернул владельцу. Похлопал его по плечу, посмотрел на приготовившегося к действию — ноги слегка согнуты в коленях, руки приподняты, пальцы сведены особым образом (а ведь мужичок кое-что понимает в рукопашке) — Губергрица.

— Не усугубляй положение, десантник, — покачал пальцем Тарас. — Я не шучу.

— Ах ты, бя! — кинулся на него, нагнув голову, глыбистый Витя.

Эксперт отступил в сторону, незаметным движением добавил Вите импульс силы, тот врезался в стол директора, едва не развалив его на части, и осел на пол, очумело ворочая чугунной башкой.

Губергриц оценивающе посмотрел на него, потом на оставшегося равнодушно-спокойным Тараса, раздвинул губы в бледной улыбке.

— Кажется, мы учились у одного и того же инструктора. Рязанка, группа «Зет»?

— Не понимаю, о чем вы, — пожал плечами Тарас.

— Ну-ну... а можно было бы помахать руками-ногами. Жаль, что ты не оставляешь нам выбора.

Губергриц, не торопясь, достал из-под мышки пистолет с насадкой бесшумного боя.

В этот момент за окнами кабинета раздался усиливающийся гул, задрожали стекла. Все замерли, повернув головы к окнам.

— Финита, — сказал с внутренним облегчением Тарас. — Просьба оставаться на местах.

— Что это? — прошептал Давид Евгеньевич, уже сообразив, в чем дело.

— Это прилетел полковник Бородин, — любезно пояснил Тарас. — На вертолете. И с ним бригада спецназа. Сопrotивляться не советую, парни могут подумать, что вы всерьез бунтуете, а это чревато. Советую объявить всем работникам фабрики о предоставлении им внеочередного отпуска. До особого распоряжения.

Тарас насмешливо поклонился и вышел из кабинета, сопровождаемый красноречивыми взглядами присутствующих.

В недрах здания зародился характерный шум, покатился волной по коридорам. Это бежали десантники Бородина. Тарас выяснил у растерянной секретарши Киселева, где находится Нина, взял у нее ключи, вывел бухгалтера из комнатки уборщицы, где ее заперли.

— Наши прилетели? — догадалась она, кивнув на окно.

— Наши, — подтвердил Тарас.

Возвращение в Москву было не то чтобы триумфальным, но все же более радужным, чем ожидалось. Нину забрал с собой в вертолет Бородин, уже на следующий день после десантирования спецкоманды и выяснения всех обстоятельств ее вызова, а Тарас возвращался из Кадома один. Он был доволен, хотя в глубине души осознавал, что того же результата можно было добиться и более мирным путем, без демонстрации приемов русбоя и «наваждения».

Вечером седьмого апреля он встретился с учителем у него на квартире и рассказал о своем хождении по астралу, предпринятому для решения рабочей проблемы на сигаретной фабрике.

Елисей Юрьевич выслушал ученика внешне спокойно, не стал ни хвалить его, ни порицать. Лишь позволил себе не смотреть ему в глаза, что в общем-то не было чем-то необычным, хотя и не свидетельствовало о положительной оценке деятельности Тараса. Помолчав немного, Елисей Юрьевич предложил ему позаниматься рукопашкой, и слегка расстроившийся — интуиция подсказывала, что учитель не вполне им доволен, — Тарас принялся переодеваться.

Учитель появился в стареньком спортивном костюме, облежавшем его сухое, жилистое, туго перевитое мышцами, хотя и не чрезмерно развитыми, тело. Кимоно он никогда не надевал, хотя оно у него имелось. Елисей Юрьевич оглядел фигуру Тараса (они были весьма похожи, особенно осанкой), надевшего свой обычный костюм для тренинга: шорты, футболку с короткими рукавами и мягкие полукеды. Во взгляде учителя мелькнуло некое предостережение, и Тарасу показалось, что за ним наблюдает кто-то еще, хотя он точно знал, что в квартире, кроме него и хозяина, никого нет.

— Покажи, что умеешь, — сказал Елисей Юрьевич ворчливым тоном. — Уровень — «безупречность».

Спину Тараса охватил легкий озноб.

Термин «безупречность» включал в себя два символических значения.

Во-первых, это был высший уровень этапа реализации боевых возможностей человека как выразителя целостной системы движения. Этот уровень предполагал пренебрежение результатом и значением самой схватки как способа выражения инстинктивной сущности человека.

Во-вторых, это был самый важный уровень познания мира через контроль сознанием процессов подсознания. Воин, владеющий «безупречностью», действительно безупречен в своих мыслях, эмоциях, желаниях и поступках и способен быть равным любому оппоненту. На этом уровне воин, осознавший свою силу, обязан либо постоянно следить за своими мыслями, контролировать пси-сферу, либо почти полностью останавливать внутренний монолог. Учитель же рекомендовал Тарасу пойти другим путем: научиться «десинхронизировать» векторы целеполагания, чтобы поддерживать у противника неуверенность в ответе, и больше использовать малоамплитудное «качание маятника» для бесконтактного воздействия.

— Готов? — прищурился Елисей Юрьевич, обманчиво расслабленный и добродушный.

Тарас кивнул и тут же мягко перепрыгнул через стул, так как учитель неожиданно оказался рядом, в зоне поражения, и любое его движение грозило пресечь схватку в самом начале.

Конечно, небольшая гостиная обычной московской двухкомнатной квартиры не являлась идеальным залом для занятий рукопашным боем, но истинный мастер должен уметь работать в любых помещениях, даже в самых тесных и неудобных, и Тарас давно привык к тренировкам в такой обстановке, непременным условием которых было не нарушить существующий порядок вещей. За все время занятий с учителем в его квартире он лишь однажды разбил люстру и долго потом тренировался «складываться вдвое» во время прыжков.

Боевая система, которой Елисей Юрьевич обучал Тараса, называлась «потоп» и служила третьей ступенью «живы». Четвертая ступень по сути являлась магическим оперированием, использующим свойства воздействия на противника соответствующими телодвижениями и звуковыми волнами, и, чтобы достичь такого уровня мастерства, надо было знать базовые «заклинания» — энтропийные наговоры (насмерть), шокирующие пси-удары, внушение страха и боли. Елисей Юрьевич — знал, Тарас же еще только подходил к этому рубежу, осваивая вибрационную технику «характерников» и приемы «наваждения», древней боевой системы метабо, включающей в себя приемы «быстрой» и «отсроченной» смерти, а также удары, наносящиеся в глубь тела человека, по энергетическому каркасу, по его полевой

структуре. Пропустить один такой удар, заранее настроенный на преодоление телесного сопротивления, означало потерпеть поражение во всех формах бытия, в том числе — на физическом уровне, так как смерть при этом наступает непременно, даже намного позже схватки. Если не знать приемов «живы», восстанавливающих с и л у и жизнедеятельность пораженного органа.

Елисей Юрьевич снова оказался рядом, действуя на сверх-скорости. Беззвучной молнией мелькнула у лица Тараса его рука, но Тарас был готов к атаке и ушел с дистанции поражения, точно дозируя силу мышечных сокращений для создания «телесных лат». В китайских техниках самозащиты эти «латы» назывались «рубашками» — от железной до алмазной.

В течение двух последующих минут бойцы почти не двигались, демонстрируя намерения и так же «виртуально» отвечая на них. Оба прекрасно знали возможности друг друга и пределы реализации степеней свободы человеческого тела, поэтому не подпускали противника в сферу гарантированного поражения. Тарас впервые открылся своему подсознанию полностью, что позволяло ему свободно использовать психотехнику «живы» и даже «морочить голову» учителю на уровне «игр сознания».

Вообще схватка на высших уровнях боя, не говоря уже о метабое, внешне может показаться невыразительной и даже примитивной — настолько мало в ней видимых изощренных технических действий. Движения бойцов кажутся абсолютно простыми и прямыми, кроме тех, что не фиксируются глазом, а главное — похожими на крупную дрожь от холода. И только мастера могут поймать кинематику и динамику боя, выраженную вибрацией мышц и суставов, и понять всю драматургию схватки, в которой хорошо знакомые приемы самбо, дзюдо, карате, айкидо, русбоя лишь намечаются, но почти никогда не проявляются. До момента удара! Одного-единственного, точного, необходимого и достаточного для победы. Ибо вопреки мнению, сложившемуся у рядового зрителя американских кинобоевиков, реальный бой никогда не является актом искусства. И только единицы из сотен тысяч бойцов достигают таких вершин мастерства, которые вправе называться воинским искусством.

В поле внимания Тараса проник некий посторонний звук. Даже не звук — его тень или чья-то мысль. Елисей Юрьевич тоже уловил диссонанс в морфологической слитности «виртуальных»

приемов-ответов и на мгновение отвлекся. Этого оказалось достаточно, чтобы Тарас вошел в его сферу поражения и нанес шокирующий укол «когтем дракона» — костяшкой согнутого указательного пальца, лишь в самое последнее мгновение ослабив удар.

Елисей Юрьевич отпрыгнул назад, сбивая стул, что считалось недопустимым во время тренинга, уронил руки, бледнея, затем зажал ладонью горло, поднимая вторую ладонь перед собой.

Тарас остановился, выдохнул:

— Прошу прощения, учитель...

Елисей Юрьевич покачал головой, помассировал горло, потом затылок. Краска вернулась на его щеки.

— Подожди, я сейчас.

Он вышел и вернулся буквально через несколько секунд.

— Держи.

Он подал Тарасу золотом просиявший значок: маленький меч с рукоятью в форме ключа.

— Что это? — тихо спросил тот.

— Это ключ доступа к информации первой ступени Круга. Ты прошел Посвящение.

Тарас удивленно посмотрел на Елисея Юрьевича.

— Когда?

— Только что. Вернее, Посвящение твое началось еще в Кадоме, а закончилось сегодня. Этот ключ передал мне Герард.

— Гептарх! Значит, это он наблюдал за нами?

— Ты это уловил?

— Еще когда мы не начали... но засомневался... а потом показалось, что кто-то хмыкнул...

Елисей Юрьевич улыбнулся.

— Сюррективное сравнение. Молодец, что почуял его присутствие. Мы не договаривались об экзаменах, и он извинился.

— Мог бы и сам передать этот ключ.

— Он очень торопился, хотя успел похвалить тебя и призвать к осторожности. С этих пор ты не имеешь права на крупные ошибки.

— А мелкие?

— В пределах допустимого. — Елисей Юрьевич посерьезнел. — Кто знает, когда мелкая ошибка переходит в крупную. Ошибающийся обычно этого заметить не успевает.

- Почему?
- Его настигает принцип расплаты за содеянное.
- Почему же тогда этот принцип не настигает бандитов и убийц?
- Они находятся вне Круга.
- Я учту, учитель. Но все же я не думал, что Посвящение будет таким...
- Каким?
- Простым, что ли, незаметным.
- Ты ошибаешься. Тебя просчитывали и оценивали по трем векториальным показателям: социальному, психофизиологическому и запредельному. Де я н и е в Кадоме только тестировало твои возможности.

Тарас снова помолчал, направляясь за Елисеем Юрьевичем на кухню, где они выпили по стакану облепихового морса.

- Что это за показатели, по которым меня оценивали?
- В социальный входит финансовое и социальное положение, независимость от государственных структур, а также образовательный ценз, выраженный в кругозоре и возможностях оперативного использования полученной информации. С этим у тебя все в порядке. Ты закончил радиоинститут и курсы лингвистики, да и работаешь в таком учреждении, которое позволяет тебе решать многие личные проблемы. С психофизиологией у тебя тоже неплохо. Во всяком случае, ты способен удерживать физиологические параметры тела в заданных пределах и восстанавливать вектор здоровья. Ну а запредельные показатели ты демонстрировал не один раз: когда выходил в астрал и спускался по родовой памяти. — Елисей Юрьевич усмехнулся и добавил: — Ну, и когда сдержал энерговывеск при последнем ударе.

Тарас порозовел:

- Простите...
- Я сам виноват. Но запомни еще одно нравоучение. Все твои планы и действия могут как совпадать с планами высших сил, Темных или Светлых, так и не совпадать. Если они совпадают и все у тебя получается легко и свободно, задумайся — как им силам это выгодно.

Тарас встретил взгляд Елисея Юрьевича, в котором отразились мудрость, печаль и понимание. Проговорил медленно:

- Я понял, учитель.
 - Ну и ладушки. Давай поужинаем чем Бог послал?
- Тарас с улыбкой кивнул.

АДЕКВАТНЫЙ ОТВЕТ

В последнее время Оксана Кличко начала полнеть, несмотря на занятия шейпингом. Естественно, это сказывалось на ее настроении и отражалось на отношении к Тарасу, относившемуся к ее занятиям скептически. До ссор дело не доходило, Тарас умел обходить острые углы конфликтных ситуаций, но и ему в конце концов начали надоедать вечные заботы подруги о своей фигуре.

Оксана была женщиной крупной, красивой, с благородной осанкой королевы, привыкла к приставаниям поклонников — она работала в баре элитного фитнес-клуба «Фит энд Фан» — и считала себя достойной восхищения мужчин. К Тарасу она относилась довольно сдержанно, что в принципе было правильно, так как именно такое отношение и поддерживало интерес Тараса к этой своенравной красавице, на фоне которой лучше бы смотрелся какой-нибудь крутой бизнесмен, а не сотрудник Комитета экологической безопасности. Однако бывали в их встречах моменты, когда ему казалось, что она его любит, и сомнения отступали, жизнь начинала казаться лучше, солнце сияло ярче, а непогода обещала скорые радостные перемены.

Познакомились они как раз в баре клуба, когда Тарас до прихода охраны легко усмирившего клиента, пристававшего к симпатичной барменше. В клуб же Тараса заманил все тот же отечественный плебей Марат Барамидзе, знавший все знаменитые тусовочные места столицы. С тех пор, а прошло уже почти два года с момента знакомства, Тарас и Оксана были вместе, с удовольствием проводили время на морях и в лесах, встречались у него дома или в клубе и даже иногда заговаривали о свадьбе. Естественно, после развода с законным супругом. Однако до развода-свадьбы их отношения так пока и не дошли.

В очередной раз выслушав сетования Оксаны на полноту, Тарас предложил ей сходить на тайский массаж.

Они пили чай на кухне его собственного дома в Щелкове после бурно проведенной ночи; Оксана была в его рубашке, сам же Тарас довольствовался плавками. Женщина с завистью разглядывала его развитое тело, увитое не слишком рельефными, но сильными мышцами. Однажды она застала его за разминкой и увидела «танец» мускулов и сухожилий, создающий заворажи-

вающие глаз ритмические волны ряби на теле. Этот «танец» был так необычен и красив, что она ахнула и попросила его научить ее этим движениям. Однако когда он сказал, что наука требует времени и самоотдачи и что он сам потратил на овладение телом чуть ли не двадцать лет, ее пыл угас. И тем не менее она ему завидовала.

— Тайский массаж? — презрительно оттопырила губку Оксана. — Но ведь это же что-то связанное с...

— Все так думают, — улыбнулся Тарас, выглядевший свежим и бодрым, несмотря на любовную энергопотерю. — На самом деле это система оздоровления, не имеющая ничего общего с сексуальными услугами. Я знаю такой салон, его хозяйка училась массажу в Таиланде несколько лет и вполне сможет тебе помочь.

— Ты с ней знаком? — ревниво изогнула бровь Оксана.

— Конечно, — кивнул Тарас. — Меня с ней познакомил мой племянник Марат.

— А, теннисист, уж он-то своего не упустит.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, однако тайский массаж — вещь стоящая. Будет время, я попробую его выучить.

— Хорошо, давай сходим к этой твоей знакомой тайландке. Но смотри, если ты с ней...

— Успокойся, королева, — перебил он Оксану. — Во-первых, она не тайландка, хотя правильнее говорить — не тайка. Во-вторых, я с ней знаком шапочно. Она хозяйка салона, точнее — директор закрытой школы тайских искусств. Увидишь ее, сама все поймешь.

— Уговорил, завтра же пойдем на твой тайский массаж. — Оксана бросила взгляд на настенные часы. — Ой, я уже опаздываю! Собираюсь и убегая.

Она чмокнула Тараса в щеку и унеслась в спальню одеваться. Через полчаса Тарас проводил ее до машины — зеленой «Ауди» годичной давности — и поехал на работу на своей «старушке».

Комитет имел свой собственный офис в шестиэтажном здании напротив Киевского вокзала, и обычно Тарас тратил на дорогу около часа, если не застревал в безнадежных пробках на Садовом кольце и в узеньких переулках центра города. На этот раз ему удалось приехать вовремя. Однако он тут же был вызван в приемную, и секретарша Самсонова Женя сообщила ему неприятную новость:

— Позвонили из пятьдесят второй больницы, — сказала она. — Вашего племянника Марата Барамидзе избили какие-то подонки. Он в реанимации.

— Когда это случилось? — сжал зубы Тарас.

— Вчера поздно вечером, когда он загонял машину в гараж. Их было трое, по свидетельству очевидцев, соседей Марата, но он их не разглядел.

— Их нашли? Кстати, кто вам позвонил?

— Из милиции. Но, по-моему, бандитов не нашли.

Тарас несколько мгновений размышлял, бросил взгляд на дверь в кабинет Самсонова.

— Юлиан Львович у себя?

— Будет к обеду.

— Тогда я отлучусь на пару часов, проведу Марата.

— Конечно, Тарас Витальевич, я уведомя шефа о причине.

Тарас зашел в свой кабинет, мельком просмотрел почту и не стал разбирать дела. Спустился во двор, вывел машину на набережную. Через сорок минут он был в отделении «Скорой помощи» пятьдесят второй больницы, располагавшейся на Пехотной улице, недалеко от метро «Щукинская».

В палату, где лежал Марат, его пустили беспрекословно, как только он показал свое удостоверение. Теннисист лежал один, с забинтованными руками поверх одеяла и забинтованной головой. Из-под бинтов были видны только глаза, уши и вспухшие губы. Он спал, но сразу открыл глаза, услышав шаги.

— Что смотришь? — шевельнул Марат разбитыми губами. — Красивый?

— Краше в гроб кладут, — проворчал Тарас. — Надеюсь, ничего серьезного?

Губы Марата сложились в кривую усмешку.

— Закончилась моя спортивная карьера, дядя Тарас. Они мне руку поломали, локоть раздробили... дубинкой какой-то... ну, и кое-что по мелочи: нос сломали, ребро, синяков наставили... Однако жить буду.

Тарас проглотил горький ком в горле.

— Узнал кого-нибудь?

— Одного, в белом костюме и в очках... шоферу, который на джипе мой «мерс» изувечил.

— Точно это был он?!

— Такого мордоворота забыть трудно.

— Следователю об этом сказал?

— Естественно. Только он странный какой-то, все принохивался и спрашивал, что, где и с кем я пил перед дракой.

— А ты пил?

— Только пиво, мамой клянусь!

— Верю. Хотя действительно странно. Ведь не ты начал драку?

— Я вообще-то человек вспыльчивый, не одну ракетку на корте поломал, но драться не люблю.

— Зато попонтить любишь.

Марат виновато шмыгнул носом, поморщился.

— Так ведь все любят.

— Не все.

— Ну, таких мало. Я вообще только тебя такого знаю. Как ты думаешь, найдут этих сволочей?

— Поживем — увидим. Я вечером заскочу, фруктов подвезу. Мама знает, что ты здесь?

— Я просил врача ей не звонить, и ты пока не говори ничего. Синяки с лица сойдут, тогда и сообщу.

— Они ждали тебя специально или все получилось случайно?

— Конечно, специально. Я уже машину в бокс загнал, когда один подошел и закурить попросил. Волосатый такой, здоровый. Я ответил: не курю, повернулся, и тогда он врезал мне по затылку дубинкой. Потом появились еще двое, в том числе водила, стали бить ногами...

— Ты защищался, и они сломали тебе руку?

На глаза Марата навернулись слезы.

— Если бы... Они ломали по одному пальцу специально, приговаривая: это тебе урок, падла, надолго запомнишь...

Тарас потемнел, с трудом сдержал ругательство.

В комнату заглянула дежурная медсестра, бросила взгляд на медистат, по экранчику которого бежала зеленая зубчатая линия пульса, решительно указала на дверь:

— Прошу вас выйти, молодой человек, больному нельзя волноваться.

Тарас встал, пожал плечо больного, передавая ему энергоимпульс успокоения.

— Все будет нормально, поправишься и снова выйдешь на корт. Я забегу вечером, жди.

В коридоре он подождал медсестру, пошел рядом, тихо спросил:

— Вы его почините? Он сможет играть?

— Не знаю, — смутилась миловидная женщина. — Кости срастутся, а дальше все будет зависеть от пациента. Хотя полностью восстановить подвижность сухожилий и локтевого сустава, наверное, не удастся.

— Сделайте все возможное, он классный спортсмен.

— Мы знаем, — улыбнулась медсестра. — Уже звонили из Федерации тенниса. Да и мы иногда смотрим телевизор, видели его на соревнованиях.

Тарас кивнул, направляясь к выходу.

В двенадцать часов дня он снова вошел в свой кабинет, доложил секретарше о прибытии и включил компьютер. Через час он получил от коллег из МВД все данные о «бизнесмене» Шейникисе и его команде и принялся действовать.

Первым делом позвонил в УВД Центрального округа Москвы, представился и спросил, как идет расследование по делу разбойного нападения на известного теннисиста Марата Барамидзе. В ответ его вежливо отослали к следователю, который отыскался не скоро и заявил, что это дело бесперспективное и вряд ли закончится результативно.

— Но ведь пострадавший дал точный портрет одного из нападавших, — сухо сказал Тарас. — Этот парень является водителем владельца бензоколонок Шейникиса.

— Во-первых, это еще надо доказать, — неприветливо сказал следователь. — Во-вторых, откуда вы это взяли, что в нападении участвовал водитель Эдуар... э-э, господина Шейникиса? В-третьих, ваш приятель сам был пьян и начал первым.

— А вы откуда знаете, что он начал первым? — еще суше сказал Тарас. — Это вам сообщил водитель Шейникиса? Или свидетели?

— У вас все? — буркнул следователь.

— Почти. Теперь выслушайте то, что я скажу, перед тем как побежите докладывать боссу о закрытии дела. Во-первых, Марат Барамидзе не пьет ничего, кроме пива и шампанского, и в момент нападения пьян не был. И я это докажу. Во-вторых, лучше откажитесь от расследования вообще, так как вы повязаны с

Шейникисом. Если потребуется, я и это докажу. И в-третьих, если не найдете бандитов, сядете вместе с ними. Обещаю.

— Вы мне угрожаете? — фальшиво удивился следователь. Тарас почему-то представлял его толстым и потеющим, с бабьим лицом, толстощеким и небритым.

— Дурак! — сказал Тарас, кладя трубку.

Он уже понял, что дело о нападении далеко не пойдет. Следователь наверняка знал, с кем придется связываться, и рисковать карьерой и жизнью не хотел. Надо было действовать самостоятельно. Да и оставлять без внимания такой наглый вызов не хотелось.

С минуту Тарас размышлял, не посоветоваться ли с учителем, но передумал. Он и сам был в состоянии разобраться со столь пустяковой проблемой, как адекватное воздаяние бандиту, чувствующему себя абсолютно безнаказанным. Хотя, с другой стороны, стоило задуматься, почему лакеи Шейникиса ведут себя так беспардонно.

Следующий звонок был в контору самого Шейникиса.

Секретарша бензинового короля уточнила, кто звонит (Тарас назвал только организацию), и переключила канал. В трубке зазвучал жирный, сытый, брюзгливый голос Шейникиса:

— Да, на проводе. Кто говорит?

— Имеющий право, — веско произнес Тарас. — Эдуард Артурович, вы в курсе, что ваш водитель избил известного спортсмена, чемпиона мира по теннису?

Короткое молчание.

— Кто говорит?! — Голос владельца бензозаправок изменился, стал отрывистым, глухим и угрожающим.

— Это не важно. Вы знаете, а может быть, и специально подослали команду. Когда я это выясню, ответите по полной программе. Ферштеен зи?

— Послушай, ты, насекомое, — проговорил Шейникис. — Ты, наверное, плохо информирован и не знаешь, кому звонишь. Я из тебя душу вытрясу!

— Вот теперь я понял, кому звоню, — перебил Эдуарда Артуровича Тарас. — Обыкновенному тупому гангстеру, считающему себя пупом земли. Так вот, если ты, торгаш, не сдашь органам своего не менее тупого бандита, пеняй на себя!

Тарас щелкнул языком особым образом, приблизив губы к

мембране, и положил трубку телефона. Он знал, что в этот момент Шейникис с криком хватается за ухо, получив приличный болевой «звукопакет». Но, с другой стороны, от беседы с бензиновым королем остался неприятный осадок, будто Тарас сделал нечто предосудительное. Возможно, он чего-то действительно не учел, играя в открытую, и надо было действовать тоньше.

Вечером Тарас снова поехал в больницу, навестил Марата, пребывающего в неестественно бодром настроении, и даже подумал, что теннисист просто недооценивает свое состояние. Однако, перехватив взгляд племянника, брошенный на медсестру, он понял, что парень нашел наконец девушку, которая его обаяла. Впрочем, она и вправду была стройна и симпатична, а строгость медсестры вполне объяснялась двумя обстоятельствами: Марат нуждался в серьезном лечении, а главное, понравился.

Побеседовав с теннисистом о том о сем, подбодрив его и развеселив анекдотом о трех суперковбоях, Тарас поехал домой, полный решимости довести дело о возмездии до конца.

Оксана позвонила в восемь вечера, предупредила, что не придет, так как на неделю уезжает с мужем к родителям в Тамбов. Тарас расстроился, но ненадолго, в отсутствие Оксаны ему ничто не мешало заняться «шестерками» господина Шейникиса вплотную.

А в девять часов вечера раздался еще один звонок.

Тарас снял трубку телефона.

— Слушай сюда, пидор, — раздался в трубке глухой бас. — Хочешь жить, брось это дело! Понял?

— Какое дело? — вежливо осведомился Тарас, пр о с л е ж и в а я линию связи психоэнергетически.

— Не придуривайся, ты знаешь, о чем я гутарю. Твой приятель получил по заслугам, понял? Будешь копать это дело, схлопочешь то же самое. Понял?

Слово «понял» собеседник произносил с ударением на последнем слоге.

— Спасибо за объяснение, — кротко ответил Тарас, находя выход линии в одном из узлов волновой энергоинформационной ряби телефонных переговоров города. — Не подскажите, с кем я имею честь беседовать?

— Я сказал — ты слышал, Геракл засушенный. — Владелец

прокуренного баса кашлянул. — Все равно ничего не докажешь. Понял? Никто не видел, как метелили твоего дружка.

— Свидетели видели.

— Они уже отказались от показаний. — Бас хрюкнул. — Жить хотят, бля. Так что думай, голова, картуз куплю.

В трубке запульсировали гудочки отбоя.

Тарас улыбнулся, оценив последнюю фразу абонента. Мужик попался с юмором, хотя уровень этого юмора был сродни растопыренным пальцам «крутых» криминальных мальчиков.

— Тебя ожидает большой сюрприз, шутник, — вслух проговорил Тарас. — Спасибо за звонок. Жди гостей.

Он переоделся в черный свободный комбинезон, не стесняющий движений, захватил с собой «чеченку» — черную вязаную шапочку на всю голову, с прорезями для глаз и рта, сложил в сумку набор диверсанта Н-1: сюррикэны, колючие «каштаны», метательные иглы, перчатки с липучками и якорек с мотком бечевки. Не хватало светозвуковых гранат, но он собирался действовать быстро и без шума, поэтому гранаты в предстоящем походе были лишними.

В начале двенадцатого Тарас вывел машину из сарая и поехал в Нагатино. Владелец баса жил там, на перекрестке Судостроительной и Затонной улиц. Точнее определить координаты позволившего не удалось, но Тарас был уверен, что сможет найти его через Ведогона, «ангела-хранителя», духа, сопровождавшего род Горшиных.

Час пик в городе давно прошел, и доехал он довольно быстро, несмотря на две остановки у постов ГИБДД. Подавая документы, Тарас мягко и а ж и м а л на психику патрульных воркующей речью пополам с приятной улыбкой, и ему простили и высокую скорость, и езду на красный свет.

На перекрестке искомых улиц Тарас остановил машину и некоторое время рассматривал шеренги старых девятиэтажек. Точного адреса биоэнергетический «локатор» дать не мог, поэтому опираться на него не стоило. Теперь предстояло определить расположение квартиры или кафе, откуда ему мог позвонить неизвестный «доброжелатель», другим способом.

Устроившись поудобней на сиденье, Тарас закрыл глаза и сосредоточился на солнечном сплетении, вызывая ощущение тепла и тока энергии от сплетения к рукам, что, в свою очередь, вызвало приятное ощущение в з л е т а.

Внутреннее сосредоточение не заняло много времени, из медитативного упражнения оно постепенно становилось необходимой частью жизни. Пришло удивительное состояние «небытия»: тело исчезло, словно растворилось в воздухе, а сознание обрело свободу и превратилось в невесомое, расширяющееся бесплотное облако, поднявшееся над телом. Стремительно сменяя друг друга, пронеслись через голову «снизу вверх» необычные всплески ощущений-осознаний: грубой материальности тела, иллюзорности бытия как процесса информационного обмена, собственной малости в пространстве и времени, осознание важности духовного по сравнению с материальным и, наконец, осознание жуткой бездны У Цзи — Великой Пустоты, господствующей во Вселенной.

Тарас Витальевич Горшин, ученик и видящего суть вещей, получивший Посвящение седьмого уровня плана Человеческого Духа и ставший ведическим воином Внутреннего Круга, наделенный силой и поэтому уже отделившийся от человеческой массы, хотя и не завершивший процесс Вхождения, вышел в информационное поле Земли, имеющее разные названия, хотя чаще всего это поле исследователи называли Хрониками Акаши и менталом.

Еще через мгновение сознание Тараса «высунуло голову» из Пустоты и проникло в тайдзокай, «Чрево-Хранилище» Вселенной, в котором пульсировали бесчисленные сонмища информационных «файлов», имеющих каждый свою «геометрию», «скорость», «цвет» и «вес». Эти «файлы» иногда назывались духами Природы.

Голову Тараса (голое сознание) пронзили миллионы лучей невидимого света, и если бы не практика дзюнан-тайсо — постоянное и жестокое поддержание психической и физической формы, — он не выдержал бы взрыва пси-резонанса, ощущаемого как вопль многих тысяч бестелесных голосов. Вылетев из тела, он поднялся над кварталом города на две сотни метров и включил «автоответчик свой-чужой». Спустя мгновение его услышали.

— Мы здесь, — протек в уши свистящий шепоток.

«Мне необходимо вычислить точные координаты абонента, ментальный образ которого я запомнил».

— Рассредоточь внимание, стань пространством...

Тарас послушался, переставая осознавать себя существом из плоти и крови.

Сквозь протаявшую пелену призрачных всполохов света и пульсаций цветной световой паутины проявились темные кляксы, имеющие вид живых малоподвижных амёб. Две «амёбы» казались знакомыми, и, приглядевшись к ним, Тарас ощутил их угрюмое, недоброе н а п о л н е н и е. Это были ореолы биополей тех людей, кого он искал: обладателя прокуренного баса и водителя Шейникиса, принимавшего участие в нападении на Марата.

«На ловца и зверь... — подумал Тарас, сдерживая желание схватить «амёбы» руками и задушить. — Очень хорошо, что вы вместе. Спасибо, друзья!»

— Рады помочь... — прошелестел тоненький шепоток, исчеза.

Определить точные координаты «амёб» теперь не составило труда, и с тихим плеском сознание Тараса нырнуло в тело, возвращая его к жизни. Он посидел немного, окончательно приходя в себя, затем раскрыл сумку, рассовал по спецкармашкам костюма набор Н-1 и тенью выскользнул из машины.

Квартира, в которой находились объекты поиска, располагалась на третьем этаже старой пятиэтажки, подъезды которой не имели домофонов. Никем не замеченный, Тарас поднялся и сразу услышал громкие голоса, смех и музыку, доносившиеся из-за одной из четырех дверей, выходивших на лестничную площадку. Можно было не сомневаться, что искомые объекты поиска находятся здесь.

Тарас заклеил дверной глазок жвачкой, натянул «чеченку» и позвонил.

Шум в квартире не стихал. Однако через минуту за дверью что-то упало, раздался мат, к дверному глазку приник чей-то глаз. Затем раздалось ворчание, и дверь приоткрылась. Тарас рванул дверь на себя, внес человека, открывшего дверь, обратно в прихожую и придавил к стене, зажав рот:

— Тихо!

Мужчина в майке, небритый, потный и пьяный, испуганно пискнул. От него прынула волна таких запахов, что Тараса едва не стошнило. Он аккуратно нашел пальцем шоковую точку на шее хозяина и опустил его, потерявшего сознание, на захламленный какими-то коробками, газетами и вещами пол прихожей.

Закрыв входную дверь. Прислушался к нестихающему шуму в глубине квартиры.

— Кто там, Чалый? — выглянул из кухни еще один мужчина, голый по пояс, лохматый, изрисованный татуировкой, с бутылкой водки в руке. Едва ли он успел сообразить, что произошло, получив тин-кэн — удар пятью пальцами в область яремной ямки.

Подхватив бутылку, Тарас опустил его на пол, заглянул на кухню и точным щелчком-уколом в кадык усыпил грузного толстяка, сидевшего за столом и уминавшего шашлык. Затем тенью переместился к двери в гостиную и возник на пороге, разглядывая гулявшую компанию.

За столом в гостиной сидели трое парней и две девушки, завернутые в простыни, с влажными волосами; видимо, они только что вышли из ванной. Еще один мужчина, приземистый, крупногабаритный, могучий, грудь колесом, волосатый, стоя в углу у телевизора, что-то втолковывал водителю Шейникиса, и здесь не снявшему черные очки и белый пиджак.

Первыми Тараса (его черную тень) заметили девицы. Одна завизжала, вторая вскочила в испуге, показывая на него пальцем. Оглянулись и мужчины, не понимая, в чем дело. Самым трезвым и проворным среди них оказался волосатый богатырь, разговаривающий с парнем в очках. Он оттолкнул собеседника и выхватил из-под ремня за спиной пистолет. Однако выстрелить не успел. Тарас метнул в него иглу, которая попала в кисть руки, держащей пистолет, и с басовитым вскриком богатырь выронил оружие.

Водитель Шейникиса опомнился, тоже сунул руку за пазуху, и Тарасу пришлось бросать еще две метательные пластины. Одна попала в локоть парня, вторая в левое стекло очков. С криком водитель отшатнулся, схватился за лицо.

В гостиной стало тихо.

— Всем лечь на пол! — отчетливо проговорил Тарас, добавляя ментально-волевой посыл. — Лицом вниз! Вам тоже! — он указал на девиц в простынях.

Парни за столом проворно легли на пол, трезвея. На ногах остались пригнувшийся богатырь с волосатой грудью и поскуливающий от боли водитель Шейникиса. Звездочка сюррикэна разбила ему очки и, очевидно, поранила глаз.

— Ты кто? — густым протодьяконовским басом осведомился волосатый.

— Ангел возмездия, — усмехнулся Тарас. — Тот самый пидор, которому ты звонил. Ваша кодла избил моего друга, а так как следствие не торопится с поиском бандитов, я решил ускорить этот процесс. Вопрос первый: вы действовали самостоятельно или по приказу босса?

Волосатый выдернул из руки иглу, бросил на пол, глянул на Тараса исподлобья.

— Как ты нас нашел?

— По запаху. Спасибо за звонок, иначе я не скоро определил бы это гульбище. Итак?

— Пацан, ты сам себе роешь могилу. Знаешь, на кого ты наехал?

— На подонков, на кого же еще. Я задал вопрос! — Последние слова Тарас выговорил р е з о н а н с н о, так, что звук физической волной хлестнул по лицу обладателя баса. Тот отшатнулся, в глазах мелькнули озабоченность и растерянность.

— А если мы действовали самостоятельно, то что?

— В соответствии с этим и наказание будет назначено.

— Ты или кретин, или... — Волосатый не договорил.

Тарас перешел в т е м п, прыгнул через всю гостиную и нанес удар ногой в челюсть богатыря. Тот с гулом ударился спиной в стену комнаты, разнес этажерку с книгами и кулем осел на пол.

Тарас повернулся к водителю Шейникиса.

— Теперь твоя очередь. Ты ломал пальцы моему другу?

— Пошел ты!

Прыжок, два удара: один — ребром ладони по кисти руки, так называемый китэнкэн, или «серп», сломавший кисть, как соломинку, и второй — торцом ладони в подбородок. Водитель Шейникиса отлетел к телевизору, сбил его головой и без звука рухнул в угол.

— Bravo, ученичок! — раздался сзади чей-то пренебрежительно-насмешливый голос. Кто-то трижды хлопнул в ладоши.

Тарас обернулся.

Из коридора в гостиную вышел невысокого роста, но широкоплечий, с шеей атлета, молодой человек в черной футболке с черепом и костями и спортивных черных штанах с бело-синекрасным кантом. От него пахло угрозой и волной с и л ы, качнувшей внутренние защитные барьеры Тараса.

— Не узнаешь?

— Дмитрий, — глухо проговорил Тарас.

Парень улыбнулся, и от этой улыбки у Тараса свело скулы.

— Значит, узнал. Это радует. А где учитель?

— Его здесь нет.

— Понятно. Значит, ангелом мщения ты стал самостоятельно, не поставив его в известность. И это радует. В свое время я тоже ценил личную свободу и не терпел диктата. Может быть, пойдешь дальше? Зачем тебе нужен этот нудный старик? Ведь ты взял у него все, что он мог дать. Выходи на индивидуальный уровень, как я, и присоединяйся. В нашей системе ты будешь иметь все.

— В этой системе? — Тарас кивнул на лежащих на полу парней.

— Ну что ты, это не мой уровень, — усмехнулся бывший ученик Елисея Юрьевича, — да и не твой. Я работаю в Управлении «Т» Федеральной службы безопасности, знаешь, что это такое?

— Служба антитеррора.

— Совершенно верно. Хочешь, замолвлю за тебя словечко своему шефу?

— Мне вполне хватает того, чем я занимаюсь на работе.

— Смотри, больше предлагать не буду. Хотя лучше бы ты согласился сейчас. Надо ведь это как-то обосновать. — Дмитрий небрежно кивнул на зашевелившегося волосатого амбала.

— Это наказание.

— Они получили приказ.

— Я найду и того, кто этот приказ отдавал.

Бывший ученик Елисея Юрьевича засмеялся.

— Тебе до него не добраться, парень. Шейникис — один из отцов-основателей «Купола». Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Мне плевать, чей он отец. Он будет наказан!

Улыбка сбежала с губ Дмитрия. Он оценивающе оглядел ослабленную с виду фигуру Тараса в черном наряде «ниндзя», покачал головой.

— Похоже, ты еще не научился оценивать противника. Может быть, хочешь размяться, п р о й т и меня?

— Если потребуется, — бесстрастно сказал Тарас, переводя организм в сингл-состояние¹ и настраиваясь на вибрационный уровень ответа.

¹С и н г л — система инстинктов и рефлекторных реакций, выведенная в сознание.

— Ну-ну. — Дмитрий подобрался, качнув пространство гостинной мощной волной пси-энергетики. — Похоже, после Посвящения у тебя голова пошла кругом и ты решил, что можешь все. Ошибаешься, приятель. Даже если ты меня догонишь, тебе до меня далеко.

И он вдруг оказался буквально в полуметре от Тараса, на расстоянии гарантированного удара, близком к сфере поражения. Единственное, что успел сделать Тарас, это мгновенно выровнять внутричерепное давление в месте удара в голову, чтобы ослабить удар. И все же удар оказался достаточно сильным. Он потряс не только физический каркас Тараса, но и энергетическую оболочку, сбросив сознание в сферу психосоматики. Спасло его только сингл-состояние, превращавшее бойца в «робота» и позволявшее телу продолжать бой даже в беспамятстве, «на автопилоте», на уровне рефлекторных триггерных переходов, да вибрационная синхронизация этих переходов, поддерживающая высокоскоростные кондиции.

В течение двух десятых долей секунды Тарас успел нанести по трем векторам атаки два десятка ответных ударов, создавая веревку защиты, и заставил противника прервать атаку.

Дмитрий отступил, с некоторым замешательством разглядывая поединщика, не только оставшегося на ногах, но и ответившего тем по вой контратакой.

— А ты хорош, ученичок, далеко пойдешь... если не остановят. А как тебе вот такой трюк?

Он качнулся вправо-влево, как бы гипнотизируя Тараса, неуловимо быстро переместился за его спину, «размазываясь» от скорости, и нанес несколько ударов с обеих рук в затылок и в висок противника. При этом он выкрикнул короткое и страшное слово «мор!», громом отразившееся в ушах Тараса и погрузившее его в полубессознательное состояние. Тем не менее от удара в висок он уклонился, отвел молнию боли от удара в затылок, в черепные кости, и снова ответил вибрационным «веером» по трем векторам атаки, отбивая «мечи» и «копья» рук Дмитрия и заставляя его работать в защитном варианте.

Внезапно что-то изменилось.

Ураган атак Дмитрия — в полной тишине, если не считать дыхания находившихся в гостинной людей, причем не была задета ни одна деталь интерьера, — стих.

Тарас отпрыгнул к концу комнаты, не ощущая ментальных просверков намерений, предшествующих физическим атакам, и не сразу понял, что в гостиной появилось еще одно действующее лицо.

— Здрасьте, — насмешливо поклонился Дмитрий; у него припухла верхняя губа, один из ударов Тараса достиг цели. — Каким ветром вас сюда занесло, учитель?

— Стреляли, — ответил Елисей Юрьевич с интонацией одного из героев фильма «Белое солнце пустыни».

— Мне надо было догадаться, что ученик всегда действует с разрешения учителя.

— К сожалению, не всегда. — Елисей Юрьевич повернул голову к пришедшему в себя Тарасу. — Пошли отсюда.

— Одну минуту, джентльмены, — остановил их Дмитрий небрежным жестом. — А кто сказал, что я вас отпускаю?

Елисей Юрьевич и Тарас одновременно посмотрели на него. По губам учителя скользнула грустная улыбка.

— Нам не требуется твое разрешение, Дима, — сказал он тихо. — Иди своей дорогой, мы пойдем своей.

— Ах ты, гаденыш! — взревел вдруг волосатый здоровяк, вскакивая и бросаясь на Тараса.

Затем раздался утробный выдох, богатырь сунулся носом в стол, сбивая на пол тарелки, чашки, бутылки, и затих.

Дмитрий оценивающе посмотрел на Тараса, удар которого был практически незаметен, ухмыльнулся.

— Демонстрация для слабонервных. Ваша «универсалка» еще не «наваждение», и тебе до меня далеко.

В то же мгновение Тарас перелетел через стул, оказался в метре от Дмитрия, сделал три мгновенных выпада, парированные противником блоком-уходом, но справа уже вырос Елисей Юрьевич, подставил голову, и, когда Дмитрий автоматически ударил, купившись на прием, Елисей Юрьевич ответил невероятно быстрым и точным спиралевидным движением, уходя с острия атаки, и ударом кулака в висок противника.

Дмитрий кубарем отлетел в глубь прихожей, группируясь на лету и вставая на ноги с защитным веером рук, несколько мгновений обалдело смотрел на бывшего учителя остановившимся взглядом. Тряхнул головой и исчез. Из коридора донесся его удаляющийся голос:

— Мы еще встретимся, господа. Тренируйтесь...

Елисей Юрьевич шагнул к выходу.

— Уходим.

Тарас оглянулся на зашевелившихся хозяев, на водителя Шейникиса, скорчившегося в углу гостиной.

— Марата избивали трое...

— Уходим, я сказал! Сейчас здесь будет спецназ «Купола», а я воевать не намерен.

Тарас повиновался.

Один за другим они почти невидимыми призраками выскользнули из дома, пересекли двор, улицу и нырнули в кабину машины Горшина.

— Поехали, — сухо сказал Елисей Юрьевич.

— Извините, — виновато пробормотал Тарас. — Я не знал... о «Куполе»...

— Шейникис действительно является одним из директоров «Купола». Его кличка — Барон.

Тарас невольно усмехнулся.

— Меня прозвали Графом за то, что я играл в детстве в игры мушкетеров, а его за что прозвали Бароном?

— Не знаю.

— Дмитрий тоже работает на «Купол»?

— Он связной координатора «Купола» господина Ельшина, заместителя начальника Управления «Т» ФСБ.

— Почему вы мне об этом раньше не говорили?

— Не думал, что ты избереешь путь потерь.

— Какой путь? — не понял Тарас.

— Посвящение в Круг не дает тебе права действовать так, как действуешь ты, — прямо, грубо и без расчета последствий. Законы метаболя, а тем более законы Круга, запрещают его адептам мстить.

Тарас упрямо сжал губы, глухо проговорил:

— Это не месть, это восстановление справедливости...

Елисей Юрьевич вздохнул, глядя на ученика с сожалением, и промолчал.

Мимо с воем промчались два «фордовских» микроавтобуса, свернули во двор дома, где гуляли подручные Шейникиса. Это был опоздавший бандитский «спецназ».

Глава 9**«КУПОЛ»**

Эта организация возникла на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий путем сращения организованного криминала и коррумпированной части чиновников госаппарата. Ее власть постепенно росла, количество людей, занятых в сфере теневой экономики, увеличивалось, а влияние на государственные структуры достигло такого уровня, что «Купол» вполне мог оперировать финансовыми потоками, ресурсами, сырьем, исполнителями, судьбами коллективов и организаций в масштабах таких мощных структур, как естественные отечественные монополии — Российская энергетическая компания и Газпром, вместе взятые.

В оперативное руководство «Купола» входили люди разных политических взглядов и разных мировоззрений, в том числе офицеры высшей военной элиты, успешно торгующие оружием за спиной государства, и даже сотрудники таких ведомств, как МВД и ФСБ. Именно благодаря их деятельности «Куполу» удавалось сохранять и приумножать свои ряды и работать без особого напряжения: ни Министерство внутренних дел, ни Федеральная служба разведки не владели полной информацией о планах и структуре «Купола» и уже по этим причинам не могли работать против него с достаточной эффективностью.

Главных руководителей «Купола» было шестеро: один президент и пять директоров. Изредка директора тихо менялись, но эта ротация никак не отражалась на деятельности организации, разве что увеличивала ее доходы. Директора называли друг друга только по имени-отчеству, их же знали все только по кличкам: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф и Барон. Президентом «Купола» был человек без клички и без лица. То есть все знали, что он существует, и даже называли его по имени-отчеству — Георгий Георгиевич, когда он выходил на связь с директорами, однако никто и никогда его не видел. На совещаниях от его имени всегда выступал молодой, красивый, ощутимо опасный Генрих Герхардович Ельшин, полковник ФСБ, заместитель начальника Управления антитеррора, который имел право решающего голоса и играл роль начальника охраны босса «Купола».

Клички директоров обычно отражали род их официальной службы.

Летчик был заместителем Главкома военно-воздушных сил страны, работал в Генштабе Министерства обороны и курировал работу военно-промышленного комплекса.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а главное — был «хавмачманитором Купола», объединяя и координируя работу сети его банков.

Мэр, естественно, работал в мэрии столицы и одновременно координировал работу всех криминальных сфер Москвы с родственными системами в других городах России, а также в СНГ и за рубежом. Его клан контролировал всю розничную торговлю в столице, кроме разве что торговли наркотиками, которая управлялась «юго-западной» группировкой чечено-узбекской мафии.

Шериф недавно сменил на этом «посту» бывшего директора, прокурора Центрального округа столицы, хотя и сам был из этих же кругов — одним из замов Генерального прокурора России. Смена же была вызвана скандалом, разгоревшимся после того, как широкой общественности стала доступна пленка с записью досуга прокурора в компании жриц любви.

Бароном «Купола» стал самый крупный акционер «Чукотнефти», в свое время едва не загремевший под суд за махинации со скупкой недвижимости на Чукотке в бытность свою ее губернатором. Ныне он был больше известен как владелец третьей части бензозаправочных станций Москвы и Подмоскovie.

Обычно лидеры «Купола» собирались на совещания в мэрии столицы или на нейтральной территории московского катрана, совмещавшего игорный дом и сауну, где можно было встретить как любого чиновника, так и любого главаря бандитских фирм, по возможности не рискующего появляться в общественных местах. Но в катране царили негласные законы перемирия, и правоохранительные органы эту территорию не трогали, ограничиваясь засылкой агентов.

Однако на сей раз отцы «Купола» собрались по просьбе президента на его даче в Кунцеве. Точнее — на одной из дач. По слухам, Георгий Георгиевич имел около двух десятков коттеджей в Подмоскovie и на Черноморском побережье. Сам он, естественно, на встрече не присутствовал. Вел совещание Генрих Ельшин, прибывший с личным телохранителем, которого звали Дмитрий. Это было все, что знали о нем боссы «Купола».

Расположились в большой столовой дачи, за общим столом, на котором, кроме минеральной воды в бутылках и стаканов, ничего не было.

— Итак, господа бизнесмены, приступим, — начал совещание Ельшин, обводя глазами лица присутствующих, разные в силу биологических отличий, но похожие печатью едва заметного пренебрежения ко всему на свете, в том числе — к своим коллегам. — Георгий Георгиевич приветствует вас и слышит, но хочу сразу предупредить: он недоволен вашим отношением к его советам. Наверное, вы забыли, что советы президента по сути — приказы.

— Мне это не нравится, — брюзгливо заметил Барон.

Ельшин посмотрел на него прицеливающимся взглядом.

— Что именно вам не нравится, Эдуард Артурович?

— Во-первых, мне не нравится, что на совещаниях не бывает Георгия Георгиевича.

Директора переглянулись.

— Я не привык подчиняться человеку, которого не знаю и даже ни разу не видел, — продолжал Шейникис. — Во-вторых, мне не нравится, что от имени президента говорите вы.

Ельшин усмехнулся.

— Хотите услышать мнение Георгия Георгиевича по этому поводу? Могу предоставить вам такую возможность.

Что-то щелкнуло, и в столовой из невидимых динамиков зазвучал хриплый астматический голос:

— Ты плохо себя ведешь, Эдик. Я не хотел начинать с анализа твоей деятельности, но уж коль ты затронул тему властных полномочий, поговорим и об этом. Я не присутствую на совещаниях по одной причине: прикован к инвалидной коляске. Хотя знаю о вас все и прекрасно слышу, о чем вы говорите. Даже дома с женами. — Послышался смехок. — Теперь о тебе. К сожалению, мы поспешили ввести тебя в состав директоров. Слишком много ты делаешь ошибок и... — голос умолк.

Шейникис-Барон взмок.

— ...и ведешь себя как чванливый болван, — закончил Георгий Георгиевич безжалостно. — Ты еще не Господь Бог и даже не его наместник, чтобы диктовать всем свои законы. «Купол» такое поведение не приветствует. Смотри, как бы не пришлось отключать... электроэнергию. — Еще один хриплый смехок.

— Я не понимаю... — пробормотал Барон, вытирая платком вспотевший лоб.

— Генрих, объясни ему.

Ельшин наклонился вперед, приятно улыбаясь.

— У вас плохо обстоят дела с кадрами, Эдуард Артурович. Вы окружили себя безмозглыми качками, не умеющими ни думать, ни защитить вас, ни даже постоять за себя. Какого дьявола вам понадобилось посылать своего дуболома Коляню для избияния теннисиста? Ведь виноват в инциденте у ресторана не теннисист, а ваш водила.

Шейникис скривил губы.

— Моим парням пришлось заплатить...

— Так ведь они сами на это запросились. И побил их — кстати, совершенно справедливо — не теннисист, а его дружок. Почему же вы послали своих «шестерок» не к нему?

— Дойдет очередь и до него.

— Скорее он первым до вас дойдет и, насколько я вник в ситуацию, укоротит.

Глаза Барона зловеще сверкнули.

— К черту ваши советы! Я никому не позволю...

В то же мгновение рядом с ним возник телохранитель Ельшина Дмитрий и сжал шею Барона особым образом. Прошипел:

— Повежливей, приятель! Ты не бессмертен! Или ты делаешь, что тебе говорят, или твоим бизнесом займется другой человек. Усек? На охрану больших надежд не питай, тебя она не защитит.

— От... хрр... пус... хрр... ти...

— Отпусти его, Дима, — качнул пальцем Ельшин. — Эдуард Артурович все понял. А если не понял, ему действительно лучше заняться другим делом. Мы-то здесь в безопасности, а вот за стенами дачи — каждый за себя. Последуйте моему совету, господин Барон, смените телохранов. Они у вас годятся разве что для рыночного рэкета.

Дмитрий отпустил побагровевшего Шейникиса, и тот, бросив на него ненавидящий взгляд, стал массировать горло.

— Я ничего не понимаю, — сказал Мэр жирным голосом. — Что, собственно, происходит?

— Парни Барона захотели показать свою крутость, и их обломали.

— Кто?

— Вы этих людей не знаете. Один из них работает в Комитете

экологической безопасности, занимается единоборствами. Он нашел этих болванов и отделал по полной программе.

— В одиночку?

— Один. Правда, потом к нему присоединился его учитель, Елисей Смирнов, а это уже серьезный противник. К тому же он работает в аналитическом отделе службы.

— Службы безопасности? Значит, вы коллеги?

— В некотором роде, — усмехнулся Ельшин. — Коль уж об этом зашел разговор, давайте начнем с него. Он очень сильно мешает нам, президенту и всему нашему делу, так как дает правильные советы директору ФСБ. С ним пора кончать. А для этого понадобится ваша помощь.

— Поскольку мы не в курсе, рассказывайте все, — потребовал Летчик. — Нет такого деятеля на свете, которого нельзя купить или в крайнем случае ликвидировать.

— Во-первых, он человек Круга. Не улыбайтесь, Эдуард Артурович, Внутренний Круг и Союз Неизвестных так же реальны, как и наш «Купол», только они не вмешиваются в житейские разборки, а если вмешиваются, то незаметно. Во-вторых, нам стало известно, что Смирнову предложено возглавить некую организацию, которая будет бороться с криминалом вне госструктур.

— Тайная полиция, что ли? — скептически поднял брови Банкир.

— Нечто в этом роде. Организаторы из числа бывших работников КГБ и силовых структур собираются назвать свое детище «Стопкримом» или «Чистилищем», а воевать они собираются не с кем-нибудь, а с нами, господа. Теперь понятно, почему нам нельзя выпячиваться, демонстрировать свое презрение к закону, как это делает уважаемый Эдуард Артурович? Теневая экономика потому и называется теневой, что не нуждается в рекламе.

Все посмотрели на Барона. Тот заерзал.

— Надо предупреждать...

— Надо вести себя тихо и скромно, господин Барон, по средствам, так сказать. — Ельшин рассмеялся. — Это залог успеха и движения к цели.

— Я могу ликвидировать этого вашего Смирнова в два счета.

— Это надо сделать хитро и умно, что едва ли вам по силам. — Ельшин посмотрел на Летчика. — Михаил Владимирович, нам стало известно, что мать и жена Смирнова в данный мо-

мент находятся в Чечне. Не можете связаться с командой наших приятелей, отстреливающей русских в Грозном?

— У меня есть канал связи с арабами, через них я выйду на Гелаева.

— Отлично. Пусть ликвидирует жену Смирнова. Нам надо выманить его из Москвы, где у него много помощников и связей, в Грозный, где мы и подготовим ему встречу. О деталях плана поговорим позже. Теперь другие проблемы.

— Вы говорили, что у нас есть некий могущественный союзник, — проворчал Мэр. — Почему бы не привлечь его для ликвидации Смирнова и вообще всего Круга?

Ельшин и Дмитрий переглянулись с одинаковыми беглыми усмешками.

— Боюсь, вы не понимаете, о чем говорите, уважаемый Борис Миронович. Внутренний Круг существует столько же лет, сколько и все человечество, это как бы его второй эшелон. Даже наш союзник не в силах его уничтожить. Но, может быть, мы и привлечем его к ликвидации Смирнова, если не сможем сделать это сами. И если он согласится. Но к делу. Первая серьезная проблема — создание нового поколения пси-оружия...

— «Глушаки», — буркнул Летчик, оживляясь.

— Совершенно верно, «глушаки», или пси-генераторы «удав». Как идут дела в этом направлении, Николай Николаевич?

Шериф достал электронный блокнот и щелкнул кнопкой включения. Он курировал разработку психотронных излучателей, которую вели как спецслужбы, так и лаборатории «Купола».

По сути, только теперь и началось рабочее совещание этой организации, замахивающейся на б о л ь ш у ю власть в стране.

Глава 10

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Начальник Комитета явно был не в духе. Он смотрел в стол, долго рылся в бумагах, сопел и молчал. Затем поднял глаза на стоявшего по стойке «смирно» Горшина и кисло улыбнулся:

— Не тянись, Тарас Витальевич, выше не вырастешь.

Возможно, он действительно имел в виду рост эксперта, но

Тарасу вдруг показалось, что Самсонов намекает на что-то другое. Поговаривали, что он побаивается умных подчиненных, способных занять его место.

— Что-то случилось, Юлиан Львович?

— На тебя пришла «телега» из ФСБ, намекающая на некий компромат. Ты случайно не шпион, Тарас Витальевич?

Тарас усмехнулся.

— Чистый ариец, в порочащих связях замечен не был.

— Тогда ты кому-то из этих людей наступил на мозоль.

Тарас вспомнил встречу с Дмитрием, бывшим учеником Елисея Юрьевича, который, по словам учителя, работал с неким Ельшиным, заместителем начальника Управления «Т» ФСБ.

— Это какая-то ошибка, Юлиан Львович.

— А они утверждают, что ты плохо себя ведешь. Первый сигнал поступил, когда ты ездил в Кадом. Мне посоветовали тебя отозвать, но ты все равно поступил по-своему, заварил такую кашу, что мне уже звонил... э-э... — Самсонов поднял глаза вверх. — Понял?

— Неужели президент? — с простодушным уважением сказал Тарас.

— Не президент, но человек власти. Начальник его администрации. Теперь вот второй сигнал. Не знаю, где ты засветился, Тарас Витальевич, но мне это активно не нравится. Еще раз получу сверху такую бумаженцию, — Юлиан Львович брезгливо приподнял краешек письма с золотым тисненым двуглавым орлом в уголке, — и тебе придется искать себе другую работу.

— Постараюсь не делать резких телодвижений, — ровным голосом сказал Тарас, поедая начальство глазами.

Самсонов снова криво усмехнулся, махнул рукой.

— Не ерничай. Даю тебе двухнедельный отпуск, поразмышляй на досуге. И не дерзи старшим.

Тарас хотел было возразить, отпуск в апреле ему был не нужен, однако встретил взгляд начальника и понял, что сопротивляться не стоит.

— Спасибо, Юлиан Львович. Надеюсь, я смогу взять оставшуюся часть отпуска летом?

— Посмотрим... на твое поведение.

Тарас шелкнул каблуками, повернулся и вышел из кабинета главы НКЭБ. В приемной он спросил у секретарши, понизив голос:

— Женечка, какая муха укусила нашего главного эколога? Меня вот услал в отпуск ни за что ни про что.

— Сама удивляюсь, — повела плечиком миловидная секретарша. — С утра рычит на всех, аки лев.

— Надо ему дать успокоительное, — посоветовал Тарас. — Рюмочку рому, например. Говорят, расширяет сосуды головного мозга... у кого он есть. Да, и не забудь отметить в приказе, что я с завтрашнего дня в отпуске.

— Тогда уж с понедельника, Тарас Витальевич, сегодня уже пятница.

— Ну, с понедельника. До свидания, киса.

В своем кабинете Тарас разобрал папки с бумагами, отослал по имейлу в разные адреса неотправленные письма и некоторое время размышлял, куда податься вечером. Оксана должна была уехать с мужем к маме, как она говорила, поэтому «обычный» вид отдыха отпадал. Тогда Тарас повязал галстук, накинул замшевую куртку болотного цвета и поехал в фитнес-клуб «Фит энд Фан», где работала Оксана. Там его уже знали как завсегдатая, а главное, там можно было поиграть в бильярд с авторитетными людьми.

Однако поиграть в бильярд не удалось.

Пройдя металлодетектор и поздоровавшись с вежливыми молодыми охранниками клуба, Тарас зашел в бар, чтобы заказать кофе, и сразу же увидел Оксану. Но не за стойкой бара, а сидящую за столиком в компании пожилого солидного мужчины в дорогом костюме. Но не мужа. Ее мужа — сутулого жердя с вечно хмурым лицом — Тарас однажды видел.

Она то и дело прижималась к плечу незнакомца и пыталась кормить спутника дольками ананаса.

Тарас замер, приняв эту картину за галлюцинацию, так как его подруга в данный момент здесь не должна была находиться, затем уловил сочувствующий взгляд сменщика Оксаны за стойкой бара, попытлся, чтобы тихонько ретироваться, и в этот момент его заметила Оксана. По лицу девушки пробежала гамма переживаний от растерянности до гнева и даже ненависти, пока не осталась гримаса виноватой улыбки. Она что-то сказала своему кавалеру и догнала Тараса в коридоре.

— Что ты здесь делаешь?

— Привет, — спокойно сказал Тарас, ощущая бьющую от Оксаны волну эмоций. — Я же не спрашиваю, что здесь делаешь ты. Успела вернуться?

— Я все объясню... позже...

— Хорошо, пусть будет позже. Это кто, твой отец?

— Ты никогда меня не ревновал. И это не тот... случай... мы с ним знакомы много лет. Он мой... друг, работает в Министерстве торговли, и у него неприятности.

— А ты решила его утешить.

— Да, — с вызовом сказала Оксана. — Что в этом плохого?

— Ничего. Но меня ты могла бы предупредить, я человек нервнивый и понятливый. Хотя не люблю, когда говорят неправду.

Лицо Оксаны вспыхнуло, взгляд сделался надменным.

— Ты меня хочешь оскорбить?

— Боже упаси! — поднял Тарас ладони. — Давай не будем выяснять отношения здесь, я хочу этого меньше всего. Потом поговорим. Иди, тебя ждут.

Он повернулся к девушке спиной и зашагал к бильярдной комнате.

— Ты тоже не святой, — сказала она ему в спину. — Мне передали, что ты ездил в Рязань с какой-то вертихвосткой.

Тарас оглянулся.

Оксана смотрела на него, кусая губы, и владели ею сейчас два далеко не теплых чувства: раздражение и обида.

Он улыбнулся и зашагал дальше, ощущая, как рвется ниточка понимания, соединявшая их. Когда он оглянулся на пороге в бильярдную, Оксаны уже не было у входа в бар.

Тарас вздохнул, с грустью признаваясь самому себе, что на любовном фронте ему не везет. Оксана не любила его, иначе все у них было бы по-другому. Но и он не питал к ней сильных чувств, принимая тот образ жизни, который сложился без особых усилий и переживаний. Им было хорошо вдвоем — и только, поэтому особенно нервничать из-за наметившегося разрыва не стоило. С другой стороны, приятного в этой истории было мало. У него и так не хватало друзей, и потеря одного из них больно билась по самолюбию. Хотя вряд ли он смог бы признаться в этом учителю или кому-нибудь вообще.

По-видимому, нечаянная встреча с Оксаной, повлекшая за собой раздрай чувств, и не позволила ему оценить обстановку в клубе. Лишь появившись в бильярдной, он уловил дуновение холодного ветерка опасности и насторожился. Однако было уже поздно.

Дверь за ним закрылась, и он оказался окруженным тремя мощного вида парнями в светло-серых костюмах, уверенных в себе, деловито-спокойных, с обманчиво равнодушными лицами и пустыми глазами профессионалов спецназа.

Из-за бильярдного стола вышли еще двое мужчин, и в одном из них Тарас узнал бывшего ученика Елисея Юрьевича. В руке Дмитрий держал бутылку из красного стекла с этикеткой «Спирит оф Хемп». Второго он раньше никогда не видел. Мужчина был одет в отлично сшитый костюм песочного цвета, под которым тело обнимала черная рубашка. Галстук у него был лилового цвета с эксклюзивной прострочкой и монограммой ГГЕ.

— Добрый вечер, Тарас... э-э, Витальевич, — произнес красавец звучным баритоном. — Много наслышан о вас, вот и решил познакомиться. Оказалось, вас легко просчитать. Проходите, располагайтесь, будьте как дома. Не желаете сыграть партию?

Тарас оглянулся на загораживающего выход атлета, хладнокровно приблизился к столу. Учитель советовал в таких случаях подыгрывать противнику, пока имелся шанс обойтись без боя.

— Почему бы и нет? Однако хотелось бы узнать, с кем я имею честь играть.

— Полковник Ельшин Генрих Герхардович, Управление «Т» Федеральной безопасности, — небрежно сказал красавец. — А это мой друг и защитник Дима. С ним вы уже знакомы.

Дмитрий усмехнулся, не сводя с Тараса оценивающе-пренебрежительного взгляда, и поднял бутылку.

— Хочешь глотнуть? Настоящая марихуана. Правда, концентрация слабенькая, но легкий приятный кайф обеспечивает.

— Спасибо, не балуюсь.

Тарас уже знал, что в Москве появилось австралийское пиво с экстрактом конопли¹, но пива он не употреблял вообще, и уж тем более не желал испытывать кайф от легкой дозы «травки».

— И правильно, — кивнул Дмитрий. — Как говорится, в здоровом теле здоровый дух. Хотя я бы посоветовал испытать все,

¹«Spirit of Hemp» — «дух конопли» (англ.).

пока есть возможность и время. Кто знает, сколько нам жить осталось.

— Итак, начнем? — Ельшин выбрал кий, взвесил в руке, посмотрел вдоль него, прищуря глаз. — «Горку», «класс» или что попроще?

— Что попроще.

— Тогда погоняем номерную «шестеркой». Не возражаете?

— Ни в коем разе.

— Прошу, ваш первый ход.

Тарас взял кий, тоже взвесил в руке, оценивая балансировку гладкой конусовидной палки, и обошел стол, прикидывая все его плюсы и минусы. Включилась интуиция, высвечивая «глухие» лузы и «ватные» борта. Заиграли разными цветами шары в треугольнике, отличаясь массой — в доли грамма — и резонансно-упругими возможностями. Тарас прицелился и аккуратно выбил из стартового треугольника крайний шар, откатив его к борту таким образом, чтобы его нельзя было забить. При этом и основной — лобовой шар, «шестерка», по спирали обошел треугольник шаров и остановился у другого борта.

— Хороший расчет, — хмыкнул Ельшин, оценивая позицию. — Даже мой учитель не шелкнул бы лучше. Что ж, будем рисковать.

Он крученым ударом послал шар в обход не тронутого каре остальных шаров, задел крайний шар, получился двойной рикшет, и куча шаров рассыпалась.

— Н-да, какая незадача, — сказал Дмитрий, скептически разглядывая новую расстановку шаров. — Риск явно себя не оправдал.

— На что играем? — Тарас поднял глаза на Ельшина.

Тот задумчиво потянул себя за ухо, покосился на своего телохранителя.

— Вопрос не лишен смысла. Могу предложить один красивый вариант. Выигрываете вы, мы вас отпускаем. Выигрываю я, вы начнете играть на моей стороне и в моей команде. Идет?

Вместо ответа Тарас кинул взгляд на стол и стремительно начал забивать шары. За полминуты он забил семь шаров, обходя «глухие» лузы, и лишь с восьмым возился дольше всего, прицеливаясь с особым расчетом, зная, что, во-первых, ему будут мешать энергетически, и, во-вторых, что, если он не забудет этот шар, Ельшин не даст ему шансов выиграть.

Удар действительно был сложен — от двух бортов в угол, но расчет Тараса оправдался.

Он ударил.

Дмитрий «выстрелил» направленным звуковым пакетом (не-что среднее между выдохом проклятия «сдохни!» и возгласом «оум!»), сбивая шар с траектории.

Тарас в ответ, одновременно с Дмитрием, щелкнул языком, посылая узкий звуковой импульс «ттак!», и шар, не попав в рассчитанную цель, крутанулся волчком, задел шар у лузы и с треском влетел в центральную «глухую» лузу, пропускавшую шары впритирку.

Зрители команды Ельшина зароптали, шевельнулись и застыли. В комнате стало тихо.

Тарас опустил кий, выпрямился.

Ельшин несколько мгновений смотрел на стол, раздувая ноздри, потом бросил на смущенного Дмитрия злобно вспыхнувший взгляд и повернулся к победителю.

— Поздравляю, эксперт. Хорошая работа. Я тебя недооценил. На сегодня ты свободен. Но прими добрый совет: не лезь в наши разборки! Долго не проживешь.

Он отвернулся, махнул рукой, созывая своих спецназовцев, и быстро вышел из бильярдной. В комнате остались Тарас и задержавшийся Дмитрий.

— Если бы не приказ шефа, я бы тебя с удовольствием убрал, — проговорил он с приятной улыбкой. — Без суда и следствия. И без следа. Уж больно ты прыток, ученичок. Но запомни и мой совет: не нарывайся! Тебе со мной не совладать, даже если ты получишь гримуар «навного» боя. В древние системы, которые пытается воскресить твой учитель, я не верю. Перволюди не умели драться.

Дмитрий неуловимым движением выхватил из кармашка на куртке звездочку саякэна, метнул мимо недрогнувшего Тараса в стол. Саякэн щелкнул по шару, подкатывая его к угловой лузе, срикошетирил, и Тарас успел его перехватить. Тотчас же метнул обратно, добивая шар.

Дмитрий скривил губы.

— Любите добивать подставки, Граф. Хотя впечатляет. А вот так ты умеешь?

Он оперся ладонью о стол, выхватил метательную иглу и воткнул в руку, пробивая ее насквозь, буквально прибивая к столу... и тут же медленно поднял ладонь, оставляя иглу торчащей в

столешнице. Затем поднял руку к глазам, лизнул небольшую дырочку с розовыми краями, оставшуюся от иглы, подождал, пока она затянется, полюбовался ладонью с двух сторон и свысока посмотрел на неподвижного Тараса.

— Так-то, ученичок. Эта ступень «наваждения» называется Сатариал. Тебе до нее никогда не подняться. Живи... и думай. Пока есть чем.

Дмитрий исчез за дверью.

Тарас задумчиво приблизился к столу, разглядывая торчащую из него иглу длиной в десять сантиметров и толщиной в четыре миллиметра в самой толстой части. Проговорил хладнокровно:

— Хвастовство погубило многих, болван, погубит и тебя.

Учитель как-то признался, что напрасно начал тренировать Дмитрия по системе «наваждения», основной задачей которой было пресечение боя в любой стадии. Однако Дмитрий зря демонстрировал свое умение бескровного рассечения тканей. Это был действительно уровень Сатариал, дающий возможность по-настоящему жить собственному телу, но только лишь — второй уровень. Всего же уровней было пять, и учитель знал их все. Сам Тарас подошел к реализации третьей ступени «нави», имеющей название Гамчикот — Дьявольское Милосердие. На очереди были остальные ступени: Голаб — Дьявольская Жестокость, и Тогарини — Дьявольская Красота. Знание всех пяти уровней давало мастеру возможность овладеть первой стороной «живы», которая называлась «мертвой водой». Адепт «нави» мог заживлять любую рану и лечить любую болезнь. Не мог он только оживлять умерших. Для этого надо было овладеть второй стороной «живы», имеющей название «живая вода».

Тарас над этими проблемами особенно не задумывался, просто шел вперед по избранному пути. Теперь же, после второй встречи с Дмитрием, дал себе зарок, что непременно дойдет до высшей ступени «живы», изучив собственное прошлое и узнав тайны метабола, разработанного предками.

Он сосредоточился, вонзил в ладонь иглу и медленно протаскивал сверху вниз, раздвигая ткани и сосуды. Затем еще одним волевым усилием зарастил бледную ранку.

В дверь заглянул какой-то завсегдатай клуба в сиреневой кофте, похожий на постаревшего певца Сюткина.

— Вы не партнеров ждете?

— Я уже наигрался, — честно ответил Тарас, выходя из бильярдной.

В конце коридора мелькнуло платье Оксаны. Она торопилась утешить важного работника Министерства торговли. Тарас вздохнул, чувствуя грусть, сожаление и облегчение одновременно. Похоже было, судьба выводила его в какое-то новое состояние, требующее одиночества.

* * *

Неизвестно, что натолкнуло его на мысль позвонить учителю. Возможно, сообщение по телевизору о новых терактах в Грозном. Тарас вспомнил, что мать и жена Елисея Юрьевича находятся в данный момент в Чечне, и решил поговорить с ним о жизни.

Интуиция не подвела его и на этот раз.

Елисей Юрьевич выслушал приветствие ученика и тихим, напряженным, каким-то не своим голосом попросил его позвонить через три-четыре дня.

— Что случилось? — напрягся ответно Тарас.

Короткое молчание, потом тот же странный голос:

— В Грозном убили мою маму и Веру... Я лечу туда.

Тарас замер, не веря ушам, хотел было сказать: не может быть! — но лишь с трудом проглотил ком в горле. Сказал через несколько мгновений глухо, но твердо:

— Я лечу с вами! Ждите!

И положил трубку, чтобы Елисей Юрьевич не успел сказать «нет».

Через час он был в Митине, во дворе дома, где жил учитель.

Глава 11

ОСТОРОЖНО, ЧЕЧНЯ!

Положение Елисея Юрьевича Смирнова в иерархии служб ФСБ и звание полковника позволяло ему пользоваться всеми экстренными каналами связи и мобильного передвижения по стране. Лишь оказавшись в багажном отсеке военно-транспортного самолета, летевшего из подмосковной Кубинки в Чечню, Тарас смог оценить важность персоны учителя, получившего

«зеленый коридор» на любую помощь спецслужб в пределах действия особых полномочий.

Отказываться от компании ученика Елисей Юрьевич не стал, но предупредил, что самостоятельная деятельность Тараса в Чечне исключается. В противном случае лучше остаться дома. И Тарас вынужден был согласиться, понимая чувства учителя, потерявшего сразу двух самых близких людей.

Ночь не помешала полковнику Смирнову организовать свой отлет в Чечню буквально за полтора часа. Уже в два ночи одиннадцатого апреля учитель и ученик были на военном аэродроме в Кубинке, а еще через час вылетели на «Ан-12» с бортовым номером 333 в сторону Чечни вместе со взводом подмосковного спецназа, сопровождавшим какой-то секретный груз.

Тарас не взял с собой ничего, кроме смены белья, кроссовок и некоторой суммы денег. Одет он был по-походному: темно-синие штаны полуспортивного кроя, всепогодные ботинки с особой гибкой подошвой, «обтекающей» камни, свитер и куртку. Елисей Юрьевич надел строгий черный костюм и светлый плащ, выводящие его в ранг лица, имеющего право приказывать, и Тараса не удивляла реакция вовлеченных в их орбиту людей, беспрекословно подчиняющихся учителю.

Транспортник «Ан-12» не имел особых удобств для переброски людей, поэтому двум новым пассажирам пришлось лететь вместе с бойцами спецназа, молодыми, энергичными, уверенными в себе и не обремененными житейскими заботами. Они расселись по лавочкам вдоль бортов, устроив оружие между колен, и Тарасу с Елисеем Юрьевичем не оставалось ничего другого, как пристроиться к спецназовцам в конце салона. Командир корабля предложил было полковнику место в кабине пилотов, но тот отказался. Поэтому так и летели: слева от Тараса команда, справа учитель и еще дальше — контейнеры с грузом.

Сначала Тарас прислушивался к разговору молодых ребят, доносившемуся сквозь гул винтов: речь шла о шашлыках и о напитках, которыми их следовало запивать; к примеру, шашлык из баранины стоило запивать не вином, а более крепкими или горячими напитками, как утверждал один из участников спора. Тарас шашлыки не ел, поэтому предмет спора был ему безразличен, хотя он и знал, что парень, ратующий за горячее питье, прав. Бараний жир самый тугоплавкий из жиров, организм человека может переработать его только в жидком состоянии, а соки или минералка, которыми многие разбавляют водку, могут «заморозить»

жир, что непременно ведет к диспепсии, то есть к вульгарному несварению желудка.

Перестав прислушиваться к спору справа, Тарас попробовал было осторожно расспросить учителя о подробностях теракта, в результате которого погибли его жена и мама, но успеха не добился. Елисей Юрьевич молчал, откинувшись к стенке кабины, полузакрыв глаза, уйдя мыслями в себя.

Впрочем, причин нападения на русских жителей Чечни можно было не выяснять. Все еще не пойманные полевые командиры разного калибра, но одинаково безумные, до сих пор пытались дестабилизировать обстановку в республике, терроризируя русскоязычное население, убивая русских женщин, детей и стариков. То есть тех, кто гарантированно не мог дать им отпор. И федеральная власть до сих пор не могла или не хотела найти способ борьбы с этими подонками, проклятыми Богом и людьми.

Тараса в этом деле больше всего возмущала позиция силовиков, утверждавших, что им прекрасно известно, где прячутся главные идеологи джихада, «войны до победного конца»: Басаев, Хаттаб, Гелаев и Масхадов, — но «во избежание больших потерь среди военных операция по уничтожению главарей бандформирований невозможна». По мнению Тараса, здесь играли основную роль либо очень большие деньги, либо политика. Кому-то в федеральных верхах было выгодно, чтобы война в Чечне продолжалась.

Незаметно для себя он задремал и увидел сон, который уже снился ему с разными деталями и подробностями.

Перед ним вдруг открылась дверь, светящаяся, как голубой лед, и он вошел в огромный темный храм, колонны которого — в виде гигантских каменных идолов странной «человеко-насекомообразной» формы — поддерживали готический купол потолка. Дальняя стена храма казалась зыбкой, как пелена тумана, и сквозь нее иногда проступали очертания человеческой фигуры или светящееся лицо с внимательными лучистыми глазами. Женское лицо, по оценке Тараса.

В центре зала стоял гигантский трон из переливающихся цветами радуги драгоценных камней, а напротив, на возвышении, напоминающем массивный каменный пюпитр, лежала книга в толстом переплете.

Оглядевшись, ощущая ж и в у ю тишину храма, Тарас приблизился к трону, потом, снедаемый любопытством и ожидани-

ем чудес, взобрался на сиденье пятиметровой высоты и взглянул на книгу.

Тотчас же на ее обложке проступила светящаяся золотистая надпись: «Свод Повелеваний».

Откуда-то прилетел громахающий, но полный чудесного звона и силы голос:

— Это книга основ метаязыка. Ты готов к восприятию Истины?

— Э-э... готов, — после паузы подтвердил Тарас, чувствуя дрожь в коленях.

— Подойди.

Тарас приблизился к трону.

С тяжким гулом, так что содрогнулись стены и пол храма, книга раскрылась. На черном листе за обложкой высветились призрачным зеленым светом три изумительно красивые сложные руны. Холодея, Тарас прочитал вслух:

— Здраво... живо... добро...

Черная страница растаяла, но руны с нее перетекли на следующую страницу, коричневого цвета. К ним прибавились еще три такие же волшебны живущие, прекрасно вычерченные руны. Тарас продолжал читать:

— Славо... право... веде...

Превратившись в дым, исчезла и эта страница. На следующей — бордовой — сначала появилось одно слово, потом под ним текст, буквы-символы которого то и дело вспыхивали золотом, так что текст играл огнями, как россыпь золотых монет. Однако на этот раз Горшин не смог прочитать ни одного слова, в том числе названия главы, несмотря на знакомые буквы старославянской вязи.

— Что бы ты хотел понять-осознать? — напомнил о себе чарующий женский голос, и одновременно с ним из туманной пелены в конце зала проступил величественный женский лик, лик богини.

Тарас, открыв рот, замер. Такого красивого лица он еще не видел в жизни, и его появление было сродни удару по голове.

— Итак? Смелее.

— Э-э... я хотел бы овладеть искусством метабо... — промямлил он.

На лик богини упала тень. Пелена тумана взволновалась, окрашиваясь в оранжевый цвет, скрыла женское лицо. Голос дрогнул, отдалился, стал сожалеюще-печальным:

— Ты придаешь слишком большое значение боевым искусствам, идущий. Боевое искусство не заменяет мировоззрения, на мир надо смотреть шире. Ты даже не смог прочитать вводящее повеление — Мудро... Оно — основа отношений ко всему живому.

— Я хотел... я понял...

— Знание некоторых Ключей смысла еще не дает тебе права повелевать словами и явлениями. Мы поговорим в другой раз, когда ты прозреешь. Прощай.

— Подождите! — испугался Тарас. — Кто вы? Я уже видел вас... во сне...

— Сон сну рознь. Я Алконост, посланник инфарха. Удачи тебе, незавершенный...

Голос истончился, пропал.

Зал храма подернулся дымкой, стал таять, распался на струи дыма от непонятной вибрации.

Тарас проснулся, судорожно схватившись руками за сиденье.

Самолет дрожал и раскачивался, попав, очевидно, в область турбулентных завихрений, потом пошел ровнее.

Спецназовцы сопровождения продолжали спорить, теперь уже по поводу каких-то приоритетов в области живописи. Изредка сквозь гул доносились фамилии художников: Малевич, Чюрлёнис, Рерих...

Тарас встретил взгляд учителя и виновато улыбнулся.

— Уснул нечаянно.

Елисей Юрьевич продолжал оценивающе смотреть на него, и Тарас вдруг помимо своей воли рассказал ему свой сон. Елисей Юрьевич кивнул.

— Это зонг, наведенная пси-линия. Я это почувствовал. Ты в фокусе интересов инфарха.

— Это плохо?

— Ни хорошо, ни плохо. Если инфарх почувствует, что ты идешь не туда...

— Он меня ликвидирует?

— Что ты, Бог с тобой, — сдвинул брови Елисей Юрьевич. — Он и дьявол — по разные стороны баррикад. Инфарх всего лишь Координатор Круга, Верховный Хранитель, а не судья и не палач. В случае твоего своеволия тебя просто отключат от Хроник.

— От астрала?

— Астрал — это еще не Хроники, это скорее и с к а ж е н и е реальности, обход истинного знания. Не увлекайся походами в него.

Сбитый с толку Тарас недоверчиво посмотрел на учителя, но тот не шутил, пребывая в состоянии тоскливой отрешенности и ожидания. Можно было позавидовать тому, как он держится, и Тарас внутренне поежился, вдруг еще раз осознав, какая причина погнала их ночью на другой край земли. Сам он тоже терял близких: отца, двух дедов и бабушку, других родственников, дошедших до края жизни, но все они умерли от старости, естественной смертью, или от болезней (исключая отца-шахтера, погибшего во время взрыва газа под землей), и потеря их не казалась чрезвычайным событием, хотя и была нежелательной. Случай с учителем был к а ч е с т в е н н о иным: самых близких ему людей у б и л и! И он ничего не мог сделать, находясь в тот момент далеко от них.

Тарас почувствовал волну ненависти к неведомым убийцам и поклялся в душе, что сделает все, чтобы воздать им по заслугам.

— Она была такая мягкая и несамостоятельная... — заговорил вдруг Елисей Юрьевич с легкой грустной улыбкой на губах, глядя перед собой отсутствующим взором. — Мы плыли на теплоходе в Туапсе, начался пожар... Все бросились к шлюпкам, началась паника... А она стояла у борта, прижав кулачки к груди, в каком-то старомодном блестящем плащике...

Елисей Юрьевич снова улыбнулся.

Тарас замер, понимая, что учитель сейчас находится далеко отсюда, в своем прошлом.

— И в глазах ее была такая печальная покорность судьбе, что я не мог не остановиться... Прыгай! — кричу. А она вздрогнула, посмотрела удивленно и, в ответ, тихо и беспомощно: «Я плавать не умею»... Я сгреб ее в охапку и в воду... Так и познакомились. Ей было тогда девятнадцать лет. А прожили мы вместе сорок с лишним...

Тарас молчал. Собеседник учителю был не нужен, он разговаривал сам с собой.

Елисей Юрьевич закрыл глаза, привалился спиной к стенке салона и замолчал. Тарасу очень захотелось прижать его к себе, сказать что-нибудь ободряющее, однако делать этого он не стал. Учитель не нуждался в утешении.

Вскоре самолет снова затрясся, снижаясь, сделал круг над аэродромом у столицы Чечни и приземлился. Первыми из него выбрались Елисей Юрьевич и Тарас, попрощавшись с пилотами. За ними начал высаживаться притихший спецназ. Небо над аэродромом было затянуто тучами, утро занималось холодное и мгlistое, дул пронизывающий ветер, и парни ежились, отворачиваясь от ветра, не умея регулировать внутренний теплообмен, как это делали Тарас и учитель.

Гостей из Москвы у черной «Волги» с грозненскими номерами ждали двое мужчин. Один из них, плотного телосложения, в черной кожаной куртке, лысоватый, пожал руки прилетевшим, кивнул на «Волгу»:

— Садитесь, поехали.

Гости уселись в теплой кабине, «Волга» тотчас же тронулась в путь, пересекла территорию аэродрома и выехала на шоссе, соединяющее аэропорт с Грозным. За машиной сразу пристроился БТР сопровождения, а вперед вырвалась «Нива» дорожного патруля, что говорило не столько о возможности нападения боевиков, сколько об уважительном отношении к гостям.

Мужчина в куртке сел рядом с Елисеем Юрьевичем, и они заговорили о чем-то, понизив голос. Видимо, встречал гостей сотрудник местного отделения ФСБ, знавший Елисея Юрьевича в лицо.

Рассвело, когда небольшая колонна миновала блокпост на въезде в Грозный, достигла окраин столицы Чечни и снизила скорость. Бронетранспортер отстал. Шедшая впереди машина ДПС посигналила и тоже отвалила в сторону. Дальше «Волга» ехала по улицам города без сопровождения, ничем не выделяясь среди редкого потока автомобилей преимущественно отечественного происхождения.

Тарас не был в Грозном ни разу, поэтому с мрачным интересом осматривал улицы, отмечая появление новых трех- и пятиэтажных домов, а также читая вывески магазинов. Судя по их количеству, жизнь в городе налаживалась, несмотря на постоянную угрозу нападения боевиков-камакадзе, готовых «во славу» Аллаха подорвать себя и кучу народа.

Свернули на улицу Ленина, подъехали к двухэтажному зданию главного корпуса больницы. Открылись решетчатые ворота, «Волга» заехала во двор больницы. Мужчина в черной куртке по-

вел гостей к одноэтажному строению на территории больницы, на котором косо висела табличка: «Морг». Здесь их встретил худой лохматый чеченец в белом халате, открыл дверь.

Зашли внутрь. Помещение с цинковыми столами неожиданно оказалось стерильно чистым. Столов было с десяток, и на каждом лежали под простынями тела мертвецов. Работник морга откинул простыни с двух тел, отступил в сторону.

Елисей Юрьевич подошел к столу, замер, наклонившись над телом жены. Потом уткнулся лицом в ее грудь и снова застыл. Переглянувшись, Тарас и сопровождавший их особист вышли из морга.

— Как это случилось? — глухо спросил Тарас.

— Они возвращались с рынка, — таким же глухим голосом, нехотя, ответил мужчина в куртке. — Их встретили в переулке, недалеко от автобусной остановки. Подъехала старая «четверка» без номеров, из нее выскочили двое и открыли стрельбу из автоматов. Две очереди...

— Бандитов задержали?

Мужчина скривил губы.

— Как же, удержишь таких. Свидетелей было трое, но они запомнили только машину и то, что нападавшие якобы были в камуфляже и в масках. По таким приметам в городе можно задерживать каждую вторую машину и любого собровца в комбезе.

— Но ведь должны же быть какие-то следы, зацепки... Неужели свидетели ничего больше не разглядели?

Лысоватый особист смерил Тараса взглядом.

— Вы из конторы?

Тарас понял, что речь идет о ФСБ.

— Нет.

— Тогда не задавайте лишних вопросов, молодой человек. Может пострадать язык. В прямом смысле. Тут все живут по волчьим законам, по волчьим же и умирают.

Коллега Елисея Юрьевича отошел.

Тарас вздохнул, понимая его чувства. Он и сам с настороженностью отнесся бы к человеку, задающему вопросы о свидетелях на территории Чечни.

Елисей Юрьевич вышел через несколько минут с каменным, ничего не выражающим лицом.

— Поехали.

— Куда?

— Сначала в комендатуру. Договоримся о перевозке моих... — Елисей Юрьевич запнулся. — О перевозке тел на аэродром. — Он вдруг с тихой тоской ударил кулаком о ладонь. — Я же говорил им: не выходите лишний раз из дома! Собирайте вещи и уезжайте! А мама уперлась: я здесь родилась, здесь и... — он умолк, тяжело дыша, с видимым усилием справился с собой. Лицо Елисея Юрьевича снова приобрело каменно-бесстрастное выражение.

— Извини, что не сдержался... как видишь, люди Круга — не более, чем люди.

— Я понимаю, — тихо обронил Тарас.

Елисей Юрьевич болезненно усмехнулся, разглядывая его запавшими глазами, и Тарас убежденно добавил:

— Мы их найдем!

— А вот это лишнее! — твердо проговорил Елисей Юрьевич. — Выбрось это из головы! Расследованием занимаются компетентные органы, это их прерогатива. Мы приехали сюда не ради мести. Понял?

Тарас вздрогнул. Учитель прочитал его мысли.

— Ты понял или нет, спрашиваю?

— Понял, — кивнул Горшин, стискивая зубы.

Елисей Юрьевич еще раз смерил его оценивающим взглядом, отвернулся и зашагал к машине.

Из-за туч выглянуло солнце, заявляя об улучшении погоды, но Тараса это не обрадовало. Он знал, чем будет заниматься в Грозном после соблюдения всех формальностей по отправке «груза 200» в Москву.

Весь день они провели в переговорах с разными ответственными лицами Грозного и встречах с людьми разных возрастов, званий и полномочий в разных концах города. Не без напряжения им удалось договориться с военными летчиками о доставке тел жены и матери Смирнова в Москву, и лишь в больнице случилась заминка, едва не переросшая в инцидент.

Главврач больницы Хусаин Борзоев наотрез отказался выдать тела из морга, «до выяснения обстоятельств убийства», как он туманно выразился, хотя на руках у Елисея Юрьевича находилось предписание мэра Грозного о содействии «особому представителю» из Москвы всем, к кому он обратится за помощью.

Получив отповедь санитаря, не пустившего их в морг, Елисей Юрьевич и Тарас направились к главврачу на прием.

Хусаин Борзоев оказался немолодым человеком с темным костистым лицом горца, на котором выделялись усы и кривой нос. Глаза у главврача прятались в глубоких глазницах, и определить их цвет оказалось делом нелегким, хотя изредка они вдруг светлели и становились по-ястребиному зоркими. Выслушав посетителей, он коротко, с акцентом сказал:

— Забрать погибших нельзя. До выяснения обстоятельств гибели. Вопросы еще есть?

— У меня разрешение мэра, — хладнокровно сказал Елисей Юрьевич, доставая сложенный вчетверо лист бумаги с подписью и печатью.

— Здесь я хозяин! — тем же непреклонным тоном бросил Борзоев. — И будет так, как я сказал!

— Не надувай щеки, лопнут! — не выдержал Тарас. — Читать умеешь?

— Спокойно, Граф, — посмотрел на него Елисей Юрьевич недовольно. — Человек просто не понял, что ему требуется всего лишь выдать убитых.

— Ахмет! — повысил голос Борзоев, сверкнув недобрыми глазами. По всему было видно, что русских он не любит и готов идти до конца. Хотя причин для такого поведения, в общем-то, не существовало.

В кабинет ввалился могучего телосложения чеченец, похожий на известного всем террориста Басаева: бритая голова, усы, борода по грудь, волчьи глаза. Одет он был во все черное, кроме коричневых ботинок с высокой шнуровкой.

— Проводи гостей до выхода, — приказал главврач.

Тарас шагнул к вошедшему, сделал «медвежью стойку» и «качнул маятник», вызывая волну страха и бессилия.

Ахмет-«Басаев» отшатнулся, бледнея.

Тарас подтолкнул его к двери.

— Вас здесь не стояло... ждите в приемной!

Дверь за помощником главного врача закрылась.

Елисей Юрьевич шевельнул бровью, выражая тем самым неодобрение действиями ученика, повернулся к опешившему Борзоеву.

— Я думаю, нет смысла вызывать сюда спецназ. Или вы будете настаивать?

— Я тоже... могу... вызвать...

— Велик приказ, да мал начальник, — усмехнулся Тарас.

Главврач опомнился, пригладил волосы, глянул на дверь, на Тараса, наткнулся на его ледяной взгляд и вздрогнул.

— Что ж, может... э-э, мы договоримся. Кто эти люди, вы говорите?

— Моя мать и жена, — тяжело сказал Елисей Юрьевич.

— Понимаю ваши чувства... — Главврач сделался вежливым. — Давайте бумагу.

Он взял из руки Елисея Юрьевича письмо мэра, прочитал, покосился на Тараса и снял трубку телефона.

— Шамиль, оформи документы на выдачу тру... убитых... да, на женщин, что вчера привезли. — Он повернулся к москвичам: — Можете забирать.

— Их заберут завтра утром, — сказал Елисей Юрьевич. — С вашего позволения я зайду в морг.

— Это против наших правил, но вам я разрешаю. Ахмет!

На пороге возник тот же бородатый чеченец.

— Проводи гостей... э-э, на территорию. У них распоряжение большого начальства.

Ахмет молча посторонился, косясь на Тараса. Было видно, что он его боится по-настоящему. Пси-атака Горшина оставила в душе чеченца неизгладимый след.

В морг Елисей Юрьевич зашел один, не пустив ни Тараса, ни сопровождающего. Пробыл там десять минут и вышел с каменно-неподвижным лицом. Лишь взгляд его, слепой и сосредоточенный на внутреннем переживании, выдавал душевную боль этого сильного человека.

За воротами их ждала знакомая «Волга» с тем самым чекистом в кожаной куртке, который встретил их на аэродроме. Садясь в машину, Тарас обратил внимание на остановившуюся в отдалении «десятку» серого цвета с затемненными стеклами, но тут же забыл о ней. Голова была забита размышлениями о том, как найти и покарать убийц семьи учителя.

— Куда тебя? — спросил человек в куртке, обращаясь к Елисею Юрьевичу. — Может, поедem ко мне?

— Не хотелось бы стеснять, — проговорил Елисей Юрьевич

отсутствующим голосом. — Мы лучше переночуем в гостинице или в комендатуре.

— Никого вы не стесните. Сын уехал, у дочери своя комната, а мама и Дина будут только рады гостям. — Чекист тронул водителя за плечо. — Поехали ко мне, Саша.

«Волга» развернулась и устремилась прочь от центра города.

Спустя минуту за ней двинулась и серая «десятка» с затемненными стеклами.

Глава 12

АТАКА

Приятель Елисея Юрьевича, которого Тарас принял за сотрудника ФСБ, оказался старшим советником юстиции, прокурором чеченской столицы. Звали его Антоном Кирилловичем Хованским.

Жил он в собственном доме на окраине Грозного, в полукилометре от реки Сунжи. Дом был окружен глухим деревянным забором и охранялся овчаркой по имени Гриц. Вокруг дома росли яблони и сливы, участок был ухожен, чувствовалось, что ему хозяева уделяли много внимания. Тарас и сам любил возиться в саду, поэтому порядок усадьбы одобрил.

Хозяйство усадьбы состояло из двух строений — сарая и хлева, где содержались две козы и корова. Ни свиней, ни кур семья Хованских не имела.

В доме, накрытом разнокалиберными металлическими листами, было четыре комнаты и небольшая кухонька с русской печью. Мебель везде стояла старенькая, на полу лежали домотканые половики, создавая особый домашний уют. Тарас поразился совпадению: полы у него дома тоже были накрыты половиками, сотканными еще бабушкой Надей.

Встретили гостей домочадцы: дородная женщина с рыхлым, болезненным лицом — мать Антона Кирилловича, Валентина Матвеевна, его жена Дина, тихая и улыбчивая, и дочь Антонина, Тоня, очень похожая на мать, такая же тихая и милая, но почти не улыбающаяся. За весь вечер Тарас увидел ее улыбку лишь однажды, когда отец хвастался, что Тоня рисует «как заправский художник».

В самом деле, как оказалось, она прекрасно рисовала. Стены ее комнатухи были увешаны акварелями и рисунками цветным карандашом, хотя определить сразу, чем они нарисованы, не удавалось.

Рисовала Тоня в манере малевичевского супрематизма¹, передающей как ритмику и пластику движения, так и многозначительность положений. Такие положения сама Тоня называла «застывшей явью». О Казимире Малевиче и его методе самовыражения она почти ничего не знала, но вполне могла претендовать на место в Витебском объединении художника «Утвердители нового искусства», хотя дар ее был, наверное, масштабнее, чем у последователей Малевича, создателей русского авангарда. Во всяком случае, Тарас, регулярно посещавший художественные музеи и выставки и не раз бывавший на вернисажах Малевича, отметил не только точнейшую и тончайшую технику юной художницы, невероятную палитру и удивительное сочетание форм, но и глубину мысли, заложенную во всех полотнах.

Особенно долго он разглядывал рисунок под названием «Предок».

На нем в манере авангардистов пересечением спиральных и параллельных линий был изображен странный зверь, более всего похожий на... Инсекта! Точнее, на разумного таракана, блаттоптера сапиенс! Тарас готов был отдать голову на отсечение, что изображен именно Инсект, предок Перволюдей, а не просто фантазмагорическое существо Апокалипсиса.

— Что это? — поинтересовался он у девушки, когда взрослые вышли из комнаты.

Тоня покраснела, но ответила простодушно и твердо:

— Это наш предок. Такие звери жили на Земле. Очень давно. Я их часто вижу во сне.

Тарас пристально посмотрел на девушку, перевел взгляд на картину, покачал головой.

— Вам не нравится? — робко спросила хозяйка.

— Вы не представляете, как вы близки к истине! Дело в том, что я тоже иногда вижу таких... гм, зверей. Во сне. — Уточнить, где он видит Инсектов на самом деле, Тарас не стал. — Но главное не в этом.

¹От латинского *supremos* — высший.

— А в чем?

— Эти звери существовали реально и назывались Инсектами. Точнее, знающие люди их так называли.

— Правда? — Глаза Тони стали большими, в них проступило недоверие. — Вы шутите?

Тарас невольно залюбовался девушкой. Ее нельзя было назвать красавицей, по сути она была еще подростком с угловатой фигуркой, тоненькая, длинноногая, с едва наметившейся грудью. Но женщина в ней уже начинала брать свое, и этот зов чувствовался на расстоянии. А лицо Тони, милое, простое, с большими губами, чуть вздернутым носиком и с печального разреза глазами отчего-то притягивало взор и заставляло искать ее улыбку, преобразившую девушку настолько, насколько преобразает природу солнце, выглянувшее из-за туч.

Тоня поняла значение его взгляда, вспыхнула, с преувеличенным вниманием поправила висящую на стене картину, покосилась на него. Тарас засмеялся. Девушка смутилась еще больше, но засмеялась в ответ, и им сразу стало легко и свободно, будто упала некая стена, разделявшая их до этого.

Заговорили о художниках. Тоня показала свои пейзажи, выполненные в манере русского реализма, затем удивительные «космические» работы — пейзажи других планет, звездные скопления необычных форм и летящих ангелов, греющих руки у звезд. У девушки несомненно был дар (кроме канала, связывающего ее с Хрониками Мироздания, судя по рисунку Инсекта), и Тарас заговорил об учебе.

— Да, я хочу поступать в художественное училище, — сказала Тоня, складывая рисунки в папку, — во Владикавказе есть, в Ставрополе, но одну меня не отпускают, а родственников там у нас нет.

— Тебе лучше в Москву, в институт Сурикова, — посоветовал Тарас. — Могу посодействовать.

— Правда? — Глаза Тони засияли и тут же погасли. — В Москву меня тем более не отпустят. Да и денег нет на учебу.

— Я поговорю с твоим отцом, что-нибудь придумаем. Будет несправедливо, если твой дар окажется невостребованным.

— Папа говорит, что справедливость в нашей стране спит. А бабушка вообще не хочет выходить из дома, всего боится.

— Один умный человек сказал, что справедливость — это равновесие добра и зла. К сожалению, в нынешние времена это

равновесие нарушено, и надо приложить немало усилий, чтобы его восстановить.

— Вы тоже прокурор, как папа?

— Нет, я всего лишь эксперт по экологии. Наш начальник называет нас экологами.

— Как? — удивилась девушка.

— Это он соединил два слова — экология и трудоголик. Можешь называть меня на «ты», если хочешь.

— Я думала, вы тоже... что ты тоже в системе правоохранительных органов работаешь. У тебя вид такой... суровый. Неужели где-то есть служба экологии?

— В Москве существует Комитет экологической безопасности, я работаю там уже два года.

— Трудно работать? Наверное, не всем нравится, когда вы к ним приезжаете?

— Не всем, — признался Тарас. — Бывает, что встречают нас как врагов, хотя сами действуют как враги, враги природы.

— Расскажите, — загорелась Тоня. — Вы, наверное, часто ездите по командировкам?

— Довольно часто, раз в месяц. Недавно был в Рязанской губернии. — Тарас принялся рассказывать о своем посещении сигаретной фабрики в Кадоме и вдруг почувствовал дуновение холодного ветра. Спину охватил ледяной озноб.

Тарас замолчал, прислушиваясь к пространству дома, потом к пространству вокруг дома. Тоня посмотрела на него с какой-то странной озабоченностью, и он понял, что ей передалось его беспокойство. Хотя не исключено, что она тоже могла слышать ментальные токи угрозы.

— Тихо! Ваш дом не охраняется милицией?

— Нет, — шепотом отозвалась девушка, вздрагивая в нервном ознобе. — Тут недалеко блокпост...

— Ночью он бесполезен, как пистолет без патронов, никто из бойцов не полезет на рожон, если возникнет перестрелка. Пойдем-ка к твоим.

Они вышли из спальни Тони и наткнулись на спешащего на встречу Елисея Юрьевича.

— К нам гости!

— Я почуял.

— Надо уходить. Антон знает тропку со двора вдоль Сунжи к блокпосту... — Елисей Юрьевич не договорил.

Взвыла собака. И тотчас же по окнам дома сыпанул свинцовый град, круша стекла, насквозь прошивая ставни и мебель. Стреляли, судя по всему, из автоматов калибра семь шестьдесят пять и из девятимиллиметровых пистолетов-пулеметов, а потом к ним присоединился и ручной пулемет.

— Все на пол! — крикнул Елисей Юрьевич, бросаясь в зал, где сидели прокурор, его жена и мать.

Тарас дернул Тоню за руку, заставляя ее лечь на пол. Упал рядом, обнял, вжимая в половик.

Трансовое боевое состояние пришло с первых же выстрелов, заработала сторожевая и анализирующая системы интуиции, раскрывая гипервозможности организма. Поле сознания Тараса охватило объем комнаты, скачком расширилось, обнимая дом прокурора и его окрестности. В прозрачной тьме, обступившей Горшина, обозначились бордовые пятна со злыми пульсирующими огоньками внутри. Это высветились ауры тех, кто открыл стрельбу. Один из пульсирующих огоньков вытянулся факелом, и Тарас, холодея, понял, что это означает.

— Все вон! — рявкнул он изо всех сил. — У них гранатометы!

Сам он успел бы унести ноги из горницы, владея темпом, но рядом была Тоня, и он сделал единственное, что зависело от него в сложившейся ситуации: отбросил девушку к печке и прикрыл ее своим телом.

Граната взорвалась в центре гостиной спустя секунду.

Тарас автоматически перевел себя в состояние пустоты, позволяющее проделывать трюки вроде протыкания руки иглой или ножом без каких-либо последствий, но вовремя вспомнил, что он не один, и успел сменить пустоту на состояние скалы.

Вихрь осколков ударил во все стороны, находя не успевших укрыться людей. Раздались крики и стоны.

Два осколка впились в спину Тараса, но пробить «телесные латы» не смогли, застряли в мышечных тканях, превратившихся в «каменные пласты». Боль в местах ударов вспыхнула довольно сильная, однако осколки не повредили позвоночник и обошли артерии, и Тарас не стал обращать на раны внимания. Двигаться они не мешали.

Подхватив оглушенную Тоню на руки, он выскочил из горницы на кухню, а оттуда в сени и во двор. Вторая граната лопнула в гостиной, когда он со своей ношей был уже под защитой сарая.

— Посиди здесь! — выдохнул он на ухо девушке. — Никуда не уходи! Я сейчас...

Он метнулся вдоль сарая к забору, перемахнул его в один прием и на лету сориентировался в пространстве ментала, чтобы определить местонахождение стрелков. По нему выстрелили — видимо, территория дома отслеживалась через инфракрасную оптику, — но очередь прошла чуть в стороне, и Тарас мгновенно вычислил автоматчика, что позволило ему не потерять ни одного мгновения на контратаку.

Максимально ускорившись, так что туго свистнул ветер в ушах, он преодолел расстояние от забора до какой-то полуразрушенной будки, с крыши которой велся огонь, вспрыгнул наверх и одним ударом «рука — копьё» пробил насквозь человека в камуфляже и маске с автоматом «АК-74» в руках.

Стрелок охнул, роняя автомат, упал с крыши будки вниз.

Одновременно стихла стрельба и с других сторон. Доносился только рев раненой коровы и лай потревоженных собак в округе.

Тарас поискал ауры остальных стрелков, обнаружил тусклые, удаляющиеся пятна и понял, что боевики отступили.

Где-то в километре от дома прокурора взвыла сирена, послышался рокот моторов бронетранспортера. Это зашевелился потревоженный стрельбой блокпост.

Тарас метнулся назад, к сараю, Тоню там не нашел и ворвался в дом, не чувствуя боли в спине, где застряли осколки гранаты.

Все стекла в доме были выбиты, стены иссечены осколками, мебель изрешечена пулями и разбита вдребезги, уцелели только диван и два кресла. По комнатам витали кисло-горькие запахи взрывчатки и тлеющих тряпок.

На полу посреди горницы лежали прокурор и его жена. Оба получили множественные осколочные ранения и умерли еще во время боя. К тому же Антон Кириллович принял на себя несколько пуль, прикрывая жену, однако это ее не спасло.

Тоня уже находилась здесь, словно окаменев, стояла на коленях над телами родителей.

Елисей Юрьевич сидел рядом с другом, держась одной рукой за грудь, а второй за шею. Поднял голову, когда в горницу ворвался Горшин.

— Что?! — глухо выдохнул Тарас.

— Я не смог закрыть обоих...

— Что с вами?

— Пара осколков в груди, пара в спине... ничего, справлюсь. Посмотри, что там с матерью Антона.

Тарас поискал пожилую женщину и обнаружил ее лежащей на полу у печки. Однако печь защитила ее от пуль и осколков, и сознание Валентина Матвеевна потеряла скорее от шока после взрывов. Передав ей восстанавливающий сознание энергоимпульс — ладонь на лоб, ладонь на грудь, в с п ы ш к а, — Тарас вернулся в горницу, остановился за спиной Тони, не решаясь отвлечь ее.

— Зажги свет, — попросил Елисей Юрьевич.

Тарас щелкнул выключателем, но все лампочки в доме были разбиты и свет не загорелся. Тогда он поискал на кухне свечи, нашел два огарка и зажег. Снова подошел к Тоне.

Она сидела все в той же позе, прижав кулачки к груди, и смотрела на родителей черными у ш е д ш и м и глазами. Тарас присел рядом на корточки, хотел было передать ей пси-волну успокоения, однако вовремя остановился, заметив мерцающий искрами серебристый столб над головой девушки. Она имела канал связи с с и л о й и не нуждалась в прямой энергоподпитке.

Послышались стоны и охи, затем тихий плач. Это очнулась мать Антона Кирилловича. Женщина с трудом добралась до тел сына и невестки и упала на них с рыданиями, раскинув руки. Только теперь Тоня очнулась и заплакала, припав лицом к груди отца.

С улицы послышался грохот бэтээра, стих, затем долетели команды, звуки шагов бегущих людей. В дом ворвались бойцы спецназа в камуфляже, с фонарями в руках, остановились на пороге, увидев душераздирающую сцену. Вперед вышел офицер в берете, бросил два пальца ко лбу. Хмуро осведомился:

— Ранены, убиты?

— Убиты, — ответил Тарас.

— Нападавших видели? Сколько их было?

— Не знаю. Человек пять, наверное.

— Как вы здесь оказались? Документы есть?

— Возьмите, — проговорил Елисей Юрьевич, протягивая окровавленной рукой удостоверение.

Старлей глянул на красную книжечку, вернул, снова козырнул.

— Прошу прощения. Вы ранены?

— Позаботьтесь о них.

— Слушаюсь. — Старший группы повернул голову к двери. — Савельев, носилки сюда. Обыскали окрестности?

— Так точно. Никого, только труп неподалеку, возле старой трансформаторной будки.

Тарас встретил косой взгляд учителя и криво улыбнулся.

* * *

Ночь прошла в суете следственных мероприятий, допросах свидетелей нападения на дом прокурора, в хлопотах по транспортировке убитых в морг той же больницы, где находились и убитые террористами мать и жена Смирнова.

Тарас вылечил себя быстро: самолично выковырнул пальцами осколки из спины и провел сеанс аутентичного «сшивания» тканей. В оздоровительной практике «живы» этот прием работы с тонкими энергиями назывался «мертвой водой». Сам прием выглядел так.

Тарас вытянул руки вверх, раздвинул пальцы, вызвал в памяти образ солнца (днем этого делать не пришлось бы) и в со с а л пальцами поток энергии, направляя его в солнечное сплетение. Когда энергии набралось достаточно — ощущалась она, как мерцающая огнями раскаленная лава, — он направил ее по соответствующим меридианам к ранам на спине. Через несколько минут раны затянулись.

Как лечился Елисей Юрьевич, пытавшийся прикрыть собой прокурора и получивший в результате несколько пуль и осколков, Тарас не видел, но был уверен, что учитель использовал тот же прием «живы», либо какие-то другие, не менее действенные практики самовосстановления.

Мать Антона Кирилловича пришлось отвезти в больницу — гипертонический криз. Смерть сына и невестки привела ее в шок, и жизнь женщины висела на волоске. Тоня с момента смерти родителей не произнесла ни слова, и вывести ее из состояния фрустрации Тарасу не удалось. Он только снял с нее шоковый морок, а потом просто сопровождал девушку везде, принимая ее переживания по каналу духовной связи. Это должно было помочь ей справиться с горем. В конце концов Тоня осталась в больнице с бабушкой, и Тарас с учителем вернулись в разгромленный дом прокурора, чтобы хоть как-то привести его в порядок.

В начале восьмого они отправили на грузовике трупы животных — двух коз, собаки и коровы, — затем кое-как забили досками дыры в полу гостиной, очистили комнаты от обломков мебели, осколков посуды и стекла, расставили уцелевшие стулья и кресла по местам и сварили себе кофе. Дом еще был оцеплен омонотцами, на улице дежурил БТР, и можно было не опасаться повторного нападения. Елисей Юрьевич разговаривал мало, междометиями, было видно, что он давно решает какую-то внутреннюю проблему, не делясь информацией с учеником.

Следователь и работники прокуратуры, которую возглавлял Антон Кириллович, уехали еще в пять часов утра, пообещав разобраться с нападением и выявить заказчика. Но Тарас почему-то был уверен, что если это и произойдет, то не скоро. Уж слишком наглой была атака прокурорского дома, хорошо рассчитанной и точной. Нападавшие знали, кто у прокурора в гостях, и не пожалели ни женщин, ни дочь Антона Кирилловича, ни гостей.

Впрочем, могло быть и так, что охотились боевики вовсе не за Хованским, несмотря на его жесткое отношение к бандитам, а за его важными гостями, хотя при этом сразу вставал вопрос: откуда к террористам просочилась информация о прибытии москвичей. Знали об этом буквально два-три человека из местного отделения ФСБ.

Выпив чашку кофе, Тарас не удержался и задал этот вопрос учителю. Елисей Юрьевич, сменивший пробитую и окровавленную одежду, долго не отвечал. Пил кофе мелкими глотками. Думал. Потом вспомнил об ученике.

— Цель атаки была — мы. Точнее — я.

Тарас подождал продолжения.

— Почему вы? За что? Ведь они и так убили... ваших... или это месть за что-то? Может быть, кто-то из полевых командиров имеет зуб на вас?

Елисей Юрьевич качнул головой.

— Я не воевал. Дело в другом.

— В чем?

Долгое молчание. Елисей Юрьевич допил кофе, поставил чашку и поднял на Тараса измученные глаза, в которых всплыли долго сдерживаемые тоска и боль.

— Тебе этого лучше не знать.

— Почему?

— Твои реакции на такие вещи не всегда адекватны.

Тарас набычился.

— Зло должно быть наказано... а справедливость восстановлена! Человек, а вернее, нелюдь, убившая невинную женщину, жить не должна!

Елисей Юрьевич снова покачал головой.

— Этому я тебя не учил.

— Меня учила жизнь. Я два года служил в спецназе, воевал в Таджикистане с наркокурьерами. Эта мразь ничем не отличается от здешней мрази. Она должна быть ликвидирована!

— Если таковы твои убеждения, то Герард прав — ты не готов к восприятию ценностей Круга. Хорошенько запомни: месть не дает избавления!

— В данном случае это не месть, — упрямо сжал губы Тарас. — Это возмездие!

— Не будем спорить. Жизнь убедит тебя в конце концов... или не убедит. Выполни только мою просьбу. Я уже не смогу тебя чему-либо научить, ты уходишь, и я это вижу. Но все же попробуй тщательнее рассчитывать каждый свой шаг. Иначе путь потерь для тебя будет слишком жестоким.

Тарас отвернулся, сдерживая возражения и желание поспорить, сказал через силу:

— Хорошо, учитель.

Посидев так немного, он спросил:

— Что будем делать?

— Ничего, — ровным тоном проговорил Елисей Юрьевич, поднимаясь. — Поможем похоронить Антона с Диной, отправим домой... м-м, «груз 200» и улетим сами. Здесь нам больше делать нечего.

— Но ведь нас хотели убить!

Глаза Смирнова вспыхнули.

— Они з н а л и, что нас убить нелегко, это была разведка боем. Меня хотели разгневать, заставить потерять голову, броситься в погоню, чтобы нанести внезапный удар. Пойти у них на поводу, значит — проиграть.

— У кого «у них»?

Елисей Юрьевич расслабился, прошелся ладонью по лицу, успокаиваясь, направился к двери. На пороге оглянулся.

— Я мешаю одному нашему приятелю. Кстати, ты тоже. Но если они еще надеются, что ты примкнешь к ним, то насчет меня у них сомнений нет.

— Никогда! Но... кого вы все-таки имеете в виду? Дмитрия?

— Дима Щербань — только пешка в их руках. Мощная, уверенная в себе, с большим потенциалом, с задатками оператора, но пешка. Я имел в виду директоров «Купола». И того, кто над ними.

Тарас помолчал, переваривая услышанное.

— Вы имеете в виду...

— Конкере, — ответил Елисей Юрьевич, выходя за порог. — Наместника Монарха Тьмы на Земле.

Тарас остался сидеть в гостиной, пытаюсь собрать разбежавшиеся мысли в кучу. Буря в его душе улеглась не скоро. Было ясно, что учитель з н а л, кто пытался его нейтрализовать, организовав убийство близких, а потом и семьи друзей, но не хотел заниматься расследованием и выявлять исполнителей. Ему надо было помочь.

«Нелюди жить не должны!» — повторил Тарас про себя, заканчивая свой внутренний диалог с самим собой. Путь потерь, о котором предупреждал учитель, для него еще ничего не значил.

Глава 13

В ОСАДЕ ЧУВСТВ

Отправка «груза 200» — цинковых гробов с телами жены и матери Елисея Юрьевича — не заняла много времени.

В десять часов утра больничный катафалк под охраной БТР отвез убитых на военный аэродром в Ханкале, там гробы перегрузили в чрево «Ан-12», который должен был вылететь в Москву утром следующего дня, и москвичи оказались предоставленными сами себе.

Впрочем, не совсем так. Гибель прокурора и его жены от пуль террористов наложила на них если и не физические, то психологические обязанности, которые надо было выполнять. Поэтому учитель и ученик разделились. Елисей Юрьевич поехал в комендатуру, на встречу с коллегами и представителями правоохранительных органов, занявшихся расследованием инцидента, Тарас же направился в больницу, где все еще находились мать прокурора и ее внучка. Ему предоставили старенький джип «Чероки», корпус которого был усеян заплатами, а стекла кое-где заменены

фанерой, и водитель-чеченец, молодой парень с едва пробившимися усиками, с ветерком домчал московского гостя до больницы.

Валентина Матвеевна чувствовала себя лучше. Она еще не передвигалась самостоятельно, однако уже сидела в постели и могла разговаривать, хотя было видно, что смерть сына лишила ее всего, в том числе главного — смысла жизни. Взгляд у женщины был потухший, есть она отказывалась и держалась только из-за внучки, лишь из ее рук принимая лекарства и воду. Ни на один вопрос она не ответила.

Примерно так же вела себя и Тоня, на вопросы Тараса о самочувствии ответив одним словом:

— Ничего...

Понимая, что ничем в настоящий момент он не сможет помочь осиротевшим женщинам, Тарас посидел немного в палате, где находились еще две больные женщины, пообещал Валентине Матвеевне и Тоне посетить их еще раз и с тяжелым сердцем покинул территорию больницы.

В коридоре он едва не столкнулся с невысоким худым подростком, и ему сразу не понравился косой вороватый взгляд парня. Заработала интуитивно-рефлексная сторожевая система. Тарас перешел на пси-видение и стал различать ореолы биополей встречающихся на пути людей. У подростка, шмыгнувшего мимо с видом вора, аура была грязно-желтого, с примесью бурых струй, цвета, что говорило о его злобном и трусливом характере. Тарас пожалел, что не остановил парнишку и не спросил, что он здесь делает.

Он вышел из больницы и увидел за джипом серую «десятку» с синим милицейским номером. В ней находилось трое, и ауры пассажиров чем-то напоминали ауру встретившегося в больнице подростка. Тарас подошел к джипу и сказал водителю:

— Подожди меня здесь, я сейчас вернусь.

Он медленно двинулся вдоль улицы, останавливаясь у попадавшихся киосков, зашел в продуктовый магазинчик и выглянул в окно, не высовываясь.

Интуиция не ошиблась. Люди в «десятке» следили за ним. Машина медленно катилась по улице и остановилась недалеко от магазина. Из нее вышел мужчина средних лет, плечистый, с ежиком коротко стриженных светлых волос на круглой голове, не чеченец, но и не русский, судя по разрезу глаз. Он был точно в та-

кой же кожаной куртке, что и убитый прокурор Хованский, в мятых серых брюках и кроссовках, и лежала на нем хорошо видимая печать с п е ц п о д р а з д е л е н и я.

Тарас нагнулся к продавщице, сделал н у ж н о е — виноватое, просящее, извиняющееся — лицо.

— Простите, мне нужно в туалет. Подскажите, где он у вас?

Внушение подействовало. Продавщица улыбнулась и кивнула на дверь в подсобку:

— По коридору направо.

Тарас выбрался в коридор, не замеченный мужчиной в куртке и кроссовках, а оттуда во двор магазина. Подождал, пока грузчики, возившиеся с разгрузкой «Соболя», скроются в подсобке, и перемахнул забор, отделяющий территорию магазина от соседних строений. Обошел магазин дворами и вышел к больнице.

— Поехали на Вавилова, — сказал он, залезая в машину.

Водитель с готовностью включил двигатель и помчался по указанному адресу, на окраину Грозного, к дому прокурора, практически не соблюдая правил уличного движения.

Доехали, однако, без приключений. На блокпостах и пунктах ДПС джип знали и пропускали беспрепятственно. Похвалив водителя за классное вождение и доставив ему тем самым удовольствие, Тарас отпустил парня и направился к дому Антона Кирилловича. Он собирался «погулять» по астралу в поисках убийц прокурора и жены учителя, после чего подождать Елисея Юрьевича здесь, не рискуя «светиться» перед наводчиками террористов. Попытка слежки, которую он пресек в самом начале, говорила об интересе к персоне эксперта не только бандитов, но и правоохранительных органов. Хотя вполне могло быть, что они сотрудничали.

Охрану вокруг дома сняли, соседи прокурора разошлись, двоюродный брат Антона Кирилловича и родственники жены побоялись ночевать в доме, и он стоял темный, осиротевший, с выбитыми глазницами окон, похожий на скелет живого существа. Однако стоило только Тарасу расположиться в кресле в углу горницы с чашкой горячего чая в руке, как заявили гости.

Их было двое. Один — тот самый плечистый мужичок в кожане и кроссовках, с коротким ежиком волос, и второй — повыше, в плаще и кепке, с бледным одутловатым лицом, на котором выделялись умные цепкие глаза и острый нос. От гостей исходила волна бесцеремонной уверенности и о ф и ц и а л ь н о с т и, что

указывало на их принадлежность к властным структурам. Тарас мог бы незаметно покинуть дом еще до появления гостей, почувствовав сначала приближение н а п р а в л е н н ы х биополей, а потом услышав тарахтение двигателя «десятки», но не стал этого делать. Среди бела дня террористы не рискнули бы нападать на людей, способных дать им отпор, да и п а х л и они иначе.

— Проходите, — сделал радушный жест Тарас, не вставая с кресла. — Будьте как дома. Извините за раскардаш, у нас тут ЧП.

Остановившиеся на пороге мужчины переглянулись, потом гость в плаще прошел на середину горницы. Уголки его губ дернулись. То ли он хотел улыбнуться, то ли сплюнуть.

— Кто же вы на самом деле, господин Горшин? Так уходят от наблюдения, как это продемонстрировали вы, только профессионалы.

— Показать удостоверение? — вежливо предложил Тарас.

— Документы нетрудно подделать.

— Поэтому я не спрашиваю ваши. Наверное, вы из органов. Но не МВД, не так ли?

— Отдел внутренних расследований УФСБ, майор Самофалов.

— Очень приятно. А это, очевидно, сотрудник наружки? — Тарас перевел взгляд на мужчину в куртке.

Тот ответил спокойным взглядом сильного и уверенного в себе человека, подготовленного к экстремальным ситуациям. Противником этот чекист мог стать серьезным.

— У нас к вам два вопроса, господин Горшин, — продолжал гость в плаще, снимая кепку и приглаживая редкие волосики на макушке. — Не будете возражать, если я их задам?

— В принципе нет, хотя я уже все сказал следователю.

— А вот нам кажется, что не все.

Майор Самофалов поискал глазами стул, подтащил его к столу, изрешеченному осколками гранат, сел и развернул папку. Достал шариковую ручку.

— Вопрос первый: кто убил одного из нападавших?

Тарас встретил внимательный острый взгляд карих глаз майора и понял, что тот догадывается об его участии в бою. Пожал плечами.

— Впервые слышу, что один из боевиков был убит. Может быть, его свои зацепили? Почему вы спрашиваете об этом меня?

— Я спрашиваю в с е х. — Майор снова дернул уголком губ,

не то намечая улыбку, не то сдерживаясь, чтобы не плюнуть. — Имею на это право. Дело в том, что террориста убили не пулей или ножом, а особым приемом рукопашного боя.

— Да что вы говорите?

— В общем-то говорю то, что есть. Однако мы знаем, что вы, господин Горшин, владеете таким специфическим видом рукопашного боя, как «наваждение». Вот и подумалось: не вы ли вмешались?

Тарас почувствовал, как напряглись мышцы живота. О том, что он владеет «наваждением», знали всего три человека в мире: учитель, пентарх Герард и Дмитрий Шербань. Служака-майор, даже возглавляющий отдел внутренних расследований УФСБ Чечни, не мог узнать об этом ни при каких обстоятельствах. Если только ему не сообщили об этом специально!

Мысли побежали торопливо и вихристо, складываясь в цепочки причинно-следственных объяснений. Стало ясно, что к нападению причастны местные силовики, предупрежденные кем-то из Москвы о прибытии Елисея Юрьевича и нанявшие боевиков для его ликвидации. Но это еще надо было доказать, а положение Тараса складывалось не в его пользу. Он не знал, где сейчас находится учитель и стоит ли сопротивляться, если гости вознамерятся его арестовать.

— Что вы такое говорите? — улыбнулся Тарас, начиная «качать маятник» эмоций собеседника, ведущий к торможению реакций. — Я никогда не слышал о... как вы сказали? Наваждение?

Гости переглянулись.

— Хорошо, пойдем дальше, — не стал акцентировать внимание на этом вопросе Самофалов. — Действительно, свидетели показали, что вы все время находились в доме и никуда не отлучались.

— Точно так, товарищ майор.

— Тогда в связи с этим вопрос второй: почему убили только прокурора и его жену, а вас даже не зацепило? Ведь вы тоже находились в доме вместе с убитыми?

Майор впился глазами в лицо Горшина, оставшееся невозмутимым.

— Нам просто повезло, — проговорил Тарас, продолжая давить на психику собеседника интонацией голоса и едва заметными покачиваниями рук.

Майор хмыкнул, расслабился, поскреб за ухом, достал сигареты.

— Курите?

— Спасибо, не курю.

— Правильно делаете. — Гость выпустил клуб дыма. — Как говорится: курить — здоровью вредить. Хотя иногда этот процесс полезен, особенно когда играешь в карты. Есть даже неписаное правило: кури больше — партнер дуреет. Я был недавно в Эстонии, так там приняли очень суровый закон в отношении курильщиков. Там штрафуют за курение даже в подъездах и на лестничных площадках.

— Очень интересно, — вежливо сказал Тарас, добавляя в тон голоса вкрадчивое сочувствие.

Майор поперхнулся, удивленно вскинул на него глаза, затушил сигарету и встал.

— К сожалению, гражданин Горшин, вам таки придется проехать со мной в управление.

— По поводу чего? — Тарас н а д а в и л на психику Самофалова сильнее, добавляя убедительности колебаниям рук.

Майор в нерешительности посмотрел на своего помощника, закрыл глаза, мечтательно расслабляясь, потом опомнился и сделал озабоченное лицо.

— Вы так и не ответили на мои вопросы. А жаль. Не пришлось бы ехать с нами, устраивать допрос по всей форме, с применением спецсредств.

— Но ведь я и так не поеду с вами, — кротко и доверительно сказал Тарас. — У вас нет никаких оснований, а главное — письменных распоряжений начальства для моего задержания. Не так ли?

Майор с сомнением почесал за ухом и, наверное, вообще уплыл бы в беспамятство, если бы не его молчаливый помощник в куртке. Он достал пистолет, навел на Тараса и негромко произнес:

— Пошли. Аппарат покажет, что ты знаешь.

Он, вероятно, имел в виду детектор лжи. Такие устройства, компактные и эффективные, основанные на фиксировании физиологических реакций человека во время допроса, появились и на вооружении работников отечественных спецслужб.

Тарас заглянул в его прозрачные глаза и понял, что этого коротко стриженного аборигена к а ч а н и е м биополей не проймешь. Его пси-сфера была хорошо защищена высоким порогом отсутствия сомнений и мыслей вообще. По сути, он был хорошо тренированным биороботом, готовым выполнить любой вер-

бальный приказ начальства или целенаправленную пси-команду.

Однако от эксперимента по переподчинению чекиста Тараса спасло появление учителя.

Он возник в проеме двери совершенно бесшумно, как призрак, и несколько мгновений исподлобья смотрел на сцену в гостиной. Затем прошел вперед и проговорил сухим, наждачным голосом:

— Что здесь происходит?

Майор Самофалов и его напарник оглянулись.

В тот же миг Тарас выпрыгнул из кресла, жестом фокусника выкрутил пистолет из руки мужчины в куртке и приставил ствол к его виску. Тот дернулся и замер, меняясь в лице.

— Это лишнее, — сказал Елисей Юрьевич, бросив взгляд на Горшина.

Тарас привычно разрядил пистолет, сунул обойму в карман чекиста, а пистолет ему в руку и сел на место с безмятежным взором. Ошеломленный такой демонстрацией превосходства, стриженный чекист в нерешительности посмотрел на своего командира, достал обойму, но заряжать пистолет не стал.

— Ну-с, что происходит, джентльмены? — повторил вопрос Елисей Юрьевич.

— Меня хотели забрать в управление для допроса, — ответил Тарас. — Товарищу майору очень хочется знать, почему мы остались живы.

Самофалов спохватился:

— Э-э, собственно говоря... мы уже кое-что выяснили... но было бы недурно, товарищ полковник, если бы вы... э-э, были с нами более откровенны.

Елисей Юрьевич достал из кармана сложенный вчетверо плотный лист бумаги с золотым двуглавым орлом и эмблемой ФСБ, сунул под нос майору.

— Читайте.

Самофалов прищурился, разглядывая текст документа.

— Подателю сего, полковнику Федеральной службы безопасности Смирнову... э-э... разрешено...

Майор поднял глаза. Лицо его слегка порозовело.

— Ваш карт-бланш не имеет...

— Имеет! — коротко бросил Елисей Юрьевич, пряча бумагу. — А теперь извольте выйти вон!

Это было сказано таким тоном, что оба представителя власти

вздогнули, вытянулись и молча направились к выходу. Хлопнула входная дверь, смолкли шаги идущих, заработал двигатель машины. Гул удалился, стало тихо.

Тарас хотел спросить, почему учителя не задержали те, кто сидел в машине, но вовремя прикусил язык. Чекисты его, наверное, просто не увидели.

— Даже если бы я сказал им правду, — проговорил Тарас, — они бы не поверили. Но все их вопросы привели меня к мнению, что утечка информации произошла именно в местном отделении вашей конторы. Этот майор пришел по наводке.

— Знаю, — отрывисто бросил Елисей Юрьевич, направляясь к выходу. — Утечка информации произошла в Москве. Нас просто «заказали». Посиди, я схожу к соседям, будем готовиться к похоронам.

Он вышел.

Тарас откинулся на спинку кресла, расслабляясь, и подумал, что учитель з н а е т, кто убил его близких и семью прокурора, но н е х о ч е т заниматься поисками убийц. Не из трусости. Из каких-то этических соображений, которых сам Тарас не принимал. Жизнь постоянно доказывала, что ненаказанное зло родит еще большее зло, и этот закон действовал неукоснительно везде и всегда.

* * *

Похороны прокурора и его жены состоялись на новом кладбище столицы Чечни, расположенном на левом берегу Сунжи, за городом. Присутствовали коллеги Антона Кирилловича по работе, официальные лица из силовых ведомств — УВД, ФСБ, прокуратуры, армии, немногочисленные соседи Хованского и омовцы, охранявшие подступы к кладбищу во время короткой церемонии прощания с погибшими.

Из родственников прокурора на похороны прилетел из Владикавказа брат Антона Кирилловича Петр. Мать прокурора не смогла подняться и осталась в больнице. Ей снова стало хуже.

Короткую речь сказал мэр Грозного, выступили начальник УФСБ и зампрокурора.

Сухо треснул залп салюта.

Хмурые люди стали расходиться по машинам. Через минуту кладбище опустело.

Елисей Юрьевич проводил почерневшую от горя Тоню до милицейского «уазика», сел сам, подвигаясь, освобождая место для Тараса. Но тот покачал головой, отступая, закрыл дверцу.

— Я останусь на несколько минут.

Елисей Юрьевич непонимающе посмотрел на него, сдвинул брови.

— Не дури. Это не место для прогулок.

— Не беспокойтесь, учитель, обещаю вести себя достойно. Я скоро вернусь.

Полковник еще раз внимательно заглянул в глаза Тараса, пытаясь прочитать его мысли, наткнулся на блок, усмехнулся и кивнул водителю:

— Тронулись, лейтенант.

Машина милиции, сопровождаемая микроавтобусом с омоновцами, уехала. Тарас остался один в глухой тишине кладбища, окруженный свежими крестами и обелисками. Вспомнились похороны отца, погибшего в шахте от взрыва газа. Отец никогда не жалел времени для занятий с сыном и многое ему дал, хотя Тарас редко соглашался с его мнением по тому или иному вопросу. Тарасу он казался слишком мягким и добрым, не любил конфликтов и советовал сыну никогда не отвечать злом на зло. Тарас горячился, доказывая, что нельзя подставлять другую щеку, если тебя ударили по одной, что надо отвечать адекватно, так, чтобы никому nepовaдно было бить людей по щекам, а тем более калечить их или убивать. Но переубедить отца так и не смог. Хотя враги у него были. Точнее, завистники. Отец был силен, добр, хорошо зарабатывал, не обижался на не раз обманывавших его людей и этим разжигал их зависть и злобу. А когда его особенно доставали, отшучивался словами Оскара Уайльда:

— В друзья я выбираю себе людей красивых, в приятели — людей с хорошей репутацией, врагов завoжу только умных.

Правда, вопреки этому заявлению врагов он не заводил никаких. Они появлялись сами, хотя в глаза отцу предпочитали говорить приятные слова, мечтая всадить ему нож в спину...

Тарас очнулся, поймав спиной тонкий лучик чужого взгляда. Дремлющая до поры до времени интуитивно-рефлексная сторожевая «собака» организма наострила уши и заворчала.

В принципе, именно этого Тарас и добивался, точно зная, что за похоронами наблюдали и осведомители террористов. Надо

было заставить их высунуться, потерять бдительность, раскрыться, чтобы потом внезапно из мышки превратиться в кошку и ударить в нужный момент. Только так и можно было выяснить, кто убил жену учителя и его друга, с которым он был знаком уже не один десяток лет.

Однако расчет Тараса оправдался в более жестком варианте, чем он прикидывал. Не успел он оглядеться, ожидая увидеть гостей, как укол острой угрозы буквально прошил голову. На него не просто смотрели издали, на него смотрели через окуляр прицела, и палец снайпера уже начал движение.

Никогда ранее Тарас не приводил себя в сингл-состояние такими ударными темпами. Ему удалось это сделать всего за две секунды, и, уже убирая голову с линии прицела, он почуял — не услышал — тугой ментальный щелчок: пуля, вылетевшая из дула снайперской винтовки, погнала впереди себя энергетическую волну.

Она все-таки задела его — попала в плечо — и прошла насквозь, как через слой тумана. Несмотря на ее скорость, тело успело приобрести свойства анима — одной из сиддх, которая выражалась в способности мастера уменьшать массу и плотность тела.

Тарас упал между могил, ожидая второго выстрела. Но его не было. Затем, спустя несколько минут, послышались осторожные шаги, и на кладбище появились люди. Трое, все с заросшими лицами, бородатые, в куртках «инглиз» и моджахедских шароварах, на головах — спортивные вязаные шапочки, у одного — зеленая лента поверх шапочки. Он держал в руках винтовку с оптическим прицелом иностранного производства. Двое других были вооружены автоматами.

Тарас видел их не напрямую, «третьим глазом», но почти так же хорошо, как если бы смотрел обычным способом.

Его поза и кровавое пятно на виске — он создал «рану» усилием воли — должны были убедить убийц, что жертва мертва. Однако на всякий случай он послал всем троим пси-волну «трупного окоченения», и делать контрольный выстрел они не стали. Разговаривая на дикой смеси русского и чеченского языков, все трое подошли к «мертвецу», один из них, с винтовкой, наклонился над телом, и Тарас взмыл в воздух, начиная скоротечный и жестокий бой.

Вся схватка с не ожидавшими сопротивления «духами» длилась несколько мгновений.

Тарас повернул дуло винтовки в сторону замерших от неожиданности бородачей с автоматами, не выкручивая ее из рук снайпера, и дважды нажал на спусковую скобу. Затем локтем врезал снайперу в горло, ребром ладони отбил нож и всадил его же в бедро противника. С воплем бородачатый снайпер отшатнулся, хватаясь за бедро. Глаза его побелели от боли. Тарас направил на него ствол винтовки и четко выговорил, внушая моджахеду дикий страх:

— Не ответишь на вопросы — убью! Ну?!

Бородач, еще молодой, лет двадцати пяти, не больше, упал на колено, побледнел, не сводя расширенных глаз с «ожившего мертвеца».

— Кто тебя послал?!

Снайпер закусил губу, так что на бороду стекла струйка крови, сказал глухо, с акцентом:

— Командира послал...

— Кто?!

— Хамзат... Гелаев...

— Откуда он узнал, что мы приедем в Грозный?!

— Вас... заказали...

— Кто?!

Бородач побледнел еще больше, буквально помертвел, только глаза светились волчьей ненавистью.

— Говори!

— Не знаю... командира знает... приезжала федеральный начальник, говорил командира...

— И после этого вы убили женщин на рынке?!

Снайпер попытался отодвинуться, спасаясь от пылающего взгляда Горшина, затрясся.

— Я не убивал... это Мартан... нам приказали... не убивай!

— Женщин вы, однако, не пожалели! Где находится база Гелаева?!

Бородач облизнул губы, глядя на Тараса, как кролик на удава.

— В ущелье... близко горный хребет...

— Какой хребет? Тарский? Грозненский? Точнее!

— Грозный... близко... пять-четыре километр...

— Как туда пройти?!

— Есть подземный ходы... за Сунжа... но ты не пройдешь... — Глаза чеченского снайпера обрели осмысленное выражение, в них сквозь муть подавленной воли и пелену страха проступила некая решимость, будто он получил энергетическую подпитку. — Мы вас всех порежем! — продолжал боевик окрепшим голосом. — Горла перегрызем! Кишки выпустим и на шею намотаем!

— Верю, — усмехнулся Тарас. — Это единственное, что вы умеете делать хорошо. Вот только не богоугодное это дело — кишки выпускать и женщин убивать. Спасибо за информацию. Иди к своему командиру и передай ему, что я скоро к нему приду. Надеюсь, трупы этих шакалов с автоматами вы уберете сами.

Тарас закинул винтовку за плечо дулом вниз, не ставя ее на предохранитель, и зашагал прочь.

— Ты мертвец! — прошипел оставшийся боевик, выдергивая нож из бедра, и бросился на Тараса.

Между ними было около шести метров, и это расстояние моджахед пролетел в долю секунды, будто его послала какая-то сверхъестественная сила. Однако Тарас все еще находился в потоке времени т е м п а, не оглядываясь, он повернул дуло винтовки навстречу бородачу и нажал на курок.

Выстрел, сдавленный вопль, стук упавшего тела. Нож выпал из скрюченных пальцев снайпера, пальцы еще некоторое время поскребли землю и расслабились.

— Умри с миром, — пробормотал Тарас, чувствуя необычную усталость. Прислушался к себе.

Кладбище было расположено в геопатогенной зоне, отнимавшей силы избирательно, только у тех, кто здесь был чужим, и эта же зона давала силы тем, кто родился и вырос на этой земле.

С этим чувством чужеродности, утопив винтовку в Сунже, Тарас и добирался до дома прокурора, благополучно избежав стычек с местными жителями, бандитами и представителями правоохранительных органов. Однако решимость его довести расследование до конца не исчезла. В деле с нападением на московских гостей, начавшемся расстрелом женщин, появилось странное обстоятельство, выраженное снайпером из отряда полевого командира Хамзата Гелаева двумя словами: «Вас заказали». Очень хотелось выявить заказчика, явно принадлежавшего к какой-то из федеральных спецслужб. А корни заказа тянулись в

Москву, к руководству «Купола», в этом Тарас был уверен почти на сто процентов. Учитель — как исключительно толковый советник директора ФСБ — действительно настолько мешал этой мощной криминальной организации, что она пошла на самый жестокий вариант вызова Елисея Юрьевича в Чечню, чтобы здесь его ликвидировать руками чеченских террористов.

Что ж, если вы за ценой не стоите, — подвел итоги своим размышлениям Тарас, подходя к дому прокурора, то и мы вправе ответить тем же манером. Прости, учитель, но я пойду дальше.

Глава 14

ХРАНИТЕЛЬ

Он появился в доме так тихо и бестелесно, не потревожив его биополей, что Елисей Юрьевич заметил гостя, только войдя в горницу. Хранитель Матфей стоял в углу и рассматривал простенькую иконку, которую пощадили осколки гранат и пули боевиков. Оглянувшись на остановившегося в молчании коллегу.

Хранители в иерархии Внутреннего Круга занимали промежуточное положение между адептами и ангелами. Их было мало, а ответственность, лежащая на них, высока, и Хранители редко вмешивались в ситуации на физическом плане. Образно говоря, они видели невидимое, слышали скрытое, преодолевали барьеры недостижимого, понимали подоплеку реальных жизненных процессов и создавали континуальные линии управления ситуациями задолго до их реализации.

Обычно Хранители не обсуждали события с представителями других иерархических слоев Круга, поэтому появление Матфея означало некое осложнение ситуации или же говорило о важности прогнозируемых событий.

— Здраво, — произнес Матфей нараспев, раскатисто, с бархатистыми интонациями, чуть поклонившись.

— Буде, — ответил Елисей Юрьевич, делая ответный поклон. — Что-нибудь случилось?

— Вопрос некорректен, — с мягкой улыбкой, осветившей его строгое лицо, сказал Хранитель. — В каждое мгновение что-то случается в мире. Что касается нашей с и с т е м ы, то прогноз неблагоприятен.

— Вы имеете в виду Равновесие?

— Равновесие нарушено давно, что выражено еще словами классика: нет в мире совершенства. Я имел в виду другое. Процесс девальвации совести убыстряется, идет блокирование связи с Богом на уровне энергетики, а это уже почти катастрофа. Монарх опережает ангелов Круга.

— Я это вижу.

— К сожалению, вы видите не все, иначе проследили бы причинные связи, заставившие вас приехать сюда.

Елисей Юрьевич покачал головой, указал на кресло.

— Прошу вас, присядьте. Чай, кофе?

— Спасибо, я ненадолго.

Они сели: Матфей в предложенное кресло, Елисей Юрьевич на диван.

— Я проследил причинные связи, — сказал он бесстрастно. — Просто не хватило глубины предвидения. Я не ожидал, что Конкере пойдет на уничтожение совершенно невинных людей ради моей нейтрализации. Кстати, вы знаете, кто он на данный момент?

— Естественно. Президент «Купола». До тех пор, пока жив носитель.

Елисей Юрьевич кивнул.

Хранитель имел в виду то, что Конкере — эмиссар, или, точнее, «проекция» Монарха Тьмы, его воплощение в земной реальности, мог внедряться в любого человека, не имеющего с о в е с т и, и в настоящее время он «жил» внутри главного босса «Купола».

— Его надо... нейтрализовать.

— Конкере сменит носителя, ничего не изменится.

— Тогда он... непобедим?

— Он силен, но не всемогущ, — покачал головой Матфей. — Конкере — лишь дух Монарха, квазиживая сущность, которую действительно можно нейтрализовать. Но и сам Монарх, в свою очередь, не всемогущ и не бессмертен, так как никогда не сможет выйти за пределы Божьей Воли. Поэтому он и вынужден опираться на смертных людей, потерявших Божью искру. Вот смотрите.

Перед Елисеем Юрьевичем в воздухе образовался светящийся объемный чертеж.

— Монарх жаждет вырваться из плена Закона, но это не в его власти, — продолжал Хранитель. — Ибо как Природа всегда

имеет противоядие против любого своего яда, так и Творец имеет средство против деятельности любого своего сына, в том числе такого урода, как Монарх.

Елисей Юрьевич смотрел на гостя, пытаясь понять его, и Матфей добавил:

— Это средство — человек.

Некоторое время длилась пауза. Хранитель молчал, убрал свой «чертеж», Елисей Юрьевич думал. Потом сказал:

— Но человек по природе своей — разрушитель.

Матфей кивнул, соглашаясь и не соглашаясь одновременно.

— Разрушение не всегда можно назвать злом. Хотя в нарушении Равновесия виновен именно человек. Причем вполне конкретный. Потому что цивилизацию создавали не человеческие массы, а самоотверженный поиск и деятельность людей высшего типа. Индивидуалов. Одиночек. И это — истина.

— Истина доступна немногим.

— Те, кому она доступна, должны помнить, что существует система искажения реальности, пестуемая Монархом. Микроскоп, телескоп, роман, картина, спектакль — это все примеры искажения реальности. Важно сохранить главное — з н а н и е и целостность мировоззрения, исходящие от Творца и приводящие к Нему. Но я обеспокоен другим. Ваш ученик...

— Дмитрий?

— Нет, Горшин. Незавершенный.

— Дмитрий тоже не завершил цикл необходимой настройки на совесть.

— Поэтому мы и закрыли ему канал прямого доступа к Хроникам. Не пришлось бы то же самое делать с Горшиным.

— Почему он вас так беспокоит?

Хранитель выдержал паузу.

— Он слишком увлекается физическим воздействием на мир, забывая о бесконтактном пресечении потоков нег-информации, в том числе — боевых нападений.

— Бесконтактное пресечение боя — то же нападение...

— Но раньше нападающего, в результате такого дистанционного оперирования отпадает надобность в прямом физическом контакте.

— У него все впереди.

— Надеюсь. Постарайтесь вложить в него основное: воин должен быть отстранен от зла и ненависти прежде всего внутри

себя. Если он этого не примет, мы получим еще одного носителя т ь м ы или, по крайней мере, равнодушного.

Елисей Юрьевич покачал головой.

— Уверен, равнодушным он никогда не станет. Тарас действительно индивидуалист, одиночка, однако его тяга к восстановлению справедливости основывается не на агрессивном восприятии мира и стремлении показать свою силу, а на защите чести и достоинства.

— И все же он слишком самостоятелен, это пугает координаторов.

— Герарда?

— Не только. Герард вообще считает, что Горшину рано знать Ключи метаязыка. Он не обладает надлежащей степенью самодисциплины.

— Герард ошибается.

— Возможно, — легко согласился Матфей. — Все мы не безгрешны. Как говорится — легко быть святым, не имея соблазнов. Но и ошибаться в подборе кадров мы не должны.

— Я понимаю. — Во взгляде Елисея Юрьевича на миг всплыла тоска, но он тут же загнал ее в глубину души. — Коль уж речь зашла о Горшине, у меня к вам просьба, патриарх.

— Слушаю, мастер.

— Попросите Герарда дать Горшину линию ДН. Хотя бы на определенный срок.

Хранитель задумался, сцепив пальцы обеих рук на колене.

Речь шла об особой программе магической защиты, имеющей название «демпфирование неприятностей». Еще ее называли «программой пологого спуска». Чтобы не случилось более страшного в жизни защищаемого человека, программа реализовала веер «мелких бед» — от кражи денег, вещей до поломки машины, занозы в палец, падения с крыльца и ушибов.

— Хорошо, я пообщаюсь с Герардом, — сказал наконец Матфей. — Хотя это и против моих правил. К тому же я не уверен, что Герард согласится.

— Тогда пусть отдаст Тарасу мою личную линию ДН.

— Вы так им дорожите?

— Он мне как сын.

— Что ж, Горшин мне тоже симпатичен, и ему хочется помочь. Тем более что в одном из вариантов будущего он может привести в Круг меченого.

— Кого? — не понял Елисей Юрьевич.

— Так я называю будущего воина и мастера, чья сущность еще спит, но душа уже нащупывает Путь и встречается с водителем.

— Неужели с инфархом? — удивился Елисей Юрьевич. — И кто же этот... меченый?

— Мой тезка Матвей Соболев. Однако сегодня речь не о нем. Горшин не должен стать рабом своих чувств, поэтому на вас лежит огромная ответственность за его нравственный выбор.

Елисей Юрьевич выдержал бесконечно мудрый и потому имеющий оттенок сожаления и грусти взгляд Хранителя, почувствовал неприятный холодок в сердце и понял, что собеседник знает все, что произойдет с ним и с Тарасом Горшиным.

Взгляд Матфея изменился.

— Да, знаю, — сказал он тихо, прочитав мысль Смирнова. — Но это знание вам не поможет. Я не имею права контролировать каждый вариант будущего, а тем более — каждый ваш шаг. Вы допустили две ошибки, ведущие к очень негативным последствиям: первая — приехали сюда без согласия иерархов, вторая — взяли с собой ученика.

Елисей Юрьевич потемнел.

— Я не мог не приехать! Убили моих...

Хранитель поднял ладони, успокаивая собеседника, сказал с глубоким сочувствием и скорбью:

— Я вас не осуждаю, мастер. Возможно, и я поступил бы так же на вашем месте. И все же объективно — это ошибка.

Елисей Юрьевич сжал зубы, сдержал резкое слово, унял обиду, глухо проговорил, пряча лицо в ладонях:

— Согласен... Что вы посоветуете?

— Отвлеките Горшина, дайте ему знание девятого Ключа, но ни в коем случае не давайте знание «октавы смерти».

Елисей Юрьевич кивнул. Речь шла о боевых звукопакетах, применение которых вело к смерти любого человека. Октава звучала так: морок — мора — мера — сумера — сумери — умерь — умри!

— Пусть обратит внимание на внутреннее созерцание, а не на внешнее давление, — продолжал Хранитель. — Время брани еще не пришло. И будьте осторожны. Конкере запустил программу ликвидации.

Елисей Юрьевич пристально посмотрел на гостя.

— Вы знаете... ее конечный результат? Я... обречен?

— Пятьдесят на пятьдесят, — ответил Хранитель честно. — Существует всего два варианта вашего личного будущего. В одном вы...

— Я понял.

— Ваша линия ДН на пределе. Усилить ее можно, только переложив часть кармы на кого-то из близких вам людей.

— На Горшина? — догадался Елисей Юрьевич. — Вы предлагаете мне подставить его вместо себя?

— Я обсуждаю вариант, — мягко сказал Матфей. — Зная, что вы на это не пойдете.

— Никогда! — твердо пообещал Елисей Юрьевич. — Пусть забирает остатки моей ДН, мне она уже не нужна.

— Тогда у меня последнее. Вы должны знать, что за вашим учеником также началась охота. Враг догадывается о походах Горшина по родовой памяти в прошлое и, естественно, желает воспользоваться этим каналом получения информации для овладения метабоем и метаязыком. Второе гораздо опасней. Если Конкере доберется до этого знания, наша система получит ощутимый удар.

— Я этого не допущу.

— В таком случае у меня больше нет вопросов. Удачи вам, мастер.

И Хранитель исчез. Пространство не было для него помехой для достижения любого места на Земле. Да, наверное, и во Вселенной. Хотя это было всего лишь предположение, вселяющее надежду на реализацию собственных планов. Впервые в жизни Елисей Юрьевич пожалел, что не достиг таких высот самореализации, которые позволяли бы ему так же легко уходить от проблем жестокого земного бытия.

Глава 15

ПРОШЛОЕ ЗОВЕТ

Мобильный телефон после схватки с киллерами на кладбище не желал включаться, и Тарас вынужден был искать Елисея Юрьевича в известных ему местах: в больнице, где шла подготовка тел матери и жены учителя к транспортировке, и в местном управле-

нии ФСБ. Однако ни там ни там Елисея Юрьевича не оказалось, и, поймав частного, Тарас опять поехал к дому прокурора, надеясь в спокойной обстановке обдумать дальнейший план действий. До вечера он намеревался выяснить точное местонахождение базы Гелаева и ночью завершить задуманную акцию по уничтожению боевиков и выяснению местных и московских заказчиков убийства близких учителя. О том, что он только что уничтожил трех боевиков Гелаева, душа не сожалела.

Елисей Юрьевич отсутствовал и здесь, но на столе в гостиной лежала записка: «Тарас, Тоня в больнице с бабушкой, жди меня к четверем, никуда не отлучайся». Тараса это вполне устраивало, до четырех еще оставалось достаточно времени на реализацию собственных задумок, и он, вскипятив воду и заварив чай, устроился в гостиной, в окна которой уже были кое-где вставлены стекла и фанера — очевидно, позаботились соседи, среди которых еще оставались русские либо работники прокуратуры. Зачесался нос, и Тарас мимолетно вспомнил примету, что если чешется нос — непременно услышишь известие о покойнике или же о новорожденном. Примета, в общем-то, оправдывалась, покойников вокруг хватало. По их числу эту командировку Тараса можно было считать рекордной.

Горячий чай перевел организм в другой тепловой режим. Захотелось окунуться в бездны прошлого, найти Гипертексты с расшифровкой Ключей метаязыка и узнать правила древнейшей системы боя. Тарас настроился на объемное видение-чувствование пространства, огляделся в поле в н и м а н и я в поисках холодных «сквозняков опасности». Все было спокойно. За домом никто не наблюдал, злобные намерения в радиусе километра отсутствовали, и единственным очагом напряженного бдения был блокпост неподалеку.

Тогда Тарас устроился поудобней и начал настройку сознания для похода в глубь самого себя, в генную память рода. Надо было «услышать землю» корнями волос — через все тело, и «ощутить небо» ступнями — сквозь голову, тело и ноги. Растворение сознания в потоке времени пришло с тихим звоном струны, и Тарас почувствовал, как спираль энергии закручивается со лба на затылок, нагревая его до золотистого свечения, переходит на позвоночник, образует вихрь вокруг тела и начинает стекать в углубляющуюся воронку под ногами. В какой-то момент он ощутил, что находится одновременно в трех разных временах и про-

странствах, причем в мире, где осталось его тело, живет далеко не главная часть «общего» многомерного организма.

Спуск «на дно» памяти длился мгновение — и вечность! С гулом и плеском Тарас выпал в сознание предка и начал осматриваться, пытаясь определить, в каком времени и в чьем теле он оказался на этот раз.

Это был не Инсект и не Первочеловек, как надеялся «путешественник по внутренним временам». Предшественники людей жили совсем в другом мире¹, и принципы их отношений между собой и с природой были для Тараса темны и загадочны. Созданная ими культура едва ли базировалась на тех же законах и морали, что и человеческая.

К тому же они имели силу, способную творить события вселенского масштаба, в то время как люди в массе своей не имели и миллионной доли этой прекрасной и страшной силы. Поэтому оценить смысл совершенствования и цели существования Инсектов Тарас едва ли смог бы. С другой стороны, люди переняли у своих предков-нелюдей уникальный дар творческого созидания, и это уравнивало их со всеми предками и разумными существами космоса и позволяло наслаждаться не результатом, а самим процессом творчества и ощущением причастности к Роду.

Процесс вживания в личность предка длился недолго, хотя Тарас оценивал его длительность больше эмоционально, нежели реально. Свет, окутывающий его со всех сторон, расступился. Теперь он мог не только чувствовать мир предка своей сферой восприятия, но и видеть его глазами.

Он (то есть предок) стоял на корме какого-то большого корабля и, задумчиво сложив на груди две пары рук, смотрел на след, оставляемый кораблем за кормой. Судя по отсутствию берегов и вообще какой-либо суши на горизонте, корабль пересекал море или океан, направляясь к неведомой цели точно на север.

Корабль был велик — от кормы до носа его длина составляла, по оценке Тараса, не менее двух сотен метров — и необычен. Вместо мачт он имел три конусовидных башни с ромбической насечкой, на вершинах которых вращались огромные пятилопа-

¹К примеру, миллионы лет назад Земля имела меньший диаметр и иной состав атмосферы.

стные винты. Они-то и создавали тягу, позволяя кораблю вспарывать океан со скоростью не менее пятидесяти узлов.

Кроме башен, на палубе виднелись две обтекаемые пристройки неизвестного назначения, похожие на поплавки с рядами люков, а также грибообразные выросты, напоминающие кнехты для закрепления канатов, только в пять-шесть раз больше.

Корма корабля выступала над палубой примерно на шесть метров, полого опускаясь к первой башне, и, вероятнее всего, в ней располагались кубрик экипажа и каюты для пассажиров. Хотя ни матросов, ни вообще каких-либо живых существ видно не было. Предок Тараса, в неподвижности созерцавший поверхность океана, находился в одиночестве.

Одет он был в блестящий, стеганный ромбами плащ, в мохнатые сапоги до колен и в доху из шкуры медведя или родственного ему зверя, накинутую сверху на плащ. Вооружение предка составляли торчащие за поясом меч в ножнах и штук пять кинжалов, а также арбалет за плечами. Судя по излучаемым предком полям, он терпеливо ждал конца пути и занимался в основном медитацией, нейтрализующей сильные эмоции вроде гнева, ненависти или радости. Вывести его из этого состояния могла бы, наверное, только внезапная встреча с врагом или катастрофа корабля.

Тарас, нуждавшийся в информации другого рода, с разочарованием подумал, что неправильно выбрал момент остановки спуска в прошлое, собрался было возвращаться «наверх», в свое время, и в этот момент на горизонте показался колеблющийся силуэт какого-то объекта. Больше всего этот объект напоминал шар одуванчика на тонкой серой ножке, покачивающийся под порывами ветра.

Предок встрепнулся, снял с пояса аппарат, напоминающий трехтубусный бинокль, приладил окуляры к глазам верхней парой рук. Нижняя пара в это время сняла с плеча арбалет и вставила короткую черную стрелу без оперения, но с насечкой.

Поле зрения Тараса покрылось светящейся сеточкой, что резко ухудшило видимость. С другой стороны, это было в порядке вещей. Тарас уже не один раз становился свидетелем того, как применение предками биноклей (или приборов, их заменяющих) сказывалось на его зрении. Очевидно, сознание не успевало подстроиться к видеокартинке, образующейся в мозгу предка при взаимодействии с техническими устройствами того времени.

Корабль продолжал ходко резать форштевнем гладь океана, которую уже начали морщить барашки волн. Вскоре волны стали перехлестывать через борта, хотя ветра по-прежнему не было и небо оставалось чистым, безоблачным, густо-синим, напоминающим глубокий омут. Лишь солнце, клонившееся к горизонту, подернулось оранжевой дымкой.

Однако шторм — в мертвом молчании океана — вскоре начал стихать, толчая волн улеглась, наступил странный штиль, океан успокоился и превратился в гладкое синее стекло с прожилками водорослей и прозрачных потоков в его толще.

«Одуванчик» приблизился, продолжая раскачиваться, как это делают земные растения в ветреную погоду. Стали заметнее детали на его стволе — странные наросты, похожие на ажурные грибы или каповые вздутия на стволах земных деревьев. Пушинки, образующие белесый шар «одуванчика», тоже увеличились, но так и остались пушинками, белыми парашютиками с более темными зернышками.

На корме появились еще двое соотечественников предка Тараса, одетые точно так же. Они рассматривали некоторое время «одуванчик» в бинокли, затем обошли с десяток «кнехтов» на палубе корабля и скрылись внутри одной из сигаровидных гондол. Спустя минуту гондола вырастила два полупрозрачных побега, которые развернулись веерами и превратились в своеобразные паруса или скорее стрекозиные крылья. Затем с металлическим лязгом гондола отделилась от палубы и косо устремилась вверх, набирая высоту. Вскоре она превратилась в летящее семечко кле-на и скрылась на фоне «кроны одуванчика».

Холодея, Тарас наконец оценил размеры этого искусственного сооружения. Высота его достигала не менее десяти километров, а диаметр «пушистого шарика» — около километра.

Кто же строил этот «одуванчик»? — подумал Тарас с невольным уважением.

И услышал неожиданный ответ подсознания:

«Бинан-ания-вомбата».

Тарас даже оглянулся — в пределах чувственной сферы, чтобы определить, кто с ним заговорил, никого не увидел и сообразил, что получил не вербальный ответ, а психофизический, энергоинформационный, прямо на слуховой нерв, так как тело продолжало оставаться не только носителем его сознания, но и памяти рода. По сути, он разговаривал сам с собой, не всегда понимая «перевод».

«Повтори еще раз, но на русском языке», — попросил Тарас предка.

«Одуванчик» — это Говоритель Слова Власти, — прилетел шелестящий ответ сознания предка, адаптированный под мысленное восприятие Тараса-потомка. — Его строили из собственных тел лепидоптеры, разумные бабочки».

Только теперь Тарас понял, что наросты на «стебле одуванчика», издали похожие на чешуи или колонии грибов, на самом деле представляют собой «скелеты», точнее, хитиновые остовы бабочек.

Корабль замедлил ход.

На палубе откуда-то появились еще несколько «людей», принялись откидывать колпаки с «кнехтов». Предок Тараса в этой процедуре не участвовал, изредка поглядывая на вырастающий над водой гигантский Говоритель Слова Власти.

Внезапно раздался длинный скрип — как ножом по стеклу, и спутники Тараса попрятались на корме. Предок Тараса тоже спустился в люк по пояс, положил нижнюю пару рук на поднымавшийся перед ним выпуклый щит с десятком членистых рычагов.

Появился летящий зигзагами аппарат в форме гондолы с всеобразными парусами-крыльями. За ним мчалась какая-то необычной формы машина — четыре блестящих прозрачных крыла, два гофрированных бочонка, лапы, длинное рыло с полушариями, отблескивающими, как драгоценные камни, змеевидный хвост. Тарас с содроганием сообразил, что это и есть представитель класса разумных бабочек — лепидоптер.

С черного рыла преследователя сорвалась молния, настигла аппарат «людей». Вспышка ослепительного сине-фиолетового света разнесла гондолу на куски, посыпавшиеся на палубу корабля. Отделившиеся от гондолы крылья, плавно кружась, упали в закипевшую воду.

Предок Тараса дернул за рычаги на выпуклом «пульте», и Тарас понял назначение «кнехтов», с которых сняли колпаки. Два из них выплюнули струи дыма, в течение секунды сформировавшие подобие ракет, эти «ракеты» понеслись к лепидоптеру и, несмотря на его скоростные маневры, настигли и превратили в дымные клочья, быстро растаявшие в воздухе.

Однако на этом инцидент не закончился.

От стебля «одуванчика» отделились еще две бабочки, устремились к кораблю, обстреливая его фиолетовыми и ярко-голубыми молниями. Пришлось и против них применять «зенитно-

ракетный комплекс», метаящий дымные псевдоракеты. Лишь после уничтожения защитников «одуванчика» предок Тараса снова поднялся на палубу корабля и сложил руки на груди, глядя на приближающийся Говоритель Слова Власти, словно давая знать, что он сделал свое дело.

Что имелось в виду под этим названием, Тарас в точности не знал, но догадывался, что это некий реализатор метаязыка, созданный Инсектами еще до Изменения. В настоящий момент он, очевидно, бездействовал, однако охранялся уцелевшими Инсектами и мог представлять некую ценность для тех, кто послал к нему экспедицию.

Вскоре стебель «одуванчика» превратился в гигантскую ажурную колонну толщиной в двести метров. Трудно было представить, что она смонтирована из «скелетов» лепидоптеров, скрепленных меж собой неведомым способом, но результат был налицо, и прочность сооружения поражала воображение, так как простоял «одуванчик» в океане по меньшей мере сотни тысяч, если не миллионы лет.

На палубу корабля высыпали четырехрукие члены экипажа и пассажиры — члены экспедиции. Корабль замедлил ход, обошел ствол «одуванчика» кругом и подплыл к одному боку, где виднелось большое рваное отверстие. Послышались металлически-свистящие голоса, спутники Тараса начали спускать на воду треугольные баркасы из кожистого материала, в котором Тарас признал хитиновые надкрылья и панцири колеоптеров — разумных жуков. Перволюди давно пользовались этим прочным и легким материалом, обнаружив колоссальные кладбища Инсектов, погибших во времена Изменения.

К стволу ушли четыре баркаса с четырьмя гребцами в каждом. Тарас ожидал, что и его предок пойдет на разведку, но ошибся. Пращур рода Горшиных остался на судне, выдвинув из люка на корме знакомый «пульт» с десятком рычагов разной конфигурации и цвета. Из «кнехта» под кормой вытянулась вверх гибкая мачта с зеркалом на конце, напоминающая удилище. Предок развернул его в сторону «одуванчика», подергал за рукоятки, и зеркало испустило пучок света, который уперся в основание колонны «одуванчика». Удилище оказалось прожектором, точнее, источником когерентного света наподобие лазера.

Пучок света переместился с одного сочленения панцирей лепидоптеров на другое, но тела древних бабочек продолжали светиться, превращаясь в прозрачно-изумрудные друзья драгоцен-

ных камней, и Тарас вдруг поймал чужую мысль, развернувшуюся в смысловое поле, понятное его сознанию.

Скелеты лепидоптеров складывались не просто в прочное сооружение, но соединялись в Гипертексты, тексты метаязыка, представляющие собой «заклинания», особые руны, способные изменять реальность! При правильном их использовании, разумеется. Сооружение Инсектов реализовывало сферу воздействия на мир, составляя одно целое, объединяя мысль, слово и писание, в то время как в человеке метаязык оказался разделенным на три сферы. Человеческий язык по сути был кодом передачи информации, а не самой информацией. Только соединение языка, мысли и текста давало возможность потомкам Инсектов получить инструмент воздействия на реальность посредством слова. Хотя человек едва ли мог произносить Слова Власти, представляющие собой многомерные энергоинформационные пакеты, закрепляющие из возможных вероятностных состояний материи только те, которые были нужны обладателю Слова.

И еще Тарас окончательно понял, почему Аморфы, первые разумные коллективные системы Земли, провели Изменение, в результате которого размеры Инсектов уменьшились: разумные насекомые замахнулись на глобальный контроль над земной реальностью, грозя уничтожением всему Мирозданию. Их надо было остановить.

Светящаяся вязь тел-знаков текста продолжала разворачиваться спиралью вслед за движением «прожектора». Предок Тараса, очевидно, свободно читал этот «текст», и Тарасу даже показалось, что он тоже понимает смысл отдельных его фрагментов. Однако сознание вдруг начало плыть, мерцать и меркнуть, организм требовал отдыха, и путешественник по пространствам внутренней памяти с сожалением понял, что пора возвращаться в «свое время».

Подъем из бездн памяти напоминал процесс выныривания из-под воды.

Он с плеском выскочил на поверхность сознания, в свет и тепло, хватая ртом воздух, как оглушенная рыба. Ощутил млеющую затекшую руку, увидел кружащиеся и падающие стены горницы и закрыл глаза, начиная процедуру настройки организма на оптимальный режим функционирования. Поднял к глазам руку с часами. С момента спуска «на дно памяти» прошло всего три четверти часа, хотя по ощущениям он отсутствовал не менее

трех-четырёх часов. Время трансового состояния воспринималось сознанием иначе, нежели время обычного событийного потока.

Тарас посидел немного, привыкая к тесноте собственного тела, затем начал набор энергии в соответствии с практикой ритмического дыхания.

В течение пяти минут он сосредоточивал мысли на развитии энергетических способностей и расслаблял мышцы тела одну за другой, пока они не перестали ощущаться. За восемь секунд сделал полный глубокий вдох, задержал воздух в легких на восемь секунд и выдохнул так же медленно. Повторил цикл десять раз, меняя ноздри на вдох и выдох. Подождал две минуты и еще раз прошел всю процедуру, пока не дошел до двадцати секунд на каждое упражнение. Через двадцать минут он почувствовал «движение духа» в теле и стянул избыток энергии с пальцев рук струйками розоватого свечения. Теперь он был готов повторить поход в прошлое, чтобы еще раз взглянуть на Гипертексты предков. Однако это можно было сделать и позже, а пока ситуация требовала конкретного решения и для выяснения координат базы Гелаева необходим был выход в астрал для встречи с Ведогоном, духом-хранителем рода Горшиных.

Оглядевшись вокруг с помощью «третьего глаза» и не обнаружив злых потоков внимания к дому прокурора, Тарас снова устроился в кресле поудобней и усилием воли, с короткой раскачкой сознания, ввел себя в трансовое состояние ментального поиска.

Темнота перед глазами вскипела, превратилась в крыло света, и перед ним открылось видение: ровное пушистое море белого тумана, изредка выстреливающее туманные фонтаны, и пустое фиолетовое небо над ним, в такт фонтанам выпускающее бледные лучики света.

Ради любопытства Тарас подставил свою бесплотную руку под один лучик и едва не вскрикнул от неожиданности, испытав боль и наслаждение одновременно. Не удержался, чтобы не подставить руку еще раз, и услышал тихий осуждающий голос:

«Безрассудно тревожить не объект ради пустого любопытства».

Тарас «отдернул руку», виновато пояснил:

«Я впервые переживаю такие ощущения. Что это за лучи?»

«Суперпозиции полей смысла, кодоны, обладающие эффек-

том захвата человеческих душ. Лучше держаться от них подальше».

«Что значит — захват душ?»

«Человека тоже можно представить как сложную суперпозицию материальных микрообъектов, полей, сил и энергоинформационных потоков, обладающую «зерном жизни» — душой, которая, в свою очередь, тоже является суперпозицией тонких полей. Кодоны работают как ловушки, настроенные на соблазн получения удовольствий. Души, устремленные по этому пути, скатываются в инферно, откуда нет возврата, а человек становится проводником тьмы».

«Понял, спасибо, учту. Мне нужна информация».

«Ты слишком часто стал прибегать к нашей помощи для решения конкретных земных задач. Насколько это важно?»

«Прошу прощения, но это действительно важно. Мне нужны координаты схрона полевого командира Гелаева или хотя бы точки выхода к ней. Географическая зона определения — окраина города Грозного...»

«Мы уже знаем, о чем идет речь, — перебил Тараса наставник рода, почему-то всегда говорящий о себе во множественном числе. — Еще одно замечание: ты слишком открыт во время выхода в информационное поле, научись экранировать мысли или маскироваться под природные образования, иначе тебя перехватят темные иерархи и перепрограммируют».

«Что значит — маскироваться под природные объекты?»

«Вопрос уже подразумевает ответ, думай».

«Благодарю за советы. — Тарас вдруг почувствовал дуновение чьей-то холодной злой силы, заторопился. — Дайте мне карту полей...»

«Тебя засекли, уходи! Вход в систему подземелий, ведущую к схрону ненавидящих и недумающих, находится в трех километрах от дома, в котором ты находишься в данный момент, на правом берегу реки Сунжи, в развалинах тракторного завода. Прощай».

Голос духа-наставника втянулся в океан тумана струйкой света. Океан вдруг заволновался, покрылся рябью, из его глубины вынырнула голова змеи с пылающими алым светом глазами и вперила взгляд в замершего человека.

Тарас содрогнулся, начиная отступление.

Конечно, ни туманного океана с фонтанами, ни змеи на самом деле не существовало, такими эти энергоинформационные

образования астрала отражало в зрительных образах сознание Тараса, но от этого змея не становилась менее опасной, а падение в океан грозило потерей личности, и надо было убираться из этого проявленного его волей мира как можно быстрее.

Змея вытянулась над туманом на сотни километров, сверкая гладким и одновременно кисейно-неплотным туловищем, ринулась за уносящимся в небо Тарасом, превращаясь в смерч ужаса, но он уже нашел в тумане надежное убежище — свое тело — и нырнул в него на огромной скорости, спасаясь от чужого волевого «выстрела».

Удар возвращения был так силен, что он какое-то время ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Очнувшись от чьего-то прикосновения, вздрогнул, открывая слезящиеся глаза.

Напротив стоял учитель и смотрел на него, склонив голову к плечу.

Тарас резко приподнялся, сел в кресле поудобней.

— Вы?..

— Риск — благородное дело, — осуждающе покачал головой Елисей Юрьевич, — но сюда мог прийти и кто-нибудь другой. Ты был там? — Он показал глазами на потолок.

— В астрале, — смущенно признался Тарас.

— Зачем?

Тарас отвел взгляд, помял лицо ладонями, чувствуя себя разбитым и усталым. Кинул взгляд на часы и не поверил глазам: он «отсутствовал» около полутора часов.

Елисей Юрьевич понял его мимику, нахмурился.

— Долго?

— Полтора часа... никогда бы не подумал... я был там всего пару минут...

— Я не спрашиваю, что ты там искал, но уверен, искал напрасно. И так рисковать Посвященному непозволительно. Для походов по астралу необходим проводник и защитник.

— У меня есть проводник.

Тарас направился на кухню, плеснул в лицо холодной водой, вытерся и вернулся. Елисей Юрьевич в задумчивости смотрел на иконку в углу комнаты. Оглянулся, пытливо глянув на ученика.

— Ты мне ничего не говорил о проводнике.

— Боялся показаться смешным.

— Что это за сущность?

— Дух рода... наставник... я называю его Ведогоном.

— Понятно, — с облегчением кивнул Елисей Юрьевич. —

Это действительно проводник. Духи этого вида редко выходят на прямые контакты. Ты чем-то их заинтересовал.

— Почему — их? Он назвался Ведогоном, хотя всегда о себе говорит «мы».

— Это коллективная сущность, вбирающая память каждого предка. Если будешь прислушиваться к их советам, далеко пойдешь.

Тарас отвел взгляд.

— Постараюсь. Мы уходим?

— К сожалению, придется задержаться. По не зависящим от нас обстоятельствам самолет улетает завтра утром. Соответственно, и мы летим завтра утром. Надеюсь, у тебя нет планов на вечер?

Тарас хотел было сказать правду, но не успел. В кармане Елисея Юрьевича засигналил мобильник.

— Да, — сказал он, вытащив трубку, помолчал, выслушивая абонента. — Хорошо, встретимся в девять у Юрка-два.

Посмотрел на Тараса.

— Мне придется отлучиться по делам на пару часов. Можешь присоединиться.

— Лучше я подожду вас здесь, — сдержанно сказал Тарас, пряча радость в душе, что не придется объяснять учителю причину своего ночного отсутствия.

— Хорошо, — кивнул Елисей Юрьевич. — По ресторанам и кафе нам лучше не ходить, поэтому поужинаем здесь, я чего-нибудь принесу вкусенького.

Он вышел.

Заурчал мотор машины.

Тарас подождал, пока она отъедет, и вздохнул полной грудью. Можно было начинать операцию, намеченную еще утром.

Глава 16

НЕЛЮДИ ЖИТЬ НЕ ДОЛЖНЫ

Из дома он вышел в начале девятого, когда городом и его окрестностями завладели сумерки. Вечер двенадцатого апреля, в День космонавтики, выдался в Чечне хмурым, но теплым и без дождя. На Грозный медленно напозла с юга череда серо-синих облаков, обещавшая или дождь, или град. Тарас мог бы и покол-

довать, попросить у природы хорошей погоды, однако, во-первых, дождливая погода была ему удобней, во-вторых, любое вмешательство в окружающую среду приводит к ее ответной реакции, зачастую не только нейтрализующей действия оператора, но и ухудшающей состояние физических систем в месте применения с и л ы. Поэтому ничего «улучшать» Тарас не стал, хотя действительно умел это делать, учитель давно практиковал с ним приемы воздействия на природу и съема энергии с больших растительных структур.

Экипировка на этот раз не вполне удовлетворяла Тараса, взявшего с собой в Чечню лишь спортивный костюм и кроссовки. Набор «ниндзя» остался дома, вместе со старым костюмом для ночных десантных операций, а из оружия у него были только несколько метательных пластин и нож. Впрочем, огнестрельным оружием он решил не пользоваться вовсе, убийцы женщин и стариков не имели права на л е г к у ю смерть.

Просканировав окрестности прокурорского дома с помощью «личного биолокатора» — «третьего глаза», Тарас выбрался на огород, а оттуда спустился никем не замеченный к реке. Если за домом и наблюдали, вряд ли они видели этот маневр, называемый адептами ниндзя-подготовки *онгюо*, или «растворением в воздухе». Костюм на Тарасе был фиолетовым, без белых полос и деталей, и помогал ему сливаться с местностью, тем более вечером.

Три километра вдоль реки он преодолел за полчаса, затем переправился на другой берег Сунжи по ржавой газовой трубе и замер, настраиваясь на боевое состояние. Начал он с расширения поля зрения, добиваясь сосредоточения на периферии взгляда и постепенно увеличивая сектор обзора во все стороны. Затем добился усиления четкости рассматриваемых предметов в полной темноте и стал видеть почти как днем.

Развалины тракторного завода предстали прямо перед ним как на ладони темной зубчатой громадой, напоминающей древний замок. Продолжая наблюдать за развалинами, Тарас распределил объемы внимания на триста шестьдесят градусов и тенью скользнул через пустырь, приблизившись к северной оконечности завода.

Замер, прислушиваясь к тишине вокруг. С минуту все было тихо, потом дуновение ветерка принесло тихие человеческие голоса и позвякивание: мимо одного из разрушенных корпусов завода по асфальтовой дорожке шагали двое, цепляясь ботинками

за камни, и беседовали. Тарас снял кроссовки, обошел наполовину рухнувшую стену, приблизившись к разговаривающим.

Это были боевики-чеченцы, одетые в одинаковые кожаные куртки, бесформенные штаны и вязанные шапочки. У обоих на плечах дулом вниз висели автоматы, и оба вели себя совершенно спокойно, не ожидая никаких неприятных сюрпризов, будто федеральная власть для них не существовала. Впрочем, они федеральную власть никогда и не признавали, подчиняясь своей бандитской власти, будучи ее нравственными рабами. На людей боевики были похожи только внешне.

Они прошли мимо притаившегося Тараса, обдав его смесью запахов перегара, лука, пота и мочи. Остановились у сгоревшего бронетранспортера, закурили. Потом снова двинулись в обход территории, представляя собой охрану входа в подземелье. А так как они могли проходить подобным образом всю ночь, надо было как-то заставить их открыть замаскированный лаз.

Тарас бросил камешек в стену здания.

Боевики схватились за автоматы, вглядываясь в силуэты развалин. Один из них достал какой-то предмет, похожий на котелок, приставил к глазам. Тарас понял, что это прибор ночного видения, чертыхнулся про себя, спрятался за груды камней. О том, что у охранников могут быть инфракрасные устройства, он не подумал.

Однако ему повезло.

В полусотне шагов от замерших боевиков послышались металлические лязг и стук осыпающихся камней. В треугольнике между углом здания, сгоревшей цистерной и остовом трактора отъехала в сторону бетонная плита, открывая зев люка, и оттуда на землю вылезли один за другим три человека. Двое были чеченцами, третий — в пятнистом комбинезоне, с погонами полковника, короткостриженный, круглолицый, явно принадлежал к иному типу людей. Говорил он по-русски чисто, без акцента, вставляя в свою речь прибаутки и матерные выражения, и вел себя как хозяин.

— Придется два километра топать пёхом, — сказал один из чеченцев, с папайкой на голове, демонстрируя неплохое знание русских идиом. — Машина ждет вас у моста.

— Ничего, для бешеной собаки семь верст не крюк, — хохотнул в ответ незнакомец в камуфляже. — Надеюсь, я не зря бил ноги по вашим буеракам. Не забудьте, самолет вылетает в девять утра.

— Сделаем, не сомневайся, — буркнул с акцентом чеченец в папаше.

— Только не так, как на кладбище. Мне сказали, ваших людей положил один человек, а их было трое. Снайпера херовы!

— Мы его достанем, — пообещал чеченец в папаше. — Не здесь, так в Москве.

Тарас понял, что речь идет о нем.

— До Москвы самолет долететь не должен, — категорическим тоном бросил полковник. — Вам хорошо заплатили.

Чеченец в папаше отвернулся, позвал:

— Хайрам.

— Здесь я, — подбежал к разговаривающим один из сторожей.

— Проводи гостя.

— Слушаюсь, командир.

— Прощай, Муса, прощай, Хамзат, — сказал полковник, не подавая, однако, руки. — С оружием у вас все в порядке, а вот вино плохое. Скажу своим, пусть подкинут пару ящиков молдавского. Да и водочки тоже.

— Нас грузины вином снабжают, — заговорил второй чеченец. — Вы нам лучше непеленгуемые рации добудьте.

— Будут.

Полковник вскинул вверх сжатый кулак и двинулся вслед за проводником, спотыкаясь и чертыхаясь. Чеченец в папаше огладил бороду, что-то сказал по-чеченски спутнику и полез в люк. За ним спустился второй чеченец. Люк закрылся, бетонная плита встала на место, все стихло. Оставшийся в одиночестве охранник потоптался немного у трактора, закурил и направился в обход охраняемого двора. Судя по всему, это занятие ему обрыдло, тайна схрона федералам была неизвестна (если не считать тех, кто в с е знал), и можно было не ждать нападения.

Тарас прикинул, сколько времени потребуется проводнику, чтобы доставить полковника к машине и вернуться обратно, — выходило не менее сорока минут, и начал действовать.

Закуривший охранник не сразу понял, что за препятствие сформировалось на его пути. Затем какая-то сила вырвала у него автомат, саданула по голове и уложила лицом в щебень, так что он не успел ни выхватить нож, ни крикнуть.

— Тихо! — прошипел в ухо чей-то суровый голос. — Ответишь на вопросы — будешь жить! Понял?!

Ужас душевной волной ударил в голову. Захотелось жить.

Клятвы мстить гяурам — неверным — и не бояться смерти во имя Аллаха вдруг стали несущественными. Главным сейчас было выжить во что бы то ни стало, даже ценой предательства.

— Я скажу... все скажу... — забормотал охранник глухо, елозя губами по гравиию.

Тарас чуть ослабил хватку.

— Я знаю, где вход в систему подземелий, как его открыть?

— Там охрана...

— Отвечай на конкретный вопрос!

— Надо стукнуть три раза...

— Сколько? — Тарас сильнее сдвинул мышцы шеи, так что охранник засипел от боли.

— Три... раза... и один...

— По плите?

— Там бетонный столб...

— Сколько человек охраняет вход?

— Два... у них пулемет... гранаты...

— Куда ведет подземный ход?

Пленник дернулся, борясь с самим собой: он боялся командира, боялся наказания, но ужас, внушенный Тарасом, оказался сильнее.

— Там база... в пещера... в горах... заложники...

— Сколько заложников?

— Шесть штука... два солдат... русские... судья и еще...

Тарас кивнул сам себе. По официальным данным, в руках террористов до сих пор находилось около девятисот заложников. Всего же с начала первой чеченской кампании на территории Чечни пропали без вести две с лишним тысячи человек.

— Сколько боевиков в банде?

— Много... не считал... тридцать-сорок...

— Они все в одной пещере или в разных?

— Там три пещера... командир и его женщины отдельно... потом на складе... и остальные...

— Чем вооружена охрана?

— Автомат... гранатомет... снайперский винтовка... огнемет такой маленький есть...

— Ранцевый. Да, снабжает вас заграница отменно. Да и наши предатели не отстают. Все сказал? Ничего не забыл? Я ведь вернусь!

— Все... не убивай... — заторопился охранник. — По тоннелю висят такой железный прутья... заденешь...

— Понятно, взрывные устройства. Вот за это спасибо. Живи... пока.

Тарас нажал парализующую точку на шее чеченца, и тот обмяк.

Вокруг стояла тишина, лишь издали доносилось грохочущее ворчание — приближалась гроза. Птицы на территории разрушенного завода не водились, и каждый шорох был слышен далеко. Тарас надел кроссовки, чтобы не посбивать ноги о камни, сейчас уже можно было не заботиться о бесшумности передвижения, и подобрался к бетонной плите, под которой начинался лаз в подземный ход, соединявший завод с базой Гелаева в предгорьях Брагунского хребта.

Бетонный столбик располагался рядом с плитой и, очевидно, служил своеобразной линией связи с охраной входа. Тарас стукнул камнем три раза по столбику, потом еще раз.

Загудело. Плита начала отодвигаться. Скорее всего, ее убирали вручную с помощью лебедки. Обнажилось круглое отверстие люка, из которого прянула волна гнусных запахов. В глубине открывшегося лаза блеснул фонарь. Тарас молча прыгнул в отверстие, группируясь в полете и высчитывая положение охранников. В данный момент он действовал по принципу саккацу¹, и охранники были для него только препятствием на пути к цели, а не людьми.

Сбитый с ног охранник с фонарем охнул, фонарь выпал из его руки и погас. Удар ножом, вскрик. Второй охранник сдернул с плеча автомат, но выстрелить не успел. Нож вспорол куртку на груди и вошел точно в сердце. Чеченец умер мгновенно.

Тарас замер, приняхиваясь к воню, прислушиваясь к глухой тишине подземелья и оглядываясь. Отсутствие света не мешало ему видеть так же хорошо, как и днем, разве что в ином цветовом диапазоне.

По-видимому, подземный ход начинался с канализационного коллектора завода. Охрана располагалась в небольшом помещении с бетонными стенами, в котором стоял столик, деревянный толчан с брошенным на него тьюфом и механизм сдвига плиты — четыре зубчатых колеса на ржавой металлической станине, цепь и рукоять. Наверх вела лестница с металлическими

¹Саккацу — свобода убивать (яп.), один из ментальных принципов в мироощущении ниндзя.

ступенями, а в стенах чернели круглые отверстия, представлявшие собой выходы канализационных труб метрового диаметра. Воняло здесь, как в свинарнике, и Тарас мимолетно подумал, что боевиков не только сопровождает дрянь и вонь, но и вся их жизнь — дерьмо!

Он присмотрелся и безошибочно определил начало подземного хода, хранившего ментальные и энергетические следы часто проходивших здесь людей, хотя труба на первый взгляд и не отличалась от других. На всякий случай подхватив фонарь, он устремился вперед, согнувшись в три погибели, чтобы не цеплять макушкой бетонный верх трубы. Подумалось, что в его работе передвижение по канализационным трубам становится обычной практикой.

Канализационная система тракторного завода в отличие от него самого сохранилась отлично. Передвигался Тарас, не включая фонаря, но «третий глаз» позволял ему ориентироваться в полной темноте и оценить систему подземелий, в которой свободно мог разместиться целый армейский полк. Почему федералы не взорвали ходы, было загадкой. Возможно, не знали о существовании канализации, а возможно, закрывали на это глаза, встречаясь здесь с лидерами бандформирований, как только что ушедший отсюда полковник.

Труба вела сначала на север, потом повернула к востоку и закончилась через полкилометра, упершись в круглый бетонный коллектор диаметром в два десятка метров. Здесь тоже находился пост охраны хода, оборудованный, как и первый. Только топчанов было два, на них в данный момент спали боевики-охранники, а на столе стоял полевой военный телефон образца пятидесятих годов. Тут же, среди вскрытых банок с тушенкой и рыбными консервами, лежала многодиапазонная английская рация новейшего образца с цифровой системой настройки. Да и оружие у боевиков оказалось не отечественным — новейшие винтовки калибра четыре и семь десятых миллиметра «Хеклер и Кох» германского производства. Винтовки имели полностью закрытую ствольную коробку и оптический прицел, встроенный в ручку для переноски, и были покрыты специальным составом, поглощающим тепловое излучение. С виду они напоминали бластеры из голливудских фантастических фильмов.

Тарас, за десятые доли секунды оценивший обстановку,

прыгнул к топчанам и нанес два удара ребром ладони — по затылку первого охранника и по кадыку второго. Огляделся более тщательно, подержал в руках винтовку, покачал головой. У него и раньше не было сомнений по поводу того, что террористов в Чечне снабжает вся Европа, да и Америка тоже, теперь же он убедился в этом наглядно.

Пролом в стене коллектора вел в прямоугольный тоннель, проложенный достаточно давно, судя по состоянию креплений и запахам, возможно, еще в первую чеченскую войну. Он был довольно широким, до полутора метров, и примерно такой же высоты, так что и по нему можно было передвигаться только согнувшись. Стены его были обиты досками, а потолок укреплен бетонными плитами и балками, в щели между которыми изредка высывались металлические штыри. Стоило задеть один такой штырь, как срабатывало взрывное устройство, заживо замуравывая смельчака, превращая тоннель в глубокую могилу.

Чутье могло подвести, пришлось включить фонарь, и скорость передвижения упала.

В какой-то момент доски под ногами и на стенах, а также потолок стали мокрыми. Тарас понял, что тоннель проходит под дном Сунжи. Затем впереди показался слабый отсвет, и он выключил фонарь. Со времени спуска в канализационный люк прошло уже двадцать две минуты, и по расчетам выходило, что он преодолел под землей около трех километров. Если верить охраннику, выход на поверхность был уже близок.

Откуда-то слышались тихие голоса и музыка.

Тарас перешел на скользящий мягкий шаг, называемый мастерами русбоя «кошачьей лапой». Мастера ниндзюцу называли этот способ ходьбы — *хиккими*.

Светлый проем тоннеля приблизился. Голоса стали слышны отчетливее: говорили по-чеченски, изредка перебивая разговор взрывами визгливого хохота. Иногда доносились и другие звуки: гудение, позвякивание, отголоски музыки, глухой шум и стоны, а также едва слышные крики, от которых по коже бежали мурашки. Без сомнений, это кричал кто-то из заложников.

Тарас дошел до прямоугольной двери, выглянул из-за косяка.

Подземный ход заканчивался в пещере на высоте метра от ее бугристого каменного пола. Пещера была низкой, не очень боль-

шой и освещалась лампой дневного света, висящей на противоположной стене. Источником гудения оказался компактный электрогенератор, каких Тарас еще не видел. Работал он на любом топливе, вплоть до мусора, а изготовлен был, судя по дизайну, где-то на Востоке, в Корее или в Японии.

У дальней стены пещеры лежали длинные зеленые ящики с гранатометами и переносными зенитно-ракетными комплексами. Рядом высились горы ящиков с продовольствием и желтые контейнеры международной гуманитарной помощи с одеждой, медикаментами и консервами.

В пещере, провонявшей запахами солярки, табачного дыма, мочи, экскрементов и пота, располагалось два десятка деревянных нар и стенка с оружием, увешанная невиданным количеством винтовок, автоматов, гранатометов и пулеметов иностранного производства. Хотя среди них присутствовало и отечественное стрелковое оружие — от автоматов Калашникова и Никонова десантных образцов до снайперских винтовок «СВД» и «БСК».

Однако боевиков здесь находилось гораздо меньше, чем можно было судить по количеству оружия, всего с десятков. Очевидно, основная масса отряда Гелаева ушла на задание либо была уничтожена в результате умело проведенных федералами спецопераций. Большинство спало на нарах, трое сидели у включенного — и великолепно работающего! — цветного телевизора и смотрели какой-то порнофильм, смысл которого сводился к хорошо известному д в и ж е н и ю. Такими фильмами потчевали обычно после двенадцати часов ночи российских владельцев канала ТВ-плюс.

В пещере было душно, и бородачи сидели полуголыми, блестящие от пота, с бутылками и жестянками пива в руках. Тарас знал, что Коран запрещает зрелища эротического плана и распитие спиртных напитков, но эти «адепты» «истинного» исламского учения, похоже, давно перешли грань послушания законам шариата и представляли собой даже не отчаявшихся фанатиков исламского фундаментализма (среди них были и арабы, и русские, и украинцы), но живых мертвецов с прогнившими душами.

Один из бородачей, с бритым черепом и перебитым носом, захохотал, отбросил жестянку с пивом и побрел к нарам. Рухнул на ложе, накрытое смятым ватным одеялом, затих. Двое продолжали смотреть телевизор, перебрасываясь репликами. Они так и

не успели среагировать на подувший сквознячок и мелькнувшую у стены пещеры тень.

Тарас не стал рисковать, метая сюрикэны, хотя промахнуться не боялся, но боевики могли закричать, а воевать со всем отрядом в планы Горшина не входило. Поэтому он перебежал открытое пространство на цыпочках, нанес первому два мгновенных удара — в шею с двух сторон ребрами ладоней, а ко второму применил экстремальный вариант ваки-гатамэ¹, от которого бородач задохнулся и потерял сознание, не издав ни звука.

Телевизор (новейший «Шиваки» с метровой диагональю) продолжал выдавать охи, ахи и стоны «актеров», боевики мирно спали, ни один из них не проснулся. Можно было двигаться дальше.

Вход в соседнюю пещеру был занавешен кошмой. Тарас отодвинул краешек и выглянул, сосредоточиваясь на смене диапазонов видения.

В этой пещере, узкой и длинной, со сводчатым потолком, с которого свисали острые каменные шпильки, держали заложников. Всего их было шесть человек, молодых и постарше, но одинаково худых и обросших, скорчившихся на камнях со связанными ногами и руками. Одеты все были в невообразимые лохмотья, потерявшие цвет, и половина из них не имела обуви.

Освещалась пещера слабеньким автомобильным фонарем, бросавшим отсветы на потолок. Охранников здесь было двое. Один спал на топчане, укрывшись с головой одеялом, второй сидел на кошме с поджатыми ногами и грезил с открытыми глазами, раскачиваясь из стороны в сторону и глядя на фонарь. В пальцах у него дымилась длинная серая сигарета с наркотиком. Судя по черной гриве волос и короткой черной щетине, он был арабом. Его напарник пошевелился, сбросил одеяло, и стало видно, что он скорее всего славянин.

Араб умер первым, со свернутой шеей, перейдя из мира грез в мир Нави без особых усилий со своей стороны. Второй охранник охнул от удара, и Тарасу пришлось некоторое время удерживать его голову, прижатую к матрасу, пока он не затих.

Ни один из пленников, измученных в неволе голодом и пытками, не проснулся.

¹Ваки-гатамэ — выкручивание и сжимание тела противника сбоку, приводящее к удушению за счет сжатия надпочечников.

Тарас беззвучно скользнул к дальнему концу пещеры, где виднелась треугольная деревянная дверь без ручки, ведущая в последнюю пещеру, где должен был находиться командир отряда со своими телохранителями и женщинами, о которых говорил охранник на территории завода. Открыть дверь с этой стороны было невозможно, разве что пальнув в нее из гранатомета, и Тарас припал к ней ухом, напрягая слух.

Он услышал тихие голоса, скрип, стоны, затем смех. Снова голоса, шаги. Чей-то повелительный голос. Шаги приблизились к двери, лязгнул засов.

Тарас вжался в каменную нишу слева от двери, дверь открылась. В пещеру, согнувшись, протиснулись два бородача и бросили на пол полууголого подростка. Повернувшись к двери, они увидели свою смерть в образе сгустившейся темноты, упавшей обоим на головы.

Мужики оказались здоровыми, крепкими, поэтому бить их пришлось в полную силу, «навывлет», в горло и в висок, чтобы они не успели крикнуть.

Шум от падения тел получился изрядный, однако это уже не волновало Тараса. Он взял т е м п и ворвался в пещеру, примерно зная, сколько в ней находится боевиков.

Пещера оказалась самой большой, просторной, почти квадратной, с высоким потолком, под которым висела самая настоящая хрустальная люстра. Стены ее были увешаны коврами, ковры также лежали на полу, а в естественной нише, образовавшей нечто вроде алькова, стояла кровать с роскошным бельем и трюмо, возле которого стоял, почесываясь, голый бородач, разглядывая себя в зеркале. Это был тот самый чеченец в папахе, который провожал полковника в армейской полевой форме на территории тракторного завода.

Кроме него, в пещере находилось еще двое мужчин в пятнистых комбинезонах: бородатый горбоносый чеченец, молодой и здоровый, и жгучий брюнет с усами, высокий, накачанный, сильный. Они сидели за столом возле двери и играли в нарды.

Еще один стол и четыре стула стояли в дальнем углу пещеры, уставленные бутылками, тарелками, банками и котелками. Здесь хозяева жилища трапезничали.

В другом углу пещеры стояли приборная стойка ВЧ-аппа-

ратуры и спутниковой связи, а также телевизор и пирамида с оружием.

Игравшие в нарды телохранители командира отряда оглянулись на дверь. Чеченец, имевший острое звериное чутье опасности, выхватил пистолет, и Тарас с десяти шагов метнул в него нож, попав точно в переносицу. Прыгнул к брюнету, метнув две оставшиеся звездочки сюррикэнов, не дав ему времени на размышления и попытку воспользоваться оружием. Брюнет, получивший одну звезду в плечо, а вторую в ухо, успел-таки выстрелить (хорошая подготовочка у парня, профессиональная, надо думать, его учили стрелять, не обращая внимания на боль), попал Тарасу в бедро — касательно — и улетел во тьму беспамятства от страшного удара в подбородок, сломавшего ему челюсть.

Только теперь хозяин «спальни» обратил внимание на шум и оглянулся. Его можно было понять: даже в самом дурном сне ему не могло присниться появление ч у ж о г о спецназовца в самом сердце бандитского схрона!

— Ты кто? — тупо спросил он по-русски.

— Граф в пальто, — глухо ответил Тарас, прислушиваясь к тишине подземелья.

Командир боевиков опомнился, метнулся было к пирамиде с оружием и охнул, наткнувшись на выпад оказавшегося перед ним Тараса. Затем он увидел светящиеся тигриные глаза гостя, в которых стыла холодная брезгливая ненависть, и почувствовал ознобливый, парализующий душу и тело ужас. Упал на колени, вытягивая вперед руки.

— Пощади! Не убивай!..

— Ты женщин не пощадил, — ровным и оттого более страшным голосом ответил Тарас, впиваясь взглядом в расширяющиеся зрачки главаря банды, добавил м о р о к а в потоке с и л ы. — Все зависит от твоих ответов. Скажешь все, будешь жить.

— Да-да-да, я скажу, скажу, спрашивай, — залепетал бородач, закатывая глаза. От него пахло мочой. Полевой командир Гелаев, наводящий ужас на мирных жителей Чечни, обмочился от страха.

Тарас поморщился.

— Кто заказал убийство женщин на рынке, жены и матери полковника Смирнова?

Бородач вздрогнул, начал трезветь, исподлобья глянул на

Горшина, но встретил его приказывающий взгляд и снова расслабился.

— Полковник Жмутенко...

— Место службы?

— Штаб в Моздоке... он помощник начштаба по снабжению... хорошо заплатил...

— Давно вы с ним сотрудничаете?

— Семь месяц скоро...

— Кто приказал ему? Кто главный заказчик?

— Не знаю... какой-то шишка из Москвы... нам платят, мы выполняем.

— На кладбище были твои люди?

Гелаев снова содрогнулся.

— Моя...

— Значит, ориентировку на уничтожение Смирнова вам дали уже после нашего приезда?

— Мы работаем только после получения...

— Оплаты.

— Да...

— Почему не выдали заложников?

— Они нам еще нужны... для работы...

— И для развлечений.

Бородач отшатнулся, так как Тарас добавил в голос убийственные интонации и гортанный окрас метаязыка.

— У вас должен быть запасной выход! Где? Говори!

— Здес, за кровать...

Тарас ткнул пальцем в шею Гелаева, шагнул было к его огромной кровати, не глядя на упавшего, и вдруг понял, что не сможет уйти один. На раздумья затратил несколько драгоценных секунд. Потом вернулся в пещеру с заложниками, по пути добив зашевелившегося охранника, и по очереди разбудил пленников, освободил их от пут.

По-видимому, они не совсем поняли, что от них требуется, так как безропотно направились в пещеру повелителя, не глядя на своего освободителя. И лишь увидев неподвижные тела охранников и самого Гелаева, поверили, что это не сон. Двое из них упали на колени, так велико было потрясение, остальные сгрудились у двери, испуганно разглядывая убранство жилища их главного мучителя, и Тарасу пришлось подтолкнуть их к кровати, прижав палец к губам. Они молча повиновались. Лишь са-

мый молодой из них, тот, которого выбросили из спальни командира телохранители, вдруг метнулся к оружию и выхватил автомат. С трудом Тарасу удалось убедить его не поднимать шум. Тогда парень выпустил из рук автомат, бросился к столу, вытащил торчащий из банки с консервами нож и вонзил Гелаеву в грудь. Остановить его Тарас не успел, да и не захотел.

Выход из пещеры был замаскирован ковром. За ним начинался короткий тоннель, пробитый в толще горных пород кирками и ломами. Он вел к небольшой естественной пещерке, которая имела узкий выход на склон горы. Здесь тоже дежурили охранники в количестве двух человек, вооруженные пулеметом и автоматами. Однако нападения с тыла они не ожидали и сопротивления почти не оказали.

Шел второй час ночи, когда Тарас вывел пленников из подземных казематов базы боевиков.

Еще через два часа он оставил вконец ослабевших людей недалеко от блокпоста и растворился в ночи, пожелав им удачи, понимая, что эта акция скоро превратится в легенду.

Елисей Юрьевич встретил его у дома прокурора и, не спрашивая, где он пропадал полночи, провел в дом. Некоторое время они смотрели друг на друга, хорошо видя в темноте. Потом Тарас проговорил угрюмо, внезапно ощутив физическую и душевную усталость:

— Нелюди жить не должны!

Учитель не ответил.

— Его фамилия Жмутенко, — добавил Тарас. — Полковник из штаба армии в Моздоке.

— Я знаю, — тихо ответил Елисей Юрьевич. — Для того чтобы это узнать, не надо было рисковать жизнью.

— Вы... знали?!

— Мойся и отдыхай. — Елисей Юрьевич направился к спальне за печкой.

— Вы знали... и ничего не...

Учитель остановился, искоса глянул на ученика.

— Есть другие методы воздействия на ситуацию. Все, что надо, делается. Не вздумай искать того мерзавца, им займутся компетентные органы.

Тарас не нашелся, что ответить. На душе сделалось муторно и тоскливо, захотелось смыть с себя пот, грязь и кровь. Он вышел

в сени и долго мылил, скреб и скоблил тело, обливался водой, снова намыливался, но так и не смог очиститься полностью. Душа продолжала ныть и корчиться, не желая успокаиваться и принимать убедительные доводы, которые находил Тарас. На вопрос, заданный самому себе: до каких пределов жестокости может доходить восстановление справедливости? — он ответа не нашел.

Глава 17

РАЗМИНИРОВАНИЕ

В начале девятого они заехали в больницу, где лежала Валентина Матвеевна. Тоня, кутавшаяся в черный платок, тоже находилась здесь, дежурила у ее постели. Выглядела она вялой и заторможенной, хотя пыталась бодриться, под глазами легли тени, нос заострился, искусанные губы потемнели, и Тарас, ощутив острый приступ сочувствия, попытался передать девушке положительный энергоимпульс.

Валентина Матвеевна встретила гостей с каким-то необычным оживлением. Глаза ее, полные боли и тоски, лихорадочно блестели, запавшие щеки покрылись красными пятнами, казалось, она сейчас встанет и начнет хлопотать по хозяйству.

Елисей Юрьевич поставил на тумбочку возле кровати женщины пакет с фруктами, посидел немного, обыденным тоном рассказав ей какие-то семейные новости. Тарас попытался разговаривать Тоню, но ему это не удалось. Девушка его не слышала, обитая где-то в других измерениях. Горе ее было сильнее, и выйти самостоятельно из этого состояния она не могла.

— Вас будут навещать друзья, — сказал Елисей Юрьевич, вставая. — Да и родичи не оставят, Петя скоро приедет, баба Катя, Руслан, Маня.

— Возьмите ее с собой! — вдруг попросила Валентина Матвеевна, привстав с подушек и указав глазами на Тоню. — Здесь она пропадет. Умоляю!

Елисей Юрьевич и Тарас переглянулись в некотором замешательстве, одновременно посмотрели на девушку, удивленную таким оборотом дела.

— Что ты такое говоришь, бабушка? Как я могу тебя бросить?!

— Ничего со мной не сделается, милая, — отмахнулась Валентина Матвеевна, откинулась на подушки, не сводя глаз с Елисея Юрьевича. — Полежу тут денек-другой и встану. Петя переедет, жить будем вместе, да и Катя навещать собирается раз в неделю. А ты езжай с ними в Москву, тебе учиться надо. Так возьмете, Елисей? Девочка-то хорошая, неизбалованная, чистая, ей тут плохо будет.

Елисей Юрьевич встретил взгляд Горшина, прищурился.

— Твое мнение?

— Я — за, — быстро ответил Тарас, спохватился и добавил уже более рассудительно: — Здесь у нее действительно мало перспектив. А наши житейские проблемы разрешимы.

Смирнов повернулся к Тоне.

— Поедешь с нами?

Глаза девушки стали большими, растерянными, в них наряду с недоверием и грустью сверкнула радость. Но она тут же повернулась к Валентине Матвеевне, схватила ее за руку.

— Бабуля, но как же ты одна? Я же не могу тебя бросить!

Женщина улыбнулась, так, что по ее лицу побежали добрые лучики морщин.

— Не беспокойся, милая. Не останусь я одна. Езжай со спокойным сердцем, мне тут легче будет, если я буду знать, что ты в добрых руках. Соскучишься — приедешь. Да и я, может, выберусь в столицу, почитай, двадцать лет там не была.

Тоня растеряннo оглянулась на ждущих мужчин.

— Но мне надо переодеться, забрать вещи...

Елисей Юрьевич глянул на Тараса.

— Одна нога здесь, одна там. Бери «Волгу», помоги собраться. Оттуда сразу на аэродром. И не задерживайтесь.

— Постараемся, — кивнул Тарас. — Может быть, сначала отвезти вас на аэродром?

— Я справлюсь, сейчас подъедет спецгруппа.

Тарас взял Тоню под локоть.

— Пойдем, Тоня. Все будет хорошо.

Девушка отступила от кровати, потом с плачем кинулась на грудь Валентине Матвеевне, по лицу которой тоже покатались слезы. Она стала гладить внучку по волосам, по плечам, приговаривая:

— Успокойся, милая, все будет хорошо, жизнь продолжается, надо думать о будущем. Судьба у тебя такая. Да и не расстаемся мы навеки, встретимся скоро, иди с ними, иди...

Тоня подняла голову, несколько раз поцеловала бабушку в щеки, сжала кулачки:

— Я обязательно приеду, жди! Устроюсь там и приеду за тобой.

— Конечно, Тошенька, я так и рассчитываю. Ну иди.

Валентина Матвеевна обняла внуку, поцеловала, стараясь выглядеть если и не здоровой, то уверенной, но Тарас поймал ее слепой взгляд, полный муки, любви и тоски, и понял, что это прощание навсегда. Женщина точно знала, что они больше никогда не увидятся.

— Идем, — мягко сказал он, сглатывая горький ком в горле.

Тоня безропотно подала ему узкую прохладную ладонь, и они вышли из палаты, сопровождаемые взглядами Валентины Матвеевны и Елисея Юрьевича.

— Он ей нравится, — кивнула женщина на закрывшуюся дверь, перекрестив ее.

— Она ему тоже, — улыбнулся Смирнов.

— Дай Бог им счастья!

— Присоединяюсь к пожеланию.

— Вы уж там присмотрите за девочкой, добрая она и светлая, таких сейчас мало.

— Не волнуйтесь, Матвеевна, сделаю все, что в моих силах.

Елисей Юрьевич поцеловал женщину в щеку, погладил ее по руке, передавая позитивный канал энергии, который должен был поддерживать ее некоторое время, и вышел. Он тоже знал, что мать погибшего друга долго не проживет.

В доме Антона Кирилловича их ждал сюрприз.

Едва Тоня вошла в горницу, как ее сразу схватили за руки и зажали рот. Однако она укусила того, кто ее держал, и закричала. Ей снова зажали рот, но Тарас уже понял, что их ждала засада, и начал действовать в соответствии с ситуацией, не теряя времени на колебания и обдумывание плана действий.

Толкнув дверь, он нырнул на пол, перекатился колесом через порог и нанес два удара сразу по двум направлениям — тому, кто держал Тоню, и тому, кто зажимал ей рот. Затем вскочил разгибом вперед, выхватил у третьего парня пистолет и... едва успел отвернуть ствол в потолок.

Раздался выстрел.

Зазвенело стекло.

В гостинной прокурора стало тихо.

Всего в ней находилось четверо мужчин: трое — молодые парни в штатском, четвертый — капитан милиции в форме. Он был вооружен пистолетом-пулеметом и отреагировал на атаку Тараса с запозданием, иначе все закончилось бы печально. Капитан, судя по его мрачному и решительному виду, мог спокойно расстрелять хозяйку дома и ее сопровождающего.

— Не надо! — металлическим голосом сказал Тарас, направляя на него дуло отобранного у сотрудника милиции пистолета. При этом он сделал определенное движение свободной рукой и добавил в голос интонацию властной требовательности: — Кто вы?

Глаза капитана подернулись пеленой меланхолии. На один миг. Затем он опомнился и достал малиновую книжечку с тисненной золотом надписью: МВД.

— Капитан Минтемиев, отделение угрозыска. Верните сотруднику оружие.

Тарас протянул пистолет владельцу.

— В следующий раз советую быть повежливее с дамой. Это ее дом, а не тренировочный полигон.

— В следующий раз я из тебя решето сделаю!

Тарас перешел в темп, снова отобрал пистолет у парня, разрядил и уже медленно протянул ему оружие рукоятью вперед.

— Надеюсь, у тебя есть право на ношение этого зверя?

Ошеломленный молодой человек судорожно цапнул пистолет, и вид у него был такой уморительный, что это несколько разрядило обстановку. Его напарники переглянулись, а капитан Минтемиев качнул головой с невольным уважением.

— С чем пожаловали, джентльмены? — спросил Тарас, загораживая спиной испуганную Тоню. — У нас мало времени.

— Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, господин эксперт. — Минтемиев сделал знак пальцами, и трое его помощников окружили Тараса и Тоню. С Горшиным капитана никто не знакомил, и тем не менее он точно знал, с кем имеет дело.

— Вопрос первый, — продолжал Минтемиев, доставая блокнот. — Где вы были вчера утром, после похорон?

— Здесь, — спокойно ответил Тарас, понимая, что капитан если и не знает, где он был и что делал, то догадывается. — А что?

— Вопросы здесь задаем мы. После похорон прокурора... э-э... Хованского на кладбище нашли три трупа. Вы не знаете, кто их там оставил?

— Ни малейшего понятия. А что, погибли уважаемые люди? — встревожился Тарас.

— Разве это имеет значение? — неприятным голосом осведомился капитан. — Люди есть люди.

— Вы ошибаетесь, люди бывают разные, — возразил Тарас. — Есть люди, а есть н е л ю д и, боевики, террористы, убийцы. Может быть, вы считаете людьми и тех, кто убил ее отца и мать? — Он кивнул на Тоню.

Минтемиев тоже посмотрел на Тоню, нахмурился.

— Со всеми надо поступать по закону.

— То-то у вас здесь соблюдаются законы, — усмехнулся Тарас. — Днем — общечеловеческие, ночью — бандитские, волчьи. Хотя, впрочем, и днем без вины гибнут женщины и старики. Не скажете, по какому закону?

— Мы работаем.

— Отлично работаете! Вместо того чтобы ловить преступников, нападаете на мирных граждан, устраиваете в их домах засады, затыкаете рты.

— Ты говори, да не заговаривайся, умник! — не выдержал парень, у которого Тарас отобрал пистолет.

Тоня за спиной Горшина зябко вздрогнула. Время уходило, пора было принимать решение, какой способ действий избрать: попытаться договориться с местной властью или прорваться с боем.

— Если у вас больше нет вопросов, — проговорил Тарас более мягко, но убедительно и со скрытой угрозой, — то давайте разойдемся по-хорошему. Задерживать нас вы не имеете права, а если попытаетесь, это будет иметь далеко идущие последствия. Я всего лишь работник Комитета экологической безопасности, как говорится, невелика птица, а вот мой спутник — полковник к о н т о р ы. Через пару минут он будет здесь, и тогда вам придется объяснять свое поведение в другом месте. Вам это надо? Кстати, вопросы, подобные вашим, мне уже задавали сотрудники более серьезного ведомства.

Минтемиев задумчиво почесал бровь, прошелся по горнице, касаясь пальцами дыр в стене, где застряли осколки гранат, и повернул к выходу.

— Пошли, ребята.

Тарас посторонился, наткнулся на плечистого спутника капитана и кинул на него такой т е м н ы й взгляд, что тот вздрогнул и отшатнулся.

На пороге Минтемиев оглянулся.

— Конечно же, вы не знаете, кто ночью вывел группу заложников к блокпосту.

— Естественно, — пожал плечами Тарас. — Когда это случилось?

— Сегодня ночью. Какой-то супермен уничтожил охрану базы известного полевого командира Хамзата Гелаева и освободил шесть человек.

— Действительно, это мог сделать только супермен, — остался иронично-спокойным Тарас.

— Заложники говорят, что это был высокий молодой человек в спортивном костюме. У вас случайно нет с собой спортивного костюма?

Тарас встретил острый взгляд капитана, ответил плотным пси-экраном, отбрасывая его «психофизический шуп». Так быстро весть о разгроме банды Гелаева не могла дойти до правоохранительных органов! Капитан Минтемиев либо работал на боевиков, либо обладал особыми возможностями, то есть имел канал связи с астралом. Или с чеченским «тарантулом тьмы».

— У меня был спортивный костюм, — ровным голосом сообщил Тарас. — Но у меня его украли.

— Стало быть, тот костюм, который мы тут нашли, в этом доме, со следами глины и грязи, не ваш?

— Не мой, — подтвердил Тарас, испытывая чувство досады; ему следовало догадаться уничтожить костюм.

— Ну да, прокурор Хованский, говорят, был когда-то спортсменом. Естественно, это его костюм.

— Да, у папы был костюм, — заговорила вдруг Тоня. — Он в нем на огороде работал.

Минтемиев задержал на ней взгляд, шагнул за порог, уводя своих сотрудников. Из сеней донесся его насмешливо-угрюмый голос:

— Будьте осторожны, гражданин Горшин, не потеряйте еще что-нибудь. Брюки, к примеру.

Тарас усмехнулся, проводил гостей «третьим глазом», ощущая ослабевающее давление на мозг. Он так и не понял, кем был капитан милиции Минтемиев, другом или врагом, и чем был вызван его визит. Одно казалось несомненным: капитан обладал серьезным пси-потенциалом и был очень информированным человеком.

— Это правда? — спросила притихшая Тоня.

— Что? — очнулся Тарас.

— Что кто-то убил на кладбище трех бандитов?

— Это плохо?

— Не знаю. Наверное, нет. Хотя папа предпочитал действовать по закону. А это правда, что кто-то освободил заложников?

— Правда, — кивнул Тарас.

Тоня несколько мгновений смотрела на него вопросительно и недоверчиво, потом вдруг быстро поцеловала и, смутившись, скрылась в спальне. Тарас озабоченно потрогал пальцем место под глазом, куда пришелся поцелуй, и подумал, что неплохо было бы ответить тем же. Как бы невзначай, чтобы не обидеть. Но в другом месте и в другое время.

Он вспомнил о словах капитана и вышел во двор, чтобы найти свой спортивный костюм, выброшенный в мусорную кучу за сараем.

Костюм лежал там, где он его оставил, никто его не трогал. Да и отыскать его любому постороннему человеку было бы сложно. Капитан соврал. Он не находил костюма, он з н а л, что «суперменом», освободившим заложников, был Тарас Горшин.

Кто же ты, капитан? Продавший душу дьяволу человек или воин Круга, волей судьбы заброшенный на многострадальную землю Чечни?

Тарас поднял глаза к небу, но ответа на свой вопрос не услышал.

Тоня выскочила через пять минут, переодетая в джинсовый костюмчик, превративший ее в мальчишку, с холщовой сумкой в руке.

— Я готова.

Он заметил следы слез на ее щеках, молча вытер их ладонью.

Она всхлипнула, смущенно отвернулась.

— Поплакала немножко...

— Я понимаю, все правильно. Прощайся с домом, и поехали. Я подожду в машине.

— Я уже попрощалась. — Девушка с грустью обвела глазами двор, сад, пристройки, на глаза ее снова навернулись слезы, голос задрожал: — Так больно!..

Он молча прижал ее к себе, поглаживая по спине, подождал, пока стихнут рыдания, и повел к машине. Через минуту «Волга» уносила их прочь от дома, где погибли родители Тони, прочь от прошлого, в неизведанное будущее.

Елисей Юрьевич всерьез отнесся к сообщению Тараса о том, что боевики знают время вылета самолета. Он сразу уединился с командиром «Ан-12», потом ушел куда-то, и вылет задержали на два часа. Как потом выяснилось, по воздушному коридору над Чечней прошли «вертушки», обстреливая каждое подозрительное шевеление внизу, и им удалось накрыть в горах небольшой отряд боевиков, имевший на вооружении «стингеры». Вероятно, это были люди Гелаева, получившие задание сбить военный транспортный самолет.

Тем не менее полет «Аннушки» прошел не без инцидентов.

Взлетала она в начале двенадцатого, но не успела пересечь воздушное пространство Чечни, как ее догнала пара «Су-30», и рация принесла сухой голос ведущего пары:

— Борт «333», немедленно развернитесь на двадцать градусов и садитесь на аэродром в Южно-Сухокумске.

— Где это? — повернул голову к штурману первый пилот.

— Ставрополье, сто километров к востоку.

— Я «триста тридцать третий», — включил рацию командир «Ан-12». — Следую своим курсом. На борту «груз двести». В чем дело?

— Мне приказано посадить вас в Южно-Сухокумске. Причин не знаю. Выполняю приказ. Если не подчинитесь, буду вынужден открыть огонь.

— Я пилот первого класса майор Дерипаска, с кем говорю?

— лейтенант Серегин, шестой авиаотряд.

— Свяжись с базой во Владикавказе, сынок, с генералом Хаевым, твое командование не имеет права задерживать мою «птичку».

— У меня приказ.

— Ну, если приказ, тогда давай стреляй. Только как ты потом оправдаешь гибель двадцати человек? Или тебе наплевать?

Короткое молчание.

Командир посмотрел на появившегося в кабине Елисея Юрьевича, кивнул на прозрачный колпак кабины, за которым виднелись хищные силуэты пристроившихся «сушек». Елисей Юрьевич кивнул, закрывая глаза ладонью, сосредоточился на «ощупывании» биополей.

— Подтвердите, что на борту «груз двести», — прилетел голос пилота головного «Су-30».

— Подтверждаю, хотя это не главное, — хмыкнул командир

корабля. — На борту живые люди, молодые парни, старики и дети, подумай о них, лейтенант. Свяжись с базой.

Еще минута молчания.

Самолеты поднялись над облаками, в иллюминаторы ударило солнце.

— Следуйте своим курсом, — раздался наконец голос пилота истребителя. — Удачи вам, майор.

Оба «Су-30» отвалили в стороны и исчезли в облаках.

— Спасибо, сынок, — сказал командир «Аннушки» с облегчением, сбрасывая наушники, повернулся к Елисею Юрьевичу. — Это ингушский авиаотряд, я знаю его командира. Чего им было надо?

— Трудно сказать, — ответил Елисей Юрьевич. — Может, хотели проверить документы.

Пилоты в кабине заулыбались, оценивая шутку.

— Сволочной край! — вздохнул седой командир. — Дикие люди, дикие нравы! Если бы не погоны, хрен бы я согласился сюда летать.

— Это точно, — кивнул второй пилот.

— Доживу до пенсии, с дрожью вспоминать буду многие полеты.

— Позовите, если снова что-то случится, — сказал Елисей Юрьевич, возвращаясь к своим спутникам. На вопросительный взгляд Горшина он ответил коротким: — Все в порядке.

Дальнейший полет проходил без приключений. Зато подлетая к аэродрому в Кубинке, командир вдруг получил сообщение о том, что его груз заминирован, а экипажу рекомендовано направить самолет в водохранилище и покинуть борт на парашютах.

— Какие, к черту, парашюты! — рассвирепел Дерипаска. — На борту, кроме экипажа, двенадцать пассажиров! Их что — оставить в грузовом отсеке?!

— Мы вас предупредили, — после паузы проговорил диспетчер базы. — Делайте что хотите, но посадка на аэродром запрещена. Свяжитесь с третьим ЗВА¹ под Тверью, пусть предоставят полосу.

— У меня горючки на полчаса лета! Почему не предупредили раньше?!

¹ЗВА — запасной военный аэродром.

— Источники в Чечне передали предупреждение минуту назад.

— Суки! — выругался командир, изменяясь в лице. Посидев так несколько секунд, он повернул голову к штурману. — Зови полковника.

Елисей Юрьевич появился в кабине тотчас же. Выслушал сообщение Дерипаски, кивнул.

— Продолжайте полет. Мне надо пять минут, я попробую найти взрывное устройство. Если только это не ложная тревога.

— Каким образом вы обнаружите мину без собаки?

— Мы с моим напарником заменим любую собаку. Ждите.

Пилоты переглянулись.

— Ждем пять минут и идем на посадку в Кубинке! — решил командир. — Не верю я, что у нас бомба на борту.

— Нас же собьют на хрен! — покачал головой штурман.

— Не собьют. Я свяжусь напрямую со штабом, пусть узнают, что происходит. Пока они будут искать выход, мы сядем.

— Или взлетим на воздух, — флегматично заметил бортрадист.

Пилоты засмеялись. Они и так находились в воздухе.

Елисей Юрьевич вернулся в отсек, где Тарас стерег сон Тони, привалившейся к его плечу, и по лицу учителя тот понял, что случилось что-то необычное.

— Их хозяйство заминировано, — понизил голос Елисей Юрьевич, кивнув на безмятежно спавших спецназовцев, сопровождавших груз. — У нас всего несколько минут на обнаружение и обезвреживание. Придется идти в астрал на ускорении, парой — для подстраховки.

Тарас осторожно отодвинул Тоню, прислонил к стенке отсека. Девушка вздохнула, но не проснулась. По-видимому, за последние три дня она спала так спокойно впервые. Даже вибрация, гул двигателей самолета и воздушные ухабы ее не отвлекали.

— Входим ударно, — повторил Елисей Юрьевич, положив руку на колено Тараса. — Целеустремление значимое — спасение жизни. После входа «заякори» процесс подсознанием, доверься и следуй за мной.

— Я готов.

— Поехали!

Усилием воли Тарас вошел в средоточие своего «я» и оказался в центре солнечного сплетения, ощущаемого светящимся теп-

лым шариком. Затем заставил этот шарик прыгнуть «во все стороны» и прорвался в измененное состояние сознания, которое можно было приблизительно описать словами «жизнь вне тела».

В глазах потемнело. Он вышел в «космос» подсознания. В таком состоянии уже не существовало препятствий для путешествий по временам и пространственным линиям Вселенной, и Тарасу на мгновение захотелось нырнуть в прошлое, в глубины генетической памяти рода, как он делал всегда, но тут же сработал «ограничитель» ответственности, и сознание устремилось сквозь шевелящуюся живую тьму вслед за стреловидным облачком ярких звездочек: таким оно видело энергосферу учителя, пронизывающую граничные слои энергоинформационного поля Земли.

Вспыхнул ровный неяркий свет, снизивший возможности ориентации до нуля. Тарас продолжал «лететь» в прежнем направлении, зафиксировав вектор движения. В какой-то момент он заволновался, не видя проводника, но поймал дружеский импульс учителя и не позволил себе растеряться.

Свет сменился серой пеленой дождя — таким было впечатление. Стрела звезд — сознание Елисея Юрьевича — пробила в этой пелене дыру, в которую ворвалось сознание Тараса. И оба вылетели на край бездны с мириадами звезд, пульсирующих сфер света, светящихся облаков и лучей, образующих дивную переливчатую вуаль.

Обычно после прорыва в астрал Тарас начинал искать связь со своим духом, хранителем рода, которого все предки называли Ведогоном, но в этот раз командовала парадом воля учителя и процесс поиска необходимой информации выглядел иначе.

Картина движения в бездне внезапно застыла. Черное поле перечеркнули светлые линии, образуя нечто вроде плоского экрана. Стрела сознания Елисея Юрьевича превратилась в голубоватую стрелочку курсора. Эта стрелочка коснулась жемчужного облака в форме медузы, и тотчас же «медуза» развернулась в картину знакомого космоса с галактиками и звездами.

Курсор коснулся спиралики одной из галактик, и она скачком заняла все поле зрения. Курсор уперся в желтенькую звездочку на краю одной из ветвей галактики, и перед глазами зрителей высветилась Солнечная система. Тарас понял, что Елисей Юрьевич ведет масштабный поиск, опираясь на какую-то систему «компьютерной» связи с астралом.

Курсор ткнулся в зеленую искорку третьей планеты. Возник-

ла панорама тяжеловесно вращавшейся Земли с отчетливо видимыми материками, океанами, морями и летящими в атмосфере аппаратами, светящимися по-разному в зависимости от размеров и массы. Курсор коснулся оранжевой искры самолета, подлетающего к Москве с юга (всего над столицей России кружило одновременно около двух десятков самолетов разных классов), и под ногами Тараса (так он это воспринимал) появился корпус «Ан-12», колеблющийся, полупрозрачный, словно сотканный из паутины.

«Ищи энергетические узлы», — прошелестел в голове-облаке Горшина мысленный голос Елисея Юрьевича.

Тарас расширил поле восприятия, «обнял» им весь самолет и сосредоточился на ощущении огня. И тут же обжегся, наткнувшись на горячий двигатель в крыле самолета. Зашипел от боли, «потряс обожженными руками-глазами», сбрасывая боль во внешнюю среду. Обнаружил слабую пульсацию огня внутри грузового салона и вышел над застывшими в разных позах людьми.

Он увидел тела десантников, Елисея Юрьевича, светящегося, как осколок солнца, себя самого — с более бледной аурой, тянувшей к нему лучик света, а также Тоню. Замер, любуясь нежным сиянием ауры девушки.

«Не отвлекайся!» — прилетел строгий окрик учителя.

Тарас опомнился, бесплотным облаком проник в скопление контейнеров, ящиков, тюков и свертков, закрепленных на полу отсека. И оказался среди множества тусклых разноцветных пятен, не способный сориентироваться и понять, какое из них принадлежит готовой взорваться мине.

«Я... не вижу... их много...» — растерялся он.

«Самолет загружен ракетами и гранатами иностранного производства, найденными на территории Чечни. Для изучения в военных лабораториях. Ищи включенный таймер, он пульсирует в инфрафиолете».

Тарас начал «ощупывать» каждое светящееся пятно, натываясь на «тлеющие угли» смертоносной энергетики, и, наверное, мучился бы долго, если бы не ворвавшаяся в сознание струя свежего ветра, прибавившая сил. Это подключился к его каналу Елисей Юрьевич, вливший озеро своей энергии в иссякающий источник ученика.

Через несколько мгновений они обнаружили вибрацию «инфрафиолетового» контура внутри угрюмого багрового пятна. Это

и было взрывное устройство, готовое взорваться в любой момент.

«Что дальше?» — спросил Тарас.

«Высасываем энергию до полного затухания вибраций, пока не сдохнет взрыватель».

«Как?»

«Через связь с астралом. Тут полно ям. А чтобы не обжечься и не сгореть — пробей трубку в обход уха».

«Я не совсем вас...»

«Цепляйся за меня. Начали!»

И на голову Тараса обрушился горящий метеоритный дождь...

Сколько он длился — Тарас потом вспомнить не смог. Когда он очнулся, самолет шел на посадку.

— Что? — выговорил он онемевшими холодными губами, встретив взгляд Елисея Юрьевича.

— Порядок, — проворчал учитель, переставая держать ладонь на его лбу. — Молодец, хорошо держался.

Зашевелилась Тоня, открыла глаза, потянулась, смущенно улыбнулась посмотревшим на нее мужчинам.

— Проспала, как суслик, весь полет. Долго еще лететь?

— Садимся, — сказал Тарас сипло, окончательно приходя в себя.

— Тебе плохо? — встревожилась девушка.

Он постарался улыбнуться как можно естественней и подумал, что дочка прокурора неспроста хорошо чувствует его состояние. И это открытие было удивительно приятным.

Самолет коснулся колесами бетонной полосы...

Глава 18

НЕ БЫЛО ВЫ СЧАСТЬЯ

Похороны жены и матери Елисей Юрьевич назначил на следующий день после своего возвращения из Грозного. Собрались все близкие родственники — из Калининграда, из Брянска, Ростова, Новгорода, Томска и даже из Тюмени, всего в количестве двадцати с лишним человек, и квартира Смирнова на сутки превратилась в вокзал.

Тарас в подготовке похорон не участвовал, хотя помощь

предлагал. Однако Елисей Юрьевич посчитал, что не следует травмировать Тоню еще и этими хлопотами, и посоветовал ученику взять на себя обустройство девушки.

Друзей у Горшина в Москве было немного, кому бы он мог довериться, однако выход из положения нашелся. Вспомнив о Нине, Тарас отвез Тоню к ней, и бухгалтер Комитета с радостью согласилась на время оставить сироту у себя. Таким образом, определив Тоню и пообещав забрать ее после похорон, Тарас с легким сердцем поехал к себе домой, вымылся под душем, переоделся и почувствовал наконец себя человеком. Лишь мысли об учителе не давали ему покоя. В конце концов, помаявшись полчаса в одиночестве, Тарас собрался и поехал к Елисею Юрьевичу.

Гробы с телами женщин уже вскрыли, тетки и бабушки учителя обмыли покойниц, переодели и оплакали, и в квартире Смирнова поселилась горестная тишина, прерываемая редкими всхлипами, вздохами, тихими голосами и шелестом одежды. Тарас положил к гробам купленные букеты цветов, постоял немного рядом, глядя на восковые лица погибших, и вышел. Учителя он нашел в спальне, беседующего с мужчинами. Тот поднял взгляд, посмотрел на Тараса и здалека, потом встал и поманил за собой. Они вышли на лоджию.

День четырнадцатого апреля в Москве выдался ясный, но холодный, поэтому Тарас надел куртку. Елисей Юрьевич был в одной рубашке, но холода не замечал, думал о чем-то и душой находился, похоже, далеко отсюда.

— Как устроилась Антонина? — спросил он рассеянно.

— Я оставил ее у сотрудницы, — ответил Тарас. — Завтра займись ее устройством вплотную. Может, отвезти ее к маме?

— Разве ты не можешь оставить ее у себя?

Тарас озадаченно заглянул в глаза Елисея Юрьевича, но не увидел даже тени усмешки.

— Вы думаете, это... удобно?

Полковник выплыл из дальних далей своей памяти, нахмурил брови.

— При чем тут удобно или неудобно? Ты хочешь, чтобы она осталась у тебя?

— Хочу, — честно признался Тарас.

— Вот и предложи. Она девочка умная, хотя и ранимая, если согласится, значит, ты ей небезразличен. А что скажут соседи или сослуживцы, не важно. Главное — как ты сам оцениваешь

ситуацию, что собираешься из нее извлечь: сиюминутное удовольствие или благодать любви.

— О сиюминутном удовольствии я не думал, — пробормотал Тарас.

— Тогда что тебя смущает? Ты влюблен в другую женщину?

— Нет, — покачал головой Тарас, повторил: — Нет. Встречался, но это совсем другое. И я еще не вполне понимаю, что нужно Тоне.

— Женщины созданы для того, чтобы их любить, а не понимать. Не помню, кто это сказал. Тоне сейчас нужна поддержка, и твое плечо как раз то, что нужно. Если появится необходимость в деньгах, я дам.

— Спасибо, обойдусь.

На лоджию выглянул какой-то седой старик, похожий на Елисея Юрьевича, бросил на Тараса острый взгляд из-под кустистых бровей и скрылся.

— Кто это? — кивнул Горшин на закрывшуюся дверь.

— Мой брат Федор, — ответил Елисей Юрьевич. — Позже я вас познакомлю. Он волхв, живет в тайге, много чего знает.

— Волхв? — невольно улыбнулся Тарас. — Не знал, что они существуют реально.

— Он ведический жрец храма Перуна.

— Разве есть такие храмы?

— Ведическая вера на Руси жива. Она не ушла и не погибла, несмотря на давление христианства, и будет жить всегда. Это наша исконная вера, наша плоть и кровь. Православие — лишь слабая, искаженная ее тень. Чтобы ее уничтожить, надо истребить всех русичей под корень, а это не под силу никому на свете! Даже «тарантулам» иной веры! Даже Монарху Тьмы! Эту веру и знания древних сохранила каста ведических жрецов, таких, как мой брат, в условиях жесточайших гонений со стороны христианских миссионеров и великокняжеской власти. Когда-нибудь она воссияет на Руси вновь.

Помолчали.

Потом Тарас стесненно спросил:

— Волхвы... э-э, жрецы входят в Круг?

— Белый волхв, или владыко, является одним из Хранителей. Его имя — Матфей. Возможно, ты с ним встретишься, он интересовался тобой.

— Когда? — оторопел Тарас. — И зачем?

Елисей Юрьевич очнулся, стал деловито-сосредоточенным.

— Не важно. Меня ждут, поэтому давай в темпе. Запомни адрес Федора. — Смирнов продиктовал адрес. — Теперь о тебе. Что произошло на кладбище в Грозном после того, как ты остался?

Тарас отвел взгляд, помолчал.

— Меня пытались убить снайперы.

— Понятно, я примерно так и подумал. Вот почему майор Самофалов допытывался у меня, где ты был в то время. Теперь рассказывай о д е я н и и в горах.

Тарас снова помедлил, но сочинять версию «об отдыхе» не стал, кратко выложил историю своего похода на базу Гелаева. Добавил после паузы:

— Вас «заказали» не армейские командиры, а коллеги из конторы. Полковник Жмутенко только передаточное звено, «шестерка» на связи между боевиками и чинами из верхов армии и ФСБ. Я даже подозреваю, кто это мог сделать.

— Кто?

— Полковник Ельшин, замначальника Управления «Т». Кстати, телохранитель у него...

— Я знаю, Дима Щербань. Очень может быть, что ты прав. Но — никому ни слова! И ни в коем случае не начинай самостоятельную операцию по восстановлению справедливости! Хватит! Ты и так засветился в Чечне по полной программе, жди теперь «наката».

— Какого «наката»?

— На тебя начнется серьезная охота. Помни об этом, когда будешь осуществлять свои планы, рассчитывай каждый свой шаг. А теперь проваливай, я должен побыть со своими.

Тарас постоял немного, вдыхая холодный воздух, чувствуя странное беспокойство: учитель осуждал его с какой-то обреченностью, будто знал, что ожидает ученика впереди, и ж а л е л его, как отец родного сына.

Черт возьми, может, я действительно делаю что-то не так? — думал Тарас, покидая квартиру учителя. С другой стороны, если не восстанавливать паритет добра и зла, не отвечать ударом на удар, как добро может победить? И кому выгодно, чтобы мы не отвечали на удар по щеке, а подставляли другую? Неужели Богу? Не может быть! Он не должен превращать людей в стадо баранов. Это выгодно только дьяволу, Монарху Тьмы. Принципы недеяния и непротивления — е г о принципы! Живой человек должен быть свободен, а бандит должен сидеть в тюрьме, как говорил

персонаж старого фильма «Берегись автомобиля». Неужели я не прав?..

Тарас вспомнил похороны прокурора и его жены, окаменевшее лицо Тони и вздохнул свободнее. Расплачиваться за свои злодеяния бандиты и убийцы должны были тотчас же, а не в следующей жизни, как этого требовал принцип переноса вины. Абсолютно дьявольский принцип, рассчитанный на уничтожение добрых, умных, честных и сильных людей. И был этот принцип спущен в мир реальности Земли самим Монархом, еще при рождении человечества. Возможно, он был одним из Аморфов, подключившимся к эксперименту, олицетворяя собой темную сторону божественного творения...

Эту идею Тарас обдумывал долго, пока ехал домой, пил чай, укладывался спать, и в конце концов решил попросить Хранителей дать ему доступ ко второму уровню Хроник, чтобы найти ответ на свое предположение. Ему очень хотелось найти базу своему отношению к миру: добро обязано уметь защищаться...

Тоню он забрал у Нины уже после похорон.

Девушка слегка оттаяла и уже не выглядела серенькой мышкой, пугавшейся каждого взгляда и возгласа. Она искупалась, переделалась в однотонное лиловое платье, облегавшее фигурку, заплела на висках две косички и теперь походила на школьницу старших классов, готовящуюся к выпускным экзаменам. Платье на ней было далеко не модным, что понимал даже Тарас, поэтому первым делом он повез Тоню по магазинам, радуясь в душе, что может позволить себе думать о чем-то более приятном, нежели разборки с лакеями Монарха Тьмы.

Тоня сначала отказалась покупать одежду, потом согласилась на «дежурный минимум», и они после нескольких часов блуждания по универсамгам столицы купили золотистую вельветовую курточку, плащ, два платья — с длинными рукавами и летнее с короткими — бельгийской фирмы «Demeulemeester», а также шорты, отечественный сарафанчик, кофточку, брючный костюм от «Кельвина Кляйна», джинсы-стрейч, спортивный костюм, халат и две пары туфель — осенние и летние. Для шокированной Тони это было баснословное богатство, и примеряла она одежду с таким видом, будто все это ей снится. В платьях девушка выглядела слегка угловатой, неловкой и трогательной, однако они придавали ей некий неуловимый шарм, отчего девятна-

дцатилетняя девчонка преисполнялась совершенно особой, таинственной женственности.

Костюм из синего бархата с искрой марки «СК» тоже сидел на ней хорошо, словно специально сшитый по фигуре, и представлял собой внесезонную вещь, которая могла стать основой гардероба на несколько лет.

Остальные вещи были недорогими, но приличного качества, практичными и удобными. Белье Тоня выбирала сама, стесняясь и радуясь самому процессу выбора, и наблюдать за ней было трогательно и забавно. В конце концов покупки были упакованы, уложены в багажник горшинской «Вольво», и молодые люди поехали в ресторан. Тарас знал небольшой югославский ресторанчик «Круна» возле метро «Парк культуры», больше похожий на простенькое придорожное кафе. Однако готовили здесь неплохо, недорого, кухня была на высоте, да и вообще разнообразие блюд сербской кухни могло удовлетворить любого гурмана, а если учесть, что наряду с остальными блюдами здесь подавали хорватскую рыбу, венгерскую дичь и боснийский кофе, сюда любили заглядывать не только югославы, но и выходцы из других бывших советских стран Восточной Европы. Хотя забитым ресторан до отказа Тарасу видеть не приходилось.

Тоня, никогда в жизни не посещавшая рестораны, была поражена даже таким простеньким интерьером с налетом балканского колорита и с восторженным интересом осматривалась по сторонам, хотя, надо отдать ей должное, делать это она старалась незаметно. От ракии она отказалась, выбрала по совету Тараса тартуфе — шашлык из овощей, бурек — аналог хачапури с сыром, и чепавичи — своеобразные котлеты. Плюс кофе.

Себе Тарас заказал сырный пирог — гибаницу, српски салат и кукурузный од бовича — маисовый суп с клецками. И тоже кофе.

Разговаривали обо всем, что приходило на ум, хотя Тоня больше спрашивала, освоившись и перестав стесняться, а Тарас отвечал. Вспомнив о походе по магазинам, она вполне серьезно пожурела его за растрату, пообещав обязательно вернуть долг.

— Зачем так много накупил? Столько денег потратил!

— Много — не мало, — попытался отшутиться он, а потом поспешно добавил, видя, что собеседница начинает сомневаться в его бескорыстии. — Конечно, я тебя понимаю, но здесь нет ничего дурного. Во-первых, я неплохо получаю, а во-вторых, верю

в твои возможности. Художники твоего уровня зарабатывают очень прилично.

— Правда? — Тоня бросила на него недоверчивый взгляд.

— Правда, — с чистой совестью ответил он, решив не добавлять, что в нынешние времена без протекции в обиход высокооплачиваемых художников пробиться трудно.

— Ты говорил, что работаешь в Комитете экологической опасности.

— Безопасности, — засмеялся Тарас.

— Извини, так послышалось, — смутилась девушка. — Чем же ты там занимаешься?

Тарас подумал и рассказал ей историю последней операции в Кадоме, опустив ненужные подробности.

— Твоя работа очень важная, — сделала она вывод. — Надо, чтобы все соблюдали законы экологии, тогда жить всем будет легче. У нас в Чечне законы никогда не соблюдались. А чем ты занимаешься после работы? Я слышала краем уха, как папе говорил дядя Елисей, что ты очень сильный мастер по боевым искусствам.

— Это он преувеличил, — качнул головой Тарас. — Хотя боевыми искусствами я занимаюсь с детства. Когда-то это казалось главным делом жизни.

— А теперь?

— Теперь я больше увлекаюсь поисками Ключей смысла и метаязыком.

— Что это за Ключи такие? Почему их надо искать?

— Существуют так называемые базовые системы знаний, хранимые в глубинах подсознания человека, а Ключи смысла позволяют снять внутренние запреты на чтение и использование этих изначальных знаний. Тот, кто овладевает всеми Ключами, становится очень могущественным человеком, оператором реальности.

— Волшебником?

Тарас улыбнулся:

— Можно сказать и так.

— Ты знаешь эти Ключи?

— Только семь, а всего их втрое больше. Но я не теряю надежды, что когда-нибудь овладею всеми.

— Ты сможешь, — убежденно заявила Тоня. — Дядя Елисей сказал, что ты упрямый и многого добьешься, если не свернешь с пути. Может быть, ты и меня научишь этим Ключам?

— Непременно, — пообещал Тарас. — Только не надейся на скорый результат, я учился этому всю жизнь.

— Ничего, я тоже терпеливая. — Взгляд Тони загорелся: — А что это вообще такое? Как они выглядят, эти Ключи?

Тарас снова засмеялся.

— Это просто слова древнего языка, называемого праязыком, или метаязыком, большинство из них человеческая гортань произносить не в состоянии.

Тоня сморщила носик.

— Я думала, это какие-то волшебные предметы. Но если эти слова нельзя произнести, как же ты их произносишь?

— Половину из них выговорить все-таки можно. К примеру, вот это. — Тарас взял девушку за руку и, понизив голос, нараспев, с гортанными интонациями проговорил: — Здрра-а-аво-о-о...

Тоня вздрогнула, округлила глаза, едва не выдернула руку и смущенно рассмеялась.

— Ой, даже мурашки по коже побежали... и будто свежий ветер в голове подул... Еще, пожалуйста!

Тарас заметил, что на них оглядываются из-за соседних столиков, и убрал руку.

— Не здесь. Кроме звуков, надо еще совершать определенные движения, что усиливает эффект воздействия. Но об этом мы поговорим лучше дома. Наелась, Антонина Антоновна?

— Да, спасибо. Только не называй меня так... официально... лучше Тошка.

— Почему тебя так называли?

— Меня не так назвать хотели. Папа предлагал Анной, а мама Ниной. Тогда вмешалась бабушка и предложила назвать меня Антониной.

— Что-то у твоих родителей коса на камень, никто не уступил. Хотя Антонина — тоже хорошее имя. Доедай и пойдем.

— А куда?

— Если ты мне доверишься, могу предложить тебе остановиться у меня. Не побоишься? Человек я дисциплинированный, так что не обижу.

— Я тебя не боюсь, — простодушно сказала Тоня, уминая за обе щеки принесенные чепавиччи. — Вкусно! Я таких никогда не ела. Но ведь я вас стесню.

— Кого — вас? Я живу один, в собственном домике у Кольцевой автодороги, в Шелкове. В этом куча преимуществ. Метро недалеко, минут десять на автобусе. Дом большой, в наследство от

отца остался, в нем пять комнат и кухня. Я весь день работаю, так что ты будешь свободна, можешь учиться и рисовать.

— Я согласна, — опять с милым наивным простодушием проговорила Тоня, в головку которой, не испорченную цивилизацией, просто не приходили плохие мысли. — Буду ухаживать за домом и готовить обед и ужин. Я умею, честное слово!

— Верю, договорились! — с преувеличенной серьезностью сказал Тарас, протягивая ей руку. Затем не удержался и поцеловал пальцы девушки.

Ресницы Тони дрогнули, глаза раскрылись шире. И тогда он сказал медленно, с нежностью и властной уверенностью, глядя ей в глаза:

— С этого дня никого и ничего не бойся. Я буду рядом и всегда приду на помощь. — Он улыбнулся лукаво: — Пока кому-нибудь из нас не надоест.

Тоня ответила понимающей милой — ямочки на щеках — улыбкой, и между ними протянулась еще одна ниточка связи, ниточка надежды, параллельная первым двум — понимания и симпатии.

После обеда они поехали в автосервис, пора было менять тормозные колодки, а потом в Щелково. Тоня явно устала от избытка впечатлений и поддерживала беседу с трудом, несмотря на попытки бодриться. Оживилась она, лишь когда машина остановилась возле дома Горшина, блестевшего новой крышей из гофрированного оцинкованного листа. Тарас получил дом в наследство от отца, а перестраивал уже сам в соответствии с новомодными веяниями, поэтому дом теперь напоминал финский одноэтажный коттедж с мансардой и верандой. Он был с трех сторон окружен шеренгами деревьев, не высаженных специально, а росших здесь изначально, и Тарас еще помнил времена, когда кругом шумел настоящий лес. Впрочем, и в нынешние времена лес еще сохранил в Щелкове свое присутствие, хотя изрядно поредел и помельчал.

Садовый участок, примыкавший к дому с южной стороны, не превышал пяти соток, однако был тщательно ухожен и содержался Тарасом в идеальном порядке. Времени на уход за яблонями, вишнями и грушами, посаженными еще дедом, он не жалел.

Тарас загнал «Вольво» во двор и с небрежной уверенностью хозяина стал показывать Тоне свое жилище. И только потом, вспомнив о кое-каких вещах Оксаны в своей спальне, сообразил, что надо было прежде прибраться. Поэтому пока ошеломленная

девушка осматривала гостиную в готическом стиле, больше напоминавшую каминный зал в рыцарском замке, а также коллекцию старинного оружия и лат, он успел спрятать в душевой комнате расчески, помаду и тени Оксаны, а в свою спальню Тоню не повел. Хотя она, учуяв запах духов, и так догадалась, наверное, почему он вдруг засуетился. Однако ничего ему не сказала, только посмотрела на него искоса, и впоследствии он остро пожалел, что сразу не сообщил гостье о своей дружбе с Оксаной.

— Ну как тебе мои скромные апартаменты? — поинтересовался Тарас с преувеличенным равнодушием.

— Сказка! — ответила Тоня, не решаясь пройти на середину гостиной по коврам, имитирующим шкуры тигра и льва; половики лежали у него только в прихожей и в сенях. — Как музей, честное слово... Это настоящие доспехи или подделки?

— Конечно, новodelы, — сказал он, подходя к стене с оружием. — У меня приятель увлекается такими штучками давно, причем делает латы и кольчуги точно в соответствии со старинными описаниями. Он и мечи кует, и кинжалы. Половина из этой коллекции — его рук дело, хотя есть и настоящее боевое оружие. Например, эта катана.

Тарас снял со стены слегка изогнутый клинок с красивой позолоченной рукоятью, крутанул вокруг себя, создавая смертоносный веер «пресечения намерений».

— Или вот немецкий охотничий меч, хиршфангер.

Тарас переложил катану в левую руку и снял прямой обоюдоострый клинок с двумя долами и с рукоятью из рога. Полюбовался игрой муаровых узоров на клинке и сделал сложное движение сразу двумя мечами, так что они, вращаясь, обтекли его тело с двух сторон.

— Здорово! — захлопала в ладоши Тоня. — Ты отлично фехтуешь! Как называется этот прием? — Она попыталась повторить движение Тараса обеими руками.

Он улыбнулся.

— По-японски фехтование двумя мечами называется риото-дзукай, хотя есть и другие названия: «македонская защита», «колокол», «оселедец», «чешуя Радогора».

— Как-как? Не поняла. Чья чешуя?

— Существовал две тысячи лет назад такой легендарный русский воин Радогор, непревзойденный мастер меча, создавший свою технику боя. Она так и называется — сеча Радогора.

— Откуда ты знаешь?

Тарас улыбнулся, повесил мечи на место.

— Мои предки встречались с ним и кое-чему научились, ну, а я уже учился у них.

— Как это? — Тоня смотрела недоверчиво, не зная, как реагировать на его слова. — Разве твои предки жили так долго? Ты о дедушке говоришь? Или шутишь?

— Ни капельки, я действительно учился у предков — по родовой памяти, но об этом мы еще поговорим. — Он не удержался и снял со стены нож с рукоятью, состоящей из двух половинок. — Нравится?

— Да... страшный...

— Ну, никакой он не страшный. Это балисонг. А вот этот меч действительно страшный.

Тарас дотянулся до длинного меча с рукоятью, обтянутой простой черной лентой.

— Это борей, русский меч. Копия, к сожалению, аналог мне достать не удалось, археологи его изучают. Копию же сделал мне мой приятель Саша. Но сделал так здорово, что им вполне можно сражаться. Ладно, я могу рассказывать об оружии долго, а ты замучилась. Располагайся пока. Вот твоя спальня, за печкой, она самая уютная. — Тарас откинул занавески, отгораживающие спальню от гостиной. — Здесь все чистое, стираное. Одежду вешай в шкафчик, вот вешалки. Если что надо будет переставить, поправить, передвинуть — сделаем. Переодевайся и будь как дома.

Он шагнул из спальни, но она удержала его, посмотрев серьезно и пылливо.

— Здесь кто-нибудь спал... до меня?

— Когда-то спал я, — ответил так же серьезно Тарас, — когда был маленький. Иногда останавливалась бабушка. И все. А что?

Тоня с облегчением вздохнула, отпустила его рукав, порозовела под его взглядом.

— Ничего... я суеверная. Иди, я буду переодеваться.

Сбитый с толку Тарас поплелся на кухню, размышляя над странной обмолвкой девушки, потом встряхнулся, переоделся сам и в гостиную вернулся уже с подносом, на котором стояли фарфоровые чашки из маминого сервиза с перламутровым отливом, кофейник, сахарница, конфеты и печенье. Тоня в халатике, превратившем ее в худенькую девочку-подростка, перестала рассматривать оружие и забралась с ногами в любимое кресло Оксаны. Тарас устроил поднос на журнальном столике, разлил по

чашкам кофе, сел в другое кресло, собираясь провести вечер так, как мечтал еще в Чечне, и в это время кто-то вошел в дом.

Тарас напрягся, включая внутреннее зрение, и с сожалением вспомнил, что не забрал у Оксаны ключи.

В сенях что-то стукнуло, простучали по половицам каблучки, дверь в гостиную распахнулась, и на пороге появилась Оксана с тортом в одной руке и сумочкой в другой.

— Вот и я...

Она увидела Тоню, и улыбка сползла с ее красивых, полных, умело подкрашенных губ.

— Ты... не один?!

Тарас аккуратно поставил чашку на поднос, посмотрел на Тоню, лицо которой изображало простодушное любопытство.

— Это Оксана, моя... приятельница. Работает в фитнес-клубе. — Он посмотрел на позднюю гостью. — Оксана, это Антонина, дочь друга моего учителя, погибшего в Чечне три дня назад.

— Да уж вижу, — прикусила губу Оксана, не слушая его. — Надо же, какая незадача. Я думала, тот случай в клубе не отразится на наших отношениях. — Она смерила Тоню пренебрежительным взглядом. — Это же пигалица, что ты в ней нашел?

— Извини, Тошка, она иногда неудачно шутит, — глянул на Тоню Тарас, встал, поворачиваясь к Оксане. — Может быть, разденешься, присядешь с нами, поделишься новостями?

— Вот барахло! — хмыкнула Оксана, нехорошо улыбаясь. — Я как дура мчусь сюда, покупаю шампанское, торт... а он с какой-то пигалицей кейфует!

— Оксана!

— Что Оксана?! — взъерилась барменша. — Я с Григорием всего два раза встречалась, и не дома, как ты! Подумаешь, увидел в клубе, скандал устроил! А у самого губа не дура! Решил компенсировать? — Она вдруг с размаху шмякнула торт на пол. — Где ты ее подобрал?! Да я тебе сотню таких...

Тарас вдруг оказался рядом, подхватил Оксану под локоть и стремительно вывел из гостиной, так что она не сразу поняла, что происходит. В сенях он сказал, глядя ей в глаза, пытаясь мысленно-волевым усилием успокоить женщину:

— Это дочь прокурора! Ее отца убили! Она будет жить у меня... какое-то время. Если не хочешь остаться в ее глазах хамкой, извинись.

— Да пошел ты! — махнула рукой сникшая Оксана, поворачиваясь к двери; возбуждение схлынуло, глаза ее потухли. — Зна-

ем мы этих дочерей... Так хорошо все было... а ты взял и испортил...

Она открыла дверь, оглянулась, разглядывая Тараса с язвительной улыбкой и одновременно с завистью:

— Желаю приятно потрахаться.

Вышла, изо всех сил хлопнув дверью.

Тарас постоял немного, провожая гостью мысленным взором. Щеки горели. Было неприятно, горько и стыдно.

Вздохнув, он вошел в гостиную, остановился у порога, встретив взгляд Тони, развел руками.

— Извини...

— Я понимаю, — тихо проговорила девушка. — Догони ее, объясни. Она любит тебя, простит... У Екклесиаста есть изречение: нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил.

Тарас покачал головой и вдруг засмеялся. Она посмотрела на него с удивлением.

— Я что-то не так сказала?

— Все так, Антонина Антоновна, особенно касательно греха. Грешен я, чего уж там. Только все дело в том, что не любит она меня. Себя больше любит. Так что не переживай.

— А ты ее?..

Тарас заглянул в глаза девушки, в которых плавилась грусть, сомнения и ожидание чуда. Подошел вплотную, опустил перед ней на корточки.

— Ты мне веришь?

— Не знаю. — Она виновато улыбнулась. — Скорее да, чем нет. Дядя Елисей говорил, что ты иногда торопишься...

— К сожалению, бывает. Но ведь это не самое худшее качество мужчины?

Она порозовела.

— Я не встречалась с мужчинами... и даже с парнем не дружила.

— Я знаю, бабушка говорила. Выйдешь за меня замуж?

Глаза Тони сделались большими. Она изумленно посмотрела на него и даже засмеялась от неожиданности, покачала головой.

— Кажется, дядя Елисей был прав, ты действительно иногда торопишься.

Тарас улыбнулся, чувствуя облегчение, радость и легкое головокружение. Не говоря ничего прямо, Тоня уже о т в е т и л а.

— Я подожду, — сказал он с твердой уверенностью, поклявшись в душе ждать столько, сколько понадобится. Главное теперь было не обидеть ее — ни словом, ни делом. Сердце еще в Чечне подсказало, что это — о н а, настоящая...

Глава 19

ПЛАНОВ ГРОМАДЬЕ

Все ночные попытки спуститься в прошлое, досмотреть сцену исследования предком «одуванчика» — Говорителя Слова Власти, не удались. Организм отказывался выполнять волевые приказы хозяина и в измененное состояние медитативного прорыва в бессознательное не входил. То ли Тарас упускал из виду какую-то важную деталь трансовой практики, то ли мешали мысли о Тоне и о появлении Оксаны, закончившемся некрасивой сценой.

Дважды Тарас выходил во двор, прислушивался к тишине ночи, смотрел на звезды в разрывах облаков, успокаивался, но так с предком и не повстречался. Раздосадованный, приказал себе заснуть и пролежал в одной позе до утра в полусне-полуяви, сотканной из обрывков незапомнившихся снов.

Проснулся он в начале седьмого от громкого тарактения: сосед напротив заводил свой старый автомобиль. Вообще с соседями Тарасу повезло, в основном это были люди трудолюбивые и добрые. Но далеко не тихие и очень суетливые. Бывший тамбовец Сергей купил дом через улицу еще в прошлом году. Семья у него была дружная — жена и четверо детей, и каждый раз, когда он уезжал на работу, каждый из них считал своим долгом выбежать на улицу и крикнуть какие-то приятные слова. Естественно, о тишине речь не шла, просыпалась вся улица и, наверное, соседний микрорайон многоэтажек.

Сергея пытались увещевать соседи, дважды навещал участковый инспектор, ему грозили и даже били, но все оставалось по-прежнему: в начале седьмого утра этот вечно озабоченный толстячок, незлобивый по натуре, но упрямый и замкнутый на свои проблемы, начинал заводить свой древний «Москвич» с проржавевшей выхлопной трубой, а его домочадцы, пытаясь перекричать грохот, дружно орали ему приветствия.

Тарасу эти звуки не мешали, он умел отстраиваться от любого шума, но теперь у него жила Тоня, и следовало побеспокоиться о том, чтобы по утрам ее никто не будил. Он встал, натянул спортивный костюм, надеясь, что девушка не проснулась, и тихонько выскользнул из дома.

Машина Сергея выезжала задним ходом со двора, сопровождаемая громким и противным синтезированным голосом: «Пожалуйста, осторожнее, моя машина едет назад! Пожалуйста, осторожнее, моя машина...»

Тарас зашел с левой стороны и точным движением повернул и выдернул ключ зажигания.

Машина заглохла, стало тихо. Дети во дворе — от двенадцати лет до пятнадцати, жена и сам хозяин оторопело уставились на соседа, которого видели мельком всего пару раз.

— Стало быть, расклад такой, — сказал Тарас, нажимая на горловые интонации и сопровождая речь волновым покачиванием рук. — С сегодняшнего дня шумный базар по утрам отменяется. Встаете тихо, садитесь в свою колымагу и так же тихо едете на работу. Никто не кричит, никто не стучит и в барабаны не бьет! Вокруг вас живут не скоты и не лесные звери, а люди. Вам понятно?

Сергей закрыл рот, мотнул головой, наивно округлил глаза:

— Но это мой дом, что хочу, то и...

Тарас вонзил заледеневший взгляд в глаза толстяка и тяжело, угрюмо, грозно проговорил, передавая импульс гипнотического воздействия:

— Вы будете жить так, чтобы не мешать другим! Это закон! Повторите!

Сергей побледнел, сглотнул слюну:

— Это закон...

— Великолепно! Некоторое время вас будет тянуть поддерживать шумные традиции, но каждый раз при этом у вас будет болеть голова. Повторите!

— У меня будет болеть голова...

— Отлично! В конце концов вы поймете, что шум — та же агрессия, сродни бандитской, и вести себя надо тихо. А теперь пара практических советов. Немедленно отключите этот дурацкий громкоговоритель заднего хода! Иначе вам когда-нибудь побьют за это фары или стекла.

— Уже били, — бледно улыбнулся Сергей.

— Значит, не помогло, болезнь серьезно запущена. Идиотизма не любит никто, даже сами идиоты. А выхлопную трубу почините сегодня же. А лучше поменяйте эту рухлядь на более приличную тачку.

— Она еще бегаёт повсюду...

Тарас усмехнулся, понимая, что не у каждого водителя есть средства на покупку хорошего авто, а ездить хочется всем.

— Тогда почините машину и заводите ее в сарае, чтобы не так слышно было, ведь трещит, как тракторный стартер. Договорились?

— Э-э... м-м... — Толстяк посмотрел на жену, такую же толстую, как и он сам. Та спохватилась, закричала:

— Что вы к мужу пристали?! Бандит! Я сейчас милицию вызову! Отойди от машины!..

Тарас шагнул к ней навстречу, поднимая ладони, глаза его вспыхнули тигриным блеском.

Женщина споткнулась, замолчала, вытаращив глаза.

— Успокойтесь, — сказал он глубоким голосом. — Соблюдайте правила гражданского общежития, не шумите и не кричите. И всем будет хорошо. Договорились?

— Договорились! — в один голос отозвались потрясенные соседи.

— Ну и ладушки. — Тарас вернул ключ Сергею, не спеша направился домой, размышляя, подействует на них внушение или нет.

Но криков больше не было. Через минуту Сергей завел свой тарантас и уехал. На улицу вернулась утренняя тишина.

Надеясь, что Тоня еще спит, Тарас тихонько вошел в гостиную и наткнулся на гостью, одетую в купленный вчера спортивный костюм, умытую и энергичную. Девушка вытянула вперед ладошки и низким голосом протянула:

— З-зд-дра-а-аво-о-о...

Тарас улыбнулся, радуясь ее настроению, ответил тем же, но глубже и мощнее, так что отозвались стаканы и рюмки в буфете:

— З-дрра-а-а-во-о-о!..

Она округлила глаза, ахнула, засмеялась.

— Как здорово! Внутри все задрожало! Я так не смогу.

— Все равно похоже. Это звуковая мантра энергетической накачки, очень сильно влияет на здоровье. Если будешь по утрам

петь «здроаво», да еще в сочетании с мантрами «живо» и «добро», никогда не заболеешь.

— Шутишь, — не поверила Тоня.

— Я же не болею, — привел он веский аргумент.

— Тогда я тоже попробую. — Она откашлялась (господи, какая же ты непосредственная, милая, желанная! Он замер, вбирая сердцем ее прелестный образ) и пропела:

— Здрра-а-а-во-о-о... жи-и-и-во-о-о... до-о-обрро-о-о...

Прислушалась к себе, приподняла брови.

— Щекотно... внутри... и сердце бьется... так надо?

Он очнулся, засмеялся, схватил ее в охапку, совсем не думавшую сопротивляться, закружил по комнате и поставил на пол. Отступил на шаг, склонив голову и спрятав руки за спину.

— Прошу прощения, моя принцесса. Готов понести наказание за вольность.

Тоня задумчиво посмотрела на него, подступила вплотную, подняла голову; она была ниже, и лица их оказались совсем рядом.

— Ты не сделаешь ничего... без моего разрешения?

Он понял. Поклялся:

— Ничего, моя принцесса!

— Дай слово не торопиться.

— Даю слово!

— И дай мне время подумать, разобраться во всем... в тебе, в себе самой. Я не хочу начинать новую жизнь с ошибки.

— Согласен, моя принцесса.

— И прекрати называть меня принцессой!

— Слушаюсь, Антонина Антоновна!

Она засмеялась, он тоже, и Тоня убежала в душевую комнату. А он остался, продолжая улыбаться, чувствуя желание жить и строить «новую жизнь» в соответствии с изменившимися обстоятельствами. В памяти всплыли строки знаменитого стихотворения Некрасова:

Замолкни, Муза мести и печали!

Я сон чужой тревожить не хочу...

Хотя Тарасу не меньше нравились и другие:

Волшебный луч любви и возрождения!

Я звал тебя — во сне и наяву.

Он невольно оглянулся на дверь, за которой скрылось юное создание, еще не изведавшее любви. Может быть, Елисей Юрьевич отчасти прав, не желая связываться с бандитами, убившими его близких и пытавшимися убить его самого. В принципе, никакая ответная акция воскресить их не сможет. Но ведь и поэт опирался на какие-то моральные принципы, утверждая:

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть...

Он включил тихую музыку: под гитарные перезвоны пел романс Юрий Лоза — и выбрался во двор, где полчаса занимался «боем с тенью», тренируя удары из самых неожиданных положений и взрывную темповую технику «потопа». Тоня появилась во дворе, когда он уже «нейтрализовал тень» и продырявил рукой-копьем специально укрепленную на стене сарайчика пятисантиметровой толщины доску. Увидев округлившиеся глаза девушки, он «исчез», то есть переместился ей за спину на сверхскорости и уже из сеней позвал:

— Антонина Антоновна, ау!

Девушка изумленно оглянулась.

— Ты?! Но я же видела тебя... Там... Как это у тебя получается?!

— Тебе показалось. — Он не выдержал и фыркнул. — Успокойся, я не колдун и не маг, просто умею двигаться быстро. Займись завтраком. Все необходимое найдешь на кухне, в холодильнике.

Он скрылся в душе, умылся, побрился и вышел, уже одетый в светло-серый костюм, белую льняную рубашку с вышивкой, серые туфли. День обещал быть теплым и даже солнечным, пора было переходить на весенне-летнюю форму одежды.

Завтрак был уже готов.

На столе стоял салат из свежих овощей, дымились тарелки с манной кашей, а на плите шипела сковородка с омлетом. Тоня, разругавшаяся от тепла, в Оксанином фартучке, с ножом в одной руке и батоном хлеба в другой посмотрела на него вопросительно и тревожно.

— Ты бутерброды с колбасой по утрам ешь? Я в холодильнике не нашла...

— Я вообще мяса не ем, — успокоил ее Тарас, принюхиваясь. — Люблю омлет... и кашу тоже.

— Правда? — обрадовалась девушка. — Я обожаю жидкую манную кашу! Мама ее часто готовила... — Она умолкла, съезжилась, как от удара, лицо застыло, глаза потемнели. Это длилось несколько секунд. Затем с большим усилием, проглотив слезы и боль, Тоня закончила шепотом: — Вот я и приготовила...

Тарас подошел к ней, обнял, чувствуя, как она вздрагивает, пытаясь удержать слезы, справиться с собой, передал ей бесконечно мягкий и доброжелательный импульс, погладил по плечам, по спине, у с п о к а и в а я. Тоня замерла, вздохнула горестно пару раз и расслабилась. Проговорила виновато, касаясь губами его груди:

— Я думала — умру... без мамы и папы... было так плохо... жить не хотелось! Если бы не дядя Елисей... и не ты...

— Ничего, все будет хорошо, малыш, — сказал Тарас. — Я с тобой.

Потом они завтракали в молчании, но приступ горя уже прошел, и Тоня чуть оживилась, о с в е т л е н н а я энергопотоком, к которому подсоединил ее Тарас. Дом его стоял в месте выхода положительной энергии земли, что намного увеличивало жизненный потенциал живущих в нем людей.

— Что мы будем делать сегодня? — спросила девушка.

— О, планов у нас — громадье, — отозвался он, допивая смородиновый кисель. — Сначала съездим в больницу, навестим моего племянника и друга Марата. Он классный теннисист и хороший парень, тебе понравится.

— А что с ним?

— Попал в аварию, руку поломал, — не стал говорить всей правды Тарас. — Потом съездим в Суриковский художественный институт, выясним, когда там начинаются приемные экзамены и что нужно для поступления. Не уверен, что мы туда поступим, институт этот протекционный, но попробовать стоит.

— Ты же говорил, что составишь протекцию.

Он почесал в затылке, скрывая смущение.

— Понимаешь, я хотел произвести на тебя впечатление... В Суриковке у меня знакомых нет, а вот в Московском академическом художественном училище имени Тысяча девятьсот пятого года, его еще называют «девятьсот пятым», — есть. Между прочим, это училище заканчивали многие наши знаменитые художники — Церетвили, Шиловский, Слободенюк, Захаренков.

— Училище сильно отличается от института?

— Художественное — мало. Можно закончить училище, а потом поступить в Российскую академию живописи и зодчества на Мясницкой, если, конечно, иметь желание.

— Желание у меня есть, — серьезно сказала Тоня. — Только я не хочу ни у кого сидеть на шее. Если там есть заочное отделение, тогда буду поступать на заочное, чтобы учиться и работать.

— Само собой, — кивнул Тарас, улыбнувшись в душе. Он совершенно точно знал, что работать ей ради пропитания не придется.

Зазвонил телефон.

Гадая, кто это мог быть, Тарас вышел в прихожую, снял трубку.

— Тарас Витальевич? — заговорил характерный женский голосок. — Здравствуйте, хорошо, что я вас застала. Шеф хочет вас видеть.

Тарас узнал секретаршу Самсонова.

— Доброе утро, Женечка. А нельзя ему доложить, что ты меня не нашла? Я же в отпуске.

— К сожалению, очень важное дело, он просил вас приехать как можно быстрее.

— Что за дело?

— Какое-то жутко секретное и действительно важное.

— Хорошо, — со вздохом сказал Тарас. — Раз надо, значит, надо, еду.

Положив трубку, он вернулся на кухню.

— Тошка, меня срочно вызывает главный эколоик, побудешь одна? Я бы взял тебя с собой, да не знаю, когда освобожусь.

— Конечно, без проблем. У тебя классная библиотека, я с удовольствием покопаюсь в ней. Да и рисовать хочется. Можно я свои рисунки в спальне повешу?

— Делай все, что пожелаешь, ты здесь хозяйка. Когда вернусь, мы поедем, куда наметили.

Он вывел «Вольво» из гаража, закрыл ворота и двери на замки и погнал машину в сторону МКАД. По кольцу на работу было ехать в два раза дальше, зато дорога через центр требовала по причине кучи светофоров и обязательных пробок больше времени.

В офисе НКЭБ он появился через сорок пять минут, сразу направился к Юлиану Львовичу, не заходя в свой кабинет. На

месте секретарши сидел незнакомый молодой человек в лиловом костюме с ярким зеленым галстуком.

— А где Женечка? — поинтересовался Тарас, чувствуя неясное беспокойство.

— А вы кто? — вопросом на вопрос ответил молодой человек.

— Горшин я, мне позвонила секретарша и сказала, что меня вызывает Юлиан Львович по важному делу.

Молодой человек странно посмотрел на него.

— Это какая-то ошибка. Женя взяла неделю отпуска на сдачу экзаменов, а Юлиан Львович в командировке в Питере.

Сердце дало сбой. Мгновение Тарас стоял неподвижно, вспоминая, что ему не понравилось в голосе секретарши, затем стремительно подошел к столу, взял трубку телефона и набрал свой домашний номер.

Тоня отозвалась через две минуты.

— Але, слушаю...

— У тебя все в порядке? — быстро спросил Тарас. — Никто в дверь не звонил, к дому не подъезжал?

— Останавливалась какая-то машина, маленький фургон, по-моему, мороженое возит, и уехал. А что?

— Никому не открывай, на звонки не отвечай, к окнам не подходи. Я скоро приеду. Услышишь, что подъезжает машина, не выходи. Поняла?

— Что случилось?

— Слава Богу, пока ничего. Жди.

Тарас передал трубку ошеломленному его бесцеремонностью молодому человеку и так же стремительно вышел из приемной, ничего не объясняя временному секретарю Самсонова.

К дому он подъехал через двадцать четыре минуты, побив все рекорды движения по Москве, нарушив все правила дорожного движения, какие только существовали, и ухитрившись при этом не попасться на глаза инспекторам дорожно-постовой службы. Выскочил из машины, бросился к дому и резко остановился, почуввав дуновение у г р о з ы. Японцы называли это ощущение с а к - к и — «ветром смерти».

Что-то было не так. На природе — на улице, на заборе, на самом доме лежала печать опасного ожидания.

Усилием воли изменив состояние сознания, включив «третий глаз», Тарас огляделся и сразу увидел с л е д. Не понадобилось даже формировать поле необходимости получения инфор-

мации. След вел к крыльцу и обратно, однако угол крыльца светился в ментальном диапазоне, и Тарасу стало ясно, что гости из «фургона с мороженым» оставили здесь какой-то сюрприз. То есть взрывное устройство.

На раздумья времени не оставалось. Вполне возможно, кто-то из «мороженщиков» наблюдал за домом и держал палец на кнопке радиовзрывателя. Надо было действовать. Либо вызывать специалистов-подрывников, либо пытаться разминировать устройство самому. И оба варианта не давали гарантии, что взрыва удастся избежать. Конечно, можно было еще попробовать вычислить наблюдателя и взять его втемную, однако поблизости мог находиться дублер, и захват одного из них задачи не решал. Оставалась одна возможность, экзотическая, но едва ли учтенная разработчиками операции, — скорость. Надо было выпасть из поля зрения подрывников на несколько секунд, чтобы добраться до крыльца, найти мину и отбросить ее подальше от дома.

Тарас сделал вид, что забыл что-то в машине, вернулся, открыл багажник и начал копать внутри, настраивая себя на предельный режим т е м п а. При реализации этого уровня главное было — не получить автотравмы, то есть не травмировать себя самого своим же движением, так как во время ускорения возникают огромные силы, сжимающие тело в тугие, спирально закрученные узлы. Особенно это касалось позвоночника, коленных и локтевых суставов. Надо было выстроить позвонки позвоночного столба с математической точностью, распределить усилия, приходящиеся на межпозвоночные диски, на суставы, на кости и мышцы и только после этого включать т е м п. Обычно необходимое состояние тела достигается после четвертьчасового разогрева и разминки, в данный же момент этих пятнадцати минут у Тараса просто не было.

Процесс пошел.

Время послушно застыло.

Первый рывок — от машины до калитки — пять метров (одна сотая секунды). Боль в толчковой ноге и в шейных позвонках. Удар ускорения был слишком велик.

Второй рывок — от калитки до крыльца — восемь метров (две сотых секунды). Боль в бедре — потянул мышцы все-таки, боль в голеностопе второй ноги, кажется, вывих. Ничего, терпеть можно.

Вот и крыльцо, деревянные перильцы, ступеньки, пол... где же сюрприз?! Ничего не видно! А сотые доли секунды утекают одна за другой, и это уже необратимо... Тарас представил, как наблюдатели только теперь заметили его отсутствие у машины, у них начинается паника: глаза открываются шире, дыхание прерывается, сердце дает сбой — обычная физиологическая реакция на неожиданность, а это, господа хорошие, — время, десятые доли секунды, так необходимые для решения задачи... Господи, где же они установили машинку?! Ага... вот что-то светится у столба, за доской верхней ступеньки... они ее вынули осторожно и засунули в щель сюрприз...

Доска поддалась (три сотых секунды)...

Пакет полиэтиленовый... интересно, как долго срабатывает взрыватель? Полсекунды? Меньше?..

Пакет в руке легкий, не больше килограмма, но если там пластит — рванет так, что рухнет весь дом! Куда его?..

Тарас огляделся, считая сгорающие угольки сотых долей секунды. Со времени первого рывка прошло чуть больше полутора секунд, подрывники должны были уже заподозрить неладное... Куда же девать теперь этот проклятый пакет?!

Только теперь он сообразил, что бросать мину подальше от дома нельзя, могут пострадать случайные прохожие, да и соседние дома. Что же делать?!

Тарас прыгнул назад, к калитке, — одна десятая секунды. Много! Силы уходят, т е м п снижается! Еще полсекунды — и все, мина взорвется! Что дальше?..

Перед глазами возникла картина: палец подрывника, грязный, с заусенцами, вдавливая кнопку радиовзрывателя...

К дьяволу!

Еще рывок...

Что это? Канава... на дне вода... дренаж!

Тарас прыгнул в канаву и сунул пакет в дренажную трубу, пронизывающую бетонную перемычку въезда на территорию дома. Теперь ходу отсюда!..

Он метнулся назад, к машине, вскочил в кабину, вдавил педаль газа... хорошо, что не выключил двигатель, но как же медленно она разгоняется!..

Взрыв раздался, когда между воротами и машиной образовался просвет в два десятка метров. Перед воротами вырос невысокий фонтан дыма, обломков бетона и комьев земли. Взрывная волна ударила вдоль канавы в обе стороны, толкнула «Вольво» в

корму, но не сильно. Взрывное устройство была рассчитано на поражение одного человека и, скорее всего, представляло собой тротилловую шашку весом в полкилограмма. Засунутая в узкую трубу, она смогла лишь взломать бетонное перекрытие въезда, не повредив даже ворот и калитки.

Тарас вернулся к дому, сдав назад, бросился к крыльцу, на котором появилась Тоня. Едва ли среди подрывников находился еще и снайпер, но лучше перебдеть, чем недобдеть, как говаривал Козьма Прутков, и, подхватив испуганно-недоумевающую девушку на руки, он внес ее в дом.

* * *

Представители правоохранительных органов уехали через два часа, задав необходимое количество вопросов свидетелям взрыва — Тарасу, Тоне, соседям и двум прохожим, оказавшимся неподалеку, а также изучив место взрыва со специалистами по взрывному делу. В конце концов следователь пришел к выводу, что случившееся — результат детской шалости, точнее — хулиганства. Подростки соорудили бомбу и взорвали ради эксперимента в дренажной трубе.

Тарас не возражал против такой постановки вопроса, согласившись с версией следователя. Она была самой удобной для всех, в том числе для него самого, так как позволяла ничего не объяснять и на все вопросы отвечать пожиманием плеч.

Не поняла, в чем дело, и Тоня, с бесхитростным видом сообщившая следователю, что спала и почти ничего не видела. О фургоне с мороженым она, по совету Тараса, ничего не сказала. Он был убежден, что чем меньше видишь, тем спокойнее спишь. Вдобавок он хотел заняться поисками «мороженщиков» самостоятельно. Бомба готовилась для него, и неудавшееся покушение наверняка должно было подстегнуть организаторов сделать еще одну попытку.

После отъезда работников милиции и прокуратуры Тарас засыпал дыру перед воротами землей и песком, чтобы можно было заехать на машине во двор, затем позвонил знакомому в «девятьсот пятом» училище, и они поехали с Тоней на Сушевский Вал, где располагалось Московское государственное академическое училище имени 1905 года.

Приятель Тараса, Николай Прапорщиков, преподающий первокурсникам основы изобразительного искусства, с любо-

пытством просмотрел рисунки Тони и доверительно сообщил, что «с таким талантом шанс у девочки есть».

— Но экзамены придется сдавать на общих основаниях, — добавил он виновато. — Я поговорю кое с кем в приемной комиссии, все-таки гибель родителей — серьезная вещь, но это вряд ли освободит ее от...

— Без проблем, — перебил Николая Тарас. — Будем двигаться вперед прямо, но честно. Она сдаст экзамены, я уверен, просто надо, чтобы экзаменаторы отнеслись к ней нормально.

— Это я гарантирую.

— Отлично, больше ничего и не требуется. А выхода на Суриковский институт у тебя нет?

— Почему нет? Моя двоюродная сестра там работает, правда, в бухгалтерии, зато всех знает. Но я бы посоветовал поступать к нам, преподавательский состав у нас не хуже, а требования послабее.

— Нужна программа подготовки.

— Сделаем, — пообещал Николай, на которого явно подействовали работы Тони. — Я подготовлю экзаменационные материалы и позвоню.

Они посидели еще несколько минут в баре училища, потом Николай показал им здание, музей, аудитории, мастерские, и гости покинули учебное заведение, интерьеры и атмосфера которого весьма сильно подействовали на Тоню.

— Я согласна, — сказала она, когда Тарас вез ее по Москве к еще одному знакомому, работающему в турагентстве «Четыре сезона». — Мне там понравилось. Как ты думаешь, я поступлю?

— Без всяких сомнений, — уверенно сказал Тарас. — Русский язык и литературу мы до июня с тобой подтянем, а художественного конкурса ты бояться не должна.

Тоня примолкла, все еще находясь под впечатлением знакомства со своей мечтой, и Тарас постарался занять ее разговорами, чтобы не дать овладеть сомнениям и отвлечь от безрадостных воспоминаний о родителях и о взрыве у ворот дома. Поэтому Марата он решил в этот день в больнице не навещать.

Вскоре они подъехали к старому зданию на перекрестке Миусской улицы и Второго Тверского-Ямского переулка. Тоня очнулась, завертела головой.

— Куда мы направляемся?

— В туристическое агентство, — сказал Тарас, вылезая. — У меня возникла идея. Начальник дал мне отпуск, ты в настоя-

щее время не обременена особыми заботами, так почему бы нам не махнуть в круиз?

— Ты серьезно? — засомневалась девушка.

— Более чем. Здесь работает мой старый друг, — он кивнул на блестящую медную доску с надписью «Туристическое агентство «Четыре сезона», — вместе когда-то служили в армии, он поможет нам выбрать маршрут. Куда бы ты хотела поехать? На Черное море или на Балтику?

Тоня смутилась.

— Я никогда не была на море... мне все равно. Может быть, на юг? Там теплее.

— На юг так на юг, — улыбнулся Тарас, открывая дверь и пропуская девушку вперед.

Глава 20

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Напряжение последних дней было таким сильным, что, вернувшись в Москву, Елисей Юрьевич с трудом справился с гипертоническим кризом, хотя и появлялась мыслишка не сопротивляться и уйти в мир Нави, где его ждали жена и мама. Тем не менее ночь и следующий день после похорон, проводив брата и других родственников, Смирнов провел в полной прострации, не отвечая на звонки и не вставая из кресла. Он не умер, но и не жил все это время, пребывая в странном состоянии полусна-полуяви, бессистемно блуждая по этажам памяти и не задерживаясь ни на одном. В сорок лет он начал ценить время, в пятьдесят — тишину, в шестьдесят — одиночество, но никогда не думал, что оно может быть таким оглушающе-бессмысленным.

Он терял за свою жизнь многих: дедов и бабушек, отца, близких по роду и мысли людей, приятелей и друзей, однако последняя потеря была больней и горше всех, а винить в этом он мог только себя. Не надо было отпускать Веру к матери, надо было вовремя поехать в Чечню самому и забрать маму в Москву. Хотя вряд ли это остановило бы холуев босса «Купола», за которым маячила тень Монарха Тьмы. Конкере!

Елисей Юрьевич сжал пальцы в кулак, посылая в небо молнию проклятия, расслабился, горько усмехнулся. Можно было попытаться самостоятельно выйти на президента «Купола», од-

нако справиться с ним в одиночку нечего было и мечтать. Не хватило бы ни душевных сил, ни энергии, ни знаний, ни ненависти, ни навыков «живы». Ни желания...

Он снова впал в транс, из которого его вывела тихая трель телефона. Встать из кресла оказалось делом непростым, но, судя по свечению трубки, звонил кто-то из знакомых. Елисей Юрьевич добрел до столика с телефоном, снял трубку и услышал голос Горшина. Ученик сдержанно поздоровался, осведомился о здоровье и сообщил, что они с Тоней решили совершить круиз по Черному морю на теплоходе «Айвазовский».

— Правильное решение, — сказал Елисей Юрьевич, преодолевая слабость, безразличие ко всему на свете и нежелание жить. — Здесь тебя попытаются локализовать определенные силы, поэтому лучше уехать на какое-то время, ослабить пресс давления. О вашем решении никто не знает?

— Только мой знакомый из турагентства.

— Будь внимателен, научись думать спинным мозгом, он обрабатывает информацию на шесть-семь порядков быстрее, чем голова.

— У вас есть рекомендации, как это делается? — осторожно поинтересовался Тарас.

— Вся эта информация лежит на полках твоей памяти, твои предки — защитники и воины — наверняка умели думать всем телом. Найди нужные тебе к с т ы, прокачай через сознание, хотя и не увлекайся особенно. Без тщательной подготовки очень легко промахнуться и подсоединиться не к той иерархии с и л.

— Вы имеете в виду уровни воздействия на...

— Мы беседовали на эту тему. Существует иерархия «сфер света» — от уровня Метатрон или...

— Ангел Присутствия. Да, я помню.

— До уровня Армагеддон, — продолжал Елисей Юрьевич. — Что означает Гнев Бога. Однако же это все-таки Б о ж е с т в е н н ы й Гнев, имеющий воспитательную цель, если не углубляться в каббалистику философии. Но есть и другая иерархия — с и л Тьмы, от Чайгидиель, что означает Дьявольская Мудрость, до Тогарини...

— Дьявольская Красота, — закончил Тарас после недолгого молчания. — Я понял, учитель.

— Тогда удачи и радости тебе, воин. Вернешься — позвони.

С минуту Елисей Юрьевич сидел у телефона, сжимая в руке трубку и ни о чем не думая. Будто из него вынули стержень, под-

держивающий мыслительные процессы. Потом, пожелав Горшину в душе, чтобы его сопровождал канал «демпфирования неприятностей», вострепнулся. Появилось желание погрузиться в бездны родовой памяти и выйти на Аморфов, разумных Первосуществ, некогда, миллиарды лет назад, завоевавших Землю задолго до появления людей и даже их прямых предков — Инсектов.

Конечно, с человеческой точки зрения, Аморфов не то что разумными, но и живыми-то назвать было трудно, каждый из них больше напоминал гору, а вместе они опоясывали Землю странной формы черными хребтами. Они были свободны в своих устремлениях, легко перемещались в пространстве и времени, способны были создавать миры и разрушать их. По человеческим меркам Аморфы были всемогущи, однако по какой-то причине не использовали свое могущество на Земле, не преобразовывали ее и тихо ушли в небытие, не оставив после себя никаких следов. Кроме одного.

Этим «следом» были люди, нынешнее поколение разумных существ.

Елисей Юрьевич не знал причин, заставивших Аморфов из всех видов Инсектов выбрать и трансформировать именно вид блаттоптера сапиенс, тараканов разумных, но уже не раз приходил к мнению, что Аморф, совершивший этот грандиозный эксперимент, был либо братом Монарха Тьмы, либо самим Монархом. И, возможно, именно он остался на Земле единственным представителем класса Аморфов, пережив их всех.

Может быть, была и другая причина исчезновения Предтеч. Во время изучения Хроник Круга Елисей Юрьевич не раз наталкивался на «заблокированные файлы», хотя мог бы, наверное, взломать защиту и стать обладателем истинного — и очень опасного! — знания. Но не сделал этого и тому же учил своих учеников. Тарас Горшин последовал его советам, а вот Дима Щербань — нет, и в одной из последних бесед с ним Елисей Юрьевич с болью понял, что ученик кое-что знает об Аморфах. Тогда он спросил Дмитрия об этом в лоб и получил ответ:

— Естественно, знаю, это не такой уж большой секрет. Аморфам казалось, что Вселенная создана только для них, что они являются главными ее обитателями и устроителями. Они начали создавать особые зоны удовольствий, нечто вроде наших компьютерных игровых программ, где могли надолго отрешиться от дел и забот. В конце концов большинство расселилось по этим «зонам» и исчезло, оставшиеся же потеряли всякий интерес

к жизни. Они могли все и не хотели ничего. Так погибла культура Аморфов. — Дима подумал и добавил: — Кроме, пожалуй, одного из них. Я еще не совсем разобрался. Неужели вы этого не знали, учитель?

— Откуда ты это узнал? — проигнорировал последний вопрос Елисей Юрьевич. — Знания об Аморфах засекречены.

— Я не хакер, — засмеялся Дмитрий. — Мне помогли. Я даже знаю, почему Аморфы изменили Инсектов. Имея Говорители Слов Власти, преобразующие реальность по их усмотрению, Инсекты начали создавать реальность, в которой не было места ни Аморфам, ни им самим, ни планетам и звездам. Земля могла исчезнуть во время их конфликтов, и тогда оставшиеся Аморфы, пробудившись, совершили Изменение. Что привело к коллапсу культуры Инсектов.

— Взламывание секретных файлов Хроник не есть этически идеальное де я н и е.

— Да плевать я хотел на этику Хранителей, — махнул рукой Дмитрий. — Все они старые пердуны и тоже близки к тому, чтобы исчезнуть, как Аморфы...

С того разговора и началась размолвка между учителем и учеником, выбравшим свой путь к самореализации. К сожалению, темный путь. Вскоре Дмитрий ушел и оказался уже в стане тех, кто шел к абсолютной власти на Земле, не считаясь ни с чем и ни с кем...

Елисей Юрьевич отогнал неприятные воспоминания, сосредоточился на вхождении в регулируемый и контролируемый сознанием транс. Идея спуститься «вниз» по линии родовой памяти до предка-Аморфа и выяснить у него базовые символы Дэванагари — праязыка, с которого начинался метаязык разумных существ на Земле, обрела необходимое духовное обоснование. Только зная все восемнадцать Ключей смысла и семантические поля метаязыка, можно было перейти на другой уровень иерархии Круга и стать адептом, не доступным для физических методов устранения.

Однако он не успел создать «истинный крест пространства и времени», дающий защиту на время отключения сознания, кто-то позвонил в дверь. Елисей Юрьевич не сразу сообразил, что звонят ему. Запустил «щупальце узнавания», обшаривая им лестничную площадку, лифт и весь дом. Вздыхнул даже с каким-то разочарованием: гость был один и особой угрозы не представлял, хотя и работал на секретный отдел службы.

Елисей Юрьевич открыл дверь.

Перед ним стоял полковник Гольдин, начальник Управления собственной безопасности ФСБ. Елисей Юрьевич встречался с ним пару раз на совещаниях, однако не относил его ни к числу своих друзей, ни к числу недоброжелателей и вообще не питал к нему каких-либо определенных чувств. Полковник имел репутацию зануды и классного преферансиста, которого было трудно обыграть не только в силу опыта, но и в силу специфического образования: в свое время Станислав Гольдин закончил мехмат Казанского университета и слыл прекрасным математиком.

— Один? — спросил он, кивая на прихожую; полковник со всеми коллегами разговаривал на «ты», даже с директором.

Елисей Юрьевич отступил.

— Заходи.

— Я ехал мимо и решил заглянуть. Есть пара вопросов, которые хотелось бы прояснить. Ах да, извини, — спохватился полковник. — Прими мои искренние соболезнования по поводу гибели твоей жены.

Елисей Юрьевич кивнул, сжав зубы, усадил гостя на диван в гостиной, принес чашки, чайник, сахар и лимон.

— Бутерброды, сыр?

— Не надо, я с лимончиком тепленького хлебу. Дрянь погода! Не апрельская. Обещали потепление, а температура выше восьми градусов не поднимается.

Они поднесли чашки к губам, отпили по глотку.

— Плохо выглядишь, — равнодушно сказал Гольдин. Он был небольшого роста, но плотный, осанистый, круглоголовый, с залысинами, с умным взглядом черных глаз. — Взял бы недельку-другую для отдыха.

— Я подумаю, спасибо за заботу. Что за вопросы ты хотел прояснить?

— Их всего два. — Полковник отпил полчашки чая, посмотрел сквозь нее на свет и поставил. — Первый: откуда у тебя сведения по Жмутенко? В штабе его знают как хорошего специалиста и честного офицера.

— Я видел его в компании с Гелаевым. — Елисей Юрьевич не стал говорить всей правды и вмешивать в это дело Горшина.

— Где?

— В Грозном, в развалинах тракторного завода, откуда начинается подземный ход к базе Гелаева.

— По нашим сведениям, полевой командир Гелаев погиб при странных обстоятельствах.

Смирнов выдержал острый взгляд собеседника, невозмутимо пожал плечами.

— Надеюсь, мое сочувствие не требуется?

— Извини, я понимаю, у тебя такое горе, а я снова ворошу прошлое. Но это моя работа, Елисей, я и рад бы тебя не трогать, да не могу. Хотелось бы выяснить, откуда идет утечка информации. В твою встречу с Гелаевым — я имею в виду контакты Жмутенко и Гелаева — я не верю, но откуда-то ты знаешь об этом?

— Как тебя понимать? — насторожился Елисей Юрьевич.

Гольдин усмехнулся.

— Как говорил Оскар Уайльд: «Я живу в постоянном страхе, что меня поймут правильно». Дело в том, дорогой коллега, что подполковник Жмутенко работает на нашу контрразведку и н и к а к не мог быть связан с Гелаевым.

— Значит, я видел не его, — сухо сказал Елисей Юрьевич.

— Тогда кого?

— Это допрос? — еще холоднее спросил Смирнов.

— Ни в коей мере, — запротестовал Гольдин, выставляя перед собой ладони. — Но ради выяснения обстоятельств дела эти вопросы надо решать немедленно. Я их только озвучил, а главное заинтересованное лицо — начальник Управления «Т» генерал Молчанов. Он сейчас у себя, поехали к нему, побеседуем, поспорим, а? Как говорится, в спорах рождается истина.

— Это заблуждение. В споре истина не рождается, а познается, проясняется, рождается же она помимо спора.

— Ну все равно, поехали. Заодно и пообедаем, твой чай не спасет меня от голода.

— Хорошо, поехали, — подумав, согласился Елисей Юрьевич, отказавшись решать в уме загадки службы гостя. — Я и сам хотел попасть на прием к Молчанову. Только придется завернуть на бензоколонку, у меня бензин почти на нуле.

— Поедем на служебной «Волге», я ее не отпустил. Она же тебя и обратно отвезет.

Елисей Юрьевич кивнул, не обнаружив подвоха. Вернулось тоскливое настроение н е н у ж н о с т и и равнодушия. Ни одна беседа с начальством, ни одна операция контрразведки не могла воскресить Веру и маму, остальное было не главным.

— И вообще, мы можем пообедать в Думе, — продолжал развивать тему Гольдин, пока они спускались во двор дома. —

Я предпочитаю депутатскую кухню, а не нашу: и выбор больше, и дешевле.

— Я не хочу, — буркнул Елисей Юрьевич. — Могу подождать в машине.

— Зачем же, тогда поедem к нам, я потерплю.

Они вышли во двор, где среди подержанных иномарок и потрепанных «Лад» стояла черная «Волга» с флажком на капоте. Гольдин направился к ней, заводя разговор о преимуществах депутатского положения по сравнению со своим. Елисей Юрьевич слушал вполуха, находясь в зыбком равновесии яви и небытия. Снова накатило глухое состояние одиночества и тоски, захотелось скрыться с людских глаз, никого не видеть и ни с кем не разговаривать. Потом сквозь эту глухую стену пробился тоненький голосок тревоги, и Смирнов очнулся, чтобы оценить подсказку интуиции. Однако сделать практически ничего не успел, только сообразил, что его ждали.

До машины Гольдина оставалось всего с десятков шагов, когда вдруг распахнулись дверцы стоящего неподалеку микрофургона «Баргузин», и показавшийся в проеме человек в черном комбинезоне и в маске дал в Елисея Юрьевича очередь из пистолета-пулемета с насадкой бесшумного боя.

Очередь легла точно в одно место — в грудь Смирнова. Если бы стрелок направил ее в голову, Елисей Юрьевич был бы уже мертв, но убивать его не хотели, во всяком случае, сразу. И хотя он среагировал, превращая тело в подобие «телесных лат», однако не так быстро, как требовалось, и две не о т р а ж е н н ы е пули поразили легкие и сердце.

Тем не менее он, наверное, смог бы справиться с засадой, имеющей только огнестрельное оружие, и уйти, чтобы в укромном месте залечить раны, смертельные для любого другого человека. Но засада была подготовлена для захвата именно такого мастера, как он, с учетом всех его возможностей. Микроавтобус был изнутри заэкранирован, что не позволило Елисею Юрьевичу вовремя у с л ы ш а т ь голос сторожевой системы. Да и момент был выбран подходящий — когда он находился в угнетенном состоянии и не ждал нападения. Поэтому оно и увенчалось успехом.

Когда Елисей Юрьевич остановил сердце, переходя на резервную клеточную биоэнергетику, усилием воли попытался ускориться, ему вдруг показалось, что на голову упала массивная бетонная плита. Покачнувшись, он оглянулся, увидел в руке

Гольдина пистолет с необычайно толстым дулом, и все понял. Это был гипногенератор «удав», или в просторечии «глушак».

Затем наступила темнота...

Он уже не видел, как его быстро и умело перенесли в фургон, человек в голубоватом халате сделал ему укол, подключил к аппарату искусственного кровообращения и нацепил кислородную маску. «Баргузин» с воём понесся по улицам, игнорируя светофоры, и через полчаса доставил тело Смирнова к двухэтажному белому домику с узорчатой металлической оградой, расположенному на тихой улочке в районе аэровокзала.

Очнулся Елисей Юрьевич через двое суток на специальном хирургическом столе, привязанный к нему за руки и за ноги. Долго приходил в себя, то погружаясь в темноту, то всплывая, прислушиваясь к пространству вокруг и не понимая, почему он не может двинуться с места. В глазах жгло, будто туда насыпали песка, грудь давил горячий камень, дышать было больно, в руках торчали гвозди, а мышцы, казалось, отсутствовали вовсе.

Кто-то появился в поле зрения.

Елисей Юрьевич напрягся, чуть не застонал от рези в глазах, но все же сумел разглядеть человека в голубом халате и шапочке. С трудом ворочая языком, прошептал:

— Где я?..

— Надо же, очнулся! — хмыкнул человек в халате; вероятно, он был врачом. — Зря я сомневался. У него шесть пуль в теле, из них две в сердце и легких, человек получил фрустрирующий шок-овый импульс и не загнулся! Никогда ни с чем подобным не сталкивался!

— Я предупреждал, — раздался чей-то знакомый голос. — Он способен перенести и не такое. Во всяком случае, пули для него не страшны, даже разрывные, разве что если попасть в голову.

— Мы удалили две из сердца и легких, остальные вышли сами.

— Держите язык за зубами, доктор, и поменьше удивляйтесь. Вам платят деньги не за это.

У стола сформировалась более темная человеческая фигура, на Елисея Юрьевича глянули знакомые насмешливо-самоуверенные глаза.

— Ди... ма... — прошептал он.

— С прибытием в «чистилище», учитель, — усмехнулся бывший ученик. — Даже обидно, честное слово, что вас так легко удалось взять.

— За... чем?..

— Это вам скажет босс, вы ему зачем-то нужны. На мой взгляд, вас нужно было просто ликвидировать, уж очень вы шустры для своих шестидесяти с хвостиком. Но приказ есть приказ. Лежите, поправляйтесь, да не вздумайте бежать, охране приказано стрелять в голову. Скоро вас навестит главный, он и решит вашу судьбу.

Силуэт Дмитрия отдалился, голос стал тонким, ушел в шумы и гулы в ушах.

Елисей Юрьевич почувствовал головокружение и погрузился в серую бездну небытия...

Повторно он пришел в себя на следующий день, почувствовав укол, от которого по жилам потек жидкий огонь. Он застонал, дернулся, открыл глаза, пытаясь заблокировать ощущения, и это ему удалось, «огонь» перестал течь по сосудам, серый туман отступил, и Елисей Юрьевич ощутил себя лежащим в той же позе — крестом — на том же столе. Руки и ноги, и даже шея, были прихвачены мягкими скобами к столу так, что двигаться он не мог. Над столом висело многосегментное зеркало, в нем отражалось чье-то худое, бледное, в синяках и царапинах, со шрамами и нашлепками бинтов тело. Елисей Юрьевич не сразу сообразил, что это тело принадлежит ему. Однако больше всего ему не понравились не раны и не удерживающие браслеты, а сложное устройство, похожее на шлем с двумя десятками торчащих из него штырей, в которое была погружена его голова. Точнее — череп. Только теперь Елисей Юрьевич понял, что он наголо обрит.

Он пошевелился, и тотчас же послышались шаги, над ним склонилось смуглое усатое лицо. Через некоторое время послышались голоса, шаги нескольких человек, позвякивание, шуршание, и в помещении появилась группа людей, сопровождающих инвалидную коляску сложной формы. Полулежащий в ней человек показался Елисею Юрьевичу знакомым. Он напряг память и вспомнил. Это был Эдмонд Анатольевич Рыжайс, глава РЭК — самой крутой в России энергетической компании.

— Георгий Георгиевич... — проговорил Елисей Юрьевич глухо.

Инвалид в коляске, огромный, рыхлый, рыжеволосый, с отеками красным лицом, страшный и вместе с тем ощутимо с и л ь н ы й, растянул в улыбке бледно-серые губы.

— Поздравляю, мастер, мозги у вас еще работают. Это хорошо. От трупа и шизофреника пользы не было бы никакой, а так у

нас есть шанс уточнить с вашей помощью кое-какие детали плана войны с Монархом Тьмы. Ведь такой план подготовлен, не так ли?

— Бред! — выговорил Елисей Юрьевич. — Война с Монархом бессмысленна...

— Ну, может, я не так выразился. Пусть будет не война, а противостояние, однако же борьба с эмиссаром Монарха на воинском уровне Круга вами ведется, не так ли? К примеру, с Конкере. А это меня тревожит, так как в данный момент я не только президент «Купола», о чем вы знаете, но и Конкере. Итак, уважаемый полковник, вы проиграли. С большим трудом, кружным путем, через смерть ваших близких — цель стоила любых средств — мы вас все же достали.

— Ему помогал ученик, — сказал один из сопровождающих Эдмонда Анатольевича, в котором Елисей Юрьевич узнал заместителя начальника Управления «Т» ФСБ Генриха Ельшина. — Если бы не он, мы бы взяли полковника еще в Чечне.

— Об ученике мы еще поговорим, — дернул щекой президент «Купола». — Он мне тоже нужен живым.

— Зачем? — спросил Елисей Юрьевич, покрываясь от слабости липким потом.

— Он такой же носитель эзотерической информации о мета-языке, как и вы. К нашему удовлетворению, это очень редкое явление среди людей. Если бы таких, как вы, было много, нам пришлось бы свернуть программу маргинализации человечества. Так вот... о чем это я?... Ах да... мы захватим и вашего ученика, выясним, что он знает, и... отпустим, естественно.

В свите, окружившей Рыжайса, послышались смешки.

— Отпустим, отпустим, — проворчал президент «Купола» с бледной улыбкой. — Если только он не согласится работать с нами. Тем более что после бесед он станет абсолютно безопасен.

— Не трогайте его... он почти ничего не знает...

— Э-э, господин эксперт, — президент «Купола» покачал пальчиком, — не лгите. Лгать можно только любимой женщине и полицейскому, всем остальным нужно говорить правду, как говорил один актер¹. Горшин — Посвященный седьмого уровня, а мы с вами прекрасно знаем, что иерархи Круга зря никого в свою организацию не принимают. Итак, предлагаю вам добровольное

¹Джек Николсон.

сотрудничество, мастер. Первый и последний раз. Я своих предложений дважды не повторяю.

Елисей Юрьевич закрыл глаза, с пронзительной ясностью осознавая, что выхода нет. Сосредоточился и жестоким усилием воли в з о р в а л раненое сердце.

В голову хлынула боль и тьма...

Он не увидел, как вокруг него началась суeta, медики мгновенно развернули реанимационную камеру, бросились присоединять к нему датчики и провода, подключили искусственные легкие и пульсатор крови.

— Сердце удалите вообще, — приказал взбешенный неудачей Эдмонд Анатольевич. — Посидит на аппарате какое-то время. Когда придет в себя, начинайте сканирование. Если будет сопротивляться, блокируйте пси-сферу, вызовите меня. Поехали.

Два дюжих телохранителя, выполнявшие одновременно и роль слуг, покатали коляску к выходу. У стола с телом Смирнова остались двое, Ельшин и Дмитрий.

— От него мы ничего не добьемся, — сказал Дмитрий, кивая на учителя. — Он адепт «живы».

— Почему ты не адепт «живы»?! — окрылся Генрих Герхардович. — Ты же учился у него пятнадцать лет! А знаешь только, как убивать!

— «Наваждение» — часть «живы»...

— Но не сама «жива»! Нам нужна ее база — метабой! — Ельшин слегка успокоился, вытер уголки рта платком. — Найди этого смирновского птенца — Горшина, пора браться за него всерьез.

— Зачем его искать? — пренебрежительно пожал плечами Дмитрий. — Объявим по телевидению об исчезновении учителя или о болезни, ученик сам к нам придет.

Ельшин некоторое время смотрел на телохранителя мутными глазами, усмехнулся, похлопал его по плечу и поспешил за боссом «Купола». Уже в коридоре он объявил о своем решении:

— Найдите его, пошлите за ним группу, где бы он ни был. Мне он нужен уже завтра.

Дмитрий оглянулся на тело учителя, проворчал:

— Охота было напрягаться...

— Идем, — донесся голос Ельшина.

— До встречи в аду, учитель, — сказал Дмитрий, направляясь следом за начальником.

ЧЕРНОЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Дождливая погода не помешала самолету вылететь в Сочи по расписанию. Семнадцатого апреля в двенадцать часов дня он приземлился в аэропорту Адлера, где сияло солнце и температура днем не опускалась ниже плюс двадцати градусов. Еще через полтора часа Тарас и Тоня, ошеломленная переменой обстановки, прибыли в порт, где их ждал четырехпалубный красавец-теплоход «Айвазовский».

Тарас только внешне казался беззаботным и веселым, подшучивал над спутницей, впервые летевшей на море первым классом, ухаживал за ней, травил анекдоты и рассказывал всякие интересные истории, однако на самом деле был предельно собран и зорок, отмечая не только движение подозрительных лиц, на поверку оказывающихся случайными прохожими, но и пульсации биополей, по которым можно было оценить приближение опасности. К счастью, никто за ними не следил ни в Москве, ни во время полета в Сочи, и в конце концов он поверил, что сумел оторваться от следящих систем «Купола», которые и организовали, по его мнению, операцию с минированием дома. В душе он пообещал после отпуска разобраться с этим делом и примерно наказать исполнителей и заказчиков, чтобы в следующий раз им неповадно было устраивать на него охоту.

Посадка на борт теплохода прошла гладко, они устроились в двухместной каюте на второй палубе и весь вечер просидели на корме у бара, как и два десятка других путешественников, любясь морем, небом, солнцем, закатом, чайками и теплоходом. Тоня наконец пришла в себя, чаще улыбалась, и, если бы не воспоминания о погибших отце и маме, была бы, наверное, на седьмом небе от счастья.

За их столик подсела средних лет пара, они познакомились, и мужчина, назвавшийся Юрой, рассказал им свою историю «нового русского фермера, раскулаченного властью».

В принципе, история была типичной для сотен таких же фермеров, попавших под давление обстоятельств, к которым позднее присоединились — к обстоятельствам, разумеется, — бандиты и государственные чиновничьи структуры, действующие не в пример жестче.

Юрий Алексеевич Кулагин открыл свое дело в селе Катын-Покровское Смоленской губернии еще в тысяча девятьсот девяносто первом году, а закрыл в две тысячи первом, ровно через десять лет.

— Никаких моральных сил не осталось терпеть этот беспредел! — заявил он с усмешкой, одну за другой опорожня кружки с пивом. — Вы не смотрите, что я с виду здоровый, могу кулаком быка зашибить, а вот поди ж ты, не выдержал.

— Я давно советовала ему уехать в город или хотя бы в другую область, — добавила жена Юрия, Валя, такая же крупная, мягкая, улыбчивая. — Так он же упрямый: батя мой не сдавался и я не буду!

— Сдался! — махнул ручищей Юрий. — Десять лет коту под хвост! Кто еще сейчас мало-мальски держится, так это фермеры-животноводы. А я сделал ставку на зерно, ошибочка вышла, никому оно, как выяснилось, не требуется. Продать килограмм ржи, к примеру, сейчас можно рубля за три, а литр соляры стоит шесть-семь. С ячменем, овсом и пшеницей еще нужно лоб морщить: особым образом почву обрабатывать, подкармливать, ухаживать. А рожь засеял — и в ус не дуй, все равно вырастет. Вот я и нарастил... что пришлось потом урожаи за бесценок отдавать, себе в убыток.

— А госзакупки? — поинтересовался Тарас.

— Забудь, нету их давно, — снова махнул рукой Юрий. — Не нужна оказалась моя работа людям. Да и просушить, и хранить зерно негде, рожь надо везти в соседний совхоз с кучей взяток в кармане, иначе ничего не добьешься. А результат такой: шестнадцать процентов зерна теряется по влажности, восемь — из-за засоренности почвы. На сортировке, просушке, хранении — еще двадцать пять процентов. Двадцать как минимум — взятки. Вот и получается — три четверти урожая — ёк! К чему заниматься бесполезным делом?

— И как же вы из этого положения выходите?

Юрий засмеялся.

— Подался в маленькие животноводы. Купил корову, поросят, курей, вот приеду — коз разведу. Говорят, из козлиц делают особую колбасу, как «Виагра» действует. Отдам долги, может, и заживем нормально. Хотя и в этой коммерции хлопот невпроворот, особенно — со сбытом продукции. В Смоленске все рынки — под мафией, попробуй сунься без поддержки!

— Юра, не надо их нагружать своими проблемами, — потянула супруга за рукав Валя. — Люди отдыхать приехали, а ты им свои обиды выкладываешь. Справимся, не впервой.

— И то верно, — смутился Юрий, поднимая кружку. — Будем отдыхать и жизни радоваться, пока возможность имеется.

— Дети есть? — спросил Тарас.

— А как же, трое: две девки и пацан Антон, старший, семнадцать уже стукнуло. В Смоленский пединститут собирается поступать.

— Одни остались?

— Почему одни? С бабушкой и дедом. Да и не балованные они у нас, как говорится, опора и надежда.

— Пошли купаться, — сказала Валя, расстегивая ворот платья. — Жарко. Здесь где-то бассейн есть с подогреваемой морской водой. Раз уж решились отдохнуть, надо все попробовать.

— Это уж точно. — Юрий допил пиво и поднялся. — Заходите в гости, каюта триста двадцатая, на третьем этаже.

— На палубе, — поправила его жена.

— Один хрен, — махнул он рукой, обнимая супругу.

Они ушли.

— Хорошие люди, — задумчиво сказала Тоня; в купальнике она сидеть за столиком стеснялась, но и юбочка с легкой маечкой ей шли необыкновенно. — И, по-моему, счастливые.

— Мне тоже так показалось, — кивнул Тарас, потаенно любуясь девушкой. То, что они остановились в одной каюте, еще ни о чем не говорило, учитывая просьбу Тони, однако и это зыбкое равновесие «платонической любви» не могло длиться долго. Он хотел ее и ничего не мог с собой поделать. Хотя, с другой стороны, твердо знал, что не посмеет — без ее воли и согласия.

— Папа очень любил маму, — продолжала Тоня тем же тоном; она уже привыкла к своему положению, понимая, что родителей нет и не будет. — Они тоже были счастливы. Таких других счастливых людей я не встречала. Но они, наверное, были исключением.

— Я так не думаю, — не согласился Тарас. — Счастливых людей мало, но они есть, вот как Юра с Валей.

— И они тоже — исключение, а как говорится: исключение подтверждает правило.

— Глупости, древние мыслители, на которых привыкли ссы-

латься наши комментаторы их знаний, просто неправильно перевели латинское изречение, которое гласит: исключением по-веряется знание. То есть исключение отвергает правило, им оно проверяется, ибо что это за правило такое, если подтверждается своей противоположностью?

Тоня наморщила лоб, призналась с удивлением:

— Я никогда об этом не задумывалась... действительно, ты прав!

— Не я — мудрецы, наши предки.

— Ты знаешь язык, как настоящий филолог. Вот, кстати, ты обещал научить меня древнему языку.

— Только не здесь, — засмеялся Тарас, с облегчением уводя разговор от скользкой темы. — Представляешь, если мы сейчас в голос запоем «здраво»?

Тоня фыркнула, тряхнула отросшими до плеч волосами.

— Представляю! Начали бы обходить стороной. Между прочим, я бы тоже искупалась. Пойдем поищем бассейн?

— Чего его искать? — Тарас встал. — Он на верхней палубе. Переодеваемся и идем. Кстати, все забываю спросить: как тебе показался Марат?

Перед отлетом они все-таки успели забежать в больницу и навестить теннисиста. Он выздоравливал, мог ходить, но пальцы на руках срастались медленно, и находиться ему в больнице предстояло еще долго.

— Он умный и самоуверенный нахал, — ответила Тоня равнодушно, — хотя, наверное, хороший человек. Мне не понравилось, как он смотрит.

— Как?

Девушка смутилась.

— Так... оценивающе... с хитрецей... наверное, у него много знакомых девушек.

Тарас засмеялся.

— Да уж, хватает. Я еще не видел той, которой он бы не нравился. Ты первая.

— А почему он назвал тебя графом? Ты из какого-то графского рода?

— Это школьное прозвище, — с улыбкой пояснил Тарас. — В детстве я любил читать Дюма, особенно его мушкетерские романы, и хотя в играх роль Д'Артаньяна доставалась не мне, все же меня удостаивали титула «графа».

— Я тоже люблю Дюма, особенно «Королеву Марго» и «Графиню Монсоро», но в игры с мушкетерами не играла.

— У тебя все впереди, королева, — пообещал Тарас.

Он взял ее за руку, и они побежали переодеваться.

В течение двух дней ничего особенного не происходило.

Погода на море стояла отличная. Теплоход изредка заходил в порты Черноморского побережья России и готовился плыть к берегам Турции.

Молодая пара загорала, купалась, исследовала бары и рестораны теплохода, участвовала в шоу и смотрела фильмы под открытым небом — от боевиков до комедий и мелодрам. Тарас посещал кинотеатр теплохода с неохотой, но это нравилось Тоне, и он был вынужден терпеть. К счастью, длилась киноэuforia недолго. Тоня увлеклась изучением Ключей смысла метаязыка и с большой охотой оставалась в каюте, слушая Тараса и жадно впитывая новые знания.

Она быстро научилась входить в трансовое состояние через созерцание мандалы (он всегда возил с собой деревянную досочку с вырезанной на ней искусным мастером «схемы Вселенной»), хотя существовали и другие способы вхождения в транс, приводящие к мистическому прозрению или инсайт-состоянию. Так же быстро Тоня поняла, что такое «звук-не-звук» и как надо произносить слова-символы древнерусского языка, являющиеся по сути Ключами смысла Дэванагари, или метаязыка. Лучше всего у нее получались энергонасыщающие «звукопакеты»: «живо», «здорово», «добро» и «славо», — хотя неплохо подчинялись и другие, известные Тарасу.

Не стал он учить ее только резонансно-управляющим звуко-рядам, способным внушать ужас или чувство блаженства. Он и сам владел ими наполовину, как оружием, а не как комплексами настройки организма (своего собственного или других людей) на вибрационные процессы пространства. Чего-то ему не доставало для полного включения и осмысления этих Ключей. Возможно, любви и согласия. Учитель недаром повторял, что все, лишённые воли, любви, смысла, веры, согласия, обречены слепо двигаться по коридорам лучей чужой воли.

Однако объяснить сей постулат Тоне Тарас пока не мог. Боялся, что она поймет его неправильно. Поэтому продолжал ненавязчиво учить ее воспринимать звуки — всем телом, свет —

сквозь лицо — затылком, сквозь грудь — спиной, энергию неба — ступнями через голову, а энергию земли — макушкой через все тело. Усваивала она его уроки на одном дыхании и нисколько не удивилась, практически убедившись в том, что звук может создавать твердые невидимые препятствия и становится видимым, что есть так называемый «белый шум», отшибающий память у человека, и есть «розовый», восстанавливающий ее.

На третий день путешествия Тарас начал потихоньку приобщать девушку к знаниям Круга, касающимся истории человечества, и поразился тому, с какой серьезностью она воспринимает информацию об Аморфах, Инсектах и Перволюдях. Она ни капли не усомнилась, что былинный Святогор является одним из Перволюдей, хранителем русского Рода, а былинный же и сказочный Змей Горыныч — уцелевшим после Изменения Инсектом, скорее всего — мантоптером, разумным Богомолот. Тоня вообще не сомневалась, что ее учитель говорит правду. Лишь спросила, откуда у него эти сведения. И тогда он рассказал ей о своих «путешествиях во времени» — спусках в прошлое по линии родовой памяти. Впрочем, Тоня и это признание восприняла спокойно, как должное, уже поверив в возможности друга и его нормальность.

Вечер запомнился обоим надолго.

Закаты на Черном море всегда красивы, но этот превзошел все другие по необычности форм облаков и их цветокомпозициям. По горизонту разлилось море золотисто-оранжево-сиреневого света, простреленное струями перистых облаков, алых снизу, темно-синих сверху. Им можно было любоваться долго, и Тоня с Тарасом, затаив дыхание, как и многие отдыхающие пары, наблюдавшие закат со своих палуб, смотрели на феерию цвета и света и не заметили, как очутились в объятиях друг друга.

Первый поцелуй обжег обоим губы и прервал дыхание. Второй длился несколько минут, бесконечно нежный, трепетный, необходимый как воздух, чарующий и невыносимо сладкий. Он сбросил оковы этических норм и возбудил дивное желание п р и н а д л е ж а т ь другому, и они, не сговариваясь, молча, продолжая обниматься и целоваться, не боясь чужих взглядов, направились в каюту и продолжали там у з н а в а н и е друг друга, но уже на другом — в ы с ш е м уровне, где сливаются сердца, и души, и тела...

Она не сказала «нет».

Она вообще не сказала ни слова...

Она не стыдилась...

Только застонала...

Но и боль была сладкой и невыразимо притягательной...

И оба они умерли в этой попытке наслаждением и мукой невыносимого желания...

И воскресли вновь, вдруг осознав, что произошло...

И он молча, взглядом попросил у нее прощения, а потом сказал ей, без слов, что любит...

И она ответила тем же, и ничего их больше не разъединяло, ни возраст — он был старше ее на одиннадцать лет, — ни опыт, ни память прошлого, утраты и потери, ни последствия, ни странство и время...

Лишь засыпая у него на груди, Тоня сонным голосом проговорила:

— Тебе не кажется, что мы все-таки спешим?

— Мы опаздываем, — ответил он убежденно.

Она счастливо улыбнулась и уснула.

А во втором часу ночи на теплоходе появились непрошенные гости...

Их было шестеро, все — в особых боевых костюмах, материал которых почти не отражал света и не пропускал тепловые лучи. Они высадились на идущий крейсерским ходом теплоход с борта небольшого скоростного катера с бесшумным двигателем, который догнал круизное судно на траверзе турецкого города Самсун, в международных водах, в ста километрах от берега. Сообщать капитану и вообще кому-либо из команды теплохода о своем прибытии бойцы неведомого спецназа не стали. Действовали они скрытно, тихо, быстро и точно знали, что, или точнее кого, ищут. Встречавшихся на пути пассажиров, в основном молодых и нетрезвых, они старались обходить, а если не получалось — стреляли в них усыпляющими иглами. И двигались они весьма целеустремленно — с кормы на вторую палубу теплохода, где находился, очевидно, объект их забот.

Здесь уместно будет сделать техническое отступление для описания их костюмов.

Мировой опыт войн последнего десятилетия (Ливан, Сомали, Косово, Македония, Палестина, Афганистан, Чечня, Абхазия) показывает, что в условиях городских застроек и штурма горных баз тактические приемы с применением авиации, танков,

ракет, вообще тяжелых вооружений малоэффективны. Появилась необходимость в концепции интеграции систем управления, связи, разведки и компьютерных технологий для «автоматизации работы воина». Американцы первыми начали разработку «носильных компьютерных комплексов», которую возглавил крупнейший в США системный интегратор радиоэлектронных комплексов компания «Raytheon Systems», создавшая в середине девяностых годов защитный костюм «Пехотинец» («Land warrior»). Полевые испытания костюма были проведены в конце двадцатого века, и он был признан годным для эксплуатации. Дальнейшие разработки привели к созданию «компьютерных киберкостюмов» нового поколения для спецподразделений с IBM-совместимым портативным мультимедийным компьютером на базе процессора Pentium с тактовой частотой 100 и выше мегагерц, оперативной памятью на 32 мегабайта, жестким диском на 400 мегабайт, сменной флэш-памятью на 85 мегабайт и сетевой картой Ethernet. Программное обеспечение такого костюма обрабатывает любые задачи по модульной технологии: отдельно — разведка, отдельно — связь, навигация, топография, донесения, изображение в трех диапазонах, корректировка движения, корректировка огня, опознавание «свой-чужой», медицинская диагностика. Специальные графические программы позволяют вести запись в память видеоизображения, а также его наложение на сетку или цифровую топокарту. Компьютер позволяет ориентироваться на местности, вести переговоры с боевыми товарищами, передавать и получать видеокартинки, опознавать цели, вести химическую и радиационную разведку, обнаруживать мины, а также распознавать голоса командира и бойцов.

Защитный шлем в этой системе по сути является вторым мозгом пехотинца или спецназовца. Он оснащен индивидуальным дисплеем, экраном с высокой четкостью изображения, тепловым и оптическим устройством прицеливания (в том числе в темноте), системой ночного видения, видеокамерой, двумя рациями. Шлем выдерживает прямое попадание девятимиллиметровой пули и обеспечивает защиту глаз от лазерного излучения.

Рации костюма работают на расстоянии до пяти километров, одна связывает бойца с командиром, вторая — с остальными бойцами.

Вся система может работать непрерывно до четырех часов, однако с применением режима «засыпания» отдельных ее частей срок работы без замены батарей увеличивается до двух суток.

Весит такой защитный «киберкостюм» около четырнадцати килограммов, без учета оружия и комплекта выживания.

Однако гости на теплоходе не были американскими диверсантами, а имели реальное российское гражданство. И костюмы на них были отечественного производства, хотя не уступали по характеристикам западным образцам, а кое в чем и превосходили их. К примеру, ткань, из которой они шились, выдерживала удар пули на излете и удар ножом, а главное, изготовленная по технологии «стелс», она делала человека практически невидимым ночью и на местности, и даже в яркий солнечный день превращала солдата в зыбкий, смазанный силуэт.

Такова была экипировка проникших на теплоход неизвестных, позволявшая без шума выполнить не слишком уж и рисковую, по мнению командира, поисковую операцию.

Тарас проснулся от возникшего неудобства.

Прислушался к себе, не открывая глаз, почувствовал скользящий вдоль позвоночника холодок. Что-то изменилось на спящем корабле, и это изменение было негативным и целенаправленным. Призрачно, невесомо и почти неощутимо по палубам теплохода летел поток н а м е р е н и й, опережая тех, кто эти намерения имел.

Тарас тронул Тоню за плечо, прижал палец к ее губам, призывая к молчанию. В каюте было темно, но отсвет фонарей палубы рассеивал мрак, и они вполне видели друг друга.

— Что случилось? — напряглась девушка.

— Пока не знаю... однако у меня плохое предчувствие... собирайся...

Не задавая больше вопросов, Тоня послушно принялась одеваться.

— Вещи брать?

— Не надо, с сумками далеко не уйдешь.

— Жалко оставлять, — огорчилась девушка. — Все такое новое... и денег стоит.

— Мы еще вернемся.

В последнем Тарас уверен не был, но совсем пугать Тоню не хотелось. Тем более что он пока не знал причин своих ощущений. Времени же на выяснение обстоятельств ночной тревоги не хватало, он чувствовал это всей кожей.

— Не отставай и делай все, что я скажу.

— Хорошо, — прошептала Тоня, вздрагивая в нервном ознобе.

Она ничего не понимала, но не задавала глупых вопросов, не охала и не суетилась, заметно облегчая его положение, и Тарас не удержался, чтобы не поцеловать ее и шепнуть на ухо:

— Все будет хорошо!

— Я знаю, — ответила она с простодушной доверчивостью.

Тарас приоткрыл дверь каюты, выглянул в коридор, освещенный двумя плафонами. Никого... Только ток холодного воздуха усилился до покалывания в шее. Он понял, что уйти коридорами не удастся, те, кто шел сюда с весьма специфичным «смертным запахом» биополей, были уже совсем близко.

— Назад!

Он закрыл дверь на ключ, метнулся к приоткрытому иллюминатору.

— Сюда! Я полезу первым, ты за мной.

Неплохо представляя особенности корпуса теплохода, к тому же помогало чувство пространства и расширившаяся сфера «внутреннего зрения», Тарас ужом проскользнул в круглый проем иллюминатора, применив приемы «вынимания» костей из суставов, встал ногами на створку иллюминатора, одной рукой вцепился за край ребра, проходящего по всему корпусу, а вторую протянул спутнице.

— Давай!

Тоня легко вылезла из иллюминатора, затем вспорхнула на плечи Тараса и, поддерживаемая им, цепляясь за решетку вдоль борта верхней палубы, перепрыгнула в проход. Тарас последовал за ней, прилипая к борту, как муха. Несколько мгновений прислушивался к звукам музыки, долетавшим сюда из кормового ресторана, двинулся было вперед, к носу, и не увидел — почувствовал впереди сгущение мрака. Решение пришло мгновенно.

Он развернул Тоню к себе и начал целовать, спиной ощущая приближение таинственного «сгущения», уже догадываясь, что это такое, и молил небо в душе только о том, чтобы Тоня не запаниковала или не начала выяснять отношения в этот момент.

Секунда, еще секунда, еще...

В спину Тараса воткнулось что-то острое, превратилось в кусок льда. Волна холода ударила от этого места во все стороны, парализуя мышцы, перехватывая дыхание, грозя «заморозить» все тело...

Если бы Тарас не находился в состоянии боевого транса, он бы не успел перевести организм в и н а к о в о с т ь и вовремя справиться с атакой «холода» (парализующая игла! — мелькнула мысль), но скорость его нынешнего реагирования на внешние раздражители была на порядок, а то и на два выше обычной, он был сейчас отобилизован физически, физиологически и психически и действовал на уровне *вашиты*¹, хотя в данный момент объектом воздействия был он сам.

— Блок! — крикнул он внутрь себя.

Волна холода остановилась, успев охватить всю спину, но не дойдя до сердца и головы. Спина онемела, но, к счастью, еще не мешала телу действовать на физическом уровне.

Нейтрализация!..

Едва ли впоследствии он смог бы вразумительно объяснить, что и м е н н о сделал. Однако его мысленный приказ подействовал! Химический препарат, парализующий мышцы и в конце концов усыпляющий человека, не дошел до мозга, сработавшие ганглиоблокаторы нейтрализовали его вокруг места укола, и он стал распадаться, трансформироваться, исчезать. Хотя в спине еще долго «торчал камень» пораженных мышц.

В следующее мгновение Тарас в т е м п е прыгнул навстречу противнику, применившему парализатор, за сотые доли секунды разглядел человека в спецкостюме со шлемом, оценил его вооружение и, выдернув у него из руки пистолет, стреляющий иглами, одним движением выбросил за борт.

Вскрик, сильный всплеск, тишина...

На верхней палубе послышались голоса, кто-то перегнулся через поручни мостика.

— Петрович, ты слышал? Вроде кто упал за борт.

— Показалось тебе, — отозвался хриловатый бас. — Пить меньше надо.

— Нет, я точно слышал крик и плеск.

К первой голове присоединилась вторая.

— Ничего не вижу... Эй, там кто-то на третьей палубе...

По знаку Тараса замершая Тоня подвинулась к перилам.

— Девушка, вы ничего не слышали?

¹В а ш и т а (одна из сиддх) — сила исключительного повиновения произнесенному слову, контроль над объектом, в результате которого объект становится покорным слову, мысли, действию.

— Ничего, — покачала головой Тоня.

— Вот видишь, — обратилась вторая голова к первой. — Понудилось тебе, алкаш, пойдем допьем пиво и на боковую...

Голоса отдалились.

Тоня посмотрела на Тараса огромными черными глазами.

— Кто это был?!

— Пират, — отозвался Тарас, вспоминая вычитанную в газете заметку о нападениях пиратов на суда в Южно-Китайском море. Во время одного из таких нападений бандиты связали несчастных моряков рыболовными сетями, а потом хладнокровно расстреляли из автоматов.

— Не может быть, — не поверила Тоня.

Вместо ответа Тарас взял ее за руку и повел в ту сторону, откуда шел человек в спецкостюме. Появилась идея оставить девушку в баре, работавшем круглосуточно, среди посетителей, а самому вернуться и посмотреть, что за команда рискнула высадиться на теплоход в такой крутой экипировке.

Бар на третьей палубе оказался заполненным на треть. Тем не менее Тарас усадил Тоню за столик, велел ждать, заказал ей кофе, оставил деньги и вышел из бара, будучи уверенным, что никакой спецназ не рискнет ворваться сюда и открыть стрельбу. Если уж он появился на теплоходе инкогнито, в маскировочных кибер-костюмах, то и уйти собирался так же тихо и незаметно.

Уже в коридоре Тарас собрал энергию, усилием воли сформировал поле необходимости получать прямую информацию извне и вошел в инсайт-состояние, позволяющее использовать кровеносную систему в качестве магнитной антенны и видеть-чувствовать источники опасности.

Таких источников он насчитал пять.

Два перемещались по левому крылу второй палубы, исследуя каюты. Еще два контролировали выходы со второй палубы на третью и на первую. Пятый источник находился на четвертой палубе и, очевидно, управлял операцией. Однако пока Тарас определял положение команды «киборгов», ситуация изменилась. Двое со второй палубы перестали обшаривать каюты и поднялись на третью палубу, а их коллеги направились к бару вдоль бортов, не отвлекаясь на попадавшихся стюардов и пассажиров. Тарас понял, что его каким-то образом пеленгуют и что начинать контроперацию следует с того, кто это делает, то есть с командира.

Он скользнул по коридору до выхода на четвертую палубу,

вглядываясь в поле внимания. Красные струйки намерений противника начали перегруппировываться, стягиваясь к лестнице с четырех сторон. Несомненно, его каким-то образом вычисляли и вели. Вспомнился совет учителя «думать спинным мозгом». Если неизвестные профессионалы обладали его индивидуальной психикой, они действительно могли наблюдать за ним по рисунку биополей. Следовало этот рисунок изменить.

Оставив на потом выяснение источников сведений о нем, Тарас заглянул в глубь себя, интуитивно вычислил мостики третьей сигнальной системы и переключил сознание: перестал думать головой, освободил ее от мыслей, направив их в нервную систему всего тела и в позвоночный столб.

Ощущение было такое, будто его расчленили!

Совершенно жуткое ощущение, едва не ставшее последним! Лишь каким-то непонятным ухищрением ему удалось собрать разбежавшиеся чувства и мысли в единое целое. Но прошло какое-то время, по собственной оценке — не меньше трех секунд, невероятно много, прежде чем он начал соображать и адекватно оценивать обстановку.

Видел он теперь и вообще ощущал мир иначе, как медуза или скорее живая паучья сеть, но все же смог сориентироваться и начать действовать в прежнем темпе.

Красные струйки чужих волевых устремлений приблизились, загродили все выходы. Неизвестные десантники были совсем близко и, наверно, уже видели его на шлемных экранчиках целенаведения. Интересно, наводчик еще видит его или нет? Вряд ли он поймет, что случилось. Что ж, начали, парни! Вас сюда никто не звал!

Тарас вспомнил слова известной песни ансамбля «Любэ»: «Ветер в харю, а я шпарю» — и шагнул к лестнице.

Глава 22

ХРАМ ПОД ГОРОДОМ

Прием сработал.

Командир операции — то ли по захвату Горшина, то ли по ликвидации — потерял его из виду. Тарас понял это по движению красных струек вражеских биополей на фоне интерференционной картины общего психофизического поля теплохода. Только

что эти пять струек целились в него, неся злую волю, но как только он перешел на «спинномозговое мышление», они остановились и начали растерянно тыкаться во все стороны, что указывало на их зависимость от целеуказаний.

Поскольку в задачу Тараса не входило поголовное уничтожение десанта, он решил ограничиться знакомством с командиром группы, а потом думать, что делать с остальными десантниками. Теплилась надежда, что какая-то из спецслужб (либо Федеральная служба безопасности, либо недавно созданная Федеральная служба расследований) просто проверяет его на профпригодность, чтобы потом предложить место в обойме оперативных структур.

Потолкав двери кают по обе стороны коридора, Тарас обнаружил одну незапертую дверь у лестницы и бесшумно скользнул внутрь, прикрыв ее за собой и заперев на задвижку. В каюте храпели на два голоса два полуголых мужика. Запахи перегара, пота и носков ударили в нос Тараса, нейтрализовали обоняние, едва не лишив возможности видеть. Он заблокировал обоняние вообще, открыл иллюминатор и ужом вывинтился наружу, цепляясь пальцами за нависающий край четвертой палубы. Подтянулся, перетек через релинг прохода, опоясывающего всю палубу по периметру, несколько секунд прислушивался к звукам, доносившимся с других палуб теплохода, и как паук взобрался на крышу палубы. Не останавливаясь, двинулся «по пеленгу» к тому месту, где прятался командир — наводчик десанта.

Через минуту стало понятно, что он расположился за шлюпбалкой, у принаитовленного к четвертой палубе баркаса. Это место не освещалось прожекторами, и отсюда было очень удобно наблюдать за всем объемом теплохода. Разумеется — по экрану системы наведения.

В тот момент, когда командир десанта, обеспокоенный исчезновением сигнала от объекта, высунулся из-за шлюпбалки (видел его Тарас как едва заметное струящееся серое облачко с более яркими прожилками — в инфракрасном диапазоне светились незащищенные полоски запястий, пальцы, шея и щеки), Горшин, подобравшийся вплотную, прыгнул на него с крыши четвертой палубы, пролетел по воздуху пять метров и торцом ладони толкнул его в спину с такой силой, что тот ударился шлемом о колонну шлюпбалки и едва не сломал себе шею.

Тем не менее, поплы в от удара, он попытался выстрелить в противника, наугад выворачивая ствол пистолета-пулемета, и

Тарасу пришлось выкручивать у него из руки оружие и бить еще раз — в лицо, защищенное пластиной устройства ночного видения. Вскрикнув, мужчина в спецкостюме ударился затылком о баркас и потерял сознание. Тарас перешел на более привычное «головное мышление», застыл, осваиваясь с «традиционным» состоянием, прислушиваясь и осматриваясь.

У ног «киборга» стоял на металлической станине шлюпбалки раскрытый ноутбук системы наведения, по светящемуся дисплею которого изредка пробегали более светлые волны, высвечивая контуры корабельных конструкций и ярко вспыхивающие зеленые звездочки членов команды десанта. Судя по их расположению, они все еще торчали у лестницы посреди корабля, контролируя выходы с палуб, ожидая указаний командира.

Тарас снял с противника шлем, пошлепал его по щекам, зажал рот ладонью, чтобы он не закричал.

— Живой?

Мужчина попытался достать из-за спины пистолет. Тарас перехватил руку, выкрутил пистолет, удивляясь его тяжести и необычайно толстому дулу.

— Тихо! Не дергайся! Шею сломаю! Как понял?

Спецназовец замычал, шевельнув рукой.

— Отвечать на вопросы будешь?

Мычание, попытка кивнуть.

— Что за команда? — Тарас отнял ладонь.

— ДДО «Гамма», служба внутренних расследований конторы...

— ДДО — это, надо полагать, диверсионно-десантный отряд? Меня так уважают в вашем ведомстве? Это лестно. Кто послал?

— Майор Золиныш.

— Кто над ним?

— Начальник Управления.

— Фамилия.

— Полковник Гольдин.

Тарас хмыкнул, качнул головой.

— Не знаю таких. Не вешай мне лапшу на уши. Я никогда не встречался ни с майором, ни с полковником. Зачем он послал вас сюда? Захватить, ликвидировать?

— Сообщить, что ваш учитель, полковник Смирнов...

— Елисей Юрьевич? При чем тут мой учитель? Что с ним?!

— Его взяли...

— Кто?!

— Боевики «Купола».

— Что ты сказал?! — Вопрос вырвался сам собой. Ошеломленный известием, Тарас сдавил шею спецназовца, придвинул к себе. — Повтори!

— Его... взяли... солдаты... «Купола»... — просипел «киборг».

— И тебя, бойца ДДО, послали затем, чтобы сообщить об этом?! Достаточно было дать телеграмму капитану. Говори правду! — Тарас сдавил шею противника сильнее, добавил в шепот дикой я р о с т и. — Один из твоих подчиненных стрелял в меня из химшокера! Ну?!

— Это... ошибка... отпусти... они... просто... тебя... не узнали... хрр...

Тарас отпустил спецназовца, потер лоб, собираясь с мыслями. Командир десанта либо искусно врал, либо подчинялся более глубокому внушению, нежели пси-атака Горшина. В любом случае верить ему было нельзя. Но и сообщение о захвате учителя требовало каких-то немедленных действий. Что-то подсказывало Тарасу, что десантник насчет этого не врал.

Взгляд Тараса упал на пистолет с толстым дулом. Он поднес его к глазам, с недоумением потрогал дульный срез, имеющий не одно отверстие, а с десяток маленьких, миллиметрового диаметра. Это был не обычный пистолет с насадкой бесшумной стрельбы, как ему показалось вначале. Это был...

— «Глушак»! — выдохнул Тарас. Направил ствол в лоб «киборгу». — Я из тебя сейчас идиота сделаю! Ведь это гипногенератор, не так ли? Тебя с командой послали угробить меня любой ценой? Считаю до трех! Раз...

— Меня послали убрать тебя, — торопливо захрипел пленник. — Я выполнял приказ, но и захват твоего учителя — правда.

Тарас думал несколько мгновений, подал ему шлем, из переговорного устройства которого доносились шелестящие сигналы вызова.

— Пошли своих парней в трюм! Живо! И не вздумай шутить, ей-богу, пристрелю!

Командир десанта напялил кое-как шлем, проговорил в микрофон:

— Всем вниз, в трюм! Ждать команды!

Тарас сорвал с него шлем, встряхнул.

- На чем вы пришли?!
- На катере... следует за нами в полукабельтове...
- Сколько на нем человек?
- Только рулевой.
- Связь?
- По радиии...

Тарас нащупал на шее спецназовца парализующие точки и погрузил его в сон. Подтянул тело поближе к баркасу, где тень была погуще, и метнулся к центральной лестнице, соединяющей все палубы теплохода.

Тоню он обнаружил за тем же столиком в компании двух молодых парней, разгоряченных вином и надеждами на полноценный отдых. Девушка была напряжена, не отвечала на их шутки и то и дело оглядывалась, ожидая спутника. Увидев Тараса, она вскочила и торопливо подбежала к нему с явной радостью и облегчением в глазах.

— Все нормально? — спросил он, окидывая взглядом разочарованных парней. — Они тебя не обижали?

- Нет, только скабрезничали... и смеялись... пойдём отсюда.
- Именно это я и хотел предложить.

Не обращая внимания на захмелевших молодых людей, что-то кричавших им вслед сквозь музыку, Тарас и Тоня вышли из бара, направились к лестнице.

— Куда мы теперь?

— К сожалению, отдых наш закончился, — нехотя сказал Тарас. — Моего учителя захватили... нехорошие люди. Надо возвращаться в Москву. Хотя, если хочешь, можешь остаться, я полечу один.

— Нет! — быстро сказала Тоня, сильнее сжимая его руку. — Я с тобой! А как мы доберемся до берега?

— Нам подадут транспорт. Жди меня на первой палубе, справа по корме. Я сейчас вернусь.

— Не бросай меня одну! Я... я боюсь...

— Не бойся, малыш, никто тебя не тронет. Можешь даже забежать в каюту и забрать наши сумки. Только не медли, у тебя всего минут десять. Я могу на тебя положиться?

Тоня перестала дрожать, взбодренная необходимостью действовать.

— Через пять минут я буду на корме.

Он отдал ей ключ от каюты, и они разошлись: Тоня побежала вниз, легкая и стройная, как серна, Тарас — вверх. Командира десанта он нашел там же, где и оставил. Привел его в чувство.

— Вызывай катер. Скажешь рулевому, чтобы подошел к борту справа, я опущу трап. И помни: твоя жизнь находится на кончике твоего языка!

Спецназовец натянул шлем, вызвал катамаран.

— Теперь снимай костюм, — приказал Тарас. — Живее!

Командир десанта повиновался, ощутив прилив первобытного ужаса, хотя всегда считал себя человеком без нервов. Через две минуты возни с «киберкостюмом» Тарас превратился в «киборга», натянул шлем и с помощью вздрагивающего от холода и волнения спецназовца вызвал катер.

— Я под правым бортом, — доложил рулевой. — Жду указаний.

— Заберешь меня и девку-заложницу, — голосом командира группы проговорил Тарас. — Будем через три-четыре минуты.

— А остальные? — не понял рулевой.

— Выполняют задание, мы их снимем позже. Конец связи.

Тарас уколom в переносицу — точка *шоку* — усыпил командира ДДО «Гамма», взял его оружие и комплекс наведения и метнулся вниз, на первую палубу, где ждала его Тоня.

Испугаться «призрака», возникшего ниоткуда, она не успела. Тарас притиснул ее к себе, зажал рот ладонью и шепнул на ухо:

— Спокойно, это я! Ничего не спрашивай, следуй за мной и делай покорный вид.

Он в последний раз просканировал «третьим глазом» пространство теплохода, но затаившихся врагов не обнаружил. Десантники в это время спускались в трюм, моряки занимались своими делами, а большинство пассажиров давно наслаждались объятиями Морфея. Пора было уходить.

Тарас спустил трап, стараясь не шуметь, спустился первым вниз и прыгнул на палубу небольшого быстроходного суденышка с динамически зализанной крохотной рубкой и двумя киями на подводных крыльях, махнул рукой, не видя, но физически чувствуя взгляд рулевого, поманил Тоню.

Девушка с тихим возгласом сорвалась с нижней площадки трапа и упала бы в воду, не подхвати ее Тарас. Где-то на верхних палубах послышались возбужденные голоса, вспыхнул прожектор. Видимо, кто-то из экипажа теплохода обнаружил тело ко-

мандира десантников. Тарас повелительно махнул рукой, приказывая рулевому отойти от борта корабля.

Катер накренился вправо, увеличил скорость и по дуге ушел за корму теплохода. Лайнер удалялся, сверкающий иллюминацией, огромный и величественный, унося в своем чреве более тысячи человек пассажиров и членов экипажа.

— Спускайся в кубрик и жди, — подтолкнул Тарас Тоню к люку в палубе катера.

— Что случилось? — высунулся из рубки ничего не подозревающий рулевой. В отличие от десантников, он был одет в обычную морскую робу.

— К берегу! — скомандовал Тарас, не снимая шлема, затем направил на парня пистолет-пулемет. — Где мы сейчас?

— На траверзе турецкого порта Самсун, — ответил изумленный моряк. — До берега миль сто. Ты кто?!

— Агент ноль-ноль-семь, — ответил Тарас. — Гони во всю мочь, еще успеешь к утру догнать теплоход и забрать своих пассажиров. Кстати, один из них упал за борт. Надеюсь, море не холодное и он выплывет.

— ..! — выругался рулевой, увеличивая скорость.

Через полтора часа дикой гонки по волнам катер высадил пассажиров на берегу, недалеко от какого-то поселка. Перед высадкой Тарас разбил панель радиации катамарана, снял спецкостюм и оставил его рулевому. Без оружия. «Глушак» он решил взять с собой.

— Теперь жми обратно. Скандал обеспечен, но это не твоя вина и не моя проблема.

Рулевой еще раз выругался заковыристо, и катер унесся в темноту, как гигантская скоростная торпеда. Тарас нашел в камнях на склоне холма нишу, спрятал в нее пистолет-пулемет и ноутбук системы целенаведения, повернул к себе уставшую от переживаний спутницу. Глаза ее отразили звезды и недалекие огни селения.

— Прости, что так все получилось. Честное слово, я не хотел.

— Я знаю, — кивнула она, вдруг прижимаясь к его груди лицом. — Они хотели тебя... убить?

Он замер, не зная, что сказать.

— Не хочешь — не отвечай, — поняла девушка его колебания. — Я ничего не понимаю и ничего не умею, но если ты захочешь, я пойду, куда ты скажешь.

— Спасибо, — улыбнулся в ответ Тарас. — Всегда мечтал встретить такую, как ты. А о чем мечтаешь ты?

— Не знаю, не задумывалась, хотя, наверное, больше всего хотела бы найти место, где нет войн и несчастий, где никто никого не убивает, и поселиться там.

— Пожалуй, я тоже не отказался бы поселиться в таком месте. У «Любэ» есть песня:

Ай брусничный цвет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет...

— Я не встречала.

— Найдем, обещаю.

Он нежно отнял голову Тони от груди и поцеловал...

Через час они выбрались на окраину поселка, встретили сонного мужика, запрягавшего лошадей, и тот, сообщив, что поселок называется Вуколье, доставил молодую пару на телеге к автостанции. Там Тарас договорился с дежурившим частником, сочинил страшную историю об угодившем в реанимацию друге, и пожилой татарин за два часа (и три тысячи рублей) доставил пассажиров в аэропорт Адлера.

В одиннадцать часов дня они были во Внуковском аэропорту, а в двенадцать Тарас на руках внес уставшую Тоню в свой дом.

* * *

Следующий день едва не начался ссорой.

Тоня отказывалась переселяться к сотруднице Тараса, ему же важно было иметь свободу маневра и развязанные руки, для чего он и предложил дочке прокурора пожить два-три дня у Нины. В конце концов остановились на компромиссе: Тоня согласилась остановиться у Нины, однако с одним условием: он должен был регулярно, не реже раза в день, навещать ее. На том и порешили.

Утром, после зарядки и завтрака (зарядка получилась «двойной», так как обоих неудержимо потянуло друг к другу, отчего вторая часть «зарядки», наиболее приятная, закончилась в постели) Тарас отвез Тоню по знакомому адресу и, более или менее успокоенный, принялся искать каналы выдачи информации о судьбе учителя. Однако поиск оказался значительно сложнее, чем он рассчитывал. Ни один традиционный метод не сработал, в том числе — подключение к Интранету, компьютерной сети спецслужб, которую в России чаще называли Ментанетом. Ос-

новые сведения о «Куполе» оказались засекреченными, а те, что были доступны, содержали только общие положения и ничего конкретного — ни имен, ни кличек, ни занимаемых постов и должностей.

Поразмышляв над ситуацией в тишине своего кабинета, Тарас зашел в офис Комитета, не уведомляя об этом ни начальство, ни сотрудников. Он выключил компьютер и стал обзванивать друзей и приятелей, которые могли хоть что-то слышать о судьбе полковника Смирнова, эксперта аналитического отдела ФСБ. Но и этот путь ничего не дал. Даже коллега Елисея Юрьевича, полковник Науменко, с которым Тараса когда-то познакомил учитель, ничего не слышал об исчезновении последнего. Выходить же на директора службы не хотелось, так как тот сразу задал бы вопрос: откуда Горшин, не являющийся сотрудником конторы, знает о захвате полковника Смирнова боевиками «Купола»? К директору можно было идти, только зная точное местоположение учителя. Поэтому оставались три варианта поиска: попытаться взломать секретные серверы ФСБ и ГУБОПа с помощью хакера, захватить полковника Гольдина из Управления внутренних расследований ФСБ, который рискнул послать за Тарасом группу «Гамма» аж на Черное море, и, наконец, выйти в астрал и поискать Елисея Юрьевича с помощью Ведогона. Если только дух согласится помочь младшему отпрыску рода Горшиных, увлекающемуся физической реализацией в ущерб метафизике внутреннего совершенствования. Тем не менее Тарас решил использовать все шансы один за другим, не считаясь ни с чем, так как совершенно четко понимал, что ни кто, кроме него, не поможет учителю, тем более иерархи Круга, свято соблюдавшие тысячелетние традиции не вмешательства в межчеловеческие разборки первого и второго уровней. Тарас также был убежден в том, что эти традиции необходимо ломать, надо спасать своих сподвижников, а не бросать их в беде, даже если они допустили ошибку. Силы Тьмы можно было победить только всем миром — вместе! История Руси уже неоднократно доказывала этот постулат на деле, тем более в условиях, когда каждый воин был на счету, а потеря мастера и вовсе приводила к поражению.

Сомнений, что он действует правильно, у Тараса не возникало.

В конце дня он созвонился с Витюшей Кучиным, работающим в частной фирме компьютерщиком, и договорился о встрече. С Витюшей он был знаком уже несколько лет, впервые встре-

тившись с ним в Норильске, куда Горшина закинула судьба эксперта по экологии. В те годы Кучин занимался разработкой сайтов для организаций и частных лиц, случайно влез в файлы местных энергетиков, обнаружил кое-какие отклонения в строительстве ТЭЦ и честно доложил об этом начальству. Это привело к десанту экспертов Комитета, закрытию строительства и ряду судебных процессов. Витюше пригрозили выколоть глаза и вырвать язык, он пожаловался на это Тарасу, и тот помог ему перебраться в Москву. А так как этот человек был профессионалом своего дела и мог обойти защиту любых серверов, Тарас поддерживал с ним приятельские отношения и приглашал изредка в гости. Помимо компьютеров, Витюша знал и много чего из других областей науки и техники и был интересным собеседником. К тому же он безоговорочно верил Горшину и оставался, наверное, единственным специалистом, который мог ему помочь, не спрашивая о законности и этической стороне данного мероприятия.

Однако планы неожиданно пришлось менять.

Когда Тарас уже садился в машину, рядом вдруг возник какой-то высокий человек в сером плаще, открыл дверцу кабины с другой стороны и сел на переднее пассажирское сиденье, повернув голову к водителю. Тарас оторопело вскинул глаза на гостя и, встретив его спокойный, ясный взгляд, расслабился. Перед ним сидел пентарх Герард, Хранитель Круга, ответственный за «кадровую политику». Хотя, наверное, это было не единственное поприще пентарха, за которое он отвечал положением и жизнью.

— Здраво, воин, — произнес Герард звучным голосом. Выглядел он достаточно молодо, лет на сорок, на самом деле жил этот человек уже несколько сот лет.

— Здраво... — пробормотал Тарас.

— Прости, что без предупреждения. Есть тема для недолгой беседы.

— Слушаю вас.

— Поехали.

Тарас вопросительно приподнял брови, и пентарх добавил:

— Знаешь, где располагается бывший Зачатьевский женский монастырь?

— Где-то на Остоженке, по-моему. Но ведь монастырь разрушен.

— От него действительно сохранилась лишь часть стен да

фундамент, но надвратную церковь Спаса недавно восстановили, и в ней уже проводятся богослужения. Нам туда.

Тарас завел двигатель и выехал на улицу.

Пока ехали по городу, молчали. Герард был задумчив и смотрел перед собой, решая какую-то из очередных задач. Лишь однажды он спросил, каковы успехи Горшина в изучении метаязыка. Тарас ответил, что некоторые Ключи смысла не только не поддаются расшифровке, но и не произносятся. На что собеседник усмехнулся и сказал:

— Если бы все вербальные Ключи метаязыка можно было произнести любому человеку, человечество уже прекратило бы существование. Современная цивилизация имеет переходный характер, ей нельзя доверять все тайны магического оперирования материей. Кое-кто уже дооперировался, что поставило земную реальность в разряд запрещенных. Кстати, Ключи на самом деле — только многомерные голографические коды метаязыка, их знание еще не дает человеку права считать себя в ы ш е закона. Если к ним подходить только как к символам и звуковым пакетам, сущности метаязыка не понять. Подходить к их осмыслению надо системно.

— Мне это говорили, — сухо сказал Тарас.

— Я знаю, — кивнул пентарх. — Просто еще раз расставляю акценты. На наш взгляд, твой учитель слишком рано посвятил тебя в тайны этой проблемы. Хотя, с другой стороны, это — основной путь Посвященного.

— Вы хоть знаете, что с ним случилось? — не выдержал Тарас.

— Знаю, — спокойно ответил Герард. — Он заложник Конкере.

— И вы ничего не делаете, чтобы его освободить?!

— Именно по этой причине я и встретился с тобой. Мы не хотим, чтобы ты шел Путем потерь. Это дорога в никуда.

— Объяснитесь!

— Потерпи, сейчас мы приедем в одно место и побеседуем.

С Остоженки свернули к набережной Москвы-реки, остановились возле небольшой церквушки из красного кирпича с белыми фронтонами. Это и была надвратная церковь Спаса, построенная еще в конце семнадцатого века и восстановленная три столетия спустя. Однако Герард повел Тараса не в саму церковь, а обошел ее и во дворе свернул к низкой пристройке, напоминающей склеп, с небольшой железной дверью, запертой на амбар-

ный замок. Пентарх коснулся его пальцем, и на глазах заинтересованного Тараса замок открылся.

Дверь, толстая, казавшаяся монолитной чугунной плитой, также отворилась сама, без визга петель. По двору прошел монах в рясе, перебирая четки, но на гостей даже не взглянул. Скорее всего, он их не видел. Дверь тихо закрылась за шагнувшими внутрь посетителями, отрезав все звуки и свет. Фигура Герарда оделась в мягкое серебристое сияние, стали видны стены и пол строения. По узкой деревянной лесенке они спустились в подвал, открыли еще одну металлическую дверь и долго считали каменные ступеньки другой лестницы, с пролетами высотой около полусотни метров каждый. Когда Герард остановился, Тарас прикинул, что находятся они примерно на двухсотметровой глубине под Москвой, гораздо ниже любого колодца метро.

Пентарх подвинулся, чтобы его спутник мог разглядеть очередную дверь, имевшую странный вид. Впечатление было такое, будто она была покрыта отливающими шелковой малахитовой зеленью крыльями гигантских жуков. Во всяком случае, это был не металл и не пластик, Тарас мог в этом поклясться.

— Проходи, — покосился на него Герард.

Тарас воспринял команду как тест, коснулся рукой выпуклого ромба «крыла жука» и не удивился, когда рука не встретила сопротивления, одевшись в ореол зеленоватого свечения. Тогда он шагнул вперед, пронизал неощутимую, хотя и отчетливо видимую преграду и оказался на балюстраде, опоясывающей колоссальный квадратный зал с бугристым каменным потолком и такими же стенами. Глубина зала достигала ста метров, каждая сторона квадрата — около шестидесяти, и весь объем зала занимала гигантская, светящаяся изнутри как единый кусок янтаря постройка, форму которой описать было невозможно. Больше всего она походила на чудовищный термитник, но термитник геометрически совершенный, созданный по всем канонам строительной науки с учетом «золотого сечения» и «вурфа» и принципов фрактала.

Тарас замер, вцепившись руками в каменный поручень балюстрады, пораженный красотой и более всего — необычностью и чужеродностью «термитника», созданного явно не человеческими руками и производящего на созерцателей потрясающий эстетический эффект.

— Не может быть! — очнулся Тарас, слепо оглянувшись на терпеливо ожидавшего Герарда. — Это же... замок изоптеров!

— Термитов разумных, — кивнул проводник, также разглядывающий строение древних Инсектов. — Под Москвой сохранилось около сотни таких подземных храмов, созданных десятком видов Инсектов — от пчел и термитов до клещей и комаров.

— Да! — кивнул Тарас, с трудом сбрасывая оцепенение, вызванное созерцанием термитника. — Они должны были где-то храниться... теперь я понял... — Он посмотрел на пентарха. — Зачем вы мне его показали?

— Ты мне симпатичен, воин, — без тени улыбки проговорил Герард. — Обычно я не контактирую с Посвященными твоего уровня, но есть нечто, заставляющее меня сомневаться в правильности выбора твоего учителя.

Тарас стиснул зубы.

— Слушаю.

— Нет-нет, поучений и наставлений не будет, — покачал головой пентарх. — Я хотел показать тебе то, ради чего когда-то был создан Внутренний Круг. — Он кивнул на сооружение в центре зала. — Круг — лишь х р а н я щ а я организация, не творящая и не стремящаяся переделать мир даже с самыми благими намерениями. Мы — Хранители древних культур, и только. Восстановлением порядка и справедливости занимаются другие структуры.

— Но седьмой план Круга — это воины, кшатрии, и я тоже воин...

— С одной лишь добавочкой — воин д у х а. А это уже качественно иная форма мировоззрения. Мы не возражаем, когда в наши ряды приходят люди боя, профессиональные воины и защитники, не потерявшие души и совести. Кстати, таких мало. Но и они должны следовать закону интеллектуальной чистоты: не совершай д е я н и й, опирающихся на эмоции.

— Я понял. — Тарас отвернулся и тут же снова посмотрел на проводника. — Но я не могу и н е х о ч у бросать в беде друга... учителя. И не брошу! Если не поможете ему вы, это сделаю я, чего бы мне это ни стоило! Иначе зачем тогда жить? Ради сохранения этих мертвых осколков древних знаний?! Но ведь жизнь людей значительно ценнее! Или я чего-то не понимаю?!

— Жизнь ценнее, — кивнул Герард со вздохом сожаления. — Именно поэтому мы не можем рисковать жизнью других иерархов Круга и Посвященных ради спасения о д н о г о. Кстати, эти, как ты выразился, «мертвые осколки древних знаний» далеко не мертвы.

Тарас скривил губы, собираясь высказать все, что он думает по этому поводу, но встретил понимающий и предостерегающий взгляд пентарха и удержался. Сказал глухо:

— Я привык жить иначе. Если я не помогу другому, то и мне никто не поможет. Прошу только одного: дайте координаты базы или помещения, где содержится учитель. Дальше я пойду один.

— Ты погибнешь.

— Возможно. Однако совесть моя будет чиста, а это для меня пока главное законов Круга. Посчитаете нужным отчислить меня из кандидатов в Хранители — я пойму.

— Хорошо, — сказал Герард. — Мы подумаем. Возможно, информационная помощь будет оказана. Маленький совет, прежде чем мы расстанемся: береги Антонину. Она пробуждающий-сенс и вполне может войти в нашу систему. Отныне ответственность за ее путь и жизнь тоже лежит на тебе. Теперь иди, я еще побуду здесь какое-то время. Двери откроются и закроются за тобой сами.

— Спасибо, — пробормотал Тарас, сделав полупоклон. Бросил взгляд на сияющий храм Инсектов и с опаской шагнул в «голографическую» дверь, еще не привыкнув к ее нематериальности.

— Раньше говорили: с п а с и Б о г, — задумчиво сказал Герард, сложив руки на груди. — Что ж, спаси Бог тебя, воин...

Обратно Тарас выбирался двадцать минут, размышляя над тем, что увидел и услышал. Но решения своего не изменил. Учителя надо было вызволять любой ценой, даже вопреки мнению иерархов Круга, закосневших в своих определениях ценностей жизни.

Глава 23

ИЩИ ВЕТРА В ПОЛЕ

Тоне о своей встрече с пентархом он ничего не рассказал. Не потому, что не доверял ей или боялся, что она не поверит, просто не хотел ее волновать. Она и так напереживалась за последние несколько дней на много лет вперед.

Вечер они провели втроем с Ниной, не выходя из квартиры. Сотрудница Тараса отнеслась к своей квартирантке с доброжелательным интересом и вниманием, ввела ее в курс большинства

столичных новостей и принялась учить светским манерам, хотя Тоня в этой учебе, по мнению Тараса, и не нуждалась. Тем не менее такая опека отвлекала девушку от горестных воспоминаний и заставляла думать о будущем. Нина, понимая, что с ними происходит, вела себя достаточно тактично, показав лучшие качества хозяйки, за что Тарас был ей очень благодарен. У него не раз возникал вопрос, почему бухгалтер Комитета живет одна, будучи красивой и умной женщиной, потом пришла догадка: критерий отбора у таких женщин, имевших опыт общения с мужчинами, настолько высок, что мало кто дотягивает до «планки».

Нина, угостив Тараса ужином, прикинулась занятой, вспомнила о подруге, которую надо было «срочно навестить», и оставила молодых наедине друг с другом. Тоня, смущенная подтекстом этой «занятости», не знала, что говорить и что делать, и Тарас пришел ей на помощь, предложив позаниматься произношением Ключей метаязыка. Однако девушка отказалась, еще раз показав, как тонко она чувствует его переживания и желания.

— Ведь она все понимает? — проговорила Тоня, кивая на закрывшуюся дверь. — Что мы... что у нас...

— Понимает, конечно, — мягко улыбнулся Тарас. — Но ведь мы не делаем ничего дурного. Или ты считаешь иначе?

— Ты прекрасно знаешь, что я думаю, и ничего не боюсь.

— Ты так и не ответила, пойдешь ли за меня замуж.

Тоня вздрогнула, округлила глаза, удивленно изогнула брови.

— Ты... всерьез... этого хочешь?

Он согнал улыбку с губ, подошел вплотную, заглянул в глаза девушки, ставшие глубокими и загадочными.

— Хочу!

Она снова вздрогнула, потянулась к нему, прошептала с каким-то сожалением, осуждением и недоверием:

— Я ничего не понимаю в жизни... я некрасивая... тебе нужна другая, такая, как Нина...

— Мне нужна ты!

Она подняла лицо, просиявшее такой доверчивой и чистой радостью, что он задохнулся от нежности и любви.

— Правда?

И тогда он поцеловал ее и подхватил на руки...

Нина пришла через полтора часа, по лицам гостей определила их состояние и поспешила приготовить глинтвейн, не умолкая ни на минуту, пригласив Тоню на кухню, чтобы показать, как го-

товится напиток. Тарас, пока они возились с глинтвейном, позвонил Витюше еще раз, наткнулся на автоответчик и понял, что время отдыха прошло, настало время действий. Он зашел на кухню и объявил, что уходит по срочному делу.

— Даже не попробуешь моего фирменного алкоголя? — огорчилась Нина.

— Извини, не могу, мне надо иметь свежую голову.

Тоня посмотрела на него вопросительно, и он добавил успокаивающе:

— Предстоит встреча с одним сумасшедшим компьютерщиком. Я вам потом позвоню.

— Жаль, — вздохнула Нина. — А можно, я приглашу подругу? Она тоже сейчас кукует в одиночестве, мужа выгнала. Посидим втроем, поболтаем.

— Я ее знаю?

— Это Света Кашина, я тебе рассказывала, она работает менеджером в рекламной компании.

— Какие могут быть вопросы? Это твоя подруга и твой дом. — Тарас чмокнул Тоню в щеку. — Не скучай, художница, я приду завтра.

— Скучать ей не придется, — со знанием дела сказала хозяйка, — это я обещаю.

Он послал Тоне ментальную улыбку с ароматом грусти и ожидания, и по тому, как у нее шире раскрылись глаза, понял, что девушка восприняла его послание. И еще он понял, что случайной их встреча в Чечне не была. Тоня имела не только талант художника, но и задатки видящего. Из нее вполне мог проклюнуться экстрасенс, а в перспективе — Посвященный Круга.

Домой Тарас возвращался с нетерпением, твердо и окончательно решив использовать для поисков учителя все свои паранормальные возможности. Он просканировал дом и район вокруг «третьим глазом», ничего угрожающего не обнаружил и устроился в гостиной, не зажигая света, готовясь к выходу в пространство Хроник.

Минуты сосредоточения на солнечном сплетении оказалось недостаточно. Тогда он положил руки на затылок, глубоко втянул носом воздух, наклонился вперед, задерживая выдох. По телу прошла ударная волна тепла, смывая отвлекающие ощущения и мысли. Он выпрямился, все еще не торопясь выдыхать наполнявшийся углекислотой в легких воздух, качнул корпус слева на-

право с затухающей амплитудой и только тогда выдохнул со звуком о-о-о-у-у-у-м-м-м...

Тело и сознание перестали ощущаться отдельно, стали одним целым, сгустком воли и ума, отражавшим колебания полей Мироздания. Затем этот сгусток заполнил собой объем комнаты и вышел за пределы дома, становясь частью более мощной энергоинформационной системы, в свою очередь, являющейся лишь ступенькой к Хроникам Акаши — энергоинформационному полю Вселенной. Вместе с тем объем окружающего тело пространства продолжала контролировать периферийная часть чувственной сферы, и любое изменение обстановки немедленно было бы проанализировано и доложено главному «я» Тараса.

Перед глазами замелькали странные картины (конечно, видел он сейчас не глазами, а подсознанием, хотя по привычке продолжал использовать описания и термины земной жизни), он как бы спускался вниз и одновременно поднимался вверх, над панорамами неких призрачных миров и бездн, и, наконец, вылетел в беспредельное, текучее, живое, шепчущее и светящееся нечто, называемое адептами Круга порогом Великой Пустоты, за которым начиналось *тайдзокай* — Чревохранилище Вселенной, или Хроники Акаши. Зная ключи, приемы и коды подсоединения к «файлам» Хроник, можно было «скачать» любую информацию о любом явлении прошлого и будущего. Однако Тарас Витальевич Горшин, Посвященный седьмого уровня Внутреннего Круга человечества, еще не был допущен к уровню *тайдзокай*, а уровень *к о н г о к а й* — «сфера неразрушимого», сущность духовной ответственности за все совершаемое, и вовсе казался ему недостижимым. Правда, для решения утилитарной задачи, ради которой он вышел в поле Хроник, этот уровень не требовался.

«Ведогон!» — позвал Тарас.

В бесконечном океане света взметнулись туманные струи, проявляя чье-то струящееся, изменяющееся, текучее, неопределенное лицо.

«Мы слушаем», — ответил дух рода с какой-то печалью. Похоже, он знал причину вызова, заставившую последнего потомка родовой линии Горшиных выйти в информационное «болото» астрала.

«Прошу прощения за беспокойство, но мне совершенно необходимо узнать координаты места, где в данный момент находится мой учитель Елисей Юрьевич Смирнов».

«Мы уже предупреждали, идущий. Ты избрал неверную дорогу, она ведет в пропасть».

«Речь идет о жизни и смерти человека!»

«Жизнь — лишь небольшая пауза в океане Вечности. А смерть все равно найдет причину, как от нее ни убегай. Это закон. Твой учитель обречен».

«Плевать мне на закон! Я хочу спасти учителя! Дайте мне координаты его тюрьмы, и больше я вас ни о чем не попрошу».

«Это неправильное решение, младший. Мы не хотим давать ответы, ведущие к твоему преждевременному уходу из данной реальности. Ты увлекся сведением счетов, в то время как должен был заниматься у с т р о е н и е м знаний древних Текстов, которые дали бы тебе возможность самостоятельно рассчитывать поля возможных траекторий любого живого существа».

«Может быть, я в чем-то и ошибаюсь, но сейчас мне нужно спасти дорогого мне человека».

«Его невозможно спасти».

«Это ваше мнение. Я думаю иначе. И вообще, вы должны отвечать на мои вопросы, так как являетесь хранителем рода!»

«Мы обязаны защищать род, а с твоей смертью он прекратится».

«Я требую!»

«Сожалею. — Лицо из струй золотистого тумана, то проявляющееся в сиянии облаков и лучей информации, то пропадающее, опечалилось. — Мы советуем пореже выходить в пространство Хроник без дополнительной защиты. Наши силы не беспредельны, а тебя здесь давно ищут охотники носителя Тьмы. Отвечая тебе, мы ослабляем защиту, и когда-нибудь ты будешь атакован на уровне, который тебе не доступен. Прощай».

«Значит, вы бросаете меня?»

«Мы защищаем тебя, как можем».

Лицо духа-хранителя — ментальный образ, проявленный фантазией Тараса, — исчезло. Световая бездна всколыхнулась. Из неведомых глубин информационного «болота» всплыло мрачное фиолетовое пятно со множеством щупалец, напоминавшее спрута. Беги! — шепнул сторож организма. Тарас замешкался и едва не поплатился за это — «спрут» метнул в него щупальце, которое мгновенно преодолело разделявшее их расстояние, и, наверное, «сожрал» бы неопытного путешественника по астралу,

но на пути щупальца возникло звездообразное зеркало и отразило большую часть темноты. До сознания Тараса долетела почти прозрачная голубоватая струя неизвестной субстанции, похожая на струю реденького дыма. Но и ее оказалось достаточно, чтобы выбить Тараса из сферы видения и затемнить сознание. Как сбитая на лету птица он рухнул вниз, в бездну, растворяясь в грохочущем гуле и леденящем кровь страхе...

Очнулся он через несколько минут, судя по стрелкам часов, хотя внутренние ощущения давали другую величину — несколько часов. Прислушался к пространству вокруг, ожидая появления «пауков угрозы», но все было спокойно, никто не проявлял к его дому особого внимания, не следил и не готовил нападений, и Тарас расслабился, ощущая блаженство покоя. Вспомнился старый анекдот про ангела-хранителя, вполне соответствующий ситуации.

Подгулявшая компания едет в машине. Водитель-лихач гонит, нарушая все правила движения, так что даже у подвыпивших приятелей сжимается от страха сердце. «Останови, Вовик, — просят они водителя, — мы лучше выйдем». — «Труссы, перестраховщики! — восклицает водитель, останавливаясь. — У меня есть ангел-хранитель, он меня всегда остановит и спасет». Приятели выходят, он снова давит на газ и выруливает на встречную полосу. Тут кто-то вежливо хлопает его по плечу: «Останови, братан, это я, твой ангел-хранитель. Пожалуй, я тоже лучше выйду...»

Тарас слабо усмехнулся. Ведогона нельзя было назвать ангелом-хранителем, но сходство анекдота с тем, что произошло между духом рода и Горшиным, было разительным.

— Ладно, я и сам справлюсь, — проговорил Тарас вслух, погружаясь в полузабытье. — Никто не запретит мне спасти учителя...

Затем он уснул и увидел продолжение сна, который Елисей Юрьевич называл зонгом — наведенной пси-передачей.

Тот же величественный зал храма с колоннами, пюпитр с лежащей на нем Книгой ключей, огромный резной трон, резные треножки с каменными шарами, пол из плит бархатистого розового камня. И туманная пелена, скрывающая дальнюю стену зала, в которой изредка вспыхивает, проявляется и исчезает прекрасное женское лицо, внимательное и печальное.

Осторожно ступая по скользким, на вид жирым плитам, Та-

рас приблизился к пюпитру, ожидая, что ему снова предложат почитать древние Тексты. Но Книга вдруг расплылась клубом дыма, превратилась в птицу, которая взмахнула крылами и нырнула в призрачную пелену дальней стены. Тарас замер, ошеломленный таким явно демонстративным нежеланием Книги раскрывать ему свои тайны. На глаза навернулись слезы. Потеря была велика, и душа опечалилась.

— Ты сам виноват, незавершенный, — прилетел из дальних далей мягкий, сожалеющий женский голос. — Твои решения пугают наставников. Чего ты хочешь добиться, пытаешься реализовать свои возможности на физическом плане?

Слезы мешали видеть, но Тарас боялся их вытереть. Ответил с мрачной решимостью:

— В нашей реальности возмездие преследует каждого, но мало кого догоняет. Я хочу исправить этот псевдозакон. Кто-то сказал, что в мире есть и святые, и бандиты, но первые всегда действуют в рамках, которые устанавливают вторые. Я считаю, что бандитов должно быть как можно меньше.

Из пелены выступила женская фигура в струящемся световом платье, на Тараса глянули прекрасные золотые глаза, полные ума, силы и печали. Он замер, пораженный неземной величественной красотой незнакомки, зная уже, что это спутница и она же — вторая ипостась инфарха, Алконост. Женщина улыбнулась, качнула головой и повернулась спиной, за которой вдруг распахнулись белоснежные крылья, исчезла, донесся только ее голос:

— К сожалению, с уменьшением количества бандитов количество святых не увеличивается, идущий. Да, закон адекватного ответа в твоей реальности работает слабо, но все же зло всегда накажет себя само. Никто не придумает себе лучшего наказания, чем тот, кто совершает зло.

— В другой жизни? — скептически скривил губы Тарас.

— И в другой тоже. Твой опыт не изменит расстановку сил в пользу Светлых исходов. Физическое устранение носителей зла не дает избавления от переживаний и не помогает погибшим.

— Но возмездие позволяет простым людям верить в справедливость. Зло должно быть наказано! А я — воин.

— Воин не должен придавать своим делам большего значения, чем они того заслуживают. Путь воина твоего уровня —

безупречность. Однако наряду с такими качествами, как острота восприятия чужой боли, своевременность вмешательства...

Тарас поднял голову, не веря, что его мимолетно, но похвалили. Однако воздержался от высказываний на эту тему.

— ...личная сила, физическая и внутренняя, воля, воин безупречности должен обладать ответственностью, — продолжала собеседница. — Ты бываешь нетерпелив и негибок, а главное — теряешь самоконтроль. В идеальном воине должны гармонично сочетаться владения боевыми искусствами и любым ремеслом, самодисциплина и свобода от плотских желаний. Ты уверен, что достиг этого плана?

Тарас опустил голову, нехотя выдавил:

— Нет...

— Вот видишь, — огорчилась Алконост. — Как же ты встанешь на путь истинный, не желая подчиняться этическим нормам этого пути?

— Я... постараюсь... хотя есть обстоятельства... я не могу бросить в беде друга... учителя...

— Никто не заставляет тебя бросать друга в беде, но есть предел необходимой обороны от зла, за которым твои добрые намерения сами становятся злом. Запомни: воин должен прислушиваться к сердцу, ибо оно — канал связи с божественной силой; пока воин чувствует сердцем правду, он непобедим.

— Я запомню, обещаю...

— Удачи тебе, идущий...

Пелена тумана потемнела, зал неведомого храма подернулся дымкой, растаял...

Тарас проснулся с мокрыми от слез глазами, лежал немного, жалея, что рядом нет Тони, и вдруг услышал-почувствовал прилетевший ментальный звук-импульс:

— Та-а-а-ра-а-ас-с-с...

Встреппенулся, бросая в ночь ответный зов:

— То-о-о-ш-ш-ка-а-а-а...

Перед глазами возникло видение: Тоня в полупрозрачном белом сарафанчике идет босая по траве, протягивая к нему руки...

Он вылетел из тела и бросился к ней навстречу, ощутив самый настоящий взрыв изумления, любви, нежности и тепла. Затем видение растаяло, но канал, соединивший их, остался. Те-

перь они могли слышать друг друга сердцем на больших расстояниях и поддерживать эмоциональный разговор, что было немаловажно в условиях войны, затеянной Тарасом с легионом Тьмы. В случае угрозы жизни Тони он мог вовремя оценить опасность и прийти к ней на помощь в любой момент.

Послав девушке воздушный поцелуй, он задремал, успокоенный. Но сон с храмом больше не возвращался. Ему сообщили все, что хотели, проявив удивительное терпение и расположение.

— Я оправдаю... — пробормотал он в полусне, не обращаясь ни к кому в особенности.

И кто-то над ним, высоко в небе, а может быть, внутри его и внутри мира, грустно улыбнулся в ответ на обещание.

* * *

Утром он проснулся бодрым, энергичным и уверенным в своей правоте. Позвонил Нине, поговорил с Тоней, обрадовав ее нечаянным словосочетанием «любимая сударыня», и поехал к Витюше Кучину на работу.

Офис частной фирмы «Меюс» располагался на втором этаже старого здания на Цветном бульваре, как раз напротив цирка. Охранник пропустил Тараса, не взглянув на документ, запомнив его, очевидно, с первого посещения, хотя Горшин был здесь полгода назад. Вопреки ожиданиям, Витюша не сидел у компьютера, составляя с ним единое целое, а слонялся по коридорам и кабинетам офиса с унылой физиономией. Увидев Тараса, он обрадовался, стиснул его руку своей лапищей — был Витюша Кучин похож на потолстевшего былинного богатыря, на минутку сбросившего кольчугу и латы, — и отвел в сторонку с виноватым видом.

— Извини, Витальевич, неувязочка вышла. У меня «мама» полетела, менять надо, а в наличии нету, вот жду, прохлаждаюсь. Кофе хочешь? Можем посидеть пока в баре, если ты не спешишь.

Под «мамой», очевидно, подразумевалась материнская плата компьютера, хотя невозможно было представить причину выхода ее из строя.

— Сколько времени потребуется на замену? — спросил раздосадованный Тарас.

— Часа полтора, не меньше, — развел руками Витюша. — Пока привезут, пока установят. Кстати, тебя искал какой-то тип в плаще. Я даже удивился — с чего это он вдруг спрашивает, когда ты придешь?

Тарас насторожился.

— Он представился?

— Сказал, что от какого-то Ведогона и что у него есть нужная тебе информация.

Екнуло сердце. Неизвестный доброжелатель не мог знать о существовании Ведогона, вообще никто из людей не знал, кроме учителя и иерархов. Звонить мог только один из них, решив-таки помочь ему найти учителя.

— Он оставил номер телефона?

— Нет, сказал, что позвонит через час. — Виктор глянул на часы. — Осталось минут двадцать, еще успеем глотнуть кофейку.

Они направились в бар на первом этаже. Витюша восторженно рассказывал о новом варианте игры «Демидур», Тарас размышлял о том, откуда незнакомец, представившийся «другом Ведогона», узнал о его визите к компьютерщику.

Заказали кофе — оба предпочитали капучино. Тарас коротко сообщил Витюше о цели своего визита, тот махнул рукой: для тебя я готов на любую авантюру, — и они вновь поднялись в офис фирмы «Меюс», где Витюша сразу сел за свой починенный персональный «Пентюх», как он называл компьютер «Пентиум-4». Тарас присел на стул за его спиной, но тут же вскочил, услышав телефонный звонок.

Витюша снял трубку, выслушал, подозвал приятеля:

— Тебя.

— Слушаю вас, — коротко сказал Тарас.

— Не ищи ветра в поле, Посвященный, — раздался в трубке бестелесный равнодушный голос, — не подвергай риску посторонних людей.

— Кто говорит? — глухо спросил Тарас.

— Не важно, главное, что не враг. Ты не оставил попыток найти учителя?

— Где он?!

— Известие тебя не обрадует. Он в руках сил... гм-гм, скажем так, сил Тьмы.

— Конкретные координаты! Где?!

— В бункере электротехнической лаборатории Института энергетики, принадлежащего РЭК.

— Я понял, то есть господину Рыжайсу, президенту РЭК и «Купола».

Короткое молчание.

— Ты неплохо осведомлен о роли... гм, господина Рыжайса.

— Адрес лаборатории!

— Сенная улица, примыкающая с севера к Нескучному саду, дом четыре, строение три. Может быть, одумаешься, Посвященный? Риск превышает все допустимые нормы.

— Спасибо за информацию. Жизнь человека стоит любого риска. Кто вы все-таки?

— Тот, кто з н а е т. Когда-нибудь встретимся... если откажешься от затеи вызволить старика, закончившего свой путь.

В трубке затухал сигнал отбоя.

Тарас положил трубку, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Звонил явно не враг, судя по свечению телефонной линии, но и не друг. Доброжелатель... «друг Ведогона»... Может быть, тоже дух? Чей? И почему он согласился выдать тайну, которую не стали раскрывать даже иерархи Круга? Не значит ли это, что адрес указан ложный? И там ждет засада?..

— Что застыл? — удивился Витюша, разминая пальцы. — Поехали ломать чужие секреты. С чего начнем?

— Отбой... — очнулся Тарас, стремительно направляясь к выходу, но остановился и вернулся к ошеломленному компьютерщику. — Можешь уточнить по адресу, кому принадлежит здание недалеко от Нескучного сада?

— Да нет ничего проще!

Тарас продиктовал адрес лаборатории, и толстые, как сосиски, пальцы Витюши проворно запорхали по клавиатуре с легкостью бабочки. Через минуту он крикнул, вцепился в шевелюру, дернул и сказал:

— Ни хрена себе!..

— Что там?

— Информация закрыта, а защита настроена на поиск запрашивающего... Ладно, попробуем по-другому.

Пальцы Виктора снова забегали по клавиатуре компьютера, причем он на нее не глянул ни разу, словно клавиатура была продолжением его тела.

— Ну вот, это совсем другое дело. — Компьютерщик удовлетворенно откинулся назад, ткнул пальцем в экран. — Улица Сенная, четыре, дробь три, принадлежит Институту энергетики.

— Спасибо, Витя, ты мне очень помог! — Тарас стиснул плечо приятеля, направился к двери.

— И это все, что ты искал? — разочарованно бросил ему вслед Витюша.

— Пока все. Возможно, я еще приду к тебе за помощью. Только никому не говори о моем визите.

Растерянный Витюша еще что-то говорил, но Тарас его не слышал. Отсчет времени пошел. В голове крутились слова неизвестного информатора: «Если откажешься от затеи вызволить старика, закончившего свой путь». Что он имел в виду? «Закончившего свой путь...» Неужели учитель мертв?!

Выжимая все силы из рыдающего мотора, он гнал машину по улицам Москвы к Нескучному саду, и вдруг затормозил, услышав тихий ментальный голос:

— Та-а-а-ра-а-а-ас-с-с...

Это звала его Тоня, освободив от н а в а ж д е н и я.

Гипнотическая фраза «если откажешься...» перестала давить на психику, сквозь волну возбуждения в мозг пробился тоненький всхлип сработавшей защитной системы неверия: остановись, отсоединись, не спеши... остановись, отсоединись, не спеши...

Тарас выдохнул воздух через стиснутые зубы, заставил себя расслабиться, успокоил бешено работающее сердце. Тебя только что едва не закодировали! — пришла трезвая мысль. Тот, кто звонил, великолепно знает Ключи метаязка. Ты едва не попался...

— Спасибо, Тошка, — с трудом сказал Тарас вслух, уронив руки и голову на руль.

Глава 24

ВИЗИТ В ЛАБОРАТОРИЮ

До вечера он провел время в изучении местности вокруг Нескучного сада — по картам и через компьютерный поиск, — затем стал собираться к походу в электротехническую лабораторию. В том, что ему сказали правду — о содержании учителя в бункерах лаборатории, сомнений не было, несмотря на отсутствие пси-ответа: Елисей Юрьевич на все мысленные вызовы не ответил ни разу. Сомнений не было и в том, что Горшину бросили вызов, не принять который он не мог, попытавшись воздействовать на него с помощью удачно наведенной зонг-линии. Он был подготовлен к восприятию н у ж н о й информации, и ему ее

дали! После чего он ринулся «спасать учителя», не считаясь ни с чем. Если бы не зов Тони, почуявшей, очевидно, его состояние, он бы так и не понял, что подчинился оператору, работавшему на «Купол», — то ли проводнику темных сил, то ли магу. А в лаборатории его наверняка ждали.

Впрочем, в любом случае ему надо было туда идти.

Я приду, пообещал Тарас мысленно. Но только после определенной подготовки.

Брошенный вызов требовал ответа. Кто его бросил — было уже не важно. Тарас надеялся, что это были Ельшин, Гольдин и Дима Щербань, ставшие олицетворением зла. Они не должны были жить, и не столько из-за того, что работали на «Купол», а через него на Монарха Тьмы, но больше по причине того, что ни в грош не ставили жизнь других людей. Президент России был прав, когда высказывался, что террористов и мерзавцев надо мочить везде, даже в сортире.

Стемнело, когда Тарас погрузил сумку с необходимой для решения задачи экипировкой в багажник «Вольво», еще раз мысленно пробежался по узлам плана проникновения в лабораторию — он собирался использовать канализацию, причем старую, заброшенную еще с послевоенных времен, — и обошел комнаты дома, не зажигая света, испытывая странное ощущение забытой вещи. Спохватился, позвонил Тоне.

— Извини, я не смогу сегодня забежать.

— Я поняла, — ответила девушка с преувеличенной бодростью. — Ничего, у меня все хорошо, читаю книжки, рисую. Нина мне все уши прожужжала, какой ты хороший человек, добрый, суровый, решительный и справедливый. — Она тихо рассмеялась.

— Ты одна? — встревожился Тарас.

— Да, Нина ушла по делам, обещала быть через час. Я попросила ее закрыть дверь на ключ.

— Никому не открывай! И на звонки не отвечай.

— Даже на твои?

— Я буду звонить трижды, коротко, чтобы ты догадалась.

— Не стоит, и я так знаю, когда ты звонишь.

— Ну и отлично, — с облегчением сказал Тарас и добавил с удивительной для себя нежностью: — Экстрасенс мой любимый.

— Правда? — прошептала Тоня. — Что любимый?

— Тебя нельзя обманывать, — сказал он серьезно. — Все равно сразу почувствуешь. Скажи и мне что-нибудь приятное.

— Я... люблю тебя.

У него оборвалось сердце, заработало с бешеной частотой, язык онемел. Но говорить ничего не потребовалось. Канал понимания, ожидания, обещания и любви соединял их, и слова только повторяли чувства обоих, хотя и организовывали окружающее пространство не хуже слов метаязыка.

— Здра-а-а-во-о-о-о... — пропел он и услышал в ответ:

— Жи-и-и-во-о-о-о-о...

Засмеялся, положил трубку, походил по гостинной, все еще улыбаясь, видя перед собой лицо Тони и чувствуя тепло ее тела, затем вдруг почувствовал укол холода и мгновенно перевел сознание в состояние боевого видения. Выскользнул во двор, обошел сарай, метнулся через сад и одним прыжком перемахнул забор, отделявший его участок от усадьбы соседа. Выглянул в щель соседского забора, поблагодарив судьбу за отсутствие у соседа собаки.

К дому подъехала машина — синяя «Волга» последней модели, удивившая, судя по всему, не только создателя рекламы («Волга», ты меня удивляешь!), но и многих автовладельцев, не побоявшихся ее купить. Из машины вышли трое, направились к калитке горшинского дома. Один из них по-хозяйски уверенно вдавил кнопку звонка. Судя по их целеустремленности, они были уверены, что хозяин дома.

Тарас беззвучно выругался. Он должен был почуять, что за ним наблюдают, даже если использовались новейшие дистанционные методы слежки.

Звонок, еще звонок. Короткий обмен фразами. Один из гостей вернулся к машине, наклонился к окну, спросил что-то, выслушал ответ и снова подошел к калитке. Двое мужчин в куртках перепрыгнули штaketник, один направился в обход дома, через сад, второй остановился у входной двери, достал нечто похожее на универсальную отмычку.

Тарас усмехнулся. Дверь его дома можно было открыть разве что из гранатомета. Однако надо было что-то предпринимать, и он, обдумав пришедшее решение, включил т е м п.

Прыжок через забор, бросок через дорогу, уличный фонарь светит в спину, это неплохо, свист ветра в ушах, еще мгновение — вот и синяя «Волга» с водителем и пассажиром на переднем сиденье.

Тарас открыл заднюю дверь, нырнул в кабину и ткнул сгибом пальца в шею пассажира.

— Сидеть тихо! Дернешься — пристрелю! Вели водителю сидеть смирно!

Пассажир, плотный, с толстой шеей, с коротким ежиком волос и хорошо заметными залысинами, замер.

Водитель в испуге оглянулся и получил удар костяшками пальцев по уху.

— Руки на затылок! Мордой в руль! Живо!

Водитель послушался.

Мужчина, возившийся у двери с отмычкой, и третий гость, у калитки, оглянулись на звук открывшейся и закрывшейся двери, но не поняли, что произошло, и снова обратили внимание на дом.

Тарас обыскал пассажира, вытащил из-под мышки пистолет, из кармана книжечку удостоверения, развернул. И присвистнул от удивления. Удостоверение принадлежало полковнику Гольдину, сотруднику Управления внутренних расследований ФСБ. Тому самому, который послал группу «Гамма» на теплоход «Айвазовский», чтобы ликвидировать Горшина.

— Вот так подарок! — сказал он вслух. — Я собирался вас искать, полковник, а вы сами ко мне заявились. Что, заехали на чашечку кофе? Или захотелось поговорить о смысле жизни? Кстати, отзовите своих парней, не ровен час кто-нибудь из них нарвется на сюрприз, придется потом долго лечиться.

— Горшин? — чуть повернул голову Гольдин.

— Он самый.

— Вы понимаете, с кем имеете дело?

— Еще как понимаю. Стоит мне позвонить вашему начальству, и вашей карьере крышка. — Тарас ткнул стволом пистолета в висок полковника. — Давай отбой, не тяни время. Пусть убираются!

Гольдин приспустил боковое стекло, позвал:

— Шелганов, подойди.

Мужчина у калитки оглянулся, подошел. Стекла у «Волги» были затемненные, и он не мог видеть, что творится в кабине.

— Отбой операции.

— В чем дело, Станислав Борисович? — удивился сотрудник.

— Потом объясню. Вызывайте резервную машину и езжайте на базу.

Сотрудник с сомнением посмотрел на командира, кинул взгляд в кабину и отошел, доставая брусочек мобильного телефона.

— Поехали, — сказал Тарас водителю. — По улице налево, за углом остановишься и будешь сидеть тихо.

«Волга» развернулась, остановилась за поворотом на соседнюю улицу.

— Чего ты хочешь? — угрюмо поинтересовался Гольдин. — Ты же сам себе могилу роешь, дурак.

— А разве это не вы мне могилу спроворили? Там, на теплоходе? Кстати, все обошлось благополучно? Все вернулись целы и невредимы?

Полковник засопел, кинул косой взгляд на водителя.

— Это недоразумение...

Тарас быстрым и точным движением усыпил водителя, вытащил из машины, убедившись, что этого никто не видит, и сел на его место.

— Теперь поговорим серьезно, полковник. Мы оба знаем, кто есть кто, не правда ли? Вы знаете, на кого работаете и где сейчас находится мой учитель. Я тоже осведомлен о второй стороне вашей деятельности. Честно говоря, я, наверное, не стал бы вас разоблачать, так как отлично понимаю, что такое в одиночку сражаться с с и с т е м о й. Но вы преступили грань, напали на меня и захватили полковника Смирнова. Теперь настал мой черед. Если не поможете вытащить учителя, я все равно его найду и освобожу, но вы умрете первым. Устраивает вас такой вариант?

Гольдин заерзал, бросил взгляд на шеренгу кустов шиповника вдоль забора, где сидел обеспамятевший водитель, буркнул:

— Мне приказали, я выполнил... что я должен делать?

— Сейчас поедem на Сенную улицу, вы меня представите охране как вашего нового телохрана, мы заберем Елисея Юрьевича «для допроса у начальства», и ваша миссия будет закончена.

Полковник скептически хмыкнул.

— Нас не впустят... и не выпустят. Лаборатория не принадлежит конторе, и охраняет ее спецназ ФСО¹, а не наши ребята.

— Я думаю, они должны вас знать. Мы войдем, а дальше уже моя забота. Только учтите, господин чекист, при малейшей попытке бунта я вас отправлю прямиком на тот свет. И не поможет вам ни спецназ «Купола», ни ваши brave ребята, ни сам Господь Бог!

¹ФСО — Федеральная служба охраны.

Глаза Тараса просияли ледяной желтизной, и Гольдин отшатнулся, почувствовав удушливый ужас.

— Я все сделаю! — торопливо закивал он, потея.

Тарас прислушался к шевелению биополей в окрестностях Шелкова, вывел «Волгу» из переуллка и подогнал к дому, возле которого уже никого не было. Легким касанием парализующих точек на шее усыпил полковника и вышел. Дома он переоделся в строгий костюм: пиджак, брюки, серая рубашка, галстук — сунул во внутренний карман пиджака «глушак», аккуратно разложил по карманам метательные иглы и пластины, укрепил на ноге нож и, не оглядываясь, не теряя времени на сомнения, закрыл дверь за собой. В кабине он привел в чувство полковника, тот очнулся, не сразу сообразив, где он и что с ним.

— Вперед, Станислав Борисович, — сказал Тарас почти весело. — Нас ждут славные дела.

Он тронул машину с места.

— Хочу напомнить о нашем уговоре. Я вооружен, а терять мне, как вы сами понимаете, нечего.

— А девушка? — безразличным тоном сказал Гольдин.

Тарас бросил на него быстрый взгляд, от которого тот съёжился, как от удара, и снова вспотел, и после паузы, продолжая вести машину, сказал чужим тусклым голосом:

— Если вы тронете хотя бы волосок на ее голове...

Волна дрожи прокатилась по телу полковника, вызывая панику и ужас. Он едва не вскрикнул, чувствуя, как горло непроизвольно сжалось и перехватило дыхание. Торопливо, сдавленным голосом, заговорил:

— Лично я ничего не планирую... но они знают... и мне не подчиняются.

— Кто — они? Ельшин? Президент «Купола»?

Гольдин весь покрылся холодной испариной, попытался вытереть ладонью струящийся по лицу пот.

— Ты... вы слишком много знаете...

— Меньше, чем хотелось бы. Однако не будем отвлекаться по пустякам. Рассказывайте все, что знаете о лаборатории, об охране: сколько, кто, где, как вооружена, где бункер, в котором держат учителя, и все остальное.

Тарас сделал сложное замысловатое движение правой рукой перед глазами полковника, одновременно посылая мысленный приказ не сопротивляться, ломающий волю собеседника, и Гольдин начал рассказ.

* * *

В десять часов вечера перед неприметным двухэтажным зданием на тихой Сенной улице остановилась синяя «Волга» со спецномером. Из нее вышли двое и направились к центральному входу в здание, поднялись по ступенькам на невысокое крыльцо с перильцами. Тот, что шел первым, плотный, круглоплечий, круглоголовый, с коротким ежиком волос и заметными залысынами, нажал дважды на кнопку звонка. Над дверью шевельнулся окуляр мини-телекамеры. Гостей внимательно разглядели. Потом ожил динамик:

— Полковник Гольдин?

— Апостол Павел, — буркнул Станислав Борисович.

— Не поздно?

— Допуск «три нуля».

Молчание.

Атмосфера сгустилась до состояния желе, напряжение, владевшее Тарасом, усилилось. Его мысленный нажим достиг, наверное, стадии физического воздействия на невидимых охранников, и они сдались. Или просто выполняли инструкцию.

Замок щелкнул. Дверь мягко и тяжеломерно открылась. Гольдин шагнул через порог, за ним вплотную Тарас. Охранники не спросили, кто он такой, приняв за того, кого и надо, — телохранителя полковника, и это слегка облегчило задачу.

Небольшой тамбур со стеклянными полосами, еще одна дверь.

— Ваш спутник вооружен, — заговорил скрытый динамик.

— На то он и оперативный работник, — покосился полковник на Тараса. — Ему положено носить оружие.

Тарас «рявкнул» во всю пси-мощь мозга:

«Пропустить!»

Лязгнуло. Дверь тамбура отошла в сторону, открывая коридорчик с турникетом и двух охранников в серо-синей униформе, вооруженных пистолетами. Оба носили темные очки, и по толщине дужек и массивности оправы Тарас опознал в очках устройства связи и контроля, а также приборы ночного видения.

— Что случилось? — вышел из-за турникета кряжистый седой охранник, внимательно изучая Горшина; тот чувствовал его недоумение и настороженность, поэтому продолжал давить на психику настойчивым повторением мысленной фразы: «Не ме-

шай! Все нормально! Мы имеем право!» При этом Тарас слегка покачивался из стороны в сторону и шевелил пальцами рук в особом порядке, создавая визуальный канал прямого бесконтактного воздействия на охранников.

— Нам нужно поговорить с одним вашим гостем. Вы понимаете, о ком я.

Охранники переглянулись.

— Он плох, — коротко сказал более молодой охранник, высокий, но сутулый.

— Плевать, — махнул рукой Гольдин. — У меня приказ. Можете пойти с нами, это не займет много времени.

— Но мы не получали на этот счет никаких указаний, — пожал плечами седой с сомнением во взоре.

«Пропустить!» — ударил Тарас обоих «тараном» мыслевого приказа, готовя на всякий случай «глушак».

Однако гипногенератор не понадобился.

Молодой сутулый страж лаборатории внезапно потерял интерес к происходящему, отвернулся.

— Пусть идут. Объект если и не очоурился, то вряд ли в состоянии говорить.

— Проходите, — отступил седой, сдаваясь. — Знаете, куда идти?

— Передайте парням второй линии, чтобы не препятствовали. — Гольдин миновал турникет, направился по коридору к лестнице.

Гости спустились на этаж ниже, прошли пустой коридор с голубыми стенами и белыми дверями, снова начали спускаться вниз по ступенькам с металлическими полосками. Еще один коридор, узкий, с шероховатыми серыми стенами, почти без дверей. Дважды повернув, он уткнулся в перегородку с металлической дверью, возле которой сидел за столиком мрачный амбал в серо-синем и читал книжку в мягкой обложке. Увидев гостей, он не встал, а лишь кивнул на дверь, видимо, предупрежденный по телефону дежурным:

— Проходите, открыто, только осторожнее, ни к чему не прикасайтесь, стены под током.

Дверь, толстая, обтянутая медной сеткой с внутренней стороны (сетка оказалась под напряжением), медленно открылась. Гольдин вошел в помещение первым. Невольно затаив дыхание,

Тарас шагнул следом, и ему показалось, что в голове разорвалась бомба.

Он успел увидеть лежак с телом человека и туманную фигуру в углу за дверью с поднятой рукой. И все... Сознание вылетело из головы как пушинка под ударом урагана...

* * *

Кто-то лез в уши и ворочался там, шурша крыльями, царапаясь и недовольно стрекоча.

Тарас попытался выковырнуть неприятное насекомое, почувствовал укус и жжение и практически сразу очнулся, ощутив, как волна возбуждающего тепла бежит по сосудам и прогоняет онемение.

«Насекомое», копавшееся в ушах, исчезло, слух восстановился. Стали слышны голоса переговаривающихся людей, постукивания, металлическое позвякивание и щелчки. Голова прояснилась, хотя в затылке все еще торчал остывающий гвоздь боли. Мышцы слушались плохо, к тому же двигаться мешали тугие жгуты на запястьях рук и на лодыжках.

Он открыл глаза и тут же закрыл от яркого света. Но и одного мгновения хватило, чтобы увидеть главное и понять, что случилось.

Тарас лежал голый, в одних плавках, на специальном столе с резино-металлическими скобами, удерживающими его тело. Рядом стоял еще один такой же стол с телом учителя, накрытым простыней до горла. Над столами висели хирургические бестеневые светильники. Тот, что смотрел на Горшина, был включен, и его белое сияние мешало рассмотреть детали обстановки. Тем не менее Тарас определил, что в комнате, кроме них с учителем, находятся еще двое людей, чьи негромкие голоса напоминали жужжание мух.

Послышался тихий звонок, затем скрипучий голос:

— Кажется, он очнулся.

Над ним склонились две головы. Тарас открыл глаза.

— Как себя чувствуешь, супермен? — ухмыльнулся Гольдин. — Поздравляю с исполнением мечты. Ты хотел встретиться с учителем? Вот он лежит рядом, почти живой. — Полковник хрюкнул. — Ты великолепный исполнитель, надо признаться, мастер боя, профессионал, но стратегически слаб. Неужели не

понял, что посыл команды «Гамма» и мое появление возле твоего дома — лишь звенья разработанного нами плана?

Тарас смолчал, пытаясь собраться с мыслями и начать энергетическую накачку, но тело продолжало оставаться слабым и безвольным, и он понял, что ему вкололи какой-то препарат, парализовавший мышцы.

— Мы знали, что тебя трудно убрать обычными методами, это показал и последний случай с миной, которую ты обезвредил. Я видел запись, очень впечатляет! Вот мы и пошли на усложненный вариант, надеясь, что ты клюнешь на наживку. Как видишь, наш расчет оказался верным, и теперь ты здесь. Скоро подъедут мои коллеги, они весьма заинтересованы в беседе с тобой. Что будет дальше — зависит только от тебя. Будешь умницей, станешь сотрудничать — вернешься к своей подруге, нет... — Гольдин развел руками. — Сам понимаешь.

Тарас молчал, сосредоточенно пытаясь открыть заблокированные химией энергоканалы.

— Он меня слышит? — повернул голову к спутнику полковник.

— После разряда «удава» немногие приходят в себя быстро, — ответил обладатель скрипучего голоса, одетый в халат; очевидно, это был врач или сотрудник лаборатории. — К тому же, памятуя наставления, мы вкатили ему приличную дозу галоперида, так что он сейчас заторможен.

— Когда он придет в себя?

— Нейтрализация токсинов идет несколько минут.

— Эй, эксперт, ты меня слышишь? — Гольдин приблизил лицо к губам Тараса.

Тот продолжал смотреть в одну точку, демонстрируя полное безволие. Хотя мог бы и ответить. Однако пусть думают, что он все еще находится под влиянием препаратов. Если бы удалось сломать пси-барьер, созданный излучением «глушака» (вот он — взрыв «бомбы» в голове), можно было бы попытаться освободиться, но силы не восстанавливались и хотелось взвыть от обиды и злости на самого себя за бездарную подготовку и отсутствие полного расчета вариантов. Он должен был предвидеть такую ситуацию, должен был помнить, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Что-то хрустнуло тонко, на грани слышимости, словно сломался кончик ампулы, и тотчас же в голове прошелестел теплый ветерок, разгоняя слабость. Тарас вздрогнул, с трудом заставил

себя остаться неподвижным. Ветерок подул снова, очищая голову от липкой «грязи» химических соединений. Это была внешняя энергоподкачка, и осуществить ее мог только тот, кто хорошо знал резонансы психики Горшина.

Учитель!

Он еще жив!

И пытается поддержать ученика!..

— Сделайте что-нибудь, — раздраженно проговорил Гольдин. — Мне нужно задать ему пару вопросов и получить вразумительные ответы.

Врач отошел и появился у стола с пузырьком в руке и тампоном.

— Сейчас он быстренько очнется.

— Что это?

— Ничего особенного, обыкновенный нашатырь.

Тарас почувствовал резкий запах, перехвативший дыхание. В голову вонзилась игла очищающей сознание боли. К расширившимся глазам Тараса приблизилось лицо полковника.

— Ну как, супермен, очухался? Узнаешь?

— Узнаю... — ровным голосом ответил Тарас и двумя рывками оторвал скобы, которыми его руки были пристегнуты к столу.

Глава 25

ЗРИ В ЗАТЫЛОК

Сознание разделилось на три отдельные сферы, контролирующие каждая свой объект внимания. Одна наблюдала за Гольдиным, вторая за врачом, третья переключилась на собственные нужды — восстановление энергобаланса, очистку организма, накопление сил и включение в нужные моменты того или иного умения.

Внешняя энергоподпитка позволила Тарасу в считанные секунды настроиться на вибрационные узоры пространства — сначала объема собственного тела, потом помещения, в котором он находился, здания и, наконец, всей планеты, а рассредоточение внимания помогало вовремя изменять зависящие от него события. Ошеломленные его неожиданным пробуждением хозяева не помешали пленнику окончательно прийти в себя и завладеть инициативой.

Держа обоих полями внимания разных «контуров сознаний», он освободил ноги и сел на столе, прокачивая через позвоночник ситуационные модели дальнейших действий. Враги помешать ему уже не могли, он находился в инсайт-состоянии и двигался намного быстрее, а главное — п р е д в и д е л их действия.

Гольдин сунул руку под мышку — за пистолетом, но он был менее опасен, чем врач, тянувший палец к кнопке вызова охраны, и Тарас занялся сначала им. Спрыгнул на пол (три сотых секунды), сделал четыре шага (еще две сотых), дернул руку врача вниз, сломав ему при этом палец (извини, мужик, уж больно большая скорость), и коснулся нужной точки за ухом. Врач обмяк, стал падать и падал так долго — около секунды, — что за это время Тарас успел найти свою одежду в корзине, в углу комнаты, натянуть штаны, вернуться к полковнику и успокоить его шокирующим *хокку-яма* — резким наклоном головы к груди. Прижми он голову чуть резче, мог бы сломать Гольдину шею.

Затем он оделся, продолжая выстраивать энергопотоки всего тела в единый «ствол», и подошел к столу, на котором неподвижно лежал учитель. Сжалось сердце. Елисей Юрьевич не дышал!

Но в этот момент веки его затрепетали, открыли черные бездонные глаза. Раздался слабый, как шелест ветра, шепот:

— Я знал... что ты... придешь...

Тарас сглотнул ком в горле, положил руки на лоб и на грудь учителя.

— Я вас подпитаю... вылечу... держитесь!

— Поздно... дорогой мой... мне следовало... уйти из жизни... иным способом... тогда ты не попал бы сюда...

— Лежите тихо, берегите силы! «Жива» поднимет на ноги мертвого!

— Не каждого... не надо тратить энергию... зря... бесполезно... я теперь пустой сосуд... я сжег мозг... чтобы они не смогли просканировать память... так что разговаривает с тобой не учитель... остатки личности, укрывшиеся в спинном мозге...

— Кто это сделал?!

— Времени у меня мало... Не перебивай... Здесь был Конкере...

— Монарх?!

— Его очередная проекция... воплощение...

— Кто?! Ельшин? Дима?!

— Господин Рыжайс... президент...

— «Купола»! — закончил Тарас, сжав зубы. — Хозяин этой лаборатории. Я догадывался...

— Не пытайся его искать... воевать... иначе вся твоя жизнь будет сплошным боем... у тебя другой путь... обещай мне...

— Учитель, он же рвется к абсолютной власти! Он не должен жить!

— Его власть ограничена... ты многого не понимаешь... существует тайная система... управления реальностью... Союзы Неизвестных... ищи выходы на них... они — главные эмиссары Монарха... Конкере — лишь одиночка, мелкий бес, изгой... не уподобляйся ему... и еще просьба: будешь уходить отсюда, не убивай без необходимости...

— Обещаю, учитель. Но мы уйдем вместе!

— Я... уже... ушел... последнее... существует Ключ смерти... октава... морок — мор — умри... сам... найдешь... прощай...

Шепот прекратился. Глаза Елисея Юрьевича погасли, оставшись открытыми. Лицо разгладилось, приобрело выражение просветленной сосредоточенности. Казалось, он увидел ангела и устремился к нему, умиротворенный и успокоенный. Но это был покой небытия. Душа покинула тело учителя и воспарила в небеса.

Тарас уронил руки, почувствовав муку беспомощности и одиночества, и очнулся лишь в тот момент, когда в помещение ворвались четверо охранников с оружием в руках. И разом вспомнилось, ради чего он здесь оказался и что надо делать. Кругом были одни в р а г и, разве что разной степени понимания своей роли и ответственности за содеянное. Их можно было не жалеть, и лишь просьба учителя удержала Тараса от применения у м е р т в и я — каскада приемов из арсенала «наваждения», приводящих к прямой или «отсроченной» смерти.

Охранники начали стрелять первыми, мешая друг другу, периодически теряя противника из виду.

Тарас пропустил сквозь себя две пули в состоянии *анима*, потом испробовал «принцип скалы», пытаясь отразить пули уплотнившимся мышечным каркасом, но это ему не понравилось из-за сильной боли, пули все-таки пробивали кожу и застревали в теле, и тогда он пошел по самому простому пути — п р и с о е д и н е н и ю к эгрегору атаки для управления им. Контратаку он начал с физического взаимодействия с противником.

Зацепил одного, вытащил из ядра группы, закрутил по ходу движения. Второго поймал на ногу, зацепил, подсек. Третьего

также зацепил подсечкой, ногой подтянул к себе и тут же «сбросил» на четвертого. Снова поймал первого за руку, выбивая пистолет, еще раз закрутил, «оборвал» движение, столкнув лоб в лоб с третьим охранником.

Он ловил их внимание, тут же исчезая из поля зрения, просчитывал направление ударов, сбрасывал друг на друга, свивал в клубок, сталкивал лбами и терпеливо «выщелкивал» оружие. Чем больше людей участвует в такой схватке, тем сильнее эффект действия приемов — по принципу резонансного сложения волн, и наступил момент, когда Тарас полностью овладел пространством боя, установил мыслесвязь с каждым противником, достаточно помятым и потерявшим ориентацию (рукопашниками они были слабыми), «заморочил» им головы и резко о б о р в а л активную фазу схватки.

В очередной раз столкнувшись друг с другом, охранники попадали на пол, теряя сознание.

Тарас остановился, вслушиваясь в объем здания, напичканного электроникой и живыми охранниками. Судя по колебаниям полей, особой тревоги его появление не вызвало. Ловушка сработала, захлопнулась, он был один, да и удар по психике получил приличный, приняв импульс из «глушака», поэтому охрана особенно не беспокоилась, чувствуя свое превосходство. Из лаборатории, где находились оба пленника, путь был один, и убежать отсюда, минуя посты, было невозможно. Получив сигнал вызова (врач все-таки успел дотянуться до кнопки), охранники, естественно, отреагировали должным образом, но посчитали, что четверых будет вполне достаточно для одного пленника, и ограничились этим. Пятый — тот самый амбал с книгой — остался за дверью, не тревожась за коллег.

Тарас шагнул к выходу и вдруг почувствовал затылком тонкий укол угрозы. Отпрыгнул в сторону, вспоминая заповедь учителя: во время боя зри в затылок. Если бы он выполнил эту заповедь, входя в лабораторию, ловушка не сработала бы и необходимость в применении боевых навыков скорее всего отпала.

Пуля прошла у виска, пошевелив волосы.

Стрелял очнувшийся Гольдин. Он успел выстрелить еще раз, прежде чем качнувшийся «маятник» Тараса приблизился к нему и с холодной яростью нанес удар... удержав его в последний миг. Шейные позвонки полковника хрустнули, и он, наверное, умер бы мгновенно, если бы рука Тараса не остановилась на полпути. Тем не менее Гольдин рухнул на пол и потерял сознание.

Постояв над ним с вытянутой рукой, Тарас выдохнул, сплюнул, остывая. А чтобы окончательно сбросить негативные эмоции, поднял руки вверх, присел, выговорив слово «изыди», выбросил сжатые в кулаки руки вперед и медленно встал. Оглядел поле боя, задержав взгляд на теле Елисея Юрьевича. Пробормотал:

— Прости, учитель, мне не надо было уезжать, они бы не посмели...

Теперь можно было уходить.

Он еще раз огляделся и начал реализовывать пришедшую на ум идею.

Снял с одного из охранников форму, переоделся, нацепил очки с наушником, получив возможность слышать переговоры охраны здания. Затем отыскал «глушак», с помощью которого его обездвижили, мысленно попрощался с учителем и вышел из лаборатории.

Белобрысый амбал за столиком вопросительно посмотрел на него, не узнавая, и Тарас выстрелил в него из «глушака». Это был самый простой способ заставить его молчать и не поднимать тревогу. Охранник вздрогнул, глаза его расширились, о п у с т е л и. Он уронил голову на стол и обмяк.

Тарас глянул на обложку книги, которую читал парень: «Катарсис», автор Голованов. Что ж, вот и дождался реального катарсиса, надолго запомнится.

Лестница, шестнадцать ступенек, поворот.

Пост.

Два бесшумных выстрела из «глушака». Отдохните, ребята, мне ваши жизни не нужны.

На торце пистолета зажегся красный огонек. Ах ты, черт! Неужели разрядились батареи? Плохо дело, придется прорываться с напрягом.

Коридор, лестница, ступеньки... Тихие голоса в наушнике: диспетчер охраны вызывает «девятку» и какого-то Шустрика. Отсчет времени пошел, еще полминуты — и начнется светопреставление. Пора?

Он поднялся на первый этаж здания, считая секунды, держась уверенно и твердо, как и положено охраннику. Десять метров до турникета и еще столько же до выхода. Ну, судьба, что у тебя в запасе плохого?

— «Третий», проверь, что на нижнем горизонте, — долетел

приказ начальника смены. — В «колбе» подозрительно тихо, никто не отвечает.

Спасибо за выдержку, отец родной! — поблагодарил диспетчера Тарас. И спасибо тому, кто тебя сегодня поставил дежурить. Теперь у меня есть шанс никого не убить...

Шаг, второй, третий... пятый... десятый...

Двое оглядываются, вполне спокойно, еще не понимая, что перед ними чужой. Хорошо сидит костюмчик, как по фигуре сшит.

— Что там происходит? — любопытствовал седой охранник. — Ты не... — он замолк, шире открывая глаза, рука потянулась к кобуре.

Тарас сделал сложное движение рукой, заворотившее седого, произнес гортанно-металлическим голосом:

— Н е д в и г а т ь с я ! Свет гаснет! П о к о й ! Выполнять!!

Молодой сутулый охранник рухнул на колени, подчинившись удару чужой воли. Седой тоже поддался внушению, но в меньшей степени, успел-таки взяться за пистолет.

Наушник рации щелкнул, принес голос дежурного:

— Тревога! Пленник сбежал!

В здании завывла сирена.

Тарас выкрутил из руки охранника пистолет, приставил к его носу.

— Открывай входную дверь! Живо!

Седой затрясся, нажал на клавиатуре пульта две клавиши, снимая блокировку замка. Дверь мягко повернулась на оси, управляемая автоматом.

— Спи! — бросил Тарас, отталкивая охранника, и выскользнул в проем двери, окунулся в шелестящую дождем полутьму улицы.

«Волга» сиротливо ждала его там, где он и Гольдин ее оставили. Мотор завелся не сразу, будто его залило водой. Не включая фар, Тарас погнал машину прочь от проснувшегося здания лаборатории, в окнах которого начал загораться свет, и на повороте оглянулся.

К зданию с другой стороны стремительно подлетели три машины: такая же «Волга», джип «Паджеро» и микроавтобус «Баргузин». Из них десантировался десяток фигур, втянулся в открытую дверь центрального входа. Это прибыла команда Ельшина.

— До встречи! — прошептал Тарас, вдавивая педаль газа.

Машину он оставил в центре города, а ночь провел у Нины,

понимая, что его будут искать везде, в том числе дома. Объяснять женщинам, где был и что делал, он не стал, ответив на пыливый взгляд Тони слабой улыбкой и короткой фразой:

— Укатали сивку крутые горки.

Оставшись с ней наедине, он немногословно рассказал девушке о смерти Елисея Юрьевича, и Тоня тихо заплакала, прижавшись к нему, не задавая больше вопросов. Через полчаса, успокоившись, горько проговорила:

— Неужели нас так и будут сопровождать смерть и горе? Неужели те, кто убил дядю Елисея, будут и дальше охотиться за нами?

Тарас хотел сказать, что он постарается у всех отбить желание охотиться за ними, но решил не пугать любимую еще больше. Сказал твердо:

— Мы уедем отсюда. Туда, где нас никто не найдет. И я надеюсь, что нам помогут.

— Кто?

— Люди Круга, такие же воины, как я.

— Почему же они до сих пор не помогали?

— Были заняты, — ответил Тарас первое, что пришло в голову. На самом деле он совсем не был уверен, что им помогут, но и оставлять девушку без надежды было неправильно. Пусть верит в лучшее. Худшее придет само.

Тарас мрачно усмехнулся в душе, оценив собственную шутку, и пообещал, что сделает все возможное, чтобы не допустить худшего. Хотя и не знал пока, что нужно сделать ради этого. В одном он был уверен абсолютно: «Купол» не оставит его в покое после беспрецедентно наглого посещения лаборатории. Да и господин Ельшин имеет некие в и д ы, зная его тайну «путешествий в прошлое», надеясь заполучить доступ к эзотерической информации Хроник. Убедить его, что Тарас сам не владеет в полной мере этим доступом, будет очень трудно. Если вообще возможно. И тогда останется лишь один выход — смертельно опасный для обоих...

Он снова мрачно усмехнулся про себя и очнулся от размышлений, услышав укоряющий голос Тони:

— Ты меня совсем не слушаешь...

— Решено, — сказал он. — Утром едем в деревню, к маме. Пора тебе познакомиться с ней.

— Ты что? — испугалась Тоня. — Что я ей скажу? Что она обо мне подумает?

— А что она подумает? Разве ты не согласна стать моей женой?

— Согласна... и все равно... боязно...

Он улынулся, привлекая девушку к себе.

— Не бойся, ты ей наверняка понравишься. Спи...

Уснул он, однако, первым, как в яму провалился, а она долго не шевелилась, смотрела на него, перебирая его волосы на виске, оберегая сон, и думала, думала, пытаясь представить, что будет дальше и как ее встретит мать Тараса, но, в конце концов, сон сморил и ее.

* * *

Мать Горшина жила в деревне Фрахт Архангельской губернии, расположенной в двадцати километрах от города, на берегу небольшого залива под названием Беглый. Никто из жителей деревни не знал, почему залив называется Беглым, но изредка, в особенно жаркие летние периоды, залив мелел, отступал от берега, и Тарас сделал вывод, что из-за этого предки и окрестили его Беглым. Причину же, по которой деревня в сорок дворов называлась странным морским термином Фрахт, и вовсе нельзя было объяснить ничем иным, как фантазией первопоселенцев, облюбовавших эти места в незапамятные времена. Возможно, первыми здесь обосновались матросы какого-нибудь потерпевшего кораблекрушение судна, зафрахтованного в порту Архангельска. Что фрахт получился береговой, их не смутило.

Мама Тараса Ефросинья Карповна недавно похоронила второго мужа и теперь жила одна в просторном бревенчатом доме на пять комнат, но без русской печки. Муж сделал в доме водяное отопление, и печка оказалась ненужной, хотя Тарасу ее отсутствие казалось едва ли не кошунством.

Приехали они на автобусе к обеду. Весенняя распутица в этих краях начиналась в мае, в середине же апреля еще стояли вполне зимние холода — около десяти градусов мороза, и одетая не по сезону Тоня продрогла, с удивлением разглядывая подтаявшие снежные сугробы, поля, застывшее, синее, в белых барашках торосов пространство залива и лежащие на берегу, как огромные рыбины, баркасы рыбаков, полузанесенные снегом.

Ефросинья Карповна возилась во дворе, набивая углем ведро. Сына увидеть она не ожидала и долго не могла поверить, что он действительно приехал. Еще не старуха, высокая, статная, с

седыми волосами, уложенными короной, с яркими голубыми глазами (желтые «тигриные» глаза достались Тарасу в наследство от отца), она так же долго разглядывала покрасневшую, не знающую, куда деваться, Тоню, потом обняла ее, и Тарас вздохнул с облегчением: его будущая женашка явно пришлась маме по душе.

В жарко натопленной избе они разоблачились и отогрелись. Тарас показал Тоне все комнаты, пока мама хлопотала на кухне, и они уселись в светелке, уютной, чистой, пропахшей травами и свечами, обставленной по-старинному и устланной домоткаными половиками.

— Ты мне так и не рассказал, как умер дядя Елисей, — сказала притихшая Тоня, разглядывая фотографии семейства Горшиных под стеклом на стене комнаты.

Тарас вспомнил последние наставления учителя, обнял Тоню сзади, прижался щекой к ее уху.

— Не будем об этом, Тошка. Я виделся с ним... после смерти... знаю, кто его... но они свое еще получают.

Девушка вздрогнула, повернулась к нему. Глаза ее стали на мгновение печальными и тревожными.

— Ты хочешь объявить им войну?

Тарас попытался улыбнуться как можно оптимистичней.

— Ну что ты, малыш, никаких войн. Просто я хочу сделать так, чтобы нас с тобой больше не трогали. Я побуду здесь до утра и уеду на пару дней, а потом вернусь за тобой, и мы начнем новую жизнь. Ты будешь готовиться к экзаменам, я буду работать, познакомлю тебя со своими друзьями, потренирую, научу кое-каким приемам, чтобы не приставали всякие хулиганы. Да и языком займемся вплотную, древним, магическим. Не возражаешь?

Тоня вздохнула, слабо улыбнулась, протянула негромко:

— Жи-и-и-во-о-о-о... так?

Он засмеялся, поцеловал ее и повернул лицом к фотографии.

— Ну-ка, найди меня здесь маленького.

Тоня безошибочно ткнула пальчиком в фотографию, и он принялся показывать родственников, большинство из которых уже покинули эту реальность, увлекся сам и с удовольствием вспомнил стариков рода Горшиных, навечно поселившихся в его памяти. Они были с ним всегда, стоило только сосредоточиться на в х о ж д е н и и в генетический «файл», и с ними можно было советоваться почти как с живыми людьми.

Тоня отвлеклась от невеселых дум, приободрилась. Сама сходила на кухню, чтобы предложить помощь. Ефросинья Карповна по-простому приняла ее предложение, и женщины вдвоем быстро накрыли на стол. Тарас наблюдал за ними, не вмешиваясь, радуясь, что они нашли общий язык, но висящая над ним гора проблем мешала расслабиться и отдыхать так, как он привык, навещая маму, и отстроиться от мыслей об адекватном ответе убийцам учителя он так и не сумел.

Пообедав в компании с мамой, сбросившей свой обычный озабоченный вид, буквально помолодевшей на глазах, они два часа гуляли по берегу залива, натянув валенки и телогрейки. Затем пошли в гости к деду Порфирию, не прямому, но родственнику Горшиных-Самохиных (мама Тараса была урожденная Самохина, и дед Порфирий Алексеевич приходился ей двоюродным дядей по линии матери Софьи Дементьевны Прусаковой), которому исполнилось восемьдесят девять лет.

Дед жил уже с четвертой женой, похоронив трех, ушедших из жизни по разным причинам, и был еще в состоянии рыбачить на уровне с молодыми и ходить на охоту. Небольшого роста, подвижный, лохматый, с седой бороденкой и смеющимися глазами, он заворожил Тоню рассказами о поморской жизни, о своих подвигах, о встречах с русалками, лешими, кикиморами и даже с Белой Бабой, которая в этих краях олицетворяла собой смерть. Речь свою он пересыпал шутками и прибаутками, неожиданными сравнениями, воспоминаниями о своих детских впечатлениях, так что ни Тарас, ни тем более Тоня не пожалели о визите к старику, жена которого, лет на двадцать пять моложе его, только улыбалась в ответ на его «царапки» — шутки в ее адрес — и ухаживала за гостями и за мужем с тихой и щедрой покорностью. Самым знаменитым выражением Порфирия Алексеевича был лозунг идеологов кубинской революции «Но пасаран!», что в переводе означало — «Они не пройдут!». Речь шла, разумеется, о контрреволюционерах и буржуях. Но дед абсолютно искренне полагал, что это такое иностранное приветствие, и при встречах с гостями всегда вскидывал руку в пионерском салюте и радостно кричал:

— Но пасаран!

На что Тарас отвечал точно таким же жестом:

— Никогда!

Перед сном они с Тоней еще немного погуляли по скрипучим снежным дорожкам вдоль деревни, полюбовались на звезды,

мечтая побывать в космосе. Тарас показал девушке Полярную звезду, увлекся, показывая созвездия, хорошо зная их расположение. Когда-то в детстве он всерьез интересовался астрофизикой и даже намеревался поступить в астрономический институт.

— Ты рассказывал об Инсектах, — сказала Тоня, запрокинув голову, в ее глазах отражались звезды. — Интересно, они летали в космос?

— Хроники утверждают, что летали.

— Какие хроники?

— Хроники Внутреннего Круга.

— Записи?

— Не записи, не книги и вообще не материальные предметы вроде плит или свитков, это нечто вроде компьютерной памяти, так сказать, файлы, записанные и хранящиеся в общем эгрегорном поле Земли. Хотя вполне возможно, что существуют и какие-то компактные носители эзотерической информации типа современных кассет и дискет. Но мне об этом ничего не известно.

— Ты имеешь доступ к Хроникам?

— Пока только к первому уровню, — признался Тарас. — Многие называют этот уровень астралом, он является как бы пограничной зоной, взаимодействующей со всеми каналами выдачи информации. Если захочешь, я научу тебя входить в астрал.

— Не знаю, зачем это нужно, — задумчиво проговорила Тоня. — Я всегда считала, что человек должен добиться всего сам, а не подглядывать в чужие тетради и ждать подсказки.

Тарас улыбнулся.

— Астрал дается не каждому. Точнее, не астрал даже, а путь магического восприятия. Учитель говорил: кому много дается, с того много и спрашивается. А что касается Инсектов, то они сотни миллионов лет назад побывали на всех планетах Солнечной системы и обживали Галактику. Пока не спровоцировали Изменение.

— Что значит — спровоцировали?

— Это долгий разговор. Инсекты добились огромного могущества и научились изменять реальность с помощью Говорителей Слов Власти, не считаясь с последствиями своих замыслов. Гибель Фазтона между орбитами Марса и Юпитера, появление Луны у Земли, разрушение спутниковой системы Нептуна и отделение Плутон-Харона, уничтожение атмосферы Меркурия и превращение Венеры в углекислотный мертвый ад — все это результат их экспериментов.

— Как интересно! А потом?

— Потом они принялись устраивать земную природу по своему усмотрению, разбалансировали равновесие природных сил, спроворили первый потоп, затем оледенение, второй потоп, создали Луну из земной коры, что повлекло за собой третий потоп, самый катастрофический. В общем, повеселились.

— Кто же их остановил? Господь Бог?

— Не Бог, но Предтеча всех разумных на Земле, а может быть, и во всей реальности — Аморф.

— Какое странное имя.

— Это не имя, так наши предки называли этот вид существ. Они не имели определенной формы, хотя могли принимать любую геометрическую форму и были похожи на живые горы.

— Такие огромные? — Тоня зябко передернула плечами.

— Величина еще не гарантирует качество мыслительного процесса. Но Аморфы действительно были очень большими и умными.

— Куда же они подевались?

Тарас развел руками.

— Тайна сия велика есть. Этого не знает никто. Точнее, — поправился он, — я не знаю. Но мы еще поговорим на эту тему. Пойдем-ка домой, а то ты вся скоро в ледышку превратишься.

Тоня очнулась, послушно зашагала рядом, изредка поглядывая на небо с крупными, словно омытыми и почищенными звездами. А он с невольным сожалением подумал, что таких спокойных прогулок у них может уже и не случиться.

У дома Ефросиньи Карповны она остановилась, повернулась к Тарасу, освещенная снопом света из окна, проговорила с необычной настойчивостью:

— Обещай мне, что не станешь мстить тем, кто убил дядю Елисея! Обещай не рисковать и не отвечать злом на зло!

Он хотел было успокоить ее, но посмотрел девушке в глаза и понял, что не сможет лгать.

— Если ты... если с тобой что-нибудь случится... — Она задохнулась и закончила шепотом: — Я умру!

Тарас прижал ее к себе, поцеловал в холодную щеку.

— Хорошо, обещаю.

— Правда? — не поверила Тоня.

— Твой любимый вопрос не оставляет мне шансов, — вздохнул он. — Правда!

Над головой сгущались тучи, и он это видел, понимая, что

опасен для деятелей «Купола». Они наверняка готовили планы его ликвидации после столь наглядной демонстрации возможностей, начиная с Чечни и заканчивая столицей. Хотя военные действия начал не он. Но ведь должен же быть какой-то выход? Что, если позвонить президенту «Купола» и сказать: оставьте меня в покое, иначе... Что иначе? В одиночку с системой не справиться, нужна помощь такой же системы. Может быть, попытаться разбудить Внутренний Круг?

— Звезда упала! — вдруг прошептала Тоня. — А я не успела загадать желание.

Он оглянулся, посмотрел на небо, но ничего не увидел. Зри в затылок, парень, зри в затылок, береги спину...

Что-то кольнуло его в грудь. Тарас сунул руку в кармашек рубашки, наткнулся на значок в форме кинжальчика — свидетельство Посвящения. Хотел показать его Тоне и вдруг почувствовал, что кинжальчик становится горячим, зыбким, текучим. Через несколько мгновений он растаял, как струйка дыма...

Глава 26

НАЙДИ МНЕ ПРЕЕМНИКА

В последние пять лет Эдмонд Анатольевич Рыжайс редко бывал на людях, прикованный к инвалидной коляске вследствие повреждения позвоночного столба. Президентом Российской энергетической компании он стал всего два с лишним года назад, побывав до этого руководителем многих структур, как частных, так и государственных. К примеру, он целых полтора года был вице-премьером российского правительства, пока грянувший финансовый кризис не сменил президента и весь состав правительства. Вообще же Эдмонда Анатольевича называли «бюрократом без родословной», так как он сделал карьеру, сидя за письменным столом, а не блистая на трибунах или имея папу-начальника.

Будущий вице-премьер, а затем президент РЭК и «Купола», родился в апреле тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года в Солнцево Московской области. Окончил автодорожный институт, служил в армии, работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте промышленного транспорта, в Госстрое СССР, затем в Госплане. После распада этой организации про-

должил карьеру в Министерстве экономики, где добрался до ступеньки замминистра и заработал свой первый миллион «зеленых», умело перераспределяя финансовые потоки. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году вошел в правительство министерства энергетики, затем стал вице-премьером, а после кризиса — председателем правления Российской энергетической компании.

Однако мало кто знал, что, кроме этого, он занимал еще и должность президента «Купола». Власть этого человека была велика, а если учесть, что последнее время ему помогал не кто, чье имя нигде никогда не фигурировало и о чьем присутствии на Земле знали только иерархи Внутреннего Круга, а также Двенадцать Неизвестных — «главное» правительство России, adeпты Тьмы, то власть господина Рыжайса простиралась далеко за пределы его «энергетической епархии».

Своему беспомощному в физическом плане положению он был обязан покушению на жизнь, организованному одним из подельщиков-конкурентов по криминальному бизнесу. Пять пуль, выпущенных наемником-киллером, легли довольно кучно, однако только одна из них затронула позвоночник, и тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы навсегда лишить рвущегося к власти бизнесмена-политика прелестей жизни, таких, как спорт и женщины. Правда, это не помешало Эдмонду Анатольевичу захватить «верхотуру» — главенствующую роль в теневом бизнесе, а потом и в «Куполе». Зато он стал гурманом, способным оценить достоинства той или иной кухни, хотя предпочитал индийскую — с тех времен, когда он ездил по командировкам и посещал столицы многих государств мира, в том числе Дели.

В Москве индийских ресторанов насчитывается около десятка, но Эдмонд Анатольевич предпочитал посещать лишь два из них: ресторан яхт-клуба «Голубой ветер» и ресторан элитного клуба друзей Индии «Джавахарлал», где его мало кто мог увидеть и где он мог в неделовой обстановке встречаться со своими давними друзьями. Или с агентами, заселенными практически во все государственные структуры. Не встречался президент Купола только с директорами этой организации, хотя знал о каждом их шаге.

Посещение клуба вечером семнадцатого апреля не выпадало из череды других таких же «выходов в свет». Эдмонда Анатольевича доставили в отдельный кабинет вместе с коляской, сохранявшей одно и то же положение позвоночника, и он приступил к

трапезе, заказав дал — суп из дробленой чечевицы с овощами, тандури — мясо, запеченное с травами в глиняной печи (хотя врачи ему рекомендовали только овощи), и пхал ка пакора — фрукты, жаренные в тесте. Иногда, правда, он заказывал и матар алу таркари — тушеные овощи с сыром, изумительно вкусные, но в последнее время здоровье президента ухудшилось, поэтому, чувствуя скорое приближение рокового конца, Эдмонд Анатольевич махнул рукой на предписания и советы врачей и гурманствовал каждый день, не обращая внимания на жестокие приступы атеросклероза. Правда, эти приступы ему помогал снимать временный «квартиросъемщик» его тела, и Эдмонд Анатольевич за это готов был выполнить любую его просьбу и повеление.

Конкре проявился в голове, как второй собеседник, неожиданно, словно подслушал мысли хозяина. Впрочем, в данное время хозяином надо было считать именно его, а не Рыжайса. Так и осталось тайной для Эдмонда Анатольевича, почему Монарх внедрил свою «проекцию» в его немощное тело, а не выбрал кого помоложе. Хотя в глубине души (правильнее было бы сказать — в глубине сознания, ибо душу Эдмонд Анатольевич давно продал) он догадывался, что на территории России он оказался наиболее подготовленным кандидатом для воплощения «князя Тьмы», так как не существовало преступления, на какое бы он не пошел ради власти и наживы.

«Пора прекратить хождения по ресторанам, — сказал Конкре ворчливо, как добрый дядюшка. — С завтрашнего дня — строгая диета!»

— Раньше ты не вмешивался в мою личную жизнь, — вслух отозвался Эдмонд Анатольевич, движением руки выгоняя испугавшегося официанта. — У меня и так мало удовольствий.

Молчаливые охранники-слуги, сопровождавшие босса всюду, никак не отреагировали на его речь. Привыкли ко всему.

«Я не успеваю реализовать свою программу. Твое тело изнашивается окончательно и скоро перестанет функционировать. Нужен новый организм».

— Сейчас сюда придет мой главный исполнитель Генрих Ельшин, может, он подойдет?

В свою очередь Эдмонд Анатольевич хорошо понимал, что жить ему действительно осталось немного, и относился к этому по-философски спокойно. Хотя жить хотел и готов был идти на все, чтобы продлить существование, даже в этом немощном рыхлом теле.

«Хорошо, я посмотрю на него. Еще одно дело: ты слишком увлекся своими планами увеличения прибыли, из-за чего опять-таки страдают мои программы. Процесс физического и психического вырождения аборигенов идет недостаточно быстро, его надо ускорить, срочно бросить все силы на разработку систем внешнего коллективного пси-управления, а вместо этого ты увлекся грабежом госструктур и своих коллег. Пора остановиться!»

— Но разработка пси-генераторов требует больших вложений. На создание одного «глушака» я положил около миллиарда «зеленых» да еще столько же — на разработку «болевика».

«Этого недостаточно. Нужна большая система, основой которой готова стать система телевидения. Твои лаборатории уже работают над этой проблемой, но результата пока не видно».

— Мне мешают. Не могу же я напрямую подчинить такие конторы, как ФСБ и МВД.

«Убери мешающих, ускорь реализацию программ. Твои предшественники добивались большего. Все достижения современной технократической цивилизации построены за счет непрерывного духовного регресса людей — вот это результат! Ты же пока мало что сделал в этом направлении».

— Я же сказал — мне мешают! Главным образом — люди Круга. Помог бы найти их центр, я бы его уничтожил — и дело с концом.

«Круг является самоуправляющимся объектом».

— Что это значит?

«Несмотря на определенную иерархию, в нем нельзя выделить систему централизованного управления. Даже я не знаю всех его связей».

— Тогда какого дьявола даешь советы? Кстати, ты обещал дать мне дополнительный способ давления на всех, кто нам мешает.

«Если речь идет о метаязыке — тебе уже поздно что-либо учить. Если о метабое — у тебя есть возможность получить информацию от воинов Круга».

— Ты имеешь в виду этого Посвященного, перешедшего к нам в услужение? Дмитрия Щербаня? Но ведь иерархи перекрыли ему канал доступа к Хроникам.

«В мое поле зрения попал еще один мастер — Тарас Горшин. Возьми его, он владеет сиддхами и несколькими Ключами доступа к метаязыку. Он будет более полезен, чем Дмитрий. Хотя это далеко не главное, чем тебе придется заниматься. Мне нужна

связь с Союзом Двенадцати Неизвестных. Есть результаты, о которых я не знаю?»

— Ты же контролируешь все, что я делаю, — удивился Эдмонд Анатольевич. — Как я могу что-либо утаить?

«Я не всегда нахожусь внутри тебя, ты для меня только скважина, линия связи с твоей реальностью. Если информации больше нет, прощай».

— Гуд бай, — ответил Рыжайс, шевельнув рукой, будто и в самом деле прощался с кем-то.

В голове прошелестел сквознячок, и она стала пустой и звонкой, как сосуд, из которого вылили содержимое. Зато исчезли и неприятные ощущения, связанные с травмой позвоночника. «Квартирант» и на этот раз не забыл слегка «прибрать» квартиру — тело Эдмонда Анатольевича, очистить его от «мусора» солевых блокировок и других физиологических шлаков. Ненадолго, конечно, всего на пару суток, но Эдмонд Анатольевич радовался и этой передышке, позволявшей ему чувствовать себя почти здоровым человеком.

У стола возник телохранитель в черных очках, почтительно склонил голову:

— К вам посетитель, босс.

— Зови, — кивнул президент «Купола».

Через минуту в кабинет вошел Ельшин с букетом цветов и коробкой в руках, перевязанной атласной лентой.

— Поздравляю, Георгий Георгиевич! — сказал он с лучезарной улыбкой.

— Фу-ты ну-ты, ветки гнуты! — стукнул себя по лбу Эдмонд Анатольевич. — Я же совсем забыл!

Он, конечно, лукавил. Вчера ему исполнилось сорок три года, и не поздравил его с днем рождения только заместитель начальника антитеррористического Управления ФСБ Генрих Ельшин, занятый в одной из операций службы. И вот теперь полковник наверстывал упущенное.

— Что это? — с любопытством кивнул на коробку Рыжайс.

— Вам трудно угодить и еще труднее удивить, — сказал Ельшин, — а человек я небогатый, поэтому не взыщите. Это опытный образец генератора боли «пламя», больше известного как «болевик». Прямо, как говорится, с пылу с жару — после лабораторных испытаний.

Он открыл коробку и подал Эдмонду Анатольевичу необычной формы пистолет с толстым дулом красного цвета. Тот повер-

тел его в руках, с интересом разглядывая детали и примеряясь к рукояти.

— Спасибо, Генрих, это, пожалуй, действительно лучший подарок с твоей стороны. Работает? — Он направил ствол на Ельшина.

Улыбка полковника потускнела.

— Не надо испытывать его на мне, босс. «Болевик» работает, и весьма эффективно. Промышленный образец будет готов к концу года.

Эдмонд Анатольевич еще раз прицелился в Ельшина, бросил генератор телохранителю.

— Спрячь пока. — Посмотрел на Ельшина: — Теперь выкладывай, что у нас плохого.

Улыбка совсем погасла на губах Генриха Герхардовича.

— К сожалению, неприятностей избежать не удалось. Смирнову каким-то образом удалось разрушить свой мозг, сканер его не взял. Мы подготовили ловушку для его ученика Тараса Горшина, но не учли глупость некоторых наших сотрудников.

— Кто проштрафился на этот раз?

— Полковник Гольдин из отдела внутренних расследований. Он допустил ошибку, и Горшину удалось уйти.

— Гольдина ликвидировать!

— Ну зачем же, — бледно улыбнулся Ельшин, — он нам еще пригодится. Это его первый прокол. Смирнова-то он взял.

— Что еще?

— Это пока все. Остальное движется в рамках плана и контролируется.

Ельшин поежился. Иногда взгляд Эдмонда Анатольевича стекленел, словно он впадал в коматозное состояние, и это было страшное зрелище, будто с полковником разговаривал мертвец.

— Горшина найти! И взять живым!

— Но он слишком много знает...

— Именно поэтому и взять живым, что много знает. Это приказ! Надеюсь, проблем с этим у тебя не возникнет?

— Можете не сомневаться. — Генрих Герхардович почувствовал дрожь в коленях, на лбу выступил холодный пот. Он знал, что означают последние слова президента «Купола». Люди, у которых возникали проблемы, — исчезали.

— Свободен.

Ельшин сдвинул каблуки, боднул головой воздух, направился к двери.

— Да, вот еще что, — остановил его Рыжайс. — Убери-ка потихоньку Барона. Надоел он мне своим кретинизмом. «Купол» без него обойдется.

Ельшин еще раз наклонил голову и вышел.

В машине его ждали водитель и скучающий Дмитрий Щербань, в последнее время начавший раздражать полковника своим панибратским поведением.

— Что сказал покойник? — пошутил он, имея в виду Рыжайса.

— Он еще тебя переживет, — буркнул Ельшин, делая знак водителю, чтобы тот ехал. — Не найдешь мне Графа в ближайшие три-четыре дня, уволью!

Дмитрий подобрался, понимая, что начальник не зря находится не в добром расположении духа.

— Что, наш подарок не понравился?

— Твоей заслуги в его разработке нет. — Генрих Герхардович подумал и добавил со вздохом: — Да и моей тоже, честно признаться. Но твой приятель-соученик нужен боссу живым.

— То он приказывает ликвидировать его, то теперь взять живым. Может, подождем, пока сменится настроение, и боссу понадобится труп Графа? Ничего он не знает такого, чего не знаю я.

— Тем не менее приказ есть приказ. Мне он тоже нужен живым. Интересно будет покопаться в его мозгах, вдруг он действительно вышел на Тексты?

Дмитрий поскукнел.

— Я в это не верю. Не в способности клиента, а вообще, в теорию скрытой информации, влияющей на законы физики. Если бы она существовала, ее давно бы нашли до нас.

— На то и существует Круг, чтобы ее охранять. — Ельшин усмехнулся. — От таких, как ты. Короче, бери команду и начинай искать Графа. К субботе его голова должна быть в нашей лаборатории вместе с телом... пока. Не в лаборатории господина Георгия Георгиевича, подчеркиваю, а в нашей.

— Понял, сделаем.

— Как? Ты же сам говорил, что он сбежал, дома его нет.

— Да куда он от нас денется? Разве что на тот свет? Мы возьмем его через эту девицу, которую романтически настроенный Граф привез из Чечни. Скорее всего, он попытается спрятать ее у

знакомых или у родственников. Найдем ее, он сам к нам прибежит.

— Смотри не ошибись, как с его учителем. Ты тоже обещал, что он сам к нам придет. Он и пришел! Смирнов мертв, Гольдин в реанимации, Граф на свободе!

— Гольдин сам виноват, — буркнул Дмитрий. — Не надо было самостоятельностью заниматься. Подождал бы нас, и все было бы тип-топ. Теперь Графом займусь я, лично.

Ельшин кинул косой взгляд на телохранителя, поморщился, но ничего не сказал. Горшин ему нравился больше, но он вынужден был опираться на тех людей, кто был под рукой.

Глава 27

ДРУГАЯ СИЛА

На следующий день Тарасу уехать не удалось. Заболела мама — простудилась где-то, на радостях побегав по морозу без платка, и сыну пришлось лечить ее, применив терапию, о которой она и слыхом не слыхивала, и не верила, что это поможет. Однако помогло.

Тарас активировал обычную колодезную воду: «погрел» руками, «сдвигая» диполи воды в единую полимерную систему, заставил Ефросинью Карповну пить эту воду в течение всего дня, и к вечеру простуда практически прошла. Впрочем, чудом это лечение назвать было трудно, метод назывался биоактивацией, использовался на Руси давно и действительно превращал обыкновенную воду сначала в «мертвую», убивающую микробов, а затем в «живую», восстанавливающую нормальное функционирование сосудов и тканей.

Вечером молодые поехали в Архангельский театр оперетты на спектакль «Исход», привезенный испанской труппой «Эмилия Романья». Тарасу захотелось показать Тоне местный бомонд, да и самому отдохнуть. Однако досмотреть спектакль до конца они не смогли, как и десятки других архангельцев и гостей города.

В труппе собрались не профессиональные актеры, а просто нездоровые люди, не умеющие не только играть, но и естественно держаться на сцене. Среди них оказались и настоящий

бродяга, и эмигрант, и дистрофик, и представители сексуальных меньшинств, и даже дауны.

В принципе, все было бы ничего: актеры, как могли, пытались рассказать о творящихся в мире бедах и несправедливостях, о войнах и переживаниях людей, о жизни, напоминающей помойку, но когда персонажи, олицетворявшие собой силы зла, после пыток героев начали жонглировать вырванными с корнем человеческими головами, Тоню едва не стошнило, и Тарас вывел ее из зала, чувствуя себя оплеванным и не зная, как оправдаться перед ней. Он мог бы простить режиссеру несовершенства спектакля, веря, что создатели и м е н н о так понимают противоборство на земле сил добра и зла, но от этого не становилось легче, а главное — н е х о т е л о с ь сочувствовать уродам, пытавшимся пробудить сочувствие к другим уродам — моральным.

Тоня пришла в себя быстро, виновато посмотрела на спутника.

— Извини, я такая слабая... и вообще не хочу слышать о страданиях, вспоминать папу и маму.

— Я понял. Извини и ты, что не выяснил, о чем будет спектакль. Больше всего меня бесит реклама спектакля, которая преподносит его как произведение искусства! Я бы с большим удовольствием посмотрел какой-нибудь мюзикл или старую комедию вроде «Миллионерши» или «Летучей мыши». В Москве мы обязательно сходим в Театр Сатиры, да и вообще будем ходить на спектакли с настоящими мастерами.

Тоня вздохнула. Мысли ее все еще витали далеко отсюда. С большим трудом Тарасу удалось отвлечь девушку, сводив ее на главную площадь города, где шла подготовка к проведению очередного национального фестиваля русской сказки. Меж снежными скульптурами сказочных персонажей — от Змея Горыныча до Святогора — шествовали Бабы Яги (одна даже летела на воздушном шаре), Емеля на самоходной печи, Иванушка-дурачок, русалки, лешие, кикиморы, водяные и прочая нечисть, шуты и скоморохи. Судя по объявлениям, за два фестивальных дня должны были пройти сказочные спектакли, концерты, игрища, народные гуляния, петушинные и кулачные бои. Тоня с Тарасом успели досмотреть репетицию начала фестиваля, и настроение обоих улучшилось.

— Я не знала, что у вас такое бывает, — сказала Тоня задумчиво, когда они возвращались на автобусе домой. — Мы об этом даже не мечтали.

— Ты еще многое не видела, — рассеянно ответил Тарас. — Мир живет иначе, стремительнее и полней, чем Чечня. Когда люди из нее уйдут, там тоже начнется нормальная жизнь.

— Хотелось бы верить.

Мне тоже, подумал Тарас, но вслух об этом говорить не стал.

На следующее утро, с тяжелой душой, попрощавшись с мамой и Тоней, он уехал в Архангельск, а оттуда в Москву. Проблема дальнейшего противостояния прислужникам Конкере требовала разрешения. Воевать не хотелось, но и переходить в лагерь Конкере ради спасения жизни тоже. Нужен был какой-то нестандартный ход, который отвлек бы врагов и направил их по ложному пути, давая возможность самому Тарасу и его близким жить спокойно.

В доме явно побывали непрошенные гости, но не воры. Тарас понял это, обнаружив следы профессионального обыска и проверив тайники: взято ничего не было. Однако следовало принять срочные меры безопасности, чтобы никто больше безнаказанно не мог проникать в дом, и Тарас решил в ближайшее время заняться устройством системы охраны. Прийти к нему без приглашения могли только боевики «Купола», а с ними можно было не церемониться.

В течение дня он пытался выяснить что-либо о судьбе учителя, побывал на работе, нашел фирму, готовую взяться за переоборудование дома, затем пообедал в Думе, имевшей свой комбинат питания и отличных кулинаров. Депутаты были не дураки хорошо и дешево поесть. В принципе, желающие насытиться, предпочитающие знакомые и проверенные блюда, могли здесь уложиться в символическую сумму сорок-пятьдесят рублей. Тарас же любил столоваться в Думе не из-за дешевизны, а по причине хорошего выбора диетических и вегетарианских блюд. Мяса он не ел уже лет пятнадцать.

Вечером он съездил к Марату в больницу, чем несказанно обрадовал изнывающего от скуки спортсмена. Они проговорили полтора часа, а когда Тарас собрался уходить, Марат вдруг вспомнил, что Горшиным интересовались двое посетителей. Один назвался коллегой Тараса, второй сотрудником Управления внутренних расследований.

— Опиши обоих, — попросил озадаченный Тарас.

Марат описал.

Тарас хмыкнул. Ни одного, ни другого он, судя по описанию, не встречал. Но если сотрудником Управления внутренних рас-

следований вполне мог быть агент «Купола» или же работник Ельшина, то с «коллегой» вопрос оставался открытым. Кто-то знал, что Горшин работает в Комитете экологической безопасности, и, представляясь коллегой, как бы намекал на некие обстоятельства, связывающие обоих.

— Ладно, разберемся, — пообещал Тарас, вставая. — Держись, теннисист, недолго уже осталось прохладиться.

— Все равно тоска зеленая, — сморщился Марат. — Ребята в Туркмению поехали, на кубок Ниязова «Рухнаме», а я вот вынужден тут ошиваться.

— Сдался тебе этот кубок, есть попрестижней награды.

— Во-первых, «Рухнаме» уже входит в десятку самых крупных турниров Всемирной теннисной ассоциации, во-вторых, призовой фонд — полтора миллиона баксов, в-третьих, сам кубок — из чистого хрусталя с золотым покрытием в виде книги.

— Почему книги? — удивился Тарас.

Марат засмеялся.

— Туркменбаши недавно поэму написал — «Рухнаме» называется, нечто вроде книги заветов и правил для туркмен, — как верно и правильно служить своему народу, государству и, само собой разумеется, президенту. Теперь это настольная книга каждого туркмена. Отсюда и кубок.

— Великий человек! — почесал затылок Тарас. — Покруче любого западного президента. Во всяком случае, наш поэмы пока не пишет.

Прощавшись с Маратом и пожелав ему скорейшего восстановления, Тарас поехал домой, не забывая отслеживать «хвосты». Однако никто за его машиной не наблюдал. Слуги Конкере временно потеряли его след.

Дома он включил телевизор и сел с чашкой травяного отвара, очищающего организм, в кресло, еще хранившее тепло тела Тони. Передавали новости, повторявшие по сути вчерашние «новости», не отличимые от позавчерашних. В мире царил своеобразный «день сурка», основой которого была грязная политика и терроризм. Смотреть на это не хотелось. Тарас собрался выключить телевизор и замер, услышав знакомую фамилию. Диктор упомянул учителя.

В сообщении говорилось, что в Москве-реке обнаружено тело известного военного эксперта полковника Смирнова, потерявшего несколько дней назад в Чечне мать и жену. Криминалисты МВД не исключали версию самоубийства, поддержанную

военными психологами, которые отмечали «депрессию и черную меланхолию», в которые впал полковник после гибели близких. Но так как на теле Смирнова были обнаружены следы пуль, предполагалось, что на него напали чеченские боевики-смертники, внесшие его в черный список подлежащих уничтожению командиров, советников и спецназовцев, показавших себя в Чечне.

Тарас понимал, что «чеченский след» является попыткой скрыть от общественности истинные причины смерти учителя, а также имена истинных исполнителей-убийц, и снова почувствовал жгучее желание расправиться с ними. Ему стоило больших усилий успокоить душу и сердце обещанием изменить реальность таким образом, чтобы террористы и убийцы просто не могли творить свои темные дела безнаказанно. К тому же он дал обещание учителю не мстить. Да и Тоне тоже. А свои обещания он привык сдерживать.

Идея посоветоваться с иерархами Круга появилась исподволь, как реакция ума на безнадёжность ситуации. Он загнал мысль поглубже, гордо не желая идти на поводу у слабости, но мысль вернулась, и в конце концов Тарас был вынужден обдумать идею всерьёз, взвесив все «pro et contra». Наверное, пентарх Герард будет рад контакту, подумал он с невольной усмешкой, вспомнив слова учителя о недовольстве Герарда его поведением. Что ж, поднимем ему настроение, поелику возможно.

Зазвонил телефон.

Тарас с недоумением посмотрел на лежащую на диване трубку мобильного, с усилием дотянулся, поднес к уху, ожидая почему-то услышать голос Тони, хотя звонить она могла только из переговорного пункта на почте, которая в деревне Фрахт работала до шести часов вечера. В трубке зазвучал незнакомый мужской голос:

— Тарас Витальевич Горшин?

— Он, — ответил Тарас. — Кто говорит?

— Дмитрий Васильевич Завьялов. Вы меня не знаете, в настоящее время я инспектор по экологии правительства Москвы.

— А-а, тот самый «коллега», который заходил к Марату Барамидзе в больницу? Это он дал вам номер моего мобильного?

— Не ругайте его, он хороший парень, но простой. Поменьше делитесь с ним своими проблемами.

— Чего вы хотите?

— Встретиться и поговорить. Моя машина стоит в квартале

от вашего дома, так что могу подъехать прямо сейчас, если вы не заняты. Но если хотите, можем встретиться в любом другом нейтральном месте. Называйте координаты.

— Вы даже знаете, где я живу?

— Я все объясню.

Тарас напрягся, включая «прожектор» «третьего глаза», чтобы увидеть-почувствовать-понять собеседника, и ощутил-увидел его золотисто-оранжевую «неопасную» ауру. Судя по свечению биополей, инспектор по экологии действительно находился не-подалеку и, что немаловажно, один.

— Хорошо, подъезжайте ко мне. Только предупреждаю: увижу, что за вами следует прикрытие, отвечу адекватно.

— Прекрасно вас понимаю. Однако я тоже заинтересован в конфиденциальности разговора и не хотел бы, чтобы нам помешали. Ждите.

Тарас посидел несколько секунд с трубкой в руке, склонив голову к плечу, продолжая п р и с л у ш и в а т ь с я к пространству, потом погасил свет в доме и вышел в сад.

Машина инспектора — вишневого цвета «Фольксваген Бора» — подъехала через две минуты. Из нее вышел среднего роста человек в светлом плаще, спокойно направился к калитке, позвонил.

Тарас бесшумно объявился у калитки, сказал негромко:

— Завьялов?

Гость вздрогнул, освещенный сбоку уличным фонарем, хмыкнул.

— Вы появляетесь как привидение, Граф.

— Откуда вы знаете мою школьную кличку?

— Я много чего знаю, Тарас Витальевич. Но давайте поговорим не здесь, если можно.

Тарас открыл калитку, пропустил гостя и вошел в дом следом за ним, заинтригованный его заявлением.

Дмитрий Васильевич Завьялов оказался бывшим подполковником КГБ, вышедшим в отставку в начале девяностых годов прошлого столетия. На вид ему можно было дать лет тридцать пять, если судить по круглому лицу с детски пухлыми губами и румянцу во всю щеку, на самом же деле инспектор разменял уже пятый десяток и жизненный опыт имел немалый. Отказавшись от чая и холодных напитков, он огляделся без особого любопытства и сразу приступил к делу.

— Не будем терять время, Тарас Витальевич. Я представляю

некую организацию, созданную бывшими профи спецслужб, борцами с мафией и с бандитами.

— Вы же говорили, что работаете инспектором по экологии, — не выдержал Тарас.

— Я действительно инспектор, — спокойно заметил Завьялов, пригладив светлые волосы на висках. — Но скоро правительство сменится, и я стану референтом нового премьер-министра.

— Вы что же, знаете, кто станет премьером?

— Знаю, — не изменил тона Завьялов. — Им будет Краснорыжин, нынешний посол России в Украине. Не удивляйтесь, это не прогноз, а точное знание нынешних политических реалий. Но вернемся к причине, по которой я связался с вами. Мы знаем о вас многое, если не все. Вы нужны нашей организации, а мы нужны вам, судя по последним событиям. «Купол» не оставит вас в покое.

— Откуда вам известно о... моих разногласиях с «Куполом»? — спросил неприятно удивленный осведомленностью визитера Тарас.

— Наши люди есть везде, в том числе и в «Куполе». Если вы согласитесь работать с нами, получите мощную поддержку и другой уровень возможностей. В одиночку с криминальной системой нынче бороться невозможно.

— У меня уже есть работа.

Завьялов улыбнулся.

— Как говорится, если пьянство мешает работе, брось работу. Вам не придется уходить из Комитета, просто эта организация будет официальным прикрытием основной.

— Какой?

— Между собой мы называем ее «Чистилищем». Протокольное название — «Стопкрим».

— Не слышал о такой организации.

— Мы еще заявим о себе. Как вы понимаете, в названии организации уже заложен принцип ее работы. Мы хотим очистить страну от коррумпированного чиновничества, бандитов, террористов и уголовников. Для чего создали структуру с эшелонированной подстраховкой. Ее аналитики, тактические руководители и инструкторы — бывшие спецы КГБ, нынешней ФСБ, МВД, Внешней разведки; исполнители — профи рукопашного боя и спортсмены. Нам нужен исполнитель вашего уровня, который впоследствии смог бы стать теневым спикером.

— Кем? — не понял Тарас.

— Руководителем операций. Такие руководители имеют свои монады — тройки-пятерки проверенных парней и управляют ими только по мобильной связи. Главных же руководителей или комиссаров всего четыре.

— Стоп! — поднял руку Тарас, останавливая собеседника. — Без имен. Боюсь, вы бежите впереди паровоза. Я еще не дал согласия стать членом вашей... э-э, вашего «Чистилища».

— Разумеется, последнее слово за вами. Конечно, задачи перед нами стоят огромные и даже, может быть, непосильные, однако мы не собираемся спасать весь мир, Россию бы сохранить.

— Мир спасет конец света, — пробормотал Тарас.

Завьялов с любопытством посмотрел на него, улыбнулся.

— Вы неплохо реагируете на неожиданные предложения, хотя с виду не очень коммуникабельны.

— Спасибо за комплимент.

— А это не комплимент, констатация факта. Хотя, на мой взгляд, одна из лучших ваших черт — отсутствие стремления к власти. Мне она нравится больше.

— Власть власти рознь, — пожал плечами Тарас. — К примеру, мне бы очень хотелось всегда быть над обстоятельствами.

— Но ведь не над людьми?

— Пожалуй, нет, — сказал Тарас после недолгих раздумий. — Если не считать некоторых нелюдей.

— Нелюди и есть нелюди, они не должны ни властвовать, ни вообще жить.

Тарас вздрогнул, заглядывая в глаза гостя, озвучившего его собственную доктрину, но увидел в них только терпеливое ожидание и почему-то печаль.

— Я давно сделал вывод, — продолжал Завьялов, — что у тех, кто рвется к власти, используя все средства, меняется психика, и к высшим постам приходят уже не люди, а человекоподобные монстры. Они опаснее всего, потому что умеют говорить правильные вещи и якобы радеют за народ. Ими и будет в первую очередь заниматься «Чистилище». Итак, ваше слово, Граф.

Тарас открыл рот и закрыл, вдруг увидев перед собой укоряющие глаза Тони. Опустил голову, долго молчал, сцепив руки на груди. Потом покачал головой и вздохнул.

— Нет.

— Понял, — ни капли не удивился и не расстроился гость, развел руками: — Как говорится, хозяин — барин. Мы не надея-

лись, что вы сразу проникнетесь нашими идеями и примете предложение. Подумайте, у вас еще есть время. — Завьялов встал. — Только не оставляйте девочку одну. Это ошибка, что вы поселили ее у матери.

Тарас изменился в лице.

— Вы и об этом?..

Дмитрий Васильевич кивнул, с сочувствием глянув на Горшина.

— Мы следим за вами уже полгода. Извините. Таков срок проверки. Но Антонину заберите как можно быстрее. Ваш поход в лабораторию «Купола» сильно огорчил его президента, он предпримет все меры, чтобы найти вас и уничтожить. Вот почему мы решили предложить вам нашу помощь, хотя альтруистами не являемся и спокойную жизнь не сулим. Кстати, мы делали такое же предложение и вашему наставнику, полковнику Смирнову.

— Вот как? Он мне ничего не говорил. И что же?

— Он отказался.

— Почему же вы решили, что я соглашусь?

— Если бы он пришел к нам, трагедии бы не произошло.

— Вы мне... угрожаете?

Завьялов досадливо поморщился.

— Возможно, я неудачно расставил акценты. К сожалению, выбор у вас невелик: жизнь — смерть... еще раз простите. Это жестоко, но это правда. Вот моя визитка. — Он подал Тарасу прямоугольничек белого картона с тисненым золотым кинжалчиком и фамилией. — Надумаете — позвоните. Всего хорошего.

Так и не сняв плащ, Завьялов вышел в прихожую. Тарас догнал его:

— Не бойтесь, что я сообщу о вас?

— Кому? — усмехнулся Дмитрий Васильевич. — Разве что сразу президенту «Купола». В правоохранительных органах у нас свои люди. Но ведь вы никому не сообщите?

— Президенту «Купола» — точно нет, — прищурился Тарас.

— Ну и славно.

Инспектор по экологии и он же комиссар «Чистилища» скрылся за дверью. Заработал двигатель машины, прошелестели шины, стало тихо.

— Что-то дьяволы нынче больно вежливые стали, — добавил вслух Тарас, вдруг поймав себя на мысли, что х о т е л бы иметь за спиной такую «крышу», как «Чистилище».

Из гостиной донесся звонок обычного телефона. Спину охватил озноб. Тарас метнулся в дом, схватил трубку.

— Ой, Тарасик, ты дома! — донесся обрадованный и одновременно испуганный голос Нины. — Тут только что тебя искали и хотели... — Она вскрикнула, умолкла, будто ей заткнули рот.

— Нина! — крикнул он.

Кто-то с той стороны подержал трубку возле уха и аккуратно положил ее на аппарат. В трубке Тараса раздались гудки отбоя. Мгновение он прислушивался к шумам телефонной линии с широко раскрытыми глазами, скрипнул зубами и принялся собираться. Через несколько минут он уже мчался через спящий город к дому бухгалтера, понимая, что не успеет, и тем не менее выжимая все из мотора «Вольво».

Во дворе никого.

В подъезде и на лестнице тоже никого.

Дверь в квартиру закрыта, и лишь тонкий след чужеродности указывает на то, что здесь недавно побывали недобрые гости.

Тарас толкнул дверь, ворвался в прихожую — никого, порядок, вещи на местах, заглянул на кухню — тоже все в порядке, бросился в гостиную и сразу увидел лежащую на диване в одном пеньюаре Нину. Глаза у нее были открыты, в них застыл ужас, она была мертва. Это он понял сразу. Подошел, присел на корточки, уронив руки и разглядывая сотрудницу, отмечая синяки на руках и царапину над губой. Нет, ее не душили, просто держали за руки и затыкали рот, а потом... потом выстрелили в нее из «глушака», чтобы допросить без хлопот. Однако она умерла раньше — от страха и шока. Вряд ли она что-либо успела сказать...

Тарас пошевелился, стряхивая оцепенение, начал оглядываться, искать какие-то следы, но, кроме слабого ментального запаха, оставшегося от побывавших здесь гостей, ничего не обнаружил. Они были профессионалами и не тронули ни одной вещи, придя сюда с одной-единственной целью — узнать у Нины, где может скрываться сотрудник Комитета Тарас Горшин. Оставалось загадкой, почему они не догадались оставить в квартире засаду. Скорее всего, считали, что Горшина в Москве нет. И ушли, добившись цели. Или не добившись.

— Не надо было ее убивать, шакалы! — прошептал Тарас. — Вы не оставляете мне выбора!

Вспомнив о предупреждении Завьялова, он заторопился, позвонил в «Скорую», сообщив о «сердечном приступе» Нины, назвал ее адрес и убрался из квартиры. Нине он уже ничем не мог

помочь, прошло слишком много времени с момента ее смерти. Надо было думать о живых.

Дома он переделался, захватил только самые необходимые вещи, документы и деньги и помчался в аэропорт. Машину оставил на платной стоянке и сразу бросился к кассам, чтобы успеть купить билет на самолет до Архангельска.

Ему повезло. Посадка в самолет уже заканчивалась, но его подождали, и в двенадцать часов ночи он уже был в воздухе, пытаясь успокоить тревожно ноющее сердце. Перед глазами все еще стояло лицо Нины, то и дело сменяющееся лицом Тони, и от этого становилось еще хуже. Но передвигаться в пространстве как иерархи Круга он еще не мог, хотя душа рвалась на части и давно опередила непослушное, зависимое от физических законов реальности тело.

В три часа ночи самолет сел в аэропорту Архангельска.

Больше часа Тарас искал способ добраться до деревни Фрахт, пока один из таксистов-частников не согласился отвезти его за баснословную сумму. Он не торговался, пребывая в состоянии лихорадочного возбуждения. Начало светать, когда водитель остановил свою выдавшую виды «Ниву» возле дома мамы. Тарас расплатился, выскочил из машины и сразу почувствовал, что Тони здесь нет!

Глава 28

ПРОШЛОЕ ВЫТЕКАЕТ ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Маму он нашел в состоянии, близком к смерти. Ее никто не трогал, не бил и не пытал, но ей хватило и того страха, который она испытала при неожиданном появлении чужих людей, забравших Тоню. У женщины случился сердечный приступ, и, если бы не возвращение сына, она бы так и умерла на полу в светелке, не приходя в сознание.

Тарас быстро сделал биоперенос, восстановив энергетику Ефросиньи Карповны с тем расчетом, чтобы отошло сердце, затем умыл маму «живой водой», одел и сбегал за дедом Порфирием. Вдвоем они нашли транспорт — сосед деда одолжил лошадь с санями — и отвезли маму в ближайшую больницу на окраине Архангельска. Пока ехали, пришедшая в себя Ефросинья Карповна

поведала сыну историю появления в доме команды, и Тарасу стала ясна картина похищения Тони.

Их было трое, в камуфляже. Мама запомнила только одного — рослого, белобрысого, с коротким ежиком волос и прозрачными равнодушными глазами навывкате. Он был среди гостей главным. Показав маме издали красную книжечку, белобрысый сказал, что они из криминальной милиции, и велел позвать квартирантку. На вопрос Ефросиньи Карповны зачем, ответил: по вопросу временной регистрации.

Шел уже одиннадцатый час вечера, Тоня читала в своей спальне, когда появились гости, и сразу почувствовала нарастающее беспокойство. Жизнь в чеченской столице приучила ее с тревогой относиться к ночным визитам чужих людей. Она вышла из спальни в халате и сразу поняла, что эти трое явились за ней с недобрыми намерениями.

— Собирайся, — приказал белобрысый спецназовец. — Поедешь с нами.

— Никуда я с вами не поеду, — отступила девушка. — Приедет муж (она так и сказала), с ним и будете разговаривать.

— Конечно, приедет, — меланхолично заметил командир группы. — Особенно когда узнает, что ты у нас. Собирайся, я дважды приказы не повторяю.

— Не поеду! — Тоня спряталась за Ефросинью Карповну. — Я ничего плохого не сделала! Вы не имеете права!

Тогда белобрысый оттолкнул мать Тараса и схватил Тоню за руку, дернул так, что она, вскрикнув, отлетела к двум его подчиненным, и те, зажав девушке рот, потащили ее к двери.

— Что вы делаете, супостаты! — простонала Ефросинья Карповна, приподнимаясь с пола и протягивая к ним руку. — Не трогайте ее, нехристи!

— Уймись, старуха, — бросил белобрысый равнодушно. — Не то отправим к праотцам.

Последнее, что услышала женщина, был крик Тони: «Тарас!..» Затем послышался мат, удар и крик оборвался.

— Так они ее и увезли, — закончила шепотом мама, а в груди Тараса вспыхнуло и сгорело его обещание не начинать с врагами войну. Они снова опередили его и заставили изменить решение.

В больнице он не задержался, всем телом ощущая, как уходит время. Оставив маму на попечение деда Порфирия, он помчался в аэропорт и успел на дневной рейс, отправлявшийся в Москву в два часа пополудни. Он ни капли не сомневался, что

Тоню повезли именно туда, в столицу, где обосновались главные действующие лица противостояния, методично претворяющие в жизнь программу Монарха Тьмы. Оставалось выяснить, кто именно захватил Тоню: гангстеры «Купола» или бойцы антитеррористического отряда «Гамма», подчинявшегося Гольдину. Или напрямую Генриху Ельшину.

В самолете пришло ощущение, что кто-то пытается пролезть в голову сквозь череп и кожу. Тарас напрягся, подставляя з е р к а л ь н ы й щит. Ощущение притупилось. Успокоенный (до этого он проверил каждого пассажира в салоне «Як-42») Тарас откинулся на спинку кресла и вдруг подумал, что сверху видна в с я поверхность земли. Стоило попробовать определить координаты местонахождения Тони по пси-пеленгу. Лишь бы она была в сознании и у с л ы ш а л а его.

Однако попытка выхода в астрал провалилась. Несмотря на хорошее самочувствие (переживания не в счет) и высокий энергетический потенциал, Тарас не смог преодолеть ментальный барьер и выбраться на край колоссальной энергоинформационной бездны, с которой начинался спуск (или подъем) в более упорядоченную среду под названием Хроники Внутреннего Круга. Впечатление было такое, будто коридор выхода превратился в извивающийся во все стороны шланг и все время возвращал разум-волю Горшина к началу пути, не позволяя ему слиться с полем информации большой живой системы — биосферы Земли. Не удалось ему нащупать и канал информации скрытой реальности, через который он общался с духом рода. Такие каналы были доступны лишь иерархам Круга — мастерам, адептам и ангелам, и очень редко — Посвященным первых семи ступеней, но у Тараса он был, благодаря настойчивой помощи учителя. Почему канал вдруг пропал, надолго ли, и не связано ли это было со смертью Елисея Юрьевича, надо было разбираться в другой обстановке. Теперь же, получив доступ к *мугамуси* — полной отрешенности от земного бытия, настроенный на восприятие эйдетической информации, недоступной словесному выражению и логическому определению, Тарас решил идти дальше, в глубины своего подсознания, надеясь наконец получить ответы на давно мучившие его вопросы. Учитель говорил, что главный путь Посвященного — изучение метаязыка, языка т в о р е н и я, но прежде Тарас хотел выяснить законы метабоя, так как полагаться он мог только на свои силы и умение, а противостоял ему не один человек и даже не спецподразделение, а с и с т е м а.

Тарас глубоко вздохнул и нырнул в бездну памяти, считая секунды, часы, месяцы, годы и столетия.

Темнота, пронизанная странным невидимым светом...

Беззвучные и объемные свисты и гулы со всех сторон, сотрясающие пространство...

Мягкое шевеление живых масс, мимо которых он пролетал с огромной скоростью...

Тяжкий плеск океанских волн, огненный ветер...

Удар!..

Помутнение рассудка... вход в событие... как же тут тесно, Боже ты мой!..

Он открыл глаза и осознал себя стоящим на балюстраде с низким каменным парапетом, опоясывающей внутреннюю стену огромного замка со множеством башен разной высоты и формы. Башни были усеяны мириадами отверстий, как, впрочем, и стена замка, словно изъеденные кислотой или жучком-древоточцем, но Тарас сразу понял, что это означает. Замок был создан Инсектами — то ли термитами, то ли муравьями, люди пришли сюда и заняли его позже.

Предок Тараса, в теле которого он «вылупился» из временного потока, имел две ноги, две руки и голову, как и обычные люди. По-видимому, Тарасу открылась не очень древняя «кладовая» памяти, глубиной на три-пять миллионов лет. Однако после первых минут разочарования он почувствовал растущий интерес к происходящему и понял, что вышел в нужное время и в нужном месте. Учитель знал, что говорил, настойчиво повторяя принцип Круга: идущий должен научиться искусству задавать точные вопросы, это главный путь к знанию. По-видимому, его усилия не пропали даром, ученик с грехом пополам, но овладел навыками задавать вопросы, и подсознание вывело Тараса в ту область памяти, которая соответствовала его запросу.

Предок не смотрел на стены замка, он смотрел на внутренний двор, где шло сражение. Точнее — обучение воинов приемам боя. Самого древнего из воинских искусств, не имевшего названия в свое время. Современники Горшина называли это искусство «живой», спасом, первобоем и метабоем. И только глядя на это действо, Тарас понял, что оно насквозь — магическое, судя по колебаниям пространства, изменению форм двора и самих участников процесса.

Бойцы сражались один на один, попарно, строй на строй, и каждый раз пейзаж менялся, возникали и пропадали ямы и буг-

ры, скалы и стены, здания и сооружения, бойцы превращались в птиц и зверей, в невиданных существ, и разобраться в калейдоскопическом верчении призрачных — или вполне реальных — объектов было трудно, а понять, что и как они делают, и вовсе невозможно.

Словно почувствовав разочарование Тараса, нетерпение и желание разобраться в происходящем, предок крикнул что-то низким гортанным голосом и спустился во двор, снимая белоснежные одежды. В этом мире он был, очевидно, наставником школы воинского искусства, так как слушались его беспрекословно.

Тарас многого не понял из того, что показывал учитель и что говорил, зато интуитивно, на тонкой грани соотвeтствия психик — все же он был прямым потомком этого первочеловека — он воспринял глубинный психологический базис системы, которую можно было бы назвать системой целостного мировоззрения и движения, и запомнил основные моменты учения. Кроме собственно движения и физических приемов, метабой включал в себя элементы первоязыка, каждая буква которого имела глубокий смысл, отчего мастер боя сразу становился магическим оператором, способным менять мерность пространства и влиять на противника таким образом, что тот отказывался от намерений причинить ему вред. По сути, это была система пресечения боя на психофизическом уровне, хотя владеющий ею мог не только останавливать противника «дистанционно», но и физически, с помощью совершенных по технике исполнения и красоте каскадов приемов, в том числе — смертельных. А мог и лечить травмированного либо оживлять, если требовалось. Ибо метабой представлял собой не что иное, как растянутое во времени, воплощенное в материи и движении Слово Власти...

Тарас вздрогнул, ощутив присутствие незримого собеседника и осознав, что последнее открытие, сделанное им, на самом деле подсказано. Не выходя из сознания предка, огляделся и увидел чуть сбоку (по ощущению) высокую полупрозрачную фигуру в сером плаще до пят и в шляпе. Предок и его ученики не замечали эту фигуру, и Тарас понял, что она существует лишь для него.

«Зонг...» — поежился он.

«Тебе многое дано, Незавершенный, — слышался мысленный голос незнакомца, чье лицо мерцало: то исчезало, то

проявлялось световым пятном. — Но ты избрал путь потерь, ведущий в никуда. Круг тебя не примет».

«Кто вы? Посланец инфарха? Или... Конкере?!»

«В последнее время ты задаешь очень сильные вопросы, Граф. Мне жаль, что ты до сих пор не определился. Я один из тех, кто имеет право контролировать сущее твоего рода, хотя и без права вмешательства».

«Декарх...»

«Браво, молодой человек, ты быстро ориентируешься. Однако позволь спросить: что ты собираешься делать дальше?»

Двор замка перед глазами Тараса затуманился, фигуры людей и контуры строений стали расплываться. Наступал этап перегрузки сознания, пора было возвращаться в свое время.

«Я хочу освободить свою девушку...»

«Любой ценой?»

«Мне не оставили выбора...»

«Выбор есть всегда, прежде всего выбор нравственный. Ты уверен, что сделал правильный?»

Сознание потускнело.

«Уверен!»

«Что ж, до встречи в другой реальности, идущий окольным путем. Извини, что я выбрал не самый удачный момент для беседы, у гостя всегда больше времени, чем у хозяина. Но все же мне придется сообщить тебе неприятную вещь: с этого момента твоя личная линия «пологого спуска» больше не действует».

«Что это значит?»

«Канал ДН — «демпфирования неприятностей», который оставил тебе твой учитель, практически нейтрализован твоим непродуманным поведением. Ты становишься опасным для Круга».

«Тогда заблокируйте мне память, не позволяйте нырять в прошлое».

«Блокирование памяти невозможно без нарушения психики, на это мы пойти не можем. Но вот выход к Хроникам...»

«Делайте, что хотите... — Тарас начал погружаться в темноту и последним усилием воли скомандовал «подъем». — Я не могу остановиться на полпути!»

В себя он пришел, когда самолет совершал посадку в аэропорту Быково. Тело казалось губкой, пропитанной водой, но голова была ясная, он помнил весь разговор с декархом, от слова до слова, и... не помнил ничего, что увидел и понял во время похода

и встречи с предком-наставником! Лишь сам факт погружения да очень смутно — видение замка и двора, где воины-перволюды проходили обучение метабою. Декарх ухитрился-таки заблокировать самое важное з н а н и е, которое скрывалось в генетической памяти рода Горшиных.

— Сволочь! — вслух выговорил Тарас и извинился, поймав удивленный взгляд бортпроводницы. В глубине души он пообещал, что непременно спустится в прошлое еще раз и восстановит все, что ушло из памяти бесследно, как сон.

* * *

«Третий глаз» не обнаружил опасности, засады в доме не оказалось. Зато обострившееся чутье подсказало, что гости снова побывали в доме. Тарас медленно обошел свое жилище, о б н ю х и в а я пространство. Взрывчаткой не пахло, и он вошел в дом. В гостиной на столе его ждала записка:

«Ваша девчонка у меня. Придите и заберите. Заодно сыграем в бильярд — одна партия за мной».

В голову ударила волна крови.

Ельшин! Ну, конечно же, это его команда побывала у мамы и забрала Тоню! А перед тем убила Нину! Только Дмитрий способен свободно проникать в закрытый на все замки дом и уходить так же незаметно, не оставляя следов. Почему он не оставил засаду? Или хотя бы наблюдателя? Впрочем, он знает, что Посвященный его уровня способен вовремя обнаружить и то, и другое. Проще всего было бы спрятать где-нибудь снайпера. Один точный выстрел — и объект обезврежен! Почему Генрих Герхардович или Дмитрий этого не сделали? Почему не объявили в розыск как потенциального преступника? В чем здесь подвох? Или они просто хотят насладиться унижением соперника? Заставить его просить пощады?..

Тарас скомкал записку, окаменев от ненависти. Клочок бумаги в ладони обуглился, превратился в пепел. Тарас очнулся, покачал головой, стряхнул с ладони пепел. На ум пришло чье-то изречение: «Бойся гнева терпеливого человека!» Возможно, он не самый терпеливый человек на свете, но...

— Бойтесь и моего гнева, мерзавцы! — сказал вслух с такой силой, что на столе лопнула хрустальная пепельница в форме дракончика.

Сердце перестало гнать лаву крови по жилам, стало немного легче.

Что ж, мужики, встречу я вам гарантирую, — подумал он уже почти совсем спокойно. — Вы перешли границы первыми. Один предал учителя, второй предал все светлое, но главное — вы привыкли наносить удары в спину. А это к а р а е т с я! Не законом, так мной! До Божьего суда далеко, я не могу ждать так долго.

Сев за стол, Тарас набросал схему взаимодействия команды Ельшина с президентом «Купола», как он это понимал, и начал анализировать последние события с участием всех заинтересованных в смерти учителя лиц. Не хватало данных по ДДО «Гамма», не хватало компьютера, это стало понятно уже через полчаса, поэтому он бросил свое занятие и поехал к Витюше Кучину на Цветной бульвар, захватив свои схемы и записи.

Пробыл он там больше двух часов, бегал за кофе и бутербродами и терпеливо ждал конца расчетов, которые Витюша запустил через какой-то хитрый алгоритм после взлома сети ФСБ. Наконец компьютерщик вывел решение на принтер и потянулся, сцепив ручки на затылке.

— Хорошая задачка была, Витальич, даже жаль, что кончилась. Ты приноси еще чего-нибудь в этом роде, с удовольствием повоюю. Кстати, зачем тебе этот геморрой с конторой? Они же тебя к себе на пушечный выстрел не подпустят.

Тарас выдернул стопку листов из корзины принтера и пробежал их глазами. Здесь было все, что требовалось для решения другой задачи — посещения всех тех, кто исполнял и з а к а з ы в а л убийство жены и матери учителя, семьи прокурора Хованского и самого Елисея Юрьевича. Разумеется, на основании тех сведений, которыми располагал Тарас. В списке было пять фамилий, и напротив каждой компьютер нарисовал самые вероятные пути их следования из квартир на службу, а также дал адреса возможных мест отдыха.

Среди этих пятерых был и полковник Гольдин. Поколебавшись, Тарас листок с его фамилией выбросил. Возможно, родители полковника знали, с кем и где он встречался наиболее часто, но травмировать их расспросами не хотелось, они ни в чем виноваты не были. Сам же Гольдин до сих пор находился в реанимации и едва ли пережил бы допрос. Зато с четырьмя остальными стоило разобраться по полной программе. Это были Дмитрий Щербань, Генрих Герхардович Ельшин, заместитель начальника штаба Северо-Кавказского военного округа полковник Жмутенко и

президент Российской энергетической компании господин Рыжайс.

Жмутенко, правда, в настоящий момент волновал Тараса меньше, да и находился далеко, в Моздоке, поэтому его Тарас тоже пока решил оставить в покое. Однако и до Генриха Ельшина добраться было нелегко, учитывая его положение и окружение. Стоило поподробней познакомиться с его досье и выяснить детали, которые помогли бы осуществить перехват полковника без лишнего риска и стрельбы и освободить Тоню. Исходя из этих соображений, Тарас и начал подготовку к своей ратной работе, выбрав для начала не сильно значимую личность, от которой тем не менее многое зависело. Этой личностью был майор Золиньш, командир десантно-диверсионного отряда «Гамма», подчинявшегося непосредственно полковнику ФСБ Гольдину. Именно Золиньш, судя по описанию мамы и портретному сходству, и руководил группой, взявшей Тоню в заложники.

Тарас с чувством пожал руку Витюше, пообещал в благодарность за выполненный заказ бутылку коньяка или, в крайнем случае, купить велосипед (Витюша посмеялся шутке, довольный, что угодил приятелю) и, выйдя из офиса фирмы, еще раз внимательно перечитал текст под фамилией Золиньш.

Майору исполнилось двадцать девять лет. Служил в армии, закончил военное училище и школу пловцов-подводников, участвовал в спецоперациях в Чечне, был замечен кадровиком ФСБ и с конца двухтысячного года приглашен в антитеррористическое Управление, где быстро продвинулся по служебной лестнице и занял место командира ДДО «Гамма». Холост. Не курит. Пьет в меру. Женщинами интересуется мало. Занимается единоборствами. Хобби — подводное плавание и рыбалка, а также разработка автомата для подводной стрельбы.

— Перспективен для привлечения к спецоперациям уровня «А», — вслух прочитал Тарас. Покачал головой. Спрятал лист с данными на Золиньша в карман.

Майор действительно был человеком незаурядным и способным, и если бы он лично руководил группой десантников, пытавшихся ликвидировать или захватить Горшина на теплоходе, возможно, еще одна встреча с ним и не понадобилась бы.

«Ах, майор, майор, — подумал Тарас с сожалением, — знал бы ты, на кого работаешь, может быть, и не встретился бы на моем пути».

Дома он еще раз перечитал данные на всю четверку, подле-

жашую нейтрализации, сжег листочки с записями и наметил первый маршрут. Затем собрался, как на прием в посольство: костюм, белая рубашка, галстук, туфли, — и поехал на Фрунзенскую набережную, где располагалась резервная база ГОНа — Гаража особого назначения.

Глава 29

СХВАТКА ПОД ВОДОЙ

Когда-то ГОН принадлежал бывшему Девятому управлению КГБ и имел собственный герб — выезжающий из кремлевских ворот «ЗИЛ» на фоне чекистского щита. Теперь же герб «главного» гаража государства Российского сменила эмблема Федеральной службы охраны: двуглавый орел, щит, меч, триколор. Именно этот штандарт и красовался на неприметном здании на Фрунзенской набережной Москвы-реки, в котором укрывалась секретная часть ГОНа, предназначенная для замены транспортных средств передвижения «объектов государственной охраны».

Сотрудников ГОНа можно узнать по крошечным нагрудным значкам, как бы меткам для своих. Всю свою жизнь они развозят туда-сюда высших сановников страны, от руководителей депутатских фракций до премьер-министра и президента, а также высоких гостей — глав государств других стран. Приятель Тараса Вадим Логинов водителем не был, но тоже носил значок ГОНа. Работал он главным инженером гаража и власть имел немалую. Во всяком случае, выслушав Горшина, он тут же приказал сотруднику выгнать машину, что и было сделано без вопросов и обсуждений. Зачем Тарасу понадобился представительский автомобиль, тридцатипятилетний Вадим не спросил. Он был вечным должником Тараса, который спас его в Чечне в тысяча девятьсот девяносто восьмом году, и все его просьбы выполнял с великой тщательностью. Впрочем, таких просьб на протяжении последних трех лет насчитывалось всего две, когда Тарасу понадобилось «показаться» перед Оксаной и отвезти учителя в аэропорт. Эта просьба была третьей.

— Поаккуратнее с ней, — пробасил Вадим, широкий, кряжистый, с висячими «запорожскими» усами, похлопав по крылу бронированный «ЗИЛ». — Штучная работа, по заказу для премьера.

Тарас оглядел холеные, агрессивно-вышколенные «Мерседесы», вылизанные, строгие «ЗИЛы» и «Чайки» и пожал руку приятелю. В гараже пряно пахло кожей, лаком, натуральным деревом и совсем чуть-чуть бензином. На машины приятно было посмотреть, а уж ездить тем более.

Вадим перехватил взгляд Горшина, подкрутил пальцем усы.

— Все — новье, старые модели теперь только в эксклюзивном пользовании. Например, спикер Госдумы ездит только на «ЗИМе», который стоит в отдельном гараже. А раньше у нас и «Роллс-Ройсы» обслуживались, и «Бьюики», и «Паккарды», и наши «Руссо-Балты».

— Ты мне это уже десятый раз говоришь, — улыбнулся Тарас. — Но все равно — спасибо. Верну в идеале. — Он подумал и добавил: — Если удастся.

— Надеюсь. — Вадим кинул взгляд на костюм бывшего сослуживца: — А куда это ты собрался? На прием к президенту или к бабе?

— К ней, родимой, — кивнул Тарас, размещаясь в просторной кабине «ЗИЛа».

Через минуту он ехал по Москве, чувствуя странную гордость и неловкость одновременно, когда инспекторы дорожного патруля дружно козыряли, вытягиваясь перед машиной в л а с т и, хотя и не видели за тонированными стеклами, кто в ней едет.

Тарас пересек МКАД по Боровскому шоссе, на пятом километре свернул на Чоботовскую аллею, пересек железнодорожные пути, проехал Вокзальную, все четыре Лазенковых тупика и оказался на территории санатория «Переделкино». Однако мало кто из живущих здесь людей — а скорее всего никто — знал, что на территории санатория располагается и секретный полигон базы подразделения «Гамма» Управления «Т» Федеральной службы безопасности.

В одиннадцать часов к стареньким воротам с эмблемой Минздрава СССР — змея, обвивающая чашу, — подъехал роскошный черный лимузин с флажком на капоте и требовательно прогудел. Никто не вышел к воротам, однако створки их медленно раздвинулись, снабженные неслышным механизмом. Лимузин проехал за ворота и остановился перед другими, металлическими, врезанными в забор из бетонных плит.

Чувствуя, что за машиной наблюдает телекамера, Тарас спустил боковое стекло и показал свою красную книжечку с тисненым двуглавым орлом и буквами НКЭБ. Ворота дрогнули и

начали бесшумно открываться. Тарас миновал ворота и остановился у КПП перед двумя рослыми парнями в камуфляже, в черных беретах и черных очках, с ленивой профессиональной небрежностью держащих за спинами — дулом под мышку — автоматы.

— Кто? — коротко спросил третий охранник, возникший у дверцы «ЗИЛа», наклоняясь к щели.

— Федеральный инспектор Горшин, — проговорил Тарас раскатиисто, с выразительной «царственной» вальяжностью.

— К кому?

— Мне нужен майор Золиньш.

— Проезжайте прямо, у кирпичной одноэтажки повернете налево, за спортплощадкой свернете направо и упретесь в пруд. Он там.

Тарас закрыл окно и двинулся в указанном направлении, гадая, почему охранники не стали смотреть удостоверение и спокойно пропустили незнакомого «инспектора» на территорию секретного объекта. Впрочем, могло быть два фактора, повлиявших на их решение. Первый фактор: т а к и е автомобили возят только важных лиц, и это чувствуется. Фактор второй: водитель в лимузине хорошо одет и ведет себя уверенно и хладнокровно, как человек, привыкший повелевать. Существовал и третий фактор, который вполне мог стать главным: въехать на территорию отряда «Гамма» было легко, а вот в ы е х а т ь — проблематично.

«ЗИЛ» миновал небольшой стадиончик с полосой препятствий и спортивными сооружениями, остановился у невысокой кирпичной стенки, за которой рос высокий, еще голый кустарник. В стенке был проход, ведущий на мостик, нависавший над частью берега и краем пруда круглой формы, окруженного тополями. На мостике возились с аквалангами двое парней в камуфляже и мужчина постарше, с короткими светлыми волосами и глазами навывкате. На нем был гидрокостюм, подчеркивающий атлетическую фигуру, и акваланг, в руках атлет держал необычной формы автомат. Это, очевидно, и был майор Золиньш, успевший вернуться на базу после поездки в Архангельск.

Тарас вышел из машины, надел очки, захваченные с собой, и не торопясь направился к мостику, боковым зрением отмечая движение трех появившихся с двух сторон парней в комбинезонах. Возможно, они просто страховали командира, однако на всякий случай Тарас взял их под контроль.

Майор оглянулся, услышав шум подъехавшего автомобиля.

Он был спокоен и расслаблен, так как не ждал никаких неприятных сюрпризов. Он был здесь хозяином и не сомневался в своей защищенности. Именно этого и добивался Тарас, идя сюда в открытую, как бы сжигая за собой мосты, словно смертник-камикадзе.

— Мне сказали, что вы федеральный инспектор, — заговорил первым Золиньш. — Инспектор чего? У нас здесь нечего инспектировать. — Он повернул голову к своим подчиненным: — Кончайте возиться. — Снова посмотрел на гостя: — Я вообще не понимаю, почему вас пропустили.

— Потому что я этого хотел, — бесстрастно сказал Тарас, демонстрируя безмятежность и подходя к майору на расстояние прямого контакта.

Редкие белесые брови Золиньша прыгнули вверх, в глазах мелькнуло любопытство. Однако он все еще ничего не понимал и подыскивал стереотипное объяснение визиту «инспектора».

— Кто вас послал сюда? Щербак? Жуков? Ройфе?

— Гольдин, — ответил Тарас, внушая командиру ДДО желание поскорее освободиться и одновременно добиваясь максимального распределения внимания, чтобы не быть застигнутым врасплох.

— Полковник? Но он же... — Золиньш нахмурился, тряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение. — Что вы мне мозги компостируете? Покажите документы!

— Где она?! — тихо, но с жестким нажимом и угрозой, властно и требовательно проговорил Тарас, так что майор вздрогнул, а его подчиненные оглянулись.

— Кто?

— Девушка, которую вы захватили в деревне Фрахт под Архангельском и увезли. Где она?!

— Ах, вот оно в чем дело! — На губах майора появилась кривая усмешка. — Меня предупреждали, да я не поверил. Ты — Горшин? Или как там тебя... Граф?

— Да, я Граф! — металлически-гортанным голосом, от которого у всех действующих лиц зазвенело в ушах, сказал Тарас. — Ответишь — будешь жить!

Брови Золиньша снова прыгнули вверх. Он изумленно посмотрел на Тараса, хотел было ответить, но опомнился и отступил к краю мостика. Остановил жестом взявшихся за оружие парней в камуфляже.

— Мне говорили, что ты мастер единоборств, жуткий про-

фессионал. А что, профессионал, слабо поговорить со мной там? — Золиныш мотнул головой на пруд, засовывая в рот мундштук акваланга и надвигая очки.

— Без проблем, — сказал Тарас, набирая темп, и, прежде чем ему успели помешать, столкнул майора в воду и прыгнул сам.

Золиныш тоже был профессионалом. Чего и следовало ожидать. В ДДО «Гамма», специализирующемся по захвату и ликвидации террористов, слабаков не держали. Поэтому, оказавшись в воде, майор тут же ушел глубже и подготовил к бою автомат для подводной стрельбы; именно его он и хотел испытать, когда подъехал «инспектор». Но командир спецподразделения все же не владел темпом и не знал рукопашный бой в том объеме, которым владел Тарас. К тому же он имел преимущество — так ему казалось — в виде акваланга и мог держаться под водой больше часа, в то время как противник имел запас воздуха в легких максимум на две-три минуты и был не вооружен. Поэтому он не особенно торопился, полагая, что время работает на него. И ошибся. Тарас двигался под водой быстро и уверенно, как рыба, владел «акульим» — кожным — дыханием и мог держаться под водой гораздо дольше.

Схватки не получилось.

Золиныш вдруг, к своему изумлению, почувствовал удар по руке, развернулся и в придонной мути увидел противника, который должен был находиться выше и в другой стороне.

Тарас вырвал у него автомат, направил на вытаращившего глаза майора.

— Где она?!

Вода проводит звуки иначе, чем воздух, и при попытке произнести слово образуются пузыри, мешающие говорящему, но Золиныш понял.

— Да пошел ты!.. — опомнился он, хватаясь за нож на поясе.

Тарас отвел в сторону ствол и дал очередь.

Когда-то он имел дело с отечественным «АПС», поражающим цель на дальности не более двадцати метров и разваливающимся после ста восьмидесяти выстрелов. Этот автомат стрелял дальше, пули клал кучно, чуть ли не в одну точку, и был гораздо удобнее и мощнее, прежде всего за счет отсутствия газового пузыря, образующегося при стрельбе из автоматов старых конструкций.

Очевидно, Золиныш устроил на дне пруда настоящий тир, нагромодив там кучу железных бочек, вбив деревянные сваи и

установив щиты разной толщины из разных материалов. Очередь, выпущенная Тарасом, легла впритирку к бедру майора и вошла в одну из бочек, породив гулкий дробный грохот. Золиньш отшатнулся, осознав наконец, что происходит, со страхом посмотрел на противника, который продолжал двигаться в воде как ни в чем не бывало. Попытался было что-то сказать, вытолкнув мундштук акваланга, но бурлящий поток воздуха ему не позволил.

Тарас воткнул ствол автомата ему в бок, коснулся губами металлического обода очков-консервов, медленно, одной гортанью, почти без артикуляции, выговорил:

— Сейчас ты высунешь голову из воды и велишь своим нукерам убираться подальше. Скажешь что-либо другое, я снизу сделаю из тебя дуршлаг. Понял?

Золиньш кивнул.

— Пошел!

Майор поднялся из глубины пруда наверх, высунул голову из воды:

— Всем собраться у спортплощадки!

Спецназовцы, обступившие мостик, высыпавшие на берег пруда и вглядывающиеся в мутную воду, оторопело воззрились на своего командира.

— Бегом марш! — рявкнул Золиньш.

Солдаты потянулись к мостику, опуская оружие, оглядываясь на голову майора, торчащую из воды, как голова профессора Дуэзля, в десяти шагах от берега. Они пока ничего не понимали и пытались выискать глазами «утопленника». По их мнению, человек без акваланга более трех минут в воде находиться не мог, а так как прошло уже больше пяти, это означало — гость утонул.

Тарас всплыл, контролируя зону в районе мостика с помощью «третьего глаза», подтолкнул майора к берегу.

— Выходим.

Золиньш в два взмаха достиг лесенки для подъема на мостик, вылез, в течение секунды сбросил ласты, чтобы метнуться к своим подчиненным, пока из воды будет выбираться противник в мокром, стесняющем движения костюме, и замер, увидев направленный на него автомат для подводной стрельбы.

— Не стоит, — тихо сказал Тарас, выбираясь на мостик. — В этой реальности жизнь дается только раз. Я вполне понимаю, что ты человек военный и действовал по приказу. Но лучше бы ты отказался от похищения той девочки. Где она?

Золиньш усмехнулся.

— Ну, скажу я, где она, и что дальше? Тебя же все равно отсюда не выпустят. Здесь со мной восемь человек, и все вооружены.

Тарас хладнокровно поднял автомат, направляя ствол в лоб майору.

— Вопрос больше повторять не буду!

Золиньш побледнел, внезапно ощутив волну морозного ужаса, ослабившего тело.

— Ее забрал телохран полковника...

— Ельшина? Дмитрий?

— Больше я ничего не знаю, — заторопился майор. — Мое дело — выполнять приказы. Я доставил девчонку на базу... пальцем не тронул... потом приехал Дмитрий и...

— Куда он ее повез?

— Не знаю, хоть режь! Может, к себе на квартиру?

— Адрес.

Золиньш облизнул губы, помялся, оглянулся на выглядывающих из-за угла строения в тридцати шагах сослуживцев.

— Адрес! — повторил Тарас, усиливая эффект воздействия движением рук и мысленным импульсом покорности.

— Шоссе Энтузиастов... семнадцать... недалеко от Авиамо-торной... квартира, кажется, двадцать шесть... не помню точно. Седьмой этаж.

— Отлично, майор. Теперь мы вместе сядем в мою машину, и ты велишь своим парням открыть ворота. Пусть не балуются с оружием, машина бронированная, на ней президент ездил. Шаг-гай!

Золиньш вздрогнул и безропотно полез в кабину «ЗИЛа». Тарас снял мокрый пиджак, кинул на заднее сиденье, сел сам. Рубашка и брюки неприятно липли к телу, в туфлях хлюпала вода, но переодеться было некогда, бойцы ДДО «Гамма» могли не выдержать и открыть стрельбу, чтобы выручить командира.

«ЗИЛ» медленно подъехал к стадиончику, возле которого собрались все восемь спецназовцев, приехавших с Золиньшем на полигон. Тарас приставил к виску майора ствол автомата, чтобы это было видно со стороны, продолжая вести машину правой ру-кой, приспустил стекло с его стороны.

— Командуй!

— Синицын, жди меня с ребятами здесь, — проговорил сквозь зубы Золиньш. — Откройте ворота.

— Но, майор!.. — сунулся к окну бородатый, голубоглазый, с утиным носом лейтенант. — Мы же его...

— Пропустить, я сказал! Я скоро вернусь, ждите.

Лейтенант отступил в сомнении, глядя то на майора, то на Тараса, потом все-таки махнул охранникам:

— Откройте ворота.

«ЗИЛ» выехал с территории полигона, попетлял по переулкам и оказался у железнодорожного моста. Тарас остановил машину, посмотрел на пассажира.

— Выходи.

Золиныш с недоумением огляделся.

— Ты меня... отпускаешь?

— Вылезай быстрее!

Майор открыл дверцу, вылез, придержал ее.

— Зря ты с нами связался, парень, мы тебя из-под земли достанем.

Глаза Тараса налились тигриным блеском, он сделал правой рукой странное движение, напоминающее полет птицы, и в вы-бросил короткое, несущее энергию слово:

— Забудь!

Золиныш отшатнулся, бледнея.

Тарас закрыл дверцу и погнал машину к центру города. Вспомнил об автомате, хотел было выбросить, потом подумал, что он может пригодиться, и оставил. В два часа дня он подъехал к дому номер семнадцать на шоссе Энтузиастов, где, по признанию Золиныша, обитал бывший ученик Елисея Юрьевича.

Одежда за то время, пока он ехал, высохнуть не успела, но вода с нее стекла, и она уже почти не прилипла к коже. Тарас накинул пиджак, сунул под него автомат майора, привычно огляделся в пси-поле. Полей внимания в пределах зоны чувствительности «третьего глаза» не обнаружилось, и, судя по всему, Дмитрия Щербаня дома не было. Да и ауры Тони Тарас не почувял. Золиныш или соврал, что было маловероятно, или же Дмитрий не повез Тоню к себе на квартиру.

Тарас оставил машину у бензозаправки и направился к старой девятиэтажке с разнокалиберно застекленными лоджиями. Он уже понимал, что приехал сюда напрасно, тем не менее следовало проверить этот след, чтобы потом не сожалеть о потерянных возможностях.

Дом имел домофоны. Дождавшись, когда жильцы откроют дверь подъезда, Тарас поднялся на седьмой этаж и пр и с м о т -

релся к дверям четырех квартир, выходящим на лестничную площадку. Дверь квартиры Дмитрия светилась чуть сильнее остальных — в энергоинформационном диапазоне. Тарас, насыщенный силой, переливающейся по сосудам и мышцам, приложил ладонь к отверстию замка, сосредоточился и волевым усилием заставил его открыться. Дима Щербань, считавший себя хозяином своих вещей и территорий, не оставил каких-либо секретов, не позволявших никому заходить к нему без разрешения. Он был уверен, что воры его квартирой не заинтересуются.

Тарас остановился в прихожей, готовый к появлению чего-то необычного, но все было тихо. Никто его здесь не ждал. Хотя некоторые следы ожидания присутствовали. Повинуясь голосу интуиции, скользнул в гостиную, прислушиваясь к насыщенной «ментальными» запахами хозяина тишине квартиры, состоящей из трех комнат. Планировка здесь была старой, неудобной, и гостиная представляла собой проходной зал, из которого две двери вели в другие комнаты. Зато сама гостиная заставила Тараса покачать головой: она была почти полной копией его «рыцарского зала» с очень хорошей коллекцией холодного оружия. Тарас обнаружил на стенах комнаты те же мечи, кинжалы, алебарды, акинаки, сабли, что украшали стены его дома, задержал взгляд на кельтском двуручном мече, но отвлекаться не стал. Подошел к старинному круглому столу с инкрустациями и обнаружил листок бумаги с написанным от руки текстом: «Молоток, если читаешь эту записку, ученичок. Пора нам выяснить отношения. Девочку твою я отдал, так что если хочешь узнать, у кого она сейчас, приходи в храм Инсектов, что под Курским вокзалом. Если ты, конечно, понимаешь, о чем идет речь. Вход — через метро. Время встречи — шесть часов вечера».

Тарас прочитал записку два раза, скомкал в руке, так что она превратилась в пепел, с трудом погасил гнев и ярость. Прошелся по «музею» Дмитрия, находя клинки, которых не было в его собственной коллекции. Похоже, они с Дмитрием имели сходные черты характера, хотя признаваться в этом не хотелось даже самому себе.

«Странно, что мы оба увлеклись собирательством оружия, — пришла мысль, — в то время как учитель никогда этим не занимался».

Зазвонил телефон.

Тарас невольно вздрогнул, не ожидая звонка в чужом доме.

Телефон зазвонил снова. Он снял трубку.

— Дмитрий, какого дьявола ты забрал девчонку?! — раздался в трубке чей-то взбешенный голос. — Что за самоуправство?! Немедленно привези ее в контору! И вообще, что ты делаешь дома? Ты мне нужен! Только что позвонил Золиньш, у них побывал твой бывший дружок Горшин!

Тарас наконец узнал голос Ельшина.

— Добрый день, Генрих Герхардович. Я понял так, что моя девушка не у вас? А как же записка у меня дома?

Пауза.

— Горшин?! — Голос Ельшина изменился. — Ты как там оказался?!

— Случайно проходил мимо, зашел в гости.

— Где Дмитрий?

— О нем больше не беспокойтесь, — глубоким, бархатным, светящимся баритоном проговорил Тарас. — Вы напрасно начали войну со мной, полковник, надо было начать с переговоров, я готов был занять нейтральную позицию. Теперь ждите в гости, я вас скоро навещу.

— Подожди, я не... — начал Ельшин, но Тарас положил трубку и, не оглядываясь, вышел из квартиры Дмитрия, оставив дверь открытой. Телефон зазвонил снова и был слышен даже с улицы: Генрих Герхардович получил приличную дозу «метазвуковой радиации» и, очевидно, испугался не на шутку. Но, судя по его же словам, он сам не знал, где в настоящий момент находится Тоня, поэтому разговор с ним был напрасной тратой времени.

Неизвестно, связывался или нет Золиньш с милицией и ГИБДД на предмет задержания «ЗИЛа» с правительственным номером и флажком на капоте, но Тараса никто не пытался остановить, и он добрался до дому меньше чем за полчаса, чудом избежав пробок. Быстро сбросил еще не полностью высохший «представительский» костюм, переоделся в джинсовый, побросал в сумку кое-какой боевой инвентарь, в том числе любимую катану, автомат же Золиньша оставил дома. Снова сел за руль «ЗИЛа». В начале пятого он был уже на площади Курского вокзала, оставил машину прямо у входа в кассовый зал (инспектор ДПС взял под козырек) и спустился в метро. Дмитрий не сказал, где именно находится спуск в подземелье с храмом Инсектов, его еще надо было найти, а опаздывать куда-либо Тарас не любил. Тем более что от этого зависела жизнь любимого человека.

Включив «третий глаз», он начал осматриваться.

ВРЕМЯ БРАНИ

Интуиция, усиленная инсайт-состоянием, не подвела и на сей раз.

Проблуждав сорок минут по двум залам метро «Курская», Тарас обнаружил «инфраиндиговое» свечение в глубине южной ветки метро и во время посадки пассажиров на очередной поезд проскользнул за ограждение в тупике зала, за которым начинались служебные помещения метрополитена. Сумка через плечо и целеустремленный вид делали его похожим на человека, имеющего право находиться в данном месте, поэтому встретившиеся ему на пути мужчина и женщина, работники метрополитена, приняли Тараса за своего и задавать вопросы, кто он, куда и зачем идет, не стали.

Тарас дождался очередного электропоезда, прыгнул на шпалы и зашагал в глубь тоннеля, ориентируясь на ментальный «запах» чужеродности и тонкое свечение потревоженных естественных биополей. Тоннель через сто метров повернул. Тарас остановился, обнаружив в его полу рядом с рельсами и шпалами квадратный металлический люк, над которым висело призрачное энергоинформационное облачко и новости. Вход в подземелье с неведомым храмом Инсектов начинался здесь.

Пропустив очередной состав метropоезда, Тарас присел над люком и просканировал его «локатором третьего глаза» в поисках взрывных устройств. Не обнаружив последних, потянул за скобу и не удивился, когда увесистая железная плита приподнялась, открывая лаз. Замок здесь был уже вскрыт, и сделал это, надо полагать, Дмитрий Щербань. Не задумываясь, Тарас нырнул в лаз и закрыл люк за собой до того, как в тоннеле появился электропоезд.

Зрение упало, потом восстановилось в ином цветовом диапазоне. Тарас стал различать оттенки коричневого и бордового цвета, а также тепловые волны. Прислушиваясь к тихим инфразвуковым сотрясениям воздуха, контролируя всплески и резонансы пси-полей, он начал спускаться по скобам в глубину колодца. Гул проходящих над головой по тоннелю метро электропоездов продолжал регулярно бить по ушным перепонкам, усиленный трубой колодца, и тогда Тарас останавливался, переживал гул и стук колес, чтобы двигаться дальше в тишине.

Примерно на четвертом десятке метров колодец закончился в бетонном мешке с одной небольшой металлической дверью без замка, но с ручкой. На двери красовалась грозная надпись: «Стой! Аварийный сброс!»

Тарас дернул дверцу за ручку. Она поддалась со скрипом, неожиданно массивная и толстая. За ней начинался провал глубиной в пять-шесть метров, представлявший собой естественную каверну в местных осадочных породах земной коры. Что это был за аварийный сброс, кому понадобилось устраивать его так глубоко под землей, догадаться было трудно. По сути, для любого нормального человека это был тупик, но Тарас в и дел следы, оставленные на стенах колодца и каверны, и прыгнул в нее, не задумываясь, будучи целиком уверенным, что здесь есть проход.

Он не ошибся. Под выступом породы, невидимое сверху, в стенке каверны обнаружилось отверстие, ведущее в довольно просторный и высокий тоннель, стены, пол и потолок которого были выложены из грубо обработанных каменных блоков. Тарас провел пальцем по влажной шероховатой поверхности одного из блоков и покачал головой. Интуиция подсказывала, что возраст тоннеля по крайней мере превышает сто лет, а скорее всего, ему исполнилось несколько тысячелетий.

Он посмотрел налево, направо, прислушался к себе и уверенно направился в правую сторону, где пол тоннеля светился сильнее и постепенно понижался. Воздух в тоннеле был спертый, насыщенный запахами прели, плесени и мокрого камня, принудительной вентиляции тоннель, очевидно, не имел, а естественная не справлялась с очисткой воздуха, но, с другой стороны, это указывало на явную заброшенность подземного хода. Люди здесь появлялись нечасто.

Пройдя около двухсот метров, Тарас достиг двери из отличающихся атласной зеленью выпуклых овалов и ромбов, такие же ромбы — надкрылья древних гигантских жуков — украшали и двери храма Инсектов, показанного Горшину пентархом, и уверенно стукнул в нее носком кроссовки. Нога свободно прошла сквозь преграду, словно та была голографической иллюзией. Тарас шагнул в дверь, невольно задержав дыхание, и оказался в естественной полости овальной формы, на стенах которой лежал серебристо-пепельный отсвет, проникавший сюда из пролома в дальнем конце полости.

В ушах тоненько запел комар.

Тарас замер, прислушиваясь. «Комаром» был поток внима-

ния, просочившийся из-за оплывших каменных стен в пещеру. Его ждали.

Он быстро пересек пещеру и шагнул через невысокий и неровный порог в другой подземный зал, гораздо больший — около сотни метров высотой — и не пустой. С высоты узкого уступа без перил, обрывающегося в бездну, открылся вид на колоссальное сооружение из серебристого, с белыми искрящимися прожилками материала.

Тарас еще не видел такого дикого сочетания экспрессии и покоя, такой однозначно хищной и агрессивной красоты. Он невольно замер, поглощенный созерцанием необычного замка, созданного, вне всяких сомнений, миллионы лет назад Инсектами, не в силах оторвать от него взгляда.

Более всего строение Инсектов напоминало ажурный, оскаленный, рогатый, со множеством чешуй, перепонки и более мелких «неаппетитных» деталей череп какого-то апокалиптического чудовища, готового проглотить любого, кто подойдет к нему близко.

— Спускайся вниз, Граф, — донесся откуда-то гулкий насмешливый голос. — Отсюда эта хреновина впечатляет больше.

Тарас очнулся, заглянул вниз за край карниза и увидел стоящего на бугристом полу зала Дмитрия Щербаня в десантном комбинезоне.

— Что, завораживает? — кивнул Дмитрий на сооружение за спиной. — Это творение акарин, разумных клещей. Не доводилось встречаться?

Тарас прислушался к гулкому пространству зала, усиливающему каждый звук. Где-то внизу прятались еще люди, но кто и сколько их, разобраться было трудно, мешали резонансы биополей, искажающие восприятие реальности.

— Где Тоня? — спросил Тарас.

Его негромкий голос взлетел под купол зала и вернулся громыхающим эхом:

— ...де тоня-оня-оня-оня...

— Спускайся, поговорим. Или боишься? Там лестница слева, за бугорком. Да смотри не сорвись, разобьешься, всю малину мне испортишь.

Тарас повесил сумку через плечо, нашел лестницу, высеченную в стене зала, и начал спускаться на дно пещеры, пытаясь настроиться на ауру Тони. Однако увидеть ее не удавалось даже на полной энергоотдаче, словно девушка сидела в металлической

клетке с электромагнитным экраном, и уже на середине лестницы он понял, что ее здесь нет. Мелькнула мысль вернуться наверх, он даже остановился, колеблясь, а когда поднял голову, увидел на карнизе человека в камуфляже с автоматом в руках.

— Не обращай на него внимания, — махнул рукой Дмитрий. — Это я на всякий случай подстраховался, чтобы ты не вздумал сбежать. Надо кончать эти наши разборки, надоело терпеть от босса нагоняи за твои наезды.

Тарас молча досчитал ступеньки (их оказалось двести восемьдесят восемь), вышел на свободное пространство под жуткой «челюстью» творения разумных клещей, сохранившегося в том виде, в каком его покинули хозяева миллионы лет назад.

— Тебе учитель этот храм не показывал? — весело осведомился Щербань, уверенный в том, что он владеет преимуществом и диктует условия. — Мне тоже. Значит, старикашка и тебе не доверял. Хорошо же мы себя зарекомендовали. Ну что, не надумал присоединиться к нам?

— Где де вушка?! — низким, вибрирующим голосом проговорил-пропел Тарас, усиливая эффект мощным энергопосылом и маятником тела.

По залу прошел резонирующий гул.

Улыбка сбежала с губ Дмитрия. Он с недоверием и удивлением глянул на противника.

— Ого, а ты, оказывается, кое-что умеешь! Другой бы на моем месте не устоял. Может быть, ты уже и до с и л добрался? Кстати, какую иерархию предпочитаешь? Что тебе ближе, Голаб или Самаэль¹?

— Честь и достоинство, — тем же голосом сказал Тарас, прислушиваясь к живой пульсации замка акарин в ответ на его слова.

— Узнаю уроки учителя, — презрительно фыркнул Дмитрий. — Он любил рассуждать на эту тему: честь, достоинство, совесть, справедливость. Фуфло все это! Важно только то, чего я добиваюсь в данный момент. Если хочешь добиться большего, плюй на все эти псевдочеловеческие категории; иерархи — как те, так и другие — признают только с и л у. Чего ты добился за годы подчинения учителю? Всего-навсего стал экспертом Комите-

¹Уровни воздействия на физический мир. Голаб — Дьявольская Жестокость, Самаэль — Жестокость Бога.

та по экологии. Я же дошел до девятого Ключа и стал ганфайтером¹. Чувешь разницу?

— Много говоришь, перехватчик. Кому ты отдал девушку? Тебе звонил босс, он был в ярости, поэтому я знаю, что Тоня не у него. У Георгия Георгиевича?

— Ты догадлив, — рассмеялся Дмитрий. — Он хорошо заплатил, я и отдал. Мне показалось, что он жаждет тебя видеть. Только вот незадача, для того чтобы ваша встреча состоялась, тебе надо пройт и меня.

— Пройду! — выдохнул Тарас. — Ты стал нелюдем, а нелюди жить не должны!

По залу снова прошла гулкая звуковая волна, усиленная стенами храма акарин.

— Браво, браво! — хлопнул в ладоши бывший ученик Елисея Юрьевича. — Какие красивые слова! Восхищен! А что у тебя в сумке, можно поинтересоваться? — Он оглянулся и позвал: — Байкалов, друг мой, подойди.

Из-за светящегося рога вышел еще один спецназовец в десантном комбинезоне с автоматом под мышкой, высокий, жилистый, черноволосый, смуглый, с усами и перебитым носом. Взгляд его выражал высокомерие и скуку.

— Байкалов, дружище, подай мне его сумочку.

Спецназовец снял с плеча Тараса сумку, обдав его волной чесночно-сигаретного запаха, и поставил у ног командира. Дмитрий расстегнул «молнию», заглянул в сумку и хмыкнул.

— Я так и думал — дайсё. Рыцарь ты у нас, однако, Граф, ишь, приготовился к поединку на мечах. В принципе я это предвидел и подготовился заранее, вкусы у нас и впрямь примерно одинаковые, хотя я предпочитаю кастане. А это что? Ага, кинжальчик, дзюдзи², шарики, стрелочки... Ну, эти ниндзянские штучки нам не пригодятся, сегодня на дворе время н а в а ж д е н и я.

Дмитрий небрежно бросил Тарасу его мечи в ножнах, отодвинул ногой сумку, посмотрел на черноволосого.

— Принеси мои ножички.

¹Г а н ф а й т е р — оперативный работник сил специального назначения, перехватчик класса «абсолют».

²Д а й с ё — название пары самурайских мечей, длинного — да й т о (к а т а н а) и короткого — с ё т о (в а к и д з а с и). К а с т а н е — изогнутый филиппинский меч с односторонней заточкой. Д з ю д з и — крестообразный сюрикэн.

Спецназовец удалился за угол сооружения акарин и принес длинный деревянный пенал с ручкой. Дмитрий раскрыл пенал, вытащил два меча с рукоятками в виде головы дракона, длинный и покороче, полюбовался ими и сделал несколько взмахов двумя мечами сразу, так, что образовался веер защиты. Хищно, с раздувающимися ноздрями, посмотрел на противника.

— Начнем, пожалуй?

Тарас молча снял куртку, вынул мечи из ножен и тоже крутанул мечи в защитном веере, усилием воли вгоняя организм в сингл-состояние, позволяющее резко ускорять скорость физиологических и нейрофизиологических процессов, а также сознательно реагировать на внешнее воздействие на уровне рефлекторных реакций.

— Молодец, ученичок! — восхитился Дмитрий. — Времени ты даром не терял. Что ж, тем веселее будет дело.

Сверкнули мечи. Дмитрий исчез... и появился снова в метре от Тараса, поймавшего его атаку расширенным полем внимания и в том же скоростном диапазоне. Для двух наблюдателей они практически выпали из поля зрения, изредка проявляясь то здесь, то там смазанными силуэтами или обозначая места пересечений вспышками и звоном мечей.

Дмитрий знал технику сечи Радогора. Каждое движение его мечей таило угрозу, и каждый удар мог нести смерть. Он двигался сразу, в трех плоскостях и наносил удары неожиданно из положений, когда удар казался невозможным. Спасало Тараса лишь предвидение таких ситуаций и знание приемов «зеркальной защиты», которой он научился у предков. Дважды применив бесконтактный, «мягкий», съём удара, Тарас атаковал противника сам и заставил его защищаться всерным колоколом, требующим больших энергетических затрат.

Дмитрий отступил, озадаченный мастерством противника, которого он считал недоучкой. Арсенал приемов кэндо¹, которым владел Горшин, не уступал его собственному, а признаваться в этом не хотелось. Тогда он пошел по другому пути, по пути выстраивания звуковых энергоколец. В один из моментов очередного пересечения он вдруг нанес удар с выбросом энергии звукопакета «моррр»! И произошло чудо!

Замок акарин налился прозрачным переливчатым сиянием,

¹Бой на мечах (яп.).

отреагировал на звук, усилил его многократно, и весь объем зала заполнился свистящим гулом резонансов, от которых у всех присутствующих в зале едва не полопались барабанные перепонки!

Тарас отскочил, вскрикнув от боли в ушах, в голове, в сердце. Глаза застлала красная пелена, из носа пошла кровь — лопнули какие-то сосудики. Если бы Дмитрий после крика начал атаку, он не смог бы ее отбить, судорожно восстанавливая ритмы энергоканалов. Но активированный Ключ метаязыка подействовал и на него, десинхронизировал волновую структуру эфирной оболочки, заставил отвлечься на создание защитного силового каркаса. Дмитрий ударил еще раз, вслепую, находясь в «тумане» магического воздействия звуковых паттернов, тоже отскочил, и бой на несколько мгновений прервался.

Гул стих, пляска звуковых волн улеглась, согнувшиеся от боли спецназовцы Дмитрия перестали кричать, в зал вернулась тишина. Замок разумных клещей еще некоторое время вибрировал и светился, потом снова стал тускло-серебристым.

— Эксперимент признаю неудачным, — хрипло проговорил взмокший Дмитрий. — Замки Инсектов, по сути, представляют собой Говорители Слов Власти, внутри которых любое слово метаязыка становится материальным, реализуется. Но все они давно лишились энергоподпитки и включаться по идее не должны.

— Каждое слово изменяет структуру пространства, — сказал Тарас, не для того, чтобы поддержать разговор, а чтобы окончательно прийти в себя и включить адаптивную психофизическую защиту, как учил Елисей Юрьевич. Такая защита блокировала наведенные пси-резонансы и неплохо «заземляла» потоки гипновоздействия.

— Все-то ты знаешь, умник, — скривил губы Дмитрий. — Только все равно дураком помрешь. Неужели не понял, что тебе отсюда не уйти?

— Продолжим, — хладнокровно ответил Тарас.

— Предлагаю помахать руками без этих игрушек. — Дмитрий кинул мечи на пол.

Тарас молча сделал то же самое. Они прыгнули навстречу друг другу и снова исчезли из поля зрения наблюдающих за схваткой спецназовцев.

Бой длился две минуты.

Дмитрий показал все приемы «наваждения», каждый из которых был смертельным. Тарас защищался по методике *потона*,

применяя бесконтактный съём удара, ускользая от атак противника без энергообмена и не пытаясь ставить блоки, так как даже удар по локтям и плечам мог смять силовой каркас тела и привести к параличу мышц.

Конечно, он не знал систему «наваждения» так, как Дмитрий, по примеру учителя не собираясь применять ее в жизни, но он хорошо видел намерения противника, видел энерговолны, опережающие каждый удар, и мог бы отражать их даже с закрытыми глазами. Однако не позволял себе куражиться и пренебрегать знаниями другого, как это делал Дмитрий. Надо было победить в этом бою, чтобы потом найти Тоню и спасти.

Удар, удар, удар, свист рассекаемого воздуха, выдох-вдох, уход, нырок, скольжение, полет, спираль входа, спираль выхода...

Странно, он работает как машина и стремится к контакту... зачем? Приготовил сюрприз?..

Удар, обманка, удар, удар... связка, протяг назад, не успеть, сброс на плечо, иначе достанет на втором уколе, удар... Что-то царапнуло руку. Тарас свил кольцо захвата, заставив противника отпрыгнуть назад, и вдруг почувствовал онемение мышц руки и плеча, волну слабости. Поймав блеснувший торжеством взгляд Дмитрия, он понял, что это означает.

Перстень на пальце Дмитрия представлял собой *какутэ* — кольцо с шипами, отравленным ядом. Не надеясь на победу в честном поединке, Дмитрий нашел другой выход.

Сознание начало меркнуть. Надо было немедленно начинать мощную блокировку ганглиев, проводящих нейросигналы в мозг, и очистку организма от яда, а для этого требовалось время, и Тарас принял рискованное, но единственно правильное решение: опустил руки, покачнулся и упал лицом вниз, плашмя, как это делают потерявшие сознание люди. Закрыв сферу мысли, передвинул ее в область спинного мозга, тем самым заставляя противника по ослаблению свечения головы поверить в обморок, и уже без удивления осознал себя длинным червем, разместившимся в теле лежащего на полу зала Тараса Горшина.

На адаптацию к новому состоянию ушло полсекунды. Затем время послушно замедлилось, а волна холода, бегущая от плеча к голове и к сердцу, приостановилась. Навстречу ей побежала горячая волна нейтрализации яда, заставляя подергиваться мышцы плеча и руки, а затем и всего тела, что создавало впечатление агонии. И все же очищение шло слишком медленно, он это видел и,

считая секунды, взмолился, чтобы ему хватило времени на восстановление до того момента, когда Дмитрий попытается сделать «контрольный выстрел».

Секунда...

— Готов! — сказал Дмитрий с удовлетворением, опуская руки. — Байкалов, друг мой, прикончи неудачника.

Черноусый спецназовец, сидевший на корточках в пятнадцати шагах и вытиравший кровь на губах, поднялся и дал очередь из автомата. Две пули попали в тело Тараса, остальные с визгом заскакали по залу, срикошетировав от ребер и бугров пола. Он не пошевелился, пропуская пули сквозь тело, только вздрогнул, как вздрагивает труп при попадании пуль. Боец ДДО «Гамма» промахнулся, не попав в голову, и это позволяло надеяться на спасение.

Еще две секунды...

— Мазила!

— Он давно сдох, — пробурчал Байкалов, пытаясь унять дрожь в руках.

— Проверь, — поморщился Дмитрий, проведя ладонью по лицу. — В голову попасть не можешь! Ладно, я сам. Ладыженский, тебе там сверху все хорошо видать, держи его на мушке.

Он поднял с пола свой меч (еще две секунды) и направился к лежащему без движения Тарасу (секунда, вторая, третья), остановился над ним, кольнул в спину острием меча.

— Вот и все, ученичок, отпрыгался. Кончились мои мучения. За твою голову многое обещано, придется предъявить ее боссу, чтобы не сомневался в твоей смерти.

Речь Дмитрия длилась восемь секунд — ничтожно мало по меркам человеческой жизни и безмерно много для того, кто жил в ином времени. Тарас успел восстановить силы, выстроить энергопотоки и войти в сингл-состояние.

Дмитрий вмахнулся мечом... и отлетел от удара в грудь, выронив клинок и задохнувшись от боли. «Оживший» мертвец невероятным образом встал на голову и отбросил его ногами из положения, которое казалось безнадежно статическим. Дмитрий попытался ответить «сбросом» — тактикой ускользания-опережения, но получил еще один оглушающий удар и закричал — не от боли! От пришедшего осознания конца!

Бой продолжался еще несколько мгновений.

Дмитрий попытался зацепить противника кольцом с шипами, затем выхваченным из ножен на ноге кинжалом, однако Та-

рас каждый раз опережал его, вгоняя с ударами по телу энергоимпульсы наваждения, то есть отвечая в том же диапазоне пси-воздействия, и закончил одним мощным ударом в сердце, сплюснув грудную клетку Щербаня с криком:

— Умррри!!!

Замок акарин снова вспыхнул, отзываясь на этот крик, усилил его до невероятной силы, так что со стен и потолка зала посыпались камни, а люди, попавшие в зону звуковых резонансов, попадали без чувств.

Тарас тоже потерял сознание, но всего на несколько секунд. Очнулся, привел себя в боевое состояние, не обращая внимания на текущую из ушей и носа кровь, и расслабился.

Дмитрий Щербань, Посвященный шестого уровня Внутреннего Круга, возомнивший, что имеет право на пренебрежение его законами и волен действовать только в соответствии с личным законом «я хочу!», был мертв.

Тарас подошел к нему, помня собственное притворство в таком же положении, сказал с гортанно-металлическими модуляциями:

— У м р и, нелюдь! Человек, продавший душу Тьме, жить не должен!

— Неэ-неэ-неэ-не-жен-жен! — гулко и грозно отозвался завибрировавший замок Инсектов за его спиной.

Тело Дмитрия свела судорога, глаза его раскрылись, стали пустыми, затем тело расслабилось, и Тарас вдруг увидел полупрозрачное коричнево-зеленоватое облачко, вылетевшее из него и растаявшее в воздухе. Не душа уже — ее отравленный Тьмой неистовых плотских желаний призрак.

Что-то прошумело в воздухе, раздался тупой, хлюпающий удар.

Тарас оглянулся, покачнувшись и едва удержавшись на ногах, заметил тело второго спецназовца, свалившегося с карниза. Парень не выдержал «слова власти», частично воссозданного храмом акарин после крика Тараса.

Чувствуя себя прокрученным через мясорубку, Тарас подошел к спецназовцу, которого Дмитрий называл по фамилии Байкалов, убедился, что он тоже мертв (все лицо усатого было залито кровью, у него даже глаза лопнули), и поплелся к лестнице. Вспомнил о мечях, вернулся. Снова направился к выходу из подземелья. Насчитал двадцать ступенек, задохнулся от слабости и присел, не в силах отдышаться. Но вдруг увидел перед собой от-

свет лица Тони, подхватился и поспешил наверх, уже не останавливаясь для отдыха, не оглядываясь и не прислушиваясь к своим ощущениям.

Когда он выбрался через люк в тоннель метро, шел второй час ночи.

Глава 31

ДО ПРЕДЕЛА

Сном назвать это было нельзя.

Он то и дело просыпался, подхватывался с постели, с трудом соображая, где находится, и снова впадал в полубессознательное состояние, наполненное кошмарами, встречами с монстром-Дмитрием, погонями и стрельбой. Однако, проснувшись, он потом так и не смог вспомнить ни одного эпизода из этих сумбурных астральных странствий, куда заносили его фантазия и жуткая психическая усталость. Промучившись так до шести часов утра, Тарас встал, вяло умылся и начал приводить себя в норму, понимая, что впереди у него схватка посерьезней. Если Дмитрий и вправду отдал Тоню президенту «Купола», добраться до него и освободить любимую будет проблематично. Да и в голову ничего путного не приходило, кроме как устроить засаду на Рыжайса либо захватить его ближайшего родственника и предложить обмен.

Ни один, ни второй варианты были невыполнимы, Тарас это вполне осознавал, тем более что они требовали тщательнейшей детальной проработки и времени. А вот времени у него как раз и не было. Чем дольше Тоня оставалась в руках боевиков «Купола», тем меньше шансов было освободить ее живую и здоровую. Для Тараса она была — жизнь, для них — всего лишь предмет торговли.

Тело оставалось ватным даже после сеанса энергоподкачки. Очевидно, сказывалось воздействие звуковых полей, отнимающих энергию, которые возбудил проснувшийся замок Инсектов. В таком состоянии искать Тоню значило понапрасну тратить здоровье и время, надо было восстановить свой потенциал полностью, и тогда он спустился в сад, подошел к столетней березе, посаженной еще дедом, и обнял ее, ощущая себя березовым листком.

Сначала пришла тишина. Исчезли все посторонние звуки,

шумы машин, далекие свистки электричек, гул большого города, остались только тихие шепоты почек, скрип коры, шелест ветвей дерева и тонкое журчание соков по его каналам.

Потом Тарас прирос к березе, стал ее веткой и почувствовал блаженство покоя и умиротворения. Дальнейший процесс роста его уже не беспокоил, он был своим в этом мире, сыном березы и всего леса, и этот мир взял его под свое покровительство и защиту, снял слой грязи, наросший на душе и на сердце, прочистил сосуды, восстановил кровотворение и вдохнул жизнь...

Очнулся он от птичьей трели, улыбнулся сидевшему на ветке над головой зимородку и, чуть ли не счастливый от расправившей тело энергии, разнял объятия, послав березе мысленное спасибо. Настроение не улучшилось, а вот качественное состояние души и тела достигло оптимума. Внедрение психосоматики в «психику» дерева, связанного, в свою очередь, с эгрегором леса, всегда приносило облегчение, и учитель рекомендовал пользоваться этим приемом как можно чаще, чтобы не терять связь с природой.

Мысли побежали энергичней, хотя решение проблемы по-прежнему найти не удавалось. Можно было попытаться захватить Ельшина, чтобы предложить боссу «Купола» обмен, однако даже если бы ему удалось каким-то образом это сделать, Рыжайс мог не пойти на обмен. Он давно стал нелюдем, и ему было глупо наплевать на других людей, в том числе на соратников, помощников и слуг.

Надо действовать просто и эффективно, пришла трезвая мысль.

Это как? — скептически спросил Тарас сам себя.

Все экзотические варианты требуют классной подготовки, веско ответило второе «я». Значит, надо идти напролом. Все знают, что Рыжайс охраняется, как сейф с золотыми слитками, поэтому все уверены, что никто прямо к нему не пойдет. Он и сам уверен. А ты пойдешь!

Тарас усмехнулся. Эта идея уже приходила в голову, но все казалось, что найдется менее сумасшедший вариант. Вспомнилась чья-то шутка: «Эй, есть кто живой? — спросил грабитель, входя в дом с пистолетом в руке».

А что — это идея! Взять и войти в дом Рыжайса с пистолетом в руке, а лучше с гранатометом или с «глушаком». Может, только такие наглые авантюры и удаются?

Проидясь в задумчивости по комнатам дома, где еще сохра-

нился аромат Тони, он принял решение и начал собираться. Помочь ему не мог никто, рассчитывать приходилось исключительно на собственные силы. Был бы жив учитель... если бы он был жив, проблема решилась каким-либо иным путем, а может быть, и вообще бы не возникла. Но Елисей Юрьевич был мертв, его убили, и убийцы еще гуляли на свободе, а это было несправедливо. Еще более несправедливым казалось Тарасу невмешательство в ситуацию иерархов Круга. Они должны были вмешаться, подействовать, вызволить своего коллегу из беды или, в крайнем случае, не допустить ее, изменив реальность! Но они этого не сделали. И какие бы ими ни двигали расчеты, принять их Тарас не мог. Он был убежден, что Зло должно быть наказано! И будет наказано! Лишь бы ничего не случилось с Тоней...

— Потерпи, Тошка, — проговорил он вслух. — Я скоро приду за тобой.

По данным Витюши, президент Российской энергетической компании имел несколько коттеджей на территории Москвы, все — в престижнейших районах, построенные за баснословные деньги, но чаще других он посещал усадьбу Болотово в Серебряном Бору. Конечно, большую часть жизни в роли босса «Купола» Эдмонд Анатольевич проводил в офисе компании на Замоскворецкой набережной, поэтому можно было навестить его и там, тем более что рабочий день уже начался. Но Тоня вряд ли могла находиться в офисе, ее появление там надо было как-то объяснить сотрудникам, а это едва ли входило в планы Рыжайса. Забирая девушку у Дмитрия, он рассчитывал на появление Горшина, значит, должен был поместить ее в месте, доступном для информационного поиска, но недоступном для проникновения. Таких мест Тарас насчитал три: лаборатория РЭК на Сенной улице, в которой погиб учитель, усадьба Болотово и собственный яхт-клуб в Мякиanine, на берегу Живописной бухты.

На Сенной улице Тарас уже был однажды, пытаясь спасти Елисея Юрьевича, и хорошо помнил расположение комнат и охраны. Два других объекта требовали ознакомления и наверняка охранялись по высшему разряду силами ФСО. Однако Тарас не собирался штурмовать здания или пробираться туда тайно, как ниндзя-лазутчик, поэтому тратить время на изучение территории и самих строений ему не требовалось. Надо было только точно определить, где находится Тоня, а для этого существовали другие методы, нетрадиционные.

Он расположился в гостиной, в кресле, хранившем тепло те-

ла любимой, и почти без усилий вызвал состояние инсайта, перешагнув сразу несколько ступенек медитативного сосредоточения. Зная местонахождение объектов не только на карте Москвы, но и географически, он представил, что опускается сверху на первый из них — лабораторию РЭК на Сенной улице, и включил «локатор» *пракамы*¹, вдруг отчетливо увидев, как это делается.

Ощущение было такое, будто предметы перед глазами стали прозрачными, покрылись ореолами световых лучей, не видимых в обычном состоянии. Неживые предметы и вещи испускали прозрачно-серебристое, голубовато-серое сияние, живые светились ярче и насыщенней, до радужного, хотя и не столь сильно, го, блеска.

Лаборатория работала, людей в ней было много, зеленовато-желтые и оранжево-синие ореолы перемещались по всему объему здания, не взаимодействуя друг с другом. Но ауры Тони среди них не наблюдалось. Ее Тарас узнал бы сразу. Дважды просканировав на всякий случай все этажи здания, в том числе подземные, неожиданно заработавшим «локатором внутренней проницательности», Тарас вышел из *пракамы* и с минуту отдыхал, прислушиваясь к себе с некоторым удивлением. Покорение еще одной сиддхи прошло слишком просто, буквально волевым приказом, и это радовало и тревожило. Учитель говорил, что сиддхи являются лишь ступенями самореализации и не должны подчиняться эмоциям. Включение же *пракамы* произошло от сильнейшего желания у в и д е т ь ауру Тони. Что это означало и какие последствия вызывало, надо было разбираться отдельно.

Потом, сказал Тарас сам себе, разберемся потом, сначала — дело.

Он сосредоточился и в ы ш е л над Серебряным Бором, на краю которого располагалась усадьба Болотово, владение президента «Купола», занимавшее два гектара леса на берегу Москвы-реки, в тупике Четвертой линии Хорошевского Серебряного Бора. Конечно, местность он видел не глазами, а сферой внечувственного восприятия, и не мог оценить высоту, сложность, красоту и стоимость коттеджа, возведенного здесь, но о п а с н о с т ь этого уголка природы оценить смог. Территория владений Рыжайса была напичкана электронными системами наблюдения —

¹П р а к а м ь я — одна из сиддх, абсолютная проницательность ума и чувств.

он видел их в виде пульсирующей сети фиолетовых лучей и звезд, — охранялась собаками и вооруженными людьми. И здесь тоже не было Тони.

Трижды Тарас погружался в калейдоскоп биополей усадьбы, тщательно отсеивая ореолы живых объектов, людей и животных, но ауры Тони так и не обнаружил.

Навалилась тоска, душу охватило чувство губельной безнадеги, захотелось бросить все и разбить голову о стену, но он пересилил себя, довел до состояния нейтрального п о з в о л е н и я, очистил душу от гнева и печали, и в этом пограничном состоянии п р а в и вышел над акваторией Живописной бухты, на берегу которой располагался комплекс зданий яхт-клуба «Голубой ветер», принадлежащего Рыжайсу. Хотя официальным владельцем клуба считалась мэрия столицы.

Радужное сверкание пси-ореолов развернулось перед внутренним взором текучим световым озером, плавно колыхаясь и вихрясь вокруг более темных пятен искусственных сооружений. Эти пятна сливались в некий неприятный, отталкивающий силуэт, напоминавший паука, и Тарас мимолетно вспомнил образное выражение «тарангул Тьмы», которым иерархи Круга называли структуры, пораженные «вирусом» темных сил. На яхт-клубе лежало проклятие, П е ч а т ь Т ь м ы, что указывало на частое посещение этого места носителем Т ь м ы, эмиссаром Монарха по имени Конкере.

Тарас сжался, перестраивая диапазоны в и д е н и я, чтобы уйти от «взгляда» яхт-клуба, не давая себе запаниковать и отступить. Если Конкере когда-нибудь и посещал клуб, то в настоящий момент его здесь не было, а сама по себе Печать Тьмы была не страшна.

Людей на территории яхт-клуба Тарас насчитал всего два десятка. До начала сезона плавания оставалось еще порядочно времени, и собственно клуб был закрыт. Работал только его небольшой ресторан и сауна, да кое-где шевелились техники и яхтсмены-фанаты, уже начавшие подготовку своих яхт к спуску на воду. И тем не менее каким-то «двадцать шестым» чувством он уловил слабенький знакомый ментальный «запах» и едва не закричал вслух: Тоня, отзовись!

Ментальное эхо крика отразилось от волн и вихриков биополей, вернулось детским плачем и смолкло. Тоня не откликнулась, лишь просиял на мгновение абрис ее глаз, умоляющих и пе-

чальных, будто выхваченный лучом фонаря. Но и этого было достаточно, чтобы понять: она здесь!

Тарас «вернулся в себя», ощутив тесноту и несвободу тела, успокоил работающее с пулеметной частотой сердце. Привычно огляделся вокруг, примеряя новые возможности, связанные с переходом на уровень *пракамы*. Он шел к этому давно, терпеливо следуя советам учителя, но лишь душевные потрясения последних дней довели его «до кондиции» и позволили овладеть очередной сиддхой. И некому было открыться, некому похвастаться, не с кем поделиться своими ощущениями. Он снова был один.

— Пора! — сказал он вслух, вдруг понимая, что оттягивает момент принятия решения.

Встал.

Глубоко вздохнул.

И превратился в боевую машину, запрограммированную на решение одной задачи: освобождение дорогого человека любой ценой.

* * *

Ровно в полдень к яхт-клубу «Голубой ветер» подкатил сверкающий «ЗИЛ» с российским флажком на капоте. Из него вышел высокий седой мужчина с бородой и усами, в белом костюме, направился, слегка прихрамывая, к центральному входу в двухэтажный особняк клуба, где располагались комнаты отдыха, ресторан, сауна и боулинг.

Охранник, к своему собственному изумлению, услужливо распахнул перед ним дверь, хотя только что хотел попросить гостя предъявить клубную карточку.

Второй охранник, сидевший за столиком, возле рамки металлоискателя, тоже хотел поинтересоваться, кем является господин и что ему нужно, однако только привстал и, словно зачарованный, вытянулся по стойке «смирно».

Посетитель, ничего не говоря, лишь странно пошевеливая пальцами рук, поднялся по лестнице на второй этаж и скрылся в коридоре. Только после этого охранники опомнились, переглянулись, и тот, что сидел у металлоискателя, приказал второму:

— Догони, спроси, к кому он. И вообще посмотри документы.

— Видать, важная шишка, раз приехал на таком лимузине.

— Плевать, мы на службе, и порядок есть порядок.

Охранник, плечистый малый с мясистым лицом и складчатым затылком, бросился по лестнице наверх, выскочил на второй этаж и в растерянности остановился. В коридоре никого не было! Он подергал за ручки дверей в кабинеты отдыха. Все были заперты, он сам проверял это утром, но седой гость в белом костюме словно растворился в воздухе, хотя деваться ему было некуда, кроме как в один из кабинетов.

— Ну что там, Филин? — пропищал в наушнике рации голос дежурного. — Где он?

— А хрен его знает! — огрызнулся толстомордый охранник. — Чертовщина какая-то! Здесь его не видно!

— Проверь кабинеты.

— В левом крыле проверил, остались правые, для VIP-персон.

— Проверь все!

Толстомордый повиновался, достал ключи и стал одну за другой открывать двери в комнаты отдыха. Проверив последнюю дверь в левом крыле здания, перешел в правое, где за прозрачной перегородкой располагались владения директора клуба и куда доступ посетителям без особого разрешения был воспрещен. Однако дверь в перегородке оказалась открытой, и озадаченный парень доложил об этом старшему дежурному по рации.

— Он там, — отреагировал дежурный. — Не входи. Я доложу кому следует. Приедут люди и займутся этим стариком.

— Колдун он, что ли? Нас охмурил и дверь открыл!

— Спускайся, не ломай голову понапрасну, не наше это дело.

Охранник вернулся к своему посту и возбужденно заговорил с напарником, делясь с ним впечатлениями от визита странного незнакомца.

Тот, о ком они говорили, в это время обследовал кабинет директора клуба и пришел к выводу, что его здесь ждали. Когда он заканчивал «лоцирование» пространства здания «третьим глазом», на огромном роскошном столе директора вдруг сам собой включился магнитофон:

— Располагайтесь поудобнее, Тарас Витальевич, я скоро буду. Генрих Герхардович сомневался, что вы найдете след, но я был уверен в ваших способностях. Кстати, девушка действительно находится в яхт-клубе, но я не рекомендую искать ее самостоятельно. Как только вы предпримете шаги в этом направлении, мои мальчики ее прикончат.

Магнитофон умолк.

Оцепенев, Тарас ждал продолжения, понимая, что проиграл, но все было тихо, лишь росло ощущение обиды и обмана. Великого обмана! Потому что его вычислили еще до того, как он сам вычислил местонахождение Тони.

В недрах здания возник легкий шумок.

Тарас встрепенулся, выскочил из кабинета в коридор, прислушиваясь к развратке спецгруппы, которая подъехала к яхт-клубу, хотел было встретить ее как надо... и разжал кулаки. Тоне это не помогло бы. Он не знал точно, где ее спрятали, и не мог рисковать ее жизнью без надежды на успех.

Глаза зацепились за выключатель на стене. Под ним висел белый прямоугольничек с отпечатанной на машинке надписью: «Конец света».

Тарас невольно усмехнулся. В яхт-клубе работали люди с юмором. Еще раз просканировав объем здания «третьим глазом», он вернулся в кабинет директора и сел на кожаный диванчик в позе фудодза. До прихода спецназа у него еще оставалось время для энергонастройки.

Когда в кабинет ворвались трое парней в пятнистых комбинезонах, в шлемах, с пистолетами-пулеметами в руках, — знаменитый десантно-диверсионный отряд «Гамма», — он встретил их улыбкой, разведя руки в стороны.

— Заходите смелее, братаны, мы тут плюшками балуемся.

— Руки! — заорал первый боец спецгруппы, как он это делал не раз. — На пол, быстро!

— Зачем же на пол? — тем же доброжелательным голосом проговорил Тарас. — Я не вооружен и жду вашего начальника...

— Руки на затылок, сука! — Спецназовец направил ствол пистолета-пулемета в живот Горшину, не подходя к нему; видимо, он получил инструкции не приближаться к объекту задержания. — Яйца отстрелю! Считаю до трех...

В следующее мгновение Тарас растворился в воздухе, и по кабинету пронесся ураган, круша дорогую мебель, швыряя бойцов спецгруппы друг на друга, на стены, срывая с них шлемы и отбирая оружие. Больше всех досталось первому бойцу, угрожавшему отстрелить яйца. Ураган ударил его о стену, затем об пол и наконец врезал между ног, после чего здоровяк свел глаза к переносице и потерял сознание.

— Никогда не ругайся зря! — наставил на него палец Тарас. — Даже если очень страшно.

— Отлично сработано, Граф! — раздался из коридора чей-то рокошущий густой голос.

В кабинет вошли два гиганта в фиолетовых костюмах с ничего не выражающими лицами, встали у косяков двери, и еще двое крупногабаритных парней ввезли в кабинет инвалидную коляску сложной формы, в которой удобно расположился президент Российской энергетической компании, президент «Купола» и эмиссар Монарха Тьмы Эдмонд Анатольевич Рыжайс.

Он улыбался с видом ворчливого любящего отца, а в глазах клубилась мгла, и Тарас содрогнулся, встретив его взгляд. За коляской вошел с озабоченным видом Генрих Герхардович Ельшин, остановился чуть позади босса, разглядывая тела своих подчиненных на полу кабинета.

— Вы, несомненно, лучший ратный мастер из всех, кого я знаю, — продолжал Эдмонд Анатольевич. — Ведь прежде, чем появиться здесь, вы должны были пройти своего бывшего коллегу Дмитрия. Не так ли?

Тарас молчал, начиная готовиться к новой схватке, быть может, самой жестокой по сравнению с прежними. Ему предстояло драться не просто с профессионалами антитеррористической группы, с телохранителями Рыжайса, вооруженными до зубов, но с воплощением Конкере, обладающим магическим оперированием на базе метаязыка. А противопоставить ему он мог только силу воли, знание «живых» и кое-какие тайны Круга, четко осознавая, что этого мало.

Президент Купола тоже с любопытством глянул на бойцов группы «Гамма», покачал головой, посмотрел на Ельшина.

— Вашим профи еще учиться и учиться, дорогой Генрих. Против таких мастеров, как господин Горшин, они не тянут.

— Пусть он их потренирует, — проворчал Ельшин. — Это был бы самый лучший выход. Но ведь он не согласится. — Полковник посмотрел на Тараса. — Или согласишься?

Тарас молчал.

Эдмонд Анатольевич усмехнулся, кивнул своим слугам:

— Приведите их в чувство и уберите.

Гиганты в фиолетовых костюмах вытащили тела спецназовцев в коридор, снова стали в дверях, как монументы. Другая пара подкатила коляску директора к столу. Один из громил достал откуда-то блюдо с экзотическими фруктами, протянул своему господину. Рыжайс взял двумя пальчиками фиолетового цвета плод

размером с яблоко, посмотрел на Тараса, не сделавшего ни одного движения.

— Хотите попробовать, Граф? Это мангостин. Рекомендую, очень полезный и вкусный фрукт.

Он щелкнул пальцами, гигант-слуга взял мангостин, разрезал на две части, снял верхнюю, нижнюю отдал хозяину и протянул ему платиновую ложечку. Эдмонд Анатольевич погрузил ложечку в нутро мангостина и стал извлекать белоснежные дольки сердцевин, зажмурив глаза.

— Вай, как здорово!

Последнее слово он произнес рокошуще, с гортанными интонациями, и по комнате прокатился тугой упругий вихрик с илы, качнувший людей. Конкере внутри Рыжайса демонстрировал свое присутствие.

Тарас молчал.

Эдмонд Анатольевич перестал смаковать тайландский фрукт, открыл глаз и посмотрел на него с хмельной снисходительностью.

— Граф, вы бука! С вами все-таки разговаривает живой человек, а не стол.

— Н е л ю д ь! — расцепил челюсти Тарас.

Брови Рыжайса изогнулись домиком, на лицо упала печать отеческого неодобрения.

— Тарас Витальевич, ну как вам не стыдно! Не усугубляйте своего положения. Ведь вы совершенно один, не так ли? А меня — м н о г о! Неужели вы верите, что сможете меня победить? Напрасно. Вам бы, как никому другому, следовало бы знать, что человек силен не верой, а н е в е р и е м! Вы же до сих пор верите в справедливость.

— Чего вы хотите? — спросил Тарас тем же хрустящим от льда голосом.

Рыжайс усмехнулся, отдал кожуру мангостина слуге.

— Я вам завидую, право слово. Вы молоды, сильны, энергичны, честолюбивы, как я в молодости, у вас все впереди... В то время как я неизлечимо болен, каждый день встречаю как праздник и вынужден искать себе преемника. Генрих еще слаб, — Эдмонд Анатольевич насмешливо кивнул на Ельшина, — а других кандидатур на роль преемника у меня нет. Может, вы согласитесь? Представляете, какие возможности у вас появятся? Никаких документов подписывать не придется, в том числе — кровью, достаточно вашего слова.

— У м р и! — свистящим шепотом шевельнул воздух Тарас.

По комнате прошла холодная волна, заставляя всех вздрогнуть и схватиться за уши.

Президент «Купола» погрозил ему пальцем.

— Не хулиганьте, Граф, в этом кабинете з а к л и н а н и я не проходят, Ключи метаязыка здесь не действуют. Я знал, что вы откажетесь. Ваш учитель тоже отказался, и в этом была его глобальная ошибка. Вы одиноки, никто вам не поможет, неужели не хочется жить? Как там сказано в Евангелии? «Если Бог за вас, кто против вас?»¹ А против вас — с и с т е м а. Вы потеряли почти все, глупо терять остальное.

— Отдайте девушку!

— Ну вот, договорились. — Лицо Эдмонда Анатольевича приняло грустное выражение. — Зачем она вам, Посвященному Круга? Стоит вам мигнуть, у ваших ног будут сотни девушек самого высокого класса. Мастер вашего уровня не имеет права на слабость. Что касается Антонины Хованской... да, неплохая девочка, знаете ли, и с задатками в и д я щ е г о. Но она отказалась сотрудничать с нами, мы с ней поработали немножко... — Рыжайс небрежно пошевелил пальцами, отчего у Тараса заныли зубы, — и теперь можем вернуть.

Он посмотрел на слугу, и здоровенный амбал в фиолетовом костюме ввел в кабинет Тоню.

Девушка выглядела бледной и заторможенной и не отзывалась на мысленный зов Тараса, будто ее мозг не работал вовсе. В глазах ее, пустых и равнодушных, не отражалось никаких чувств. В руке она держала пистолет с толстым пупырчатым дулом красного цвета.

— Интересно, она вас сразу убьет или помучает? — задумчиво сказал Рыжайс. — У нее в руке двухступенчатый генератор боли «пламя», или в просторечии «болевик». Максимальный импульс убьет вас через несколько секунд, не поможет даже знание «живы» и «зеркальный щит», оптимальный же заставит помучиться несколько минут. Ну-с, молодой человек, что предпочитаете?

— Мразь! — выговорил Тарас, начиная движение.

И в тот же миг на голову ему обрушилась бетонная плита: кто-то, очевидно, разрядил в Горшина «глушак».

Впрочем, это был не «глушак».

¹Апостол Павел. Посл. к римлянам; 8, 31.

Догадка пришла позже, когда Тарас пришел в себя и обнаружил, что голова осталась на месте, руки-ноги целы, а сам он стоит как статуя и не может сдвинуться с места.

— Какой вы, однако, нетерпеливый, Граф, — долетел откуда-то издалека голос Рыжайса. — Чтобы тягаться с нами, Посвящения в Круг маловато будет. Приемчики ваши хороши для простых смертных. Я ведь только одно словечко шепнул, а вы уже и двинуться не можете. А если бы я его проговорил в полный голос?

Только теперь Тарас вспомнил, что перед «падением плиты» на голову он действительно услышал негромкое слово, соответствующее японскому иероглифу «син»¹. Он попытался пошевелиться и не смог. Мышцы не слушались, будто тело стало каменным и твердым, будто их парализовала неведомая сила. В отчаянии он крикнул внутрь себя: «Давай!» — напрягся изо всех сил, так что глаза застлала красная пелена, но добился лишь временной слепоты и темноты. Правда, блокаду мышц прорвать удалось, и он даже стал их чувствовать, но тело осталось рыхлым, как мешок с песком, и не хотело шевелиться.

— Вы очень способный ученик, — сказал Эдмонд Анатольевич с брезгливой гримасой. — Но так и останетесь Н е з а в е р ш е н н ы м. Антонина, девочка, закончи этот эксперимент, подойди к этому лоху поближе и выстрели. Покажи, как ты его любишь.

Тоня подошла к Тарасу, подняла пистолет.

«Тошка!» — крикнул он мысленно с ужасом и жалостью.

Палец Тони на курке дрогнул. В пустых глазах на мгновение появилась мысль... и понимание... тоска и боль... и любовь!

Она вдруг быстро поднесла пистолет к виску и выстрелила!

— Не-е-ет! — выговорил Тарас непослушными губами, заставляя себя сделать шаг, пытаясь выбить «болевик» из руки девушки.

Но было уже поздно!

Тоня слабо вскрикнула, широко раскрыла глаза, задохнулась от боли и словно погасла, опускаясь на пол. «Болевик» со стуком выпал из ее руки, стало тихо.

Все присутствующие в кабинете смотрели на нее с удивлением, проняло даже телохранителей Рыжайса, и даже он сам неко-

¹С и н — смерть (яп.).

торое время не двигался, озадаченный случившимся. Затем качнул головой, глянул на Тараса:

— Какая незадача, Граф. Она предпочла пожертвовать собой! Как в кино прямо-таки. Что делает с людьми любовь, а? Может быть, поэтому н а м никак и не удастся справиться с вами? Но пора расставаться, дела, знаете ли. Прощайте, Граф, в этой жизни мы, наверное, уже не встретимся.

Он махнул рукой, приказывая телохранителям толкать коляску к выходу. Наставил на Тараса два пальца и коротко выбросил направленное точно в цель слово:

— Син!

С пальцев президента «Купола» сорвались тусклые сиреневые змейки энергии, вонзились в глаза Тарасу, и снова ему на голову упала «бетонная плита» прямого пси-воздействия, вышибая сознание. Однако за миг до этого он открыл мостик связи между сферами сознания и подсознания, и энергоудар просто переброшил «полюсы ума», загнал способность мыслить в спинной мозг. И все же удар был слишком силен. Он отнял последние силы, остановил сердце, оборвал дыхание, и Тарас безвольной куклой упал рядом с той, которую поклялся освободить любой ценой.

— Уберите их, — брезгливо сказал Эдмонд Анатольевич. — Ноги в бетон — и в озеро, чтоб не всплыли. Пойдемте, Генрих, посидим в ресторане, отметим это событие...

Глава 32

ЗА ПРЕДЕЛОМ

Голоса отдалились.

Тарас перестал слышать, видеть и чувствовать, затем вдруг очнулся от чьего-то взгляда, открыл глаза.

Он стоял по горло в ледяной воде, над которой колыхались струи серого тумана. А из глухой пелены над водой смотрел на него некто, чья кроткая, смиренная и вместе с тем необоримая сила пронизывала туман и воду и вливалась в замерзающее тело Тараса, согревая душу.

Что за глаза смотрели на него! В них раскрывалась великая глубина, светилось великое знание и бесконечная мудрость! Они видели все глубинные движения души Тараса, видели все его достоинства и слабости, видели, понимали и все прощали...

— Инфарх... — прошептал он.

— Нет еще, только образ в твоём «я», — прилетел мягкий, бархатный, сожалеющий и укоряющий голос. — Тебе дано в и-де-ть, а ты идешь, как слепой, ищешь там, где потеряли многие, поклоняешься идолам страсти и создаешь культы физического. Но ведь Путь воина — в другой стороне, в стороне безупречности.

— Что же мне делать?..

— Не советчики мы... Но когда отступать некуда, когда стоишь на пороге небытия и понимаешь, что достиг той грани, за которой ты или есть, или тебя нет, когда выбор один — жизнь или смерть, тогда на сцену выходит то, что ты собой представляешь. Что тебе ближе: ненависть, любовь, равнодушие, разрушение?

— Справедливость...

— Это не просто слово, это этическая категория, выстраданная твоими предками. Вдумайся: с-пра-вед-ливость... Жизнь во правде... Мы не уверены, что ты понимаешь этот закон правильно.

— Я пытаюсь...

— Иди до конца, Незавершенный, род поможет тебе...

Глаза того, кто разговаривал с Тарасом в пространстве его сознания, погасли. Туман повалил гуще, вода покрылась рябью и стала заливать рот и нос. Тарас напрягся, пытаясь выплыть, потом вспомнил слова незнакомца о помощи рода и... нырнул в глубины генетической памяти!

Он летел в струях света и тьмы, переплетававшихся между собой, ощущая их е д и н е н и е, борьбу и согласие, выныривал на берега каких-то невообразимых морей, спускался на вершины сверкающих гор и везде встречал людей — своих предков, передающих ему часть души, часть энергии, часть понимания мира и знание, которого ему не хватало.

Он осознал себя внутри обычных людей, потом Перволюдей, потом Инсектов и Аморфов, также протягивающих ему руку помощи, и собирал, собирал, собирал себя по крупичкам, впитывая информацию, поддержку, знания, любовь и доброжелательность тех, кто дал ему жизнь, и, наконец, восстановил полностью канал, соединяющий его с родом Горшиных, дающий ему возможность восстать, как Феникс из пепла...

Все закончилось вспышкой жемчужного света.

Он пришел в себя.

Его волокли за ноги двое парней в фиолетовых костюмах,

зашли в просторный эллинг с корпусами яхт, швырнули на бетонный пол. Еще пара богатырей опустила рядом тело Тони. Несколько мгновений он смотрел на нее, пытаясь уловить стук сердца и увидеть сияние ауры, но не увидел. Девушка была мертва.

В груди родилось рычание.

Слуги Рыжайса, деловито выполнявшие приказ хозяина, с удивлением оглянулись. Один догадался вытащить пистолет-пулемет, но воспользоваться им не успел. Возникший в тишине эллинга вихрь вдруг подхватил гигантов одного за другим и с размаху расплющил о борта яхт и бетонные плиты пола.

Вихрь стих так же неожиданно, как и появился.

Тарас уронил руки, глядя на тела бандитов с отсутствующим выражением лица, опомнился и подбежал к телу Тони. Опустился на колени. Сказал глухо, одними губами:

— Прости...

Попытался восстановить работу сердца Тони, зная, что это бесполезно, но все же с минуту боролся со смертью, с пространством и временем, с самим собой. Сил не хватило. Тоня не ожила...

Душа напоминала выжженную пустыню, обдуваемую ветром тоски и одиночества. А перед внутренним взором стояла она, смущенная и счастливая, и загораживалась ладонью, еще не зная судьбы...

Он плакал без слез, не замечая этого, и в душе со слезами тихо-тихо умирал образ любимой, умирала ее улыбка, умирали глаза, обещавшие неземное светлое счастье... Она хотела немногого: найти место, где нет ни тревог, ни страха, ни печали, где никто ни с кем не воюет и где все счастливы.

Ай брусничный цвет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет...

Он застонал, раскачиваясь из стороны в сторону, запел тихонько: сла-а-а-во-о-о-о... Затем вытер ладонью кровь с прокушенной губы и поднял Тоню с пола. Понес к выходу из эллинга.

Испуганный механик, завернувший в гулкое помещение, отступил в сторону, пропуская его, с оторопью глянул на неподвижные тела на полу эллинга, на валявшееся оружие и побежал к телефону.

Тарас вышел на причал, огляделся, не понимая, как он здесь оказался, увидел спущенный на воду катер, на борту которого во-

зился еще один механик клуба в оранжевом жилете, и подошел к нему.

— Прими...

Механик оглянулся, вытаращил глаза.

— Ты чего, парень? Это катер директора... — Он встретил белый мертвый взгляд Горшина, вздрогнул и замолк.

— Прими!

Парень засуетился, помог Тарасу усадить Тоню на сиденье за блистером катера.

— Что с ней? Перебрала? — Он подмигнул с кривой улыбкой, щелкнул себя по горлу.

— Побудь здесь. — Тарас взобрался на причал. — Никуда не уходи!

Механик хотел было возмутиться, но вдруг кивнул и неожиданно для себя промямлил:

— Ладно, подожду...

Тарас вернулся в эллинг, обыскал телохранителей Рыжайса, нашел «болевик», сунул во внутренний карман пиджака и направился к главному зданию яхт-клуба.

Его дважды пытались остановить: на входе в здание и на входе в ресторан. Он почти не обратил на это внимание — продефилировал мимо охранников, будто их не существовало, оставляя позади шоковую растерянность и тишину. Вошел в зал ресторана всего с десятком столиков и остановился, увидев коляску президента «Купола», стоявшую у одного из столов, за которым сидели Ельшин, незнакомый чернобородый мужчина, очевидно, директор яхт-клуба, и красивая смуглолицая девушка. Вокруг сфинксами высились богатыри-телохранители Эдмонда Анатольевича, не сразу отреагировавшие на появление гостя. Лишь Ельшин проявил достойную для человека его положения реакцию. Он встал и бочком скользнул в проход на кухню. Впрочем, замначальника Управления «Т» ФСБ Тараса в настоящий момент не интересовал.

— Ну надо же! — хмыкнул Эдмонд Анатольевич, окинув фигуру Горшина хмельным взглядом, еще не понимая ситуации. — Жив, курилка. Неужели я тебя недооценил?

— Не лужь! — сказал Тарас так, что в зале лопнула хрустальная люстра.

— Убейте его! — каркнул президент «Купола», меняясь в лице.

Телохранители схватились за оружие, но поздно, поздно и

очень медленно. Они не владели своим временем и не умели изменять реальность.

Тарас мог!

Он выстрелил из «болевика» четырежды, прежде чем парни в фиолетовой униформе добрались до курков пистолетов-пулеметов, и зал наполнили истошные вопли, заставившие оглядываться на яхт-клуб даже пешеходов на набережной.

— Ты не сможешь меня... — начал Рыжайс, мечая глазами молнии.

— Смогу! — одними губами произнес Тарас, разряжая в него «болевик», затем медленно, с т р а ш н о, с непреодолимой силой выговорил: — Навь зовет тебя, нелюдь! У м р и!

Глаза Эдмонда Анатольевича полезли на лоб. Он побелел, привстал, словно собираясь освободиться от коляски, но рухнул обратно, выгнулся и завыл от боли, как только что были его слуги. Затем снова встал — на ноги, хотя до этого не ходил! — посмотрел на Тараса ч е р н ы м взглядом.

— Ты опередил меня. Незавершенный. — Это уже заговорил не президент «Купола», а тот, кто жил в нем долгое время, — Конкере. — Но я вернусь! И тогда тебя не спасет даже инфарх...

Рыжайс вздрогнул, глаза его стали пустыми и мертвыми, он схватился руками за воздух, словно пытаясь удержать кого-то, и упал в коляску безвольной массой. Через мгновение он был мертв. Лишь в воздухе некоторое время мистически металось эхо его слов:

— Я вернусь-вернусь-вернусь-нусь-нусь...

Тарас бросил «болевик» на пол, повернулся и вышел.

Механик в оранжевой безрукавке ждал его на причале, вертя головой и приплясывая от нетерпения.

— Кто там кричал? — жадно спросил он. — Аж жутко стало!

— Дьявол, — коротко ответил Тарас.

Отвязав катер, он прыгнул в него, завел двигатель, не обращая внимания на крики механика, и вывел катер на простор Живописной бухты, в начинающийся ливень...

На следующий день, похоронив Тоню, он позвонил Завьялову и сказал, что принимает его предложение...

Через полгода в стране появилось «Чистилище».

СМЕРШ-2

Глава 1

СУД И КАЗНЬ

Прокурор муниципального округа Бескудниково Вадим Сергеевич Бурлаков поздно вечером возвращался домой на служебной машине в сопровождении телохранителя, бывшего боксера-тяжеловеса. О делах он сразу забыл, думал о теще, о загулявшей по молодости лет жене, с которой вел войну. И лицо его, и без того кислое, обрюзгшее, мрачное, стало еще мрачней.

— Притормози, — бросил он шоферу, когда «Волга» пересекла мост через Москву-реку, вылез из кабины, вразвалку подошел к перилам и долго смотрел вниз, как в пропасть. А когда решил вернуться — телохранитель терпеливо маялся неподалеку, — проходившая мимо парочка влюбленных вдруг в одно мгновение скрутила телохранителя под сто килограммов, нокаутировала шофера и оказалась рядом с Бурлаковым. Тот лишь успел открыть рот.

— Это тебе привет из «Чистилища». — Девушка в полумаске сунула в карман прокурорского пиджака листок белой бумаги с тисненным в углу золотым кинжальчиком и буквами «СК», образовавшими его рукоять. — Тебя предупреждали.

— К-кто вы?

— Судьи и палачи.

— Н-но... м-м-не... — проблеял прокурор, пытаясь вытащить штатное оружие, о котором только сейчас вспомнил.

В то же мгновение руки его оказались связанными за спиной, а сам он головой вниз полетел в непроглядную тьму под мостом. Раздался тяжелый всплеск...

Все произошло так быстро, что водители и пассажиры проезжавших мимо автомашин ничего толком не разглядели и ничего не поняли. А «влюбленная» парочка продолжала идти не спеша, как ни в чем не бывало, пока ее не подобрал темный как ночь «Понтиак».

Полковник милиции Ефрем Гаврилович Пиворыкин отпустил персональную «Волгу» в десятом часу вечера, кивнул помахавшему ему на прощание сотруднику и направился к дому на площади Туманяна, где «ютился» в четырехкомнатной квартире с женой и собакой. Сын, восемнадцатилетний балбес, теперь жил отдельно, и полковник было вздохнул с облегчением: надоели вечные сборища, тусовки, грохот магнитофона. Но тут случилась эта история с изнасилованием, сын здорово влип, и надо было срочно спасать честь мундира. Хорошо, что этим занялся прокурор Бурлаков, бывший сослуживец, его должник, иначе дело приняло бы дурной оборот. И все же Пиворыкину было не по себе. Не из-за того, что пострадал ни в чем не повинный человек — в изнасиловании обвинили шестнадцатилетнего парня, соученика пострадавшей, — а по причине сугубо прозаической, меркантильной: прокурор напомнил, что вся эта каша тянет на десять тысяч «зеленых», причем лично ему, Бурлакову Вадиму Сергеевичу, не считая судей...

— Скоты! — в сердцах произнес Пиворыкин и подскочил, услышав раздавшийся рядом голос:

— Зачем же так, начальник?

Рука полковника метнулась к заплочной кобуре — был он еще не стар и хорошо тренирован, — но неизвестный действовал быстрее. От удара по голове полковник крутанулся юлой и свалился в кусты с давно облетевшими листьями: зима была на носу.

Еще один удар, в поясницу, заставил Пиворыкина ойкнуть от боли, и, хотя он успел достать пистолет, от нового удара по ребрам потерял сознание. Остальных ударов он уже не чувствовал.

Сделав свое дело, неизвестный достал из кармана листок белой бумаги с печаткой в виде кинжала и аккуратно засунул в карман полковничьего кителя.

Судья Бескудниковского муниципального суда Дмитрий Янович Охрименко сидел у телевизора, когда в дверь позвонили.

— Кто там? — шепотом сердито спросил хозяин, чтобы не разбудить жену.

— Сосед снизу, — отозвался из-за двери дискант. — У вас в туалете не течет? А то у меня все залило.

Охрименко пожал плечами, осмотрел туалет, течи не нашел и открыл дверь.

— Посмотрите сами, у меня су... — договорить ему не дали: заткнули рот, заломили за спину руки и бесшумно внесли на кухню, закрыв за собой дверь.

— Тебя предупреждали, — сказал обладатель дисканта, мужчина в маске, одетый в спортивный костюм, как и его напарник. — Не можешь работать за совесть, работай за страх.

Точным ударом ножа он отхватил у судьи фалангу указательного пальца и вместе с напарником исчез, будто его здесь и не было. Лишь тогда Дмитрий Янович почувствовал боль и в ужасе закричал...

Глава 2

ВЕКТОР СМЫСЛА

Это письмо пришло в окружную прокуратуру вечером и попало на стол Жарову невскрытым, поскольку подпись гласила: «Ст. следователю Жарову С.Н., лично». На конверте вместо обратного адреса — изящная печать: кинжал и образующие его рукоять буквы «СК».

Хмыкнув, старший следователь прокуратуры вскрыл конверт и развернул листок дорогой, с водяными знаками, бумаги, в уголке — та же печать, тисненая золотом. Текст письма лаконичен и строг: «Настоятельно рекомендуем дело номер 191271175 довести до суда. В противном случае Вы будете устранены физически. Настоящее предупреждение — первое и последнее».

Перечитав послание еще раз, Жаров задумчиво прошелся по кабинету, посасывая пустой мундштук: курить он бросил давно, однако привычка держать трубку в зубах осталась.

Дело, о котором шла речь, заключалось в следующем.

Два месяца назад сотрудники ОРБ — оперативно-розыскного бюро Нагатинской префектуры Москвы накрыли банду рэкетиров, одиннадцать человек, возглавляемую, как оказалось, сыном Суркова, депутата Государственной думы России. При задержании было изъято пять стволов с патронами, двадцать ножей, обрез, баллончики с газом, наручники, кастеты, крупная сумма долларов, видеоаппаратура, украшения из золота и драгоценных камней. Собранные доказательства «железобетонно» свидетельствовали о многогранной деятельности банды, в том числе особо тяжких преступлениях — грабежах и убийствах ком-

мерсантов. Но вмешались некие силы, и после звонка прокурора Филина дело было прекращено «за недостаточностью улик». Бандиты отделались символическими сроками, а их главарь Сурков — легким испугом. Финита.

Жаров достал из сейфа коньяк, налил треть стакана, залпом выпил и позвонил прокурору Филину:

— Ефим Палыч, Жаров говорит. Я тут письмо любопытное получил.

— С печатью в виде кинжала? Я тоже. Ты что-нибудь слышал об этом?

— Да так... ходят слухи, что такие письма уже получал кое-кто из наших. И закончилось это весьма печально.

— Заходи, поговорим.

Спустя полчаса после разговора со следователем прокурор набрал хорошо известный ему номер:

— Константин Викентьевич, они добрались и до меня, «рекомендуют» довести до конца дело сына депутата Суркова. Как быть?

— Работай, — раздался в трубке хриловатый бас. — Что за паника?

— Это не паника, ты же знаешь, чем заканчиваются подобные «рекомендации». Может быть, вернуть дело Жарову на исследование, пока не поздно?

— Я сам займусь этим вопросом. Вечером встретимся у меня, все обмозгуем.

Обладатель хриплого баса, громадный, широкий, тучный (про таких говорят: поперек себя шире), с неожиданно маленькой головой, украшенной плешью, бросил трубку, побарабанил пальцами по столу размером с бильярдный и нажал клавишу интеркома:

— Вадим Борисович, разрешите зайти? Есть проблема.

— Через пять минут, — ответил интерком после паузы.

Хозяин кабинета выпростался из кресла, сделанного по специальному заказу, походил, тяжело ступая, из угла в угол, вдоль стеклянных шкафов с коллекцией огнестрельного оружия. Открыл один, взял с бархатной подушки старинный кремневый пистолет, задумчиво повертел в руках. Со вздохом положил обратно, достал из сейфа красную папку с тремя нулями¹ и вышел

¹Гриф секретности первой степени.

из кабинета, закрыв за собой дверь с табличкой: «Нач. Глав. следственного управления Генпрокуратуры».

Генеральный прокурор Вадим Борисович Чураго ждал его, стоя у окна со сложенными на груди руками, невысокий, немолодой, с круглым лицом и черными глазами навывкате, в которых тлел огонек угрозы. Он обернулся, когда хлопнула дверь, кивнул заместителю на стул, сел сам.

— Слушаю, Константин Викентьевич.

— «Конкуренты» сделали новый ход.

Генеральный прокурор нахмурился, покосился на папку в руке главного следователя.

— Что случилось?

— «Стопкрим» начал охоту на прокуратуру Нагатинского округа.

— Кто на этот раз?

— Прокурор Филин и старший следователь Жаров. На них давят, чтобы довести до конца дело Суркова, депутатского сына.

— Сурков не только депутат Думы, но еще и военный советник, со всеми вытекающими...

— Мы было замяли скандал, но «Стопкрим» жаждет крови. А вы наверняка знаете, чем заканчиваются подобные предупреждения.

Чураго кивнул.

Объявив беспощадную войну криминогенным структурам, присвоив себе право карать преступников всех мастей без суда и следствия, «Стопкрим» начал с того, что очистил рынки Москвы от рэкетиров. Затем проделал то же самое в Раменках, муниципальном округе столицы. Действовала эта организация весьма умело и жестко, без промахов. Молодежные банды, привыкшие действовать напролом, нагло и жестоко, столкнулись не с дилетантами, а с профессионалами розыска и рукопашного боя, мастерами единоборств, еще более жестокими и сильными, более организованными. И рэкетеры, испытывавшие на собственной шкуре, что такое беспредел — их избили до полусмерти, — вынуждены были сменить район «работы».

Но «Стопкрим» на этом не остановился. За две недели он уничтожил местную группировку мафиози, контролирующую автовокзал, казино и торговую сеть в Раменках, — уничтожил в буквальном смысле этого слова: «семья» потеряла все руково-

дство и половину состава, — а затем принялся за коррумпированные снизу доверху государственные структуры.

В последующие полгода предупреждения получили почти все чиновники районной администрации, руководитель исполкома был убит (удар в горло), многие руководители рангом ниже, искалеченные, покинули посты, и, наконец, пришла очередь прокуратуры, судов и органов милиции.

Первой пострадала прокуратура Тушинского муниципального округа столицы.

В мае прошлого года произошла история с изнасилованием тринадцатилетнего мальчика, едва не закончившаяся трагически: от боли и унижения мальчик лишился речи и его с трудом вылечили. Насильника вычислили и взяли, им оказался двадцатилетний студент медицинского института, сын бывшего заместителя министра иностранных дел Козырина. Но уже через неделю его выпустили. Старший следователь прокуратуры Ивлиев, который вел дело, закрыл его «за отсутствием улик».

«Стопкрим» посоветовал прокурору округа разобраться с этим эпизодом, а когда тот не внял, последовало наказание: старшего следователя сбила машина, а прокурор был жестоко, до внутренних кровоизлияний, избит неизвестными лицами. Дело вернули на доследование, и насильника осудили на семь лет.

Второй случай был почти точной противоположностью первого.

Шестнадцатилетнего парня обвинили в изнасиловании одноклассницы, несмотря на очевидную подтасовку фактов. «Стопкрим» предупредил прокурора округа о возможных последствиях, представив необходимые доказательства. Но, поскольку пришлось бы в результате следствия осудить настоящего виновника изнасилования — сына полковника милиции, прокурор проигнорировал предупреждение, как и судьи. Последствия этого решения были трагичны: прокурор утонул, судья лишился указательного пальца, а полковник милиции был избит до потери сознания. Его сын даже стал заикаться от страха, сам прибежал в милицию и сознался во всем.

О том, что и по каким причинам делает «Стопкрим», журналисты узнавали из первых рук: им звонили тотчас же после операции сотрудники информационной службы этой организации.

О деятельности «Стопкрима», или «Чистилища», как говорили в народе, организации «суровой, но справедливой», заговори-

ли вслух. Большинство, доведенное беспределом преступности до отчаяния, открыто одобряло эту деятельность, а для чиновничьей рати, опиравшейся на с и с т е м у, культивируемую извращенным демрежимом, которую представлял госаппарат, практически сросшийся с организованной преступностью, настали плохие времена.

На «чистильщиков» из «Стопкрима», объявивших войну преступности, но при этом явно попиравших закон, началась настоящая охота. К мафии и ворам в законе присоединились и силы милиции, угрозыск, Генпрокуратура, управления по борьбе с организованной преступностью и даже Федеральная контрразведка. Но «Стопкрим» не оставлял следов и не совершил ни одной ошибки, позволившей бы следователям зацепиться и выйти хотя бы на исполнителей, не говоря уже о руководстве, что свидетельствовало о высокой информационной и оперативной защищенности организации, не уступавшей даже таким мощным конторам, как ФСК или контрразведка Министерства обороны.

Генеральный прокурор очнулся, глубоко вздохнул, хрустнул пальцами и кивнул на красную папку на столе.

— Пока мы ничего не можем им противопоставить. Надо менять подходы, искать нетрадиционные методы, привлекать науку. Стратегия работы с такой организацией, как «Чистилище», должна быть недетерминированной. Вы в шахматы не играете, Константин Викентьевич? Хороший игрок искусно вводит в игру элемент случайности, сбивающий противника с толку. Попробуйте копнуть в этом направлении. Есть соображения?

Начальник следственного управления потер лопатообразной ладонью подбородок, шею, загривок.

— Надо выйти на руководителя...

Чураго усмехнулся:

— Каким образом? Кстати, один человек не может управлять такой гибкой, с эшелонированным прикрытием, организацией.

— У них должен быть доступ к информационным каналам всех тревожных спецслужб, включая нас, контрразведку и ГУБО.

— А это означает, что, кроме компьютерной связи, у них есть осведомители, причем достаточно высокого уровня. Я уже сориентировал министра внутренних дел, он бросит на «Чистилище» весь МУР. А тебе, Константин Викентьевич, необходимо начать

свое расследование. «Стопкрим» во что бы то ни стало надо остановить! Иначе...

— Понял.

— Вот и ладушки. Ищи контакт и готовь план следствия. Кстати, все «чистильщики», судя по их стилю силового давления, бывшие сотрудники спецназа или внутренних войск.

— Проработаем и эту версию. Как только появятся результаты, я доложу. А что делать с Жаровым?

— Ничего. Если умный, уйдет в отставку или выполнит требования «чистильщиков». Слава Аллаху, «чистильщики» не раскручивают связи намечаемых жертв, они идут прямо к цели, так что пока спи спокойно.

— Я все-таки наметил бы меры превентивного характера на тот случай, если...

Генеральный прокурор поднял на Рудакова холодные глаза.

— Если и нам принесут письма «Стопкрима»? Вряд ли против них существует противоядие. Но... почему бы не попробовать?

Начальник следственного управления кивнул и вышел, прихватив папку, которую генеральный даже не открыл.

Директор ФСК — Федеральной службы контрразведки — Иван Сергеевич Панов закончил телефонный разговор и взглянул на гостя, рассматривающего кабинет с портретом Суворова над столом.

Начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБО) генерал Михаил Юрьевич Медведь напоминал добродушного стареющего сенбернара. Но добродушен он был только с виду. На должность начальника ГУБО Медведь был назначен указом президента, проработав в Министерстве внутренних дел более двадцати лет. За последние три года он поднялся по служебной лестнице: по званию — от полковника до генерал-лейтенанта и по должности — от заместителя начальника окружного угрозыска до начальника ОРБ, что говорило не только о его профессионализме, но и о тонком знании кухни МВД.

Заметив, что директор закончил телефонный разговор и смотрит на него, Михаил Юрьевич ответил на взгляд понимающей усмешкой. Он знал Панова давно, лет тридцать, еще со сту-

денческой скамьи — оба заканчивали МАИ, но инженерами так и не стали. Панов, по натуре спортсмен и романтик, после окончания службы в армии остался служить по контракту (зенитно-ракетные войска ПВО страны) и прошел путь от командира батареи до комполка. Был замечен и приглашен для работы в КГБ, закончил МГИМО, блестяще владея английским, проработал за рубежом десять лет, благополучно пережил встряску режима в России и, наконец, достиг той высоты, к которой стремился. Президента и личный состав Федеральной контрразведки он «взял» высокими моральными устоями, блестящим послужным списком и глубоким уважением к профессионалам.

Начальник ГУБО заметил на моложавом лице директора новые морщины и подумал: таких людей годы вообще не щадят, а работа в контрразведке и подавно.

— Скоро облысеешь, — проворчал Михаил Юрьевич.

Панов улыбнулся: оба давно потеряли остатки шевелюры и сверкали лысынами на полчерепа. Но если начальника ГУБО лысина делала похожим — вкупе с бакенбардами — на отставного боцмана, то Панов не потерял ни грана мужской привлекательности: высокий лоб лишь подчеркивал ум и силу этого человека. Заметив, что директор ФСК взглянул на часы, Медведь заторопился:

— Нужна помощь, Иван Сергеевич. Свои проблемы, ты знаешь, я решаю сам, но в последнее время наметился ряд оперативных неудач управления, и списывать их на неопытность сотрудников я не могу. Кто-то в моем аппарате работает на...

— «Купол», — закончил Панов.

Медведь кивнул. «Куполом» они называли структуру, в которой срослись мафия и государственные институты от милиции и прокуратуры до среднего и высшего звена управленческих кадров правительства.

— Тогда у нас две напасти, как у классика. — Медведь смотрел не понимая, и Панов добавил: — По Гиляровскому, «в России две напасти: внизу — власть тьмы, сверху — тьма власти». Наши же с тобой напасти — «Купол» и «Стопкрим».

— Да, «Чистилище», пожалуй, тоже можно отнести к напастям, хотя оно, похоже, и замахивается на «Купол». Их в нашу бригаду — цены бы управлению не было!

— Ты сам в это не веришь, Михаил Юрьевич, «Стопкрим» не

опирается на такие организации, как прокуратура и суд, именно поэтому он так эффективен. Так что за проблема привела тебя в мою обитель?

— Мне нужен независимый агент высокого класса типа «супер» или «волкодав».

— Чтобы выяснить, кто работает на «Купол». — Панов не спрашивал, а утверждал. — Специалистов такого класса мало. У меня они, конечно, есть почти в каждом подразделении, но все задействованы.

— Так я и думал, но помочь можешь только ты. Если же нет, буду думать дальше. — Медведь поднялся. — Извини, времени в обрез.

— Погоди. — Панов тоже встал и оказался на голову выше собеседника. — Закуришь?

Медведь отказался, и директор Федеральной контрразведки, в отлично сшитом костюме в серую полоску, прошелся по кабинету, закулив «Эмердженси».

— Кого-нибудь из СМЕРШа¹ знаешь?

— СМЕРШ? Ты имеешь в виду военную контрразведку? — Начальник ГУБО оживился. — Только Ивакина, да и то знакомство шапочное.

— У Ивакина есть спецы не хуже наших, только вряд ли они перегружены работой. Борю Ивакина я знаю с пеленок, в СМЕРШ он пришел недавно, но уже поднялся до замначальника.

— Но с какой стати он станет рисковать своим агентом?

Панов ответил не сразу:

— Во-первых, чтобы ты знал — он мой зять, во-вторых, его начальник, Дикой Валя, — бывший мой подчиненный, а в-третьих, мы начинаем сотрудничество в расследовании утечки новейшего стрелкового вооружения из «Арсенала».

— Я ничего не слышал. Впрочем, военка нас никогда не баловала свежей информацией. — Медведь протянул руку директору ФСК. Тот пожал ее с понимающей усмешкой.

— Только придется тебе, дорогой Михаил Юрьевич, ставить задачу агенту лично. Такие кадры засвечивать нельзя.

¹СМЕРШ (Смерть шпионам) — подразделение военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны. (Здесь и далее примеч. авт.)

— Ну, это-то я знаю. До встречи, Иван Сергеевич. Буду держать тебя в курсе событий. В конце концов, бог даст, выйдем и на «Чистилище», и на «Ад», то бишь «Купол».

Генерал удалился. Директор контрразведки долго смотрел на закрывшуюся дверь, и по лицу его бродили тени.

Полковник Борис Иванович Ивакин был похож на викинга — и обликом, и характером. В контрразведке Министерства обороны, которую за глаза все называли СМЕРШ-2, он был вторым человеком после начальника ВКР Дикого, от которого в слаженной работе управления зависело многое, если не все. Во всяком случае, именно он подбирал кадры для ВКР, хорошо зная контингент училищ спецназа и академий Генштаба, готовивших специалистов высокого класса.

Выслушав просьбу Ивана Сергеевича Панова, директора Федеральной службы контрразведки, а теперь своего тестя, он не сказал ни «да», ни «нет», пообещав подумать, хотя решение принял сразу. Панова он уважал как за профессионализм, так и за человеческие качества, но не знал, согласится ли работать на ГУБО тот, кого он наметил для проведения своей операции и уже вызвал в Москву. Агенты этого класса обычно действовали индивидуально и не всегда соглашались участвовать в операции, если не считали ее заслуживающей внимания. Зато привлечение любого из них почти стопроцентно гарантировало успех.

Обдумав идею Панова, взвесив все «за» и «против», Ивакин назначил на вечер аудиенцию прибывшему из Рязани агенту и отправился на доклад к «главконтре», как называли сотрудники ВКР своего начальника, генерала Дикого. Полковник, в принципе, мог обойтись и без санкции начальника, но в данном случае не хотел действовать наобум, без тщательного анализа предлагаемой игры.

Генерал Дикой пришел на должность начальника военной контрразведки Министерства обороны с должности заместителя начальника штаба того же министерства, показав себя блестящим аналитиком и безупречным тактиком. Шел ему всего лишь тридцать первый год, но его опыту и уму, а главное, волевому характеру могли позавидовать специалисты и вдвое старше его. Худой, нескладный, с узким лицом, на котором выделялись по-детски пухлые губы, он выглядел настоящим интеллигентом, сму-

щенным своими успехами на высоком посту, но те, кто работал с ним раньше, знали его как великолепного бойца, мастера кунг-фу, способного постоять за себя, а также отличного стратега, обладающего даром предвидения.

— Звонил Панов, — сказал Ивакин, усаживаясь по другую сторону генеральского стола, на котором стояли два дисплея оперативного компьютера и были аккуратно разложены бумаги, карандаши, дискеты, ручки. — Просил помочь.

Начальник СМЕРШа понял, о каком Панове идет речь, но лишь приподнял бровь, ожидая продолжения. Потом все-таки спросил:

— Что там у них? Уж не сработал ли «Стопкрим»?

Ивакин внимательно посмотрел в глаза Дикому. Порой ему казалось, что генерал читает его мысли.

— С одной стороны, да. «Чистильщики» вышли на прокуратуру Нагатинской префектуры, а старший следователь Жаров — друг Рудакова, начальника Главного следственного управления Генпрокуратуры. Но суть не в этом. Начальник ГУБО просил помощи у Панова, подозревая, что к нему проникли «глаза и уши» «Купола». — Полковник ввел генерала в курс дела и выжидательно замолчал.

Дикой не задал ни одного вопроса, внимательно выслушал заместителя, потом включил компьютер и набрал запрос на вход в сеть МВД. Через минуту пришел ответ, генерал прочитал его, вздернув бровь, откинулся в кресле, засунув ладони под мышки; он сидел в одной рубашке, расстегнутой, без галстука, хотя в кабинете работал кондиционер и от окна тянуло прохладой.

— У Жарова-то рыльце в пушку, а? Иначе он обратился бы не к Рудакову, а к «фискалам»¹. Но почему Панов решил, что мы занимаемся не только узкопрофессиональными данными, связанными с военными объектами? Откуда ФСК знает, кто есть ху в Минобороны?

Ивакин почесал кончик носа.

— Наверное, «фискалы» работают не хуже нас.

— Ответ хороший. И все-таки, Борис Иванович, вы решили им помочь. Почему?

Ивакин, неплохой психолог, не удивился прозорливости Ди-

¹ «Ф и с к а л ы» — шутовское прозвище сотрудников ФСК.

кого, но быстрота, с какой генерал схватывал суть проблемы, казалась просто мистической.

— Потому что «Купол», как и «Стопкрим», не остановится на достигнутом. Дай им волю, так они доберутся и до руководства ФСК, и до Минобороны, и до аппарата президента. И тогда «командовать парадом» в стране будут только эти две силы. Не мешало бы принять кое-какие превентивные меры. Хотя я лично «чистильщиков» понимаю: нельзя дальше терпеть то, что творится в высших эшелонах власти, ведь даже силовые министерства скоррумпированы сверху донизу.

— Вы правы, — задумчиво проговорил Дикой. — Но я даю «добро» не только из-за этого. Нынешнее положение в стране — это унижение великой державы, великого народа и, что самое ужасное, уничтожение его творческого и духовного потенциала. Но голосующий за демократов «гегемон» не понимает, какая это трагедия. Извините за сентенцию. Итак, что мы знаем о «Куполе»?

— Почти zero информации.

— А о «Чистилище»?

— Столько же, если не меньше. Это организация типа «Инвизиблмен» с мощной эшелонированной подстраховкой. Судя по почерку, дилетантов в ее рядах нет. Скорее всего, там работают бывшие спецы УВД, ФСК и внешней разведки — в качестве аналитиков, тактических руководителей, инструкторов, ну а исполнители — профи рукопашного боя. — Ивакин не знал, что повторил рассуждения Генерального прокурора. — Стратегическое же управление осуществляется теневым кабинетом, скажем, из пяти-семи человек, входящих в высшие структуры государственной власти.

— Союз семи рыжих... — пробормотал генерал, скорчив виноватую мину. — Шутка. Извините, что перебил. Хуже всего, что «чистильщики» пользуются поддержкой масс, а это немаловажный психологический фактор. Им всегда помогут, несмотря на давление представителей закона, потому что создан прецедент: зло не наказуемо, и наказуемо неотвратимо, причем быстро, без судебно-юридической волокиты. Конечно, деятельность «Стопкрима» раздута прессой, но в народе крепнет уверенность, что такие болезни, как разгул преступности и коррупции, лечатся только смертью. — Валентин Анатольевич помолчал. — Иногда это хочется верить и самому.

Теперь замолчали оба. Ивакин с разрешения Дикого закурил.

— К сожалению, жизнь убеждает, что человека не переделаешь. Вряд ли агрессивность и эгоизм излечимы. Как волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

— Существует мнение, что человек — имаго, куколка существа, которое из него в конце концов вылупится. Существо изначально доброе и умное.

— И в это хотелось бы верить, — слабо улыбнулся Валентин Анатольевич. — Но к делу. Как вы собираетесь помогать Медведю?

— Для операции «Утечка» я вызвал ганфайтера-перехватчика. — Ивакин помассажировал подбородок, смял в пепельнице окурок. — Он три года находился «на грунте». Класс — «абсолют».

— У нас несколько перехватчиков, но агентов класса «абсолют» я не знаю. А обязан по должности знать. Кого именно вы вызвали? — Дикой заметил, что Ивакин бросил взгляд на окна. — Борис Иванович, я включил аппаратуру глушения еще до вашего прихода, никакой лазерный сканер нас не прослушает.

— Матвея Соболева. — сказал наконец полковник без малейшего комплекса вины. — Это мой резерв. Но вы должны знать «абсолютников», они неподконтрольны. Мало того, что работников этого уровня практически невозможно убрать, их невозможно заставить работать под чьим бы то ни было руководством. Они индивидуалы до мозга костей.

— Ну, это не главная наша беда. Я, кстати, хотел предложить вам ганфайтерный вариант по делу «Утечка». Но Соболева не знаю. Можно ли доверить ему оба задания сразу? И как вы сформируете ему второе, по «Стопкриму» и «Куполу»?

— Пока никак. Задание ему выдаст начальник ГУБО Медведь, которого мы с вами хорошо знаем, а тот наверняка захочет выйти на теневое руководство организацией, выяснить их планы. Что будет дальше, не знает никто. Что касается Соболева, то он сейчас, употребляя термины кэмпо, мугэй-мумэй¹. Для всех он — охранник на Рязанском радиозаводе. С виду не силач, а на самом деле — барс², в совершенстве владеет русбоем, кэмпо, айкидо, мастер по сгобу. За шесть лет — четырнадцать успешных

¹Мугэй - мумэй — ни мастерства, ни имени (*кут.*).

²Барс — мастер по русбою (борьба в русском стиле).

перехватов, это еще до вашего прихода. Имя его, конечно, нигде не фигурирует.

— Вы меня заинтриговали, Борис Иванович. — Дикой покачал головой, погрузился. — Но не подставляем ли мы такого ценного спеца? Ему придется решать, что делать с полученными разведанными. В принципе, это еще не будет означать конец «Стопкрима» или «Купола», возможностей уйти в подполье у них хватает. А вот у «Чистилища» меньше шансов: они и так ходят по лезвию бритвы — стоит разок ошибиться, убрать невинного, скажем, — и народ перестанет им верить, а вера — нравственная база любого института власти. И не только нравственная, но и политическая. Нечем станет оправдывать насилие.

— В наше время, по-моему, ни один институт не оглядывается на моральную сторону своей деятельности. Все соревнуются в грубости и насилии, обеспечивая себе таким образом выживание.

Генерал бросил взгляд на часы.

— Вы философ, Борис Иванович. Не пугайтесь, это похвала. Я даю «добро» на ваш эксперимент. Еще кто-нибудь знает о вызове Соболева?

— Никто. О его существовании будут знать только трое: я, вы да Медведь.

— Тогда давайте не рисковать и поручим «Утечку» другому агенту?

— И так уже следствие ведут другие следователи, а Соболев — перехватчик, ганфайтер. Как только виновность подозреваемых будет доказана, в операцию включится Соболев, чтобы выполнить чистый захват. Хотя, конечно, он проверит данные. Справится, я хорошо его знаю. По «Утечке» нам нужен гарантированный результат.

Валентин Анатольевич стер с дисплея прежний текст и набрал код выдачи информации по делу утечки новейших образцов оружия со склада экспериментального завода «Арсенал».

— Что ж, это наша работа, и за нее спросят не с ФСК и ГУБО, а с нас. Давайте поработаем. Вы уверены, что к похищению причастен батальон «Щит»?

— Уверен. Однако Соболева для того и вызвали, чтобы проверить это... своими методами.

— Честно говоря, сомневаюсь, что это под силу одному человеку, каким бы он ни был супером.

— Поживем — увидим.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Они вошли в магазин за пять минут до закрытия, и Матвей сразу насторожился, обратив внимание на четверых крепких ребят, явно «крутых», в одинаковых кожаных безрукавках и джинсах, со скучающим видом рассредоточившихся по залам магазина. Они были похожи друг на друга, как близнецы, все в черных очках, с одинаковыми стрижками. Но тут подошла очередь Матвея, он отвлекся на несколько секунд, беседуя с продавцом, а когда началось действие, пришлось с досадой констатировать, что расслабляться не стоило; он должен был предвидеть последствия и уйти отсюда по-английски, тихо и незаметно.

Магазин был частный, с промтоварным и продовольственным отделами, чистый, уютный, с хорошим ассортиментом. Год назад его приватизировал молодой коммерсант, энергичный парень, пообещавший сделать из бывшего «Овощеторга» конфетку. Обещание он свое выполнил, цены не гнал, и в магазин с вежливыми продавцами, оборудованный по последнему слову оргтехники, приезжали из других районов. Чем владелец не угодил местной мафии, приходилось только гадать. Но факт оставался фактом: четверо, которых заметил Матвей, пришли не за покупками.

Сориентировался он мгновенно, с привычной бесстрашностью проанализировав траектории возможных событий. И подвинулся своему решению вмешаться, потому что в принципе он не имел на это права! Вероятно, надоела долгая спячка, тело требовало оперативного напряжения.

Переход в состояние турийи¹ произошел в долю секунды с помощью точно рассчитанного волевого усилия. Матвей был готов к любому повороту событий. Время заметно сгустилось, замедлилось, движения окружающих стали тягучими, вокруг них появились ореолы биополей — глаз выделял этот «свет» безошибочно.

Ничего особенного еще не произошло, четверо парней только начали движение. Один достал пистолет — «лангенхан» ка-

¹Турийя — в индийской психологии состояние просветления.

либра 9,65 мм (вспомнилось чье-то изречение: «Пистолет рождает власть»). Остальные рэкетмены щелкнули пружинными ножами, но лишь двое из них были тренированы, судя по цвету и интенсивности ореола, хотя и не профессионально. Это были просто «качки», знавшие кое-какие приемы карате, и лица их почти не отличались от затылков.

В обоих залах магазина, кроме двух продавцов, оставались еще шесть покупателей, в том числе и Матвей: четверо девушек и старик, но рэкетеры их не брали в расчет. Впрочем, как не брали в расчет и Матвея, не выглядевшего гладиатором даже при росте в метр восемьдесят пять: обыкновенный молодой мужик в потертых джинсах, линялой рубашке в клетку и старых кроссовках, со стандартной внешностью, если не считать прозрачно-голубых спокойных и холодных глаз. Но в глаза эти парни никогда никому не смотрели.

Тот, что был с оружием (где он только умудрился достать эту немецкую штучку?), успел сделать шаг к продавцу и направить на него пистолет, когда Матвей начал свое движение. Свидетели потом дали такие противоречивые показания, что, узнай он об этом, только поразился бы своему профессионализму.

Матвей сделал длинный скользящий шаг к вожаку с пистолетом, взял его запястье в захват и вырвал пистолет, одновременно пальцами левой руки сдавив в нужных точках шею бугая. Парень еще падал, потеряв сознание, а Матвей уже делал подкат, доставая ногами сразу двоих «качков» с ножами. Третий успел махнуть ножом и достать баллончик с газом, однако вспорол лишь воздух и заработал точный укол в солнечное сплетение от противника, невероятным образом оказавшегося совсем рядом.

— Вызовите милицию, — тихо сказал Матвей остолбеневшим продавцам и, скривив лицо так, чтобы его потом трудно было узнать, скользнул за дверь, оставив пистолет у себя.

Как и ожидалось, страховали четверку двое на старом, выдавшем виды «Вольво», но о драме в магазине они еще не догадывались; все произошло слишком быстро и без всякого шума.

Уже в машине Матвей довел разговор с самим собой до точки и снова подивился своему побуждению вмешаться в действие, которое его никак не касалось. Но так остро захотелось вдруг ответить подонкам, живущим по старым советско-пиратским принципам: отнять и разделить!

Молодым можно простить недостаток опыта, знаний, но не избыток наглости, хамства и равнодушия, вспомнил он чьи-то слова. Впрочем, не чьи-то — отца, провинциального учителя истории, которого любили ученики.

Поставив машину в гараж, Матвей заглянул в почтовый ящик и обнаружил там поздравительную открытку. Это был вызов в столицу. Размышляя о причинах вызова и о своих предчувствиях, Матвей вошел в квартиру и принялся готовить ужин. Предчувствия не обманули его, недаром он видел ночью один из тех странных снов, которые тревожили его последние полгода.

Он приснился ему под утро, перед самым пробуждением.

Ледяная равнина, окруженная цепью снежных гор. В ясном небе вдруг показалось розовое облако. Оно растет, растет, пока не превращается в сиренево-фиолетовую тучу, очертаниями похожую на фигуру человека. В голове облака загораются три огненных глаза, и тут же, как удар грома, звучит голос:

— Проснись и иди!

— Куда? — растерялся Матвей.

— Он не видит, — раздался второй голос, женский, мелодичный. — Ему еще рано, инфарх.

— Не оказалось бы поздно. За ним начал охоту монарх, вернее, его разведка.

— Куда идти? — Матвей обрел утраченное равновесие. — Покажите, и я пойду.

— Разве ты сам не видишь? — От голоса таинственного инфарха заходили ходуном горы, взвилась снежная пыль, равнина растрескалась, как ледяное поле.

Матвей напряг зрение, и на мгновение ему показалось, что он видит золотое крыло света, просиявшего в небе из-за тучи, словно открылось и тут же захлопнулось волшебное окно.

— Не видит, — прошептала женщина. — Его глаза еще спят.

И столько сожаления и тоски было в этом голосе, что Матвей едва не разрыдался. А проснувшись, с удивлением обнаружил, что глаза его наполнены влагой, будто он и в самом деле плакал.

Что ж, выходит, сон в руку? Нечто вроде предупреждения свыше? Кто такой «монарх», который начал охоту за ним? И почему и что именно он не видел во сне, так огорчив собеседниц неведомого инфарха?

Поскольку Матвей точно знал, что психика у него абсолютно

здоровая, в «сдвиг по фазе» он не верил — не с чего было сдвигаться, к тому же он умел возвращать себе душевное равновесие. Однако докопаться до причин странных предметных сновидений пока не удавалось. Мешал режим «инкогнито», не хватало знаний, не хватало свободы передвижения и времени. Одно было ясно: подсознание отреагировало на какое-то внешнее воздействие и мозг воспользовался той информацией, которую имел, чтобы посигнализировать хозяину, — сны были почти копиями тех, которые описал в своей книге Успенский¹.

После программы новостей Матвей позвонил домой своему непосредственному начальнику — работал он в охране радиозавода, отпросился на две недели «съездить к родственникам». Потом почитал немного и лег спать.

Наутро он сделал зарядку — занимался Матвей по специальной системе, вобравшей в себя элементы сильной чигонг-о² и кэмпо, — позавтракал и в шесть утра был уже на первом вокзале Рязани, откуда уходил электропоезд на Москву. Взяв билет, он прогулялся по залу, вышел на перрон, радуясь хорошему утру конца июня, и вдруг заметил группу молодых людей, живо напомнимших ему вчерашний инцидент в магазине. Их было пятеро: четыре парня и девушка. Одеты все с претензией на моду, однако рубашки у ребят засалены, в пятнах, как и джинсы, лохматая девушка в своем красном платье-«резинке» казалась почти голой, так оно ее обтягивало. Двое парней разошлись по перрону в разные стороны, а двое оставшихся и девушка подошли к девушке, которую Матвей приметил еще у кассы: она брала билет перед ним. Девушка была высокая, с тонкой талией, гибкая, с копной темных волос, рассыпавшихся по плечам, и острый глаз Матвея тотчас же оценил ее обаяние. Девушка в профиль напоминала Марию, и Матвей даже шагнул к ней, но она оглянулась, и навязание прошло. У Марии не было таких больших глаз, зеленовато-серых, с влажным блеском, и таких точеных полных губ. Похожими были только волосы да овал лица. Незнакомку нельзя было назвать красавицей, но что-то в ней невольно привлекало взор: то ли милая улыбка, то ли сквозившая в каждом движении женственность.

¹ «Новая модель Вселенной».

² Чигонг-о — старинная китайская система тренировок.

Интересно, чего от нее хотят эти трое?

Соболев подошел поближе, напряг слух и сообразил: парни — самые обыкновенные рязанские вокзальные рэкетиры, специализирующиеся на банальном гоп-стопе. Выбрав жертву, бандит просит у нее сумку, или коробку, или просто деньги, намекая, что в случае отказа все равно отберет их, только с мордобитием. Эти трое просили «подержать» сумку, а то ведь «тяжело нести».

Девушка не сразу поняла, в чем дело, потом кинула в сторону двух беседующих неподалеку мужчин отчаянный взгляд, но те отошли, предпочитая не связываться со шпаной. Матвей еще раз внимательно оглядел незнакомку. Длинная шея, прямые плечи, высокая грудь, красивые ноги, а одета скромно: блузка в черно-белую полоску, такая же юбка, с полосами покрупней, и сандалии с облегающими лодыжку ремешками. Большая синяя сумка стояла у ее ног, а через плечо висела еще одна, черная, сумочка. Ни колец, ни серег, ни помады. «Голая» красота. И было ей от силы лет восемнадцать. Матвей колебался до тех пор, пока один из парней не щелкнул ножом, а второй не снял с плеча девушки сумку. Последним доводом для Соболева был взгляд незнакомки: умоляющий и беспомощный. Кричать, звать на помощь она не стала.

Все произошло в течение двух-трех секунд.

Матвей дотронулся до локтя парня, подхватил выпавший у него из руки нож, ткнул пальцем в лоб второго бандита, отобрал у него сумочку, поднял синюю сумку незнакомки и свободной рукой подхватил ее под локоть:

— Пойдемте, сейчас объявят посадку.

Троица обалдевших гоп-стопников осталась стоять с разинутыми ртами: один держался за локоть, второй — за голову, и лишь девица изумленно прошипела:

— Ты чо делаешь, баклан?!

— Кто вы? — обрела дар речи девушка, останавливаясь и высвобождая локоть из руки Матвея, когда они прошли шагов десять.

— Извините, — мягко сказал он, опуская сумку, и добавил на одном дыхании: — Меня зовут Матвей, фамилия Соболев, родился в год Змеи, талисман — черный кот, закончил филфак МГУ, еду работать.

Девушка округлила глаза, потом засмеялась, приоткрыв ве-

ликолепные зубы. Взгляд ее прояснился, стал приветливым, мягким.

— Спасибо за помощь. Я уж думала, придется идти в милицию, в сумке все мои документы. Меня зовут Кристина, фамилия Сумарокова, родилась в год Овцы, талисман — сердце. Студентка первого курса МГУ, еду сдавать летнюю сессию. А они больше не пристанут?

Матвей тихо рассмеялся, чувствуя себя легко и свободно, и лишь самая трезвая аналитическая часть сознания зажгла тревожный красный «индикатор»: одна встреча с бандитами — случайность, две — уже странность, объяснимая лишь теорией вероятностей. Не аукнулось бы в будущем, слишком близко Рязань от Москвы, где ему предстояло включиться в работу после трех лет «консервации».

Время в электричке промелькнуло незаметно. У них нашлись общие интересы и темы, сходство взглядов на искусство и культуру, а что касается литературы, то здесь их вкусы совпадали почти стопроцентно: оба любили тонкий юмор О. Генри, мужественных и верных героев Джека Лондона, романтические приключения Дюма-отца, сочный язык Гоголя и палитру характеров Чехова, и оба отрицательно относились к фантастам, пишущим в стиле киберпанк. Оказалось, что Кристина сдала уже два экзамена летней сессии — училась она, как и Матвей когда-то, на филологическом — и ехала сдавать последний — английский язык. То, что девушка учится на филологическом, указывало если не на родство душ, то на взаимность менталитетов, что подогревало обоюдный интерес. И, провожая Кристину к зданию филфака от метро «Университет», Матвей с грустью подумал, что вероятен вариант, когда ему невозможно будет продолжать знакомство и встречаться с этой удивительной девчушкой, беззащитной, редкой по чистоте и уму.

Надо же, земля еще рождает такие души, думал он по пути «домой», то есть на квартиру, определенную первым вариантом «выхода», а судьба хранит их, оберегая от миазмов моральной «свободы»! Вероятно, такие девочки могут появляться только в провинции, большие города слишком глубоко погрязли в «цивилизации». Счастлив будет тот, кому достанется такое чудо...

По легенде, он возвращался из мест лишения свободы, где просидел три года как бытовик — непрофессиональный преступник, осужденный за превышение мер защиты, будучи мастером

по славяно-горицкой борьбе: двое из троих, напавших на него, остались калеками, а третий отделался переломом руки. Но это по легенде. На самом деле он был барсом, профессионалом рукопашного боя такого класса, который и не снился «черным поясам».

Трехкомнатная квартира, в которой ему предстояло жить, находилась на четвертом этаже девятиэтажного кирпичного дома на Варшавском шоссе, недалеко от метро «Тульская». Кроме того, у него была своя машина и гараж неподалеку. Соседи его уже знали как учителя русского языка и литературы, немного замкнутого, но вежливого и спокойного молодого человека. До того как «получить срок», он прожил в квартире, как бы обменяв ее, около месяца. И вот вернулся, «отсидев положенное». Впрочем, соседи не интересовались личной жизнью жильца и о «подвигах» его, скорее всего, не догадывались.

Бросив сумки в прихожей, Матвей внимательно оглядел квартиру.

Кухня маленькая, но хорошо оборудованная, с электроплитой, кухонным гарнитуром из пластика под дерево, со всеми необходимыми атрибутами хозяйства, такими, как тарелки, вилки, ножи, кастрюли и тому подобное.

Гостиная не слишком просторная, но уютная, с ковром на полу без единой пылинки; видимо, за ней присматривали. Кроме роскошного дивана, двух кресел и двух книжных шкафов, в комнате стоял еще журнальный столик, сервант с чайным и кофейным сервизами, с наборами бокалов и рюмок из цветного дьяковского хрустального стекла, а также телевизор «Голдстар». Ничего не прибавилось и не убавилось.

Убранство спальни тоже не изменилось: тахта, превращавшаяся по мере надобности в кровать, книжный шкаф во всю стену, с нишей для стола, два стула, платяной шкаф, спортивный комплекс в углу — макивара, деревянный «идол» для тренировки ударов руками, стенд для физических нагрузок.

Матвей ткнул пальцем макивару, понаблюдая, как она качается, улыбнулся своим мыслям. Вспомнился случай в детстве, когда он с друзьями-второклашками пошел записываться в секцию карате-до. На первом же занятии к нему пристали ребята на год старше, стали дразнить и смеяться над «дохлятиной», пока он не полез в драку и не получил незаметный, но точный удар паль-

цем в солнечное сплетение, так что задохнулся и не мог ни вздохнуть, ни слова сказать. С тех пор он больше всего времени уделял отработке атэми, комплекса шоковых ударов пальцами, что оказалось оружием неэффективным, но исключительно эффективным. Дома он разрисовал кожаный мешок с песком, прообраз макивары, превратив его в портрет обидчика, и тренировал уколы пальцами по несколько часов кряду.

Правда, потом, через какое-то время, они подружились с тем хлопцем и за два года продырявили мешок со всех сторон...

Третью комнату — рабочий кабинет, вход в который был замаскирован книжным шкафом, — Матвей проверять не стал. Ничего особенного там не скрывалось, кроме разве что персонального компьютера.

Он принял душ, переоделся, переложил одежду из сумок в шкаф, расставил книги и ровно в два часа дня позвонил. Мужской голос на автоответчике вежливо сообщил, что хозяин будет дома в двадцать один ноль-ноль. Матвей повесил трубку.

До вечера никуда не выходил. Читал, обедал, валялся на тахте, смотрел телевизор. В восемь с минутами собрался, надел голубую хлопчатобумажную рубашку, джинсы, кроссовки и вышел из квартиры, чтобы... напороться на сцену ограбления!

Лифтом он пользовался редко и махнул вниз по лестнице, преодолевая пролеты в два прыжка, едва касаясь ступенек, а на втором этаже едва не столкнулся с двумя парнями, обернувшись на легкий шум. Остановился, выругавшись про себя. Позволив себе расслабиться, он допустил грубый просчет, и теперь предстояло как-то изворачиваться, чтобы выйти из положения максимально просто.

На лестничной площадке двое молодых людей зажали в угол третьего, одетого во все белое, а ниже, на середине пролета, их подстраховывала еще одна пара крепких ребят.

— В чем дело? — тихо осведомился Матвей, разглядывая лицо парня в белом, и вздрогнул, встретив его ответный взгляд. У него даже зубы заныли и мороз прошел по коже. Взгляд этот был необычайно серьезным, спокойным и понимающим, в нем не было и тени страха. Да и во всем облике незнакомца, которого явно пытались ограбить, ощущалась бесконечная уверенность в себе. Этот парень все понимал и ничего не боялся. Матвей смело мог продолжать путь, уверенный в том, что ничего дурного с ним не случится. Но шестерка грабителей думала иначе.

Тот, что стоял к нему ближе всех, сделал шаг по лестнице навстречу и сказал, поигрывая ножом:

— Вали обратно, бобик, и сиди там тихо, пока мы не поговорим с этим бобром, понял?

Парень походил на гориллу, на голой волосатой груди его висела цепь из желтого металла, на предплечье синела татуировка: сплетенные змеи и женщина. Жаргон его прямо указывал на тюремную закалку.

Златая цепь на дубе том, подумал Матвей, блатари вышли на охоту. Обнаглели, однако. Работают так грубо и примитивно они лишь в подпитии или если срочно требуется «травка».

— Помочь? — спросил он парня в белом, зачарованный его обликом.

— Обойдусь, — улыбнулся тот, — спасибо.

Матвей двинулся прямо на «гориллу» с ножом, сказал тихо:

— Пропусти, я опаздываю.

— Ну, гад, я тебя предупреж... — Договорить бандит не успел, обмякая. Его напарник тоже осел на ступеньку, не успев ничего сообразить, и только после этого четверо оставшихся зашевелились, хватаясь за оружие: у троих были самодельные финки, у четвертого «макаров».

Конечно, Матвей мог успокоить их всех в своем обычном стиле, «точными уколами в нервные узлы»: реакция его на порядок превосходила реакцию бандитов, но ему не хотелось раскрывать свое умение перед неизвестным, наблюдавшим за ним все с тем же выражением на лице. И, уже начиная короткий бой, Матвей пожалел, что не послушался первого налетчика и не ушел домой. Мужiku в белом помощь была не нужна, несмотря на большой численный перевес противника. От него исходила уверенность, спокойствие и сила, и не видеть этого мог только слепой.

Двух на площадке Матвей уложил походя, двойным ударом рук в шею и в голову, а двух на лестнице — в прыжке, ногами, сбросив их на первый этаж, не заботясь, получают ли они травмы или нет, хотя сидевший в нем профессионал и протестовал против такой лобовой демонстрации возможностей.

— Идемте, — обернулся Матвей. — Чего они от вас хотели?

— Наверное, им понравилось это, — незнакомец в белом дотронулся до ремня сумки. Голос у него был глубокий и звучный,

добавляя облику некую завершенность. — Вообще-то я редко попадаю в такие ситуации, но сегодня почему-то расслабился.

— Как и я.

— Сколько лет вы занимаетесь рукопашным боем?

— Двадцать, — вырвалось у Матвея.

Незнакомец кивнул, соглашаясь, вероятно, со своей внутренней оценкой.

— Сгоб, айкидо, тангсудо, кушти... и русбой, так?

Матвей внимательно и хмуро глянул на парня.

— Вы очень проницательны, месье...

— Тарас Горшин.

— Меня зовут Матвей, но...

— Вы торопитесь, я вижу, идите, все будет в порядке. Я не живу здесь и шел в гости. Может быть, еще свидимся.

Матвей молча повернулся, перешагнул через тело одного из налетчиков и поспешил на улицу, чувствуя спиной взгляд Тараса. У него вдруг мелькнула мысль, что эта схватка — звено в цепи проверки, которую ему устроили. Сначала в Рязани, теперь в Москве. Не могут такие события быть случайными. Три происшествия подряд — это уже закономерность. Во всяком случае, это предупреждение: что-то он делает не так. Или прав неведомый инфарх из снов и за ним начал охоту некий «монарх»?

Но как Тарас догадался, какими видами единоборств он владеет? Такое может увидеть лишь тот, кто сам мастер боя. Но тогда почему Горшин довел ситуацию с грабителями до тупика, не сделав ни одной попытки освобождения?

Глава 4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Дмитрий Васильевич Завьялов занимал скромный пост референта у премьер-министра Михаила Сергеевича Краснорыжина, но был, естественно, в курсе всех проблем, решаемых кабинетом министров.

Кабинет Завьялова находился на третьем этаже «черно-белого дома», как с девяносто третьего года прозвали Дом правительства, и проникнуть в него непосвященному, а тем более человеку с улицы, минуя три кордона внешней и внутренней охраны, бы-

ло практически невозможно. Но этот посетитель в белом костюме, с виду — обыкновенный молодой человек, то ли студент последнего курса госуниверситета, то ли незаметный учитель одной из частных школ, проникал к Завьялову без труда. У референта давно сложилось свое мнение о способностях этого «учителя», в миру Горшина Тараса Витальевича, тридцати лет от роду — по паспорту, инженера по инбридингу локальных компьютерных сетей, но, вероятнее всего, охрана его просто не видела. Да и сам Дмитрий Васильевич заметил Горшина случайно, вдруг осознав, что в кабинете, кроме него, кто-то есть. Входил Горшин без стука, бесшумно, как дух. Впрочем, человек этот умел многое, что недоступно нормальному гражданину, и не впасть в мистику, узнав это «многое», было трудно. Завьялов, как и четверо его коллег по «кримкомиссии», относился к Горшину с уважением и изрядной долей пусть не страха, но — опасения. Впрочем, не боялся Тараса лишь комиссар-пять, Владимир Эдуардович Боханов, президент Центра нетрадиционных технологий Российской Академии наук, экстрасенс, йог, мастер спорта по шахматам, который в Горшине видел лишь феномен и питал к нему чисто профессиональное любопытство, будучи ученым до мозга костей. Он готов был его даже препарировать ради того, чтобы узнать, как устроен Тарас внутри, и за это Завьялов скрепя сердце терпел Боханова. Он не любил людей, тем более ученых, чей ум был увлечен какой-нибудь проблемой, не имеющей ничего общего с интересами других людей. Для кого весь мир был всего лишь огромной лабораторией, а кто оказывался подопытным — кролик или человек, — не имело значения.

— Проходи, — кивнул Дмитрий Васильевич, сдвинул глаза пальцами, отпустил. — Я как раз дошел до точки: ничего не вижу и не слышу. Выпьешь? — Вопрос был традиционным, потому что Завьялов знал отношение Тараса к спиртному.

Он достал бутылку «Фьюджи», налил в бокал на палец, помаковал белую жидкость, проглотил.

— Это же кокосовый тоник, почти без алкоголя, попробуй. Его можно пить утром, днем и вечером.

— Мой сосед в таких случаях говорит: выпил с утра — и целый день свободен! — Горшин с улыбкой присел у стены, где стояли четыре деревянных стула. Глаза у него были прозрачно-желтые, но не «кошачьи», а скорее «птичьи», и стыло в них такое

холодное всеобъемлющее понимание, что Дмитрий Васильевич поехал. У него при разговоре с Тарасом всегда появлялось ощущение, что тот видит его насквозь, знает все его мысли, чувства и желания.

— Мы теряем темп, — сказал Горшин, предваряя вопрос хозяина кабинета. — Нужны люди.

— Не просто люди — профессионалы, — уточнил Завьялов. — И не просто профессионалы, а друзья и соратники, преданные делу.

— К сожалению, друзья приходят и уходят, а враги накапливаются, как говорил один умный иностранец. Человечество вы рождается быстрее, чем рассчитывала природа. Примеров тому хоть отбавляй. Вчера и меня прижали в подъезде какие-то подонки, видно, расслабился.

Завьялов с любопытством глянул на собеседника, от которого явственно повеяло угрюмым недовольством.

— Плохо верится, что можешь расслабиться до такой степени. В каком таком подъезде ты оказался?

— Был в гостях у приятеля, вышел, а они кого-то ждут. Потом уже сообразил, что попался случайно, а шли они «пощупать» коммерсанта этажом выше. Ни грана интеллекта — тупая, воинствующая наглость! Что ей увещевания, призывы к совести и справедливости? Ей понятны только кулаки и зубы.

— И как же удалось выйти из положения?

— Помог какой-то «крутой» парнишка, владеющий боем на таком уровне, какого я еще не видел. Хотя он почему-то пытался этот факт скрыть.

— Не преувеличиваешь?

Горшин пропустил реплику мимо ушей.

— Я не смог его прозондировать достаточно четко, парнишка далеко не прост и владеет пси-блоком, но попался он мне не случайно. Если я прав, он может быть либо нашим другом...

— Либо?

— Врагом, разумеется. Потому что работает он на команду контрданс.

— Как? Не понял.

— Он перехватчик, если пользоваться жаргоном военных профи, агент-индивидуал высокого класса, работающий на отечественную разведку СМЕРШ-2.

— Ого! А откуда тебе это известно?

— Мне многое известно, друг Горацио Дмитрий Васильевич. Попробую поработать с ним, встречусь пару раз, пошупаю поле возможных траекторий, поговорю. Заинтересовал он меня вельми.

— Я не всегда все понимаю, Тарас Витальевич. Что еще за «поле траекторий»?

Тарас улыбнулся. Дмитрий Васильевич Завьялов понял, что ответа не получит, и перевел разговор на другую тему:

— Ты знаешь, что в МВД по заказу Генпрокуратуры создана спецкоманда для борьбы с террористами?

— Знаю.

— Вероятнее всего, это по наши души. Рудаков и Чураго перестраховываются, поскольку ниточки от Жарова, Филина и других «гегеншабен» тянутся к ним. Поэтому за нами начинается охота с призывом «пленных не брать!».

— Масакра...

— Что?

— Дмитрий Васильевич, я как раз по этому поводу. «Фискалы» взяли нашего исполнителя. Его подставили: в квартире гаишника-майора, который наговорил на своего же подчиненного, переложив вину с себя на невинного, была засада. «Фискальный» спецназ — ДДО¹ «Руслан».

— Кого взяли?

— Костю Ариставу.

— И он им дался?!

Глаза Тараса еще больше посветлели, став почти прозрачными.

Завьялова охватил ледяной озноб.

— Даже такой мастер, как Аристава, ничего не смог сделать против выстрела в спину.

— Он...

— Жив, но тяжело ранен. Давайте кумекать, как будем его выручать. У меня есть кое-какие мыслишки.

— Зачем Аристава ходил к гаишнику? Кто дал ему задание?

— Никто. Точнее, совесть. Он просто решил помочь другу, который рассказал ему о своей горе. А друг оказался провокатором, работающим на ФСК.

¹ДДО — десантно-диверсионный отряд.

— То есть Аристава отправился на несанкционированную операцию, презрев законы «Чистилища», забыв о дисциплине, подставив тем самым всех нас.

— Формально все так, Дмитрий Васильевич, но мы забываем, что наши ребята живут не в вакууме, что у них есть семьи, родственники, друзья и элементарная порядочность, вынуждающая с ними считаться, душа, наконец. Кадры, как вам известно, подбирали я сам, я знаю их всех. Но ведь «Стопкрим» своих людей не бросает в беде? Да и пора дать кое-кому хороший урок.

— Кому? Ребята из «Руслана», что брали его... не виноваты.

— А я не про них говорю. Речь о начальниках, планирующих такие операции с подлянкой, и о тех из нас, кто возомнил себя демиургом. Подставили Ариставу не без помощи второго спикера.

Завьялов вздрогнул:

— Кравчука?! Не может быть!

— Может, — тихо сказал Горшин. — Кравчука предложил, кстати, комиссар-три, отметьте сей факт.

— Ну и что?

— Первый случай — случай, второй... Рыба гниет с головы, Дмитрий Васильевич. Но это к слову. Поживем — увидим.

Завьялов промолчал.

Матвей открыл мерцающую холодным голубым огнем дверь и оказался внутри огромного затемненного храма с каменными фигурами высотой с десятиэтажный дом, поддерживающими потолок. Дальняя стена храма напоминала зыбкую пелену тумана, и из нее вдруг выступила огромная фигура женщины в сверкающем звездами плаще.

На голове — золотая корона с семью лучистыми бриллиантами, в руках — раскрытая книга. Лица ее Матвей описать не смог бы, настолько оно было прекрасным, неземным и изменчивым.

— Читай, — сказала она певуче, протягивая книгу.

Матвей перевел взгляд на страницы, мерцающие призрачно-зеленым светом, и, похолодев, понял, что этого языка он не знает. Написано как будто по-русски, но каждая буква — символ, раскрывающий одну из тайн бытия.

— Тебе предстоит познать зло и добро, — продолжала женщина. — Готов ли ты изменить свои убеждения?

— Я н-не... знаю... — выговорил Матвей, с болью понимая, что вошел в храм неподготовленным.

Лицо женщины как бы погасло.

Сердце Матвея замерло от чувства, более глубокого, чем страх. Он не мог вымолвить ни слова, ощущая, как перед ним разверзается бездна, отделившая его от храма, от женщины, олицетворявшей собой Истину. Ему казалось, что он вот-вот узнает, кто она такая и что хотела сообщить, но видение таяло, оставляя острое сожаление, от которого слезы навертывались на глаза и жгли кожу лица...

Проснулся он с мокрыми глазами, будто и в самом деле плакал. Подробностей сна, как всегда, вспомнить не удалось. Сохранился лишь смутный образ женщины и эмоциональное состояние от пережитого. Но Матвей чувствовал, что если бы сумел сохранить в памяти страницу книги иероглифов-букв, то узнал бы, кто приходит к нему во сне, чего ждет от него и куда зовет.

Вообще говоря, сны не доставляли ему каких-то хлопот, не вызывали отрицательных эмоций и не создавали дискомфорта, а лишь заставляли задумываться и заниматься поиском разгадки тайны и причин ее возникновения. В них прослеживалась какая-то система, которую Матвей не понимал, но интуитивно ощущал и которая со временем должна была вылиться в нечто осязаемое, в поток бытия, принадлежащий какому-то параллельному миру.

Матвей покосился на стопку книг на столе, среди которых находились труды Гермеса Трисмегиста, Лосева, Блаватской, Успенского, Андреева, Рериха и многих других философов и эзотериков современности, а также древних времен, пожал плечами и прямо из постели прыгнул в угол спальни на ковер, где по утрам занимался китайской гимнастикой чигонг-о.

В девятом часу утра он подходил к машине, принадлежавшей ему по легенде, — «Таврии» последнего выпуска с четырехдверным салоном, которую оставил на открытой неохраняемой стоянке возле универсама напротив, и почти сразу же обнаружил группу угонщиков, «щекочущих» автомобили. Мимо двоих из них, стоявших «на атаке», он только что прошел, еще двое стерегли дальний выезд, поглядывая по сторонам, а трое пытались вскрыть «жертву». Делали они это быстро, почти не таясь, один работал с отмычками, двое помогали открыть дверь силой. Если

не удавалось сделать это сразу, они тут же спешили к соседней машине, но выбирали не иномарки, а отечественные, вазовские.

Они уже подходили к его машине, и Матвею ничего не оставалось, как сделать вид, будто он ничего не понял и просто идет к своей темно-вишневой «Таврии» с номером «277». Однако выйти из положения с наивной простотой не удалось. Тройка занялась его машиной в тот момент, когда он оказался от нее в пяти шагах.

Стоявшие «на атаке», видимо, не приняли его всерьез, считая, что справиться с парнем в черной безрукавке и джинсах, не сильно мускулистым, в меру высоким, обыкновенным интеллигентным «лохом», смогут и «шупали», поэтому сигнала к отступлению не дали, и самозабвенно трудившаяся тройка среагировала лишь на деликатное «привет» Матвея.

— Ребятки, это моя машина, — тихо добавил он, не обращая внимания на вытащенные из карманов ножи и пистолет — «ТТ» с облезлым дулом, еще довоенный. Тоскливо заныло под ложечкой: обычные пацаны, потрошители машин, такого оружия иметь не могли. Но, с другой стороны, и на профессиональную засаду ситуация не тянула. И все же что-то это да значило: четвертая стычка за три дня явно выходила на уровень статистического узла, вероятность которого превышала вероятность случайного события.

Если бы угонщики слиняли, извинившись, сделали вид, что ошиблись стоянкой, Матвей не стал бы вмешиваться в их судьбу, «светиться» ему не хотелось до зубной боли. Но старший группы подельников, здоровенный громила с набрякшим лицом дебила, пошел по другому пути.

— «Крутой», что ли? — хрипло прошипел он. — Наделаю дырок, если хоть слово вякнешь! Давай ключи, если это твоя машина. Покатаемся — вернем.

— А болт с левой резьбой и мелкой насечкой тебе не нужен? — вежливо поинтересовался Матвей.

— Чего?! — изумился верзила, одетый с подчеркнутым инфантилизмом — в красные слаксы с бахромой, шлепанцы на босу ногу и в ярко-желтую рубашу с нашитыми розочками. Его дружки были одеты не хуже: в яркие цветастые рубашки с нашивками типа «СС», «КГБ», «НКВД» и другими, в обтягивающие их тощие зады колготки и ботинки на толстой подошве. Наряд угонщиков подчеркивал полное отрицание культуры, это были представите-

ли нового поколения «хиппарей», привыкших жить по волчьим законам и признающих только силу. И только у дураков бывает такая убежденность во взгляде, в голосе, такая непререкаемость во взорах, вспомнил Матвей слова Салтыкова-Щедрина.

Длинным скользящим шагом Матвей обошел троицу, обхватил пальцами слоновье запястье старшего, сжал и отобрал у него пистолет точно так же, как сделал это в Рязани, — все это в доли секунды, ребята даже не двинулись с места, для них он просто выпал из поля зрения. Затем пришел черед ножей — пружинных, добротных, как и пистолет, не укладывающихся в аксессуары законопослушных граждан. И лишь спустя секунду Матвей «вошел в контакт» — дал всем трем по морде, чтобы запомнили именно этот последний штрих схватки. Как вся группа «делала ноги», он уже не видел, подумав, что такие попугаи попали на стоянку не для того, чтобы красть автомобили, а для какой-то разведки — уж очень они были заметны. И еще он подумал, что творится что-то странное, каким-то образом связанное со снами и с тем заданием, ради которого его вызвали.

Через полчаса он въехал во двор частной автомастерской, принадлежавшей старому, еще со школьной скамьи, другу Илье Шимуку по прозвищу Муромец.

Прозвище свое Илья заработал по праву: уже в десятом классе он рвал руками цепи, поднимал мизинцем двухпудовую гирию и гнул из гвоздей толщиной в карандаш разные узоры. Матвей вспомнил случай в автобусе, происшедший с Ильей лет пять назад.

Толпа на остановке в тот момент стояла приличная, все хотели уехать — стал накрапывать дождик, поэтому никто, кроме Ильи, не пропустил женщину с ребенком. Но компания молодых людей, растолкав толпу, влезла в автобус, загрозила вход и пропускать больше никого не хотела. Тогда Илья взялся за подножку и рванул автобус вверх так, что ребята посыпались в салон, правда, вместе с пассажирами — по молодости лет Муромец этого не учел. Пропустив женщину, Илья сел сам, и компания тут же пристала к нему. И отстала.

— Мужики, отвяжитесь, а то я вас маленько озадачу, — проникновенно сказал Илья Муромец (рост под метр девяносто, кося сажень в плечах, вес девяносто восемь килограммов) и для

эффекта сжал поручень автобуса так, что смял двухдюймовую трубу, как пластилиновую.

Хозяина мастерской Матвей нашел под новым «Линкольном», висевшим на подъемнике. В промасленном комбинезоне, с черными руками, со всклокоченной бородой и шевелюрой, Илья имел устрашающий вид сбежавшего из тюрьмы насильника, а не мастера, хотя Матвей знал, что у него руки не только железные, но и золотые.

— Ё-моё! — прогудел Илья, узрев, кто перед ним. — Никак Соболев собственной персоной! Неужто вспомнил старого кореша?

Они обнялись, пробуя силу друг друга. Илья крикнул.

— А ты не меняешься: с виду хлипкий интеллигентик, а мои сто тонн выдержишь. Какими судьбами? На минуту заскочил или есть время?

— Полчаса наскребу, но вечером свободен, можем встретиться у меня или у тебя, а хочешь, на нейтральной территории.

— Годится. — Илья вытер руки ветошью, крикнул в глубь мастерской напарнику, возившемуся возле бежевой «Волги»: — Коля, я в контору, буду минут через сорок. — Кивнул на дверь за подъемником: — Айда посидим чуток. Видишь, какие аппараты чиним? Директора одной мало-мало иностранной фирмы.

— А это кто? — скосил глаза на молодого человека Матвей. — Ты ж всегда один работал.

— Ленивый стал, — улыбнулся в бороду Шимук, — не успеваю. Взял парнишку из одного КБ: лет десять занимался проблемой изменения формы унитаза, пока не понял, что стране его продукция пока не нужна. Толковый отрок вообще-то, и руки приделаны куда надо.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и очутились в «конторе» — уютной комнатухе с одним окном, в которой умещались двухтумбовый стол, сейф, этажерка и два стула.

— Держу кое-какие дефицитные детали, — кивнул Илья на сейф, сел на стул, жалобно скрипнувший под его тяжестью. — А ты действительно не меняешься, Соболев, разве что раздался чуть да бреешься чище. Чем, кстати? Станком или электробритвой?

— Тебе-то зачем это знать?

— Хочу сбрить бороду, чешется, проклятая, и есть мешает. Матвей подумал.

— Один мой знакомый брился телефонной трубкой.

— Ну и?.. — заинтересовался Илья.

— Получалось медленней, чем бритвой.

Мастер засмеялся с гулким уханьем.

— Пожалуй, топором полегче. Ну, докладывай, как живешь, где, с кем работаешь или вообще не работаешь. — Он достал из сейфа литровый пакет с молоком и, надорвав, выдул в три глотка. Заметив взгляд Соболева, пожал плечами: — Люблю молоко, особенно топленое и можайское. Хотя вообще-то люблю все молочное: творог, сливки, сыр, сметану, молочные железы.

Матвей улыбнулся его последним словам, уловив их смысл. Илья снова громыхнул глыбой смеха:

— Я не женат, так что не казни за аморальный образ жизни. Сам-то женился?

— Не получилось, — с неохотой ответил Матвей. Поразмыслив, достал из сумки отнятый на стоянке пистолет: — Спрячь эту игрушку у себя.

— Какой раритет! — прищелкнул языком Муромец. — Старая отечественная машинка, да еще тридцать девятого года выпуска. Давно таких не видел. Где взял?

— Где взял, где взял... Купил, — проворчал Матвей и рассказал эпизод на стоянке.

Илья почесал затылок, бороду, грудь под расстегнутым комбинезоном, хмыкнул.

— Я что-то не пойму. Угонщики, по идее, никогда не действуют без двойного прикрытия, если не дураки. Но они могут тебя найти, чтобы вернуть пистолет, тем более что сделать это легко — по машине.

— Машина записана на владельца с другой фамилией, — спокойно сказал Матвей, — а засад типа той, на стоянке, я не боюсь.

— Ой ли, — прищурился Муромец. — Не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с... обратно. — Он поднял вверх громадные ладони: — Все-все, не буду, я ведь знаю, чего ты стоишь. Что касается меня, то новостей мало. Вкалываю каждодневно, семьей не обзавелся, квартира та же — двухкомнатный «полулюкс», хотя денег хватило бы и на пятикомнатную. Что еще? Машину себе сделал: купил сильно побитую «десятку» и сделал из нее конфетку, вернее, бронеход. У тебя-то что?

— «Таврия».

— Не густо.

— А мне и нужно понезаметней. Правда, кое-что хотелось бы переделать. Можешь сварганить из нее подобный бронеход? Но чтобы бегал прилично, под двести.

— Таких движков у меня нет.

— Покумекай — надо, Ильша.

— Ладно, попробую, но на скорый... — Илья не договорил: в контору без стука вошли четверо парней во главе с зашитым в кожу, несмотря на жару, здоровяком с гипертрофированно накачанными мускулами.

По правде сказать, Матвей слышал их давно, но не придал шуму особого значения, это могли быть и клиенты автомастерской. Однако они оказались «клиентами» другого рода.

— Выметайся, — коротко бросил верзила Матвею. — А тебя, гнида, мы предупреждали. — Палец вошедшего направился в грудь Ильи. — Ты что о себе возомнил, падла? Тебе же русским языком было сказано: плати, если хочешь жить спокойно. А теперь мы тебя слегка поучим, чтобы запомнил надолго и другим рассказал.

— Кто это? — с любопытством глянул на Илью Матвей.

— Рэкетиры, кто же еще, — усмехнулся в усы Муромец.

— Пошел отсюда, тебе говорят! — рывкнул вожак в кожаном костюме.

Илья вдруг перегнулся через стол, сгреб его за отвороты куртки, приподнял и бросил к двери, сбив с ног стоявшего сзади. Затем схватил за руку второго здоровяка, белобрысого и безбрового, в зеленых штанах и в майке, который выхватил нож. Раздался хруст костей, и белобрысый отскочил в сторону с детским воплем:

— Ой-ой-ой! Руку сломал, гад!

Матвей засмеялся, привстал было, но Илья цыкнул на него:

— Сиди, я сам.

Верзила в коже неплохо знал карате, потому что ударил хозяина автомастерской в стиле каляри-ппаяту¹ — в голову кулаком и в живот ногой, но результат был такой, будто он попал в скалу: Илья даже не отшатнулся. Пока его противник дул на пальцы, он снова сгреб его ладонью за куртку и сдвинул так, что у того глаза вылезли из орбит. Одновременно Илья отмахнулся от

¹Каляри-ппаяту — индийская разновидность карате.

выпада ножом третьего незванного гостя, отчего тот врезался головой в стену, сам себе порезав руку. Четвертого, достававшего из широких штанов обрез (как он его там крепил?!), Матвей все же успокоил точным уколом в нервный узел за ухом.

На этом рэкет и закончился.

Илья одного за другим вышвырнул гостей за дверь, предвительно отобрав оружие, и снова уселся за стол.

— Мы еще встретимся, паскуда! — донеслось с лестницы.

Муромец пожал широченными плечами:

— На лай бешеной овцы не отвечаю. Так и живем, не скупаем. Эти уже третьи, желающие полакомиться дармовой выпивкой. Ничего, держусь.

— Смотри только, чтобы не подстрелили.

— А я поздно домой не хожу. И тебе не советую. Машина твоя где? Здесь? Тогда загоняй, «линк» подождет. Через пару дней заберешь.

Матвей поднялся.

— Ну и здоровый же ты бугай, Ильша! Держишь удар, как профессионал мукки-бази¹. Тебя подучить — великолепный ганфайтер получится.

— Кто-кто? — подозрительно прищурился Илья. — Это что еще за новое ругательство?

— Это не ругательство, а высший титул короля рукопашного боя. Ну, бывай. Вечером созвонимся и договоримся о встрече. Давно не сидел с друзьями за чашкой чая. Кстати, свой бронеход на время не дашь? Отвык я по метро да автобусам мотаться.

Илья покопался в верхнем кармане комбинезона, бросил ключи Матвею.

— Вечером пригонишь сюда же. Права возьми. Не провожаю, буду завтракать.

Матвей на прощание поднял сжатый кулак.

К неприметному пятиэтажному зданию на Фестивальной улице, недалеко от Речного вокзала, Матвей подъехал после обеда. Раньше здесь была школа, а теперь здание занимали штук двадцать разного рода МП и СП. Одно из них служило прикры-

¹Мукки-бази — индийская школа рукопашного боя, бойцы которой занимаются силовым тренингом, держат удары во все болевые точки, а руками разбивают булыжники и кокосовые орехи.

тием отделения ГУБО, вернее, явочной квартирой высокого начальства, где Соболева должен был ждать сам начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Задание от своего непосредственного начальника, полковника Ивакина, Матвей уже получил.

На деревянной двери малого предприятия «Дилерский центр Лоцмана» висела табличка: «Умным и слабоумным вход разрешен». Матвей улыбнулся, оценив юмор «губошлепов», как в среде профи называли работников ГУБО. Постучался, вошел. В приемной его ждали два сюрприза: красивая длинноногая шатенка с высоким бюстом, обтянутая чем-то, напоминающим рыбью чешую, и громадный черный с подпалинами дог.

Матвей сказал «здрасьте», поглядел в глаза девушки, потом собаки. Он давно заметил: собаки понимали его мгновенно и сразу отступали, почуяв силу. Но этот дог не отступил, напротив — оскалил клыки, мол, ты хорош, но и я не промах.

«Тихо, тихо, — мысленно ответил ему Матвей, — не будем поднимать шума, давай хотя бы уважать друг друга».

Взгляд «секретарши МП» был примерно такой же, как у собаки, — она привычно, не по-женски профессионально оценила посетителя и вопросительно вскинула безупречной формы брови:

— Вы к кому?

— К бугру, — сказал Матвей грубовато, но, заметив опасный блеск в глазах девушки, улыбнулся, отчего худое неподвижное лицо его совершенно преобразилось. Видимо, это подействовало не только на «русалку» в чешуе, но и на дога, потому что тот дернул щекой, словно удивился.

— Передайте ему, — добавил Матвей, вспомнив табличку на двери, — что пришел полный кретин.

— А имя у него есть? — без улыбки осведомилась секретарша. — У кретина?

— Матвей Соболев.

Девушка нажала кнопку интеркома, сказала негромко:

— К вам Соболев.

Ответ «бугра» отразился на дисплее, что Матвея удивило, но девушка уже отвернулась к печатной машинке «Касио», кивнув на дверь в кабинет начальника. Печатала она с пулеметной скоростью, положив ногу на ногу, успевая при этом курить, и смотреть на нее было приятно.

То, что явка начиналась с приемной, Матвея совершенно не удивило: видимо, вход секретарше в секретный «подвал» был запрещен и открывался лишь для приглашенных, скорее всего, девушка даже не знала, кто был на связи, какого ранга начальник. Не удивило Матвея и то, что за дверью, где должен был находиться кабинет начальника МП, был короткий коридор. Не просто коридор — тоннель камеры магнитоскопии, где проверяли наличие оружия. Лишь за второй дверью оказался собственно кабинет, то бишь оперативный бункер ГУБО, где руководители управления или его старшие инспекторы могли контактировать с агентурой.

Матвея ждали двое: молодой человек, подтянутый, стройный, хорошо развитый, узколицый и кареглазый, и уже пожилой мужчина, накачанный, круглый от мышц, видимо, бывший спортсмен, скорее всего борец-вольник в прошлом, с лицом тяжелым, волевым, сильным. В этой компании он явно был главным, судя по взгляду и манерам. Молодой носил модную прическу — волосы до плеч, у тяжеловеса блестела плешь от лба до затылка, а виски серебрились сединой. Но главное, что оба Матвею сразу понравились, особенно тяжеловес, которому наверняка стукнуло не меньше полувека. Он и оказался начальником ГУБО Медведем Михаилом Юрьевичем, а длинноволосый — его заместителем Зинченко Николаем Афанасьевичем.

Некоторое время все трое молчали, изучая друг друга. В глазах Зинченко мелькнуло разочарование, и Матвей улыбнулся в душе: редко кто угадывал в нем профессионала, мастера шестой категории русбоя, способного справиться с любым, вооруженным до зубов, противником. Именно контраст между «быть» и «казаться» и был главным его преимуществом. Как говорил Иванкин, контрразведчик должен быть еще более незаметным, чем разведчик, но по физическим кондициям превосходить его.

Начальник ГУБО смотрел на гостя иначе. Не без сомнений, но с интересом, прикидывая, соответствует ли данная агенту характеристика первому впечатлению. Перед ним на экране дисплея светилась страница личного дела Матвея Соболева, где, в частности, было написано: «Идеалист. Лишен чувства страха. Уверен в себе. Не теряет надежды в безнадежнейшей ситуации. Не терпит контроля. Свободен от шаблонов мышления. Сдержан. Вынослив. Склонен к риску. Чем сложнее проблема, тем

смелее действует. Интуиция развита до экстраспособностей. Любит смотреть на огонь и дождь».

Ивакин, конечно, дал не полную информацию о своем человеке, но вполне достаточную, чтобы его оценить.

— Присаживайтесь, — кивнул на кресло в углу кабинета Зинченко. У него был интеллигентный баритон, в отличие от хрипловатого баса начальника управления.

Все трое уселись вокруг журнального столика с пепельницей. Начальник ГУБО был одет в итальянский летний костюм песочного цвета и кросс-туфли, а его заместитель — в серо-коричневую пару: узкие брюки и рубашку на «молнии» и кроссовки «Адидас». Сам Матвей не одевался броско, и судить по одежде о работниках спецслужб не стоило.

— Вас поставили в известность о характере работы? — задал вопрос начальник ГУБО.

Матвей молча кивнул.

— И все же я напомним основные узлы материала. За последние три месяца в работе управления наметился сбой: произошло четыре крупных провала и несколько странных эпизодов, позволяющих говорить о контроле над деятельностью управления. Есть подозрение, что один из наших сотрудников довольно высокого ранга работает на «Купол». Или на небезызвестную всем организацию «Стопкрим», которую чаще называют «Чистилищем». Хотелось бы выяснить, кто именно. Кроме того, деятельность «Чистилища» на грани нарушения закона. Если его не остановить, может произойти нечто, напоминающее тотальное истребление инакомыслящих, виновных и невинных. Причем вину берется определять само «Чистилище», что приводит к абсолютной узурпации власти, к тирании самосуда, суду Линча. — Медведь выжидающе глянул на Соболева, но тот по-прежнему молчал.

— Добавлю, что ситуация складывается чрезвычайная. Если цель «Купола» — абсолютная власть — корыстна, то цель «Стопкрима» — всеобщая справедливость — благородна. Однако достичь ее террором, ликвидацией скомпрометировавших себя чиновников или мафиози невозможно, история знает подобные примеры.

Матвей и на этот раз промолчал.

— Ваша же цель, — продолжал начальник ГУБО, — в отношении «Чистилища» — выйти на его руководство, определить возможности, связи, планы, методы работы и сообщить нам. Мы

же предадим все это огласке, дабы и другим неповадно было. Помощь окажем любую, только попросите. О связи и конкретных шагах договоритесь с моим заместителем, которому я доверяю больше, чем себе. Контактировать будете только с ним. На расходы для оперативных нужд вам выдадут десять «лимонов». Что касается оплаты ваших услуг, назовите сумму.

Матвей поднял брови:

— По закону Русакова, думающий получает меньше делающего, а делающий — меньше пользующегося. К какой категории вы относите меня?

Руководители ГУБО переглянулись, Медведь хмуро улыбнулся:

— Вы подходите под все три.

— Вот и оцените сами. Я не чистый идеалист, как написано обо мне в рапорте, просто существуют определенные нравственные нормы, которые я уважаю. Конечно, живем мы в реальном мире, где профессионализм не всегда оплачивается по достоинству, но хотелось бы все это изменить.

— Ясно. Позиция вполне приемлема, мы договоримся. — Медведь глянул на зама: — Николай Афанасьевич, ознакомьте его с подробностями дела. Будьте добры предоставить л ю б у ю дополнительную информацию по требованию, независимо от грифов секретности.

Зинченко кивнул.

Начальник ГУБО еще раз прошелся взглядом по фигуре Матвея, попрощался, собираясь уйти, но Матвей его остановил:

— Хочу все же предупредить. О моем участии в работе управления никто не должен знать, кроме вас. В случае утечки информации я буду знать, что виноваты вы оба.

Зинченко с иронией глянул на Медведя. Начальник ГУБО хмыкнул.

— И что тогда?

— Я выйду из игры, уничтожив источник утечки.

Слова Матвея произвели впечатление, только не то, какое он ждал. Впрочем, ему было на это наплевать.

— Вы не переоцениваете себя? — мягко спросил Зинченко.

— Боюсь, это вы недооцениваете меня. Вы оба мне симпатичны, и я надеюсь на хороший контакт. Теперь к делу.

Руководители управления обменялись взглядами, и Медведь ушел, не сказав больше ни слова.

Через сорок минут контору «малого предприятия» покинул и Соболев. Он узнал достаточно, чтобы начать действовать. Интуиция подсказывала, что работа с «губошлепами» окажется непредсказуемой по результатам, зато интересной: светил выход на высшие эшелоны власти, защищенные многими и многими хитроумными службами и комбинациями юридически безупречных поправок к законодательству. Плюс прибранная к рукам прокурорская рать и исполнительная власть. Плюс развитый кренинизм толпы, которой можно скормить любую ложь и которая терпит и любит тиранов больше, чем умных и добрых руководителей.

Отвратительное время и отвратительная правда об этом времени, вспомнил Матвей слова отца. В чем-то старик был прав, хотя жил в иные времена и в иных условиях.

Глава 5

ПУНКТИР РАЗГОНА

В два часа Матвей оставил машину на Ломоносовском проспекте напротив филфака МГУ и отправился искать Кристину. Он не договаривался с ней о встрече, но найти ее не составило труда — первокурсники деятельно готовились к экзаменам все вместе, продолжая занятия и консультации. Кристина Олеговна Сумарокова проходила по спискам третьей группы. Матвей отыскал аудиторию, где занималась означенная группа, и приоткрыл дверь.

Видимо, преподаватель ушел или еще не приходил, потому что студенты, человек десять юношей и столько же девушек, оживленно вели дискуссию. Речь шла о вкладе диссидентов, русских писателей за границей, в мировую культуру. Больше и красноречивее всех говорил красивый смуглолицый парень с шапкой курчавых волос, но спорили с ним только девушки, парни предпочитали бросать реплики и апеллировать к девушкам. Кристина в споре не участвовала, хотя курчавый довольно часто к ней обращался, как бы приглашая присоединиться к его мнению. Заметив Матвея, она вскочила и выбежала в коридор, не обращая внимания на возглас подружки: «Крис, ты куда?» — и на взгляд курчавого оратора. Встречи она не ожидала и явно обрадовалась.

У Матвея дрогнуло сердце: к своему удивлению, он обрадовался не меньше, обнаружив, что соскучился по девушке. Обтягивающие джинсы и футболка подчеркивали изящную фигуру девушки, и смотреть на нее было одно удовольствие, если бы не взгляды разгуливающих по коридору ребят. Из аудитории выглянул тот самый смуглый парень, оглядел Матвея, кивнул девушке:

— Крис, не забыла, что мы вечером идем в кафешку?

— Я не сказала «да», милорд, — оглянулась Кристина. — Скорее всего, пойдете без меня.

— Ну, мы еще обсудим этот вопрос. — Парень глянул в глубь коридора: — Вон Скунс идет, закругляйся.

Девушка фыркнула, посмотрела на Матвея, не успевшего сказать ни слова.

— Не хочешь пойти с нами в кафе? Впрочем, вижу — не хочешь. Тогда давай сходим куда-нибудь еще. Если, конечно, у тебя есть время, — деликатно добавила она.

Матвей улыбнулся, вызвав ответную улыбку девушки.

— Когда вы заканчиваете?

— В шесть, но я могу и сбежать.

— Подъеду к шести, жди, у меня кое-какие дела. Ты ведь в ДАСе¹ живешь? Как устроилась?

— Отлично, и девочки в комнате хорошие. — Кристина принахмурилась, вспомнив что-то, но тут же ее лицо разгладилось: — В принципе, мы можем посидеть в кофейне и в ДАСе.

— Потом обговорим. Беги, действительно Скунс идет.

Кристина оглянулась на входящего в аудиторию преподавателя английского языка — Матвей знал его — и скривила губки:

— Девочкам он нравится, а мне нет. Смотрит, как... паук, и губы слюнявые... и взгляд липкий. Поневоле вспомнишь Хайяма.

— Что именно?

— Ну, он говорил, что учиться необязательно.

Матвей кивнул и процитировал:

Так как истина вечно уходит из рук,
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук.

¹ДАС — дом аспиранта и студента, общежитие МГУ.

Кристина засмеялась:

— Я Омарчика тоже читаю и люблю, вечером чего-нибудь процитирую, под настроение.

— Чао, — подтолкнул девушку к аудитории Матвей и не оглядываясь пошел к лестнице. Ее взгляд он чувствовал всей спиной, но не обернулся, чтобы не смазать впечатление, пока не хлопнула дверь. И сразу же увидел в тупичке возле туалета парня в белом, Тараса, которого он «отбил» у налетчиков в собственном доме.

— А говорят, гора с горой не сходятся, — сказал тот с легкой улыбкой, выступая вперед. У Матвея вдруг появилось ощущение, что парень этот намного старше, чем кажется. В глазах его, глубоких, словно бездонные колодцы, стыло бесконечное знание. Он все видел, знал и умел, как столетний патриарх, хотя на вид ему можно было дать лет двадцать семь — двадцать восемь, не больше.

— Как вы меня вычислили? — тихо спросил Матвей, напрягаясь. Появилось чувство, будто его ощупывают изнутри. — Вряд ли эта повторная встреча случайна.

— Реакция ганфайтера, — погасил улыбку Тарас. — Пойдемте поговорим, у меня есть ключ от пустой аудитории, там нас никто не побеспокоит. — Он пошел вперед не оглядываясь, уверенный, что собеседник последует за ним.

Матвей расслабился, не чувствуя опасности, сказал в удаляющуюся спину:

— Здесь разговора не получится. У меня машина, поехали в Центр. Я знаю хорошее кафе на Маросейке.

Через полчаса они уже сидели в уютном кафе, где каждый столик был отгорожен от другого решеткой из бамбука, увитой плющом, и где можно было говорить спокойно, под тихую музыку, не опасаясь подслушивания.

Матвей заказал себе то же, что и собеседник, — салат, грибной суп, филе трески, запеченное в тесте, кофе. Однако ел, не чувствуя вкуса: он не любил играть по чужим правилам. Еще раз, более внимательно, оглядел сотрапезника, отметил гибкость и скупую точность движений, тихую скрытую силу и снова поразился изменчивости лица, дышавшего внутренним, глубоким и всепонимающим покоем; человек этот знал и видел так много, что становилось не по себе. Возраст его угадать было невозможно. Ему могло быть и двадцать семь, и сто двадцать семь лет, и

при мысли об этом — вдруг правда?! — Матвея мороз продрал по коже, хотя он и не выдал своих чувств, понимая, что Горшин в и-д и т его переживания. И все же Матвей отметил кое-что ранее неизвестное в облике нового приятеля, вернее, в той волне эмоций, которую он излучал: нет-нет да и вспыхивали в ней искры тоски и горечи. При всем своем опыте, силе и знании человек этот не был счастлив, пряча в глубинах души неведомую боль.

В продолжение всего разговора Матвей чувствовал себя ско-ванно и напряженно, как никогда. Впервые в жизни ему встре-тился человек, способный читать его мысли, как книгу, вычис-ливший траекторию его движения и даже суть задания, о кото-ром должны были знать лишь трое. Иногда ему удавалось отстраниться от цепкого взгляда Тараса, выскользнуть из паль-цев его психофизического ощупывания, и тогда у собеседника в глазах появлялся интерес и уважение.

— Предлагаю сразу расставить точки над «i», — предложил он, заказав кофе и бутерброды. — Я работаю на «Чистилище». Стоит расшифровывать?

— Не стоит, — остался спокойным Матвей. Чего-то подоб-ного он и ожидал, а главное, поверил Горшину сразу.

— Вы хорошо воспринимаете неожиданности, — похвалил его Тарас, не дождавшись продолжения; оба неторопливо приня-лись пить кофе. — Только не вздумайте задерживать меня. — В глазах Горшина мелькнул и пропал насмешливый огонек. — Даже с вашей подготовкой это не удастся. А то, смотрю, вы поду-мываете над этим.

Матвей, действительно прикидывающий варианты захвата собеседника, помедлив, кивнул:

— В этом пока нет необходимости.

— Мне нравится это ваше «пока». Итак, продолжим. Кстати, вы хорошо закрываетесь, я имею в виду мысленный блок. В роду экстрасенсов не было? Отца-колдуна, например, бабки-ведьмы?

— Родителей вообще не имел, — пошутил Матвей. — Не знаю, о чем вы говорите.

— Значит, способности врожденные. Надо же, человек вла-деет адаптивной психофизической защитой и не является чле-ном Круга! Парадокс. Но об этом мы еще поговорим. Я знаю, кто вы. Ганфайтер, так? Еще таких, как вы, называют волкодавами,

суперами, дангерами, перехватчиками. То есть вы работаете на военную контрразведку СМЕРШ-2.

Матвей с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть, с еще большим трудом проглотил кусок бутерброда, но от ненужных движений воздержался. Хотя это был явный провал. Но если в обычных условиях Соболев чувствовал засаду и начинал схватку первым, что давало ему шанс выйти сухим из воды, то в данном случае удар был нанесен слишком уж неожиданно. Реагировать на случившееся надо было иначе.

Тарас, наблюдавший за ним, кивнул:

— Правильно. Открытый бой — это в большинстве случаев паника, бой надо выиграть еще до его начала. Аксиома разведки, но она и для нас применима. Успокойтесь, утечки информации не произошло, просто я... скажем так: не совсем обычный человек и могу читать...

— Мысли? Телепат, что ли?

— Не мысли, но состояние психики, и не телепат, а эзотерик, человек Круга. Думаю, вы догадываетесь, о чем речь. Но об этом разговор впереди.

— Почему не сейчас? Я не спешу. К тому же весьма интересно, каким образом вы меня вычислили, не будучи в штате моей конторы. В случайности я не верю.

— И правильно делаете. Хотя, с другой стороны, случайность — тоже результат каких-то скрытых от нас процессов. Как говорил один мой знакомый, случайность — внезапно проявившаяся неизбежность. Существуют закономерности бытия, которых нормальные люди не видят, а замечают лишь их крайние проявления, да и то не часто. Например: почему всегда идет дождь, когда обнаженная женщина выходит на крыльцо при полной луне?

— М-м... — промычал Матвей.

Тарас засмеялся, обнажив белые зубы.

— А ведь это закон. Я убедился за многие сотни лет, но основан он на такой математике, которая вряд ли когда-нибудь станет известна людям.

Кофе допили в молчании. Матвей размышлял о словах Тараса: «За многие сотни лет», а Горшин ушел в свои мысли. Потом Соболев, вспомнив девиз об умных и слабоумных на двери явки ГУБО, сказал:

— Чего вы хотите?

— Вы уже поняли: я хочу, чтобы вы работали с нами.

— На «Стопкрим»? — Матвей задал вопрос машинально, подумав не без удивления, что собеседник, очевидно, не знает, какое именно задание он получил от командования ГУБО. Удача пришла именно с той стороны, откуда он и не ждал, и так быстро, что сама собой родилась вера в божественное провидение.

— Если предложение слишком неожиданно, мы подождем. Если неприемлемо, я буду жалеть, что вы не с нами.

— Не знаю. Нужно подумать, все взвесить. И кое-что узнать о вас. Скажем, цели, сверхзадачу «Чистилища».

— Наша цель — уничтожение преступности как института. Если вы действительно имеете в виду сверхзадачу, «Стопкрим» задуман как бумеранг в ответ на возведенную в ранг негласного закона вседозволенность чиновников вообще и властных структур в частности. Государственных, коррумпированных сверху до низу, или теневых, мафиозных — не имеет значения.

— Звучит красиво. — Матвей позволил себе усмехнуться. — Этаким центром по нравственному воспитанию чиновников... с помощью пули и кинжала.

Тарас оставался невозмутимым.

— Мы не видим иного пути. Те, кому объявил войну «Стопкрим», давно уже не люди, а человекоподобные монстры с извращенной моралью. У англичан есть афоризм: если правила игры не позволяют выигрывать, английские джентльмены меняют правила¹. Увещевания и призывы к совести монстров явно не помогают, и мы вынуждены играть по более жестким правилам.

— Существует еще одна поговорка, — медленно проговорил Матвей, — для других мы создаем правила, для себя — исключения. Как в данном случае сделали вы, присвоив себе право судить и карать.

— Мы не видим иного пути, — повторил Тарас тихо. — Действия негодяев требуют адекватного ответа. Откройте нам глаза, сообщите методы, столь же действенные, как наши, но не опирающиеся на террор и насилие, и мы пойдем за вами.

Матвей молчал, разглядывая цветочный узор на тарелке. Когда он поднял глаза, Тараса рядом не было. Он исчез бесшумно,

¹Гарольд Джозеф Ласки (1893—1950), английский социолог.

как привидение. Впрочем, Матвей не особенно удивлялся, он чувствовал, что разговор не окончен. Одно только мучило: очень хотелось выяснить секрет Горшина, эзотерика, человека Круга, способного исчезать, подобно бесплотному духу. Да и узнать заодно, что такое Круг в натуре. У Успенского Внутренний Круг описан, так сказать, теоретически, а тут он, похоже, реализован на практике и столь же реален, как мафия.

Пообедав, Матвей позвонил из автомата по «четырем нулям», сообщил, что «ключ скоро будет готов», и отправился домой, где до пяти часов регулировал персональный комп с радиовыходом на компьютерную сеть Федеральной службы контрразведки. Убедившись, что коды подключения действуют, Соболев дал компу задание найти в памяти всех подконтрольных КР-сетей сведения о Тарасе Горшине и поспешил к филфаку на машине Ильи, даже не подумав уведомить его о своем решении оставить авто у себя.

Кристина появилась с группой сокурсников, покрасневшая, юная, свежая, удивительно милая, с трудом отбилась от желающих сопровождать ее «хоть на край света» и подбежала к Матвею, который ждал ее на скамейке под липой. Взгляды, которыми их проводили ребята из группы Кристины, были весьма красноречивы, и Матвей решил больше не «засвечиваться» перед этой компанией, обладавшей хорошей молодой и ревливой памятью. Он знал, чем может грозить ганфайтеру-перехватчику случайная встреча с нежелательными знакомыми, не в смысле страха за собственную шкуру, а в смысле срыва даже особо тщательно разработанной операции. Не отреагировал он и на громко высказанное им вслед пожелание курчавого Ромео — Жоржа «не гулять допоздна, а то всякое может случиться».

— Ну и студенты пошли, — улыбнулся Матвей, распахивая дверцу машины и усаживая девушку. — В мое время филологи были поинтеллигентней.

— Чем сосуд заполнен, то из него и льется, — засмеялась Кристина. — Он сын какой-то шишки из Федерального собрания, вот и считает, что ему все дозволено. Лезет и лезет с предложениями и советами, надоел уже.

— Красивый парень и развит неплохо.

— Вот-вот, уже демонстрировал свои мускулы. Но мне не нравятся ребята, которые мало думают и много себе позволяют.

Жоржик вообще человек действия, даже удивительно, что он пошел на филологический, абсолютно не престижный.

— Я другого мнения. Кто не умеет действовать, тот не умеет и думать.

— Смотря как действовать. А насчет думать — послушали бы вы его безапелляционные суждения о классиках. Если все мысли Жоржа перевести на деньги, то не хватит и на «Сникерс». Итак, куда мы едем?

— Можем поехать в кафе «Русский купец» на Остоженке. Я в нем не был еще, говорят, кухня там неплохая. А если не боишься, поехали ко мне домой. У меня хороший бар, чай, кофе и видик с набором кассет.

Кристина подумала, потом мотнула головой, чему-то улыбнувшись. Видимо, вспомнила предостережения Жоржа.

— Не обижайся, но в другой раз. Поехали в «Русский купец», я хочу есть. Надеюсь, ресурсов у тебя хватит? Или ты тоже из купцов?

Матвей, улыбнувшись в ответ, тронул машину с места.

Просто не верилось, что когда-нибудь еще выдастся такой вечер. Тихий, спокойный, без конфликтов и шума. Кристина держала себя мило, просто, с поразительной естественностью, хотя и была точна в оценках, и Матвей не раз поражался ее, созвучным с его, представлениям о литературе и суждениям о жизни, а ведь ей только-только исполнилось восемнадцать.

Танцевали они всего два раза, а потом лишь слушали музыку и говорили, говорили обо всем, что приходило в голову, чувствуя себя свободно и не стремясь во что бы то ни стало вести светский разговор.

Кристину Матвей тоже поразил однажды, хотя впоследствии и пожалел об этом; эффекты он не любил, хорошо помня наставления учителя-тренера о том, что мастер должен применять технику владения телом и предметами быта незаметно, без излишней бравады и показухи. А случилось это так: официант принес пиццу, забыв ножи, и, пока он ходил за ними, Матвей разрезал ароматно дымящуюся лепешку на четыре части с помощью новой тысячерублевой банкноты. Как он это сделал, Кристина не заметила, весь трюк заключался в скорости движения тонкого листика бумаги, но Матвей не стал ей ничего объяснять и перевел разговор на другую тему.

Заговорили о гадании на картах, по звездам, по китайской Книге Перемен и другими способами, перешли на психику восприятия прогнозов. Неожиданно для себя самого Матвей признался девушке, что видит странные сны, и даже рассказал несколько последних. Кристина — она разрешила называть себя Крис, как звали родители, или Христи, как звала бабушка, полька по происхождению, — живо заинтересовалась этой темой, потому что многое читала о сновидениях и их толковании. Но истолковать сны Соболева сразу не смогла и пообещала покопаться в литературе.

— Все это так интересно, — заключила она, задумчиво поглядывая то в зал, на танцующих, то на лицо Матвея, севшего таким образом, чтобы тень от кадки с фикусом падала на него. — Удивительно, что ты помнишь свои сны. Обычно они не запоминаются, бледнеют и к утру исчезают. Может быть, ты какой-нибудь скрытый буддист или пророк? Или просто пришелец, и с тобой хотят таким способом связаться соотечественники-инопланетяне?

Матвей только улыбнулся в ответ, но не мог самому себе не признаться, что хотел бы выяснить, что в действительности с ним происходит.

Кристину он отвез к общежитию в двенадцатом часу ночи, дождался прощального взмаха руки с балкона восьмого этажа и поехал домой. Спал он как убитый, в одной позе, без сновидений. А наутро, после обязательного часового тренинга, отправился к Илье Муромцу за своей машиной.

Автомастерскую Ильи он нашел в плачевном состоянии: ворота сорваны, будто сквозь них проехал танк, гараж внутри разгромлен, как после нападения разъяренных слонов, «Линкольн», который ремонтировал Илья, превратился в груды металлолома, и лишь машина Матвея, стоявшая в закутке, за стеллажами с инструментом и деталями, осталась цела и невредима.

В мастерской копался хмурый молодой парнишка, помощник Ильи, собирал мусор, осколки, разбитую мебель, подметал пол.

— Что произошло? — тихо спросил Матвей, сжимаясь от нехорошего предчувствия.

Парень глянул на него исподлобья, продолжая заниматься делом, потом, видимо, вспомнил:

— Это ваш аппарат, что ли?

— Мой.

— Вот ключи. — Он достал из кармана ключи от «Таврии». — Мы его сделали, можете забирать. Не хуже, чем у Джеймса Бонда. Движок с форсажем, дает под двести, подвеска усилена, бак увеличен, берет под шестьдесят, заднее стекло — бронеплекс. Что еще?

— Достаточно, — улыбнулся Матвей. — С хозяином я сам рассчитаюсь. Где он? И что тут у вас стряслось? Потолок рухнул?

Парень вытер лицо ладонью, но лишь размазал грязь. Сказал нехотя:

— Банда наехала. Милиция только перед вами убралась. А Илья в больнице, подстрелили его.

— Что?!

Помощник Ильи снова принялся за уборку, проигнорировав вопрос. Буркнул под нос:

— Живой он, пуля прошла бок навывлет, порвала подвздошную сумку, а вторая застряла в ноге.

— Стреляли из автомата?

— Нет, из какого-то «волка». Я слышал разговор инспектора со следователем.

Матвей присвистнул про себя: пистолет-пулемет «волк» был последней разработкой завода «Арсенал», и именно утечка «волков» со склада «Арсенала» и была первым заданием Соболева, полученным от Ивакина. Как странно все переплелось в этом не самом лучшем из миров!

— Где он лежит?

— В Склифосовского. Только вас не пустят, он без сознания, моя сестра только что оттуда приехала.

— Как это произошло?

Парень распрямился.

— Да как — вошли и...

По его словам вырисовывалась такая картина: давешняя команда рэкетиоров, которой Илья дважды дал отлуп, вломилась в мастерскую в начале седьмого утра, когда там был только Муромец: вставал он рано. Бандиты начали громить мастерскую, бить оборудование, машины, а когда вмешался Илья, раскидав «крутых» громил, кто-то из них достал с перепугу «пушку».

— И что по этому поводу заявила доблестная милиция?

— Да ничего. — Парень помрачнел еще больше. — Дохлое, мол, дело. Я им говорю: они же весь квартал держат, разъезжают на «Маздах» и «Тойотах», все их знают...

— Ну и что?

Парень безнадежно махнул рукой:

— Все они повязаны. Если не запуганы, так куплены.

— Что ж, понятно. Бывай.

Матвей сел в «Таврию», опробовал двигатель и выехал из гаража. В клинику «Скорой помощи» Склифосовского он прибыл через сорок минут, ухитрившись ни разу не «засветиться» перед ГАИ, хотя мчал под сто и больше.

Илью уже прооперировали, и он пришел в себя. Матвею удалось уговорить медперсонал дать ему халат и пропустить в палату к раненому.

Выглядел Муромец чуть бледнее обычного, под глазами легли тени, однако во взгляде не было ни страха, ни злости, только сожаление и недоумение. Увидев Матвея, он так обрадовался, что едва не опрокинул капельницу:

— Ты?! Взял аппарат? Я там его немного усовершенствовал, и теперь он не хуже, чем у Джеймса Бонда, только что пушек в капоте не хватает.

— Лежи... знаю. — Матвей выгрузил из сумки пакет с яблоками и пять бутылок кефира. — Кто это был?

По лицу Ильи пробежала тень, сжались и разжались громадные кулаки.

— Да ты их видел, команда Белого. Я до них еще доберусь, не вмешивайся в мои дела.

— Ты его знаешь лично?

— Знаю, он то ли чеченец, то ли ингуш, в общем, оттуда. Но у него все схвачено, везде приятели, в том числе и в милиции. Вряд ли его станут ловить — выкрутится.

Матвей кивнул.

— Ладно, выздоравливай. Меня пустили на минуту, приеду завтра, привезу чего-нибудь вкусенького.

— Сигареты не забудь, а то мои отобрали.

— А можно?

Илья улыбнулся — через силу, глаза его помутнели, видимо, боль была нестерпима.

Появилась медсестра, глянула на посетителя.

— Уходите, ему плохо.

Еще некоторое время Матвей смотрел на беспомощное тело Ильи Муромца, потом вышел. Уже в машине он принял решение.

Глава 6

ПРАВООЗАЩИТА

Шел десятый час утра, когда Матвей начал свой поиск.

До этого он минут двадцать сидел на вкопанной шине на школьном стадионе и наблюдал за тщетными потугами пожилого учителя физкультуры втолковать детям азы спортивного многоборья. Школьников — третьего-четвертого класса, судя по их поведению, — было девятнадцать, семь ребят и двенадцать девочек, и всем им явно не хотелось куда-то бежать, прыгать, метать палки и вообще подчиняться достаточно равнодушным командам учителя. А тот явно не любил свою работу, погоду, детей и, наверное, людей вообще. Если бы он любил хотя бы работу, постарался бы заинтересовать ребят, превратить весь процесс в игру, увлечь ею школьников, но делать этого он не умел. Он кричал, грозил всевозможными карами, выгонял мальчишек, хватал их за руки и плечи, загонял в строй, ругался и проклинал всех и вся. И Матвей с грустью сделал вывод, что после этих занятий у мальчишек и девчонок сохранится стойкий иммунитет неприятия физкультуры как таковой вообще и спорта в частности.

Еще раньше, до появления на стадионе, Матвей изменил внешность: приклеил усы и дополнительные брови, а также родинку под носом, надел очки, с виду — выпуклые, от близорукости, с помощью лака изменил прическу. Оделся он тоже сообразно расчету в балахонообразную рубашку и брюки «с видом на Фудзи», то есть достаточно провинциального вида. Зато кроссовки у него были фирмы «Рибок», облегчающие ногу, легкие и прочные.

Коммерческие киоски открывались в девять утра, и Матвей начал обход их на улице, где располагалась мастерская Ильи, с самого непрезентабельного, со стандартным «джентльменским»

набором: водка, вино, пиво, сигареты, аудиокассеты. Рассчитаны такие киоски были, пожалуй, лишь на оголтелый консумеризм¹ «крутых» парней, не знающих, куда девать деньги, либо служили прикрытием для отмывания денег местной мафии.

Продавец — сонная и тощая девица в черных лосинах и майке — на вопрос, знает ли она Белого, лишь длинно глянула на Матвея, продолжая курить. Ее напарник, возившийся в углу, покосился на спрашивающего, но тоже промолчал, и Соболев поплелся дальше. Машину он оставил во дворе дома, располагавшегося неподалеку от ресторана «Маяк».

Второй киоск был сродни первому, и Матвеем ответили, что ни Белого, ни Черного, ни Бежевого не знают. Зато третий — красивый павильон с витриной, заставленной бутылками престижных ликеров и вин, торговавший, кроме того, обувью, мехами и куртками, — оказался владением таинственного Белого.

Во-первых, Матвей обратил внимание на перстень в форме человеческого черепа на пальце одного из киоскеров — огромного небритого детины с бородой и усами запорожца. Точно такие перстни носили крепкие ребята, приходившие к Илье разбираться во время визита к нему Соболева. Во-вторых, после вопроса Матвея ребята — их было трое — сразу насторожились, и атмосфера в павильоне буквально «зазвенела» — Матвей остро чувствовал любое изменение психологической обстановки.

— Вали отсюда, очкарик, — прохрипел рыжий молодец, вскрывая банку пива. — Не знаем мы никакого Белого.

— А чо грубишь? — укоризненно спросил Матвей тонким голосом. — Может, я хочу у него кое-что купить.

— Вали, вали, я сказал. Глухой, что ли? Или хромой на голову?

Матвей опечалился:

— Ну вот, опять убеждаюсь в том, что обезьяна произошла от одичавшего человека. Не от тебя ли?

— Ах ты козел! — Бородатый плеснул пивом в окно выдачи товара, но промахнулся. — Ник, выйди поговори с интеллигентом. — Из павильона вышел Ник — мосластый и губастый, в плазмассовой кепке и в черной майке и шортах. Ни сказать, ни сделать он ничего не успел: Матвей, владевший приемами варма-ка-

¹Консумеризм — неумная страсть к потребительству.

лаи¹ в совершенстве, точным щелчком поразил парня галькой в солнечное сплетение с расстояния в два метра и спокойно прошел мимо согнувшегося киоскера в раскрытую дверь павильона. Щелчком в лоб он отключил второго продавца и сказал вскочившему буйволоvidному детине:

— Так ты скажешь, где контора Белого?

— Ах ты сука по... — Дитина не закончил, так как ноги у него внезапно ослабли, подкосились и он вынужден был сесть на ящик из-под обуви.

— Не повезло тебе, — сочувственно сказал Матвей. — Если я равнодушен к дуракам, то очень не люблю хамов. Же не компран па?

— А? — раскрыл пасть бородастый, икнув. — Чо?

— Ничо, шутю я. Не компран ты, гляжу. Говорить будешь или начнем копать яму?

В киоск ворвался опомнившийся мосластый продавец в черной майке. Пришлось Матвею аккуратно уложить его лицом вниз на пол гибким змеиным движением айкидока, пропускающего удар. Наступив ногой ему на спину, он продолжал невозмутимо:

— Вся твоя беда в том, что ты любишь атрибутику власти. — Матвей кивнул на перстень. — Это знак секты Белого, не так ли? Где его контора, малыш?

— Давыдковская, двадцать пять «а», второй этаж.

— Отлично, быстро умнееешь. Одолжи-ка перстень. Умница. А теперь лежи немного, отдохни от трудов праведных. Адью, мон шер, береги здоровье, не пей много пива.

Матвей вышел из павильона, врезав дверью третьему киоскеру так, что тот взвыл, схватившись за нос.

Преследовать его не стали.

Через десять минут он подъехал к зданию на улице Давыдковской, бывшему институту повышения квалификации, отремонтированному и выкупленному у муниципальных властей коммерческими структурами. Второй этаж здания занимала «Независимая федерация кикбоксинга», официальное прикрытие фирмы рэкетиоров, как сразу понял Матвей. И вспомнил газетную заметку годичной давности о фирме «деликатного рэкета» в

¹В а р м а - к а л а и — индийская разновидность карате; любой удар варма-калаи нацелен на поражение одной из ста восьми болевых точек на теле человека.

Рязани. Фирма систематически выставяла липовые счета разным коммерческим организациям за банкеты, которых на самом деле не было, за транспортные и другие услуги, и те платили, беспрекословно перечисляя деньги на счет фирмы. Потому что знали — лучше откупиться какой-то определенной суммой, чем потерять все или вообще сыграть в ящик. Вероятно, здесь, в этом районе Москвы, завелась дочерняя организация фирмы, создав «федерацию», которая под видом охраны и предоставления услуг вымогала дань. Не глупо. Весьма эффективный способ заработать деньги, ничего не делая. Если не считать делом мордобои как меру воздействия на строптивых клиентов вроде Ильи.

Собираясь войти как обычный посетитель, Матвей вдруг поймал спиной чей-то быстрый, но острый и прицеливающийся взгляд. Ощущение было такое, будто спины коснулся кусок льда. Взгляд тут же пропал, словно его выключили, но Соболев был почти уверен, что за ним ведут слежку, причем профессионалы очень высокого класса. Но не из команды Белого. Что ж, посмотрим, кто это, чуть позже, после разговора.

Матвей обошел второй этаж с извинениями: ох, извините... простите... кажется, я не туда... прошу прощения, осмотрев почти все комнаты, спортзалы — целых три, офисы, кабинеты, входы и выходы, и наконец вышел на офис босса, располагавшийся за красивой дверью, скорее всего металлической. Двери предшествовала приемная, в которой сидели две девицы с бесподобными ногами гимнасток и хорошо развитыми плечами. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять: они не просто красивые девушки, занимающиеся шейпингом, они — профессионалки рукопашного боя. Матвей знал несколько женских школ, обучающих девушек разным системам боевых искусств, но лишь немногие там овладевали искусством рукопашного боя в степени, достаточной для практического применения. Эти — обе секретарши — владели.

Матвей отвесил рицурэй — церемониальный поклон стоя, применяемый японскими мастерами, внимательно наблюдая за реакцией дам, но те продолжали разговаривать, лишь однажды кинув на посетителя взгляд. Очевидно, занимались они жестким кэмпо без соблюдения традиций. Реагировать же, по их мнению, было не на кого: вошел обыкновенный очкарик, далеко не ам-

бал, что он может? Только просить. И Матвей извиняющимся тоном попросил:

— К начальнику можно?

Табличку на двери с надписью: «Булат Дадоев, президент федерации» — он прочитал с порога.

— Занят, — ответила одна из девиц, блондинка с высокой грудью и скуластым миловидным личиком. — Вам назначено?

— Нет, но, если вы покажете ему вот это, — Матвей протянул девице перстень в форме черепа, — он примет. Посоветоваться нужно.

На пальцах секретарш, как заметил Соболев, не было ни колец, ни перстней, зато в ушах подрагивали сережки в виде лошадиных черепов. Видимо, черепа служили здесь «символами касты», отличительными знаками принадлежности к сильным мира сего.

— Чокнутый, — отозвалась вторая секретарша, тоже блондинка, но платиновая, крашенная, с густо напыженными губами. Дотянулась до селектора и нажала клавишу:

— Булат Шаймиевич, к вам посетитель.

— В шею, — ответил селектор незамедлительно.

— У него интересный перстенок, но он не из штата. С виду учитель или клерк, безоружен.

— Хорошо, — проворчал селектор, — пусть зайдет через минуту.

Матвей выразил жестом благодарность, выждал две минуты и зашел в кабинет «президента федерации».

Кабинет поразил его не роскошным австрийским деловым гарнитуром для офисов «Мадлен», не аквариумом с угрями во всю стену и даже не видеосистемой «Касио» с плоским двухметровым экраном, а формой стола и кресел — в виде гигантских человеческих кулаков. Президент выглядывал из кулака-стола как большой его палец или скорее кукиш, и Матвей сразу понял, за что ему дали прозвище Белый.

Дадоев, одетый в отлично сшитый летний костюм, был, конечно, смугл, усат и красив, как истинный кавказец, но волосы имел совершенно седые, несмотря на молодость. Едва ли он был старше Соболева. У него в кабинете находился гость — тот самый «крутой» парень в кожаном костюме, который приходил к Илье

разбираться в момент визита Матвея. Матвея он не узнал, это было видно по его равнодушно-пустому взгляду.

— Ну? — бросил Дадоев, оценивающе глянув на посетителя, но сесть не предложил.

Матвей приблизился к столу-кулаку и сказал тихим невыразительным голосом, глядя на тонкую ниточку усов президента:

— Белый, сегодня утром твои солдатики подстрелили автослесаря на улице Артамонова. Если вы от него не отстанете, я положу всю твою кодлу и тебя сверху. Понял? Это первое. Второе: кто стрелял? Имя, адрес.

Кожаный переросток и «президент федерации» обменялись взглядами. Молодой заржал. Дадоев тоже засмеялся:

— Это все? По-моему, он болен, а, Чарли? Может быть, вызвать «Скорую»?

— Крыша поехала, это точно, — отсмеявшись, согласился кожаный Чарли, сыто глянув на Матвея. — А по фейсу не хочешь, очкарик? Или ты супермен? Что-то незаметно. Иди отопись, а то схлопочешь, если не перестанешь задавать дурацкие вопросы.

— Ты забыл сказать: «На ноль помножу», — не повышая тона, добавил Матвей. — Сопляк и хам. Повторить вопрос?

Дадоев перестал улыбаться, нахмурил густые брови.

— Выведи его, Чарли. Лучше через первый зал; пусть ребята потренируются немножко, как на манекене.

Кожаный лениво встал, но ударил быстро, заученно — в живот прямой ногой и в голову с поворотом. Только Матвея на прежнем месте не оказалось, и мускулистый Чарли из поворота не вышел, врезался головой в стену и затих, потому что пущенный Соболевым голыш поймал его в прыжке. Вторым броском Матвей поразил локоть Дадоева, протянувшего руку к селектору.

— Сиди тихо, Белый! Я ведь не шучу.

«Президент федерации» потерял локоть, однако страха на его лице не было, только удивление, досада и любопытство.

— Ты случайно не из «Чистилища», борец за справедливость?

— Из него, — с запинкой кивнул Матвей, сообразив, что это хорошее прикрытие.

— Один, без подстраховки?! Да тебя уложит любая из моих герл, не говоря об охране.

— Имя, адрес.

— Это был он. — «Президент федерации» кивнул на застывшего кожаного. — Перестарался парень — с кем не бывает. Но ведь ты не выйдешь отсюда, герой, неужели не понимаешь? — Дадоев заулыбался, взял со стола лезвие бритвы, подбросил, поймал. — Человеку так мало надо. Один молодой мужик вроде тебя недавно проглотил бритву и умер.

— Я знаю еще более страшный случай. Один чиновник вроде тебя захлебнулся собственной слюной во время сна.

— Понятно. — Дадоев поскущел. — Берите его, девочки.

В то же мгновение в кабинет вошли три девицы, две — знакомые «герлы»-секретарши, третья — великолепно развитая брюнетка с роскошными волосами. Видимо, президент все-таки успел включить селектор либо знал секрет связи с охраной.

Тут же все и выяснилось.

— Они тебя сразу раскусили, — расслабился Дадоев, пригладил ниточку усов. — И предупредили. Так что, господин «чистильщик», ты избрал худшую из дорог. Кстати, а кто он тебе, этот Илья Шимук, автослесарь? Брат, сват, шурин, свояк? Или просто так?

Матвей не ответил, привычно вгоняя себя в фазу концентрации турйии. Он уже видел, что уйти без боя не удастся, и удивился открытию: за Белым, то есть «президентом Независимой федерации кикбоксинга», явно стояли какие-то очень мощные силы, а не ученики-боксеры муай тай и каратисты. Слишком просто сюда войти и слишком сложно выйти. А это почерк спецкоманд, а не школ единоборств.

Матвей прикинул возможности. У Дадоева в столе наверняка лежит пистолет, а то и что-нибудь похлеще, но он расслаблен и в первой фазе не страшен. Кожаного Чарли тоже можно не брать в расчет, придет в себя не скоро. Оставались девицы, вооруженные специальными туфлями с металлическими каблуками и носками. Одна из них, брюнетка, кроме того, держала в руке короткую толстую витую плеть из кожи и проволоки. Как говорится, тика-ра курабэ¹ не в его пользу, но разве когда-нибудь было наоборот?

Он начал первым, потому что хорошо чувствовал обстановку: у него в запасе оставалось не больше минуты, пока не отреагируют

¹Тика-ра курабэ — соизмерение сил (сумо).

вали скрытые защитные системы «федерации», а тогда выбраться из опасного гнезда, в какое он попал, не ведая того, будет и вовсе проблематично.

Девицы хорошо знали приемы типа суй-но ката и хиккими¹, то есть имели неплохую базу японских видов борьбы, хотя и работали без соблюдения стилей — тигра, дракона, журавля и так далее. Но даже против айкидока их техники не хватало, не говоря уже о ганфайтерах, чье боевое искусство было полностью рефлексорным. Матвей же владел не только японским кэмпо, но и тайским боксом, и индийскими видами борьбы, а главное, русским стилем, впитавшим в себя достижения всех лучших мировых школ боевых искусств.

Ему хватило двух десятков секунд, чтобы обездвигить агрессивно настроенных «герл» и их предводительницу с плетью, а потом закончить разговор с Белым. У того была хорошая реакция, и он почти успел вытащить из стола пистолет-пулемет «волк», о котором, кстати, шла речь в задании Ивакина, однако Матвей опередил его. Сказал, пригнувшись и прислушиваясь к звукам в приемной:

— Мухи против ветра не летают, Белый. До встречи.

В приемной сидел здоровяк с бритыми висками и затылком, и Соболев присоединил его к «битой компании», решив не рисковать выстрелом в спину. Здоровяк отключился, ничего не успев сообразить.

В коридоре никто гостя не ждал, лишь при выходе из здания Матвею преградили путь трое молодых ребят в черных сампанах. Но поскольку и они не ожидали встретить ганфайтера, то Матвей боя не принял, проскользнув мимо в танце ма-ай². Выбежав на улицу, рванул за угол, во двор здания, маскируясь кустами, и вовремя: вслед ему затрещали выстрелы. А в переулке за дощатой будкой строителей кто-то легонько стукнул пальцем ему по плечу. Матвей ударил вслепую, не попал и оглянулся. Это был Тарас Горшин.

— За мной, быстро, у меня машина, — шепнул тот, приложив палец к губам, и кивнул на старый, выдавший виды «Москвич».

¹Суй-но ката — ускользание от атак, хиккими — особый способ передвижения во время боя.

²Ма-ай — сочетание оптимальной дистанции и подходящего момента для тех или иных действий.

Не раздумывая, Соболев метнулся за ним. Спустя минуту они были далеко от здания «Независимой федерации кикбоксинга». Мотор у «Москвича», как и у соболевской «Таврии», был специально форсирован, и машина не шла — летела, словно ракета, мощно и плавно, разве что менее шумно.

Горшин, в своем неизменном белом костюме, молчал, пока они не отмахали пол-Москвы, остановил машину в Кузьминках, откинулся на сиденье, закинув руки за голову.

— Зря вы ввязались в это дело. Рано или поздно эти парни вас вычислят.

— Я не боюсь.

— Не в страхе дело. Ведь когда к вам придут боевики Белого, вы начнете сопротивляться, не так ли? А это означает, что вас определяют как ганфайтера.

— В таком случае я не буду сопротивляться, — подумав, сказал Матвей.

— Тогда вас убьют. Вы хоть представляете, кого хотели наказать за своего друга?

Матвей заставил себя расслабиться, хотя его неприятно поразила осведомленность «чистильщика», помолчал.

— Это вас я засек перед тем, как войти туда?

В глазах Тараса зажегся и погас огонек, в голосе прозвучало не столько уважение, сколько удивление:

— Засечь меня трудно даже ганфайтеру... если вообще возможно. Но коль это так, ты далеко пойдешь, капитан. Так вот, организация, в штаб которой ты проник — отдаю должное смелости и порицаю за нерасчетливость, — называется батальон спецназа «Щит», подчиняющийся лично начальнику Управления «Т» Федеральной службы контрразведки генералу Ельшину.

Матвей недоверчиво глянул на Горшина. Конечно, он знал, что подразделялась ФСК на четыре управления: «К» — собственно контрразведка, «И» — информационно-аналитическое, «КК» — Управление по борьбе с коррупцией и контрабандой наркотиков и «Т» — Управление по борьбе с терроризмом и охране правительства. Но Матвей изумлялся не тому обстоятельству, что случайно влез в осиное гнездо «Щита», а пересечению интересов. Выполнять задание Ивакина — «прощупать этот самый «Щит» — он собирался позднее и — надо же! — попал туда, даже не подозревая об этом!

— Вообще-то я искал Белого... вожака рэкетиров. Там был их президент, седой такой, Дадоев Булат, я думал, он.

— Белый у них — псевдокомбат майора Шмеля Юрия Степановича, так вот, он — альбинос, потому и Белый. А Дадоев — зиц-председатель, хотя его солдатики действительно занимаются рэкетом.

Матвей пошипел сквозь зубы. Подумав, отклеил усы, снял очки и взъерошил волосы, приняв свой естественный облик.

— Зачем вы следили за мной?

— Я не следил, просто появился в нужный момент в нужном месте.

— Зачем?

— Чтобы предложить дело. «Фискалы» взяли одного нашего работника, его надо освободить.

Матвей хмыкнул.

— Что же это он позволил себя захватить?

— Его подставили. Люди есть люди, и некоторым «чистильщикам» тоже не чуждо все человеческое, особенно недостатки: зависть, корыстолюбие, властолюбие, злоба. Итак, ваше слово.

— Согласен, — угрюмо сказал Матвей.

Координационная коллегия подразделений Министерства внутренних дел — Главного управления, МУРа, милиции, ОМОНа, отдела по борьбе с организованной преступностью, Управления по охране общественного порядка — заседала не на Огарева, а в новом двенадцатиэтажном здании ГУВД на Берсенеvской набережной.

Началась она с доклада о криминогенной обстановке, подкрепленного статистическими данными и примерами. Примеры потрясли, и даже самообладание выдавших виды оперативников, попривыкших по роду деятельности к ужасам и крови, было поколеблено.

То, что к лету с начала года число убийств возросло на сорок два процента, никого не удивило, но то, что убийства стали массовыми, говорило о самой настоящей войне преступников с органами правопорядка и мирным населением. Заместитель Генерального прокурора, присутствующий на коллегии, привел такой пример: банда подонков проиграла другой банде сто (!) девушек и начала убивать всех, кого могла найти в пределах сво-

ей «рабочей зоны», предварительно их насиливая. Лишь после восьмой жертвы удалось напасть на след банды и взять троих ее членов... которые сутки спустя были убиты в следственном изоляторе неизвестными лицами. Скорее всего, это поработал «Стопкрим», пресловутое «Чистилище», о котором заговорили в полный голос все газеты, теле- и радиовещание.

Затем привел примеры замминистра МВД генерал Стешин. Когда зачитывались цифры — сколько совершено преступлений и сколько раскрыто, сколько оружия и какого изъято у преступников, — зал молчал, но стоило Стешину коснуться серии заказных убийств руководителей коммерческих структур, как собравшиеся зашумели. Все знали, чем это закончилось. В дело снова вмешался «Стопкрим», и убийцы получили вышки без суда и следствия. Их нашли и уничтожили всех до единого. Как нашли, осталось неизвестным.

И, наконец, шум в зале возник еще раз после сообщения о том, что «Чистилище» занялось прокуратурой, предъявив обвинения в коррупции хорошо известным лицам. Не было сомнения, что на угрозах «Стопкрим» не остановится, он уже доказал свою решительность, жестокость и профессионализм.

— Конечно, деятельность «Чистилища» незаконна, никто не вправе вершить самосуд, — подвел итоги Стешин. — Однако то, что оно пользуется поддержкой населения, факт. Мы, как органы правосудия, не просто уязвлены, мы поставлены перед проблемой: как организовать дело таким образом, чтобы работать лучше, но при этом не нарушать закон.

— Не правильнее ли было бы пресечь деятельность этого... хм... «Чистилища»? — проворчал советник юстиции, сидевший в президиуме.

Стешин услышал его, обернулся:

— МУР занимается им уже год, а результаты почти нулевые.

— Значит, грош цена тем, кто ими занимается. Поищите работников поопытнее.

— Но ведь «фискалы»... э-э... сотрудники контрразведки, кажется, взяли одного работника «Чистилища», — проговорил командир бригады ОМОНа. — Есть какая-то информация по этому делу?

Председатель ФСК покачал головой:

— К сожалению, ничего определенного сообщить не могу. Этот человек ранен и, естественно, продолжает молчать. После

лечения в... Э-Э... спецклинике мы переведем его в наш... м-м... санаторий и попробуем взять показания.

— Как видите, и этот единственный успех трудно назвать успехом, — развел руками Стешин. — Итак, коллеги, помимо наших постоянных забот координации требуют и усилия по розыску «Стопкрима». Надеюсь, вы понимаете, что правительство заинтересовано в успехе этого дела, потому что нет сомнений: «Чистилище» замахивается не только на «Купол» мафии, но и на «купол» высшей власти, что вполне может дестабилизировать и без того сложную обстановку в стране и привести ее к настоящему хаосу.

Коллегия закончилась разбором конкретных дел и постановкой каждому подразделению оперативных задач, требующих совместных действий. Что касается «Стопкрима», то основную работу по розыску этой организации взял МУР, хотя нашлось что делать и ОМОНу, и Управлению по охране общественного порядка, и Службе информации на базе компьютерного поиска.

После коллегии в кабинете начальника МУРа генерала Давидского состоялось совещание, на котором присутствовали его зам, полковник Собокий, начальник службы обеспечения полковник Музыка и начальник оперативно-розыскной бригады полковник Синельников, фигура одиозная, известная в узком кругу под прозвищем Скелет. Это был громадный гомункулус с двухметровыми плечами и руками толщиной с ляжку обыкновенного человека, способный ударом кулака разбить сейф. С виду простой, крутой и прямой, как ствол ружья, полковник Синельников был на самом деле отменно умен, ироничен, хваток, профессионально цепок и начитан, за что его и уважали сотрудники МУРа, от сержанта до офицера. А на шутки коллег в свой адрес типа: «Наш Скелет — импозантный мужчина» или «Как мужчина он неотразим», Синельников не только не обижался, но даже поощрял остроумие подчиненных, зная, как оно разряжает атмосферу и способствует психологической и умственной зарядке.

— Свои дела разберем после, — начал совещание генерал Давидский. — Давайте подумаем, как будем работать по «Стопкриму». Обычными методами «Чистилище» не взять, их профессионалы посильнее наших.

— Но одного из них все же взяли, — тенорком проблеял полковник Собокий, чем-то напоминавший актера Льва Дурова.

— Там не все чисто, — поморщился Синельников. — Во-первых, Ариставу взяли случайно, ждали другую птицу — сбежавшего Лантуха. Во-вторых, Ариставу подставили, причем свои, надо полагать. В-третьих, брали его «бегемоты» из Управления «К», а не «Т», то есть «Руслан», который специализируется на шпионах, а не на террористах. Тут какая-то загадка.

— Не суть важно.

— Это не тот ли Аристава — бывший чемпион Грузии по дзюдо? — меланхолически спросил Музыка.

— Тот самый. Работал в Тбилиси, потом в Москве тренером по настольному теннису, он мастер еще и по этому виду спорта. Никто не знал, что он работает на «Чистилище».

— «Фискалы» знали, если подключили «Руслан». Они его раскрутят, и обойдется без нашего вмешательства.

— Вряд ли. Я его знаю по одному делу, из него слова не вытянешь.

— Захочет жить — скажет, — проговорил вечно озабоченный Музыка. — Как говорится, друзей нельзя купить, но можно продать. Пустим в ход психотропные методы допроса. Заговорит.

Синельников посмотрел на полковника, однако промолчал. Потом через некоторое время сказал утрюмо:

— И все же мне непонятно, почему Ариставу брал «Руслан», бывшие «кrapчатые береты» МБР. Выяснили бы по своим каналам, Семен Вениаминович.

— Попробую, — буркнул генерал. — Это твое убеждение, Глеб Максимович? Насчет «продать друзей»?

Музыка пожал круглыми плечами, вытер потное лунообразное лицо с набрякшими веками.

— У меня нет никаких убеждений. Я реалист — и только.

— Что ж, отсутствие убеждений — тоже убеждение, хотя мне больше нравится их присутствие. Александр Викторович, у вас есть соображения по «Чистилищу»?

Синельников набычил круглую голову с ежиком волос, потер затылок, сказал глуховато:

— Перед коллегией я составил криминал-карту Москвы, так вот, выяснилась любопытная деталь: «Чистилище» оставило следы во всех муниципальных округах, кроме одного — Центрального. Не там ли расположен их теневой центр?

В кабинете наступило молчание. Тишина прервалась лишь стуком карандаша о столешницу, который по привычке вертел в пальцах генерал.

— В качестве рабочей версии допустимо, — проблеял Собокий. — Но Центральный округ — это двадцать квадратных километров площади.

Начальник МУРа кивнул.

— Никто не собирается искать «Чистилище» с миноискателем. Разработайте ориентировку всем группам и бюро, может, отыщется какой-нибудь реальный след. Хотя уже то необычно, что это район базирования властных госструктур. Не указывает ли данный факт на то, что в руководстве «Стопкрима» сидят птицы высокого полета? Из Федерального собрания, например, или Госдумы, из правительства, наконец? Что у вас еще, Александр Викторович? — заметил жест Синельникова генерал.

— Есть еще одна зацепка — кадры. Надо бы пройтись по архивам силовых ведомств и выяснить, кто из профессионалов уволен оттуда и по каким причинам. На «Чистилище» можно будет выйти без особых изысков, ведь работников оно набирало не из ангелов — из простых смертных.

— Хорошая мысль, — меланхолически заметил Музыка. — Я займусь этим вопросом, если позволите. Хотя не думаю, что мы самые умные. «Фискалы», наверное, уже успели в этом вопросе перебежать нам дорогу.

— Вполне возможно, — снова кивнул генерал. — Но попробовать стоит. За работу, коллеги. Хотя впервые я берусь за работу вопреки желанию. «Чистилище», разумеется — еще раз подчеркиваю, — судом Линча поставило себя вне закона, однако я солидарен с ним по некоторым вопросам. Слишком часто наше правосудие оказывается бессильным против преступников.

— В общем, дело дрянь, — согласился Музыка.

Синельников усмехнулся, осторожно откинувшись на заскрипевшую спинку стула.

— Пессимист ты, Максимыч.

— Ты, что ль, оптимист? Поработал бы в органах с мое...

— Упаси Господи! Здоровья не хватит. Кстати, знаешь разницу между пессимистом и оптимистом? Пессимист говорит: будет хуже, а оптимист — хуже быть не может.

Начальник МУРа улыбнулся, но тут же стер улыбку с лица и стукнул карандашом по столу:

— Все свободны.

ОСВОБОЖДЕНИЕ АРИСТАВЫ

Сон пришел под утро, как и другие подобные сны. Матвей уже научился предчувствовать — это был именно тот странный сон, который хотелось понять и смысл которого не давался, как Матвей потом ни мучился, пытаясь соотнести его с реальным течением жизни.

Он увидел гиганта.

От земли до неба возвышалась его фигура в сияющем золотом плаще, сквозь который иногда просвечивало нечто странное, похожее не на тело, а скорее на кружева паутины или резную листву клёна. Ноги великана утопали в траве, а голова в необычном уборе, похожем и на шляпу, и на шлем космонавта одновременно, скрывалась в облаках.

В одной руке гигант держал факел, из другой сыпался на землю поток серебристой пыли, тающей в воздухе. Факел вычертил какой-то знак, отделившийся текучим пламенем, затем еще один и еще. Каждое движение рук гиганта было исполнено смысла, каждый взмах факела рождал длинный ряд уходящих в небо символов. Но ослепленный Матвей не мог уследить за ними, и знаки таяли, исчезали, унося с собой тайное знание, отчего хотелось плакать и звать кого-то.

— Взгляни на него повнимательнее, — раздался знакомый по прежним снам женский голос.

Матвей напряг зрение и заметил, что великан непрерывно меняется. Казалось, бесчисленные толпы людей проходят перед его глазами и исчезают, прежде чем он успевает сообразить, что видит. Вместе с этими людьми брел и сам Матвей, мучась косязычи́ем, болью, невысказанностью и желанием вырваться из узкого круга рутинного бытия. Он сам и гигант, и карлик, действующее лицо и зритель, он может менять одежды и тела, декорации и миры, в и д т в себе эту способность, но не знает, каким образом применять свои знания.

— Стучись, — долетел сожалеющий шепот невидимой спутницы гиганта, — и откроется, спрашивай — и ответят тебе.

Гигант вдруг нагнулся, глянул на Матвея в упор, и тот узнал то самое лицо, «лицо Будды», отталкивающее и манящее, вели-

чественное и простое, безмятежно спокойное и полное огня и силы.

— Инфарх! — прошептал он и, прежде чем проснуться, услышал изумленно-радостный вздох женщины:

— Похоже, он узнал вас, мистер...

Как и всегда после пробуждения, Матвей некоторое время лежал с закрытыми глазами, анализируя сон, эмоции во время сна, а также физическое и психическое состояние. Страх, что он все-таки болен, исчез, он здоров, а сон говорил лишь о том, что в сознание стучится из глубин неосознанной психики какая-то важная информация, «записанная» там на генном уровне. Оставалось ждать, когда она проявится, просочится сквозь барьер внутреннего бытия. Подумав так, Матвей удивился: формулировка возникла сама собой, без участия разума, будто он давно знал, о чем идет речь, хотя ни разу не заглянул в учебники по биологии.

Открыв глаза, Матвей оглядел спальню и поразился ее аскетизму. Конечно, из Рязани он взял с собой кое-какие личные вещи, придающие уют жилищу, но, во-первых, он никогда не обращал на это особого внимания, просто сейчас наступило время, а во-вторых, истинный уют в квартире может создать только женщина. Единственная и неповторимая. Которой в наличии не имелось. Матвей привык жить по формуле: тот, кто в состоянии пожертвовать всем, может добиться всего. И все-таки чего-то ему в жизни не хватало. Даже не женщины — единственной и неповторимой (Матвей улыбнулся), а того комплекса проблем, который обычно с ней связан. Всегда ли он уж так непереносим?

Зарядка, умывание, бритье и завтрак заняли час с четвертью, причем лишь пятую часть времени — последние три процедуры. В четверть восьмого Матвей уже выходил из квартиры. Предстояло заехать в больницу к Илье, встретиться с Ивакиным и найти Горшина, который должен был ввести его в курс дела и предложить план высвобождения Кости Ариставы, захваченного «фискалами» — сотрудниками Федеральной контрразведки.

К стоянке Матвей решил пройти другим путем — через сквер и Малый Бакановский переулок. Времени хватало, и хотелось хоть минуту подышать природой.

Аллеи и скамейки сквера еще пустовали по причине раннего утра, лишь служитель сквера подметал пяточок возле палатки на-

питков да спешили по делам полусонные прохожие. Солнце еще не поднялось над крышами домов и вершинами деревьев, сквер был исполосован тенями и напоен ароматами летних трав, хотя рядом, в сотне метров, текла асфальтовая река автомагистралей.

Свернув с аллеи к выходу из сквера, Матвей наткнулся на тихо плачущего малыша, которому от силы было года два с половиной. В шортиках и маечке, с сандалией в руке, белоголовый, пушистый, как одуванчик, карапуз являл собой трогательное зрелище. Увидев незнакомого дядю, он перестал всхлипывать, распахнул голубые глазки, полные слез, и сказал обреченно, как взрослый:

— Вот мама уша... а я потелялся...

Матвей рассмеялся, но потом сообразил, что малыш действительно один, наклонился к нему:

— А куда она пошла, твоя мама?

Карапуз ткнул ручонкой куда-то в глубину сквера, и Матвей, надев ему сандалию, повел в указанном направлении, по пути выяснив, что того зовут Тиша (Тихон, что ли?), маму Вела (Вера, значит), папу Сележа, а воспитательницу Калелия Юльевна. Однако найти маму не удалось, в сквере ее не было, а искать ее на улицах не имело смысла. Поскольку резерв времени исчерпался, Матвей посоветовался с малышом, доверчиво цеплявшимся за его руку, и остановил проходившего мимо милиционера в летней форме, высокого, молодого, хотя уже и с брюшком, и с глазами навывате.

— Извините, командир, вот этот пацан потерялся, я его в сквере обнаружил, а мать куда-то зашла, наверное. Не могли бы вы заняться им? У меня, к сожалению, времени нет, опаздываю.

Сержант нехотя остановился, кинул взгляд на большеглазого карапуза и оглядел Матвея.

— Документы.

— Что? — не понял Матвей. — Какие еще документы?

— Твои. Предъяви документы.

— Да при чем тут мои документы? Малыш потерялся, надо помочь найти родителей...

— Давай предъявляй, — с угрозой пробубнил сержант, берясь за дубинку на поясе. — Кто, куда, как здесь оказался.

— О черт! — Матвей хлопнул себя по бедру, еще раз попытался объяснить свою роль в этом очевидном деле, но потом понял — бесполезно. В голове молодого кретина не было ничего,

кроме инструкций, примитивных желаний и жажды власти, и говорить с ним надо было на его языке.

Матвей железными пальцами сжал запястье милиционера с дубинкой, второй рукой схватил его за грудки, привлек к себе и сказал тихо, но так, что сержант побелел:

— Послушай, урод! Вали из органов. Сегодня же! Если я еще раз встречу тебя в форме, скормлю «чистильщикам»! Усек?

Милиционер, сглотнув, дернул головой.

— Ну и ладушки, — миролюбиво закончил Матвей. — Так не забудь. Придешь на работу — сразу рапорт начальству на стол. Я проверю. — Повернулся к малышу: — Пошли, Тихон.

Через несколько минут Матвей сдал «находку» в ближайшее отделение милиции и до стоянки добрался уже без приключений. Думал он о том, что до сих пор в милицию идут зачастую те, кто не нашел себя в жизни: отщепенцы, дуболомы, идиоты, эгоисты, властолюбцы и бандиты, не желающие работать. Иначе трудно объяснить причины постоянного роста преступности. Такие, как этот сержант, с позволения сказать, «блюстители порядка» наверняка живут с подачек рэкетирствующих банд, коммерческих структур и мафии, закрывая глаза в нужное время и в нужном месте на бесчинства хулиганья, прямое воровство и многое другое.

Илья чувствовал себя лучше, хотя до полного выздоровления ему предстояло пролежать в больнице не меньше двух недель. Матвей не стал ему рассказывать о своей попытке отвадить команду Белого, но в душе твердо решил добиться своего. Надо было лишь соответствующим образом подготовиться и поработать с информацией. Об отряде «Щит» он до задания Ивакина ничего не слышал, но подобные формирования явно попирали закон, как и отряды фашистского толка, нацлегионы, чернорубашечники и воинствующие секты сатанистов. «Независимой федерацией кикбоксинга» следовало заняться всерьез.

Матвей остановил машину за хозяйственным магазином на Булгаковской и вернулся. Несколько минут он вслушивался в мир вокруг, сконцентрировавшись на локации возможной опасности, но все было спокойно. Темных облаков и угрюмых непрослушиваемых зон, по которым он определял наличие факторов, угрожающих жизни, этот квартал не таил. Тогда Матвей вошел в арку дома напротив хозмага и во дворе под липами увидел белый «рафик» с матовыми стеклами по бортам. За рулем сидел какой-

то бородатый тип и читал газету. Увидев Соболева, он выбросил газету в окно, и Матвей повернул к «рафику»: машина ждала его.

Горшин, как и было условлено, сидел в салоне микроавтобуса — в строгом сером костюме, белой рубашке с галстуком и летних туфлях. В этом наряде его можно было принять не то за директора банка, не то за агента спецслужб. Сжав как клещами руку Матвея, он окинул его взглядом и кивнул на стопку одежды на сиденье:

- Переодевайтесь.
- Зачем?
- Едем вызволять Ариставу.

Матвей едва удержался от возгласа удивления, недоверчиво глянул в безмятежное лицо Тараса, хотел выразить сомнение в целесообразности столь нахальной операции (днем?! на глазах врачей и двух десятков охранников?), но поймал сверлящий взгляд Горшина, насмешливый, ироничный, полный уверенности в себе, и стал молча переодеваться в точно такой же костюм, что и на «чистильщике».

«Рафик» тронулся с места, выехал со двора и влился в транспортный поток улицы.

— Костю держат на Большой Потемкинской, в Первой спецтравматологии, принадлежащей ФСК, — сообщил Тарас, достал из сумки какие-то карты, сунул Матвею. — Это план здания, фото и схема охраны. В вашем распоряжении четверть часа. Справитесь?

Матвей взял пачку листов, принялся изучать. Вопрос задал лишь один:

- Кто еще участвует в операции?

— Я и водитель, — ответил Горшин, ожидая реакции Матвея, но, поскольку тот оставался невозмутимым, добавил: — Существует теория увеличения результативности при увеличении риска, я ее проверил на практике.

Вскоре машина остановилась.

- Приехали. Вы готовы?

Матвей сложил фотографии, схемы и планы в стопку, подравнивал и вдруг мгновенным ударом указательного пальца пронзил всю стопку насквозь.

— Пошли. Силой эту больницу все равно не взять, так что ваш расчет на внезапность и наглость может сработать.

— Существует поговорка: сила — пропуск для входа, ум — для выхода. Применительно к нашим условиям она будет звучать

так: ум — пропуск для входа, сила и ум — для выхода, и все это с изрядной долей наглости. Объяснять ганфайтеру, что следует делать в той или иной ситуации, не требуется?

Матвей не ответил и стал вылезать из «рафика».

Центр спецтравматологии представлял собой с виду небольшое двухэтажное здание в форме буквы П, окруженное парком и забором из металлической сетки. Забор не находился под напряжением, но представлял собой хитроумный колебательный контур, к которому подсоединялся измерительный комплекс, способный по изменению емкости контура определить, в каком месте и какое подошло к забору живое существо. Основной же объем центра прятался под землей — еще целых пять этажей с операционными, лабораториями, палатами, манипуляционными кабинетами, медицинским компьютерным комплексом.

Горшин подошел к закрытым воротам, вставил в белый ящик слева какой-то стержень, и ворота стали медленно открываться.

— Заезжай, — махнул рукой Тарас.

«Рафик» въехал в ворота и покатил по аллее к левому крылу здания.

— А мы через центральный.

Охраны нигде не было видно, но Матвей чувствовал, что за ними следят. Где-то в зарослях прятались телекамеры, а может быть, и скрытые посты.

Двери центрального входа, не приспособленные для вноса пациентов, были открыты, но за вертушкой посетителей ждал детектор, кодированный автомат пропуска и охранник в серой униформе с кобурой пистолета на боку. Второй выглядывал из окошка будки допуска.

Горшин вставил в автомат плоскую пластинку, и вертушка провернулась, пропуская гостей. Охраннику Горшин показал красное удостоверение с золотым тисненым орлом и печатью: «Федеральная служба контрразведки России». Наискось через уголок удостоверения шли две полоски, золотая и серебряная, — знак допуска высшей степени. У Матвея удостоверения не было, но его пропустили и так. Он молча прошел мимо охранников, потом мимо дежурной медсестры в холле за перегородкой, уверенно двинулся к лифту.

В кабинке оказался такой же кодовый запросчик, что и на входе. Горшин положил руку на панель аппарата, полузакрыв глаза и некоторое время стоял так, пока у Матвея не созрело

ошущение, будто воздух загустел и завибрировал. Дверь лифта закрылась, кабина поехала вниз. Горшин усмехнулся в ответ на вопросительный взгляд Матвея, но ничего пояснять не стал.

Вышли на третьем — если считать с поверхности — этаже, вышли и уперлись в прозрачную перегородку. Верзила в сером костюме отложил газету, поднялся со стула и взялся за ремень. Тарас молча сунул ему удостоверение, охранник так же молча нажал кнопку в стене, и дверь отъехала в сторону.

Освещенный белыми люминесцентами коридор казался залитым солнечным светом. Ни одного человека в белом халате Матвей не увидел, подумав, что на больницу этот центр мало похож, скорее — на тюремный изолятор.

Костя Аристава лежал в палате под номером четыре, оборудованной капельницей и кислородным боксом с комплексом автоуправления. Здесь же находился охранник, читавший уже не газету, а журнал «Мы». Он встал, удивленно таращась на вошедших.

Горшин посмотрел ему прямо в глаза, и Матвею опять показалось, что воздух странно уплотнился, а по голове пробежал холодок.

— Носилки, дежурного врача, — бросил Тарас.

Охранник выронил журнал, прошел к интеркому на стойке в углу, вызвал врача и остался стоять, выжидательно глядя на вновь прибывших.

Вскоре появился дежурный врач в сопровождении офицера охраны в форме капитана внутренних войск.

— Мы забираем его, — кивнул Горшин на раненого. — Вот индульгенция.

В руке Тараса появилась сложенная вдвое белая карточка, хотя Матвей мог поклясться, что Горшин не сделал ни единого движения, чтобы достать ее. Матвей мигнул — карточка исчезла, но для врача и офицера она, похоже, продолжала существовать. Врач пожал плечами и поманил из коридора санитаров с тележкой. Офицер тоже удовлетворился «документом», лишь спросил:

— Куда вы его?

— В Лефортово, — ответил Горшин басом.

Врач отсоединил капельницу, залепил ранку какой-то белой массой, похожей на клей. Санитары уложили бледного до синевы Ариставу на тележку и выкатили из палаты. Горшин направился за ними, Матвей отстал, замыкая процессию.

Лифт поднял их на поверхность земли. Повернули налево в

коридор, ведущий во двор. Но уже на выходе — процедура оказалась непростой, дверей было целых три! — произошло непредвиденное. Охранник, ведавший дверями, вдруг остановил движение наружной двери, а из второго коридора торопливо вышли трое, в таких же точно костюмах, что Соболев с Горшиным, двое охранников и офицер — майор внутренних войск. По напряженной спине Тараса Матвей понял, что тот утратил контроль над ситуацией. Мелькнула догадка: за Ариставой послана делегация настоящих «фискалов» и по невероятной случайности их пути перекрестились.

— Стойте! — махнул рукой майор, в то время как спецы в штатском умело блокировали все коридоры, входы и выходы, а охранники достали оружие.

Капитан и врач, сопровождавшие группу освобождения, поглядели друг на друга, на Горшина с Матвеем, но не двинулись с места, как и санитары, катившие тележку с Ариставой. Тарас продолжал контролировать их действия в пси-контакте.

Пришло время действовать, понял Матвей и начал движение.

Противников было девятiero плюс охранник в будке на выходе, из них четверо — тренированные специально и трое в штатском с неизвестной, но наверняка серьезной подготовкой. Их Матвей оставил напоследок, решив понаблюдать за тем, как они поведут себя во время поединка.

Если кто и ожидал от него каких-либо попыток сопротивления, так только майор охраны, не тешивший себя надеждой тройного численного превосходства. Но его-то как раз Матвей и «вырубил» первым, на полупрыжке, с разворотом вправо, нанося удар точно в подвздошье. Майор, мужик лет тридцати с небольшим, отключился, успев лишь вытащить табельное оружие — «макаров» девяностo второго года выпуска. Приземлившись посреди охранников возле третьего «фискала», в штатском, Матвей «взорвался» — нанес одновременный удар всем троим, не особенно заботясь о сохранности ребер противников. Это был нестандартный ка-но ката в исполнении «импоссибл», с удлинением удара — при расчленении плечевого сустава, с выплеском энергии, и все три могучих молодца грохнулись о стены коридора, сбитые с ног, как кегли. Еще одного штатского Матвей достал в подкате, выбив ногой пистолет и тут же второй угодив в подбородок. А когда вскочил, увидел на уровне глаз зрачок мини-авто-

мата («салих», 5,56 мм): оставшийся на ногах последний штатский оказался проворнее своих коллег.

И тут в схватку вступил Горшин.

От места, где он стоял, до «фискала» с автоматом было не меньше пяти-шести метров, и тем не менее его «выдох руки» — резкий толчок ладонью, погнавший тугой, узконаправленный порыв ветра, достиг цели! Автомат от этого невидимого удара вылетел из руки штатского, и, пока тот находился в шоке от происшедшего, Матвей достал и его, уложив на пол с первого выпада.

Оставался еще охранник у двери, но им тоже занялся Горшин, придавив тяжелым взглядом до состояния ступора. Он же сам и открыл двери, пропустив санитаров с тележкой.

Погрузка в «рафик», стоявший на эстакаде, прошла без инцидентов. Лишь когда они выезжали за ворота, от центрального входа донесся крик, а в кустах слева задребезжал звонок — здесь действительно находился скрытый пост наблюдения за периметром центра.

Ехали, вернее, мчались недолго, минут десять, не говоря ни слова. Быстро переоделись в свою обычную одежду. Затем в каком-то глухом дворе перегрузили Ариставу в специально оборудованный фургон с надписью: «Хлеб», пожали шоферу руку и вышли со двора на тихую улочку, где их ждала черная «Волга» с затемненными стеклами. Горшин сел за руль, Матвей примостился рядом. Только теперь он позволил себе расслабиться, да и то не полностью, учитывая возможности соседа, продемонстрированные им в ходе операции. Тарас покосился на него, по губам скользнула понимающая усмешка.

— С почином, ганфайтер. Могу определенно сказать, что я в вас не ошибся. Мастера такого класса встречаются очень редко, «Чистилищу» повезло, что вы с нами.

— Не знаю, — глухо отозвался Матвей. — Еще до конца не определился. Есть кое-какие вопросы.

— Я готов ответить. Кстати, действовали мы без санкций руководства «Чистилища». Вернее, вразрез с их инструкциями. Нам было предписано Ариставу убрать, чтобы не заговорил.

Матвей присвистнул.

— Вот именно. Поехали куда-нибудь. Можно и ко мне, если не возражаете, живу я в районе Щелково.

Матвей подумал и согласился. Признание Горшина его ошеломило. Ехали сорок с лишним минут, не обращая внимания на посты ГАИ: у «Волги» был «крутой» номер — четыре шестерки и

три буквы М, означавшие ее принадлежность к властным структурам.

Тарас жил в собственном доме на окраине нового массива, в зеленой зоне Щелково. Дом был окружен лесом, а обрабатываемый участок с плодовыми деревьями и огородом не превышал пяти-шести соток, зато был тщательно ухожен и содержался в идеальном порядке, как и дом недавней постройки, больше смахивающий на коттедж финской планировки. В доме было пять комнат и кухня, но Тарас их не показал, проводив гостя в большую гостиную, от убранства которой Матвей буквально обалдел. Выполненная в готическом стиле, она представляла собой, по сути, каминный зал в каком-то рыцарском замке с великолепной коллекцией старинного оружия и лат.

Соболев подошел к стене, задрапированной сине-фиолетовым бархатом, снял с подвески длинный обоюдоострый меч, с восхищением оглядел рукоять, тускло блеснувший клинок. По желобку клинка вилась затейливая вязь старинных русских букв, складываясь приблизительно в такие слова: «Не обнажаша напрасно».

— Тринадцатый век, — сказал Тарас, наблюдая за гостем. — Меч русского князя Волеслава.

Матвей крутанул меч красивым кистевым вывертом, так что тот с шипением разрезал воздух, вложил в ножны и повесил на место. Проговорил словно извиняясь, с улыбкой:

— Я не мастер кэндо, но всегда тяготел к холодному оружию, особенно к мечу.

— Наследственность тяжелая, — пошутил Тарас, приглашая гостя сесть. — Мастер не мастер, а держишь меч профессионально. Что будем пить?

— Кофе, если можно.

Горшин кивнул и вскоре принес на подносе чашки из тонкого китайского фарфора и турку, разлил кофе по чашкам. Сели в старинные, из темного дерева, кресла.

— Итак?

Матвей отхлебнул глоток ароматного напитка.

— Кто вы? Я имею в виду, что обыкновенный человек не владеет внушением в такой мере, как вы. Это первое. Второе: что такое Внутренний Круг? Вы упоминали этот термин, называя себя человеком Круга.

Горшин тоже глотнул кофе, глянул на гостя, и тому вдруг показалось, что на него посмотрел не человек, а гора, а может, и вся

планета, неизмеримо большая, тяжелая, полная загадок и тайн. Наваждение тут же прошло, но Матвей понял, что это и был ответ.

— Вы что-нибудь читали об эзотерическом наследии человечества?

— Маловато, — признался Матвей после короткого раздумья, хотя литературы набрал достаточно. — Но я все-таки начал читать. Что касается эзотерического знания... это что-то вроде накопленного веками знания, которое скрывали от людей. Так?

— Не вроде — это подлинное знание, которое накапливалось десятками и даже сотнями тысяч лет и передавалось из поколения в поколение в узком кругу Посвященных. Дело в том, что человечество намного старше, чем принято считать, ему по меньшей мере полмиллиарда лет. На Земле сменяли друг друга многочисленные цивилизации, неизвестные нашей истории. Некоторые из них более высокие по уровню, чем наша, но от них не осталось и следа. Только приобретенные ими знания, которые хранятся в особом рода школах.

— Внутренний Круг?

Горшин кивнул.

— И вы?..

— Я один из Посвященных, человек седьмого плана... ну, об этом мы еще поговорим. Я пока учусь. — На лицо Тараса набежало облачко. — Знание и дает силу, способную управлять движением материи во Вселенной.

Матвей некоторое время размышлял.

— Тогда зачем это вам, суперу, Посвященному, возня с бандитами, чиновниками, вообще земные дела? Не мелко ли это для человека Внутреннего Круга?

Теперь замолчал Горшин, уйдя в глубины памяти, по лицу его бродили тени эмоций, возбужденных воспоминаниями. Наконец он заставил себя вернуться к реальности, и взгляд его стал холодным как лед.

— Пожалуй, вы правы. Но я занялся «земными делами» не без причины. Когда-нибудь расскажу. Я человек, только с большим спектром возможностей. Как и вы, кстати. Вы паранорм, человек шестого плана Круга, хотя ничего об этом не знаете. Это врожденный дар, очень редкий. Отсюда и ваши успехи в разных областях жизни, в том числе — в боевых искусствах, я имею в виду ваши способности ганфайтера, супермена и волкодава, которые реализуются с помощью особых состояний типа сатори или ту-

рийи, с помощью выхода за пределы пяти чувств. Вы не заметили за собой ничего странного?

Матвей вспомнил свои сны, однако поостерегся посвящать в них малознакомого человека. Покачал головой. Горшин понял, допил кофе, унес чашки.

— Что еще вас тревожит?

— Многое. Насколько я знаю — по книгам, естественно, — Внутренний Круг — это как бы человечество внутри человечества, его бессмертная душа, где хранятся все достижения, результаты, успехи всех культур и цивилизаций. Так?

— Почти так. Однако люди не рождаются внутри этого Круга, и главная задача его членов заключается в подготовке своих последователей, учеников.

— У вас тоже есть ученики?

— Нет, — как-то неопределенно ответил Горшин. По всей видимости, вопрос был ему неприятен.

— Да, вы меня озадачили, хотя нечто подобное я ожидал услышать. Уж слишком точно вы определили места наших «нечаянных» встреч. Каким образом, кстати?

— Это достаточно просто, ведь за каждым человеком тянется шлейф: запахи, испарения, тепловое и радиоизлучение. электрические, магнитные и биополя, инфра- и ультразвуки. Полагаю, вы тоже способны ощущать подобные шлейфы, иначе не стали бы ганфайтером. Правда, для успешной охоты на человека нужно научиться вычислять поле его возможных траекторий и выбирать наиболее вероятную. Но и об этом мы еще поговорим.

— Надеюсь. — Матвей встал. — Кто этот парень, которого мы умыкнули из больницы?

— Один из наших исполнителей. Его подставили, причем очень умело, и сделал это кто-то из спикеров.

Матвей подождал объяснения, и Тарас, тонко улыбнувшись, добавил:

— Руководителей второго эшелона, отдающих приказы по телефону. Исполнители, как правило, их никогда не видят в натуре.

— Похоже, кто-то из них пытался подставить и нас.

Горшин перестал улыбаться.

— Почему вы так думаете?

— Человек седьмого плана Круга, Посвященный, каким вы являетесь по вашим словам, не должен ошибаться. Встреча с «фискалами» в клинике — это ошибка.

— Я... — Горшин заколебался было, но оборвал себя на первом же слове. — И тут вы правы. Человек Внутреннего Круга не должен ошибаться. Если только ему не закрыли выход в... — Тарас замолчал, глаза его на мгновение стали глубокими и черными, до краев заполненными внутренней болью. — До свидания, ганфайтер. Я найду вас в ближайшее время, решайте свои проблемы. Кстати, утечка оружия из секретного «Арсенала» произошла не без участия команды Белого. Настоящая его фамилия — Шмель. Только прошу вас работать с ним осторожно. Белый — Шмель не дилетант, хороший тактик, умный и жестокий командир и великолепный знаток русбоя.

— Учту. — Матвей вышел, скрыв поднявшуюся в душе бурю чувств. Горшин знал слишком много для рядового «чистильщика», даже то, чего не должен был знать ни при каких обстоятельствах. Но для посвященного в Круг человека, обладавшего глубокими знаниями и огромными возможностями, он допускал очевидные промахи. Во всяком случае, ситуации, в которой Горшин очутился при их первом знакомстве, Матвей постарался бы избежать.

Глава 8

РАЗБУЖЕННЫЙ МУРАВЕЙНИК

Роман Ганеев, директор банка «Субвест-Инвест», убит одиннадцатого июня выстрелом в затылок. Оба его телохранителя тоже убиты. Стреляли из «АКМ» последнего выпуска.

Роберт Шпильман, вице-президент консалтинговой компании «Север-Юг», убит ножом в живот двенадцатого июня. Его шофер тяжело ранен.

Христофор Брагинский, президент ростовщической фирмы «Аладдин и К°», убит ударом в горло двенадцатого июня. Его три телохранителя нокаутированы ударами в голову.

Фима Жареный, заведующий коммерческой палаткой на Арбате, убит ударом в висок тринадцатого июня.

Самсон Абалкин, президент фирмы «Сплав-икс», занимавшейся нелегальной торговлей цветными металлами и прокатом (установлена связь с эстонскими мафиози), сброшен с двенадцатого этажа.

Жорж Голубый, директор совместного российско-голландского предприятия «Астрид», утонул в ванне в собственном коттедже...

Министр внутренних дел Жаренов Иван Кузьмич поправил очки и дочитал сводку по Главному управлению: убит, повешен, сгорел, утонул, снова убит... Всего за неделю в середине июня убито двадцать два человека, практически все — по заказу, в основном коммерсанты, наживающиеся на криминальном бизнесе, из которых половина, если не больше, уничтожена «Стопкримом», а не конкурентами. Однако не это обстоятельство завлекло вниманием министра. В сводке говорилось о массовых избиениях... омонцовцев и милиционеров! Били их жестоко — до переломов челюстей, рук и ног, но аккуратно, оставляя в живых. И каждый раз кто-то педантично сообщал в Главное управление внутренних дел о причине расправы.

Так, первого июня жертвами неизвестных боевиков стал патруль ОМОНа в Текстильщиках: шестерых здоровых парней избили до полусмерти, заманив во двор криками. Как сообщил «доброжелатель», причина крылась в действиях самих же омонцовцев, за три дня до того проверявших паспорта на рынке. У одного из мужчин отобрали паспорт — он оказался простым учителем, — завели в автобус и били дубинками вшестером, пока не устали. Якобы он «сопротивлялся». Заявление потерпевшего, отправленное на Петровку, оставили без внимания, и тогда вмешался «Стопкрим».

Второй случай произошел шестого июня: в двадцать пятое отделение милиции в Марьиной Роще вошли трое неизвестных и отметили пятерых омонцовцев и дежурных милиционеров. Причиной расправы было избиение семьи: ночью вошли трое в бронежилетах, с автоматами (выяснилось, что по ложному доносу — искали бандита), уложили пятидесятипятилетнюю женщину на пол, а когда стали укладывать мужа, тот заартачился. Сломали ему нос, ребро, женщину пинали ногами, досталось и десятилетней внучке, прибежавшей на шум. Трое били, двое наблюдали из коридора. Троице, участвовавшим в экзекуции, «чистильщики» поломали носы, челюсти и ребра, а двоим «наблюдателям» только ребра. Милиционеры отделались синяками.

Девятого июня патруль на Ленинском проспекте, двадцать пять человек, вломился в офис торгово-издательской фирмы «Глас народа» под предлогом поиска оружия. Сотрудников поставили к стенке, обыскали, избили, изъяли наличные деньги,

кассир от удара по голове получил тяжелое сотрясение мозга. Выручку забрали, прихватив кое-какую аппаратуру. А двенадцатого мая всех принимавших участие в рейде избили до крови, даже отдыхавших дома после «трудов праведных».

Были и еще случаи.

Министр снял очки, поднял глаза на начальника ГУВД, тихого, малорослого, незаметного и незапоминающегося. Тот выдержал взгляд не мигая, демонстрируя хорошую выдержку. Генерал Давидский Семен Вениаминович, начальник МУРа, тоже находившийся в кабинете, кашлянул.

— Они перестали бить по площадям, Иван Кузьмич. Теперь «Стопкрим» наносит точно выверенные удары, стремясь устранить причины, а не следствие, как раньше.

— То есть?

— Рэкетеры, бандиты и воры — вторичные криминогенные структуры, первичные же — дельцы теневой экономики, владельцы коммерческих фирм, в большинстве своем попирающие закон, отмывающие грязные деньги, связанные с преступниками напрямую. «Чистилище» выходит именно на них да на чиновников госаппарата, работающих под контролем мафии.

— Но здесь не все жертвы — коммерсанты. А наши люди?

— Среди тех, кого наказали «чистильщики», не должно быть наших людей. Бандиты в форме — это еще страшнее. Надеюсь, после таких «показательных казней» случайные люди в органах призадумаются над последствиями своего «служения народу».

— Вряд ли, — покачал головой министр. — Это же натуральное быдло... — Он умолк и снова покачал головой: — Черт знает что! Бьют защитников правопорядка при исполнении — и за дело! Как после этого проводить кадровую политику? Начать чистку рядов? Каким образом? Ведь половину состава придется уволить!

Начальник ГУВД пожал плечами, сказал тихо:

— Половину не половину, но начинать надо, и дать рекламу по всем каналам, пусть народ знает. Давно бы так, тогда никто не звал бы милиционеров «мент поганый». Но чтобы «очистить мир от скверны», как провозгласил «Стопкрим», надо перебить половину населения страны, так или иначе связанную с преступными элементами. Это уж точно. Или поменять правительство. Как известно, рыба гниет с головы.

Министр посмотрел на него с неопределенной миной, хотел

то ли возмутиться, то ли рассмеяться, но не сделал ни того, ни другого.

— Действительность такова, что криминогенным стало чуть ли не все общество, чего только не крадут — от булки хлеба или палки колбасы до гвоздей, ради того, чтобы выжить. Но спасибо, что напомнили о правительстве. Я имел два неприятных разговора с Генеральным прокурором и премьером. Оба заявили, что, если мы не уберем «Чистилище» в ближайшие сроки, придется уходить в отставку. И мне, и вам.

— А ближайшие — это когда? — поинтересовался начальник МУРа, в то время как начальник Главного управления с безразличным видом чистил ногти.

— Две недели.

Семен Вениаминович Давидский хмыкнул недоверчиво, но министр не шутил. Трое людей, хорошо понимавшие, от кого зависит их судьба, молча смотрели друг на друга.

Директор Федеральной службы контрразведки Иван Сергеевич Панов прилетел из Бишкека поздно вечером и сразу же собрал коллегую, на которой срочно решались вопросы координации с Министерством безопасности Таджикистана по усилению разведдеятельности в приграничных районах Афганистана. Уже за полночь директор отпустил начальников управлений и отделов и остался с глазу на глаз с начальником «единички» — Управления «К», то есть собственно контрразведки, Бондарем Владимиром Алексеевичем. Высокий, но сутулый, с лошадиным лицом и залысинами, Бондарь не любил сидеть и ходил кругами по кабинету, выкуривая сигарету за сигаретой.

— Да сядь ты, Владимир Алексеевич, — поморщился директор, помяв бледное лицо ладонями; он устал и был зол, но сдерживался. — Лучше еще раз расскажи, как это случилось.

Начальник «единички» послушно сел и пересказал историю похищения Ариставы неизвестными лицами. После этого они несколько минут курили, думая каждый о своем. Потом Панов глянул на собеседника, как прицелился:

— А ведь за такой прокол увольняют с пометкой «служебное несоответствие», Владимир Алексеевич. В спецклинику, охраняемую как резиденцию президента, входят двое невооруженных мужиков и спокойно уносят пациента! Как это понимать?

— Это были не просто мужики — профессионалы экстра-класса.

— Какое это имеет значение! Их было двое! Двое! Понимаешь? Против девятих. И тем не менее они сделали свое дело.

Начальник «единички» закурил еще одну сигарету, но тут же смял ее и выбросил.

— Здесь пахнет чертовщиной, Иван Сергеевич, мистикой. Охранники и врач клянутся, что ничего не помнят. По словам экспертов, это уровень сильнейшего внушения. «Мужики» оказались не только мастерами боя, но и суггесторами исключительно высокого класса, экстрагипнотизерами, так сказать. А «Чистилище» еще раз подтвердило свое реноме мощной разветвленной организации со своими отделами разведки, организации и планирования. Нет сомнений, что в его руководство входят высокопоставленные работники из нашей конторы.

— Плюс им, минус нам. Но я не понял насчет мистики. Что, гипнотизеров такого уровня не существует?

— В том-то и дело, что их мало и все они известны, в основном как врачи или исследователи. По нашим досье, на территории СНГ таких специалистов всего трое, но ни один из них, естественно, в похищении Ариставы не участвовал. Но и они, скорее всего, не смогли бы показать такую силу, какую показали «чистильщики», а это уже за гранью нормальных человеческих способностей.

Директор ФСК пшикнул в стакан содовой из сифона, выпил залпом.

— Натрави на это дело науку, да и со специалистами надо поговорить, вдруг они знают, кто проявлял такие способности.

Владимир Алексеевич снова закурил.

Зазвонил телефон. Панов снял трубку, покосился на собеседника, буркнул:

— Не сплю. — Показал пальцем на трубку: — Медведь.

Владимир Алексеевич кивнул, встал из-за стола, подошел к окнам и курил до тех пор, пока разговор Панова с начальником ГУБО, состоящий в основном из коротких фраз и междометий, не закончился.

— Все уже знают о нашем проколе, — сказал директор с мрачным неудовольствием. — В том числе и Генпрокурор. Михаил Юрьевич имел с ним неприятный разговор. С чего это он так занервничал, наш уважаемый Вадим Борисович? Неужто боится попасть в черные списки «чистильщиков»?

Начальник Управления «К» погасил сигарету.

— Знать бы их информатуру... Ну так я пойду, Иван Сергеевич? Утром представлю план опермер. Нам бы только внедрить в «Стопкрим» своего агента, остальное — дело техники.

Директор не ответил, вспоминая заверения Ивакина, что он выделил в распоряжение «губошлепов» лучшего работника. Что-то не видно и не слышно этого работника, а время идет. Когда же он начнет действовать?

Катран — это глубоко законспирированное заведение типа игорного дома «а-ля русская рулетка», наркобара или явки, где собираются столпы делового мира — цеховики финансовой элиты, банкиры, кооператоры, бизнесмены, мафиози, главари крупных рэкетирических «фирм», воры в законе, встречаются также оперативные работники высших эшелонов силовых министерств, руководители разных рангов со своей агентурой. Катран — это конспиративная нейтральная территория, где по негласным законам все встречающиеся не ведут друг против друга никаких войн и хитрых игр, кроме карточных, рулетки или бильярда. Катран — это своеобразный срез общества, отлично характеризующий отношения властных структур во всей их многосложности и противоречивости.

Московский катран, вернее, общероссийский по масштабу отвечал данной характеристике с избытком: в нем встречались крестные отцы «Купола» — новой организации, объединяющей мафию и коррумпированную часть чиновников госаппарата. Власть этой организации была уже столь велика, что могла оперировать финансами, ресурсами, сырьем, исполнителями, судьбами коллективов и отдельных личностей на уровне такой мощной структуры, как военно-промышленный комплекс. На очереди было сращение «Купола» и с этой организацией, тем более что в его руководство входили офицеры высшей военной элиты. Степень этатизма — активного вмешательства государства в жизнь общества — достигла критической отметки, соответствующей началу эры сталинизма, разве что было это не столь заметно из-за поднявшегося уровня благополучия сограждан. Ни МВД, ни даже Федеральная служба контрразведки не владели полной информацией о деятельности «Купола» и уже поэтому не могли работать против нее эффективно. Лишь легендарный «Стопкрим» решился бросить вызов госгангстерам, встряхнуть устоявшиеся

отношения, и очередное совещание «Купола» было посвящено этому обстоятельству.

Руководителей «Купола» было пятеро: один президент и четыре директора. Лишь президент, молодой, стройный, красивый, гибкий, ошутимо сильный, имеющий право решающего голоса, сменивший на этом посту прежнего крестного отца, не имел клички — все звали его, несмотря на молодость, Георгием Георгиевичем, — остальные носили имена по принадлежности к тем кабинетам, которыми руководили в официальной жизни: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф.

Летчик, бывший замглавкома ВВС, работал в Генштабе Министерства обороны, был там вторым лицом и самым молодым генералом, получившим звание в возрасте двадцати девяти лет; весной ему исполнилось тридцать. В «Куполе» он «курировал» работу военно-промышленного комплекса, а руководимый им клан контролировал до пятидесяти процентов акций ВПК.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а также — чего никто из его подчиненных и членов правительства не знал — был главным хвачманитором мафии, то есть объединял и координировал сеть ее банков.

Мэр, естественно, работал в мэрии столицы и одновременно был главным координатором «Купола» по связям с другими подобными организациями в СНГ и во всем мире. А его клан контролировал всю торговлю в Москве и других крупных городах России, кроме разве что торговли наркотиками, контролируемой «юго-западной» группировкой чечено-таджико-узбекской мафии.

Шериф, будучи «шпильевым генералом», то есть куратором силовых министерств, добрался до Генеральной прокуратуры, а посему имел особый статус дженерози — генерала внутренней разведки, то есть был вторым лицом в «Куполе», хотя явно метил в первые. Глядя на его интеллигентное, умное лицо с доброй складкой губ, не верилось, что он способен не только на выстрел в лицо, но и на удар ножом в спину. Выражаясь фигурально. Но был он куда более масштабной фигурой, чем остальные директора.

Все они, разные по возрасту, опыту, характеру, физическим и психическим параметрам, сходились в одном — жажде власти.

Кроме пятерки «Купола», на совещании присутствовал Хасан Ибрагимов, руководитель секьюрити — службы охраны и безопасности, которому Георгий Георгиевич доверял почти как

себе, хотя предпочитал критиковать любой его шаг. Именно поэтому главный секьюрмен врагов среди коллег не имел. Официальным местом работы Ибрагимов, по званию — майора, было Управление «Т» Федеральной службы контрразведки, но об этом знал только Шериф. И Георгий Георгиевич.

Совещание началось со сводки незаконченных или неудавшихся операций и перечисления виновников неудач. По сравнению с прошлым кварталом процент «нормального баланса» — соотношения удавшихся дел к срывам в результате действия сил охраны правопорядка остался прежним, но возрос процент провалов по вине «Стопкрима». «Чистилище» набирало очки и становилось второй силой в государстве после «Купола». С ним теперь приходилось если и не делиться, то считаться, что снижало эффективность работы и уязвляло самолюбие не только государственных чиновников из аппаратов силовых ведомств, но и отцов «Купола».

— И последняя акция «Чистилища», не попавшая в сводку, — закончил ровным голосом Георгий Георгиевич. — Сегодня днем «чистильщики» забрали из спецклиники ФСК своего раненого работника, некоего Ариставу. Определить, кто именно это сделал, наш секьюрмен, к сожалению, не смог. — Косой взгляд на обманчиво расслабленную фигуру сохранявшего невозмутимость Ибрагимов. — Известно лишь то, что оперов было всего трое. То есть операция была проведена на уровне А-класса, нам такие удаются очень редко.

— А не может все это быть блефом? — спросил Летчик, привычно теребя густые усы. — Для придания «Чистилищу» авторитета? Просто не верится, чтобы «фискалы» допустили такой прокол — позволили унести человека из спецучреждения, гдемышь безнаказанно не проскочит.

— Да, — кивнул Ибрагимов, — в этом деле много странного и, можно даже сказать, мистического. Вошли трое, отметили охрану из подразделения «Гамма», далеко не гражданских хлюпиков, забрали раненого и ушли. Заметьте, без единого выстрела.

— Если вы так хорошо осведомлены об этом деле, почему же до сих пор не вышли на «Стопкрим»? — спросил Банкир, поправляя золотые очки.

Начальник охраны и безопасности промолчал. Георгий Георгиевич усмехнулся:

— Все мы действуем в пределах возможностей и компетенции. «Чистилище» пока работает чище, хотя и мне непонятны

некоторые моменты их успешных акций. По-видимому, среди «чистильщиков» находятся очень неординарные люди, экстрасенсы и суггесторы, обладающие паранормальными способностями. Поэтому выйти на «Стопкрим» будет непросто. Мне пришлось задействовать свой резерв, потому что «чистильщики», похоже, вышли на нашу последнюю операцию.

— А что случилось? — полюбопытствовал Летчик.

— На базу Шмеля совершено нападение. Вернее, единичный наскок одного из «чистильщиков». Если это случайное попадание, нам ничего не грозит — выявим «чистильщика» и ликвидируем. А если нет... В общем, думайте, господа. У кого появятся дельные предложения, милости прошу, выкладывайте. А пока предлагаю расслабиться. Мы собрались здесь не только затем, чтобы обсудить возникшие затруднения. Хасан, ты свободен. Режим вечера — по второй сетке.

Начальник охраны кивнул и вышел.

— Евгений Яковлевич, у вас ничего нового по финансам? Нет? Тогда начнем.

Мэр молча вскрыл новую колоду карт: четверо из собравшихся играли в покер, а пятый, Летчик, любил наблюдать за игрой.

Точно те же данные в виде сводок по мероприятиям МВД, Федеральной службы контрразведки, ГУБО и соответствующих служб президента высветил Матвеем дисплей его персонального компа, включенного в компьютерные сети и банки данных всех спецслужб. Коды выдачи информации и файлы входа в базы данных были предоставлены Соболеву Ивакиным и начальником ГУБО Михаилом Юрьевичем Медведем лично.

Проанализировав массив поступивших сведений, Матвей занялся индивидуальным поиском. Для начала он повторно запросил машины ФСК, МВД и Минобороны выдать ему всю информацию о Горшине Тарасе Витальевиче и был неприятно удивлен, когда дисплей стал черным, а потом высветил красную тираду: «Прошу подтвердить полномочия». Матвей подтвердил, но даже код его допуска — «нон стоп» — не возымел действия, защита компьютерной сети спецслужб ответила заявлением: «Степень секретности данной информации — четыре нуля». Это означало, что Горшина в контрразведке знают, но уровень этого знания превышает возможности любого разведчика, как внутреннего,

так и внешнего. То есть, судя по всему, информация о Горшине была доступна разве что начальникам управлений да самому директору. А факт хранения в памяти машины информации о Горшине говорил о том, что кто-то из «фискалов» работал с объектами подобного типа в глубочайшей тайне, знать которую не полагалось никому.

Матвей хмыкнул, просидел перед экраном несколько минут в размышлениях и переключил поиск на других лиц. Через четверть часа он знал все об Ариставе, а также о Белом — Шмеле Юрии Степановиче, майоре спецбата «Щит» Управления «Т» Федеральной службы контрразведки. Спецбатальон подчинялся напрямую начальнику Управления «Т» генералу Ельшину и являлся, по сути, ударной силой управления, хотя предназначался для целей благородных — охраны правительственных структур и проведения антитеррористических мероприятий. Именно с него и надо было Матвею начать поиск утечки новейших образцов оружия по заданию Ивакина.

Последней в ряду профессиональных розыскных мер стояла консультация по оружию. В принципе, Матвей, обладавший абсолютной памятью, хорошо знал и помнил вооружение армий стран СНГ и Запада, но отдельные характеристики последних разработок требовалось уточнить.

Дело, ради которого его вызвали в столицу после трех лет реактивации, состояло в похищении с базы экспериментального завода «Арсенал» партии новейшего стрелкового оружия, боеприпасов к нему и специальных приспособлений типа насадок-стволов для стрельбы шаровидными резиновыми пулями, наносящими сильнейший шоковый удар, а также приборов бесшумной стрельбы «ПБС-95», подствольных гранатометов «ГП-101» и дипломат-магазинов.

Матвей внимательно прочитал скользящий по экрану текст.

Из украденного оружия особого внимания заслуживал пистолет-пулемет «ПП-93» «анаконда», оформленный в виде рации, имеющий магазин на тридцать и сорок девятимиллиметровых патронов, принадлежащий к типу оружия так называемого «скрытого ношения». Габариты «анаконды» позволяли носить его в карманах, под куртками и пиджаками, и даже под рубашками. Кроме того, было унесено двадцать автоматов «АКС-93 У» «гном» калибра 5,45 миллиметра, с магазинами на двадцать патронов, десять автоматов повышенной точности «А-93 М» под девятимиллиметровый патрон, обладающих большой эффектив-

ностью, сорок пятнадцатизарядных пистолетов «волк-2» последнего поколения — знаменитых «уравнивателей шансов» сорок пятого калибра¹, восемь пирожидкостных револьверов «удар», выстреливающих струю пламени на десять метров, а также партия девятимиллиметровых патронов, пули которых имели экспрессивную головную вакуум-полость и практически не давали рикошетов. При попадании в тело они разворачивались лепестками, увеличивая диаметр вчетверо, и обладали исключительно сильным останавливающим действием.

Матвей вернул на экран картинку с пистолетом «волк-2», качнул головой. Машинка напоминала «маузер», но выглядела более грозно и эстетично: формы ее были зализаны, безупречны и вызвали особое ощущение уверенности и силы. Эффективность подобного оружия обычно оценивается по дальности «последнего броска», то есть на расстоянии пяти-десяти метров, так вот, у тех, кто попытался бы противодействовать обладателю «волка», шансов не было! Или почти не было, если только сами они не имели подобного оружия или не обладали необходимой спецподготовкой. Матвей прикинул скорострельность пистолета, его мощь и убийную силу, покачал головой. Спецподготовкой он обладал и мог бы справиться с любым вооруженным противником, а то с двумя и тремя. но победа над соперником, вооруженным «волком», была проблематична. Вспомнилась американская поговорка: «Господь Бог создал людей слабыми и сильными, а полковник Кольт уравнил их». Да, револьверы системы «кольт» сделали свое дело, и теперь в мир входило более совершенное и мощное оружие, способное убивать быстрее и мучительнее.

Записав все полученные данные на дискету, Матвей выпил кружку кофе на кухне и задал компу последнюю задачу. Компьютер послушно выдал список необходимой литературы: труды по парапсихологии, экстрасенсорике, магии, эзотеризму и паранормальным явлениям. Потребность всерьез заняться проблемой необычных способностей человека стала непреодолимой, да и интуиция подсказывала, что в скором времени знания эти ему здорово пригодятся.

¹11,43 мм.

Глава 9

ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ

Шел пятый час после полудня, когда он закончил «машинно-математический» поиск и анализ пакета поступившей информации, наметил план действий на ближайшие два дня. Потом переоделся и спустился вниз, к машине, ждущей его во дворе. В шесть он встречал Кристину у дверей факультета с букетиком ромашек.

Оказалось, его ждали. Но не Кристина — ее поклонники: кудрявый Жорж со товарищи, двое из которых выглядели весьма впечатляюще, занимаясь, очевидно, бодибилдингом по методу Шварценеггера.

— Эй, малый, — поманил один из них пальцем Матвея. — Тут к тебе разговор имеется.

Матвей послушно подошел.

— Не ходи сюда больше, — сказал Жорж с кривой ухмылкой. — Эта девушка не твоего круга, понял?

— А какого — Внутреннего? — спростодушничаЛ Матвей, вспомнив изречение Ильи Муромца. — А болт с левой резьбой и очень мелкой насечкой тебе случайно не нужен?

У кудрявого красавца брови полезли вверх, глаза сузились, ноздри раздулись.

— Шутить вздумал? — прошипел он. — Ну, смотри, ты сам этого хотел.

Его удар Матвей мог перехватить двадцать раз, как и удар первого «Шварценеггера», но в этот момент из дверей выпорхнула Кристина, и Соболев изменил намерения. Отвечать на замахи и жу-у-уткие по силе удары телохранителей Жоржа он не стал, продемонстрировав танец уклонов и сложных текущих переходов, в результате которого оказался за пределами «ринга» с пятеркой бойцов. Лишь одно он позволил себе с удовольствием — мимолетную хлесткую пощечину Жоржу, надолго оставившую след. Кристина ничего не поняла, хотя и с подозрением оглядела растерянную компанию Жоржа, застывшую в характерных позах. Подхватила Матвея под руку:

— Куда идем? Предупреждаю: я жутко голодная!

— Тогда едем в «Дели». Кстати, экзамен сдала?

— Спрашиваешь. Но я не хочу в Индию. Я умру с голоду по пути.

— «Дели» — индийский ресторан, где очень прилично кормят и обслуживание по первому разряду.

Шокированные происшедшим, ничего не соображающие компаньоны Жоржа не стали преследовать «объект устрашения».

Элитный зал ресторана «Дели», рассчитанный на двадцать человек, был невелик и уютен и обслуживался индийцами, хорошо говорящими на русском языке. Матвей хорошо знал метрдотеля, с которым жил когда-то на одной лестничной площадке, и их с Кристиной сразу пропустили. Из четырех пар, вкушающих яства индийской кухни, только они двое были одеты по-летнему, остальные выглядели как дипломаты на приеме или, что того хуже, бизнесмены с вечерними дамами.

Кристина сморщила носик, и Матвей обеспокоился:

— Если не нравится, давай найдем что-нибудь получше. У них здесь есть даже диннер-театр.

Кристина рассмеялась, понизила голос:

— Я не избалована ресторанами, хотя вовсе не против «пожить красиво». Но снобизмом не болею. А что такое диннер-театр?

— Ресторан, где во время ужина происходит театральное представление. В большом зале «Дели» в основном поют и танцуют. Хочешь, пойдем туда.

— Нет-нет, я хочу посидеть в тишине. Кстати, у меня есть деньги, стипендию получила...

Матвей легонько сжал локоть девушки и усадил ее за столик у стены, рассчитанный на две персоны. Официант, смуглый улыбающийся индеец, подошел тотчас же.

— Добрый вечер. Слушаю вас внимательно. — По-русски он говорил с заметным акцентом, но слов не коверкал.

— Принесите то — не знаю что, но подешевле, — пошутил Матвей.

Кристина прыснула. Официант уловил только смысл слова «подешевле» и приготовился было к ответу, но Матвей успел его остановить:

— Извините, накройте нам стол по полной программе.

— Понял, — оживился индеец. — С вином, водкой, коньяком?

— Шампанское есть?

— Найдем.

— Тогда несите.

Официант отошел. Клиенты ему явно понравились.

— Подождем немного, — сказал Матвей. — Почти все блюда у них готовятся после заказа, редкое подогревается.

— Ты здесь часто бываешь?

— Подразумевается — «с красивыми девушками»?

Кристина засмеялась. От ее тихого смеха и даже улыбки бросало в жар.

— Ты невероятно догадлив.

— Нет, не часто. По правде сказать, я здесь всего третий раз, хотя индийскую кухню люблю. Я вообще люблю хорошо поесть. Особенно сладкое, острое и перченое. Это один из моих пороков.

— Ужасный порок! — Кристина достала сигареты. — Можно закурить?

«Галуаз», прочитал про себя Матвей, помедлил.

— Ты, кажется, не курила. Или решила жить по Пруткову?

— То есть?

— У Козьмы Пруткова есть изречение: «Пороки — неотъемлемая часть добродетелей, как ядовитые снадобья — целебных трав».

Кристина пристально посмотрела в глаза Матвею, потом спрятала сигареты в сумочку.

— Ладно, не буду.

— Кури, если нравится, — запротестовал он. Подумав, добавил с улыбкой: — У каждой Машки свои замашки: одна любит чашки да ложки, другая пряжки да сережки.

Кристина нахмурилась, надула губки, но не выдержала и снова рассмеялась — зазвенели хрустальные колокольчики; оглянувшись, прикрыла рот рукой.

— Ой, я так громко!.. Но Машкой меня еще никто не называл. А ты хорошо знаешь русский фольклор.

— Даль знал его лучше. Впрочем, филолог я или не филолог?

— А если серьезно, где ты работаешь?

Матвей не успел ответить: официант принес заказ.

«Полная программа» индийской кухни состояла из горячего ржаного хлеба нан в виде лепешек, сик-кабаба — разновидности шашлыка из рубленой баранины, кари в масале — овощей в густой подливе, рамсати райса — риса, сваренного вместе с горохом, с обжаренным луком и специями, гуши — жареных грибов, фруктовых соков и кульфи — знаменитого индийского мороженого, приготовляемого из топленого молока.

Пока Кристина жмурилась от удовольствия — вкусно! — и насыщалась, Матвей просветил ее по части индийских специй и

пряных трав, использованных в блюдах. Девушка знала только черный перец и корицу, Матвею же были известны десятка два, в том числе красный перец чили, белый, зернышки кинзы, темерик, гвоздика, лавровый лист, кардамон, анис, горчичные семечки и многое другое.

Кристина осталась в восхищении как от изысканного ужина, так и от познаний партнера.

Из ресторана они ушли рано — в десятом часу вечера, и Матвей повез девушку домой, где они пили кофе, слушали музыку — хозяин любил мелодии в стиле ритм-энд-блюз и сингл, — смотрели видеоклипы и беседовали о литературе и театре. Остаться ночевать Матвей Кристине не предложил, она была благодарна ему за это и в то же время немного разочарована.

Пока он вез ее через полгорода к общежитию, молчали. А прощаясь у дверей ДАСа, Матвей задержал руку девушки в своей.

— Тебе не кажется, что могут произойти два несчастья? — задумчиво спросила Кристина. Отблеск из окон общежития падал на ее лицо, и, казалось, оно светится в темноте.

— Какие? — хрипловато осведомился Матвей.

— Первое — ты влюбишься в меня, второе — я в тебя.

Матвей помолчал, потом шепотом произнес:

— Второе — трагичней.

Мгновение девушка вглядывалась в него загадочными бездонными глазами, поцеловала в губы и скрылась за дверью второго корпуса ДАСа, то и дело впускающей и выпускающей стайки студентов. А у Матвея свело скулы, как от легкого электрического разряда, и губы долго хранили ощущение фиалковой свежести и родниковой чистоты.

Стадия полного расслабления длилась более двадцати минут, и, как всегда в конце ее, Матвей слышал тихие голоса, пронизывающие пространство и время и его самого; смысл слов ускользал, терялся в ассоциациях и шумах психического «ветра», но в последнее время Матвею стало казаться, что голоса эти принадлежат тем самым божественным существам, инфарху и его спутнице, которые приходили к нему в его эзотерических снах.

— Дей, — расслышал он последнее слово. Прошептал в ответ:

— Повторите, я не понял...

Но ответом было лишь глубокое космическое, всеобъемлющее молчание, чей язык не понимал не только Соболев, но и ни один человек на Земле.

Очнувшись, он уселся на ковре в позе «лотос», перешел на глубокое дыхание — один вдох, один выдох на пять-шесть минут и принялся созерцать свою внутреннюю вселенную, достаточно сложную и богатую, полную тайн и намеков на ответы: это помогало найти душевный резонанс и достичь нужной концентрации психики. В памяти всплыли детали предстоящей операции, выстроились в ряды и блоки, образовали стройную пирамиду условий и вариантов. «Проиграв» операцию на образно-чувственном уровне, Матвей подключил психофизические механизмы реализации и добился устойчивой аналгезии — полной нечувствительности к боли. Рывком — через пальцы ног — встал. Душа была полна уверенности в благополучном исходе дела, а тело — сил и энергии. Хотелось двигаться, что-то делать, жить активно, интенсивно и быстро.

Не удержавшись, Матвей прыгнул без разбега через диван и тут же через журнальный столик с вазой, бесшумно сел в кресло, еще хранившее тепло Кристины. Силой воли отбросил ее образ, зашел в ванную. Из зеркала во всю стену смотрел на него высокий, поджарый, смуглый и скуластый молодой человек с уверенно-жестким и пристальным взглядом льдисто-голубых глаз. На вид он не был особенно широкоплечим и мускулистым, но во всем его облике — наклоне головы, в жестах — чувствовалась огромная скрытая сила и хищная готовность к действию. Матвей сделал особое усилие — и мышцы плеч буквально затанцевали, словно жили отдельно от костей; их танец перешел на мышцы груди, живота, бедер, ног, стих у ступней. Увидели бы этот «танец» друзья, их отношение к Матвею наверняка изменилось бы.

— Хоп! — Матвей подбросил мыло, проткнул его ударом среднего пальца. — Действовать! Действовать! — вот для чего мы существуем, как говорил Фихте.

Сборы в дорогу длились до часу ночи, и, спускаясь к машине, Матвей молился, чтобы никто не встретился по пути. Ему повезло, и уже через полчаса он въехал во двор старой конфетной фабрики, приготовленной к сносу и примыкающей с тыла к зданию «Независимой федерации кикбоксинга» на улице Давыдовской, 25а.

Ночь была темная, безлунная, тихая, лишь изредка издалека доносился шум редких автомашин и звуки музыки.

Матвей выждал какое-то время, вслушиваясь в тишину, настраивая себя к грядущему напряжению. Резиденция Белого на верняка охранялась, являясь, по сути, штабом штурмового десантно-диверсионного отряда «Щит», но со стороны фабрики, похоже, никто «федерацию» не контролировал.

Развернув сумку, Матвей переоделся в черный комбинезон-трико, оставляющий открытыми лишь глаза. Усмехнулся в душе: ниндзя а-ля рюс. Забросил удобный рюкзачок с инструментом и спецснаряжением за спину, подождал минуту и выбрался из машины.

Он хорошо видел в темноте, почти как днем. Эта особенность зрения открылась ему еще в детстве, помогая в играх, а потом на тренировках.

Двор конфетной фабрики отделяла от задворок бывшего института на Давыдковской высокая кирпичная стена старой кладки. Кирпичи кое-где выщербили, и взобраться на нее не составило труда даже без «кошек» и нэкодэ¹. На стене Матвей пролежал несколько минут, оценивая обстановку, и сделал вывод, что внешней охраны центр Белого не имеет. Но изнутри явственно тянуло угрозой и предостережением. Если это и в самом деле штаб отряда «Щит», непрошеного гостя ждут неприятные сюрпризы.

Матвей вспомнил теорию Тараса об усилении результатов при увеличении риска, поморщился. Теория была верна лишь в одном случае: когда риск граничил с удовольствием, в игре. Но риск-удовольствие — это одно дело, а риск-профессия, как известно, — другое.

Задержав дыхание, он бесшумно прыгнул во двор.

Для проникновения в «Независимую федерацию» он выбрал окно одного из спортзалов, прекрасно помня их расположение. Взбираться по стене бывшего института было тоже легко, впрочем, так только казалось. Кроме того, внезапно обнаружилась первая линия охраны «федерации» — оголенная металлическая проволока на изоляционных штырьках, опоясывающая, очевидно, все здание по периметру на уровне потолка первого этажа. Матвею с трудом удалось избежать прикосновения к проволоке,

¹Нэкодэ — «кошачья лапа», особого рода перчатки с когтями и пупырчатой поверхностью.

хотя под напряжением она не находилась — играла скорее роль емкостной антенны.

Окно спортзала было забрано изнутри решеткой, но прутья ее казались тонкими, спасая стекла от случайных отскоков мячей, а не от воров и взломщиков. Матвей достал из рюкзака струнный стеклорез, сделал четыре борозды в стекле, заклеил пластырем, шлепнул на плоскость вакуум-присоски и потянул на себя — полуметровый квадрат бесшумно выпал на руки. Закрепив его рядом тем же пластырем, Матвей взялся за решетку.

К счастью, восьмимиллиметровые прутья, образующие веерообразный узор, действительно почти не оказали сопротивления. Используя эффект «несгибаемой руки», Матвей разогнул их и пролез в темное помещение зала.

Ему важно найти доказательства причастности отряда Шмеля к похищению оружия, тогда сразу отпадает первая часть задания — военной контрразведки, остальное — дело техники: он сообщит Ивакину о результате — и «Независимой федерацией кикбоксинга» тут же займутся следователи ВКР и Минобороны. Это если сведения Ивакина и Тараса верны. Если же нет, визит Матвея имел, кроме всего прочего, еще одну цель: растревожить руководство отряда, состоявшее из высокопоставленных работников контрразведки. Стоило понаблюдать за их реакцией.

Дверь в коридор была закрыта, но Матвей справился с замком в считанные секунды. У него был четкий план действий: поработать в кабинете Белого — Дадоева, найти настоящий императив-кабинет, где сидел настоящий командир «Щита» Шмель Юрий Степанович, а затем покопаться в компьютерах центра и на складах, где под видом спортивного инвентаря хранилось оружие.

Кабинет Дадоева, в котором Матвей побывал днем раньше, замыкал центральный сквозной коридор и тоже был заперт. Запирался он, к счастью, не на кодовый замок, а на самый обычный английский и не имел сигнализации, а это означало какую-то скрытую хитрость в охране важных помещений «федерации».

В кабинет зиц-председателя Матвей проник легко, обыскал его, не включая фонаря размером с карандаш, ничего особого не обнаружил — искал он, конечно, оружие — и пролистал настольный календарь с пометками. На последнем листе за вчерашний день было написано: «Авт. раскр. прият. Шимука». Надпись означала, что Белый получил задание проверить связи непокорного автослесаря Шимука. Тарас был прав: руководство отряда

«Щит» заинтересовалось визитом «защитника» Ильи Шимука, имитировавшего акцию «Чистилища».

«Говорил мне отец: не копай погреб со второго этажа, — глубокомысленно подумал Матвей. — А ведь они меня вычислят. И тогда придется или терпеть, или отбиваться с риском сорвать операцию. А может, есть другие варианты?»

Коридор был освещен всего двумя лампочками, но света хватало. Матвей метнулся по нему из конца в конец, пробуя двери. Все они открывались легко и вели в спортзалы, туалетные, душевые, игровые комнаты или в тесные кладовки. Замаскированный центр Шмеля Юрия Степановича был отменен. Матвей вернулся в кабинет Дадоева и почти сразу сообразил: книжный шкаф слева от стола с селектором был декоративным. Матвей оглядел его, кнопок и выключателей не нашел, прислушался к своим ощущениям. Затем уверенно направился к столу.

Интуиция не подвела: шкаф-дверь открывался поворотом статуэтки боксера на столе. В то же мгновение, не раздумывая, Матвей прыгнул в образовавшийся проем — сработало моментально чувство опасности — и с лета ударил охранника, — круглые от изумления глаза, ошеломленный вид, парень не ожидал сюрпризов, спал, очевидно, — в подключичный нервный узел. Придержал его, чтобы не было стука при падении. Огляделся.

Отсюда, с переходного тамбура, и начинался действующий офис отряда «Щит», оборудованный по последнему слову техники. Занимал он часть левого крыла здания, о чем никто из прохожих и посетителей «федерации» не догадывался, — все три этажа и подвал, тоже, наверное, многоуровневый, со складами и гаражом, наверняка имеющим выход где-то в соседних зданиях, если не кварталах, города.

Коридоры и холлы этой части здания скрывались в полумраке и все просматривались телекамерами. Матвей кожей чувствовал их липкие взгляды. Черное трико, превратившее его в тень для нормальных человеческих глаз, не могло спасти от приборов ночного видения. И Матвей вернулся в тупичок с охраняемой дверью (с этой стороны на двери надпись: «Запасной выход»), глянул на автомат охранника — искомый «АКС-93 У» «гном», — привел его в чувство. Рослый белобрысый парень, в пятнистой форме десантника, чуть снова не хлопнулся в обморок, когда увидел над собой жуткую черную фигуру с мерцающими ледяными глазами.

— Тихо! — Матвей зажал ему рот. — Где тут у вас пульт охраны?

— А пошел ты!..

Матвей тряхнул белобрысого так, что у того лязгнули зубы.

— Я спешу.

— Пошел ты на...

Матвей сжал горло охранника и нацелился ему в пах. Тот дернулся, заскулил. Соболев разжал пальцы.

— На первом этаже, — выдавил охранник. — Синяя дверь с полосой и с...

— Телекамерой, — докончил Матвей. — Сколько охранников у пульты?

— Трое с дежурным.

— А вся смена?

— Двенадцать на этажах. Сколько внизу, не знаю. — Охранник обрел уверенность и явно выбирал момент для нападения. Тренирован он был, наверное, не так уж и слабо.

— Спасибо. — Матвей успокоил его уколom в сонную артерию. — Поспи чуток, супермен.

Собрался и туго сжатой пружиной рванул по коридору к лестничной площадке сквозь ставший плотным воздух, только ветер свистнул в ушах.

Второй охранник прохаживался по небольшому холлу напротив лестничной площадки, не подозревая о привидении. Третий дремал у двери с лестницы на первый этаж, но оказался самым ловким, отреагировав на скрип двери заученным движением перевода автомата из-за спины в позицию для стрельбы. Матвею пришлось прыгать и бить великана (под два метра ростом, где такие рождаются?!) в полную силу. Шум от этого удара получился изрядный, но Матвей уже мчался к синей двери с металлической полосой и на бегу успокоил метнувшегося к нему четвертого по счету охранника.

На то, чтобы заклеить зрачок телекамеры над дверью, ушла секунда, а еще через несколько секунд дверь отворилась, выходящая огромного детину, выпуклого со всех сторон, похожего на борца сумо. Вероятно, он был очень силен, этот «борец», и отлично держал удар, однако нервные узлы у него располагались там же, где и у других людей. Матвею удалось уложить его ударом лянцян — костяшками пальцев в кадык.

Пока детина медленно оседал, Матвей успел ворваться в помещение охраны и с ходу отключил читавшего книгу, обалдев-

шего охранника у стены. Всего их здесь было четверо, а не трое, и пришлось удвоить темп, чтобы один из них не поднял тревогу. Двоих рядовых, игравших в нарды, Матвей вырубил одинаковыми выпадами ин тран — между бровями: первого голышом с расстояния в четыре метра, второго ногой. А с дежурным офицером-старлеем пришлось повозиться. Парень сразу встал в стойку, и с первого захода достать его не удалось. Старший лейтенант был каратеком, причем достаточно высокого класса, не меньше «черного пояса», и хвататься за автомат, лежавший на столешнице пульта, не стал.

Их танец, как сказал бы знакомый бармен Матвея, «фриджаз на грани авангарда», длился непростительно долго — почти минуту, пока разозленный Матвей не достал охранника в подкате, вложив в удар ногой всю силу. Правда, тут же взяв себя в руки, Матвей мысленно извинился перед потерявшим сознание офицером. Калечить ни в чем не повинных людей он не хотел, да и не имел права.

Одного взгляда на компьютерный комплекс было достаточно, чтобы определиться в главном: бункер охраны не имел обратной связи с командиром, иначе тот давно поднял бы тревогу. Потому что, несмотря на столь поздний час, в кабинете кто-то находился, судя по горевшему на пульте зеленому окошечку «ГК» с мигающим огоньком. Разобравшись в надписях, Матвей вывел на дисплей схему расположения комнат здания, и компьютер послушно выдал информацию о каждой из них. Идти теперь в кабинет «ГК», то есть «главкама», не имело смысла. Чтобы окончательно убедиться в причастности отряда «Щит» к похищению оружия, достаточно было проникнуть на склад, зашифрованный аббревиатурой ОСН, то есть «оборудование специального назначения», и сделать два дела: оставить там в укромном месте радиомаячок и микрофилера, включающиеся от звука человеческого голоса. Что Матвей и сделал, дав задание компьютеру открыть через пять минут кодовый замок в подвале номер три — столько времени ему понадобилось на дорогу туда и обезоружить еще двух обалдевших от неожиданности охранников.

Еще через пять минут он закрывал за собой дверь-шкаф в кабинет Белого, чувствуя неловкость в спине: во-первых, автомат «гном» и два пистолета «волк» увеличили вес рюкзака и ощутимо связали маневренность, а во-вторых, штаб отряда проснулся и повел охоту за объектом вторжения. Причем повел оперативно и

умело, что невольно отметил Матвей. Путь ему преградили уже у кабинета Белого — Дадоева.

Он не зря тренировал периферическое зрение, которое на-много увеличивало зону обзора, и мог видеть, что делается за спиной, не оборачиваясь. Выскользнув в коридор, где по-прежнему царил полумрак, Матвей двинулся было тем же путем, что и шел сюда, но уловил сзади тусклый блик и нырнул вниз и влево за выступающую из стены коридора колонну. По стене сыпануло горохом — били из автомата «гном» с расстояния в десять-двенадцать метров. И Матвей вынужден был ответить тем, что имел, — тремя звездочками сякэнов¹.

Послышались два вскрика, стрельба прекратилась. Матвей метнул туда же магниевую гранату размером с грецкий орех, чтобы ослепить противника, и прыгнул в обратную сторону. Вспышка догнала его у двери в спортзал. А за дверью кто-то попытался ударить его по голове чем-то вроде дубинки, оказавшейся прикладом карабина. Благодаря хорошо развитому чувству опасности и быстрой реакции Матвей убрал голову, и удар пришелся на правое плечо, сразу обездвижив руку. Но ударить второй раз сидевшие в засаде, а может быть, идущие по следу не успели. Видя их силуэты — трое с пистолетами и карабином, — Матвей не стал рисковать с поиском болевых точек и вырубил всех троих русским вариантом сиори, что с японского переводилось как «надломленная ветка» и означало удар ребром ладони по носу.

В проделанное им отверстие в окне пришлось прыгать ласточкой, потому что в зал вломилось человек десять сразу, все в пятнистом обмундировании, настроенные очень решительно. Однако и в палисаднике Матвея ждали «бурные аплодисменты, доходящие до мордобития». На сей раз это были девицы Белого, вооруженные плетью и кусари — боевыми цепями. Вероятно, они занимались неподалеку тренингом и были вызваны по тревоге прямо из зала.

От всего финального действия веяло театральной постановкой, игрой, предназначенной для каких-то высокопоставленных зрителей, и Матвей даже подумал: уж не снимается ли эта ночная охота на пленку? — но девицы дрались не киношно, вполне ощу-

¹Сякэн — разновидность сюрикэнов, метательных боевых пла-стин.

тимо и жестоко, поэтому пришлось в ответ действовать так же, исключив из участия в схватке уровень разумного влияния с его призывом к совести: «Это же девушки!» Помог Матвею собраться первый же удар плетью, обжегший правую руку, потихоньку обретавшую чувствительность и подвижность.

Проведя один из приемов суй-но ката в приложении к ситуации, Матвей отобрал у девицы плетть и, пробормотав: «Может ли джентльмен бить даму козырным тузом?», вытянул ее вдоль спины, так что та взвизгнула. С остальными пришлось рубиться все-р-ез и без сантиментов, потому что в данный момент это были не девушки — профессиональные бойцы и убийцы.

В конце концов Матвей, наверное, справился бы с ними и сам, но ему помогли. Все тот же вездесущий Тарас Горшин бесшумно возник из тьмы, обезвредил двух защитниц «федерации», а до того — скрытый пост охраны здания, легко отвел удар Матвея, который не сразу сообразил, кто перед ним, и помог «нинд-зе» перебраться через стену во двор конфетной фабрики.

Вскоре они были за городом. Вел машину Горшин.

Глава 10

ПРИНЦИП СИЛЫ

Туман рассеялся, и Матвей оказался на зеленой равнине, окруженной цепью голубых гор. Посреди равнины лежал гигантский лев, а рядом стояла женщина невиданной красоты, увитая гирляндами странных дымящихся цветов. Платье ее было — роса, волосы — облако света. Женщина, совсем юная, и тем не менее именно же н щ и н а, а не девушка — так видел Матвей, — спокойно и уверенно поглаживала морду льву, а тот изредка лизал ее пальцы, открывая огромную розовую пасть.

Матвей приблизился, ощущая стеснение и поднявшееся в груди волнение. Сердце забилось тревожно и неровно. Это была она — сподвижница инфарха. Откуда взялась эта уверенность, Матвей не знал. Женщина смотрела на него задумчиво и строго, но вдруг улыбнулась, когда он замедлил шаги. В просиявшей улыбке ее промелькнули черты Кристины и еще какой-то женщины, до боли знакомой, может быть, матери, а может, какой-то из Мадонн или знаменитых женщин, известных всему миру по полотнам Рафаэля, Микеланджело, Леонардо.

Лев поднял голову, предостерегающе заворчал, глядя на Матвея умными глазами, но женщина тронула пальцами его нос, и лев покорно уронил голову на лапы.

— Это тайдзокай¹, — прозвучал с небес громовой голос, так что содрогнулась равнина, и в небе проступил лик инфарха. — А вместе с ним принцип силы. Постигни весь его смысл, и ты поднимешься на вершину силы.

— Сила бывает разная, — пробормотал Матвей.

— Нет ничего сильнее любви. Только любовь в состоянии победить зло. Ненависть порождает ненависть, зло порождает зло. Всегда ли ты действуешь во имя любви?

— Н-нет, — с трудом выговорил Матвей.

Женщина опечалилась.

— Мы слишком многого хотим от него, инфарх. Ведь он даже не дошел до Тропы.

— Не познав любви, нельзя постичь Вечности.

— Сила Вечности окутана тайной даже для Посвященного. Ему же пока рано приоткрывать завесу тайн — всему свое время. Я вижу у него стремление. Стремление к слиянию желаний и дикой, не осознающей пока себя силы. Он должен прозреть.

— Я этого что-то не вижу, но... стучащему да откроется!

С громом раскололась земля, поглощая женщину со львом, и Матвей проснулся.

Первые мгновения после пробуждения он еще помнил сон и всю глубину понимания происходящего, но уже через несколько секунд словно туман пал на картину с женщиной и львом, скрыл детали, затушеввал ее лицо и лицо инфарха, погасил огонь взаимного интереса, размыл смысл сказанного. И сон скользнул в бездну неосознанной психики, утонул в колодце огня и тьмы, который представлял собой нераскрытые запасы души человека по имени Матвей Соболев.

Чуть не заплакав от бессилия, Матвей потянулся к стопке книг у изголовья кровати, среди которых были труды Успенского, Раймонда Люлла, Гвайта и Элифаса Леви, но передумал. Женщина, коллега инфарха, кто бы она ни была на самом деле, абсолютно права: всему свое время. Он действительно не готов.

Подумав так, Матвей удивился и обрадовался: кое-что он

¹Т а й д з о к а й — сфера «чрева-хранилища», материальный аспект мира в китайской философии Дао.

все-таки помнил! А это уже шанс, значит, когда-нибудь он запомнит все и найдет свою Тропу. Успенский, похоже, не нашел, хотя и знал, что и где искать. А ведь он был великим философом и эзотериком, недаром создал свою модель Вселенной, отличную от всех общепринятых и, может быть, наиболее близкую к Истине.

Матвей подошел к окну спальни.

Было раннее утро, солнце встало, но еще пряталось за дальними домами. «Хочу дождя», — подумал Матвей. Однако небо светилось голубизной и не предвещало изменения погоды, лишь над горизонтом догорало одинокое облачко, похожее на НЛО. Вспомнился разговор с Тарасом после того, как они выехали за Кольцевую дорогу и остановились в перелеске за Измайловским лесопарком.

— Поздравляю. — Горшин наконец соизволил глянуть на безмолвствующего пассажира, лежащего в расслаблении на заднем сиденье. В темноте Тарас видел так же хорошо, как и днем. Матвей же различал только смазанное белое пятно вместо лица, хотя мог бы после соответствующей подготовки включить резервы зрения и видеть более отчетливо. Но напрягаться не хотелось.

Молчание становилось в тягость, Матвей шевельнулся.

— Я добыл доказательства...

— Знаю. Не думал, что ты так скоро пойдешь туда. Риск этот был не оправдан, спешить тебе некуда. Надо было предупредить, пошли бы вдвоем.

Помолчали. Шел уже четвертый час ночи, и небо на востоке посерело.

— Нам надо поговорить.

Горшин перестал изучать лицо Соболева, качнул головой, понимая, о чем речь, отвернулся к баранке руля.

— Рано. Ты не готов. Не беги быстрее, чем думает голова. Во-первых, ты не изучил всю доступную тебе информацию, во-вторых, «Чистилище» не относится к организациям-самоубийцам. Люди, живущие по формуле: выигрывает тот, кто умирает последним, нам не нужны.

— Я тоже не живу по этой формуле.

— Тем не менее торопись. Ивакин не одобрил бы твой последний «штурм унд дранг».

Матвей дернулся:

— Ты его... знаешь?! Откуда?

— Знаю. — Горшин улыбнулся в темноте. — Я очень комму-

никабельный. Коммунибабельный, как сказал бы один мой знакомый. Кстати, эта твоя девица...

— Стоп! — негромко сказал Матвей, поднимая руку, и Тарас послушно умолк. — Данная тема не подлежит обсуждению.

— Хорошо. Но все-таки прими совет: если хочешь ей добра, не появляйся с ней в местах, где вас могут запросто убрать. Теперь о делах. У нас произошла утечка информации, подтверждающая мой вывод: Костя Аристава подставлен был не случайно.

— Как он там?

— Нормально, выживет, парень крепкий, и врачи у него хорошие. Так вот, надо ликвидировать утечку, и сделаешь это ты. Согласен?

— Нет.

Горшин оглянулся, некоторое время смотрел на него, и Матвей не без раздражения добавил:

— Я не хочу и не буду работать вслепую. Если доверяете мне, выдавайте весь пакет информации. Во-первых, о самом «Чистилище»: кто руководит, на каких принципах, иерархия структур, управление исполнителями, тактика, стратегия, планы. Во-вторых, представьте доказательства того, что человек виновен в утечке информации и заслуживает «гашения».

Горшин тихо рассмеялся:

— Да, я оценил тебя верно. Или все — или ничего, так? Но ведь ты и без того, имея допуск «нон стоп», ходишь по каналам закрытой информации контрразведки, ГУБО, МВД, Минобороны.

— Этого мало. К слову, «Чистилище» они знают лишь по результатам его деятельности, прямых сведений нет.

— Что ж, в устах профессионала это похвала. Но и мы — люди, способные ошибаться. Поговорим о твоих аппетитах в другой раз. Я пока не уверен, что стоит доверять ганфайтеру сведения об организации, которую он способен развалить.

Теперь уже улыбнулся Матвей, через силу:

— Постараюсь этого не делать. Как мы встретимся?

— Я найду тебя сам. Переодевайся, «ниндзя», я заберу твоё снаряжение и оружие, въезжать с ним в столицу сейчас нельзя. «Щит» — это тебе не линейная милиция и даже не ОМОН. Шмель наверняка перекрыл въезд военной автоинспекцией, сочинив байку о террористах, — возможности у него имеются.

Матвей заколебался было, но оценил совет и согласился. Че-

рез минуту Тарас исчез в кустах, бросив напоследок тихое «чао». Видимо, у него был запрятан неподалеку автомобиль.

И снова темное ознобливое чувство глубины охватило Матвея. Этот человек знал каждый его шаг и рассчитывал варианты событий с поразительной точностью. Человек Круга... Кто же он на самом деле, человек Внутреннего Круга? Или прав Успенский: и Горшин — один из эзотерических Учителей, посвященный в тайное знание прошлых цивилизаций Земли? Если да, то что, черт побери, он делает в «Чистилище»?!. Зачем ему этот вид деятельности?..

— Зачем? — вслух повторил Матвей, обнаружив себя у окна спальни в одних плавках. — Странно это, странно это, быть беде... как поется в одном старинном водевиле. Ладно, поглядим.

В течение последующего часа Матвей занимался тренингом, принимал душ и завтракал, после чего отправился по делам, предварительно позвонив Ивакину и услышав в ответ: «Московское время — шесть часов сорок минут». Это означало, что встреча состоится вечером в одной из квартир, принадлежащих военной контрразведке, но не дома у Соболева.

Первым делом он заехал в больницу к Илье, купив по дороге два кило яблок, кило салями и копченого угря, до которых Илья был весьма охоч. Муромец был в добром — для раненого — здравии и даже пытался шутить. Поговорили о кинологии, которой Илья увлекался с детства, держа дома собаку — красивого и здорового, ростом с теленка, добермана. Потом Матвей как бы невзначай сказал:

— Тебе надо было держать собаку в мастерской, вряд ли рэкетмены сунулись бы туда. Но теперь можешь работать спокойной.

Илья поднял густые брови, с любопытством глянул на посетителя. В пижаме с цветочками он выглядел как дредноут, гримированный под прогулочный катер.

— Тебе что же, удалось договориться с ними?

— Удалось, — скромно ответил Матвей.

— Без милиции?

— Обижаешь.

Оставив озадаченного Муромца прикидывать, как все это выглядело в натуре, Матвей поехал на встречу с заместителем начальника ГУБО Николаем Афанасьевичем Зинченко.

Встреча состоялась в парке у Сокольников, на берегу пруда, заросшего лилиями, за стеной кустарника. Место выбирал Мат-

вей и, прежде чем появиться в этом дивном уголке природы, внимательно оглядел всех гуляющих и даже обошел пруд, заходя к месту свидания с другой стороны.

Зинченко сидел на траве без рубашки и читал газету. Он не слышал, как подошел Матвей, но на его появление реагировал спокойно, без эмоций: просто отложил газету, глянул на Соболева снизу вверх и сказал:

— Доброе утро. Вы точны, как часы «Командирские».

— Здравствуйте. У меня мало времени. Я вышел на «Чистилище». — Матвей не стал уточнять, что «Чистилище» само вышло на него. — Мне нужны удостоверения офицера ГАИ, офицера ОМОНа, а также сотрудника ФСК и милиции.

— С контрразведкой сложнее, но сделаем. На какую фамилию?

— На разные, не бросающиеся в глаза, но труднопроизносимые. Скажем, Бутромеев или Шаромыжский. Кроме удостоверения Федеральной контрразведки — его сделайте с моей фамилией. Документы принесете сюда же завтра к шести вечера. После этого связь будем держать только по телефону.

— Кто он? Я имею в виду того, на кого вы вышли.

— Я знаю только факты его работы на «Стопкрим». Похищение Ариставы из спецклиники «фискалов» — его акция. Надеюсь в скором времени выйти на руководство организации. Кроме того, я имею факты противозаконной деятельности спецбатальона «Щит».

Зинченко встал, накинул рубашку, хмыкнул.

— «Щит» нам не по зубам. Вы хоть представляете, о чем говорите? «Щит» — это подразделение ФСК для борьбы с террористами и охраны правительства.

Матвей сухо усмехнулся:

— Неужели? Доказательства о криминальной сущности батальона я представляю. Мне нужны кое-какие уточнения по его функциональным векторам и управлению. Кто руководит им? Кто из высших чинов ФСК дергает за ниточки? Сам Ельшин или кто-то рангом пониже? Кто курирует его работу из шишек правительства?

Заместитель начальника ГУБО покачал головой:

— Даже шефу это будет трудно сделать. Но попробуем. В свою очередь, могу сообщить, что нам стало известно о «конгрессе» — собрании «Купола» на территории одного из катранов. То есть на...

— Не переводите, с терминологией я знаком. А по какому поводу собирался «Купол»?

— Повод для всех сейчас один. — Зинченко улыбнулся: — «Чистилище». Ни для кого не секрет, что «Стопкрим» вплотную подобрался к дельцам теневой экономики, столпам мафии и коррумпированным чиновникам из высших властных структур. А это уже уровень правительства и президента. Если «Чистилище» доберется до святой святых «Купола», страна содрогнется. А может быть, и весь мир. Потому что произойдет смена власти, возврат к тоталитаризму и культу насилия.

Матвей отрицательно качнул головой:

— Насколько я осведомлен, у «Чистилища» другие планы.

— Цель у всех подобных организаций одна — абсолютная власть! Сейчас «Стопкрим» занят уничтожением вероятных соперников, и только, а для манипуляций общественным мнением делает вид, что борется за социальную справедливость, наказывая преступников.

— Не уверен, что вы правы, но дискутировать пока рано. У вас все?

— Наши люди узнали телохранителя премьер-министра, который, как оказалось, охраняет еще и одного из столпов Купола. Бывший «черный пояс». Выводы делайте сами.

— Неужели премьер — в «Куполе»?

— По нашим сведениям, нет, хотя мы всего знать не можем. Как говорится, премьер — сам «купол», зачем ему делить с кем-то власть? Фамилия охранника Залупыйченко, найдете?

Матвей невольно фыркнул:

— За такие фамилии судить надо.

— Он украинец, работал с одним из вице-премьеров, тоже хохлом, помните?

— А-а, вот о ком речь. — Матвей вспомнил скандальную историю смены гражданства — Украину на Россию — известного генерала. — Значит, пан Залупыйченко сбежал к нам с этим вице-премьером, устроился в охрану правительства, а затем нашел работу и у мафии? Силен!

— Но мы не уверены.

— Хорошо, проверю. Теперь все?

— Практически.

— Тогда до связи.

Матвей бесшумно нырнул в кусты за спиной Зинченко и еще

раз проверил: никто за этим районом парка не следил, пси-фон вокруг не создавал волн тревоги и подозрительности.

Обедал Матвей в кафе на Пречистенке, заказав куриный суп, блины с вареньем и кофе. Две девицы за соседним столиком хотали на все кафе, строили посетителям глазки, в том числе и Матвею, потом попросили закурить, а так как Соболев не курил, интерес к нему иссяк. Вспомнив расставание с Кристиной, Матвей подивился тому, как разнится ее воспитание с воспитанием юниц, красивых, хорошо одетых, ухоженных, но с диким ветром в головах и лексиконом лагерника, и, пока ехал в Националку, думал об этом как о явлении деградации общества, но сам же себя высек, фигурально выражаясь, потому что повторял чьи-то слова. Потом вспомнил: все русские философы в свое время рассуждали о деградации человечества и неизбежном его вырождении как о явлении глобального масштаба. Человечество как инстинктивно-разумное сообщество вымирало, шла волна накопления отрицательных факторов, до качественного скачка осталось не так уж и много времени, и не было в мире сил, способных остановить этот процесс. Кроме Посвященных, людей Внутреннего Круга, если верить герметикам или тому же Успенскому. Почему же они не вмешаются, если тоже зависят от тенденций регресса? Или не хватает могущества?

Матвей пожал плечами. Ответ мог дать только Горшин, человек Круга, а он делиться знаниями не спешил.

У двери в библиотеку Соболев столкнулся с двумя юными интеллектуалами в одинаковых майках с изображением задницы, но в разных штанах: один в сиреневых, другой в ярко-желтых. Кроссовки «Рибок» довершали их наряд плюс зеркальные очки-«консервы» на пол-лица. Матвей посторонился, но один из аборигенов небрежно двинул его плечом:

— Глаза потерял, что ли?

— Может быть, — спокойно ответил Матвей, — а ты — разум. Или его вовсе не было, с рождения?

— Чего? — изумился интеллектуал «желтые брюки». — А ну повтори!

— Вот видишь, у тебя еще и со слухом плохо. — Матвей двинулся дальше, но обладатель желтых штанов решил проучить наглеца и двинул его кулаком в голову сбоку. Вернее, в то место, где она должна была быть. Матвей мягко и плавно, очень просто, если смотреть со стороны, даже вроде бы лениво ушел и от удара, и вообще от агрессивной пары и скрылся за дверью. Преследовать

его не стали, пыл ребят быстро погас, когда они остались одни, а клиент буквально растворился в воздухе.

В читальном зале библиотеки Матвей просидел два с лишним часа, дочитав не издаваемый в России с конца девятнадцатого века труд Гихтеля. Поскольку потребовалось некоторое изменение плана действий в связи с поступившей от Зинченко информацией, Матвей вернулся домой и сел к терминалу. Дисплей послушно высветил ему данные по вице-премьеру, а потом по его охране. Охранник по имени Александр и с фамилией Залупыйченко значился в списке под номером первым. Жил он в Сокольниках, один в двухкомнатной квартире, женат не был и детей не имел. Шел ему двадцать девятый год.

Матвей внимательно изучил досье на парня, любителя застольных игр и женщин, а также денег, запомнил его физиономию и фигуру — громила будь здоров! Не красавец, но мужик.

— Шурик, — вслух сказал Матвей, а про себя добавил: что ж, посмотрим, каратек, какой ты «черный пояс». Матвей по опыту знал, что такие здоровяки боятся боли и крови, хотя в жестокости перещеголяют кого угодно. Судя по физии, господин Залупыйченко не был отягощен ни умом, ни совестью, что упрощало подходы к нему.

В семь вечера Матвей приступил к обычной тренировке и в девятом часу закончил. После этого он поехал на встречу с Ивакиным.

Полковник ждал его в доме на Варшавском шоссе, в квартире, в которую можно было попасть только через кишкообразный коридор с десятком дверей, принадлежащих жилищно-эксплуатационной службе района. Несмотря на то что на нужной двери висел пудовый замок и табличка: «Котлонадзор. Посторонним вход воспрещен», она открылась сразу же, как только Матвей подошел к ней вплотную. Явочная квартира была оборудована по современным требованиям, в том числе и телекамерами, и компьютерной системой охраны.

Ивакин, в черной рубашке и джинсах, пожал руку гостю и пригласил его к журнальному столику с напитками. Сели в кресла, поглядывая друг на друга. Борис Иванович налил себе пива, Матвей — кока-колы.

— Говорят, «Чистилище» провернуло операцию освобождения своего работника, — начал Ивакин.

Матвей хлебнул колы, поморщился, налил себе в другой бокал прозрачного, как слеза, «дистрофика».

— Говорят, кто-то побывал в офисе управления охраны, то есть батальона «Щит», — продолжал Борис Иванович будничным тоном, — и наделал там шороху.

Матвей отпил пару глотков напитка, кивнул, оценивая его вкус.

— Говорят, по поводу деятельности «Чистилища» в ближайшее время соберется Совет безопасности. — Ивакин допил свое пиво, пососал брюшко вареного рака. — Речь пойдет также еще об одной организации, очень интересной. О «Куполе».

Матвей наконец оторвался от бокала, глянул в пронизательные иронично-спокойные глаза полковника.

— Да, информация у нас поставлена неплохо.

— У кого — у нас?

— У военной контрразведки. — Матвей остался невозмутим. — Продолжим тему. В освобождении Ариставы участвовал и я, на правах исполнителя. Таким образом, я уже работаю на «Чистилище», хотя знаю только одного человека. — Матвей помолчал. — Очень неординарного. Но буду, наверное, знать всех.

— Не сомневаюсь. Только не слишком ли быстро ты внедрился в «Стопкрим»?

— Я не внедрялся — меня просто вычислили и предложили работать на них. В общем, о моей причастности к СМЕРШу, как оказалось, знает, кроме вас и Анатолевича, по крайней мере еще один человек.

Ивакин крикнул, откинулся в кресле. Матвей поспешил его успокоить:

— Я не могу винить в утечке информации ни вас, ни начальников ГУБО. Человек, который вышел на меня и предложил работать на «Чистилище», скорее всего живет за гранью пяти чувств. Но об этом мы поговорим позже, я и сам еще не все понимаю. Батальон «Щит» потревожил я. Вывод: в похищении оружия из «Арсенала» участвовала команда «Щита». Я оставил на складе маяк и филера ММ, изъяв в качестве вещдока автомат «гном» и два пистолета «волк-2». Кстати, навел меня на «Щит», вернее, дал точные координаты тот же сотрудник «Чистилища».

Ивакин покачал головой:

— Навел тень на плетень... извини, это я себе. Честно говоря, таких удач я не понимаю. А если не понимаю — боюсь.

— Сэлф мейд, как говорят американцы: удача делается собственноручно. «Щит» теперь ваша забота. А у меня появился ре-

альный шанс укусить мафию. Иными словами, я попробую выйти на «Купол».

Ивакин молча выпил еще бутылку пива, поковырял остатки раков, отодвинул тарелку.

— Вообще-то, если дела обстоят так, как ты говоришь, можешь в любое время сойти с дистанции. Задание выполнено до команды «в ружье», естественно, свидетелей брать придется живыми. Дикой не хочет тобой рисковать и предложил дать «губошлепам» отбой.

Матвей посмотрел на Ивакина сквозь бокал.

— Борис Иванович, вы знаете меня достаточно хорошо...

— Потому и не согласился с шефом. Во-первых, ты первый перестанешь себя уважать, уйдя в тень, а во-вторых, руководители ГУБО поверили в тебя.

Неожиданно зазвонил телефон. Ивакин вздрогнул, с удивлением воззрился на белый аппарат фирмы «Саундизайн», соединявший в себе часы, будильник, магнитофон, радиоприемник и телефон. Заметил взгляд Матвея, кривовато улыбнулся:

— Синдром застигнутого врасплох любовника... Но мне никто не должен звонить. Вообще н и к т о не должен звонить, это телефон моей личной «горячей линии».

— Как в анекдоте: не может быть, чтоб Петька помер, он нам еще должен. Возможно, это шеф?

Борис Иванович оценил шутку, снял трубку:

— Слушаю.

В трубке зачирикали воробьи отбоя.

Контрразведчики молча смотрели друг на друга.

Ровно в одиннадцать вечера Матвей нырнул в благоухавшую свежестью постель, предвкушая удовольствие чтения, и в этот момент дверной замок сыграл марш непрошеного гостя. Матвей замер, непроизвольно сжимаясь и вызывая секундный стресс. Но интуиция сигнала тревоги не подала: звонивший опасности не представлял. Напротив, пси-фон его был добрым и, судя по «цвету» ауры, сам нуждался в защите.

Недоумевая, Матвей накинул халат и открыл дверь. Перед ним стояла Кристина. Не то чтобы зареванная, но явно пустившая недавно слезу.

— Явление Христа народу, — сказал Матвей первое, что пришло в голову, встревожился: — Что случилось?

— Может быть,пустишь? — Кристина оглянулась, зябко передернув плечами. Матвей отступил в сторону, запер дверь. Кристина молча прошествовала в ванную, закрылась. Послышался плеск воды.

Почесав в затылке, он зажег газ на кухне, поставил чай, достал хлеб, масло, сыр, сделал бутерброды, и когда гостья, приведя себя в порядок, вошла в комнату, то увидела чай в пиалах, конфеты и бутерброды.

— Извини. — Девушка смутилась, перехватив его взгляд, уколовший голые коленки; одета она была в бело-голубой блузон, не годившийся для вечерних прогулок; на шее алела свежая царапина.

— Кошки? — Матвей придвинул второе кресло ближе к столу из полупрозрачного пластика. — Или зацепилась за что?

Кристина села, попытавшись натянуть блузон на колени.

— Жорж. Пристал вечером... — На глазах ее мгновенно набухли слезы. — Вдвоем с одним... девочек выгнали... Если бы не Катя... — Она не выдержала и разревелась. — Сказал: все равно будешь под... а твоему ха... хахалю ноги повидам...

Матвей достал полотенце, молча опустил на колени и принялся вытирать лицо Кристины. Она уткнулась носом в его плечо, затихла. Потом обвила шею руками и поцеловала. Тогда он подхватил ее на руки, понес в спальню. На пороге она напряглась, вглядываясь в его лицо потемневшими глазами.

— Если боишься — не делай, — шепнул Матвей.

— А сделал — не бойся, — улыбнулась Кристина. — Старое студенческое правило, мне его уже сообщили.

— Я серьезно. Ведь ты меня не знаешь.

— Какой вы галантный кавалер, — фыркнула Кристина. — Только не думай, что я тороплюсь завести семью. Семья — это, по обыкновению, руины любви.

Теперь фыркнул Матвей, и они захохотали — шепотом, целуясь, сжимая друг друга в объятиях, растворяясь друг в друге, в разгорающемся огне страсти и нежности.

В два часа ночи они пили кофе с молоком. Кристина с влажными после душа волосами щеголяла в рубашке Матвея, а он перекинул через плечо простыню и теперь смахивал на молодого римского патриция. Гостья только теперь смогла разглядеть своего нового друга и подивиться текучей игре мышц при каждом движении. Удивительное ощущение силы и уверенности исходи-

ло от всего облика Матвея, передавалось девушке и вселяло спокойствие и радость.

— Вряд ли мы уснем после кофе, — застеснялась Кристина под красноречивым взглядом хозяина. — Кстати, ты все еще продолжаешь видеть свои сны?

— Не каждый день, но вижу.

— Я за это время прочитала массу литературы. По Лангедоку, в тебе заговорил паратекст, высшие письма души, то есть глубокая психологическая программа. Ты или твой род закодированы, и, если окажешься слабее, можешь даже сойти с ума.

— Я уже сошел, — проворчал Матвей.

Кристина покраснела, но глаз не отвела.

— Ты, наверное, считаешь меня...

Матвей остановил ее поцелуем, унес поднос с кофейником и чашками. Пришел, погасил свет.

— Я лягу на диване, спи. Не боишься, что я глубоко... это... психический?

Девушка засмеялась, соскочила с кровати, потянула его за волосы, обняла.

— Я, может, тоже ведьма. Бабуля рассказывала, что у нас в роду даже шаманы были. Ложись рядом.

— Но тогда мы не уснем и без кофе.

— Я тебя усыплю, проснешься свежим как сквозняк.

Через секунду они снова целовались...

Уже под утро Кристина сказала сонным голосом:

— Можно я у тебя поживу? Не хочу возвращаться в общежитие... боюсь. Не прогонишь?

И он ответил не то, что хотел:

— Не бойся, никто тебя больше не тронет.

Глава 11

ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ

Кудрявого Жоржа Матвей отыскал вечером в общежитии на Университетской, бывшей Шверника, куда проник под видом студента. Но прежде он выяснил, что фамилия Жоржа Синявский и что отец его — зампреда Центробанка. После этого стали понятны амбиции кудрявого красавца, привыкшего ко всем благам цивилизации, культивирующего закон вседозволен-

ности и поступившего в университет по звонку из «черно-белого дома» — здания правительства на Краснопресненской набережной.

Жорж веселился в компании пятикурсников на восьмом этаже, Матвей насчитал в комнате шестерых интеллигентов, двух мордovorотов — тех же «качков», которые встретили его у филфака, и четырех девиц, дымивших сигаретами «Мор». Устроились все, кто где мог: на двух кроватях, на диване и даже на тумбочках. На столе стояла бутылка «Абсолюта», ликер «Амаретто» и пиво, в качестве закуски — консервированная ветчина, колбаса и яблоки.

На вошедшего никто не обратил внимания, и Матвей, найдя в дыму ораторствующего, по обыкновению, Жоржа, пошел прямо к нему. Сказал, приятно улыбаясь:

— Узнаешь, красавчик?

Сидевшие рядом с Синявским девицы оторопело уставились на гостя, шум в комнате постепенно стих.

— Что еще за чучело? — лениво поинтересовался парень в рубашке нараспашку, демонстрируя волосатую грудь. — Чего ему надо?

— Схлопотать по фейсу, — отозвался Жорж, ставя стакан. — Феня, разберись с бобиком, сам к нам пришел.

Один из бугаев — телохранителей Жоржа стал подниматься, но Матвей ласково усадил его обратно легким с виду тычком пальцев в грудь, от которого «качок» тем не менее задохнулся и не сразу пришел в себя.

— Почеши спину, малыш. — Следующим движением Матвей врезал Жоржу тыльной стороной ладони по щеке, где еще виднелся синяк прошлой пощечины, так что тот слетел с дивана, взыв от боли. — Еще раз позволишь — даже не гнусное предложение, упаси Господь! — а хотя бы косой взгляд в сторону нашей общей знакомой — покалечу! Усек, говнюк?

— Ах ты мерза... — вскочил второй громила... и сел с удивлением на лице, пропустив незаметный мгновенный выпад Матвея. Остальные ничего не поняли, взирая на происходящее сквозь дым.

— Ясно, — кивнул будущий филолог с волосатой грудью, — снова вумен вульгарис. Наш Жоржик где-то позарился на чужую юницу.

— Да ты, скотина, знаешь, кто я?! — завопил опомнившийся Жорж. — Я тебя в выгребной яме сгною, в болото засажу, я тебя,

гад... — Синявский схватил стоявший на тумбочке утюг, двинулся на Матвея. — Попадание внутрь — смертельно, соображаешь? Убью!

Еще двое парней встали с кроватей, явно собираясь помочь товарищу, да и бугаи оклемались, уверенные в своей силе. И Матвей вынужден был применить превентивные меры воздействия.

Русбой, которым он владел в совершенстве, как и айкидо, основан на приемах нейтрализации противника без тяжелых травм. Поэтому Матвей использовал хаппо ундо¹ — принцип «движения на восемь сторон света» — лишь в приложении к тодомэ — пресечению атаки, в результате чего утюг из рук Жоржа перекочевал к нему, телохранители красавца улеглись на пол, а двое студентов залезли под стол. Движение в комнате прекратилось, шепот девушек стих, воцарилась полная тишина. Матвей аккуратно поставил утюг в тарелку с ветчиной, наставил палец на держащегося за руку Жоржа:

— Покой ценя, покой любя, ни ты меня, ни я тебя. О'кей, мальчуган? Же не компран па? Андестенд ми, май френд? Кивни, язык жестов я тоже понимаю. Вот и отлично. Теперь ты мой бенефициарий, а это значит, что я тебя предупредил, сопляк.

Фыркнула одна из девушек, потом захихикали остальные, захохотал благодушно настроенный волосатогрудый «патриарх». Под этот смех Матвей и удалился, чувствуя «аморальное удовлетворение», но далеко не уверенный в том, что акт воспитания подействует на привыкшего себе ни в чем не отказывать Жоржа.

Поскольку машину Матвей оставил за три квартала до общепита, чтобы не «светиться» понапрасну, он решил проехать две остановки на трамвае. И оказался свидетелем достаточно громкого разговора двух гегемонов, возвращавшихся то ли с работы, то ли с застолья.

— Прихожу я, бля, вчера домой, Серега, а они уже обедают без меня: жена, бля, дочь, бля, и этот хмырь е... в рот! Зять, значит. Ну, я и говорю...

Матвей переглянулся с невысоким седым пассажиром, стоявшим рядом. Седой кивнул на беседующую пару:

¹Многие приемы вошли в русский стиль из кэмпо и других видов единоборств, сохранив свое название.

— Высокоинтеллектуальный у них разговор. — Вряд ли он понял подтекст сказанного.

Матвей ответил без улыбки:

— Может быть, он сказал правду. Но вообще-то сейчас это норма.

— Вы правы. Но я всегда был уверен, что самое большое отклонение от нормы — посредственность, серость, а не наоборот. Вы меня понимаете?

— Понимаю.

Поставив машину во дворе дома, Матвей сел было к терминалу, но раздавшийся звонок радиотелефона изменил его намерения. Звонил Дикой:

— Хорошо, что вы дома. Срочно в управление.

— Что случилось? — У Матвея, что называется, екнуло сердце.

— Случилось. — Щелчок защиты линии и гудки отбоя.

Несколько мгновений Матвей смотрел на трубку как на готовую взорваться гранату, потом быстро собрался и, чувствуя приближение каких-то неподконтрольных ему событий, покинул квартиру.

Управление военной контрразведки СМЕРШ-2 занимало скромное двухэтажное здание на Фрунзенской набережной вместе с финансовым надзором Министерства обороны и в этот поздний час было погружено во тьму. Окна кабинета Дикого тоже не светились, но это просто работала лазерно-поляризационная защита, затемняющая стекла.

Соболева ждали. Двери сами закрывались и открывались за ним, как только он появлялся в поле зрения скрытых телекамер, и через минуту он уже входил в небольшой, но технологически уютный кабинет генерала. Валентин Анатольевич, в белой рубашке с галстуком, поднялся ему навстречу, пожал руку, кивнул на стулья с кожаными сиденьями.

— Когда вы в последний раз виделись с Ивакиным, Матвей Фомич?

— Вчера вечером. А что с ним?

— Убит. Именно вчера вечером у двери той же явочной квартиры. Тело обнаружили только во второй половине следующего дня, то есть уже сегодня, но вас не было дома.

Несколько мгновений Матвей находился в шоке. Вскинулся:

— Не может быть!

Генерал молча налил себе воды, выпил, подвинул сифон к гостю, но Соболев не взял.

— Такие вот пироги, капитан.

— Ничего не нашли? Следы... Обстоятельства... Как его убили?

— Это одна из загадок трагедии. Такое впечатление, будто Борис Иванович разорвал себе все тело ногтями, а потом пытался руками вынуть сердце.

Матвей молча смотрел на Дикого. Тот мрачно кивнул:

— В принципе, такое возможно... если применить кое-какую секретную аппаратуру. Следов не оставляет никаких. Но тут еще предстоит поработать экспертам. О вашем свидании Борис Иванович сообщить мне успел, но подробностей не знаю. Так что выкладывайте, что у вас есть.

Матвей поднял похолодевшие пронзительно-голубые глаза, пряча в глубины души недоумение и боль.

— Я хочу участвовать в расследовании.

— Там и без вас специалистов хватает, Матвей Фомич. А вы на время вообще отстраняетесь от участия во всех операциях. Я понимаю ваши чувства, но...

— Товарищ генерал!

— Это приказ, капитан! Успокойтесь. Почитайте-ка, это вам. — Дикой подвинул на край стола два конверта. Это были письма Соболеву, посланные в Рязань. Для всех родственников он продолжал жить и работать там.

Матвей машинально вскрыл конверты. Одно письмо было от Кузьмы Федоровича, деда по отцу, проживающего в Красноярском крае, второе — от двоюродной сестры Лиды, уехавшей с мужем после его демобилизации в село под Вологду. Кузьма Федорович приглашал погостить, отдохнуть на пасеке, а Лида, всегда веселая, энергичная, с оптимизмом встречавшая все жизненные невзгоды, вдруг посетовала на судьбу.

Мужа ее Матвей не жаловал: маленького роста, рано облысевший толстяк, дослуживший в свои тридцать пять лет до майора, не проявил себя в семейной жизни никак. Надо было безумно любить такого рыхлого и тяжелого на подъем человека, чтобы кормить, одевать, стирать, все покупать самой и содержать дом в идеальной чистоте, в то время как единственное, что делал этот майор, кроме чтения газет и многочасового времяпрепровождения у телевизора, — выносил по воскресеньям ведро с мусором.

Почему он ушел из армии, Матвей не понял. Лида говорила, что специалистом ее Леня был хорошим и сокращению не подлежал. Тем не менее в один прекрасный день ему попала вожжа под хвост, и он решил уволиться из армии и осесть в глубинке, заведя фермерское хозяйство.

Поскольку фермер из него мог получиться еще тот, Матвей попытался уговорить сначала его, потом Лиду, но в конце концов плюнул и отступился. Он знал, что все ляжет на плечи Лидии, но помочь ей ничем не мог. В принципе, все так и получилось, как он и предполагал, хотя Лидия никогда не жаловалась и тянула лямку за двоих. И вот ее прорвало.

Из письма Матвей узнал, что местное руководство в лице председателя колхоза «Новый завет» и главного агронома еще два года назад пообещало переселенцам «выжить всех фермеров» и планомерно выполняет обещанное. Первое время Нестеровых не трогали, разве что отвели самую плохую землю да платили за сданное молоко и мясо гроши. Но потом, когда хозяйство пошло в гору, начался шантаж, посылались прямые угрозы о расправе. Для работников колхоза они были все равно что бельмо на глазу, потому что примером своим «сманивали колхозников» завести свое частное хозяйство. Милицию, как оказалось, Нестеровы предупреждали напрасно: она покрывала своих.

В селе и без того царили нравы бандитского социализма: то и дело вспыхивали драки, людей натравливали друг на друга и на фермеров, из-за покосов вообще шла настоящая война. Все зверели. А комиссии из окружного центра, купленные председателем, «не фиксировали нарушений законопорядка».

Матвей оторвался от письма, невидяще глянул на что-то сказавшего ему генерала, очнулся:

- Извините.
- Ничего, читайте. По лицу вижу, письмо неприятное.
- Сестра пишет, плохо им там.

Дикой кивнул, снял трубку зазвонившего телефона. Матвей перечитал письмо.

«Я и не думала, что все примет такие размеры и формы, да и Леня помощник слабый, ни за что не пойдет отстаивать правду, все сама. Когда у нас ничего не было, все вокруг вроде как жалели и помогали, а как обустроились — оценили. Купили мотоцикл и трактор, так вообще ненависть вспыхнула: «Мы всю жисть пахали ни за хрен, а энти без году неделя — и уже баре!» Да и что это за колхоз, Бог ты мой! Здесь же одни люмпены остались, пьянь и

бездельники в основном, а председатель держится за колхоз только потому, что без него он никто. А так — власть! Хотя какая-то, но ведь кормит же. И все время только и слышишь: «Понаехали, все у нас отнять хотят». А работать, как мы, по двадцать часов в сутки они никогда уже не смогут. Вчера кто-то сарай поджег, еле потушили, а днями солярку украли, двухсотлитровую бочку. Участковый наверняка знает, кто украл, но совести у мордоворота не было и не будет. В общем, так и живем, братик. Напиши, как получишь, хоть пару слов. Все легче на душе станет».

— Поезжайте туда, — блеснул пронизательными глазами Валентин Анатольевич, — переключитесь, пока мы тут разбираться будем. Уверены, что не «засветились»?

— Я профессионал. — Матвей выдержал острый взгляд генерала.

— А сестра где ваша обосновалась?

— Вологодская волость, фермерствует... с мужем.

— Вот и помогите им, чем сможете. Без информации не оставлю, найду, если срочно понадобится. А с начальником ГУБО сам поговорю, он поймет.

Матвей покачал головой. Он уже пришел в себя и прикидывал, что будет делать в ближайшее время.

— В деревню к сестре я съезжу, но с задания меня снимать не надо. Кое-что для «губошлепов» я все-таки сделаю.

— Посмотрим, — сказал Дикой, прихлопнул папку на столе ладонью. — Все, капитан, решили. Теперь выкладывайте, что у вас есть.

Через полчаса Матвей ушел из управления, унося с собой пожар разбуженных гибелью Ивакина чувств и холодную ярость ганфайтера, уже пущенную по следу убийц.

Начальник оперативно-розыскного бюро МУРа полковник Синельников Александр Викторович пребывал в хорошем расположении духа, что прибавляло ему аппетит. Глядя, как он поглощает вторую порцию шашлыка по-карски, майор Агапов, командир второго подразделения, которое занималось сбором и анализом данных по «Стопкриму», только головой покачал. Был Юрий Федорович Агапов хил и бледен, вечно страдал желудком и на крепышей типа Синельникова смотрел как на чудо природы.

— Ну ты и жрать здоров, — вздохнул он с завистью, пригладив редкие волосы. — Аки бугай!

— Кто не ест, тот не работает, — отозвался Синельников, принимаясь за третью порцию.

Разговор на время прервался. Еще раз вздохнув, Агапов доел овсяную кашу, запил ее бледным чаем и терпеливо дождался, пока насытится полковник.

Столовая управления на втором этаже здания была, как обычно, заполнена до отказа. Посещали ее даже высшие офицеры МВД, баланс министерства позволял не экономить на продуктах, а повара здесь работали великолепные.

Поднявшись к себе на пятый этаж, Синельников полчаса отдыхал после обеда, полузакрыв глаза и перейдя на глубокое дыхание. Потом помассировал тяжелое лицо, и Агапов поразился перемене: перед ним сидел энергичный, деловой, свежий человек.

— Выкладывай, — кивнул он майору своей крупной головой.

Агапов достал из папки несколько листов бумаги с текстом.

— Это списки уволенных из органов за последние два года. Звездочками помечены профессионалы рукопашного боя. Всего набралось, я имею в виду «звездчатых», тридцать семь человек.

Синельников пробежал списки глазами, ногтем отчеркнул одну из фамилий.

— Юра, мы на верном пути, если Аристава попал в наш кондуит с первого захода. Я и не знал, что он работал на контрразведку.

— Тренером, Викторович, тренером, а не опером.

— Не имеет значения. Начинайте раскручивать всероссийский розыск всех обозначенных здесь, не афишируя, разумеется, наш особый интерес к фигурантам. Что еще?

— В поле зрения ребят попал некто Соболев Матвей Фомич, друг раненного четыре дня назад автослесаря Шимука. Следствие показало, что рэкетеры «наезжали» на слесаря трижды, причем второй раз именно в тот момент, когда у Шимука был этот самый Соболев.

— Ну и что? — Синельников смотрел заинтересованно.

— Парнишка — помощник, что работает у Шимука, — сообщил, что рэкетеры в тот раз убрались восвояси сильно помятыми.

— Ага. Ты хочешь сказать, что Соболев — профи боя?

— Да нет, не похож он на мастера единоборств, если верить тому, как его описал парнишка. К тому же сам Шимук — одиоз-

ная личность, здоров, как шкаф. Во всяком случае, по массе и силе тебе не уступит. Недаром его прозвали Ильей Муромцем.

— Как шкаф, значит. Спасибо за комплимент.

Агапов обиженно усмехнулся:

— Ты больше похож на банковский сейф. Я решил понаблюдать за Соболевым втихую, после того, конечно, как определю его адрес. Удалось выяснить лишь одно: недавно он вернулся из мест заключения, так что малый интересный. Конечно, мы можем взять его и без санкции прокурора, если нужно, он изредка навещает раненого друга.

Синельников покачал пальцем:

— Не спеши, следопыт. Как говорил Гилле: свободный черт лучше связанного ангела. Запросите документы ИТК: где сидел, по какой статье, сколько, последите за ним, узнайте, где работает, с кем живет. В общем, все. А потом посмотрим. Но не исключено, что это ложная ниточка.

— Да нет, мне почему-то кажется, что карась попался крупный. На следующий день после ранения Шимука кто-то побывал в конторе Белого и устроил там шумер.

Полковник подтянулся, сел плотнее к столу, в глазах зажглись хищные огоньки. Агапов кивнул, понимая его реакцию.

— Может быть, все-таки будем действовать проще?

Заблеял «горячий» телефон. Синельников снял трубку — звонил начальник МУРа:

— Александр Викторович, найди.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Что произошло?

— Убит Ивакин, замдиректора СМЕРШа.

Синельников изменился в лице, глянул на трубку с недоверием и очень тихо положил ее на рычаг.

Так же тихо опустил трубку спецтелефона в гнездо и Генеральный прокурор, лицо его приняло озабоченное выражение.

— Черт бы его побрал! — выругался он, щелкнув пальцами.

Гость прокурора, молодой человек спортивного вида, с гривой седых волос, с веселым и открытым лицом, которое портили только настороженные, цепкие, злые глаза, пошевелился:

— Неприятности?

— Они убили Ивакина!

— Кто?

— ГГ и его секьюрмен. Дьявол! Ни слова, ни полслова, трах-

бах — и готово! А ведь убрать главного следопыта СМЕРШа — не комара прихлопнуть. Теперь ВКР закипит как чайник и возможность контроля над событиями будет утрачена.

— Может быть, я смогу помочь?

— Чем? Ты со своими проблемами управься. Выяснил, кто побывал в твоей хваленной «крепости»?

Молодой человек, а это был майор Шмель Юрий Степанович, наклонил голову, пряча насмешливые огоньки в глазах, но Генеральный прокурор ничего не заметил.

— Мне нужны прямые доказательства того, что это действовал «Стопкрим». Обговорите с Рудаковым варианты. И хватит мелочиться! Я имею в виду «работу» бандитов Дадоева. Когда-нибудь они провалятся так глубоко, что даже я не смогу закрыть на это глаза. Все, свободен.

Шмель встал, шелкнул каблуками и вышел. Спустя час он входил в здание «Северо-запад-банка», где его ждал тот самый ГГ, то есть Георгий Георгиевич, о котором нелюбезно отзывался Генпрокурор.

Георгий Георгиевич не был ни президентом, ни даже служащим банка, он имел свой кабинет на самом верхнем — семнадцатом этаже здания, откуда открывался чудесный вид на столицу.

Майора здесь уже ждали. Оставив охрану — троих мускулистых девиц с автоматами, спрятанными в «дипломатах», — у дверей офиса, он пришел в сопровождении местного охранника в кабинет ГГ.

Обставленный современной финской мебелью, кабинет с резными деревянными панелями на стенах, с новейшими видео- и аудиоконфлексами японских фирм «Касио» и «Судзуки», поражал размерами, роскошью и функциональной гармонией. Его убранством, сверкающим стеклом, металлом, кожей, великолепными картинами, встроенными барами, шкафами со старинным оружием, керамикой и коллекцией камней, невозможно было налюбоваться. Но Шмель бывал здесь не впервой и сразу прошел к столу хозяина, скорее напоминавшему пульт управления космическим кораблем. Георгий Георгиевич, сверкнув белозубой улыбкой, кивнул гостю на тележку-поднос из толстого стекла, где стояли бутылки и бокалы. Майор налил себе шампанского — больше он ничего не пил, — пригубил и сел у стены.

— Шериф в ярости, — сказал он негромко. — Я только что от него. В самом деле, стоило ли убирать Ивакина?

Георгий Георгиевич поморщился:

— Хасан перестарался, испытывая «болевик», полковник убил себя сам, когда понял, что у Хасана припасен еще и «глушак». Но я сомневаюсь, чтобы полковник сказал что-нибудь важное. Таким образом, мы знаем лишь то, что один из волкодавов СМЕРШа, ганфайтер Икс, работает сейчас по особому заданию. Кстати, у тебя мог побывать именно он.

— Так рискованно работает только «Чистилище».

— Мастеров такого класса — десяток на всю планету, он ведь прошел твоих спецназовцев, как нож сквозь масло. Немедленно перемести оружие на вторую базу и смени охрану.

— Все, что надо, делается. Но СМЕРШ так или иначе не нужно было дразнить.

— По характеристике нашего благодетеля из Минобороны Ивакин слишком опасный противник, чтобы применять к нему обычные методы. Того, что стало ему известно, вполне достаточно, чтобы объявить тревогу по управлению, потому и пришлось пойти на крайние меры. Теперь, по крайней мере, у тебя есть время на передислокацию.

— Понял.

— А сейчас поговорим о твоём двойнике. Дадоева необходимо по-тихому ликвидировать и его «фирму», то бишь «федерацию», распустить. Если бы не он и его дебильные мальчишки, «Чистилище» не вышло бы на твой бункер... опять же, если это «Чистилище».

— В поле зрения моей разведки попал некий Илья Шимук, на которого наехали дадоевцы. Некоторые нюансы этого дела позволяют сделать нестандартные выводы. Сейчас мы проверяем друзей Шимука, самого его подстрелил телохран Дадоева, кретин, каких мало, и, если нюх меня не обманывает, в скором времени появится результат.

— Телохранителя немедленно отправь куда-нибудь в... командировку, бессрчную. На него, к примеру, может случайно выйти угрозыск, а разговаривать нынче можно даже удава. Действуй. Вечером позвони, дам тебе список телефонов, проверишь адреса на предмет проживания там интересующих нас лиц.

Шмель допил шампанское, хрустнул оберткой «Сникерса», уже на ходу задвигал челюстями. Георгий Георгиевич остановил его на пороге, с любопытством спросил:

— К слову, майор, зачем тебе понадобилась эта экзотика — «дамский» взвод?

— Тайное оружие, — обернулся Шмель с ухмылкой. — Эти

«дамы» не уступят в жестокости мужику — мастеру единоборств, а с виду пай-девички.

— Но ведь с тем террористом-ниндзя, что «щупал» твой офис, они не справились?

Майор принахмурился: батальон «Щит» достался ГГ в наследство от старого начальника, и до сих пор ГГ не делал попыток изменить существующие в батальоне порядки.

— Ему помогли.

— Вот как?! — В голосе хозяина кабинета прозвучало удивление. — Кто же?

— Не знаю, — нехотя ответил Шмель.

«Красный квадрат», то есть совещание комиссаров «Стоп-крима», собирался не часто — только для принятия каких-то важных решений. Существовал еще «полный квадрат», когда на совещании присутствовал Граф — Горшин, однако на сей раз он отсутствовал, предупредив, что находится в командировке. Что за «командировка», из четырех комиссаров «квадрата» не знал никто.

Завьялов, занимавший угол лидера «квадрата», оглядел главное руководство «Чистилища». Все это были люди вторых и третьих эшелонов власти, кроме разве что президента Центра нетрадиционных технологий Владимира Эдуардовича Боханова. Но и он был обделен в свое время, когда академиком стал его зам, а он так и остался членкором. Правда, фигуры это были сильные, «проходные», если пользоваться шахматной терминологией, но отнюдь не пешки.

Рыков Герман Довлатович занимал пост начальника информационного бюро Управления «И» Федеральной службы контрразведки, а Глеб Максимович Музыка дошел до полковника, будучи начальником службы обеспечения Московского уголовного розыска. Правда, из всего «квадрата» он был самым старшим: в сентябре ему исполнялось сорок девять лет. Рыкову шел тридцать восьмой, а самому Завьялову тридцать шестой. Таким образом, Граф — Горшин со своим багажом в тридцать два года — по паспорту — был самым молодым, хотя Завьялову иногда казалось, что тот по крайней мере на полсотни лет старше.

— Начнем, пожалуй, — вздохнул Дмитрий Васильевич. — Граф представил важную информацию, о которой даже вам, Гер-

ман Довлатович, ничего не известно, и мы должны решить, как работать дальше.

Комиссары «квадрата» не знали настоящего имени Горшина, знал только Завьялов.

— Он объяснил, почему не выполнил нашего решения? — буркнул Музыка.

Дмитрий Васильевич поднял на него взгляд:

— Убрать Ариставу? Нет, не объяснил. Но он сделал, на мой взгляд, нечто более полезное, вызволив Ариставу.

— Для кого полезное?

— В том числе для всего «Чистилища», подняв его авторитет. Но давайте обо всем по порядку.

Завьялов раскрыл черную папку с тисненным на ней золотым кинжальчиком, достал дискетку, вставил в приемник компьютера.

— Господа комиссары, перед вами те, с кем нам придется драться не на жизнь, а на смерть. Если, конечно, не считать ФСК, МВД и ГУБО. Перед вами «Купол»!

Трое разных людей с одинаковым любопытством взглянули на вспыхнувший экран дисплея. Все они знали клички руководителей «Купола»: Летчик, Банкир, Мэр и Шериф, а теперь за кличками появились живые люди, каждый с немалой сферой влияния, а все вместе — обладающие сложной и мощной структурой власти. Пирамидой власти. Лишь имя крестного отца осталось нерасшифрованным, что придавало ему вес и говорило о возможностях конспирации.

— Да! — произнес с чувством полковник Музыка. — Это титаны! Пробить брешь в их защите непросто, если вообще возможно. Даже Графу.

— Не приbedняйся, Глеб Максимович, — пробасил Боханов. — Наша контора почти не уступает «Куполу» в организации, а по качеству личного состава даже превосходит его.

— Они задавят нас количеством, тем более что для боссов жизнь их солдат не имеет никакого значения. Кстати, я хотел бы вернуться к операции по освобождению Ариставы. До сих пор не знаю подробностей этого дела. Зачем Графу понадобилось так рисковать?

— Разрабатывал операцию сам Граф, он же и провел ее с двумя исполнителями, одним из которых был новенький. Обошлось без стрельбы и крови.

— Да-а, — протянул Музыка с бледной улыбкой. — Иметь в

своей команде Графа, разумеется, хорошо, плохо то, что все наше планирование и защита замыкаются на одном человеке.

Дмитрий Васильевич разделял это мнение, но промолчал. Подготовленные Графом — Горшиным операции никогда не срывались, что почти полностью гарантировало безопасность «Чистилища», многоуровневую структуру которого предложил тоже Граф.

— Прежде чем перейти к главному вопросу, ради которого мы собрались, попробуем решить проблемы помельче. Первая — убийство Ивакина. Есть у тебя что-нибудь, Герман Довлатович?

Рыков, тихий и незаметный, явно теряющийся на фоне остальных — крупного, громогласного и веселого Боханова, жесткого и делового Музыки, умного и проницательного Завьялова, — сверкнул глубоко посаженными черными глазами. Его воле, целеустремленности и упорству можно было только позавидовать, но мало кто догадывался об этих качествах, а также о яростной зависти, кроющейся за оболочкой благодушия и скромности.

— Военная контрразведка не делится с нами подробностями своей деятельности. Мы знаем только, что Ивакин начал работать по факту утечки новейших образцов оружия, похищенных, очевидно, с целью продажи за рубеж. А поскольку его убрали, значит, он вплотную подобрался к похитителям. Что говорит как о потенциале СМЕРШа, так и о возможностях «Купола». Не сомневаясь, что ликвидировала полковника служба безопасности мафии.

— А кто работал у Ивакина по делу утечки?

— Один человек, агент типа «абсолют», таких называют ганфайтерами. Но кто именно, неизвестно.

— Может быть, он и убрал Ивакина?

Рыков ничего не ответил, только покачал головой.

— Ясно. — Завьялов склонился над папкой. — Теперь о батальоне «Щит», он у нас как кость в горле. Но активных акций против него мы не планировали. И тем не менее кто-то проник в штаб отряда и наделал там шороху. Уровень исполнения столь высок, что достоин восхищения. Так может работать только один человек — Граф, но он предупредил бы нас.

— Значит, это был кто-то другой, — рассудил Музыка. — Может быть, тот самый «абсолют», ганфайтер?

Завьялов поглядел на Рыкова, но тот развел руками:

— У меня ничего.

— Ясно. Что ж, подождем Графа, он должен знать профессионалов своего уровня. Тогда предлагаю сводку конкретных драм, требующих нашего вмешательства.

Дисплей высветил данные о случаях бандитских нападений и произвола милиции и государственных чиновников. Первым в этом списке шло дело о применении сотрудником муниципальной милиции оружия в совершенно безобидной ситуации: у студентки училища культуры не оказалось при себе документов, и сержант выстрелил ей в спину, когда она посчитала инцидент исчерпанным и пошла прочь. Вторым делом было незаконное увольнение из органов милиции подполковника Семцова, третьим — действия прокурора Филина и старшего следователя окружной прокуратуры Жарова.

Глава 12

РАССЛАВЬСЯ И ОТДОХНИ

Кристина долго и придирчиво разглядывала себя в зеркале, пока не убедилась в том, что изъяны не исчезли. Во-первых, слишком высокий рост — метр семьдесят девять, во-вторых — плечи прямее и шире, чем того требуют пропорции. В-третьих, грудь вызывающе торчит, какую ни надень блузку, а бедра до того крутые, что ходят ходуном под юбкой. Наконец, губы слишком красные и пухлые, глаза чересчур большие, а уши крохотные, талия тонюсенькая...

— Уродка! — прокомментировала вслух Кристина, втайне надеясь, что все не так уж плохо, если даже Матвей, холодный и неприступный словно айсберг, глядит на нее с восхищением.

— Криста, ты скоро? — раздался за дверью голос подруги. — Кофе готов.

— Сейчас, — очнулась Кристина. Быстро просушила мокрые после мытья волосы, вытерлась и вышла из ванной. Катя, зная ее отношения с Жоржем и компанией, пригласила Кристину погостить у нее с недельку, пока улягутся страсти, и та согласилась.

— Богиня! — вздохнула пухленькая беленькая Катя, с завистью встречая гостью в коридоре. — И что ты нашла в этом своем ухажере, ума не приложу.

— Ты о ком? — смутилась Кристина, быстро одеваясь.

— Я видела тебя с парнем, с Матвеем, кажется. Ну и выбрала ты себе пару! Ты же принца можешь охмурить. А этот — самый обыкновенный проходняк.

Кристина нахмурилась, потом улыбнулась, вдруг вспомнив, как вышла из спальни Матвея утром и впервые застала его за разминкой.

Казалось, каждая мышца, каждая косточка его великолепно — но не чрезмерно — развитого тела танцевала, играла, разговаривала с другими; по телу шли странные, завораживающие глаз ритмические волны ряби; и этот танец, «разговор» тела, был страшен и красив одновременно! Никогда еще она не видела, чтобы кто-нибудь так владел своим телом.

Матвей обернулся, задержав взгляд на застывшей в проеме двери девушке, хмуро и в то же время застенчиво улыбнулся, и эта его улыбка сняла все ее страхи и опасения...

По губам Кристины снова скользнула улыбка.

— Ты плохо его знаешь, Катюша, вернее, не знаешь совсем. Он человек необыкновенный! А как дерется!

Катя фыркнула:

— Наслышана. Но не считаю это главным достоинством мужчины. Он что, умен, знаменит, богат?

— И умен, и богат — если иметь в виду кругозор и широту взглядов... Впрочем, деньги у него водятся и ездит он не на одной тачке. А что касается главных качеств... мне импонирует уже то, что он способен постоять за себя и свою подругу, не то что наши рахитичные мальчики.

— Не спорю. — Катя принесла поднос с кофейным сервизом, фруктами и пирожными, и подруги с ногами забрались в кресла, наслаждаясь тишиной и уютом. — Уж не собираешься ли ты за него замуж?

— Если позовет — пойду, — взмахнула Кристина рукой, в которой держала пирожное. — Хотя предупредила его, что замуж не собираюсь.

Катя прыснула:

— Правильно, пусть не воображает, помучается. А он учится или работает?

— Закончил три года назад филфак, сейчас где-то преподает, но я не уточняла. Сам скажет. Ну а твой Виктор что думает?

Катя беззаботно отмахнулась и со смехом стала рассказывать

о своих отношениях с однокашником, а Кристина вспомнила прощание с Матвеем и вдруг отчетливо увидела его сидящим в позе «лотос». Он открыл глаза, улыбнулся, протянул к ней руки, и девушке почудился его шепот:

— Ты меня слышишь, Христа?..

Скорые поезда до Архангельска ходили через Вологду, и Матвей взял билет на вечерний, десятичасовой поезд. В Вологду он прибывал в шесть утра, и Соболева это устраивало, он успевал на первый автобус в село Старое, где фермерствовали Нестеровы.

Острое чувство преследования охватило его уже на перроне, хотя конкретно интуиция не сработала: пассажиры вокруг не обращали внимания на молодого человека с сумкой через плечо, спешащего, как и они, на посадку. Однако нервная система не сигнализировала зря, подсознание реагировало на опасность и практически не ошибалось. В купе Матвея ждал Горшин. Вряд ли проводница видела, как он туда вошел.

— Привет.

— Салют. — Матвей забросил сумку на вторую полку, с невозмутимым видом уселся напротив. — Кажется, мы попутчики? Я почуял тебя еще на выходе из вокзала.

— Знаю. Надолго уезжаешь?

— На неделю. До вызова по службе. Меня отстранили от... всех заданий.

— В связи с гибелью Ивакина?

Матвей внимательно поглядел в глаза Горшина, в которых сквозь показное простодушие проглядывало понимание всех тайн мира, доступных ему одному, а также ирония и тоска.

— Ты знаешь, кто это... сделал?

В купе зашли двое пожилых мужчин, попутчики Соболева, и Тарас кивнул на дверь:

— Поговорим в коридоре.

Они стали так, чтобы не мешать входящим пассажирам, но потом все же вышли из вагона.

— Ивакина убили боевики «Купола» по заказу какой-то очень большой шишки из военного ведомства, может быть, даже из твоего СМЕРШа, а возможно, и выше.

— Дикой? — вырвалось у Матвея. — Не может быть! Но кто выше его? Разве что сам министр?

— Не знаю, по отзывам генерал Дикой — человек чести, а вот министр... Но афера с оружием стоит так дорого, что я ни за что не поручусь. Десятки, если не сотни миллионов долларов! Такого оружия, как «удар», «гном» и «волк-2», нет ни у одной армии мира, и в сбыте украденной партии заинтересованы очень многие государственные мужи, работающие под контролем «Купола». Они не остановятся ни перед чем, ибо деньги — это власть, а Большие деньги — Большая власть! Мир полон больших и малых Пилатов. Я уже давно пришел к выводу: у тех, кто рвется к власти, шаг за шагом, постепенно меняется психика, и к высшим постам приходят уже не люди, а человекоподобные монстры. Тебе в основном придется сражаться с ними, потому что ты тоже птица высокого полета, только еще не созрел.

Матвей хмыкнул.

— Я знаю пределы своих возможностей.

— А я своих — нет. Как, впрочем, и твоих. Не лукавь, ганфайтер, ты человек неординарный, и это еще скажется. Вот тебе для размышлений. — Горшин сунул Матвею свернутый листок бумаги. — Прочти в туалете и уничтожь. Езжай в свою деревню, расслабься, отдохни. Я бы и сам с удовольствием подышал сельским воздухом, да дел много. Удачи тебе.

Горшин внезапно исчез. Вот он стоял рядом, а вот уже нет его, будто не человек сгинул, а нечистая сила. Матвей постоял еще немного, прислушиваясь к звукам вокруг: далеким гудкам, гулу вокзала, разговорам пассажиров, хрусту шагов, позвякиванию тележек с вещами, и вернулся в вагон.

После отправления поезда, как только проводница собрала билеты и раздала постельное белье, Матвей зашел в туалет и развернул врученный Горшиным листок папиросной бумаги. Это была схема иерархических структур «Стопкрима» с делением на стратегический, тактический и оперативный уровни. Для ее изучения Матвею хватило минуты, после чего он порвал листок на мелкие клочки и посеял их через отверстие слива на нескольких сотнях метров железнодорожного полотна.

Лежа в одних плавках на верхней полке — соседи давно уснули, — он мысленно вернул листок со схемой.

Руководство «Чистилища» состояло из пяти человек — комиссаров, каждый отвечал за один из стратегических уровней. Лидер общения, он же «угол красного квадрата», некто Завьялов, ведал связью комиссаров и «горизонтом решения», лидер-исполнитель — Тарас Горшин — владел инициативой планирования и

целееказаний, а также командовал сетью монад — руководителей обоем высшего уровня, в подчинении у которых, в свою очередь, находились спикеры, руководители оперативных единиц — мейдеров и экстремеров в пять и девять человек. Комиссар по фамилии Боханов ведал службой компьютерного, научного и технического обеспечения, некто Рыков Г. Д. — сектором разведки, а Музыка Г. М. — группой наблюдения и подстраховки. Опять же комиссаров знали, да и то не в лицо, лишь командиры уровней и служб, исполнители же рангом ниже, в том числе и спикеры, вообще понятия не имели об их существовании. И вся эта сложная, разветвленная система «Чистилища» держалась на одном человеке — на Горшине Тарасе Витальевиче, чья жизнь была для всех — тайна тайн...

Матвей потянулся к бутылке пепси, открыл — напиток был теплым и жажду не утоил. Вспомнился старый анекдот, как официант в кафе жалуется бармену:

— Вот посетитель кричит, что вино слишком теплое.

— Врет! — убежденно отвечает бармен. — Я только что долил в бутылку холодной воды...

Матвей улыбнулся, расслабился до состояния дхьяны, когда организму уже не требуется охлаждения, ибо он не чувствует перегрева, и через секунду уснул, оставив «включенной» третью сигнальную систему — сторожевую.

Село Старое на самом деле оказалось не таким уж и старым. Во всяком случае, новых домов, добротных, кирпичных, в большинстве своем двухэтажных и красивых, в нем набиралось, по подсчетам Матвея, около двух десятков. Почти все они принадлежали приезжим фермерам, и Матвей понял, почему местное население озлобилось против новых жильцов: колхоз никогда не построил бы им такие дома.

Коттедж Нестеровых замыкал улицу. Он не был двухэтажным, как другие, зато имел пять комнат и добротную русскую печь с лежанкой. Во дворе — ферма для коров, два сарая, погреб, колодец, небольшой загон для кур и свиней. В саду — вишни, сливы и яблони, шпалеры малины отгораживали участок Нестеровых от соседнего. Огород в тридцать соток был засажен картофелем, капустой, луком и морковью, а два гектара пахотной фермерской земли зеленели хлебом и кукурузой. На остальных зем-

лях, примыкающих к реке, росла люцерна и травы. Был и луг, где паслись три коровы и конь.

Прибыл Матвей в село в двенадцатом часу дня и застать Лиду дома не надеялся, но сестра оказалась во дворе, готовила для скота корм. Брата она, конечно, не ждала и поверила в его приезд, лишь когда он обнял ее за плечи.

Были слезы, радостные возгласы, улыбки, смех и рассказ о делах. И был обед, на котором присутствовал также Леонид Ильич, муж Лиды, отнюдь не обрадованный приездом шурина. Дети Нестеровых, Настя и Андрей, ученики пятого и шестого классов, еще не вернулись из школы. Леонид, злой и чем-то расстроенный, на вопросы отвечал односложно и невпопад, зато поносил всех и вся, от правительства до соседей.

— Надо уезжать, — подвел он наконец итоги своего недовольства, — житья не стало. Хочу спокойно пожить где-нибудь, никого не видеть и не слышать. — С этими словами он ушел в горницу.

Матвей и Лида — статная, высокая блондинка с тяжелой золотой косой, уложенной в корону, — переглянулись.

— Спать пошел, — тихо сказала Лидия. — У него режим: с двух до четырех дрыхнет, с девяти вечера тырится в ящик.

— А ты? — так же тихо спросил Матвей, отвалившись от стола.

Обед был королевским даже по городским масштабам: копченый окорок, корзиночки с творогом, борщ по-огородничьи, салат из квашеной капусты, с грибами («Шампиньоны в погребе растим круглый год»), расстегаи, творожная запеканка, кисель из земляники. Вина и водки на столе не было. Леонид и Лида алкоголя и сами не признавали, и знали отношение к нему Матвея: «Алкоголь хорошо укрепляет нервную систему, если его не употреблять».

— А что я? — вздохнула Лида, по-бабьи подперев голову кулаком. — Работаю с утра до вечера. А Леша только мешает, ведь за что ни возьмется — скандал за скандалом. Хорошо хоть не пьет, а то было бы совсем худо. В прошлом году вздумали мы на всей площади капусту выращивать. Ну и вырастили — убирать не успевали. Так деревенские повадились воровать. Леша одного-то и подстрелил из ружья. Судить не стали, но разговоры пошли: мол, жадюги, за кочан чуть человека не кончили! А о том, что пол-урожая расташили, никто и не вспомнил. Участковый пригрозил, в следующий раз посадит.

Лидия шмыгнула носом, смахнула слезу, криво улыбнулась:

— Картошку тащат, лук тащат... Леша на все рукой махнул: что мне теперь, в тюрьму идти? А главное, ничего сделать нельзя. Сдали мы зерно, картошку, молоко, получили колхозные чеки, так мало что гроши — и те до сих пор не заплатили! Думали «Ниву» приобрести за них — какое там! А тут еще мотоцикл увели со двора. Сначала бочку солярки, теперь мотоцикл, видно, мало показалось. И ведь участковый знает кто, а попробуй докажи.

— Уф! — сказал Матвей, погладив себя по животу. — Готовишь ты сказочно! Мне б такую жену.

Лиди округлила глаза, взмахнула полной красивой рукой, засмеялась:

— Не выдумывай. А вообще жаловаться-то особо нечего. Все у нас есть, дети обуты, одеты, присмотрены, учатся хорошо, помогают по хозяйству. А то, что творится, — так это жизнь. Деревенских тоже можно понять: вкалывают не меньше нашего, а получают фигу. Крутятся, кто как может, некоторые приворовывают... — Хозяйка снова взмахнула рукой: — Ничего, выдюжим. Спасибо, что приехал. Я письмо от отчаяния написала: нахлынула вдруг тоска, тошно стало, хоть плачь, ну я и... Ты уж не обижайся, а?

Матвей встал, обнял Лиду, чмокнул в щеку.

— Все нормально, сеструха, все образуется. Ты молодец, ей-богу, твоей энергии и мужик позавидует. Я тут поживу у вас два-три дня, попробую разобраться да и помогу чем.

Лиди спохватилась:

— Ах я курица беспамятная, расслабилась вовсе, а коровы недоенные стоят. Да и я хороша — все о себе да о себе, вечером поговорим о твоих делах, Матвейша, а я побежала. Располагайся в гостевой комнате.

До вечера Матвей искупался в реке, помлел на местном пляже, обошел все хозяйство Нестеровых и встретил из школы детей, которых больше года не видел; занятия давно закончились, но все ребята теперь работали на пришкольном участке.

Прошелся по селу, приглядываясь к усадьбам и к людям, наблюдал за сонным царством колхозного машинного двора, но в правление заходить не стал, только выяснил, где находятся «апартаменты» председателя и участкового инспектора.

Лиди освободилась лишь к десяти часам вечера, и Матвей снова поразился запасам ее физических и душевных сил. На отдых ей оставались буквально минуты, а она еще пыталась что-то

читать на сон грядущий и заниматься детьми. Поговорить не удалось. День выдался трудный, и Лида уснула, сидя на кухне за чашкой чая. Матвеев самому пришлось укладывать племяшек, читать им на ночь стихи и рассказывать страшные истории, что он сделал не без удовольствия.

Прежде чем уснуть в чистой и свежей постели, Матвей поразмышлял над поразительной откровенностью Горшина, выдавшего ему, по сути, главную тайну «Чистилища». Неужели он настолько уверен в новом сотруднике, пусть и проявившем себя в деле однажды? Или расчет строится на другом — проверка? И структура «Стопкрима» на самом деле иная? Как и названные лидеры — комиссары? В таком случае за кого он принимает профессионала-контрразведчика? Настоящий ганфайтер никогда не клюнет на информацию, добытую без труда, и ничего не предпримет, не проверив ее. Но если сведения верны, Горшин рискует не зря, ведь он рассчитывает каждый свой шаг. Что он задумал? Или все идет по плану, как и должно быть?

Так и не придя ни к какому выводу, Матвей переключил внимание. Вспомнился Ивакин, настроение пропало. Матвей не был сентиментальным, несмотря на филологическое образование и тягу к романтике, но о гибели Ивакина сожалел. И дал себе клятву выяснить, кто и каким образом его убил. В самоубийство Ивакина не верилось, несмотря на вывод судмедэкспертов. Тайна убийства полковника еще ждала своего выяснения.

Уснул Матвей с мыслью о Кристине после внутреннего приказа: а теперь спать!

Наутро после полуторачасового тренинга, завтрака — блины с медом, щавелевым вареньем и молоком — и купания в реке Матвей отправился «на прогулку».

Прежде всего он выяснил все, что мог, о характерах и привычках сорокалетнего председателя Дурбана Антона Сергеевича и участкового инспектора Шавло Константина Кирилловича. Затем, буквально очаровав работниц правления, ознакомился с методами работы вышеназванных лиц. Узнал он и о том, что председатель не платит за продукты только тем фермерам, которые по каким-то причинам терпят произвол до последнего. Нестеровы попадали в их число. После этого Соболев отправился на поиски участкового и нашел Константина Кирилловича Шавло в его собственном доме, который можно было охарактеризовать одним словом — хоромы!

Инспектор оказался ражим детиной с широким, побитым ос-

пой лицом. Морда — хоть коноплю сей, подумал Матвей, разглядывая фасад Шавло Константина Кирилловича, двадцати девяти лет от роду, незаконченное среднее, вторая жена, пятеро детей. К тому же оказался Шавло еще и щербатым. Росту в инспекторе было под метр девяносто, почти столько же — в плечах и едва ли не больше в талии, что говорило о большой любви к пиву. Впрочем, природа не поскупилась на этот экземпляр хомо ферус¹, да и сам он наверняка был не дурак выпить и закусить.

— Добрый день, — приветливо поздоровался Матвей. — Бог в помощь.

— Здорово! — Инспектор, лоснящийся от пота, разогнулся. Копал он, очевидно, нечто вроде бассейна, вернее, подравнивал квадратную выемку, сделанную экскаватором. Рядом стояли три поддона с кирпичом и лежали мраморные плиты.

Из-за гаража вышел здоровенный бульдог, чем-то смахивающий на хозяина, глянул на гостя и, зевнув, вернулся обратно.

— Константин Кириллович, я брат Лидии Нестеровой, — представился Матвей. — У них недавно бочку с соляжкой и мотоцикл увели, не подскажете, новости по этому делу есть?

— Какие еще новости? — Шавло отставил лопату, вытер ладони о брюки.

— Ну, как идут поиски, есть ли подозреваемые...

— Какие еще поиски, никто ничего искать не собирается. Свои небось и увели, к ним то и дело гости шастают. Ничо, у них средств хватает, новый куплят. — Инспектор сплюнул.

Матвей еле сдержался, чтоб не нагрубить в ответ.

— А почему вы думаете, что увели свои? Что за свои? Разве их не надо искать? Разве заявления потерпевшего недостаточно для начала следствия?

Глаза участкового недобро сощурились.

— А ты кто такой, паря, чтобы мне вопросы всякие задавать? Документ при себе имеется? Покажь.

— Имеется, паря, — тихо сказал Матвей. — Только показывать его тебе я не обязан. Пришел я по-доброму и уйти хочу по-доброму, поэтому давай присядем, помозгуем, как и где искать воров. Авось мой опыт и пригодится.

— Чо?! — взревел участковый. — Ты мне советы давать бу-

¹*Homo ferus* — человек дикий (лат.).

дешь?! А ну пошел отсюда, пока я добрый, не то я тобой займусь!

— Н-да, — помолчав, сказал Матвей. — А ты ведь хам, паря. — Окинул взглядом начавшую багроветь физиономию участкового. — С рождения такой аль воспитал кто?

— Что... ты... сказал?!

— Не лопни от натуги, а то котлован не закончишь.

Матвей мог бы пояснить этой горилле, что для него хам — любой государственный функционер, без стыда заявляющий посетителям: «Нет, нет, нет!», в то время как это «нет» без особого труда могло бы стать «да». Но для того ему понадобилось бы какое-то усилие души и тела, а он уже привык не совершать над собой никакого насилия, если оно не принесет ему личной пользы. А участковый не понял бы объяснений. Зато, сообразил Соболев, увидев белые от звериного гнева глаза Шавло, этот человек для данного конкретного района России есть закон! И нет силы, способной его укротить.

— Да я... тебя!.. — выхрипнул участковый, угрожающе надвигаясь на неподвижно стоящего Матвея.

— Давай, давай, — поощряюще усмехнулся тот, и Шавло озадаченно остановился. — Я здесь пробуду дня три, и, если до послезавтра не найдешь похитителей — а ты их знаешь! — или хотя бы похищенное, из органов вылетишь в два счета! Понял?

Не дожидаясь ответа, Матвей вышел за калитку и побрел к центру села. Он был недоволен собой за многословность, ощущение некоего поражения тянуло душу. Участковый, привыкший считать себя единственной властью, скорее всего испугался временно, не зная, кто перед ним, но по своим каналам он вполне может выяснить, что за фигура брат Нестеровой Лидии, и тогда скандала не избежать. Что ж, мурло, пеняй на себя, если это случится.

Председателя Матвей застал в конторе и подивился сходству этого молодого мужика с участковым инспектором. Разве что колер волос у Антона Сергеевича Дурбаниа был иным да лицо по светлей, хотя сеять коноплю или репу можно было и на нем.

— День добрый, босс, — поднес козырьком руку к голове Матвей. — Разрешите обратиться?

Председатель, подписав какую-то бумагу, бросил ее женщине, проворно выскочившей за дверь, глянул на посетителя:

— Чего тебе?

Матвей оглянулся, закрыл дверь за женщиной на защелку,

сел напротив председателя. Антон Сергеевич откинулся на спинку стула, в глазах мелькнуло беспокойство:

— Что за шутки? Ты кто?

— Дед Пыхто. Не суть важно. У меня к вам, Антон Сергеевич, два вопроса. Почему вы не платите фермерам за сданную продукцию? Это первый. И второй: кто устанавливал расценки?

Председатель набычился:

— А ты что, проверяющий? Контролер? Кажи документы.

Матвей вздохнул:

— Еще один документолюбец. А просто так, без амбиций, вы ответить не можете? Я ведь выяснил, кому вы не заплатили, среди них мои родственники, вот мне и любопытно стало, чем же это они провинились? За что такая немилость?

— Ах вон в чем дело. — Антон Сергеевич внушительно сжал кулаки. — Шантажировать вздумал? Открывай дверь и выметайся, да поживей.

Матвей снова сожалеюще вздохнул:

— Ну и грубый у вас здесь народ подобрался. Я ведь со всей душой хочу разобраться, помочь, выяснить обстоятельства, мешающие работать, а вы сразу — пошел вон! М-да... Нехорошо, Антон Сергеевич, неэтично. Тогда выслушайте мое последнее слово. Завтра же рассчитайте фермеров, найдите деньги и заплатите. О грабительских расценках поговорим потом, сначала вы дайте людям то, что они заработали.

— Да кто ты такой, черт поberi! — повысил голос председатель, расхрабрившись, потому что в дверь постучали. — Здесь я распоряжаюсь! Заруби это на носу.

— Вижу, — совсем грустно сказал Матвей. — По принципу: я начальник — ты дурак. Все меняется: политика, экономика, времена, нравы, одно только на Руси не меняется — принцип властвования.

Он встал, и глаза его так похолодели, что председатель осекся на полуслове.

— Я предупредил, Антон Сергеевич, завтра проверю. Не хотелось бы недоразумений. Сорри.

Матвей открыл дверь и прошел мимо двух молодых парней, явно не принадлежащих к рабочему классу, с удивлениемглянувших на неизвестного им посетителя. Охрана, догадался Матвей. Как и всякий уважающий себя чиновник, использующий приемы государственного рэкета, обходящий или попирающий закон, будучи даже аграрием, председатель колхоза имел охрану,

а это означало, что в системе беспредела, господствующей в стране, Дурбань занимал четко отведенное ему место. И ничем не отличался от вожаков бандитских структур, которые действовали в городах, опасаясь конкурентов, органов правопорядка и просто честных людей.

Лида освободилась в этот день пораньше, и они наконец поговорили, сидя в саду под тенистой березой, которую Лида не стала трогать при строительстве дома. Оранжевые лучи низкого солнца изливались густым потоком параллельно земле и казались ощутимо плотными, на солнце можно было смотреть не отрываясь; волны запахов плыли по саду, вызывая эйфорическое состояние легкости и покачивания; где-то пела свирель — пастух скликал разгулявшееся стадо; смеялись дети, кто-то отбивал косу, и звонкие хрупкие удары плыли над лугом, как воздушные шарики. И Матвей впервые за последние несколько лет почувствовал себя ребенком. Защемило сердце: захотелось вернуться в детство, окунуться в океан добрых детских забав, помечтать о несбывшемся. Душа не желала принимать мир таким, каким он стал: жестоким, злым, беспощадным, большим и страдающим. Однако и изменить она ничего не могла. Матвей уловил тревожные изменения в идиллической картине покоя и заставил себя вернуться на землю.

— ...мечтает стать изобретателем, — засмеялась Лида, не замечая состояния брата; она говорила о сыне. — Ну а ты что молчишь? Рассказал бы, как живешь, как работаешь. Не женился еще?

— Не успел, — сказал Матвей, глядя, как во двор входят пять человек: Шавло Константин Кириллович собственной персоной, в форме сержанта милиции, и четверо крепких молодых ребят, похожих друг на друга, как огурцы с одной грядки.

— Константин Кириллыч? — удивленно округлила глаза Лидия. — Что привело вас к нам?

— Это ко мне. — Матвей встал, мягко подтолкнул сестру к дому: — Иди, мне надо с ними погугарить. Успокойся, все будет хорошо.

Лидия ушла, оглядываясь с сомнением в глазах. Было слышно, как она зовет мужа, но Матвей не сомневался, что Леонид не выйдет ему на помощь, хотя помощи, в принципе, и не требовалось.

— Вот спасибо, что зашли, — приветливо сказал Матвей. — Что-то прояснилось?

— Прояснилось, — буркнул участковый, вытирая пот со лба. — Собирайся, пойдем с нами.

— А-а... — Матвей подумал и сел на скамейку. — Что-то нет у меня желания идти с вами, пан инспектор. Или у вас припасен ордер на арест?

— Пойдешь и без ордера. — Сержант кивнул одному из парней, длинноволосому, коренастому.

— Вставай, чмо, — сказал тот, одетый в тренировочный костюм из парашютного шелка, несмотря на жару. — Не борзей, а то это плохо кончится.

— Во-первых, хамов не терплю, — качнул головой Матвей. — Во-вторых, вы вторглись на частную территорию, и я просил бы вас покинуть ее с предельной скоростью. А в-третьих, фраер, задохни и хилый отсюда первым, пока цел. Откроешь еще раз хавало, всю жизнь будешь ходить фиксатым. Усек?

— Во дает! — выдохнул кто-то из стоявших кучкой парней.

— Иди, иди, — мирно добавил Матвей. — Сержант, забери своих сявок, я ведь и осерчать могу. Завтра поговорим.

— Я тебе покажу «завтра», — захрипел участковый, наливаясь темной кровью. — Волоките его на улицу, ребята.

Длинноволосый подошел ближе, остальные начали заходить с боков; удобней расстановки для сувари-вадза¹, если пользоваться термином кэмпо, или «сидяка» — по терминологии рособоя, не было, но Матвей вынужден был ждать того момента, когда ребята начнут первыми. И едва не поплатился за это: его криком отвлекла Лидия, видимо, она наблюдала за ними из окна. Матвей оглянулся, и в тот же момент длинноволосый вполне профессионально врезал ему кулаком по затылку. Удар назывался сэйкэн² и входил в арсенал каратексов. Если бы не инстинкт, заставивший Матвея наклонить голову и тем самым ослабить удар, он, скорее всего, потерял бы сознание. Но и без того в голове зазвенело, боль пронзила кости черепа и вспышкой вышла через глаза. И Матвей озверел.

В обычной обстановке, то есть в полностью контролируемом спарринге, Матвей был абсолютно сдержан и расчетливо-хладнокровен, что давало ему дополнительные преимущества. К тому

¹Сувар-и-вадза — приемы борьбы в положении сидя.

²Сэйкэн — «передний кулак»; применяется для атаки практически всех жизненно важных точек тела.

же, владея синглом, то есть аппаратом инстинктов и рефлекторных реакций, и арсеналами боевых искусств Востока и Запада, которые впитал в себя русский стиль, он никогда не применял эффективных приемов, предпочитая незаметные, но максимально эффективные. В данный же момент он решил показать этим сельским «суперам» приемы, действующие на психику.

Парни дружно надели на него, хватая за руки и ноги, но быстро поняли, что их захваты не достигают цели: жертва ускользала, как угорь. Затем Матвей показал туйфа — технику ног, отбросив всех четверых за доли секунды. Коренастый сразу же вскочил и согнулся в тансине¹, видимо, он имел какой-то дан, скорее всего третий — сандан, однако в награду за это Матвей показал ему дальний тэнти-нагэ², или, говоря по-русски, «бросок за тридевять земель», в результате которого парень улетел метров на шесть и застрял в желобе для подачи воды.

Все это время участковый простоял столбом, выпучив глаза и не веря им, потом цапнул с пояса штатный «макаров». И Матвей влепил ему полновесный еко-гэри, не оставляющий на теле следов, но запоминающийся надолго. Подобрал выпавший пистолет, вынул оттуда обойму и вернул оружие инспектору, сидящему на земле с разинутым ртом. Сказал участливо:

— Водички дать, Константин Кириллович?

Участковый с шумом выдохнул, хотел что-то ответить, но лишь хрипло выматерился.

Выбежавшая спасти брата Лидия с изумлением глядела на компанию ковылявших со двора гостей. Подозрительно посмотрела на Матвея:

— Ты что с ними сделал?

— Пальцем не тронул, — засмеялся тот. — Ничего, уважать будут.

Словно в ответ участковый оглянулся за калиткой, сунул пистолет в кобуру.

— Уезжай отсюда, каратист хренов! Завтра за тобой приедут из округа, посмотрим, как ты их встретишь.

— А пусть приезжают, — беззаботно откликнулся Матвей. — Вместе поищем солярку и мотоцикл. За место не боишься, Кон-

¹Тансин — боевая стойка в карате.

²Тэнти-нагэ — бросок неба и земли (айкидо).

стантин Кириллович? Аль рука есть повыше? Так я ту руку найду. Адьо, господа.

Участковый со свитой ушел. Лидия повернулась к брату:

— Ты что же, успел с ним познакомиться?

— И с ним, и с председателем. Интересные люди. Ничего, Лидуха, хуже не будет, а меня им не достать.

— В спецназе, что ли, работаешь?

— Где же еще. — Матвей снова засмеялся и увлек сестру за собой: — Пошли чай с вареньем пить. Варенье ты варишь классное!

В душе он далеко не был уверен в действенности своих «воспитательных» мер, но твердо знал, что отпор беспределу — на всех уровнях — должен дать.

Наутро Лидия, вставшая с петухами, обнаружила на дальнем конце поля украденный мотоцикл. А после обеда примчался Леонид и ошарашенно заявил, что председатель вызывает фермеров на совещание по оплате долгов. Матвей, собравшийся продолжать в том же духе, с облегчением признался себе, что не рассчитывал на такую скорую победу. И вообще на победу. Председатель оказался трусливее, чем он ожидал, решив, что гость, действующий столь открыто и нагло, имеет достаточно высоких покровителей. Впрочем, узнай он правду, едва ли сделал бы больше.

Уезжал Матвей на четвертый день, отдохнувший и посвежевший. Но на душе у него лежал камень. В селе сны его не беспокоили, как раньше, но психика чуяла чей-то зов. Кто звал — Кристина, Тарас или Илья Муромец, Матвей не разобрался, но знал, что он кому-то сильно нужен.

Глава 13

КОЕ-ЧТО О ВНУТРЕННЕМ КРУГЕ

Где-то в глубинах мироздания родился низкий вибрирующий гул. Содрогнулись галактики, звезды, туманности, планеты сбились со своего извечного пути вокруг звезд, их материки, как и твердь земная, отозвались колоколами родившихся трещин и ущелий, передали гул, грохот и толчки стенам зданий; задребезжали стекла, бокалы, рюмки, закачались люстры, лампы, бра; дрожь вошла в кости черепа, тела, в позвоночник, заставила за-

говорить язык, исчезла... Гул стих. И Великая Тишина обрушилась на мозг Тараса — он вышел за пределы всех человеческих чувств, достиг мугамуси¹ — полной отрешенности от земного бытия — и слился с полем информации большой живой системы под названием «биосфера Земли».

Контакт длился неимоверно долго — больше десяти секунд, пока «И» Тараса, его «разум-воля», искала нужные узлы эйдети-ческой, целиком эмоциональной информации среди сплетений полей и тончайших, непередаваемых ощущений, доступных словесному выражению и логическому определению еще в меньшей степени, чем такие явления, как звук, цвет и линия. Тарасу открылись так называемые «каналы информации скрытой реальности», доступные лишь истинно Светлым иерархам: Мастерам, Адептам, Ангелам — и реже — Посвященным в дела и заботы Внутреннего Круга. Он увидел сложнейшее поле взаимодействий всех крупных физических систем — от человека до «социальных фигур» сфер политики, экономики, науки и паразитирующих на них «вампи-ров»: мафии, коррумпированных и бандитских формирований, правозащитных институтов. Закрытыми остались лишь области «запретного смысла», то есть зоны деятельности иерархов и противодействующих им «тарантулов» и «монархов тьмы». Принадлежавшие иерархам имели необычайно красивые гармоничные формы и светились нежным опалом; те же, коими владели властители тьмы — угрюмые, бесформенные горы, — то казались состоящими из грязного тумана, то открывались безднами, объять и понять которые не смог бы ни один разум во Вселенной. Одна из таких «гор» подмяла под себя Москву и словно почувствовала, что в нее пытается проникнуть враг: из глубокой размытой «инфрасерым» цветом бесформенности на Тараса глянули бешеные, полные злобного недоумения глаза.

Лишь короткий миг Тарас сдерживал давление взгляда — не взгляда, конечно, — коллективного психического противодействия, и отступил, ушел «под горизонт событий», спрятался за блоком интенсивной пси-защиты. И все же остался доволен: он успел подсмотреть кое-какие детали чужеродного поля взаимодействий и определить возможные траектории событий между «индивидуальными пространствами». То есть между людьми и их

¹Мугамуси — психическое состояние в дзэн-буддизме.

поводырями. Что ж, мозаика складывается по крупичкам, по кусочкам, и важен каждый, даже самый малый обломок.

Выход из ментала в астрал сопровождался бурей не слышных человеческому уху звуков, а из астрала в мир внешних проявлений, мир известных реалий, — знакомым гулом электромагнитных колебаний, порожденных ансамблями клеток напряженной нервной системы. Тарас осознал себя лежащим на чем-то твердом, с закрытыми глазами, в традиционной моку-со¹. Открыл глаза.

Он лежал на плоском камне в глухом «кармане» оврага, недоступном зрению практически со всех сторон, даже из самого оврага. Спуститься в «карман», образовавшийся в результате обрушения стенки оврага, можно было только сверху, через заросли черемши и лещины. Тарас отыскивал его случайно, по возрастанию положительного потенциала этого уголка природы, словно специально созданного для уединения и медитаций.

Оставаясь неподвижным, он пролежал еще несколько минут, вслушиваясь в тишину вокруг. Существовала, конечно, опасность, что его в конце концов запеленгуют, но излучение выбранного «узла напряжений», приходившегося на овраг, в небольшой степени помогало маскироваться, отстраиваться от потока излучений тупой и злобной силы «монархов и тарантулов».

В памяти всплыло нежное и печальное лицо последней жены.

— Елинава! — невольно прошептал Тарас, расслабляясь на миг.

Два года назад о н и убили ее! Убили, имитировав ограбление, когда он находился за тридевять земель отсюда и помочь ничем не мог. Убили вместе с неродившимся сыном. Что из того, что он потом нашел исполнителей и покарал их? Те, кто ими руководил, остались в стороне, скрытые коллективным полем «растворения следов», и добраться до них в одиночку, без помощи иерархов, он так и не смог. Иерархи же, от динарха до инфарха, отрицают целесообразность мести, какой бы святой она ни была. Что ж, он попробует обойтись и без них, взяв в помощники несозревшего паранорма, который не подозревает... что станет отмывкой в его руках, отмывкой, открывающей дверь в Преисподнюю...

¹Моку-со — медитация с закрытыми глазами.

Как паук, ловко поднявшись наверх, Тарас привычно «осмотрелся» — в пси-диапазоне ничего угрожающего не обнаружил и залез в машину, целиком умещавшуюся под шатром гигантской ивы в полусотне шагов. Через час он въезжал в Москву со стороны Коломны.

Почти в то же самое время на Ярославский вокзал прибывал поезд, доставивший в столицу Матвея из Вологды.

Матвей пока не решил, будет ли он продолжать работу на ГУБО, а также и на «Чистилище», не знал, что прикажет ему непосредственное начальство, но помнил свою клятву насчет Ивакина. Но прежде чем начать действовать, надо было посоветоваться с компьютером на предмет поступления свежей информации, а также разобраться, откуда у него еще в деревне появилось ощущение ожидания. Кто ждал его в столице? Кристина? Горшин? Генерал Дикой?..

Еще в поезде Матвей «включил» интуитивно-рефлексную сторожевую систему, надеясь зафиксировать любое проявление любопытства к своей персоне, и успокоился лишь дома, просеивая через мозг и психику шум нормальной жизни города. Автоответчик поведал ему грустную историю об отсутствии каких бы то ни было звонков, и успокоенный Матвей полез в ванную. А когда вышел оттуда, обмотанный махровым полотенцем, обнаружил в гостиной Горшина.

Первой реакцией Соболева было удивление, потом появился гнев, который он усмирить не сразу.

— Извини, что без спросу, — понял его состояние Тарас.

— Разве дверь была открыта?

— Нет, но я умею разговаривать с электронными замками. Извини еще раз, просто я решил показать тебе, насколько твой дом незащищен. Если позволишь, я дам совет, как тебе его обезопасить.

Матвей подумал и кивнул, соглашаясь. Гнев его улегся окончательно, ворча, как побитая собака. Он принес из холодильника три запотевшие бутылки сока, достал стаканы. Надев шорты и майку, сел напротив гостя.

— Я знаю, у тебя ко мне снова накопилось много вопросов, — сказал Тарас, пригубив грейпфрутового сока. — Валяй задавай.

— Давай все-таки договоримся, что вламываться ко мне в квартиру таким образом ты впредь не будешь.

— Обещаю.

— Ты же говорил, что задавать вопросы мне еще рано, что я не созрел. Аль пришла пора? Или стряслось что?

Горшин не ответил, продолжая пить сок мелкими глотками. Матвей отпил сам, чувствуя, как холодная струйка течет по пищеводу.

— Кое-что я узнал, конечно, — продолжал он. — В основном из оккультных трудов Махатм, Люлла, Успенского, но хотелось бы уяснить главную идею эзотеризма. Поэтому давай сначала. Время есть?

Горшин улыбнулся:

— В пределах выяснения истины.

Матвей усмехнулся в ответ:

— Как-то мне попалась газетная карикатура: кирпичная стена, возле нее — три тела, напротив — двое с автоматами, в форме, и еще штатский. Один с автоматом говорит штатскому: «А истина лежит посередине».

Тарас засмеялся:

— Хорошо. — Посерьезнел: — Ладно, начнем. Источники ты нашел достаточно значительные, так что разжевывать не буду.

Чтобы понять сущность идеи эзотеризма, необходимо прежде всего уяснить, что человечество гораздо старше, чем полагает ортодоксальная наука. Мы об этом с тобой говорили, если помнишь. Каменный век, например, следует считать не эпохой начала ранних цивилизаций, а временем их упадка и вырождения. И вообще все без исключения нынешние «дикари», то есть народы, обнаруженные нашими исследователями в диком или полудиком состоянии, являются потомками более культурных народов, опустившихся до состояния вырождения.

Тарас с видимым удовольствием выпил еще стакан сока, обвел сосредоточенное лицо Матвея своим обычным понимающе-ироничным взглядом, однако от шутки воздержался.

— Все народы в свое время обладали лучшими кораблями, городами, оружием, более высоким социальным устройством общества, мудрой религией. На Земле сменяли друг друга многочисленные цивилизации, неизвестные нашей исторической науке. Некоторые из них достигали куда более высокого уровня, чем современная, но от них не осталось никаких следов... кроме дос-

тижений науки тех времен, сбереженных Хранителями Внутреннего Круга, то есть Светлыми иерархами.

— А что, есть все-таки и темные иерархи?

Тарас блеснул глазами:

— К сожалению, даже Внутренний Круг не свободен от борьбы за власть, согласно герметическому Принципу полярности. Да, существуют светлые и темные Хранители, инфархи и Монархи Тьмы, а также «тарантулы» — коллективы темных иерархов, использующих знания для своего личного возвышения. Но поскольку они живут среди обычных людей, вовлекая их в круговорот событий, то, когда «монарх» набирает силу, человечество «проваливается» в очередной жестокий кризис.

— Что мы наблюдаем и сейчас, — добавил Матвей задумчиво. — Обо всем этом я читал и более или менее все это осознал. Не понял только, почему дети иерархов не становятся сразу людьми Круга, почему им, как обычным людям, надо пройти соответствующую подготовку?

— Потому что скрытое знание не откладывается в генах, а передается только от Учителя ученику, прошедшему долгую и зачастую мучительную подготовку, которая должна закалить душу. Хранители создавали особого рода школы, где знание скрывали от непосвященных, чтобы они не исказили его, не применили кому-нибудь во вред или вообще не уничтожили. Цивилизация и к о г д а не берет начало в естественном росте, она появляется только благодаря искусственному взращиванию. Что бы ни говорили наши современные ученые философы, цивилизации начинали мощнейшие Личности, на худой конец — небольшие группы Учителей, интеллектов-последователей.

— Например?

— Моисей, Гаутама Будда, Иоанн Креститель, Иисус Христос, Гермес Трисмегист. Кто еще? Кришна, Рама, Пифагор, Сократ, Орфей, Платон. Это Личности. Ну и анонимные учителя, предпочитавшие оставаться в тени: строители египетских пирамид и Сфинкса, пророки, художники, основатели школ, в том числе и боевых искусств, орденов суфиев и носителей парадигм.

— А ты?

— Я — последователь Гермеса Трижды величайшего.

— Нет, кто ты в иерархии Круга? Ты говорил — Посвященный, это кто — Учитель, Хранитель?

Тарас отвел глаза, на мгновение вспыхнувшие угрозой и предостережением, помолчал.

— Я — Посвященный седьмого подуровня Плана человеческого Духа.

Матвей подождал продолжения, но Горшин надолго замолчал, погрузившись в свои мысли. Наконец тихо проговорил:

— Ну, не смогу я тебе на пальцах... — Снова замолчал.

— Хорошо, допустим, — кивнул Матвей. — Допустим, все это правда. Каким же образом ты, эзотерик, Посвященный куда-то там, человек Круга седьмого подуровня, сверхчеловек, можно сказать, оказался в компании с «чистильщиками»? При первом нашем разговоре ты не ответил на мои вопросы. Задаю их еще раз. Зачем тебе... вам земные дела, если существует более сложная реальность мира, где вы можете реализовать свои способности? Ведь если верить тому, что я прочитал и услышал, вы все равно не сможете помочь человечеству выйти из тупика, из хаоса противоречий, привести его к истинному знанию и пониманию вещей.

— Не смогу, — согласился Горшин, грустнея. — Дело в том, что Внутренний Круг не является органом управления человечеством в целом или отдельной цивилизацией. Это, наконец, не программа, ведущая ко всеобщему прогрессу и процветанию. Система его взаимодействия с «внешним кругом» человечества невероятно сложна и допускает несправедливость, провоцирование жестоких войн, террор и насилие, позволяющие функционировать принципу сохранения культуры. Хотя принудить людей к чему-либо невозможно, а значит, нельзя и помочь. В массе своей они не хотят или не могут совершить необходимое усилие и пойти дорогой истины. К сожалению, нынешняя цивилизация — такая же тупиковая, как и тысячи до нее, потому что общая направленность человеческого мышления ведет не к истине, а от нее! Гомо бонис — человек добрый — фикция, как и гомо сапиенс.

— Тем более я не понимаю ваше...

— У меня есть причина, я говорил, — глухо произнес Тарас. — Даже две. Переделать этот мир я не смогу, но кое-что сделать необходимо. К тому же мне нравится власть.

Матвей недоверчиво глянул в глаза гостя. Горшин оттаял, засмеялся:

— Что, сразил? Да, мне нравится власть, но с небольшим уточнением: власть не над людьми, а над обстоятельствами. Это меняет дело? В принципе, рассказываю я это тебе столь откро-

венно только по одной причине: у тебя есть шанс стать человеком Круга.

Матвей покачал головой, глаза его вспыхнули голубым огнем и погасли, он подавил охватившие его чувства.

— Как сказано у многих учителей прошлого, которых ты перечислил, Врата мира, а значит, и Круга открываются лишь перед теми, кто ищет.

— Но там же еще сказано: «Просите, и дано будет вам. Стучите, и отворят вам». У тебя есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, сердце, чтобы чувствовать. Ищи, ганфайтер, набирайся опыта, стучащему да откроется!

— «Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза? — пробормотал Матвей. — Чтобы тебя лучше видеть, внученька...» Как говорил один мудрец: «Опыт увеличивает нашу мудрость, но не уменьшает нашей глупости».

Тарас не отреагировал на шутку. Глянул на Матвея как-то по-особому, у того даже голова закружилась.

— Чуешь? Ты в самом деле не совсем нормальный человек, Соболев.

— Спасибо.

— Не за что. Это правда. У тебя очень сильно развита экстрасенсорная сфера, а это задатки для Посвящения. Хотя путь в Круг долог и горек. И идти тебе дальше, чем мне, я вижу. Только учти: тебе будут мешать.

— Кто? — Матвей подбросил вверх салфетку и проткнул ее носом.

Горшин вздохнул:

— Не только люди.

— Не твои ли Монархи Тьмы? Или как там еще — «тарантулы»?

— Они не мои, но если засекут — костей не соберешь, — сказал Тарас таким тоном, что у Матвея холодок пробежал по спине. — И в какой-то момент я могу не успеть на помощь. Теперь о конкретных делах. Завтра вечером мы с тобой уберем предателя, пока он не разрушил одно из звеньев «Чистилища».

— Нет, — сказал Матвей твердо. — Все, что угодно, любые задания, но... я не палач. И даже не судья. Нельзя сказать, что я осуждаю «чистильщиков», их жертвы чаще всего действительно заслуживают кары. И все же...

— Понял. — Горшин остался спокойным. — В общем-то я

знал, что ты откажешься. Что ж, напарника я найду. Но через два дня у нас будет общее дело, и без твоего участия не обойтись.

Матвей сделал жест, означающий: а по фигу все! Проводил Тараса до двери, хотел спросить, зачем Горшин выдал ему все руководство «Стопкрима», но, поразмыслив, передумал.

— Я знаю, что тебя интересует, — полуобернулся Горшин. — Так вот... Информацию по «Чистилищу» я выдал тебе по той простой причине, что в какой-то момент комиссары захотят большей власти и свернут с пути, тогда тебе придется «погасить» их.

— А ты что же?

— Меня, может, уже не будет на этом свете. И вот еще что: Ивакина убили боевики из ДД-обоймы «Стикс» Хасана Ибрагимова, майора ФСК, подчиненного начальнику Управления «Т» контрразведки генерал-лейтенанту Ельшину. Кто именно выполнял приказ, не знаю, подразделение так засекречено, что о нем знают лишь Хасан да генерал. Попробуй выяснить сам.

— Выясню, — сказал Матвей, пораженный услышанным.

— И последнее: зайди к Муромцу и забери ту штучку, которую ты у него оставил. Она может тебе в скором времени пригодиться.

Ушел. А Матвей молча смотрел ему вслед: Горшин знал об оставленном у Ильи оружии. Но причин, по которым он оказался среди организаторов «Чистилища», так и не объяснил.

С Кристиной он провел всего час — она торопилась на занятия шейпингом, хотя, по мнению Соболева, улучшать фигуру ей было некуда. За это время девушка успела сообщить кучу студенческих новостей и сплетен, из которых самым важным было сообщение о поведении Жоржа — вел он себя выше всяких похвал, — а также поделиться планами на ближайшее будущее. Во-первых, она решила заняться английским языком профессионально и в будущем стать переводчиком, а во-вторых, поддавшись уговорам подруг поучаствовать в осеннем конкурсе «Мисс Москва». Насчет первого Матвей ничего не имел против, а услышав о конкурсе, осторожно заметил: не смущает ли леди общепринятое мнение о том, как становятся лауреатами таких конкурсов? На что получил ответ: во-первых, это горе не мое, во-вторых, я не собираюсь становиться лауреатом таким способом, а в-третьих, уж не ревнует ли уважаемый мэтр? «Мэтр» сделал вид, что рев-

нует ужасно, и в награду получил обещание подумать о неучастии в конкурсе.

Договорившись встретиться с Кристиной через день, он посетил в клинике Илью, узнал у него код сейфа, где лежал отобранный у автоворов пистолет, потом заехал к нему в гараж, забрал пистолет и вернулся домой, где засел за компьютер, пока не вычислил кое-какие связи генерал-лейтенанта Ельшина. Затем сварил кофе, поджарил тосты и только собрался было «покейфовать», как вдруг зазвонил телефон. Матвей воззрился на него в немом изумлении: ему н и к т о не должен был звонить! Дикой не мог знать, что он уже вернулся из села, Ивакин был мертв, начальники ГУБО номера телефона не знали, он им его не давал. Оставалась Кристина, хотя они расстались всего два часа назад.

Матвей снял трубку, изменил на всякий случай голос:

— Слушаю вас.

В трубке раздался щелчок и тут же гудки отбоя. Осторожно, как ядовитого паука, положил Матвей трубку на рычаг. Показалось вдруг, что из чашки динамика высунулась призрачная когтистая лапа, погрозила пальцем с чудовищным когтем и втянулась обратно. Матвей понял, что это подсознание предупредило об опасности, потому что трубку на том конце провода сняли не случайно.

Поразмыслив, Матвей достал из тайника пистолет, проверил обойму, повертел в руках, чувствуя себя ковбоем. «Макаров» заметно менял настроение, буквально гипнотизируя владельца, подтверждая известную поговорку: пистолет рождает власть. А главное, придавал уверенность. Он был увесистым, но не слишком тяжелым, несмотря на почтенный возраст, не очень красивым, но ощутимо грозным. Матвей редко пользовался огнестрельным оружием, хотя и владел всеми его видами, но в ситуации, о которой предупреждал Горшин, пистолет был необходим. Если Соболева начнут проверять «щитовики» Шмеля, о знании приемов боя придется забыть, а вот то, что у друга Ильи Шимука, только что вернувшегося из мест заключения (именно по этой легенде Ивакин вселил Матвея в квартиру ВКР), есть оружие, удивить могло только органы милиции.

Интуиция не подвела и на сей раз. Звонок был проверочным — на месте ли «клиент», а потом появились и сами «контролеры» — знакомые «секретарши» Дадоева и с ними милиционер в форме, в котором Матвей узнал верзилу-охранника из батальона Шмеля. Они его, к счастью, не узнали: знакомился с ними Собо-

лев во время походов в резиденцию Шмеля, изменив внешность. Единственное, что мучило, — откуда они узнали номер сверхсекретного телефона квартиры, принадлежавшей военной контрразведке.

— Чего надо? — буркнул Матвей, приоткрывая дверь на длину цепочки, когда в прихожей раздался звонок. Одет он был в серый халат, скрывающий фигуру, и вид имел интеллигентно-казарменный.

— Паспортная проверка, — ответно буркнул псевдомилиционер. — Вы один здесь проживаете?

— Один. А документ у вас имеется?

— А как же, — процедила одна из девиц, брюнетка.

В ту же секунду вторая резко ударила в дверь ногой — прием какато в классическом исполнении каратека. Цепочка лопнула, и, если бы не реакция Матвея, ему достался бы сильнейший удар по голове. Но так как он имитировал «нормального» рецидивиста, не имеющего понятия о рукопашном бое, то и реагировал соответственно — отлетел в глубь прихожей, будто и впрямь получил по голове. Лежа на полу, потряс головой, выругался, поднялся на локтях, глядя на гостей мутными глазами, хотя на самом деле контролировал каждое их движение.

— Он? — повернула голову брюнетка в сторону двери.

Из коридора в дверной проем ступил новый персонаж — тот самый подбритый молодой человек в кожаной безрукавке, которого Матвей встречал дважды, в гараже Ильи и в кабинете Дадоева, и который стрелял в Илью.

Первой мыслью Матвея было: кранты! Если узнает, тут же и пришьет! Вторая мысль удержала его на месте: терпи до последней возможности.

Конечно, Матвей не был приверженцем ислама, в переводе означавшего «покорность», в том числе — судьбе, но в его работе покорность, пусть и видимая, а также терпение играли большую роль. И он поплыл по течению предлагаемых событий дальше, принимая чужой сценарий. В голове назойливой мухой бился вопрос: откуда они узнали номер телефона и адрес?

— Он, — сказал кожаный. — Сидел у того мудака в автомастерской.

Матвей повеселел: было бы хуже, если бы этот прихвостень Белого — Дадоева узнал в нем посетителя «Независимой федерации кикбоксинга».

— Охренели, что ли? — прохрипел Матвей, вставая, держась

за голову, и получил новый удар от секретарши-блондинки. Отлетел в угол прихожей, сбивая с вешалок в нише одежду.

— Закрой дверь, — приказал «милиционер» опознавателю, кивнул девицам, и те профессионально заломили руки копошившемуся на полу хозяину, поволокли в комнату.

— Суки! — выхрипнул Матвей, прикидывая тяжесть положения, но до настоящей пытки было еще далеко. К тому же его явно проверяли на прочность, «ислам» пока не мог быть отменен.

Брюнетка точно врезала ему по затылку, едва не достав болевой центр (тэ-гатана, то есть «рука-меч», удар нанесен ребром открытой ладони — вот зараза!).

— Заткнись!

Остальные молча принялись обшаривать квартиру, потрошить диван, вышвыривать вещи из шифоньера, книги с полок. Шмон мог закончиться печально — дверь в рабочий кабинет с компьютером не была заблокирована, да и маскировалась стандартно — книжным шкафом, и Матвей решил изменить сценарий постановки.

— Поубиваю, падлы! — зарычал он, пытаясь вывернуться из рук девиц, и получил еще один удар по голове, повергший его в состояние грогги, так что симитировать потерю сознания было легко. Его отпустили, и Соболев свалился на пол, используя стандартные актерские трюки. Однако ему поверили.

— Нашел, — донесся до него голос «кожаного». — Смотри-ка, что за птица. Оказывается, он урка!

Матвей понял, что «гости» нашли «ксиву» — справку о том, что он выпущен на свободу из колонии особого режима.

— Не урка, — пробасил «милиционер», — сявка, а вернее, бытовик¹, видишь отметку? Три года отбухал под Нюренгри, надо же. Интересно, за что? И почему он здесь живет, квартирка-то принадлежит не ему.

— Вот у него и спросим.

В тот же момент Матвей рванул к окну, выдернул из-за батареи пистолет и направил на застывших «защитников правопорядка».

— Стоять, фраера! Мне терять нечего, я снова могу сесть, ес-

¹Урка — профессиональный преступник, сявка — мелкий, бытовик — непрофессиональный преступник, попавший в тюрьму случайно.

ли понадобится, но теперь уже за то, что вас всех уложу. Уловили?

Непрошенные гости уловили.

— Ладно, успокойся, — миролюбиво проговорил «милиционер». — Мы кое-кого ищем, и было подозрение, что ты — это он.

— Не лепи горбатого. — Матвей мотнул головой на «кожаного». — Я этого чуху тоже узнал, он брал на арапа моего давнего кореша.

«Милиционер» лапнул было кобуру пистолета, но Матвей выстрелил, всадив пулю аккурат в ремешок, державший кобуру.

— Я же сказал — не дергайся, гад, маслину¹ схлопочешь! Давай выкладывай, какая падла на меня вашу хевру² навела.

Налетчики переглянулись.

— Тебе же говорят... — начала брюнетка.

— А ты закрой хавало, — повел стволом пистолета в ее сторону Матвей. — С бабами вообще у меня разговор короткий. Ну?

«Милиционер» облизнул губы.

— Понимаешь, у нас в конторе кто-то пытался качать права...

— Копер! — одернула его брюнетка.

Тот отмахнулся.

— Вроде бы как в защиту твоего... кореша, ну а ты был в его конторе, когда туда пришли... из частного агентства, вот мы и проверяем... Адрес дал нам шеф, к нему все вопросы.

— Лажанулись вы, люди. Илюха действительно старый мой сламщик, кореш, а насчет остального... Я олень³, а не сявка, хотя и провел срок на даче⁴, фигура⁵ у меня всегда при себе, и облома я не люблю. А теперь хилийте отсюда.

Боевики Белого гуськом потянулись к выходу. «Милиционер» оглянулся на пороге:

— За что сидел-то, олень?

— За торговлю «воздухом», — скривил губы Матвей. — В обо-
бо крупных размерах.

¹Маслина — пуля.

²Хевра — шайка преступников.

³Олень — человек, не принадлежавший к преступному миру.

⁴Дача — место лишения свободы.

⁵Фигура — револьвер.

«Милиционер» кивнул: он знал, что «воздух» на фене означает «деньги».

После их ухода Матвей прибрал в комнатах и полчаса просидел в ванной под душем, отходя. Проанализировав свое поведение, остался доволен. Его не узнали как «щупача» офиса Шмеля — это раз. Профессионалом рукопашного боя он явно не выглядел — это два. Зато хорошо сыграл роль непрофессионального бандита, получившего «образование» в колонии, — это три. Налетчиков он сбил с толку — это четыре. Пусть проверяют, начальники особняка под Нюрнгри подтвердят кому угодно, что у них сидел Матвей Соболев, осужденный за валютные операции на пять лет, и освобожден досрочно «за примерное поведение».

Правда, точила душу тайна: каким образом Горшин отгадал, что ему понадобится пистолет? И главное, каким образом Шмелю удалось так быстро определить адрес конспиративной квартиры, принадлежавшей СМЕРШу?

Глава 14

БУСИДО¹

Премьер-министр Михаил Сергеевич Краснорыжин слыл человеком рассудительным и спокойным. Он никогда никуда не спешил, взвешивал каждое свое слово и, казалось, не говорил, а вещал. На самом деле медленно и тяжело говорил он только затем, чтобы скрыть природное косноязычие, но даже при этом проглатывал окончания слов, и понять его иногда было непросто.

Окна громадного кабинета премьера выходили в парк вокруг «черно-белого дома», и видеть подъезжавшие машины он не мог, однако то и дело подходил к распахнутому окну, чтобы глянуть на стену деревьев, скрывавшую паркинг. Премьер ждал гостей и нервничал, потому что они опаздывали.

Был он низкорослым, тучным, широким в плечах и груди, малоподвижным и обликом почти не отличался от снежного человека, каким его изображали карикатуристы. Особенно впечатляло собеседников лицо Михаила Сергеевича, квадратное, с

¹Бусидо — самурайский кодекс чести.

мощными бровями и еще более мощной челюстью, с неожиданно острым носом и тонкими губами. Однако, несмотря на гориллоподобное обличье, был Краснорыжин далеко не дурак, хотя и выплыл к вершинам власти из болота старых партийных связей. К тому же он знал все способы удержания власти и личностью был незаурядной и страшной. Второго такого политика верхние этажи правительства не имели, даже президент вынужден был считаться с его решениями, не рискуя навлечь «гнев народа», а тем более гнев номенклатуры, который мог свободно инспирировать премьер.

Звякнул селектор.

— К вам визитеры, — тихо прошепелявил секретарь.

Именно этих визитеров Михаил Сергеевич и ждал. Один из них был министром обороны, второй — начальником Управления «Т» Федеральной службы контрразведки.

Министра обороны, маршала авиации Николая Николаевича Галкина Краснорыжин знал давно. Оба выращены были системой государственного рэкета, называемой демократией, и прошли огни и воды политических баталий, избирательных кампаний, интриг, обмана, обходных маневров, обещаний «умереть за народ». Чем-то они даже походили друг на друга, только вот министр был чуть выше и кудрявее.

Начальник антитеррористического управления генерал-лейтенант Ельшин Генрих Герхардович был очень молод — шел ему всего двадцать девятый год, — энергичен и сжат, как пружина, готовая в любой момент распрявиться с бешеной силой. Генеральский мундир он надевал крайне редко, предпочитая изысканные гражданские костюмы, поэтому выглядел всегда щегольски изящным и в то же время стандартно-деловым, как банковский служащий. Смуглое лицо его с горбатым носом, узкое и хищное от природы, волевое, издали казалось по-мужски красивым, если бы не глубоко посаженные глаза, черные, с неприятным блеском отчуждения и недоброжелательства.

Его небывалый взлет начался полтора года назад. За год из капитана, командира «пятерки волкодавов» — особой группы по розыску и уничтожению террористов (преобразованной потом в спецподразделение «Стикс»), он стал полковником, командиром бригады обеспечения ФСК, а еще через год — генерал-лейтенантом, начальником Управления «Т».

По этому поводу в официальных кругах ходили самые разные слухи: и что у него в верхах есть мощная родственная лапа, и что

он якобы оказал когда-то неоценимую услугу президенту, и что у него куча заслуг в поимке шпионов и диверсантов. Но Краснорыжин точно знал, что никаких родственных лап у Ельшина нет. Как нет и особых заслуг. Стремительное повышение Генриха Герхардовича по служебной лестнице и для премьера оставалось тайной.

Пожав прибывшим руки, Михаил Сергеевич увлек их в «курилку» — угол кабинета с пальмами, росшими из пола, шикарными креслами и столиком с напитками. Работающий бесшумно кондиционер создавал здесь атмосферу свежести и прохлады.

— Читайте. — Михаил Сергеевич передал взятый им со стола конверт Галкину.

Министр обороны, блаженно подставив лицо потоку воздуха, достал из конверта листок бумаги с тисненным в уголке золотым кинжальчиком. На листке было напечатано следующее:

«Господин премьер-министр. Обращаем Ваше внимание на неблагоприятную деятельность как кабинета в целом, так и отдельных министров. Вице-премьер Юхновский сексуально озабочен, что стало даже притчей во языцех. Министр финансов Шкуратовский «урегулировал» долг державы фирме «Стэндард электроник» таким образом, что два миллиона долларов осели на его личный счет в Осло. Минтопэнерго с подачи министра Дягловского совершило финансовую махинацию, причинившую ущерб государству в семь с половиной миллиардов долларов. А «Министерство по разбою и пиратству», коим стало Минобороны после прихода к власти Галкина, подписало разрешение на обеспечение поставок комплектующего оборудования для фирмы «Фристайл арми унд космик» за счет оставленной ей валютной выручки, полученной при поставке на экспорт вооружений. Причем «комплектующим оборудованием» оказались новейшие системы залпового огня, еще не рассекреченные. Сумма сделки оценивается в два с половиной миллиарда долларов, нетрудно вычислить, сколько получил министр обороны. Если указанные министры в ближайшее время не уйдут в отставку, а Вы лично не измените курс кабинета, направленный на властное обогащение коррумпированных чинов, мы примем соответствующие меры. Примите к сведению наше предупреждение. Второго не будет, и Вы это знаете!»

Министр обороны хмыкнул, потер темя ладонью, передал письмо Ельшину.

— Добрались-таки и до нас! Круто! «Министерство по раз-

бою и пиратству»... м-да. А ведь они не остановятся на достигнутом, дорогой Михаил Сергеевич. И информацией обладают первостатейной. Кстати, это уже по вашей части, Генрих Герхардович. Похоже, «Чистилище» осведомлено обо всем, что делается в стране, не хуже вас.

Начальник антитеррористического управления контрразведки прочитал письмо и небрежно кинул его на столик.

— Мы занимаемся этим, Николай Николаевич. После того как Бондарь со своим «Русланом» облажался с Ариставой, у меня развязаны руки. Но у «Стопкрима» действительно большие возможности. Их спецы каким-то образом влезли в компьютерные сети ФСК, МВД и даже вашего министерства, таким образом, скрыть что-либо от этих волшебников трудно. Защита сетей их не останавливает.

— Так они и до операции с оружием доберутся.

Ельшин кинул острый взгляд на Галкина, и тому показалось, что в начальнике управления шевельнулся обманчиво-добродушный, сытый, но опасный зверь.

— Мы работаем, — с нажимом повторил Генрих Герхардович. — И кое-что уже предприняли. СМЕРШ начал расследование утечки оружия, и нам пришлось убрать одну из главных фигур...

— Ивакина, — кивнул министр обороны. — Но остался еще Дикой со своим аппаратом, а также бригада расследования. Которой я, кстати, дал приказ ускорить дело.

— Бригада нам не страшна, работает по старинке, медленно, стандартно, опасен только один, подключившийся к расследованию, — профессионал высокого класса, ганфайтер. Но и его мы в ближайшее время вычислим. Он побывал в конторе Шмеля и оставил там маячок, из-за чего срочно пришлось передислоцировать батальон и перевезти оружие в другое место, так что Дикой пока не опасен. Но есть подозрение, что данный супер начал работать и на «Чистилище». Кстати, Ивакин «продал» его на время «губошлепам»: генерал Медведь захотел отличиться в борьбе с организованной преступностью.

Михаил Сергеевич хрустнул пальцами, вытер губы платком, недовольно глянул на Ельшина.

— Как бы вы хорошо ни работали, Генрих Герхардович, мы все засвечены. Не думаю, что «Стопкрим» решится на ликвидацию вышеупомянутых министров, зная, что мы подстрахуемся,

но и сидеть сложа руки, ждать, что он предпримет, тоже нет резона. Надо что-то делать самим, срочно.

— Воевать, — буркнул Галкин. — Пусть Генрих найдет гнездо «Чистилища», а дальше я уже знаю, что делать. Брошу Тульский ДД-полк, он «Стопкрим» в порошок сотрет.

Ельшин с иронией глянул на министра обороны:

— Шашкой махать и Чапаев умел, Николай Николаевич. В нашем деле необходима тонкость. Уничтожить соперника — ремесло, заставить его застрелиться — искусство!

— Что же вы предлагаете?

— Дискредитировать «Чистилище» в глазах общественности. Провести несколько операций, подготовив их соответствующим образом, так, чтобы общественность узнала не только о нечистоплотности работников «Стопкрима», а и об их ошибках.

— То есть?

— Застукать их на взятках, убить несколько известных лидеров разных партий, ни в чем не замешанных, а списать это на «Чистилище».

— Мол, и оно ошибается! — оживился Краснорыжин. — Раскрутить журналистов, телевидение... Да, это мысль. По крайней мере выйдем из-под ног «чистильщиков» почву. Не знаю только, хватит ли времени?

Начальник управления улыбнулся одними губами:

— Постараемся. Терять вам нечего, господа. Кроме положения, власти, ну и, конечно же, головы. А это все мелочи.

Галкин хмыкнул.

— Нам терять нечего... А вам?

— Есть кое-что поважнее земного уровня бытия, только вам этого не понять. Пока мы в одной упряжке, можете спать спокойно. — Генрих Герхардович сделал вид, что не заметил обмена взглядами собеседников. — Но нам могут сильно навредить дураки, наши же соратники. Михаил Сергеевич, Генеральный прокурор исчерпал себя, он должен уйти. Как и ваши проблемы. Необходима реорганизация военной контрразведки, вашей епархии, Николай Николаевич. Вы меня понимаете? Генерал Дикой — опасный противник и должен исчезнуть. Или пойти на повышение. Продумайте этот вопрос. Остальное — моя забота.

— Не слишком ли много на себя берете, Генрих Герхардович? — не выдержал премьер-министр. — Директор ФСК не в нашем лагере, как и министр внутренних дел. И аппараты у них — ГУБО, МУР, спецназы, группы особых операций, оперы контр-

разведки, отряды по борьбе с террористами — далеко не слабые. А у вас только батальон Шмеля.

— Ну, не совсем, — развеселился Ельшин. — Мы тоже не лыком шиты, и у нас есть агенты класса «волкодав» и «супер». Мы просто еще не брались за «Стопкрим» как следует, не принимали его всерьез. Теперь возьмемся. В работе «Чистилища» много таинственного, необычного, пора и нам привлечь некоторые оккультные силы. В случае необходимости позовем «Купол» на помощь.

Краснорыжин и Галкин озабоченно переглянулись. Начальник Управления «Т» ФСК смотрел на них насмешливо и с изрядной долей пренебрежения. Он пока зависел от них и потому терпел.

Депутат Государственной думы Степан Петрович Васильчиков за свой вспыльчивый, резкий характер приобрел репутацию скандалиста и не раз критиковался коллегами из других партий. Но работал честно и добросовестно, и на возглавляемую им подкомиссию по инфляционным процессам нареканий не было.

Жил он на Шельмовке, в четырехкомнатной квартире, с женой и двумя детьми дошкольного возраста.

Вечером десятого июля он пришел домой поздно, когда дети уже спали. Переоделся, принял душ и только сел ужинать, как в дверь позвонили. Открыла жена и в ужасе отпрянула: в коридор ворвались трое в масках, в стандартных спортивных костюмах, ни слова не говоря, вытащили Степана Петровича из-за стола, заткнули ему рот и принялись избивать, приговаривая:

— Тебя «Чистилище» еще не предупреждало? Так вот, настал твой черед. Получай свое.

Мужиком Васильчиков был здоровым и спустя минуту стал сопротивляться, крепко пнув ногой одного из бандитов. Тогда его связали, притащили в гостиную жену и начали раздевать. Степан Петрович, разъяренный, порвал ремень, высвободил руки и вырубил державшего его ударом головой о стену. Вожак тройки не стал дожидаться развития событий — на шум могли прибежать соседи — и сделал всего один выстрел из пистолета, выдернув его из подмышечного захвата. Пуля попала Степану Петровичу в голову...

Жена депутата, извернувшись, укусила третьего бандита за руку, и вторую пулю вожак хладнокровно всадил в нее, тоже в го-

лову. К счастью, дети не проснулись, и убийцы убрались из квартиры сразу же после расправы, оставив на столе листок бумаги с нарисованным в уголке желтым кинжальчиком и напечатанной фразой: «За преступления перед народом».

Начальник оперативно-розыскной бригады МУРа полковник Синельников прибыл на квартиру депутата в сопровождении Агапова и судмедэксперта Брисского. Тяжело ступая, обошел все четыре комнаты, постоял над телами убитых, опустил на стул. Кивнул Агапову:

— Что скажешь?

По комнатам бродили хмурые оперативники и эксперты, привычно исполняя свои обязанности, тихий говор шести человек заполнял квартиру. Детей Васильчиковых уже забрали родственники, свидетели тоже ушли, и оперативникам никто не мешал, даже прибывший председатель Госдумы Засохлов Мустафа Ибрагимович. Посидев немного возле мертвого Васильчикова, он тоже ушел, не проронив ни слова.

— Ничего не скажу, — просипел Агапов, массируя горло. — Просто не представляю, по какой причине понадобилось «Стоп-криму» убирать Васильчикова. Ее просто нет. Либо «чистильщики» начали ошибаться, либо...

— Ну-ну?

Агапов приблизил к глазам листок бумаги с печатью «Стоп-крима».

— Либо это провокация. Листок какой-то не такой, и само убийство на «чистильщиков» не похоже. Почерк не тот.

Синельников крикнул.

— Не пори ерунды. Кому нужны такие провокации?

— Ты спросил — я ответил. А кому нужны, сам подумай. Слишком хорошо «Чистилище» защищено, чтобы справиться с ним обычными методами.

— Чересчур высок уровень провокации.

— Вот именно, Викторович. Значит, «чистильщиками» «работали» также высокие птицы, для которых убить депутата — что два пальца описать. А ведь мы знаем таких...

— Тише, — поморщился Синельников. — Умный ты больно. Хорошо, что твоих советов никто не слушает... кроме меня. Иди работай, потом поговорим.

Агапов отошел было, но тут же вернулся: его вызвали по рации.

— Александр Викторович, «чистильщики» только что позво-

нили Югову, журналисту «Независимой газеты», мои ребята перехватили разговор и вычислили квартиру.

Синельников мгновенно поднялся:

— Едем!

Муровцы знали, что «чистильщики» после акции имеют обыкновение звонить журналистам и «отчитываться» за проделанную «работу», предоставляя информацию о подпольной деятельности клиента. И вот специалистам Агапова удалось перехватить «отчет». Синельникову просто повезло, что майор оказался в этот момент рядом.

Через двадцать минут они входили в квартиру на втором этаже дома в Смоленском переулке. Оперативники Агапова уже были там и встретили начальство на лестничной площадке.

— Поздно, — сказал рослый парень с коротким ежиком волос. — Птичка улетела, хозяин квартиры тут ни при чем.

— Разве не он звонил?

— Он, за изрядную сумму — для пенсионера пятьдесят тысяч, сам понимаешь, деньги немалые. А тот, кто просил позвонить, исчез.

Синельников прошел на кухню, где помощник Агапова допрашивал пенсионера-хозяина. Лысый старичок с испугом глянул на новых гостей. Не задав ему ни одного вопроса, полковник вышел.

— Вряд ли по описанию старика можно отыскать «чистильщика». Не исключено, что это был еще один подставной исполнитель, скажем, прохожий, которого попросили передать конверт и деньги. «Чистильщики» постоянно меняют тактику и подстраховывают себя по крайней мере по трехуровневой схеме.

Они сели в машину.

— Подслушку остальных журналистов убрать? — осведомился Агапов. — Вряд ли есть смысл копать в этом направлении.

— Оставь пока. Лучше подскажи, что мне докладывать генералу. Мол, жалко Васильчикова? Кстати, как там наши подопечные?

Синельников имел в виду некоторых сотрудников спецслужб, уволенных в последние два года, за которыми велось наблюдение.

— Пока ничего не обнаружили, не то поднял бы тревогу. — Агапов махнул рукой водителю. — Мои ребята тоже подозревают, что их пасут и другие спецслужбы. Не уверен, что мы на правильном пути. Уволенные из особых подразделений — это все

низовые звенья «Чистилища»... если даже и работают на него. Ну, захватим кого-нибудь из них, что дальше? До верхов все равно не доберемся. Сам же сказал, у них многоуровневая система подстраховки.

Синельников задумчиво кивнул. Идея вычислить оперативников «Стопкрима» из числа уволенных принадлежала ему, но проверка пока не дала результатов. Пока. Он был уверен, что сама по себе идея верна.

— И все же это зацепка, так что «наружку» не снимай и телефонный перехват тоже. Вдруг зацепим кого? А вот руководителей «Чистилища» надо искать по сферам их компетенции, и тут ты прав. В МВД, скажем, это должен быть человек, хорошо знающий прокуратуру, суды и все дела. Есть у нас такие?

— Человек десять наберется, — почесал в затылке Агапов.

— Вот и займись, составь список. К генералу, правда, все равно идти не с чем. Давай по «зеленой», — обратился Синельников к шоферу.

Тот включил мигалку и сирену, прибавил скорость.

— А вообще странно, что «Стопкрим» так быстро отреагировал на свою же акцию, сообщение о ней обычно появляется на следующий день. А тут... — Синельников повернулся к начальнику «пятерки»: — Что они наговорили журналисту?

Агапов достал записную книжку, присвистнул:

— Вот черт! Здесь говорится о прокуроре Жарове, а вовсе не о Васильчикове! Я даже внимания не обратил...

Синельников побагровел, выхватил у Агапова записную книжку, перечитал сообщение, показал майору пудовый кулак:

— Смотреть надо, Юра! Я-то думал, речь идет о депутате. Что же это получается, а? «Стопкрим», оказывается, не имеет отношения к убийству?

Агапов промолчал.

Михаил Юрьевич Медведь, начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью, никогда не интересовался личностями своих телохранителей. Считал, что это компетенция службы охраны ГУБО и непосредственно заместителя начальника Николая Афанасьевича Зинченко. Почему вдруг Михаил Юрьевич обратил внимание на этого парня, он и сам не знал, видимо, сработала интуиция.

Обычно генерала сопровождало пять телохранителей: два в

авангарде и трое в основной группе, следовавшей в некотором отдалении. Порядок этот оставался неизменным, куда бы Михаил Юрьевич ни направлялся. На этот раз один из бойцов авангарда неожиданно проявил интерес к разговору начальника управления с министром внутренних дел, охрану которого несли «крапчатые береты» из состава ОМОНа. Медведь удивленно глянул на рослого белобрысого парня с развитыми плечами, и тот отошел к напарнику, придерживая локтем левой руки подмышечную кобуру.

— Твой? — спросил министр МВД, генерал Иван Кузьмич Жаров, одетый в штатское; разговор происходил в нижнем холле «черно-белого дома», куда обоих вызвали на совещание правительства.

— Мой, — кивнул Медведь, окинув взглядом флегматичного на вид телохранителя. И уже через минуту забыл о нем. Однако штришок этот сразу всплыл в памяти, когда он возвращался с совещания и оказался в лифте министерства один на один с белобрысым.

Генерал был одет в обычный официальный костюм: пиджак, брюки, рубашка с галстуком — и штатное оружие носил в кармане пиджака. Почуввав опасность, он сделал вид, что собирается закурить, из левого кармана достал пачку «Винстона», а в правом стал нашаривать «зажигалку». В тот же момент лифт остановился между этажами, а телохранитель выхватил пистолет «волк» с насадкой бесшумного боя.

— Велено передать, генерал, что крупная рыба тебе не по зубам. Лови мелкую, и все будет тип-топ. И назови парня, переданного вам для усиления военной контрразведки.

— Ну и аппетиты! — усмехнулся Медведь, не выказывая ни растерянности, ни страха. Глянул на оттопыривающийся карман пиджака. — Опыта у тебя не хватает, сынок. Видишь?

Охранник посмотрел вниз и округлил глаза; он был, конечно, профессионалом и все сразу понял. Ему, чтобы выстрелить, надо было еще снять пистолет с предохранителя, а генералу только спустить курок. Выстрел отбросил парня к стене лифта — пуля попала в левое бедро. Он попытался было произвести ответный выстрел, но Михаил Юрьевич не дал ему шанса, всадив пулю еще и в руку.

Завыла сирена тревоги, в коридорах послышался топот множества ног, в дверь лифта забарабанили кулаки. Над кабиной

грохнуло — сорвали заблокированную дверь верхнего этажа, — гулко прогремел чей-то голос:

— Товарищ генерал! Что случилось?

— Все в порядке, — крикнул Медведь, узнав дежурного по режиму. — Саша, задержите второго авангардного и вызовите врача.

Снова топот ног, потом команда, крики, постепенно все стихло. Через минуту лифт дернулся и пошел вверх. Дверь открылась, в кабину ворвались охранники, не ожидавшие увидеть начальника в здравии. Медведь вышел, кивнув на потерявшего сознание парня — посыльного «Купола».

— Придет в себя, допросите у Погребняка. Зинченко ко мне.

— Михаил Юрьевич, — сунулся к нему командир смены телохранителей, пунцовый от смущения и злости. — Это я виноват...

— Разберемся.

У себя в кабинете Медведь переоделся, осмотрел пробитый пулями пиджак, покачал головой: костюм был уже непригоден для официальных приемов. Примчавшийся заместитель смотрел на генерала как на вернувшегося с того света.

— Как это произошло, Михаил Юрьевич?

— Как в кино. Меня предупредили. — Медведь достал из бара коньяк, налил полрюмки, выпил, сел на стол. — Тебе не предлагаю, пить на работе вредно.

— А что не вредно? По-моему, и жить в наше время вредно. Что же все-таки произошло? Кто вас предупредил?

— «Купол», конечно. Его насторожили наши планы, а также заинтересовал наш друг ганфайтер.

— Значит, они все знают?!

— Все не все, но кое-что знают. Разумеется, не о подключении к нам агента класса «абсолют», для этого надо иметь не семь пядей во лбу, а гораздо больше и еще высокое кресло. Министр обороны и тот ничего не знает.

— Дьявольщина!

— Ага, согласен.

Зинченко постоял немного и тоже сел. Помолчали. Свистнул интерком. Михаил Юрьевич снял трубку, выслушал, бросил трубку на рычаг.

— Молчит как партизан.

— Кто его допрашивает? Погребняк?

— Не все ли равно, парень надеется, что его вытащат.

— Ничего, ребята поработают — расколется. По какому поводу вызывали на кабинет?

— «Чистилище» ликвидировало депутата Госдумы Васильчикова. А мы в результате получили последнее «китайское» предложение от премьера.

— Васильчикова? Степана Петровича? Я его знаю... знал. Зачем понадобилось «Стопкриму» его убирать?

— Не имею понятия. Где твой хваленый ганфайтер? Где его голова? С ума они там посходили, что ли?! Начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью подлавливают в его собственной резиденции! Это как понимать?!

Зинченко молчал.

— До каких пор премьер будет мне мылить шею? Я ему кто — мальчик для битья?! Все в одной луже сидим, а отмываться должен начальник ГУБО! — Медведь замолчал, сдерживаясь, глубоко вздохнул, глянул на неподвижного заместителя. — Фантомас разбушевался, да? Что будем делать, Афанасьевич?

— Работать, — без улыбки ответил Зинченко. — По закону административных джунглей, царящему в правительственных кругах, необходимо найти стрелочника. Нашли вас. Ну и что? Переживем. Краснорыжин разносит вас по одной причине.

— Какой?

— Боится. Когда я его вижу, всегда вспоминаю Козьму Прутова. Помните у него: «Впереди стада идет круторогий баран с колокольчиком. Овцы уверены, что он знает, куда он их ведет. А баран всего лишь желает быть впереди: не пыльно и хороший выбор травы».

Генерал засмеялся. Зинченко улыбнулся в ответ:

— Сегодня мне должен звонить Соболев. Как только поговорю с ним, перезвоню вам. Разрешите поработать с напавшим на вас террористом?

— Вряд ли он много знает. Поработай, если хочешь, но займись охраной. Как он мог внедриться? Или его просто купили?

— Скорее всего. Не беспокойтесь, Михаил Юрьевич, больше такого не случится.

Генерал открыл папку и углубился в бумаги.

Завьялов нервничал редко, да и то лишь дома, когда между ним и женой пробежала очередная кошка. Сегодня же у него все валилось из рук, настроение испортилось еще с утра, после засе-

дания правительственной команды, а вдобавок заболело сердце. Дмитрий Васильевич принял валокордин, попытался сосредоточиться на работе, но не высидел и четверти часа. Тогда он плюнул на режим, выпил водки и «забалдел», постепенно успокаиваясь. Из этого состояния его вывел телефонный зуммер. Звонил Боханов:

— Ты еще трудишься? Включи-ка телевизор, московский канал. Потом поговорим.

Дмитрий Васильевич послушно включил метровый «Панасоник», и его эйфория моментально прошла. Диктор читал объявление Министерства внутренних дел о «новом злодеянии» известной террористической организации «Стопкрим», чаще именуемой «Чистилищем».

Дослушав сообщение об убийстве депутата Государственной думы Васильчикова и его жены, а также о «следах пыток», которым они, очевидно, подвергались, Дмитрий Васильевич снял трубку телефона «горячей» линии связи, защищенной скремблером от прослушивания, и вызвал на десять вечера «электрика для починки кабинетной кабельной сети».

В десять часов в кабинет проскользнул, как всегда, не замеченный охраной здания Граф — Тарас Витальевич Горшин, поздоровался кивком, внимательно глянул на прохаживающегося по кабинету Завьялова.

— Судя по виду, вы очень взволнованы. Чем, если не секрет?

— Да черт его знает! — в сердцах ответил референт премьера. — Сердце колотится, как бычий хвост, без всяких видимых причин.

— Это так называемый синдром ранней тревоги. Без причины никогда ничего не колотится. У вас, вероятно, включен криминальный канал? Не отвечайте — вижу. «Чистилище» хотят изобразить как некоего монстра, убивающего всех подряд, в том числе и невинных людей. Операция спланирована и разработана экспертами «Купола», а среди них очень даже неплохие аналитики. Но главный его советчик, к сожалению, остается в тени.

— Что еще за советчик?

— Можете называть его... ну, скажем, Конкере, или Монархом Тьмы. Кто он конкретно, знать не обязательно. Но противник это страшный! Он поглощает, аккумулирует зло мира, и, когда масса зла достигнет критического сечения...

Завьялов ощутил внутреннюю дрожь, криво улыбнулся:

— Я не паранорм, как вы, Граф, я всего лишь обыкновен-

ный человек и не верю ни в мистику, ни в эзотерику, ни в прочую эротику, хотя и допускаю существование неоткрытых физических явлений. О Монархах Тьмы говорить не будем, они — ваша забота, если таковые существуют. Давайте о наших проблемах. Как будем отмываться после прямого телеэфира? Ведь теперь, после убийства Васильчикова, на нас начнут списывать и другие гнусности.

— И это моя забота, Дмитрий Васильевич. Послезавтра я планирую одну операцию, о которой вы тоже узнаете по телевидению. Решения «квадрата» ждать не собираюсь. Операция вынудит «Купол» прекратить провокации. А завтра трубите большой сбор, с коптевской «кодлой» пора кончать, наглеют ребята.

Горшин имел в виду преступную группировку, контролирующую район у Марьиной Рощи и возле Коптевских бань. Группировка общей численностью предположительно в двести пятьдесят человек промышляла рэкето́м, разбоем, грабежом и заказными убийствами. Активность ее росла, а оперативные меры милиции не срабатывали.

Завьялов выпил еще порцию валокордина, поморщился, массируя грудь. Горшин внимательно посмотрел на него:

— Вас что-то еще беспокоит. Слежка? Кто-то вами интересовался?

— Мной лично — нет, но нас, похоже, обложили со всех сторон. Уже и контрразведку подключили. Какой-нибудь промах — и все!..

— Ну, «фискалы» работают по «Чистилищу» давно, а вот настрояние мне ваше не нравится, Дмитрий Васильевич. Что значит «все»? Устали — езжайте на юг отдыхать, на месяц, организация это переживет.

— Она-то переживет, да я не смогу. Извините, Граф, нервы сдают. Как идет подготовка операции «Зеленый президент»?

— Выявлены все исполнители и часть организаторов. Нити тянулись в Дагестан, Ичкерия и Армению. Это осложняет дело. Надо туда ехать.

Под операцией «Зеленый президент» Завьялов имел в виду валютные махинации. Среди вдохновителей оказались юрист, педагог, торговый работник, сотрудник управления контрразведки, «шишка» из аппарата президента Чеченской республики. Наладив производство фальшивых долларов, они начали сбыт их в Москве и других городах России, попались и... были выпущены на свободу «за отсутствием состава преступления». Приложил к

этому делу руку и прокурор Жаров, и судья Муфтафчиев, и адвокаты, и следователи Генпрокуратуры, купленные «на корню».

— Мера пресечения? — тихо проговорил Завьялов.

— Лидерам — вышка, — твердо ответил Горшин. — Остальным — по степени виновности.

Завьялов поежился, встретив его взгляд — темный, непроницаемо-насмешливый, но отважился сказать:

— Загадочный вы все же человек, Граф. Жестокий и одновременно уязвимый. Если бы не вы, «Чистилища» не существовало бы, во всяком случае, в таком масштабе. Приступив к его организации три года назад, я в общем-то знал, что делаю: преступник должен быть наказан! Это справедливо, не более того. За это я боролся и буду бороться. Но ваших целей не понимаю, вы действительно загадка для меня. Опасная загадка.

— Таким меня создал Господь Бог, — пожал плечами Горшин, — ему видней. У каждого свой путь спасения. Их всего-то четыре: путь познания, путь практических деяний — добрых, имеется в виду, путь мистического созерцания и путь веры. Выбирайте любой, но не стойте — идите! Прогресс человечества возможен лишь как сумма духовных прогрессов отдельных людей, вот и вносите свою лепту.

Помолчали. Завьялов долго смотрел в окно на темнеющее небо.

— Иногда мне кажется, что вы гораздо старше меня... и не только меня — старше всех. И мне становится страшно. А вам не страшно, что мы давно преступили закон, присвоив себе привилегии судей и палачей? Что вы чувствуете, когда убиваете человека, пусть подонка, пусть преступника, но человека?

Горшин встал, бесшумно переместился к окну; не подошел, а именно переместился, как тень. Голос его был тих и ровен, когда он заговорил:

— У Филдинга есть великолепное изречение по этому поводу: «Еще я слышал, как один хирург, отрезая больную ногу, на вопрос, что сам он в это время ощущает, ответил: «Ровно ничего!» Так вот, я — тот самый хирург. И отрезаю я больную ногу. И еще: не терзайте душу сомнениями, против беспредела нет иных мер борьбы, кроме адекватного беспредела, обращенного на самих преступников.

Дмитрий Васильевич вздохнул. Сомнения не оставили его, но спорить не хотелось.

— Может быть, мы все же не с тем боремся, с чем надо, — пробормотал он. — Мы боремся с последствиями, а надо уничтожать причину. Согласны?

Горшин, не оборачиваясь, улыбнулся скорбно и жестко.

Глава 15

ВЫХОД В ЭФИР

Станным был этот ринг: полом его была зеленая равнина, столбами — гигантские деревья, канатами — реки и жгуты дыма. Матвей стоял в своем углу и ждал противника. Большей частью сознания он воспринимал действие как должное, и лишь человеческая мысль, почти задавленная вселенной сна, робко ворочалась в теснинах лба: этого не может быть!.. на самом деле такого ринга не существует... я просто сплю...

С гулом содрогнулась равнина, и в противоположном углу ринга выросла гигантская фигура: всадник на черном коне, в черных латах и в черном шлеме с черным пером. Из-под забрала смотрели на мир Пустота и Тьма. В одной руке всадник держал волнистый меч из струящегося мрака, в другой — поводья, украшенные черепами разных существ.

Взмахнув мечом, всадник устремился вперед, и где ступал его конь, вяла трава. Земля покрывалась трещинами и провалами, и по ней рассыпалась сажа. Тупая и злобная сила попирала жизнь, надвигалась и давила, на Матвея повеяло холодом смерти, он невольно попятился. Монарх Тьмы! — вспыхнула в голове догадка.

— Это еще не Монарх Тьмы, — прозвучал с небес чей-то суровый голос. — Всего лишь его фантом с кое-какими свойствами оригинала. Готов ли ты с ним сразиться?

Матвей, стиснув зубы, остановился, но страха преодолеть не смог.

— Ха-ха-ха! — засмеялся всадник так, что гул раскатами ушел в небо, равнина заколебалась и реки вышли из берегов. — Эта козявка — мой противник? Я плевком раздавлю его!

— Познай себя, — тихим шепотом возник в ухе знакомый женский голос. — Никому не ведома твоя сила, ни тебе самому, ни даже нам, иерархам. Поставь себе задачу, выбери цель и иди. Жизнь земная — нелегкое испытание для избранного Махатма-ми, но только идущий имеет шанс воплотиться в вечность.

«Я пока не уверен, что хочу воплощаться в вечность, — подумал Матвей. — И вообще куда-то идти».

Всадник остановился, опустил поводья, спрятал меч, громыкнул презрительно:

— Откуда ты вылезла, козявка? Беги, спасайся, пока я не передумал. Неужели ты и в самом деле хочешь сразиться со мной? Всяк сверчок знай свой шесток. Я — Конкере!

От хохота все небо пошло трещинами, и сквозь них на равнину закапала горящая смола. Нет, не смола — кровь!

Матвей покачал головой, глубоко вздохнул, сбрасывая ощущение. Страх улетучился, пришло ощущение свободы и уверенности. Когда шутник смеется своей остротой, она теряет цену, подумал он словами Шиллера. Держись, Конкере! «Козявка» не привыкла сносить оскорбления...

Ринг и всадник исчезли, и Матвей обнаружил себя лежащим на кровати в неудобной позе. Мысленным усилием он попытался задержать ускользавший из памяти сон, но добился лишь чисто информационного эффекта: его снова предупреждали об опасности. Дальнейшее участие в делах команды Тараса Горшина грозило привлечь внимание Монарха Тьмы, против которого бессильны простые смертные.

Матвей вспомнил короткий телефонный разговор с Горшиным после проверки, устроенной Соболеву боевиками Шмеля. Тарас позвонил, но Матвея не удивило, что тот знает номер телефона. Уж если шмелевцы узнали его, то человеку Круга это вообще ничего не стоило.

— У тебя неприятности?

— Ты был прав, меня «щупали» клевреты Шмеля. Все обошлось. Не знаю только, как им удалось раздобыть номер телефона, известный лишь начальству СМЕРШа.

— Компьютерами могут пользоваться и они, если знают соответствующие коды. Но эта проверка пристрелочная: у них был список нелегальных явочных квартир, принадлежащих контрразведке, а кто в них живет, они не знали, вот и проверили.

— Нет, они шли наверняка, зная, что я друг Ильи Муромца.

Короткое молчание.

— Разбирайся. Они ушли сами?

— Я помог, но сыграл неплохо.

— Не уверен. Если они не поверили, тебя ждет проверка жестче. Кроме того, на тебя наверняка наедут все «крутые» службы от угро до ФСК, так что готовься. Кстати, ты теперь в свобод-

ном полете: генерал Дикой, твой непосредственный шеф, подал в отставку. Все, конец связи. Завтра в пять утра начинаем операцию «Коптевская тусовка», подъедешь ко мне.

— Подожди, у меня есть вопросы...

— Завтра задашь, после окончания работы. — И Горшин дал отбой.

Сообщение об отставке Дикого повергло Матвея в состояние ступора. Наверняка на генерала давили сверху, другой причины быть не могло. Валентина Анатольевича попросту «ушли», потому что многое знал и многое мог. Встретиться с ним было необходимо, но отыскать его с первого захода не удалось. Кабинет уже занял другой человек, а домашний телефон Дикого молчал.

С этим известием Соболев и провел остаток дня. А утром началась операция «Коптевская тусовка» — ликвидация коптевской банды, на счету которой столько всего, что терпение «Чистилища» лопнуло. Убийства, изнасилования, издевательства над мирными людьми — все это были «подвиги» боевиков банды, подпадающие под статью 77 УК РФ — бандитизм, и многое другое. «Чистильщикам», как и милиции, были известны совершенно дикие случаи. Так, например, при ограблении квартиры многодетной семьи бандиты тушили окурки о лица детей! В другой раз они изнасиловали шестидесятилетнюю старуху, ее дочь и двух малолетних детей. Случай этот наделал много шума, насильников таки нашли, но суд вернул дело на доследование и тихо спустил на тормозах: запуганные свидетели отказались от показаний, вожак стаи получил два года условно, а его подельники отделались легким испугом.

В пакете сведений, врученном Матвею для ознакомления перед началом операции, были подробные описания «увеселений» подонков: гоняя на мотоциклах, они сбивали людей. У двух женщин оказался перелом позвоночника, а остальные получили травмы. В автобусах и троллейбусах молодчики «шекотали» пассажиров длинными иглами, втыкая их куда придется; девушек вытаскивали из автобуса, срывая с них одежду; мазали пассажиров дегтем и тушью; издевались над водителями; бросали гранаты в телефонные будки, палили из автоматов по окнам кафе и жилых домов, совершали поджоги, избивали неприглянувшихся почему-либо пешеходов. В общем, чего только не вытворяли!

— Ну что? — спросил Тарас, когда Матвей дочитал документы (каждый из них имел дату, фамилии свидетелей, подпись ра-

ботников службы информации «Стопкрима» и печать) и передал ему папку.

— Не думал, что это так... отвратительно! — Матвей расслабился, чтобы успокоить дыхание. — Я-то думал, только у амёб и микробов нет совести. Оказывается — не только.

Тарас усмехнулся, сидя рядом в такой же расслабленной позе. Кроме них, в «рафике» ехали еще двое «чистильщиков», составляющих вместе с водителем монаду — низовую тройку исполнителей.

Эта монада была в личном подчинении Горшина. Остальные группы (монады, мейдеры — пятерки и экстремеры — девятки) — мчались в машинах каждая по своему адресу: нужно было охватить весь район действия банды и выключить ее из «круга криминального бытия» сразу и окончательно.

Насколько понял Матвей установку, применение огнестрельного оружия не планировалось, равно как и всеобщая смертная казнь, однако он понимал, что вряд ли бандиты после этого урока смогут бесчинствовать и дальше.

— Я не знаю своей задачи.

— Курбаши, — тотчас же отозвался Тарас. — Наша цель — вожаки банды. Они сейчас моются в Коптевских банях.

— А сюрприза не будет? Как у любой подобной группировки, у них должны быть свои разведка и контрразведка, а также боевые группы.

Горшин насмешливо глянул на Матвея:

— Спасибо, что просветил. Конечно, все это у них есть, но и у нас служба организована как надо. — Он достал из сумки рацию, шелкнул кнопкой: — «Альфа», что у тебя?

— Все тихо, — прогнусавила рация. — Тусовка в сборе: джип «Чероки», два «Форда» и «мерс». Все здесь. Прикрытие стандартное, вооружены все «зубочистками».

Матвей поднял бровь, и Горшин перевел:

— Автоматами. Жди, «Альфа», через пятнадцать минут начинаем.

Вскоре машина остановилась.

— Ты прикрываешь, — сказал Тарас Матвею. — Пойдем вторыми.

Тройка монады сопровождения покинула «рафик» без единого слова, каждый из них знал, что делать. Через минуту, загримированные под толстопузых любителей пива, вылезли Соболев с Горшиным, держа в руках сумки с вениками.

Машина стояла во дворе продуктового магазина, выходящего к задкам Коптевских бань, заваленного грудями пластмассовых и деревянных ящиков, контейнерами, плитами и бочками. Тарас пробрался между заржавленным остовом автобуса и трактором к забору, прислушался и, отодвинув доску, юркнул в щель. Матвей последовал за ним.

За забором начиналась территория бань, захламленная еще больше, чем двор продмага. Лавируя между штабелями ящиков и тюков стекловаты, кирпичными кладками, завалами из досок, «чистильщики» вышли к котельной, где их встретил хмурый верзила из группы поддержки. Поднял вверх палец, перевел на котельную, показал два пальца.

Матвей понял, что двое охранников тусовки обезврежены и сидят в котельной.

Тарас кивнул, постоял немного, настраиваясь, — Матвею показалось, что от Горшина повеяло холодом и тихим электрическим шипением, — шагнул на растрескавшуюся асфальтовую дорожку. Выходя во двор, засмеялся и громко сказал:

— Представляешь хохму? Крендель ему: гони монету, а Петя ему жетон метро сует!

Матвей захохотал, присоединяясь к игре, и они, покачиваясь, хохоча, перебивая друг друга, зашагали ко второму входу в двухэтажное здание бань. Телохранители главарей банды, кейфовавших в особых апартаментах на втором этаже, с недоумением глядели на них с разных сторон. Трое выдали себя сразу, и их взяли на себя оперы поддержки, а оставшиеся встретили «подвыпивших клиентов» у входа:

— Баня закрыта, мужики. Завтра приходите.

Тарас, продолжая разговаривать, споткнулся, неловко взмахнул сумкой и попал ею прямо в лицо одного из мордоворотов. Второй упал от мгновенного, невидимого от скорости выпада Матвея, третий еще не понял, в чем дело, но среагировал и был «выключен» Тарасом на ходу. Не сбавляя темпа, они последовали дальше, оставляя прикрытию добивать охрану во дворе.

Горшин точно знал, куда идти, поэтому времени на поиски не теряли, избавив тем самым от нервных потрясений клиентов, пожелавших помыться в этот день, а бани вмещали ни много ни мало больше трехсот человек.

Второй этаж представлял собой ряд мини-саун со своими парилками, душами и ванными с холодной водой. Две, самые большие, были оборудованы по высшему разряду: двумя парилка-

ми — сухой и мокрой, бассейнами, комнатами отдыха с телевизором, баром и диванами, и обе заняты «начальством». В одной оказалось пятеро «крутых» с тремя девушками, в другой шестеро с четырьмя, среди них курбаши, главарь банды Сема Агоев, двадцати трех лет от роду, сухой, жилистый, свирепый и беспощадный ко всем, кто встречался у него на пути.

Пятерых его помощников в соседней сауне «успокаивали» ребята из монады сопровождения, самого Агоева «вырубил» Тарас, а с остальными пришлось сражаться Матвею, до того уложившему в коридоре двух сторожей, оказавшихся вооруженными.

По ориентировке МУРа, Агоев находился в розыске, и служители бань наверняка знали об этом, как и работники районного отделения милиции, курировавшего бани, однако и те и другие не хотели рисковать, предпочитая не связываться с бандитами, ничего не видеть и ничего не слышать.

Бой в пелене пара продолжался недолго.

Матвей не любил играть на публику и бил наверняка, догнав последнего из парней в парилке. Тарас, тенью проскользнув из предбанника мимо парилок в комнату отдыха и не найдя там главаря, тоже не стал растягивать «удовольствие». Обнаружив Агоева в пятиметровом бассейне, он прыгнул через него прямо к лежаку, на котором блаженствовал в окружении голых девиц Агоев. Матвей вошел в помещение бассейна в тот момент, когда Горшин уже возвращался, сопровождаемый визгом девиц. Он не заметил, что одна из них вдруг достала из-под лежака ружье, оказавшееся американским винчестером «ремингтон» двенадцатого калибра, и Матвею пришлось «рвать жилы», то есть прыгать и выбивать оружие у девицы из рук, когда она уже готова была спустить курок.

Выстрелить она успела, даже два раза, но Горшин ухитрился нырнуть за дверь, обладая еще более быстрой реакцией, чем Соболев.

Девушка оказалась из охраны Агоева и великолепно владела приемами кунгфу. На ее пальце был перстень в виде черепа, и Матвей понял, что она работает также и на Шмеля. Схватка длилась бы еще некоторое время, если бы не Тарас, бросивший от входа в бассейн кафельную плитку и попавший девушке прямо в висок.

— Идем.

— А... она? — Матвей опустил руки, перестав ориентироваться и тупо соображая, что делать дальше. «Отчего все противно и дико?» — подумал он вдруг.

— Оклемается. Пошли, все кончено.

Матвей вдоль стенки доковылял до выхода, оглянулся. Агоев лежал в неестественной позе, вывернув голову, с пистолетом в руке. Обладая звериным чутьем, видимо, пытался выстрелить в последний момент.

— А он?

— Это Агоев. Бандит. Киллер. На его счету три убийства, изнасилования и грабеж с отягчающими.

— Ты... его?..

Тарас молча повернулся и вышел. Чувствуя горечь во рту, Матвей поплелся за ним. Горшин не пытался ни приободрить его, ни успокоить. Только, прощаясь, заглянул в глаза и сказал:

— Это не люди, ганфайтер, они заражены злобой и ненавистью, и смерть лучшее лекарство для них. Они мучили, пытали, убивали, не чувствуя боли, и отрезвить их можно лишь болью.

— Значит, их всех...

— Не всех, только убийц. Если известно, что именно они убивали.

Позже Матвей узнал, что, кроме Агоева, убиты еще четыре главаря из этой же банды, остальные, больше двухсот, избиты, а особо опасные — изувечены. На следующий день журналисты центральных газет и телевидения получили подробную информацию об их злодеяниях. Банда, по сути, была ликвидирована, как бы ни оценивали этот факт правоохранительные органы и общественность...

Запиликал телефон.

Матвей отогнал воспоминания, подождал немного. На третьем сигнале телефон замолчал. Это мог быть кто угодно, однако Матвей не верил в совпадения и был уверен, что номер телефона известен не только сотрудникам ВКР. Как говорил Бенджамин Франклин: «Трое могут сохранить секрет, если двое из них мертвы». Тайну квартиры, принадлежавшей военной контрразведке, явно знали не трое, а больше. Пора было из нее выезжать. Завтра, решил после недолгих колебаний Матвей. Повидаюсь с Кристиной и перееду.

В десять утра, изменив внешность, он встретился с заместителем начальника ГУБО в Сокольниках, у чугунной решетки забора, скрытой стеной кустарника. Зинченко, с трудом подавляя

волнение, не сразу узнал в неряшливо одетом старике-бомже Матвея.

— У нас неприятности, — сказал он вместо приветствия. — Одного из охранников Михаила Юрьевича перекупила мафия, и он пытался выяснить кое-какие подробности нашей работы. В частности, кто именно передан нам из СМЕРША.

— И что же? — сквозь зубы процедил Матвей.

— Генерал оказался проворней. Охранник ранен, с ним работают наши люди, но результатов пока нет. Генерал взбешен и требует немедленной отдачи, хочет встретиться с вами. Требует выхода на руководство «Чистилища». Он дал нам с вами три дня, сказав при этом: «Ганфайтер он или пацан, играющий в казаков-разбойников?» Извините.

— Сильно сказано, — усмехнулся Матвей. — Видно, напугали генерала изрядно. Передайте ему, что сейчас важнее выйти на «Купол», а «Стопкрим» опасен пока лишь бандитам.

— Не только бандитам, «чистильщики» убили депутата Васильчикова, и, по одной из версий, убийство Ивакина — тоже дело их рук.

— Ивакина убрал киллер «Купола». — Матвей нахмурился. — Я занимаюсь этим делом. Васильчикова убили также по заданию босса мафии, чтобы свалить все на «Чистилище», инспирировать массовое недовольство его деятельностью. А вот разгром коптевской бандгруппы — работа «Стопкрима».

— Откуда вы знаете? — прищурился замначальника ГУБО.

— Я участвовал в операции как рядовой исполнитель. Выйти на исполнительную сеть «Стопкрима» несложно, гораздо сложнее подобраться вплотную к аналитикам и комиссарам. Ждите. Вы сделали то, о чем я просил вас?

В глазах Зинченко вспыхнули огоньки любопытства, когда он передал Матвею пакет документов.

— А почему вы защищаете «чистильщиков»? Ведь любое их деяние незаконно, как бы благородно ни выглядели цели.

— Я не защищаю, только констатирую факты. Пока не появится закон, карающий за организацию преступных сообществ, деятельность «Чистилища» будет стране полезна. Так и передайте генералу. До связи.

Матвей шагнул было прочь, но вернулся:

— Вы один или с прикрытием?

— Один.

— Странно, я чую слежку. Уходите первым, я посмотрю.

Зинченко, в полотняном летнем костюме с короткими рукавами, позволяющем носить оружие, проверил пистолет, кивнул и исчез за кустами. Матвей, следуя сзади, проводил его до машины. Он оказался прав: к заместителю начальника ГУБО был прикреплен «хвост», очень умелый и почти невидимый. Сам Зинченко мог его и не заметить, лишь чутье и опыт ганфайтера подсказали Матвею, кто и как следит за Николаем Афанасьевичем. Приближаться к разговаривающим они не стали, иначе Матвей засек бы их раньше, но факт слежки говорил сам за себя: «губошлепы» «под колпаком». Под «Куполом», скаламбурил Матвей про себя.

«Хвост» потянулся было и за ним, но уже через четверть часа Матвей обрубил его, похвалив себя за удачливый камуфляж: «наружке» мафии предстояло долго искать седого, лохматого, сутулого старика в мятых брюках и пятнистой рубашке.

Операцию «Выход в эфир» Горшин готовил вместе с одним из комиссаров «Стопкрима», директором Центра нетрадиционных технологий Бохановым, на базе его вычислительного комплекса. Матвей был привлечен к разработке в качестве эксперта и аналитика, но изъянов в плане операции не нашел. Боханова он раньше не знал, вернее, знал только заочно, по информации Тараса. Сей ученый муж оказался веселым, любознательным и начисто лишенным каких бы то ни было сомнений в законности своих «исследований» на благо «Чистилища». Матвею он не понравился, хотя самому Боханову, скорее всего, было на это наплевать.

В операции участвовали без малого три десятка человек: наблюдатели, разведчики, группы основного действия — два экстремера и два мейдера подстраховки. Матвей вошел в один из экстремеров, нацеленный на студию телеагентства новостей, а Тарас, которому отвели роль императив-центра, должен был обеспечить четкое взаимодействие групп и в случае нужды сыграть партию прикрытия.

Началась операция в двадцать сорок, за двадцать минут до выхода в эфир телеканала новостей. Наблюдатели заняли свои посты еще с утра, после полудня в здание телецентра проникли группы поддержки и технической подготовки, а за час до эфира — обоймы риска, основные исполнители. Матвей с двумя членами своего экстремера входил последним, предъявив пропуск

работника телецентра. Как всегда, он изменил внешний облик, и узнать Матвея Соболева в этом пожилом, усатом, вальяжно шагающем рабочем в комбинезоне было трудно.

В двадцать сорок монада поддержки взяла под контроль основную и резервную трансформаторные будки.

В двадцать пятьдесят мейдер подготовки отключил кабинет директора телецентра, имеющий собственный пульт управления, от сети, а самого директора с тремя инженерами и секретаршей запер в пожарном бункере, отрезав телефоны.

В двадцать пятьдесят пять экстревьер сопровождения перекрыл входы в здание, нейтрализовал оперативную охрану и усыпил смену в шесть человек, дежурившую в центральной диспетчерской. В это же время второй мейдер подготовки отключил от сети центральный пульт, с которого можно было переключать каналы и выходы студии.

Ровно в двадцать один ноль-ноль Матвей с тремя членами своего экстревьера вошел в первую студию, где над дверью светилась надпись: «Вход воспрещен. Идет передача».

Смена телевещания, работающая на передачу новостей, состояла из девяти человек: трех телеоператоров, инженера по связи, двух видеоинженеров, в нужный момент пускающих нужную запись, двух комментаторов — основного и спортивного (сводка погоды шла в записи) и охранника, выполнявшего также функции переносчика аппаратуры. Матвей «отключил» охранника, а его сопровождающие, отлично знакомые со студийной телеаппаратурой, отогнали операторов от телекамер и дали заставку.

Миллионы телезрителей по всей стране, интересующиеся программой новостей, с удивлением глядели на опустевшие экраны.

Комментатор, молодой симпатичный парень, дернулся было к телефону, однако застыл, заметив направленный на него ствол пистолета.

— После выхода в эфир у нас будет всего три минуты, — тихо напомнил Матвею напарник с пистолетом.

Матвей подошел к телекомментатору, с любопытством разглядывавшему ворвавшихся гостей, сказал, изменив голос:

— Принимайте «Чистилище». К сожалению, иного способа сказать о себе правду мы пока не нашли. Вот наше заявление, прочитаете?

Комментатор глянул на листок плотной бумаги с тисненым золотым кинжальчиком.

- А если откажусь? Застрелите?
- Нет, но вынуждены будем «отключить».
- Давайте.

Матвей кивнул «чистильщику», заменившему оператора, и тот снял заставку. Комментатор встрепнулся, поправил очки и взял листок с текстом. Надо отдать ему должное, держался он неплохо, сказался опыт плюс изрядная доля эксгибиционизма¹, свойственного почти всем артистам.

- Господа, вынужден зачитать следующее заявление:

«Уважаемые сограждане! Организация «Стопкрим», известная также под названием «Чистилище», обращается к вам с заявлением.

С целью опорочить, навязать обществу ложное мнение, дискредитировать работу «Стопкрима» некоторые властно-криминальные структуры, от коих мы стремимся избавить страну, пытаются свалить на нас всякие грязные дела вроде убийства семьи депутата Васильчикова. Уважаемые сограждане, это провокация! «Чистилище» никогда не проводит акции, не изучив досконально материал. Честные граждане могут спать спокойно, им ничто не грозит. А бандиты, рэкетеры, мафиози, коррумпированные, купленные мафией чиновники всех ветвей власти пусть подумают, стоит ли продолжать свою деятельность. Мы уже доказали собственную решимость очистить страну от подонков и убийц, насильников и торговцев наркотиками, хамов, набивающих карманы, ненавидящих людей, монстров, прочих тварей. И будем делать это до тех пор, пока не появится и не заработает Закон! Появится Закон, придут на смену негодям, кретинам и подлецам, жаждущим власти, попирающим существующие законы и ведущим страну в тупик, люди, способные защитить вас от произвола и беспредела, — мы уйдем. Но пока Закона нет, мы на страже. Ждите сообщений и не верьте заявлениям работников силовых министерств, таким, как передавали вчера. Мы не ош и б а е м с я! Кто начал с нами борьбу путем обмана и провокаций, знает это. И пусть помнит: возмездие неотвратимо! Всего вам доброго!»

Комментатор поднял голову от листа с заявлением, и оператор снова отключил канал. Матвей взял лист, глянул на часы, и в

¹Эксгибиционизм — склонность к рекламному самолюбованию.

ту же секунду свет в студии погас: мейдер подстраховки перерубил кабель, питающий здание телецентра...

Матвей неторопливо дошел до «уазика», ждущего у гастронома, влез в фургон.

— Чисто? — встретил его вопросом Горшин, умудрившийся прийти раньше.

— Иппон¹, — лаконично ответил Матвей.

— Тогда поехали.

Машина отошла от гастронома в тот самый момент, когда по оси улицы с воем промчались три милицевских «Форда» с мигалками. Тарас проводил их глазами, повернулся к переодевавшемуся Матвею:

— До победы далеко. Упреждающий удар мы нанесли вовремя, но именно поэтому за нас теперь примутся всерьез.

— А разве еще не принялись?

— Я имел в виду не людей.

Матвей встретил темный взгляд Горшина и содрогнулся.

Глава 16

МУР ПРОТИВ СМЕРША

Капитан Владислав Козлихин был уволен из армии в связи с численным сокращением внутренних войск Министерства обороны, хотя в свои двадцать шесть лет зарекомендовал себя хорошим специалистом и знатоком воинских единоборств. Однако характер он имел далеко не ангельский, часто оспаривал решения командиров и был уволен одним из первых.

После увольнения он год проработал в муниципальной милиции по контракту, но и там не прижился и ушел в одно из частных детективных агентств, специализировавшихся на розыске пропавших детей.

«Наружка» Федеральной службы контрразведки, знаменитая «семерка», то есть служба наружного наблюдения, работала с ним две недели, пока не получила доказательств участия Козлихина в двух акциях «Стопкрима». Пришли к нему сразу после проведения «Чистилищем» операции по «захвату телецентра с

¹Иппон — термин кэмпо: чистая победа (яп.).

целью незаконного выхода в эфир», проследив путь бывшего капитана до входа в телецентр.

Владислав Козлихин — метр восемьдесят восемь роста, непомерно широкий в плечах, сто шесть килограммов весу — сразу смекнул, что за «почтальон» принес ему телеграмму, однако переоценил свои силы: по его душу появился не обычный милицкий патруль, не оперы угро и даже не спецназ внутренних войск — команда «Руслан» Управления «К» Федеральной контрразведки. И, несмотря на то что Козлихин уложил троих «почтальонов», его взяли чисто, без огневого контакта, хотя и пришлось применить газовый баллончик.

Допрашивали Козлихина дважды, сначала в штаб-квартире «Руслана», затем на Лубянке, в офисе контрразведки. Бывший капитан ВВ, теперь частный детектив, молчал даже тогда, когда к нему применили спецмеры, используемые всеми подобными службами во всех странах мира. И тогда начальник Управления «К» генерал Бондарь, раздраженный отсутствием результатов, вызвал Козлихина к себе в кабинет.

Допрашивали «чистильщика», похудевшего за сутки на десять килограммов, двое: сам Бондарь и командир взвода его охраны. Через час они знали имена и фамилии напарников Козлихина по монаде, подчиненной спикеру по имени Максим. Больше Козлихин ничего не сказал, он был рядовым исполнителем «Стопкрима». Подчиненные Бондаря потом шептались, что он применил «глушак», но конкретно никто ни о чем осведомлен не был. Кроме начальника Управления «Т» генерала Ельшина, командир охраны Бондаря работал и на него.

Поиск названных Козлихиным людей начался сразу после допроса, но «чистильщик» не знал ни их местонахождения, ни номеров телефонов, ни места официальной работы, поэтому немедленный эффект был исключен. И все же контрразведчики спустя сутки вычислили напарников Козлихина, и две ДД-обоймы «Руслана» помчались по адресам за «чистильщиками», имея приказ брать их только живыми. Однако они не успели, квартиры оказались пустыми, а к двери одной из них был приколот знакомый листок плотной бумаги с тисненым золотым кинжальчиком и отпечатанным текстом: «Ребята, не торопитесь исполнять приказы начальства. По сути, мы с вами две стороны одного кинжала, направленного в сердце организованной преступности. Помните об этом, когда будете ловить наших людей — ваших братьев!»

— Черт! — сказал в сердцах командир ДД-группы, срывая с двери листок. — Мы опоздали на полчаса, чай на кухне еще теплый. Не иначе как им помогает сам Сатана!

Он ошибался: Сатана перешел как раз на их сторону.

В девятом часу вечера Матвей закончил рекогносцировку местности вокруг общежития, в котором жил охранник премьера Александр Залупыйченко, побродил по рошце недалеко от Марьиных прудов и вернулся домой. В подъезде дома к нему вдруг кинулся какой-то человек, и Матвей инстинктивно встретил его прямым татэ-цуки, с трудом удержав удар в последние доли секунды: неизвестным оказался генерал СМЕРШа Дикой Валентин Анатольевич, который обзавелся бородой и усами.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом Соболев оглядел двор и подъезд, прислушиваясь к собственным ощущениям, и кивнул бывшему начальнику, чтобы следовал за ним. Не сказав ни слова, они поднялись в квартиру Матвея, умылись и сели в гостиной пить чай, быстро приготовленный хозяином.

— Ты остался один, ганфайтер, — сказал генерал, в своем одеянии похожий на бомжа в подпитии. — Меня «ушли», Ивакин убит... И передать тебя в распоряжение нового начальства я не могу — опасно.

— Почему?

— Потому что тебя сразу ликвидируют. За тобой и так уже идет охота, судя по имеющимся у меня сведениям.

— Не понимаю. Что за ажиотаж вокруг моей персоны? Кстати, генерала Медведя из ГУБО подловили гангстеры и тоже спрашивали обо мне. А вас за что «ушли»?

Дикой допил чай, повертел чашку в руке, глянул исподлобья.

— Мы не хотели тебе говорить... но ты бы и сам до всего дошел. Дело в том, что вместе с партией современного стрелкового оружия из «Арсенала» были похищены образцы суггесторов типа «удав». Профи называют их «глушаки». В этой же партии был и «болевик», то есть генератор пси-наводок в нервных окончаниях, вызывающих адскую боль. Скорее всего, именно он был опробован на Борисе Ивановиче.

Матвей молча глядел на Дикого. Тот криво усмехнулся:

— Такие вот пироги, ганфайтер. Оборонка давно работает над психотронным оружием, еще с конца шестидесятых. Экспе-

рименты по глубокому психическому кодированию проводились как в индивидуальном порядке, так и массово. Может быть, слышал что-нибудь о деятельности так называемого «Белого братства»? Так вот, эксперименты с членами этой секты велись под руководством военных, и результат был страшен и впечатляющ.

— Кажется, в юности я об этом читал.

— «Удав» — это аппарат, подавляющий волю, с его помощью можно внушить перцепиенту любую мысль, направить на любое действие вплоть до самоубийства. Ну а «болевик»... тут все ясно.

— Это действительно... страшно, — подумав, сказал Матвей. — Но никаких «удавов» и «болевиков» я на складе «Щита» не видел.

— Суггестор по форме ничем не отличается от пистолета «волк», его сделали похожим на пистолет специально для камуфляжа. А «болевик» напоминает по виду переносную рацию.

Дикой поморщился, встал, взял в баре бутылку водки и налил себе в чашку. Выпил, закусил шоколадом и жареным арахисом.

— Поэтому убили Ивакина... а меня убрали с определением «несоответствие служебному положению», инкриминировав убийство и «дискредитацию спецорганов». Собственно, Ивакина убили за то, что он подошел вплотную к разгадке этого дела: кто и за чем украл суггесторы и генераторы боли. Впрочем, кто, было известно с самого начала — боевики «Купола», а вот зачем...

— Продать?

— Наверное, и продать тоже, но не это главное. Суггесторы нужны самим гангстерам — для создания собственной армии, в нужную минуту готовой на все, и для обработки умов, причем массовой.

— Армия зомби?

— Что-то в этом роде. Так что уходи в подполье, капитан, заляг на дно, затаись, ты слишком много знаешь.

Матвей покачал головой. Он уже догадывался, что неспроста его вычислили с удивительной точностью и быстротой, поэтому известие Дикого не ошеломило, наоборот, заставило мозг работать быстрее и четче. Правда, возникли и кое-какие вопросы. Первый: почему Горшин сразу не сказал ему о похищении суггесторов и генераторов боли? Сам не знал? Берег новость для эффекта? И, наконец, кто этот сверхинформированный и сверхмогущественный властитель, которому под силу организовать кра-

жу сверхсекретного оружия, убрать с дороги конкурентов и заставить уйти в отставку генерала военной контрразведки?

— Минутку, Валентин Анатольевич, вы говорили о какой-то «дискредитации спецорганов». О чем речь?

Дикой рассыпал орехи, стал было собирать, но махнул рукой:

— Прошу прощения, Матвей Фомич. Речь шла о том, что проверка резиденции Шмеля ничего не дала. Я послал туда опергруппу, и... ничего. Оружия обнаружить не удалось. Ваш маячок нашли, микромагнитофон тоже, но записал он только шум шагов и скрип ящиков.

— Успели перебазироваться.

— Точно так, капитан. Теперь я хочу сообщить тебе свое личное мнение о некоторых птицах высокого полета. Министр обороны — страшный человек! Его берегись в первую очередь, ни в коем случае не вздумай просить у него помощи или искать правосудия. Директор ФСК Панов не работает на «Купол», верить ему можно, к тому же он ставленник президента, а не правительства или Думы. А вот начальник Управления «Т» генерал Ельшин... этот, пожалуй, еще хуже самого Галкина. Мало кто знает, как он выплыл в Федеральную контрразведку и стал фигурой. Он может все! Если он и не в «Куполе», то вполне способен сотрудничать с ним. Начальника ГУБО я знаю плохо, но по отзывам он мужик достойный, разве что сфера влияния его не столь велика, как хотелось бы. Зинченко можешь верить, он мой друг, даже одноклассник. А вот что касается Министерства внутренних дел, прокуратуры...

— Догадываюсь.

— Эти организации коррумпированы сверху донизу. Встречаются, конечно, и среди них честные и умные работники...

— В МУРе?

— В том числе. Сам начальник МУРа — серединка на половинку, а вот начальник ОРБ полковник Синельников — голова! Умен, прям, не замешан, не привлекался... ну и так далее. Правда, он тоже работает по приказу, и если начнет копать... Короче, берегись всех.

Дикой встал, покачнулся, с виноватой улыбкой развел руками:

— Извини, если что. Приходится действовать таким вот образом. Хорошо хоть жену успел отослать к родственникам на Украину. Эх, если бы ты добрался до «Купола»! — сказал он вдруг с тоской. — Или хотя бы до убийц Бориса Ивановича.

— Доберусь, — твердо пообещал Матвей. — Уезжайте из Москвы, вы рискуете больше меня. — Проводил генерала до порога.

— Ты тоже съезжай отсюда, — обернулся тот, протягивая руку, достал мятый листок газеты. — Вот адрес, это квартира по варианту «дельта», о ней знаю один я. Переезжай. И вот еще что: не связывайся с «Чистилищем». С ним не все чисто...

— В каком смысле?

— В физическом. В оккультном, если хочешь. Не может такая мощная, разветвленная организация работать без проколов так долго — это противоестественно. Кто-то ей помогает... не Бог, так дьявол. Удачи «Стопкрима» невозможно объяснить хорошей организацией работы — это вывод наших экспертов. И помогает им не человек! Ты такую литературу читаешь? Поинтересуйся, вдруг пригодится. Ни пуха...

— К черту!

Дикой ушел. Простучали шаги по лестнице, стихли. Матвей вернулся в гостиную, сел в кресло и стал изучать свое отражение в стекле книжных полок.

Кристина ждала его в десять утра у кинотеатра «Россия» с билетами на новый отечественный фильм.

Матвей опоздал, и народу у кинотеатра уже почти не было: у афиши веселилась стайка девушек, какая-то пожилая пара терпеливо ждала неизвестно чего, два парня беседовали с милиционерами да какой-то старик брел по мосту, служащему входом в кинотеатр.

— Извини, — выдохнул Матвей, возникнув внезапно за спиной девушки, так что она вздрогнула и ойкнула. — Дела задержали.

— А я билеты в кино достала, думала, сходим. Сказка с участием Янковского и Абдулова.

— В другой раз. Сейчас мы поедем завтракать, и я тебе кое-что расскажу.

— А билеты? Жалко, пропадут.

— По-моему, те двое ждут лишних билетиков.

— Эй, шеф, — окликнул Матвея один из парней, беседовавших с милиционером, и подошел с сигаретой в зубах. На нем была зеленая футболка и сиреневые штаны. — Билеты, что ль, продаешь?

— Да вроде того.

— Давай возьми. Почему?

Кристина протянула билеты:

— Я брала по две тысячи.

Парень забрал билеты, хмыкнул и отошел. Кристина и Матвей переглянулись.

— А деньги? — окликнул парня Матвей.

— Какие деньги? — оглянулся парень. — Слышь, начальник, он что-то о деньгах говорит. Может, спекулянт?

Матвей сказал Кристине:

— Подожди, я сейчас, — подошел к троице.

— Сержант, этот юноша на ваших глазах взял наши билеты, а деньги не отдал. Нехорошо как-то, а?

Милиционер лениво глянул на парня:

— Паша, ты что, билеты взял?

— Какие билеты? В глаза не видал. — Парень затынулся и выдохнул дым Матвею в лицо. — Да он, кажись, нетрезвый. Чуешь, пахнет? Может, отведем в отделение?

Матвей понял, что нарвался на элементарный наглый гоп-стоп. В другое время он просто повернулся бы и ушел, но, во-первых, он был с Кристиной, во-вторых, плохо спал ночью после разговора с Диким, а в-третьих, не терпел хамов ни в каком обличье.

— Иди, иди, — миролюбиво процедил милиционер, оглядывая Матвея, — баба ждет.

Матвей придвинулся к троице вплотную, неуловимым движением выхватил у гоп-стопника сигарету и всунул ее горящим концом ему в рот, перехватил руку сержанта так, что локоть уперся тому в горло, не давая двинуться, а коленом ткнул третьего собеседника в солнечное сплетение. Сказал, улыбаясь:

— Я вас сейчас по асфальту размажу, гаденыши! Билеты, быстро!

Парень, вскрикнув от боли, выплюнул сигарету, замахнулся было и осел, позеленев. Удара не заметил ни он, ни товарищи. Сержант тоже попытался дернуться, но чуть не заорал от боли в горле. Матвей вытащил у него пистолет из кобуры, вынул обойму, опустил в карман, проверил ствол и вернул пистолет. Затем нашарил билеты в кармане у парня, помахал ими всем троице:

— Чао, подонки. Не советую возникать, не то небо с овчинку покажется.

Матвей подошел к мужчине и женщине, стоявшим у входа в кинотеатр, спросил:

- Вам билеты случайно не нужны?
- Нужны, два, — обрадовалась женщина.
- Берите. — Матвей отдал билеты. — Приятных минут.
- Подождите, возьмите деньги.
- Не надо, мы из общества по охране кинозрителей.

Кристина, которая слышала разговор, рассмеялась и чмокнула Матвея в щеку.

— Ты великолепен. — Оглянулась на троицу, еще не совсем оклемавшуюся. — А что ты с ними сделал?

— Ничего, — мельком глянул на парней Соболев, — вежливо попросил устроиться на другую работу. Не знаю, что на меня накатило. Обычно я с дураками не связываюсь.

— Правильно делаешь. Помнишь, у Азимова? «Против глупости сами боги бороться бессильны».

— Автор этой пословицы не Азимов. — Матвей повел Кристину к машине. — Будущий филолог, а классики не знаешь.

— Зато я знаю, что природа не допускает ошибок. Ни один дурак не родился против ее воли.

— А это сказал англичанин.

— Кто именно?

— Генри Шоу.

Кристина остановилась и прямо на глазах у прохожих еще раз поцеловала Матвея.

Они позавтракали в кафе «Грезы» на Тверской, и Матвей повез девушку к себе домой. Там он приготовил кофе, усадил ее в «фирменное» кресло и подал блюдо с орехами.

— Празднуем мой переезд, сегодня я переселяюсь на другую квартиру, более спокойную.

— А разве здесь тебе плохо?

— Нет, но... слишком много любопытных интересуются, кто тут живет. Кстати, Жорж больше не обижает?

Кристина внимательно поглядела на Матвея.

— Не обижает, за три километра обходит. Соболев, где ты работаешь? Только не говори, что учительствуешь, учителя не ведут себя так...

— Нагло?

— Уверенно. Я же вижу, даже милиция тебя боится. Я, конечно, догадываюсь...

У Матвея екнуло сердце:

— Неужели?

— В милиции служишь? Какой-нибудь тайный омоновец? Или еще выше — в контрразведке?

Матвей засмеялся:

— Тайный омоновец — это звучит гордо!

— А что, не угадала?

Матвей погасил улыбку, подсел к девушке.

— Крис, ты только не обижайся... ладно? Ты никому не давала номер моего телефона?

— Разумеется, нет. Ты же предупреждал.

— А может, случайно... но нет так нет, молодец. Давай договоримся, что... — Матвей заторопился, видя, что Кристина закусил губу и готова обидеться: — Я о другом. Во-первых, филолог я только по образованию и никогда не работал по специальности. Во-вторых, я только что вышел из мест заключения... по причинам, которые тебе знать не обязательно. Поняла? Если вдруг кто-нибудь спросит...

— Я поняла. — Глаза Кристины потемнели. — Выходит, я не так уж и далека от истины. И переезжаешь ты потому, что тебе грозит опасность, да?

Матвей внимательно посмотрел на девушку.

— Ты прямо как экстрасенс, даже страшно.

Кристина поставила чашку с кофе, молча привлекла Матвея к себе.

— Знаешь, самой не верится — я думала о тебе даже во время экзаменов. Кстати, я все сдала и могу ехать домой хоть завтра.

— Так езжай.

— А ты? Может, вместе поедem? Поживешь у нас, потом отправимся к тетке на юг, она живет в Коктебеле.

— А как ты представишь меня родителям?

— Мужем, конечно.

— А говорила, не собираешься замуж.

— Так я и не собираюсь. Это для родителей, чтобы не волновались, они у меня хорошие.

Матвей мягко высвободился из объятий Кристины, отнес посуду на кухню, крикнул:

— Ты же хотела участвовать в конкурсе красоты и заниматься шейпингом?

Кристина подошла к дверям кухни, приняла позу манекенщицы, под натянувшейся блузкой рельефно проступила грудь.

— Я и так хороша, сеньор секретный агент. Ну, что скажете?

— Слова, сеньора будущая филоложка, стоят мало. — Мат-

вей подхватил ее на руки. — Но я все же замечу: с твоими данными можно сделать карьеру в спорте — в художественной гимнастике, например, в волейболе. — Он опустил ее на пол только в спальне. — Существует интересная статистика: в спорте побеждают не только самые сильные, быстрые и ловкие, но и самые красивые.

— Лыстец, — прошептала Кристина горячими пунцовыми губами. — Я не эталон красоты, у меня много недостатков.

— Нет недостатков, нет и достоинств.

— Афоризм твой?

— Линкольна. — Матвей наклонился к девушке, поцеловал ее в шею и в этот миг почувствовал укол тревоги — такой острый, что ощущался он не только на чувственном уровне, но и на физиологическом. Казалось, будто с грозовой тучи сорвалась молния, вонзилась в голову и вся нервная система мгновенно вспыхнула, окуталась «шубой» невидимого свечения, озарила все вокруг. Матвей вдруг увидел окружавшие его предметы как бы изнутри и снаружи, со всеми подробностями, во взаимодействии. Он не все понял — не привык воспринимать пересечение событий и предметов во времени и пространстве, но главное ухватил. Замер, отстранив Кристину.

— Ты что? — Его тревога передалась ей, но на лице не отразилось удивления. Матвей вскользь подумал, как повезло ему с этой девочкой, жестом показал ей на стул у кровати, а сам бесшумно скрылся за дверью кабинета с компьютерным комплексом. Он успел спрятать пистолет и документы в тайник — секцию батареи, стер программу выхода в компьютерные сети спецслужб, уничтожил все дискеты с информацией и кодами, когда в дверь позвонили.

Надо было сделать это раньше, мелькнула трезвая мысль. Дикой предупреждал не зря. А теперь выпутаться с минимальными потерями... и уберечь Кристину от последствий. Надо было отвезти ее домой, кретину!

Он привел девушку в кабинет, усадил слева от окна, за гардиной, так, чтобы ее не было видно из двери, посоветовал сидеть тихо и не реагировать, что бы ни происходило в соседней комнате.

— Сегодня же уезжай домой, поняла? Я тебя найду. И ничего не бойся.

Кристина молча поцеловала Матвея, сомнение в ее глазах не исчезло, но касалось оно ситуации, а не самого Матвея. Она пол-

ностью ему доверяла и потому не стала спрашивать, законна ли его деятельность, работает он на мафию или на иностранную разведку.

«Господи, убереги ее от злого взгляда!» — подумал Матвей, открывая входную дверь.

В квартиру ворвались молодцы в пятнистых комбинезонах, бронежилетах и крапчатых беретах — ОМОН Министерства внутренних дел. Шестеро с автоматами бросились по комнатам, трое навели оружие на Соболева, еще один быстро обыскал его, отступил в сторону. Остальные, примерно половина отделения, расположились на лестничной площадке, во дворе дома и под окнами квартиры. Дело свое ОМОН знал туго.

И все-таки Матвей мог бы отбиться и уйти, несмотря на численный перевес противника и его вооружение, но тогда пришлось бы работать на поражение, то есть выводить противника из строя наверняка, беспощадно, а этого Матвей как раз и не хотел. Ведь ребята ни в чем не виноваты.

Его поставили к стене, заставили сцепить руки на затылке и повернули лицом к двери.

Раздвинув подчиненных, в гостиную вошел командир подразделения с тремя звездочками старшего лейтенанта на рукавах и на берете, среднего роста, подтянутый и энергичный, с гладким загорелым лицом, на котором выделялся крупный нос: на эту деталь природа не поскупилась.

— Проходите, будьте как дома, — радушно махнул рукой Матвей, наблюдая за реакцией омовцев; но они не обратили на его жест никакого внимания: уверены в своем превосходстве. Что ж, это хорошо. Только бы не нашли вход в кабинет. И не вздумала бы помогать Кристина.

Старший лейтенант улыбнулся, привычным движением погрозил нос.

— Соболев Матвей Фомич, вы обвиняетесь в нарушении закона о поселении и прописке в этой квартире и незаконном владении оружием. Вот постановление на ваш арест, подписанное прокурором Шеховым, ознакомьтесь.

Матвей прочел постановление, пожал плечами.

— Тут какое-то недоразумение. Это квартира моего друга, отбывающего сейчас наказание в колонии, он дал мне ключи. А оружие я сроду не носил, боюсь: оно ведь стреляет.

— Разберемся. Обыщите здесь все, орлы. Идемте, Соболев.

— Если разрешите, после обыска. Очень, знаете ли, не хочется отвечать перед другом за пропажу вещей.

— Вот козел! — яростно сверкнул глазами один из омоновцев. — Серж, дай я ему двину по морде. Скажем, сопротивлялся. Блатняк, только что вышел, а строит интеллигента.

— Ты что же оскорбляешь ребят? — нахмурился командир. — Мы при исполнении.

— Так ведь не первый раз замужем, — хмыкнул Матвей. — Не люблю оставаться в долгу не по своей вине.

— Вот козел! — снова взорвался омоновец.

— Ты что, специально нарываешься? — удивился старлей. — Нам ведь приказано доставить, а ты и в самом деле сопротивлялся. Я правильно изъясняюсь?

— Только не делай умное лицо, — простодушно сказал Матвей, краешком глаза наблюдая за «орлами», обратившими внимание на книжный шкаф, — ты же офицер.

Старший лейтенант дураком не был и отреагировал как надо: его удар — локоть вверх, с разворотом корпуса, классический хирамэки, что в переводе означает «искра, вспышка», — едва не застал Матвея врасплох. Но он вовремя отскочил назад, словно отброшенный ударом, и грохнулся головой в шкаф. Посыпались стекла, и это отвлекло тех, кто разглядывал книжные полки, маскирующие вход в кабинет.

— Я предупреждал, — равнодушно глянул на лежащего Матвея командир отделения. — Не провоцируй. Берите его, орлы, и пошли. Что-нибудь нашли?

— Ничего, — последовал ответ. — Оружия тоже нет.

— Значит, успел перепрятать. У него тут прямо рай, надо же.

Пока выводили Матвея во двор, он напряженно прислушивался. Если бы омоновцы нашли кабинет, поднялся бы шум. Но все было тихо. И когда вниз спустились последние бойцы отряда, Матвей начал схватку, отлично понимая, что в СИЗО у него вряд ли появится шанс выйти на свободу и доделать начатое.

ОМОН прикатил на двух машинах: двадцатиместном микроавтобусе «Тойота» и в джипе «Чероки». Считая операцию законченной, бойцы стягивались к микроавтобусу, похожему на заливанный «уазик», а двое «беретов» подтолкнули Соболева к джипу, где в кабине умещалось пять человек. В нем ехал командир подразделения.

Освободился Матвей от захвата легко: никто не ожидал сопротивления в столь безнадежной ситуации, да и приему сихонагэ¹, который с самого начала применил Матвей, невозможно было противостоять. Пока омонцовцы, оторопев, летели в разные стороны, Матвей достал шедшего впереди бойца левым ёко-гэри² и прыгнул к джипу.

Старший лейтенант не зря носил командирские знаки отличия: он явно имел навыки русбоя, но ему не хватало скорости и опыта Матвея. Он уложил командира омонцовцев ударом, который в кэмпо называют хиути³, а в русбое «колун снизу», старший лейтенант перекатился через капот джипа и очнулся лишь через две минуты.

— Что?.. Куда?.. Где он?!

— Ушел. Выбросил водителя и ушел, — ответил старшина, поддерживая командира под голову. — Ребята догонят, не волнуйся.

— Вряд ли. — Морщась от боли, старший лейтенант потрогал распухшую челюсть. — Это профессионал, Саша, я таких еще не встречал. Он же нас сделал, как пацанов! Рацию по команде, вызови полковника, пусть объявляет розыск.

— А сам-то что ж?

— Челюсть болит, говорить не могу. Этот сукин сын бьет как кувалдой.

Поддерживая друг друга, они пошли со двора, не зная, что из окна, сквозь щель в занавеске, на них смотрит пораженная слушавшимся Кристина.

Глава 17

MEMENTO MORI

Георгий Георгиевич на этот раз прибыл в катран под усиленной охраной. Впрочем, как и остальные боссы «Купола». Летчика это развеселило, а самого Георгия Георгиевича заставило призадуматься.

¹Сихонагэ — бросок в четыре стороны (яп.).

²Ёко-гэри — удар ногой (яп.).

³Хиути — высекание огня (яп.).

— Поздравляю, — сказал он, блеснув насмешливыми глазами. — «Чистилище», кажется, заставило-таки нас себя уважать.

— «Стопкрим» действует чересчур эффективно, — буркнул Мэр, — чтобы игнорировать его угрозы. Надеюсь, все вы слышали об их выходе в эфир. Удалось вычислить хотя бы одного исполнителя?

— Удалось, — кивнул Георгий Георгиевич. — Уже взяли некоего Козлихина и отрабатываем другие кандидатуры.

— А не освободят ли «чистильщики» своего сотрудника, как это было с Ариставой?

— Пойди они на это, было бы просто здорово: мы приготовили им хороший сюрприз, но уверен, они не станут рисковать. Надо быть полным идиотом, чтобы... — Георгий Георгиевич жестом отослал телохранителей. Боссы «Купола» остались впятером.

— Могу сообщить две приятные новости, прежде чем начнем игру, — продолжал глава «Купола». — Директор ФСК с моей подачи подписал секретный приказ уничтожать агентов «Чистилища» без суда и следствия.

— Террор на террор? — скептически заметил Шериф. — Такое уже было в нашей истории.

— Ничего, иногда полезно использовать старые методы. Может быть, это заставит комиссаров «Стопкрима» пойти на компромисс. В крайнем случае поделим сферы влияния. Вторая новость: мне удалось склонить к сотрудничеству Бегемота и Кавалериста. Мы объединим силы для крупных операций, прикрывая друг друга, и откроем единое информационное пространство.

Директора «Купола» заметно оживились. Они знали, кто такие Бегемот и Кавалерист, — премьер и министр обороны. Главное, что волновало всех, скрипучим голосом выразил Банкир:

— Надеюсь, командовать парадом будем мы?

— О да! — Георгий Георгиевич произнес это таким тоном, что остальных пробрала дрожь. — Власть, я имею в виду настоящую, — единственное, ради чего стоит жить, не так ли? А настоящей властью обладаем только мы, элита общества, хоть и находимся в тени. Итак, начнем игру, отцы?

— Один вопрос, — подал голос Летчик, распечатывая колоду карт. — Куда делась партия оружия, изъятого нами из «Арсенала»? В том числе знаменитые «удавы»?

Георгий Георгиевич подавил вспышку ярости, улыбнулся с притворным добродушием:

— Оно перевезено на запасную базу. Возникли некоторые осложнения.

— Так это правда, что СМЕРШ вышел на след похищенного оружия?

— К сожалению, правда. Однако прошу заметить: те, кто работал по этому делу в СМЕРШе, нейтрализованы.

— Кроме того волкодава-перехватчика, ганфайтера, который и нащупал, где спрятано оружие.

Георгий Георгиевич внимательно посмотрел на Летчика. С виду спортсмен, он занимал достаточно высокое положение в Генштабе МО.

— Вы очень хорошо информированы, Александр Александрович. Впрочем, неудивительно: СМЕРШ — ваша епархия. Не беспокойтесь, этот человек — всего лишь рядовой исполнитель, найти и убрать его легче, чем комиссаров «Чистилища». Мы выйдем на него очень скоро, и я представлю вам его голову. Хочу сообщить вам еще одну добрую весть: с нами согласился сотрудничать... некто очень и очень могущественный, для кого разрешить все наши проблемы — все равно что дать нищему милостыню.

— Президент, что ли? — проворчал Мэр. — Или Господь Бог?

Георгий Георгиевич на шутку не обиделся, сказал спокойно:

— Да, что-то в этом роде.

Прозвенел трамвай, и на улице снова стало тихо. Район, где обретался в общежитии Шурик Залупыйченко, не отличался от других количеством ресторанов, кафе и магазинов и к заходу солнца пустел, как и все остальные. Привыкшие к ухудшению криминогенной обстановки по вечерам, жители спешили пораньше закончить дела и укрыться в квартирах, увы, тоже не спасавших от грабежей и насилия.

Проехала патрульная машина с мигалкой, за ней кавалькада мотоциклистов, и снова тишина. Лишь издали, со стороны ресторана «Макдоналдс», доносилась музыка, нестройное пение и крики: гуляли «крутые».

Матвей вспомнил, как накануне вечером примерно в такое же время он возвращался домой, страхуясь от возможной засады. Он чувствовал, что квартира под наблюдением, однако наблюдателей не обнаружил. Это обстоятельство и позволило ему риск-

нуть: брать его не хотели, только пытались проследить, куда он пойдет.

Кристине удалось каким-то образом выбраться из квартиры, и дверь была заперта. Матвей надеялся на записку, но и ее не оказалось. Оставалось уповать на то, что Кристина послушается его совета и уедет домой, к родителям.

На сборы потребовалось две минуты, ушел Матвей, не выключая света, через крышу, давно спланировав путь отступления в случае прямой угрозы захвата. Те, кто надеялся выйти через него на связных «Чистилища», не учли подготовки ганфайтера, и, хотя на крыше была установлена аппаратура подслушивания и ночного видения, Матвей ушел.

Свою «Таврию» он оставил в гараже Ильи вместе в запиской, в которой предупредил Муромца, чтобы перекрасил машину и сменил номерные знаки, — Илья уже вышел из больницы, — а сам забрал его серую «семерку». Дорожной службы он не боялся, с гаишниками всегда можно договориться...

Проехал еще один трамвай. Матвей вышел из машины и неторопливо направился вдоль здания к небольшому стадиончику, где напротив стояло общежитие «малосемейного» типа, принадлежавшее Останкинской префектуре. Одет он был в серый костюм с галстуком и летние туфли, бровные накладки, искусственные скулы и усы, а также прическа «а-ля агент ЦРУ» надежно изменили его лицо.

Вахтеру Матвей показал удостоверение майора милиции, спросил, как найти коменданта, который жил здесь же, и поднялся на четвертый этаж. В однокомнатной квартире под номером сорок четыре обитал Александр Гаврилович Залупыйченко, официально — работник ведомственной охраны часового завода, а неофициально — охранник сразу двух высших ведомств: «Купола» и правительства.

В квартире играла музыка, звучали голоса, и Матвей с неудовольствием подумал, что свидетели совсем нежелательны. Однако иного подхода к боссам «Купола» снизу не существовало. Он позвонил еще раз и еще. Музыка стихла.

— Чего надо? — раздался за дверью хриплый голос.

Оценив толщину двери, Матвей вогнал себя в состояние ки-аи¹ и в прыжке распахнул дверь, выбив замок и сорвав цепочку.

¹Ки-аи — концентрация сил в момент выполнения приема (яп.).

Шурик Залупыйченко — почти двухметрового роста детина с покатыми плечами, широколицый, волосатый, голый до пояса — получил удар дверью в лоб и отлетел в глубь прихожей.

— Кого там принесло, Саш? — донесся из глубины комнаты, скрытой стенкой коридорчика, ленивый женский голос. — Ты что свалил?

Залупыйченко упруго вскочил — выгибом вперед, как гимнаст, и без лишних слов бросился в атаку: правый кулак в лицо вошедшему, левый в печень, поворот на девяносто градусов и удар ногой. На повороте Матвей и перехватил, удачно попав большим пальцем в чжанмэн — так называемую свободную точку одиннадцатого ребра. Добавив короткий йокомен-учи¹ в шею, Матвей отправил хозяина в глубокий нокаут и прошел в комнату. Навстречу ему с громадной кровати, занимавшей полкомнаты, поднялась голая девица с великолепно развитыми мышцами. Матвей сразу вспомнил ее — одна из воительниц Белого — Шмеля, встретивших Соболева в офисе батальона «Щит», и она же — секретарша Белого — Дадоева, брюнетка, приходившая с проверкой к Матвею домой.

Он чуть было не ляпнул: мир тесен, мадам, но вовремя придержал язык.

— Саш, кто там? — позвала девушка, неторопливо кутаясь в простыню.

— Шурик отдыхает, — любезно отозвался Матвей, бегло оглядывая «конуру» Залупыйченко.

Комната выглядела неприлично голой, несмотря на кровать, одинокую тумбочку с водкой и закусками, громадный телевизор «Панасоник» с видеоплейером той же марки и висевший на стене метровой длины календарь с обнаженной красоткой. Ни платяного, ни книжного шкафов, ни серванта здесь не было. Зато на одном из двух стульев лежала наплечная кобура, из которой торчали рукоять пистолета — все тот же «волк-2» — и метательный нож, напоминавший японский кинжал дзюттэ.

Девица, сразу смекнув, что гость объявился не тот, кошкой метнулась к стулу и наткнулась на бедро опередившего ее Матвея. Перелетев через бедро, она вся собралась и атаковала пришельца по всем правилам школы сётокон-рю. Матвей вынужден был принять бой с этой разъяренной молодой тигрицей, натас-

¹Йокомен-учи — удар сбоку ребром ладони (яп.).

канной на уничтожение любого препятствия в образе мужчины не хуже мастеров кэмпо.

Получив чувствительный маэ-гэри¹, Матвей поймал брюнетку в начале атаки — положение какари — и без особого сожаления нокаутировал ее ударом стопы в нижнюю часть грудной кости. Подумал: с таким телом тебе бы лучше заняться бодибилдингом, сеньора, стала бы чемпионкой. После этого он разрядил пистолет, забрал кинжал и вернулся в прихожую. Шурик Залупыйченко уже пришел в себя и мычал, пытаясь встать и понять, что случилось. Однако мутные глазки Шурика быстро прояснились, когда Матвей брызнул на него водой и усадил у стены на грудь свалившейся с вешалки одежды.

— Слушай внимательно, Сашок, — сказал Матвей с холодным равнодушием. — Лично ты меня не интересуешь, а вот твой хозяин — настоящий хозяин — даже очень. Сейчас ты скажешь мне его имя, назовешь начальника смены телохрана и его адрес, и мы разойдемся как в море корабли.

— Гни-да! — выдохнул Залупыйченко в два приема. — За-да-влю!

Матвей перехватил удар снизу и сочно врезал ладонью по скуле Шурика. Said с той же холодной невозмутимостью:

— Сиди тихо, Сашок. Вопрос слышал? Повторить?

— Я т-тебя... из-под земли...

Матвей ударил сидящего еще раз.

Существовал целый класс ударов, не наносящих травм и синяков, но очень болезненных и надолго запоминающихся. Особенно хорошо их знали и применяли мастера заплочных дел и палачи Китая и Японии, опиравшиеся на двухтысячелетний опыт Востока по использованию пыток. Матвей тоже знал эти приемы.

Залупыйченко заревел от боли, как бык, с изумлением и страхом глядя на незнакомца.

— Иди ты!.. — неуверенно начал он, пытаясь подняться.

Матвей вздохнул и снова ударил.

Через полминуты Шурик сдался. Всхлипывая и постанывая, он назвал имя босса, которого охранял, оговорившись, правда, что это Банкир. Кличка Матвея не интересовала, но он ее запом-

¹Маэ-гэри — удар ногой вперед (яп.).

нил, как и сведения о команде отделения личной охраны Банкира.

— Адью, — Матвей похлопал Залупыйченко по щеке, — живи, хияк. Спасибо за сведения. Не советую распространяться о нашей встрече, и подругу свою боевую предупреди. И прими совет: уходи из этой команды. «Чистилище» дважды не предупреждает своих клиентов. Понял?

— Уйди... с-сволю... — прохрипел Шурик.

Матвей рассмеялся и аккуратно закрыл за собой дверь. Через десять минут он сидел в машине. Снял камуфляж, переоделся. Проговорил сквозь зубы:

— Геращинский Евгений Яковлевич... Банкир, значит. Ну, Банкир, погоди!

Синельников вернулся от начальника МУРа в мрачном расположении духа. Вызвал начальника службы обеспечения и кругами пошел по кабинету, посасывая вместо сигареты мятную лепешку; габариты и вес его во многом объяснялись тем, что год назад он бросил курить.

Полковник Глеб Максимович Музыка, флегматичный и немногословный, как всегда, появился не один — с молодым человеком приятной наружности, в котором Синельников с удивлением узнал Николая Зинченко, заместителя начальника ГУБО.

— Какими судьбами? — поинтересовался он, пожимая сухую, жесткую руку Зинченко. — ГУБО перешло на ловлю уголовников?

— Судьба у нас одна, — сдержанно улыбнулся Зинченко. — Вернее, злая мачеха — война с преступниками, хотя ловим мы, конечно, не один и тот же контингент. Ваше начальство еще не сообщило вам новость?

— Новостями оно радуется ежечасно. О чем речь?

— О чистке органов. Кабинет министров готовит указ о регулировании численности спецслужб и увольнении всех не соответствующих своей должности. Для чего создаются специальные комиссии.

— Плодим чиновников... Нет, этого я еще не знал. Зато получил приказ выйти на «Чистилище» за три-четыре дня. «Фискалы» вроде бы опередили нас в части розыска «чистильщиков» из числа уволенных, а мы топчемся на месте. В общем, кровь из носу, чтоб был результат!

— Обычная формула бусидо.

— Как?

— Бусидо — самурайский кодекс чести. Не изжили мы, выходит, понятия «честь мундира» в худшем его смысле, если для его соблюдения требуется «кровь из носу».

— Если бы только из носу. С чем прибыли, коллега?

— Предлагаю обмен информацией. Мы вышли на круг лиц, подозреваемых в контактах с «Чистилищем».

— Надо же, какое совпадение: у нас есть список подозреваемых. Хотя я и не верю в какой-то особенный успех. Все эти люди — рядовые исполнители и вряд ли знают кого-нибудь из руководства «Стопкрима», в лучшем случае непосредственного руководителя, а то и просто приятелей по группе. «Фискалы» начали работать с подобным контингентом раньше нас.

Зинченко кивнул:

— Знаю, и результат налицо: задержали некоего Козлихина, который дал показания.

— Что же он сообщил? — вяло поинтересовался Музыка.

— К нему применили «третью степень» с аппаратным воздействием на психику.

— «Глушак», что ли?

— Суггестор «удав». И он сообщил о сотрудниках, с которыми контактировал в оперативной тройке.

— И все?

Зинченко поразмыслял о чем-то и снова кивнул.

— Панов под давлением сверху подписал секретный приказ уничтожать «чистильщиков» без суда и следствия. Якобы как меру чрезвычайного положения.

— То есть «пленных не брать». — Глеб Максимович хмыкнул. — Круто! Как в военное время. Только пустое это.

— Такой же приказ издал и ваш начальник.

— Не может быть!

— Я только что слышал переговоры своего шефа с вашим Иваном Кузьмичом. «Стопкрим», вероятно, наступил кое-кому на мозоль.

— Краснорыжину, кому же еще. Впрочем, это не наше дело. Давайте обсудим, что имеем. Мое мнение: с «чистильщиками» воевать не стоит, с ними надо устроить контакт и склонить к сотрудничеству на законных основаниях.

— Наш человек готовит для этого почву и уже внедрился в «Чистилище».

— Вот как? Кто же это?

Заместитель начальника ГУБО приложил палец к губам:

— Коллеги, о дьявольщине ни слова! А если серьезно, вопрос ваш из ряда риторически-провокационных. Этот человек великолепный профессионал, работает один, имеет допуск ко всем спецсетям, способен на все и очень опасен. Очень! Я встречался с ним трижды, и у меня сложилось впечатление, что он видит меня насквозь и в любой момент может стереть меня в порошок, хотя я и в силах за себя постоять.

Зинченко с легкой усмешкой передернул плечами:

— Такого лучше держать в друзьях, потому что враги его, как мне кажется, долго не живут.

— Я не знал, что у «губошле...», пардон, что у вас есть агенты такого класса. — Глеб Максимович смотрел на Зинченко с тяжелым любопытством во взгляде, и тот, поколебавшись, добавил:

— А он не наш, мы взяли его взаймы...

На новой квартире, расположенной недалеко от метро «Речной вокзал», стоял такой же компьютер, что и на старой, принадлежавшей ВКР. Матвей был очень рад этому обстоятельству, потому что не привык обходиться без анализа и предварительного расчета операций.

Квартира была двухкомнатной, с большой прихожей, и обставлялась, наверное, в те времена, когда австрийские гарнитуры «Карл и корона» еще можно было заказать. Впрочем, Матвей мало обращал внимания на качество жилья, хотя пожить в роскоши было приятно.

Первым делом он оценил расположение дома — с трех сторон жилые многоэтажки, с четвертой — стройка, лес и река. Оценил и местоположение квартиры — угловая на пятом этаже. Дом строился из кирпича по индивидуальному проекту, и каждая квартира имела отдельный коридор, которые звездой сходились к лифту. Лоджии квартир не соединялись, но в случае нужды человек тренированный мог без труда перепрыгнуть на соседнюю. Неизвестно, кто был последним жильцом этой секретной явочной квартиры, но надо отдать ему должное: содержал он ее в идеальном порядке.

После похода к Залупыйченко Матвей сутки не выходил из дома. Отдыхал, работал с компьютером, составлял план опера-

тивных мероприятий и выуживал по крохам информацию, проходившую по компьютерным сетям спецслужб. В конце концов он добился максимальной осведомленности для своего положения нелегала, выяснил немало любопытных фактов из жизни Банкира — Евгения Яковлевича Геращинского, вице-президента Центробанка, а также начальника Управления «Т» Федеральной службы контрразведки генерала Ельшина Генриха Герхардовича, который его почему-то интересовал. И решил действовать. Сведения, полученные от генерала Дикого, особенно о разработках психоделического оружия, требовали рискованных, но точно рассчитанных шагов. Мучили его только два вопроса: почему прекратились эзотерические сны и где Кристина? Успела ли она уехать?

Ради любопытства Матвей включил телевизор и тут же выключил: по всем каналам гнали идиотскую отечественную рекламу, от которой хотелось плакать и смеяться одновременно. Решение наконец-то созрело окончательно: для дальнейшего успешного завершения задуманного требовалась встреча с Горшиным. Матвей переоделся в потертый серый пиджак и старые брюки, благо гардероб в новой квартире позволял менять одежду чуть ли не каждый день, надел парик, подгримировался и превратился в пожилого, согбенного недугом пенсионера.

Лифтом он не пользовался, предпочитая спускаться и подниматься пешком, и, минуя третий этаж, стал свидетелем пикантной сцены. Дверь одной из квартир открылась, из проема выпал голый мужик, толстый, красный, потный, за ним выскочила тоже голая грудастая девица с распущенными волосами, вся в синяках и царапинах, затем вылетела его одежда, и разъяренный женский голос провизжал: «Чтоб ноги твоей больше не было, б... проклятый!» — и дверь захлопнулась.

Оторопевший было Матвей засмеялся, перекрестился — по всем приметам, его ждала удача — и едва удержался от того, чтобы не помчаться вниз, перепрыгивая через три-четыре ступеньки.

Память у него была идеальная, и уже через час, не блуждая, он подъехал прямо к дому Тараса Горшина. Оставил машину у забора, не глядя на часы, определил время — десять двадцать пять — и минут десять прогуливался по берегу расположенного неподалеку пруда, поглядывая на воду. Кто-то следил за ним, ле-

ниво, добродушно, словно за букашкой, в любой момент, однако, готовый пустить в ход клыки и когти, и Матвей сам себе кивнул, обобщив впечатления: Горшин, судя по всему, дома.

Так оно и было.

— Проходи. — Тарас открыл дверь и посторонился, пропуская Матвея, ничуть не удивившись, когда тот позвонил. — Что так долго гулял вокруг?

Матвей вошел и остоленел.

Перед ним был громадный ледяной грот, сверкающий огнями и радужными искрами. В их ослепительном свете все предметы приобретали причудливые очертания. Над гротом зияла бездонная черная пропасть космоса, утыканная алмазными иглами звезд.

— Не стой на пороге, — прилетел издалека знакомый голос. Матвею показалось, что это сталагмит ожил и говорит с ним. От его немыслимой формы буквально рябило в глазах.

Матвей шагнул на зеркало льда, подсвеченное снизу, и оказался в прихожей Тараса, резко отличавшейся от стандартных коридорчиков городских квартир. И тотчас же сталагмит превратился в хозяина, с любопытством глядящего на гостя.

— Что-то показалось?

— Да как тебе сказать...

— Откровенно.

— Откровение — постулат религии, а я воспитан иначе. Теперь ответь ты: что я видел?

Горшин жестом пригласил Матвея в гостиную.

— Ты видел мир скрытой реальности, причем — третьим глазом, он у тебя, похоже, открылся, с чем и поздравляю. Как я и предполагал, человек ты не совсем обычный, паранорм. Человек вообще есть переходное звено от биологического к энергетическому уровню жизни, но ты стоишь чуть ближе к последнему. За чем я тебе понадобился?

Матвей остановился посреди комнаты, с недоверием оглядывая стены, шкафы, мебель. Ему то и дело мерещились странные полупрозрачные тени и мерцания, создающие вокруг фон внечувственной, не поддающейся измерению, иной жизни. Но, может быть, это просто галлюцинации, рождаемые прямой мыслепередачей хозяина?

— Почему ты скрыл, что ребята из «Щита» похитили, кроме обычного оружия, еще и «глушаки» с «болевиками»?

Горшин подошел к стене, раскрывшейся вдруг, как бутон розы, сунул руку в черный проем и, достав пистолет «волк-2» и автомат «гном», которые выкрал со склада батальона «Щит», бросил их Матвею. Затем вытащил второй пистолет, и Матвей понял, что это и есть суггестор «удав», «глушак». Во время похищения ему было не до того, чтобы разглядывать оружие, и второй пистолет он взял на всякий случай, не догадываясь, что это такое.

— Я был уверен, что ты знаешь. Кстати, красивая машинка, да? Люблю все совершенное... Кроме того, ты должен знать, что гипокризия¹ — такое же оружие в руках контрразведчика, как меч или пистолет.

Он снова спрятал «глушак» в проем, снял со стены дзин, односторонний японский меч, а свободной рукой бросил Матвею акинак — обоюдоострый кельтский меч.

— Раз уж ты здесь, я скажу тебе, кто я такой в этом мире.

Прыжок через стол (!) — поворот — удар! Матвей с трудом парировал удар, нырнул вниз, перекатился в угол, вскочил на ноги, не касаясь пола руками, перед глазами снова блеснула смертельная сталь. Клинки высекли искры, взметнулись вверх, прикрывая владельцев веером защитных взмахов.

— Кэндо мусоби, — сказал Тарас. — Неплохо. Но это не предел.

Новый выпад, каскад приемов, вращений и ложных ударов, всплеск на поражение, звон столкнувшихся клинков, отскок. На левом запястье Матвея появилась царапина.

— Айкидок, держи цуки-но кокоро². Русбой этому не учит?

— Учит, — почти беззвучно выдохнул Матвей, начиная атаку. Он никогда не считал себя мастером фехтования, но отступать не хотелось.

Мечи встретились вверху, внизу, сбоку, спиралью очертили

¹Гипокризия — лицемерие, двуличие, притворство.

²Цуки-но кокоро — дух, подобный луне (психологическое состояние в кэмпо).

фигуры бойцов, встретились вновь. Горшин отступил с царапиной на предплечье, кивнул.

— Капоэйра¹, стиль паука. Я тебя недооценил. И все-таки это тоже не предел.

Прыжок Тараса был таким быстрым, что он как бы размазался в воздухе, а клинок его меча и вовсе исчез из поля зрения. Матвей отступил, но было поздно — его меч, выбитый хитрым ударом в стиле богомола, отлетел к двери. Двое замерли друг против друга: меч Горшина был направлен в горло Матвея, но дуло пистолета «волк-2» смотрело в лоб Тарасу.

— Хорошо, — хладнокровно сказал Горшин через секунду. — Почти ничья. — Отступив, он повесил меч на место, кивнул на диван: — Садись.

Матвей сел с хмурым видом, убрал пистолет.

— Точнее, проиграл я. Но мечи — не мой стиль. Ты что-то начал говорить о...

— Продолжаю. Тебя все время волновал вопрос, почему я, человек Круга, ввязался в опасные игры обычных людей. Отвечаю: причин несколько. Первая, хотя и не главная: я исповедую принцип абхадья² лишь наполовину.

Матвей задумался.

— Если так, то тебя надо было здорово обидеть, чтобы ты встал на путь мести.

Глаза Горшина не только потемнели — провалились в бесконечное Ничто, в них отразилась тоска и сверкнула ненависть.

— Мечь — дело тонкое... ты правильно догадался. Дело в том, что у меня убили жену, рожавшую сына.

Матвей пошевелил губами, хотел что-то сказать, но не смог, молча смотрел на Тараса. Наконец выдавил:

— Извини, я не знал... такая трагедия!

Горшин глянул на него косо, усмехнулся, потом лицо его приняло спокойное выражение, как бы застыло, пряча под маской покоя бушующие в душе гнев и печаль.

— В Москве каждый день случается несколько таких трагедий. Вот почему я убежден, что «Стопкрим» должен работать и дальше, даже если я уйду.

— Куда?

¹Капоэйра — бразильское кэмпо.

²Абхадья — нежелание чужого добра и забвение обид.

Тарас проигнорировал вопрос.

— Вторая причина: в иерархии Круга я — человек седьмого уровня, Плана Духа, — кшатрий. Помнишь градации Успенского?

— Профессиональный воин.

— В общем, да, хотя ближе был бы, наверное, термин «эмиссар» — разведчик.

Матвей недоверчиво покачал головой:

— Не мелко ли плаваешь, эмиссар? Неужели Круг не может обойтись без земных понятий, а главное, событийных узлов?

— Так ведь я пытаюсь объяснить это не человеку Круга, а всего лишь личинке паранорма, взращенной человеческой цивилизацией.

— Спасибо.

— Не за что. Добавлю: в принципе, наше пересечение — людей Круга и обычных людей — случайно. Просто на каком-то отрезке пути наши цели совпали, вот и все. Цели разойдутся — разойдемся и мы. Но если вы, люди, в том числе и ты, помочь мне не в силах, то я могу помочь вам, что и делаю. Понял, ганфайтер?

Матвей помолчал минуту, раскладывая по полочкам свои выводы и полученные факты. Ему показалось, что Горшин в чем-то неискренен, но в чем именно, понять не удалось.

— Понял, кшатрий. За что убили твою жену? И кто?

— Не трави душу. — Тарас снова потемнел. — Они вошли в роддом и... мою жену... семь женщин... всех!

— За что?!

— Они получили задание уничтожить женщину, беременную иерархом, будущим инфархом... Тот, кто давал задание, не хотел рисковать. А исполнители были обыкновенными гангстерами, подонками, заказными убийцами.

— Были?

Тарас pokrивил губы, ничего не ответил.

— Давай о другом. Зачем все-таки я тебе понадобился? Нужен совет, деньги, физическая помощь?

Матвей покачал головой, все еще находясь под впечатлением рассказанного Горшиным.

— Послать убийц мог только Монарх Тьмы. И ты здесь, в конкретном месте, в столице, остановился для того, чтобы найти этого «монарха», так?

— Не стоит демонстрировать свою догадливость, тем более

что это в тебе говорит канал связи с менталом, полем общей информации Земли.

— А ты ее... очень любил?

Тарас горько рассмеялся, кивнул:

— Ты заговорил, как мальчик с романтическим воображением. Эмоции людей Круга полней и разнообразней, и любят они не так, как обычные люди, но я ее... Елиनावу... любил!

— Лучшее лекарство от любви — другая любовь.

Горшин отвернулся.

— Может быть. Но произойдет это, видно, не скоро, ибо та женщина, которую я полюблю, еще не родилась. — Лицо его приняло сердитое выражение. — Хватит, капитан. Я и так сказал слишком много. И времени у меня в обрез.

— Нужен совет, — признался наконец Матвей. — Похоже, я вышел на одного из боссов «Купола».

— Банкир, Летчик, Мэр?

— Банкир. — Матвей едва пришел в себя от шока. — Ты знаешь?!

— Я много чего знаю.

— И ничего не делаешь, чтобы ликвидировать главных виновников разрухи и беспредела?

— Во-первых, почему ты уверен, что я ничего не делаю? Во-вторых, сделать это не так-то просто, не физически — социально: уберешь одних, на их место придут другие — надо ликвидировать с и с т е м у! Что это такое, не мне тебе объяснять. В-третьих, если все буду делать я, на кой черт тогда вы, люди? Герои-одиночки, толпы поборников справедливости, служители демократии, радители за всеобщее добро и благо? И в-четвертых, существует так называемый принцип Питера, заключающийся в том, что каждый служащий продвигается по иерархической лестнице до тех пор, пока не достигнет уровня своей некомпетентности. Ты еще не достиг, работай самостоятельно. Есть и «в-пятых», но оно не столь существенно.

Матвей сглотнул, чувствуя себя так, будто ему влепили пощечину. В голову ничего не лезло, хотелось встать и уйти... и в то же время остаться и выяснить, не смеется ли хозяин... и еще было желание залезть в ванну и забыть обо всем.

— А что такое «в-пятых»? — услышал он собственный голос.

Горшин белозубо засмеялся:

— Молодец, не сдаешься. В-пятых, свои задачи я определяю себе сам. Еще есть вопросы?

— Нет. — Матвей встал и направился к двери из квартиры-грюта Горшина, с порога оглянулся: — Привет иерархам.

И вышел. Ответа Горшина: «Memento mori» — он уже не слышал.

Глава 18

УДАР КИНЖАЛОМ

Луна, раздвоенная, как язык змеи, залила все вокруг мертво-синим светом, и оттого пейзаж казался незнакомым, неземным, хотя Матвей висел в воздухе над городом, может быть, и над Москвой. То, что он висел, не падая и ни на что не опираясь, не удивляло, как и отсутствие признаков жизни в городе под ногами. Все было в порядке вещей: город спал. То есть он спал, как живое существо, большое, сложно организованное, но существо, причем больное, потому что Соболев видел опухоли и мертвые пятна на теле города-существа, прекрасно понимая при этом, что это за болезнь.

— Запоминай, — беззвучно шепнул кто-то внутри, и Матвей послушно стал запоминать рисунок улиц, площадей, зданий, кварталов, отмечая скопление мертвых пятен и опухолей над ними.

Пейзаж вздрогнул, поплыл под ногами, все быстрее, быстрее, смазлся в фосфоресцирующую полосу, а когда движение прекратилось, Матвей увидел, что стоит посреди черно-фиолетовой, прочерченной дымно-синей полосой равнины, возле огромного, светящегося рубиновым светом камня. На его плоском боку чернела древнеславянская вязь, понятная Матвею: «Налево поедешь — жену потеряешь, направо поедешь — друга потеряешь, прямо поедешь — себя потеряешь».

— Выбирай, — всплыл в памяти тихий, уже знакомый голос, полный сомнений и надежд.

— Ни жену, ни друга...

Гул прилетел с небес, раздвоенная луна содрогнулась, и обе половинки ее захлопнулись, образовав ослепительный синий круг.

- Что это? — мысленно спросил Матвей.
- Вход в Круг, — ответили ему.
- Хочу туда...
- Выбери путь и иди.
- Я выбрал.

Еще один рокочущий удар потряс все вокруг, и на равнине появились черные всадники: один, два, три... шесть... Конский топот рождал вибрирующий гул и резкие щелчки, словно копыта ударялись то о каменные плиты, то о железный настил.

- Кто это?
- Тени Монарха Тьмы.
- Я должен с ними сразиться?
- Да.
- И победить?
- Да. Победить зло не только вокруг, вне кокона (так услышал Матвей), но и в самом себе.
- Но я никому не причинил зла...

Новый удар. Всадники исчезли, камень с надписью тоже, а на месте луны появилось лицо, удивительное мужское лицо. Не холодное, не бесстрастное — безмятежное, не лишенное вместе с тем выразительности. Слишком незначительными казались сочувствие, теплота или симпатия, чтобы искать их на нем. Не было оно также отмечено неземным величием или божественной мудростью. Вполне человеческое, оно в то же время не могло принадлежать ни одному человеку из-за глубины мыслей и чувств, запечатленных на нем, недоступных пониманию Матвея. Человек глядел на него оценивающе, в то же время занятый другими, бесконечно далекими от всего земного делами. От Матвея не ускользнуло, что человек видит его насквозь, видит все, до мельчайших деталей, но во взгляде его, серьезном, спокойном и понимающем, нет ни упрека, ни порицания. И не нужно ему объяснять, кто такой Матвей Соболев и что он собой представляет, не нужно никаких рассуждений. Человек з н а е т все. Но молчит. Пала внезапная тьма, лицо исчезло, и Матвей осознал себя лежащим поперек кровати с мокрым от слез лицом и острым ощущением потери и уходящего понимания сути вещей. Голова, казалось, сморщилась, как грецкий орех, и болела.

— Раз голова болит, значит, она есть, — глубокомысленно произнес Матвей. Встал, доплелся до ванной и глянул на свое отражение в зеркало.

— Ну что, псих?

— Сам такой, — огрызнулось отражение. — Меньше чепухи читай на ночь, не то свихнешься.

— Не каркай, — буркнул Матвей и полез под горячий душ.

«Хотелось бы знать, что такое я видел и как этот паратекст перевести на человеческий язык. Кто и о чем меня предупреждал? И наконец, кто и зачем ведет со мной «беседы»? Чего он хочет от меня?»

Пока Матвей умывался, тренировался и завтракал, лицо продолжало тревожить и будоражить, но потом мозг справился с потрясением и включил сознание в привычный ритм бытия. Горшин отказался помогать, значит, следовало до конца использовать свой потенциал, хотя Матвей понимал, что в одиночку много сделать не удастся.

В расписании дня значилось наблюдение за Банкиром и поиск подходов к нему, что Соболев и выполнил к восьми часам вечера. Удалось выяснить, сколько человек прикрывает Банкира, то есть заместителя председателя Центробанка Евгения Яковлевича Геращинского, в зданиях, где он бывает, сколько задействовано во время поездок и выходов, когда и как сменяется охрана, какой техникой владеет.

Шурик Залупыйченко появился под вечер во внешней смене. Был он мрачен и на шутки коллег не реагировал. Матвея видеть он не мог, но, если бы и увидел, не узнал бы: на сей раз Соболев «работал» таксистом, прицепив на машину Ильи оранжевый фонарь с шашечками.

Последним штрихом в картине рабочего дня Банкира была его поездка в Люблино. Матвей сначала подумал, что Геращинский едет туда по делу, — жил-то он в центре, на Тверской, но дом в Люблино оказался обычным, жилым, без контор и офисов. А когда охрана господина Банкира сопровождала его до дверей квартиры на двенадцатом этаже и осталась снаружи, Матвей догадался, что Евгений Яковлевич «снимает стресс» у любовницы.

Запомнив адрес, Матвей уехал с сознанием исполненного долга. Ко встрече с Геращинским надо было подготовиться более тщательно, осмотрев новое место действия и наметив пути отступления. Района этого Соболев не знал и зря рисковать не хотел.

В начале девятого, когда солнце уже готовилось нырнуть за горизонт, он подъехал к гаражу Ильи.

Небывалая даже для июля дневная жара спала, но вечер осолобого облегчения не принес, вобрав духоту и накопив выхлопные

газы автотранспорта. Правда, Матвея это не слишком беспокоило, он давно умел регулировать температурный режим тела и чувствовал себя нормально в диапазоне температур от минус тридцати до плюс сорока градусов.

Сигнал тревоги раздался у него внутри в тот момент, когда он входил в распахнутые ворота мастерской. Кто-то наблюдал за ним, скрытый и опасный, как ядовитое насекомое. На запуск программы требуемой концентрации необходимы доли секунды, и, уже переступив порог, Матвей был готов к действию.

Его встретила тишина. Свет в гараже был выключен, горела лишь лампочка над верстаком в углу, скупо освещая стоявшую рядом «Волгу». Еще одна машина — красная «Тойота» — висела на подъемнике. Соболевской «Таврии» в гараже не оказалось.

— Илья! — позвал Матвей.

Ему послышался стук, скрип и следом — стон. Не раздумывая, он рванул по лестнице вверх, в «офис» Муромца, и нашел его лежащим ничком возле сейфа, в углу комнаты, освещенной настольной лампой. Матвей присел рядом на корточки, охватывая взглядом разбитые телефон, графин, стаканы, разбросанные по комнате предметы, сломанный стул. Коснулся шеи Ильи — пульс редкий. Что с ним? Перевернул на спину и стиснул зубы. В животе Муромца торчал кинжал, в который мертвой хваткой вцепились его руки.

Крови почти не было, однако Матвей сразу понял, что удар, нанесенный с профессиональным мастерством, смертелен. Прислушиваясь к звукам в здании, он положил руку на лоб Ильи, напрыгав, как учили.

Веки Муромца дрогнули, он открыл глаза, прояснившиеся не сразу. Прохрипел:

— Кто?... Со-боль? Ты? Ухо... ди... они здесь... прячутся...

— Молчи, — глухо сказал Матвей. — Береги силы, я вызову «Скорую».

— Позд... но... они меня... доконали... — Илья закашлялся розовой пеной, струйка крови сбежала из уголка рта на подбородок. — Иска... ли... тебя...

— Кто?

— Тот жлоб... что приходил... первый раз... и три бабы... ему я приложил... а баба... брюнетка... разделала, как быка...

— Лежи, я сейчас.

— Не надо. — Илья потянулся рукой, вздрогнул. — Твоя машина... у меня дома... найдешь... бери «шестерку»... если надо. —

Голос его упал до шепота: — Меня вечно... тянуло в двери... посторонним вход... запрещен... — Глаза умирающего на миг вспыхнули. — Но я... всегда бил морду... подлецам! — Голос стих, голова откинулась, разжались могучие руки.

Матвей сидел на корточках над телом друга и ни о чем не думал, просто смотрел на его разгладившееся лицо. Смотрел до тех пор, пока сзади не раздалась команда:

— Встать! Руки за голову!

Матвей оглянулся через плечо, не сразу разглядев говорившего. Это был мощного сложения человек, одетый в самый обыкновенный летний блузон и джинсы, но пистолет, казавшийся в его огромной руке игрушечным, смотрел на Соболева весьма красноречиво. Матвей встал, обхватив руками затылок.

Офис Ильи заполнили быстрые парни в самом разнообразном обмундировании, только один в пятнистой форме спецназа, остальные выглядели простыми подметальщиками улиц.

— Кто вы? — полюбопытствовал Матвей.

— МУР, — ответил квадратнолицый и круглоплечий, массивный, как банковский сейф, мужчина, в свою очередь разглядывая Соболева. — Полковник ОРБ Синельников. Нам сообщили, что здесь совершено убийство, и описали твои приметы. Не повезло тебе, парень. Ну что, Витя? — обратился он к парню в форме.

— Мертв, — ответил тот. — Проникающее ранение в живот и еще одно в грудь.

Матвей вскинул голову — ранения в грудь он не заметил, не захотел снимать рубашку. Значит, Илью ударили дважды... и сделала это профессионалка из батальона Белого — Шмеля...

— За что ты его? — поинтересовался болезненного вида худой опер, из-за спины Матвея проведя руками по его карманам.

— Я не убивал, — тихо ответил Матвей, и вдруг что-то сдвинулось в сознании, прояснилось, озарилось дрожащим светом. Показалось, кто-то рядом и в то же время далеко дыхнул на него запахом тления и ненависти, вздохнул удовлетворенно, сказал: «Порядок, этот не опасен» — и отвернулся.

— Пошли, — бросил Синельников, опуская пистолет. — Только не трепыхайся, мои орлы не любят киллеров твоего типа и любое движение могут счесть попыткой к бегству.

Матвей кивнул и с отрешенным видом, безвольный и подавленный, шагнул к двери. Расслабленность принесла плоды уже через минуту, когда он спускался с лестницы, механически пере-

ставляя ноги. Ветвистая молния невидимой энергии ударила с небес в макушку, пронизала тело с головы до пят, разбежалась по сети нервных путей, окончаний и узлов, заставив эту сеть светиться пронзительным светом боли и восторга. Матвей вошел в состояние турии, и ему показалось, что он сейчас взорвется. Так оно и случилось: нервные клетки, словно невидимые пули, прошли кожу, разлетелись во все стороны, пронзили стены зданий и все предметы внутри, машины, асфальт, людей, и Матвей увидел весь этот район как бы из многих точек сразу — снизу, сверху, со всех сторон, в том числе и изнутри. И хотя подобное с ним происходило всего раз — раньше все было не так, несмотря на интуитивное видение, — он сразу понял, что озарение к нему приходит простым волевым усилием.

Уже потом Агапов в разговоре с Синельниковым делился впечатлениями от происшедшего с выражением детского изумления и недоверия на лице:

— Понимаешь, он вдруг словно взорвался! Пятерку, которая сопровождала его к машине, буквально разметало по сторонам! У двоих шок, у Пшонкина свернута челюсть, у лейтенанта сломан копчик, Башкин нокаутирован. Представляешь?

— Сломан копчик? Не может быть.

— Видел бы ты, как он действовал дальше! — не унимался потрясенный Агапов. — Сиганул через «Тойоту», сбил сержанта, уложил прикрытие — без единого выстрела! — и уехал на нашем же «газоне». Каково?

— Круто, — согласился хмурый полковник. — Видимо, это был тот, кого мы искали: друг убитого и он же сотрудник «Чистилища». Его просто подставили, автомастера он не убивал.

— Кто подставил? Зачем? Не проще ли было убрать, если он кому-то мешает?

— Попробуй убери такого! Ты сам убедился, каков он в бою. Настоящий ганфайтер, волкодав. К тому же еще и барс, судя по тому, как владеет приемами.

Агапов погас.

— Что будем докладывать наверх? Снова прокол. Может, пока не поздно, тихо-мирно уволиться?

— Погоди немного, — задумчиво произнес полковник; они спустились во двор и ждали сообщений оперативной службы, передав по рации дежурному. — Тут возникает вопрос: почему позвонили именно нам, в ОРБ МУРа, а не в ближайшую префектуру? Кто мог знать наши телефоны?

Агапов задумался:

— Шпана — явно нет, воры в законе и компания — тоже вряд ли. Мог знать кто-то из милиции.

— Вот, — поднял палец Синельников. — А еще точнее — кто-то из наших оперов, больше некому. Давай-ка поищем.

В патрульной машине запищал телефон: дежурный сообщил, что у метро «Октябрьская» обнаружен пустой милицкий «газон» с мигалкой, принадлежавший ОРБ.

— Придется объявлять всероссийский розыск, — вздохнул Агапов.

— Никуда он из Москвы не уедет, — убежденно заявил Синельников. — Будет искать убийц, как и мы. И найдет... если только их не найдут раньше «фискалы».

Как ни старался Матвей успокоиться, прогнать мысли о гибели друга и хоть на время забыть о проблемах, спал он в ту ночь плохо, сон сморил его только в четвертом часу утра. Гибель Ильи потрясла Матвея, заставила пересмотреть многие правила внутреннего распорядка, а также нормативы контакта с внешним миром. Нет, он не ожесточился, не возненавидел всех и вся, но жизнь требовала изменить стандарты поведения, привести их в соответствие с реалиями, в частности, откорректировать навыки ганфайтера-волкодава, профессионального перехватчика, человека боя. Правда, выйти на новый уровень сил можно было лишь с помощью Горшина, сам по себе физический тренинг не позволял достичь нужной кондиции.

В ночных кошмарах Матвею мерещилось, что он борется с убийцами Ильи, раз за разом проигрывает, и он вскакивал с постели в холодном поту. Потом, не то во сне, не то наяву, пришел Тарас с необычной идеей излить душу и оправдаться. Был он тих, задумчив, грустен, с лица не сходило виноватое выражение, но говорил он какие-то странные слова и даже угрожал.

— Откуда ты взялся? — спросил Матвей холодея, натягивая простыню до подбородка; одна половина сознания принимала происходящее за сон, вторая предупреждала об обратном.

— От верблюда, — остроумно заметил Тарас, присаживаясь на краешек кровати. Был он одет в какой-то немыслимый, отличающийся золотом черный костюм, то ли трико, то ли наряд ниндзя, и время от времени как бы исчезал из поля зрения, только

глаза оставались висеть в воздухе, полные тоски и внутренней боли.

— Что тебе надо?

— По-моему, этот вопрос должен задать тебе я. Ты звал — я пришел.

— Я не звал!

— Ошибаешься, паранорм, звал. Полем пси-связи ты не владеешь, я имею в виду — сознательно, но пользоваться им можешь. Что с тобой происходит?

— Убили друга...

— Знаю, я не о том.

— Я чувствую себя как беременная женщина: что-то во мне меняется, зовет, пытается сообщить о себе и выйти наружу, «родиться», так сказать, но я не знаю, как себе помочь.

— Тебе нужна пси-энергетическая коррекция. Придет время, и я помогу тебе, жди.

— Раньше ты думал по-другому.

— Как сказал Лоуэлл¹, только глупцы и покойники думают всегда одинаково. Что еще тебя беспокоит?

— Убийцы. Я хочу их найти.

— Желание похвальное, хотя мнений на этот счет много. Но как бы то ни было, человек живет своими желаниями, страхами, тщеславием, борьбой, развлечениями, азартными играми, сексом. Но больше всего ему нужна власть, власть над теми, кто рядом.

— Не все так живут...

— Почти все! Перестаешь подчиняться одной силе, немедленно начинаешь подчиняться другой — внешней или внутренней, но рожденной внешним воздействием.

— На этом построены все цивилизации.

— Добавь — человеческие. Цивилизация нашего времени — бледное чахлое растение, задыхающееся во мраке глубокого варварства.

— Почему варварства? Разве не люди создали совершенные способы связи и транспорта, изобретения...

— Техника, улучшенные средства сообщения и методы производства, возросшие возможности покорения природы берут от

¹Лоуэлл Джеймс Расселл (1819—1891) — американский поэт и публицист.

цивилизации больше, чем дают. Человечество больно духовно, и лишь Внутренний Круг не страдает этой болезнью. Люди Круга вынуждены жить среди варваров, дикарей и порой не выдерживают этого... как я, например.

— Не понял.

— И не надо. Может быть, я когда-нибудь расскажу тебе одну поучительную историю... если ты доживешь до этого момента.

— Спасибо за добрый прогноз.

Горшин исчез и вскоре появился вновь — так, по крайней мере, показалось Матвею, когда он «проснулся» от шороха. Человек Круга, одетый теперь в темно-коричневое трико, стоял у окна, что-то разглядывая во дворе.

— Кто ты на самом деле? — прошептал Матвей, уже не пытаясь разобраться, сон это или явь. — Дьявол, Сатана, ангел или Бог?

Тарас оглянулся, сверкнув светящимися белками глаз. Медленно проговорил:

— Я — от сегодня и от прежде; но есть во мне нечто от завтра, от послезавтра и от некогда.

— Ницше, «Заратустра».

— Да, ты весьма начитан, филолог-волкодав. Оба мы, мой друг, в капкане. Но если ты еще в силах выскользнуть, сменив цель, разорвав установки, определив закон приоритетных ценностей, то я, наверное, уже нет. Может быть, тогда — очень давно — я был не прав. Не убежден. В таком случае ты не должен повторять моих ошибок.

— О чем ты?

— Впрочем, — продолжал Тарас, словно разговаривая с самим собой, — в человеке борется столько противоположных начал, что их гармоническое сосуществование невозможно. Душа человека слишком сложная комбинация, чтобы все звучащие в ней голоса могли соединиться в один согласный хор.

— Успенский...

— Истина, мой друг! Так что я, скорее всего, был прав. Надо лишь помнить, что каждый из нас получает столько зла, сколько создал сам! Это закон! Прощай, ганфайтер. Зернышко. Или куколка. Что, в общем-то, не ново. Я тоже был когда-то имаго, однако не... Впрочем, не будем забивать мозги лишней информацией.

Горшин снова исчез, а Матвей погрузился в очередной сон, то и дело просыпаясь, пока, измочаленный, не встал на рассвете

с постели. Он так и не смог определить, приходил к нему Тарас во сне или наяву, хотя разговор сохранился в памяти почти целиком.

В десять ноль-ноль Матвей появился на территории «Независимой федерации кикбоксинга» в камуфляжном костюме десантника спецподразделений МВД, внутренних войск и охраны. Полевая фуражка-афганка, автомат через плечо и знаки отличия майора на погончиках дополняли наряд. Имелось и удостоверение майора горуправления внутренних дел, выданное на имя Матвея Бобылева, сделанное добротное, с соблюдением всех норм. «Губошлепы», изготовившие это удостоверение вкупе с тремя другими, знали свое дело.

Усы преобразили лицо Матвея, а выправка строевого сотрудника УВД и вовсе изменила его внешность, так что учителя соответствующих подразделений СМЕРШа-2 могли быть довольны учеником.

Однако первое, что озадачило приехавшего представителя власти, было отсутствие вывески «Независимой федерации». Вместо нее на двери в левом крыле здания висело объявление: «Набор в школу акробатики: среда, четверг — с десяти до двенадцати».

«Успели передислоцироваться, — с холодным гневом и разочарованием подумал Матвей. — Значит, копнул я достаточно глубоко. Узнать бы, куда Шмель переправил свой батальон охраны правительства».

Не надеясь на успех, он поднялся на второй этаж, заглянул в пустые спортзалы и открыл дверь в бывшую приемную Белого — Дадоева. И тотчас же сработал звоночек тихого беспокойства.

Приемная была та же, и, хотя девица, стучавшая на машинке, казалась незнакомой, Матвей сразу опознал в ней служашую «женбата», личной охраны Шмеля. Уж очень изящно сочетались в ней грация каратиста с мышцами гимнастки.

— Вам кого? — подняла голову от машинки девица.

— Белого. — Матвей показал удостоверение, держась уверенно и твердо. Офицер на его месте имел право приказывать, ничего не объясняя.

— Они с... тут такие не работают, — поправилась девица, платиновая блондинка с короткой стрижкой, с любопытством окидывая вошедшего взглядом. На указательном пальце ее левой руки тускло блеснул перстень в форме черепа змеи.

— Виноват, — козырнул Матвей. — Видимо, мне дали ста-

рый адрес. — Четко повернулся, вышел. Закрыв за собой дверь, приложил к ней ладонь, а к ладони ухо. Сосредоточился и услышал характерные звуки номеронабирателя.

— Мне Второго, — после паузы донесся голос секретарши. — Лейтенант, тут...

Матвей рывком распахнул дверь и точным броском голыша — окатанного куска камня — вдребезги разбил телефон.

Девушка вскрикнула, но тут же сориентировалась и сунула руку в стол. Второй кусок камня угодил ей в запястье, отбив охоту хвататься за оружие. Но она и тут не растерялась, а прямо со стула метнулась к «майору», нанеся удар ногой в стиле дакэн-тайдзюцу. Матвей ответил тем же, и девушка прилипла спиной к стене, сползла на пол, не сводя округлившихся глаз с гостя.

Матвей закрыл дверь, заглянул в бывший кабинет Дадоева — никого, пусто, стенка за шкафом заложена кирпичом — и вернулся в приемную.

— Номер телефона, по которому вы только что звонили.

Платиновая блондинка зашевелилась, показав красивые, но чересчур мускулистые ноги.

— Пошел ты!..

Пощечина отбросила ее к столу. Она снова округлила глаза, открыла в изумлении рот:

— Ну, козел, я...

Очередь в пять патронов обошла ее кругом: автомат был оборудован насадкой бесшумного боя и шума производил не больше, чем теннисный мяч. Со стен посыпалась кирпичная крошка, от шкафа во все стороны полетели щепки.

— Номер!

Секретарша неизвестного «клуба акробатики» открыла рот, хотела выругаться, но глянула в глаза Соболева и сникла. Тихо продиктовала номер, соврав последнюю цифру: Матвей запомнил щелчки номеронабирателя, когда она звонила. Не подав виду, он подошел к блондинке и прикосновением пальца к сонной артерии погрузил ее в сон.

Вышел из здания спокойно, никто за ним не следил, никто не ждал. Спустя полчаса через компьютер на квартире удалось установить адрес по номеру телефона — Очаково! А еще через полчаса Матвей объехал на машине двухэтажное здание с зарешеченными окнами, прячущееся за высоким проволочным забором.

МЕСТЬ И ЗАКОН

Приняв позицию фудодза, Тарас отстранился от мирской суеты, положил руки на затылок и, глубоко вдохнув через нос, наклонился вперед, задержав дыхание. Потом выпрямился, не торопясь выдохнуть втянутый воздух через полукоткрытый рот, качнул корпус слева направо и продолжал покачивания с затухающей амплитудой, пока не остановил тело в вертикальном положении.

Внутреннее сосредоточение длилось недолго, из медитативного упражнения оно давно стало частью жизни. Описание этого процесса заняло бы времени больше. «Следуя за дыханием», Тарас разместил сознание в психофизическом центре (хара — по терминологии восточных школ психотренинга), обретая странное состояние: тело и сознание как бы растворились в воздухе, реагируя на изменение ситуации каждое по-своему, а вместе точно отражая колебания полей мира.

Затем следовал новый шаг медитации, вынесший Тараса за пределы тела. Окружающая обстановка при этом осознавалась периферией чувственной сферы, ибо потеря бдительности даже на мгновение могла оказаться фатальной, но главным был выход в некое многомерное пространство, называемое по привычке астралом, хотя многие адепты эзотерики из числа людей-исследователей оценивали этот термин по-разному.

И, наконец, стремительно пронеслась цепь осознаний, позволяющих достичь духовного могущества, по этапам-ступеням-уровням: осознание бренности тела, иллюзорности восприятия, собственной малости в пространстве и времени, осознание главенства духовного над материальным, тождества себя с другими, множественности проявлений реальности, осознание Великой Пустоты, настоящего из будущего и, последнее, — осознание Будущего из Настоящего!

Тарас Витальевич Горшин, человек Внутреннего Круга и поэтому не такой, как остальные люди Земли, вышел в особое информационное поле мироздания, имеющее разные названия, известное исследователям эзотерики под термином «ментал», кто бы что под этим ни подразумевал. Но преодолеть последнюю ступень, выйти в тайдокай — «чрево-хранилище» Вселенной, а оттуда в конгокай — «сферу неразрушимого», сущность духовно-

го мира, ощутить великое единство макро- и микрокосмоса не удалось. Последний уровень медитации — видение Будущего из Настоящего — открылся лишь на мгновение, оставаясь недоступным восприятию. Кто его закрыл, было ясно. Иерархи своих решений не меняли.

Человек — переходное звено от биологического к энергетическому уровню жизни, и Внутренний Круг давно перешел на этот уровень, но Тарас еще не достиг порога зрелости, позволяющего владеть колоссальной энергией и запасами информации в полной мере, а после его «акта непослушания» это стало и вовсе проблематично. Путь, на который он встал, по мнению иерархов, вел в никуда, в тупик, и, чтобы выбраться из этого тупика, следовало начать цикл жизни с нуля.

Тарас напрягся, удерживая с помощью бонно¹ концентрацию «И» разума-воли на грани взрыва, и получил в ответ удивительную «розу» видений-ощущений-озарений, потрясших его до глубин психики. К сожалению, человеческий язык иероглифичен и способен передать лишь до предела упрощенные понятия, общение на этом уровне возможно лишь о всем известных вещах. Рассказать, что чувствовал и видел Горшин, он бы не смог, да и не желал этого.

Удержаться в состоянии пси-резонанса ему помогло только дзюнан-тайсо — постоянное и жесткое поддержание психической и физической формы. Едва не выскользнув из ограниченного волей иерархов — для него лично! — пространства ментала, он приступил к ставшему привычным анализу обстановки.

Сначала прошелся мысленным взором по карте пси-патогенных зон Москвы, отмечая новые узлы с излучением негативных эмоций: «карта» представляла собой сложную, «слабо-пространственную» сетку, ячеистую структуру с размытыми кое-где контурами — там, где ментальное зрение-чувствование Тараса наталкивалось на противодействие. Крупнейшие пси-патогенные зоны не изменили ни размеров, ни цвета, ни очертаний, прикрывая районы сосредоточения власти, от правительственных (Государственная дума, Совет Федерации, Московская городская дума) до ее территорий, контролируемых «Куполом» (Лубянка, Петровка, Лефортово, Кремль, Центр, аэропорты). Территория, подконтрольная «Чистилищу», выделялась инфра-

¹Бонно — пауза в дзэнской психотехнике.

красным цветом-ощущением, но по качеству излучения почти не отличалась от черных зон, на что Тарас предпочел закрыть глаза. Но в глубине души он уже давно понял, что стихийный протест, подтолкнувший его к созданию «Чистилища», — с благими намерениями, конечно! — расстановку сил в этом не самом лучшем из миров в пользу Светлых исходов, скорее всего, не изменит.

Легким мысленным усилием Тарас овладел внешней сенсорикой¹ и вылетел из тела. Мгновенно преодолев объем пространства-времени-чувств-переживаний, он неосознанным облаком проник в одну из черных зон (Министерство внутренних дел, главные управления, МУР) и внедрился во все коммуникативные сети. Через полминуты он знал все, чем занимались отделы данной конкретной системы, перелетел в следующую (Федеральная служба контрразведки, Управления «К» и «Т», системы контроля разных уровней, отделы технических и оперативных служб), но заглянуть внутрь смог лишь краешком сознания — «размытость» зоны здесь не позволяла видеть деятельность систем; так в сильный дождь и туман не виден не только горизонт, но и ближайшие предметы.

Тогда Тарас выплыл на уровень расчета поля возможных траекторий известных ему лиц. И уже через несколько секунд увидел «траекторию» Матвея Соболева, ганфайтера-волкодава, барса, мастера единоборств, будущего Посвященного, паранорма, с которым контактировал прошлой ночью в форме сна.

— О черт! — пробормотал он про себя, со свистом и гулом «падая» из транса в реальность земного бытия. — Только этого мне не хватало! Парень явно переоценил свои силы...

Спустя несколько минут, позвонив дважды, Горшин мчался в машине по направлению к Очакову.

Никогда раньше Матвей не чувствовал такого подъема, как сейчас, и никогда не переживал такого странного состояния легкости и удалства, не отменяющих, однако, чувства опасности и концентрации воли. В данный момент он был уверен, что может все, и поэтому не сомневался в успехе операции, построенной не на трезвом расчете, а на внезапности, быстроте и наглости.

¹Сенсорика вне тела — наблюдение какого-то явления из точки, не совпадающей с физическим телом.

Мгновенный подсознательный анализ обстановки лежал в основе подготовки ганфайтера и давал плоды независимо от желания. Еще объезжая комплекс зданий, принадлежавших батальону «Щит», — двухэтажный корпус штаба и разных служб, два барака: подсобное хозяйство и склад, гараж, кухня, столовая, стоянка разной техники, — Матвей внутренним зрением определил главные объекты, наметил подходы к ним и путь, которым собирался пройти к начальству. Теперь же, глядя на уверенную в себе охрану, лениво ждущую конца дежурства, он окончательно принял план действий и стал ждать.

Ожидание было недолгим — по формуле: везет тем, кто готов к везению. Через несколько минут из проходной вышел здоровый широколицый малый в штатском костюме, с «дипломатом» в руке, в сопровождении второго такого же амбала, но вооруженного. Они сели в серый «БМВ» с трехшестерочным — «блатным» — номером и направились к перекрестку. У светофора Матвей их и достал.

Притер машину к обочине, махнул полосатым жезлом (полезная вещь, всегда может пригодиться), вылез и ловко перехватил автомат-приклад под мышку, ствол — в лицо сидящим, ладонь — под магазин, палец — на спусковой крючок, подошел к ничего не понимающим «щитовикам»:

— Документы.

Шофер, он же телохранитель мордатого в штатском, дернулся было за оружием, но его шеф с улыбкой, от которой у Матвея скулы свело, проговорил:

— Ты откуда свалился, майор? Не видишь по номеру, что за машина? Я зам Шмеля, наш транспорт здесь все знают.

— Какая приятная встреча, — с иронией проговорил Матвей, точным уколом указательного пальца в сонную артерию посылая телохранителя в длительные сумерки. — Сиди тихо!

Он влез в машину позади заместителя командира отряда «Щит», пристально следя за обстановкой. Никто не обращал на него внимания, редкие прохожие спешили, плывась от жары.

— Кто ты? Чего тебе надо? — занервничал зам.

— Пройти на ваш объект.

— Чего?! — вылутился мордатый. — Сбрэндил, что ли?

— Мне нужно пройти на объект, — терпеливо повторил Матвей. — Код, пароль, документы.

Заместитель Шмеля прямо-таки офонарел, пытаясь разглядеть наглеца, но мешал автомат в руках мнимого майора.

— Зачем тебе это? Ведь дальше приемной все равно не пройдешь. И обратно не выйдешь. Там охрана — «черные береты»...

— Код, пароль, документы.

Мордатый глянул на обмякшего телохранителя, и что-то в тоне майора его насторожило.

— Код — двойка, три семерки, пароль «Армада», а документы... — договорить он не успел, Матвей усыпил его касанием костяшки указательного пальца к я-мэн, точке на шее вблизи затылка. Огляделся — все спокойно. Незаметно обшарил карманы мордатого, нашел пропуск с двумя полосами — зеленой и золотой — на имя Рабитмана Романа Романовича, открыл «дипломат», присвистнул: целый арсенал, в том числе и тот самый «глушак» типа «удав», похожий на пистолет «волк». Куда это они собрались с таким запасом? Уж не на охоту ли? Впрочем, в данный момент это не имело значения.

Матвей пересел на место водителя, потеснив его, загнал машину за шеренгу кустов, а свой «бронеход» подогнал к воротам резиденции батальона «Щит», посигналил. К воротам вышел жующий чуингам ленивый прапор в таком же костюме, что и Матвей, только в черном берете. Рейнджер, не новичок, но оружие держит слишком картинно.

Матвей приспустил стекло, показал пропуск (вряд ли с трех метров можно увидеть фамилию владельца), сказал, растягивая слова:

— Открывай, «чернушка», умножь двойку на три семерки и пропусти армаду.

Прапорщик перекатил жвачку справа налево, кивнул напарнику, и тот включил мотор, раздвигающий двери.

Матвей проехал, но вдруг вспомнил, что не знает, как заехать на стоянку у штаба, остановился и вышел, небрежно кивнув на автомобиль:

— Запаркуй, «чернушка», пиво в бардачке. — Обалдевший страж только проводил его взглядом и покрутил пальцем у виска.

Вход в штаб охранялся отдельно — «черными беретами» и знакомыми мадам в форме спецназа. С автоматами за спиной, они мило болтали между собой (сленг портового грузчика пополам с аргó выпускника воровской академии) и на пропуск незнакомого майора не обратили внимания, отметив лишь его золоченый блеск.

Матвей вразвалку шел мимо, свернул налево и попал в тупик

с единственной дверью. На двери красовалась табличка с номером шесть.

Разговор охранников за спиной стих: Матвей понял, что допустил ошибку, не расспросив зама Шмеля, как пройти в кабинет командира. За дверью кто-то был, не один — двое: способностью ощущать присутствие человека и даже узнавать его мысли сквозь стены Матвей был наделен, но что делать, если дверь заперта на кодовый замок... На решение было не больше секунды. Матвей повернул ручку, и дверь открылась. Радоваться рано, подумал он.

Здесь располагалась хозчасть. Двое прапорщиков в обычной армейской форме оглянулись на скрип двери.

— Пардон, — спокойно сказал Матвей. — Рабитман не заходил?

— Только что уехал, — ответил один из прапоров ломающимся баском. — Минут десять назад, я из окна видел.

— Хряк его задери! — так же спокойно проговорил Матвей. — К кому же мне теперь? Шмель не уехал?

— У себя в «сотке», — сообщил словоохотливый малый.

Матвей кивнул и вышел, унося два умеренно заинтересованных взгляда. Держался он непринужденно, так что вряд ли эти двое поднимут шум.

Пройдя мимо часовых вправо по коридору, он поднялся на второй этаж, справедливо полагая, что кабинет шефа должен быть там, но уже на лестничной клетке его остановили одетые во все черное два здоровенных амбала и потребовали, во-первых, предъявить пропуск, во-вторых, объяснить цель визита и, в-третьих, сдать оружие.

— Ага, — сказал Матвей, включаясь в движение, — как только, так сразу.

Амбалы наморщили лбы, пытаясь понять шутку, но тут мягко упали, словно срезанная трава. Прием так и назывался «трава под серпом», и был он не заимствован, а создан и отрепетирован мастерами русбоя. С этого момента время для ганфайтера, которым стал Матвей Соболев, пошло медленнее.

Рванувшись в коридор мимо охранников, он вспомнил упражнения по рефлекс-подготовке вроде бега по трассе с замаскированными ловушками: подсекающими веревками и шестами, сетевыми капканами, арбалетами, падающими стенами, столбами и камнями. Здесь почти ничего этого не водилось, но трасса

оставалась неразгаданной и опасной, как жерло готового к выстрелу орудия.

Туго засвистел в ушах ветер...

Слева по ходу верзила в черном со стаканом чая в руке — ванку по шее!

Справа совсем юный парнишка в пятнистом комбинезоне, с чубчиком, с румянцем во всю щеку, — рэн-сэн в гортань!

Дверь слева открылась, и из нее вывалился невообразимо толстый мужик, похожий на борца сумо (где я его видел?), — для него хватит и удара дверью в лоб.

«Комнаты с номерами двадцать четыре, двадцать два, двадцать — где же «сотка»? Или тот прапор из хозчасти имел в виду кое-что другое? А может быть, «сотка», сотый номер, расположен на первом этаже? Тогда ты влип, ганфайтер. Но зачем тогда здесь еще один пост на входе, с проверкой и страховкой? Нет, ищи, парень, Шмель сидит где-то... ф-фу! Вот он!»

Матвей наконец увидел дверь с номером «сто» и влетел в комнату как снаряд, сея разрушения и провалы сознания. Не обошлось, конечно, без травм, но убивать — такого у Матвея и в мыслях не было. Эти парни в общем-то ни при чем по большому счету.

Секретарем, вернее, адъютантом у Шмеля была женщина, одетая в пятнистую безрукавку и шорты, кроме нее, в комнате находились еще двое охранников, и с ними пришлось драться насмерть — настоящие профессионалы, парни сразу вцепились в автоматы. К счастью, рефлекторная реакция Матвея, взведенная к тому же состоянием турии в режим вспышечной активности, превосходила скорость движений этих горилл, и понадобилось всего четыре секунды, чтобы одного уложить щелчком голыша в точку лба между бровями, второго — ударом ноги с прыжка в висок. Адъютанта-девицу Матвей не тронул, но она сама вдруг, ничуть не смутившись внезапным прорывом незваного майора, метнула в него нож. Матвей едва успел отбить его в стиле тототу хиеси — ударом ладони по плоской стороне клинка, с уклонением в сторону. Женщина продемонстрировала танто-дзюцу — великолепное владение ножом, и Матвей вспомнил шепот Ильи: «Брюнетка... разделала как борова...»

— Сидеть! — шевельнул он заледеневшими губами. — Это ты убила автослесаря Илью Шимука?

— Ну и что из того? — усмехнулась чернявая адъютантша,

бугрясь мускулами при малейшем движении. — Будешь стрелять — через полминуты из тебя нарежут ремней...

— Тварь! — Матвей прыгнул. Кто-то внутри его считал секунды, и резерва времени по расчету внезапности, по сути, уже не было.

Девица встретила его как надо — блоком и попыткой боевых действий, но с таким же успехом она могла блокировать бульдозер. Удар Матвея с выплеском энергии сломал ей обе руки, но оставил в живых. Даже в такой ситуации Соболев не казнил — наказывал. За исполнение чужого приказа.

Прислушался к обстановке: тихо, черт возьми! Умерли все, что ли? Впрочем, прошло всего тридцать пять секунд с момента входа «на трассу» и десять со времени появления в приемной.

Бесшумно Матвей открыл дверь с табличкой: «Комбат». Хорошо, что двойная, с тамбуром. Хозяин ничего не услышал, стоя у стола спиной к двери, и оглянулся, когда Матвей уже стоял в двух шагах от него.

— Откуда ты взялся?!

— От верблюда, — находчиво ответил Матвей, вспоминая сон с появлением Тараса Горшина. — Давай, Белый, становись. Твоя очередь. — Он отставил автомат в сторону.

Командир батальона «Щит», он же начальник службы «гашения» «Купола», подчиненный только боссу и его секьюрмену Ибрагимову, о чем знали всего два человека, выпрямился, глаза его сузились, зажглись недобрым огнем.

Был он не слишком высок, но хорошо сложен, накачан и силен. Во всей его фигуре сквозила уверенность в себе и привычка повелевать.

— Кто ты?

— Убить Илью Шимука, автослесаря, ты отдал приказ?

— А-а... — Кривая улыбка пробежала по губам Шмеля. — Дружок пришел. Вот, значит, какой ты рискованный. Мало тебе было одного раза. Ну что ж, добро пожаловать в ад, ганфайтер.

— Узнал, — в свою очередь прищурился Матвей. — Любопытно. А ведь об этом знать должны только мои непосредственные начальники. Кто же тебе сообщил обо мне?

— Есть один человек... в контрразведке. На очень высокой должности. — Шмель считал положение гостя провальным и невольно выдал информацию. — Могу сказать кто, тебе это все равно не пригодится.

— А я знаю, — сказал Матвей, спиной чувствуя приближение

опасности. — Геноссе Ельшин. Не правда ли? Да не дави ты кнопку под столом, в приемной никого нет.

В глазах Шмеля мелькнула тень, а в следующее мгновение он прыгнул к Соболеву, нанося удары без замаха, в манере русбоя.

Он был неплохим мастером русского стиля, может быть, лучшим из всех, с кем когда-либо встречался Матвей, но такой тренинг, какой имел ганфайтер-перехватчик, ему и не снился, а реакциями и внутренней энергией он не владел в нужной степени.

Бой длился несколько секунд — почти бесшумный, разве что с выдохом при ударе, молниеносный, состоящий из десятков финтов и ложных выпадов, уклонений и передвижений, а потом Матвей поймал Шмеля — Белого (где он седину заработал?) на иккадзё¹ и нанес смертельный удар вперед и вверх, в межключичную впадину (хитю), травмирующий дыхательное горло и сонную артерию.

Шмель схватился за горло, захрипел и медленно осел на пол.

— Встретимся в другой жизни, киллер, — сказал Матвей, прежде чем майор умер от шока.

Шум в приемной напомнил Соболеву, что пора выбираться из осинового гнезда. Снова энергия заструилась по жилам, реакции ускорились, а время замедлилось. Поскольку окна на втором этаже были зарешечены, уходить пришлось тем же путем, пробиваться с боем, и, хотя шансов почти не оставалось, Матвей начал отступление с верой в успех.

— Или нет у нас хороших бомб? — пробормотал он, приоткрывая дверь и бросая в приемную газовую гранату величиной с орех.

По двери хлестнула очередь из автомата, однако взорвавшаяся граната успокоила стрелявших, и Матвей метнулся сквозь дым в коридор, пробежал его без дыхания по лестнице, сбив по пути бежавших навстречу «черных беретов», и прыгнул вниз, через пролет.

Тут его и достали.

Впечатление было такое, будто на него обрушился потолок! Голова сплющилась, провалилась сквозь шею в грудь, еще ниже — в желудок, в ноги, вышла сквозь пятки наружу тающим дымом... На мгновение Матвей осознал себя стоящим на четвереньках и тут же снова начал «проваливаться» сам в себя, захлебыв-

¹Иккадзё — смена приемов.

ваться собственной плотью, распадаться на атомы... Снова всплыл из-под слоя странных переживаний, чтобы почувствовать боль от удара по затылку: пока он дергался на полу, пытаясь встать, отстроиться от хаоса необычных ощущений, его догнали.

На сей раз погружение в бездну не передаваемых словами состояний длилось дольше — почти полсекунды. «Разум-воля» Матвея, сконцентрированная на преодолении любых препятствий, попыталась очистить мозг от внешнего воздействия, но ее возможности были ограничены, а Матвей оказался не подготовленным к такому нападению. Если бы ему дали время, объяснили, что надо делать, он, возможно, пришел бы в себя, но преследователи не стали рисковать. Второй удар по затылку оборвал его сознание.

Горшин прибыл в Очаково, на улицу Кондомскую, где была расположена база «Щита», одновременно с первой машиной поддержки, но ждать вторую не стал.

База имела два въезда-выезда. Тарас направил машину с группой таранить главные ворота, чтобы отвлечь внимание охраны, а сам прошел через калитку запасного выхода, охраняемую постом из трех человек. Он мог бы пройти незамеченным, контролировать сознание этих безмозглых громил не составляло труда, но ему предстояло возвращаться обратно, вероятнее всего, этим же путем, и Тарас «уронил» всех троих: двух — волевым импульсом-приказом, третьего — тычком в переносицу.

Соболева он нашел в здании штаба, на лестничной площадке первого этажа. Его с наслаждением били ногами четверо «черных беретов», один из которых держал в руке суггестор «удав».

Тарас ворвался в штаб в тот момент, когда машина поддержки врезалась в ворота и часовые открыли по ней огонь. Поднявшаяся неразбериха помогла Горшину уложить охрану (бил он на поражение) и вытащить безвольное тело Соболева во двор.

Как раз в это время подоспела вторая группа поддержки, внеся свою лепту в поднявшийся шум. Прорвавшиеся «чистильщики» помогли Тарасу погрузить Соболева в его машину, а сами принялись бросать взрывпакеты, усиливая панику. Через несколько минут Горшин был в двух километрах от базы, а спустя некоторое время исчезали и боевики групп поддержки, не потерявшие ни одного человека. Лишь двое из них получили легкие ранения. Позади осталась не разгромленная, но окутанная ды-

мом база спецбатальона «Щит». Ее защитники еще долго вели стрельбу по дыму и теням. У страха, как известно, глаза велики.

Очнулся Матвей в постели. В кресле напротив сидел Тарас Горшин и пил горячий чай, несмотря на жару под тридцать пять градусов.

— Ну ты и дурак! — сказал он вместо приветствия. — Дурак повышенной живучести, не прими это за комплимент.

Матвей вспомнил свое отступление, дернулся, пытаясь нащупать голову, наткнулся на огромную шишку на затылке, поморщился:

— Здорово меня звезданули!

— Тебя «звезданули» из «глушака», мой милый. Слышал о таком? Суггестор «удава», тот самый, совершенно верно. После чего из тебя можно было веревки вить. Правда, поскольку ты паранорм и обладаешь естественным блоком, разряд «удава» тебя не парализовал, в зомби не превратил, и детям микробов пришлось добивать тебя физически. Шишка — это уже вторичная причина твоего беспамятства.

— Кому-кому? Каким микробам?

— Так я называю бандитов из «Щита» — дети микробов. Впрочем, таких спецотрядов много: подразделение «Руслан» Управления «К» в контрразведке, якобы специализирующееся на поимке шпионов, спецгруппа «Стикс» — отряд киллеров там же. Русский национальный легион, группа «Звезда Соломона», чеченские, грузинские и армянские «Дашнак цютюн», отряд «хохломенов», отстаивающий интересы украинских мафиози, и так далее. Кстати, почему ты мне не сказал, что идешь на эту авантюру?

Матвей полежал, отдыхая, чувствуя, как постепенно проясняется голова и тело перестает быть рыхлым и пропитанным водой, словно губка.

— Это мое личное дело. К тому же ты сам сказал, что я не достиг пределов своей компетенции. Я просто отомстил за смерть друга.

— Наивность — хорошее качество для девочки-лицеистки, наивный мужчина — синоним дурака. Этим своим подвигом ты себя практически раскрыл, высветил и для всех правозащитных органов теперь являешься фигурантом розыска. Я даже не знаю, стоит ли тебе теперь...

— Жить, что ли?

— Участвовать в деятельности «Чистилища». Не думал, что

ганфайтер может наделать столько ошибок. Взять хотя бы последний эпизод. Нюкё-но дзюцу твой был неплох, но мономи-но дзюцу¹ ты не сделал. Хорошо, что мы с ребятами подоспели вовремя и применили хицукэ², а если бы опоздали?

— Спасибо за помощь, я ваш должник. Я думал... — Матвей прикусил язык и перевел разговор на другую тему: — Я думал, ты адепт русбоя, а судя по терминологии, ты мэнке.

— Я владею всеми стилями, но восточными единоборствами занимался больше. — Горшин помолчал, сунул в руку Матвея стакан с каким-то коричневым напитком: — Пей, это женьшеневый настой, сам делал когда-то.

Соболев послушно выпил, полежал, окончательно приходя в себя, встал. Он уже понял, что находится в доме Тараса.

— Еще раз спасибо. Мне пора.

— Куда, если не секрет?

— Домой... И на пару дней я исчезну.

Горшин кивнул:

— Хорошо, это разумно. Приедешь из Рязани, дай знать.

Матвей покосился на Тараса, но не стал удивляться его всеведению. Он был изрядно вымотан, избит и не мог контролировать себя в полной мере.

— И вот еще что, — догнал его на пороге голос хозяина. — Убийцу Ивакина не ищи. Я случайно встретил его и... сказал все, что ты о нем думаешь. Ищи тех, кто отдал приказ убить.

Матвей, не оглядываясь, кивнул, открыл дверь и вышел.

Глава 20

ЗЛО УДАЧИ

Четверо в кабинете молча ждали. Завьялов читал какую-то рукопись, изредка делая на полях пометки. Боханов медитировал, опустив голову на скрещенные кулаки. Рыков тихо млеял в углу у портьеры с застывшим лицом. Глеб Максимович Музыка курил сигарету, гоняя над столом кольца дыма.

Зазвонил телефон.

¹Нюкё-но дзюцу — выбор благоприятного момента; мономи-но дзюцу — обнаружение слабого места в охране (цитадели) (яп.).

²Хицукэ — отвлечение огнем (яп.).

Завьялов снял трубку, выслушал, водворил на место. Оглядел всех исподлобья:

— Он опоздает на час.

Музыка смял сигарету в пепельнице, хмыкнул.

— Идея собраться принадлежала ему. Не рвется ли мальчик в атаманы?

Боханов, кряхтя, повел могучими плечами, размял лицо.

— Он один знает и, может, больше, чем мы все, вместе взятые. Если бы не он, «Чистилище» не стало бы тем, чем стало. Но мне тоже хотелось бы знать, из-за чего мы сегодня собрались вне плана.

— Большая операция, — негромко сказал Рыков. — Мы вышли на мощнейших дельцов теневой экономики, контролирующих финансовую, а значит, и любую другую власть. А Граф давно собирался предложить Большую операцию. Если вывод верен, то у меня предложение: как бы сделать так, чтобы после разгрома «Купола» все его сети остались под нашим контролем?

В кабинете референта повисла тишина, которую спустя несколько секунд нарушил смехок Боханова:

— Замахнулся ты, однако, Герман Довлатович! Зачем тебе мафиозные сети? Кланов не потерпят чужих, контроль их деятельности — фикция.

Начальник службы обеспечения МУРа оценивающе глянул на Рыкова:

— Идея неплохая, но, заменив собой босса, мы вряд ли повернем деятельность «Купола» в русло закона. Если только не захотим повластвовать сами.

— Я не захочу, — пренебрежительно пробасил Боханов. — Хотя и сам не без греха и слабостей. У меня и так власти достаточно, девать некуда. В последнее время я все чаще ловлю себя на том, что ненавижу людей. Соседей — за то, что начинают стучать молотками в шесть часов утра, а в одиннадцать вечера включают музыку. Прохожих — за то, что их много и все толкаются, спешат, хмят. Пассажиры — за то, что их много, сотрудников — за... — Президент Центра нетрадиционных технологий махнул рукой. — Только и спасает работа да сознание того, что «Чистилище» делает нужное дело.

Завьялов оторвался от бумаг, грустно улыбнулся:

— Оптимисты вы, однако. Еще что-то делаете, к чему-то стремитесь, пусть даже к власти. А я вот давно ничего не хочу, живу по инерции и жду конца света. Устал.

— Как сказал Шопенгауэр, каждый принимает конец своего кругозора за конец света, — проворчал Боханов. — Тебе-то уж грех жаловаться на усталость, Дмитрий Васильевич, ты из нас самый молодой и самый энергичный. Темнишь ты что-то, а? Выкладывай, что знаешь.

— Вчера совершенно нападение на базу батальона «Щит» в Очакове, — сказал Рыков. — Убит командир батальона, тяжело ранены пятеро охранников и адъютант. По-моему, это дело рук Графа, хотя нас он об этом не поставил в известность. Может, потребуем объяснений?

Завьялов покачал головой:

— Это эпизод, не больше, независимо от последствий. Нет, речь идет о глобальных вещах. Графу стали известны факты... тенденции... Даже не о взаимодействии — о слиянии трех могущественных структур: мафии, армии и госаппарата. И если это произойдет, сможет ли удержать свои позиции «Чистилище»? Мы с вами? Не станем же мы объявлять джихад всей системе безопасности страны?

Четверо молча глядели друг на друга...

Эти двое редко встречались на людях, даже если того требовали интересы организаций, которые они представляли. Круг людей, знавших об их отношениях, был исключительно узок и включал только телохранителей с той и другой стороны. Причины же, по которым требовалась сверхконспирация, знали только они сами — начальник Управления «Т» службы контрразведки генерал Ельшин и министр обороны генерал-полковник Галкин.

На этот раз они встретились в салоне спецмашины, принадлежащей контрразведке — помятой, неброской с виду «Волге» с тонированными стеклами. На самом деле «Волга» была оборудована как броневик, двигатель позволял ей развивать скорость в двести километров в час, а специальная аппаратура давала возможность прослушивать разговоры в салонах едущих рядом автомашин и в то же время защищала от попыток подобного прослушивания извне.

Министр обороны был не в духе и разговаривал сквозь зубы. Ельшин же привык себя сдерживать и, несмотря на плохое настроение, казался беззаботным и веселым.

— Как вам решение Совета Федерации увеличить депутатам оклады в два раза? — весело спросил он. — Общественность и без

того как пороховая бочка, а эти кретины решили поджечь фитиль.

— Ближе к делу, — пробурчал Галкин, вытирая огромным платком потные шею и лоб. — И давайте кончать эти конспиративные посиделки в подобных местах. Уровень нашей работы позволяет решать дела в более комфортных условиях. А то прямо как партизаны.

Ельшин улыбнулся, хотя глаза оставались ледяными, хотел пошутить, но вздохнул и заговорил о другом:

— Вы правы, конечно, Николай Николаевич, но лучше, чтобы уважаемый премьер-министр не знал о нашем randevu. Он не сторонник нашего альянса. К тому же возникли кое-какие осложнения...

— Поконкретнее.

— «Чистилище» зацепило «Купол», что чревато последствиями. Если мы не уничтожим руководителей «Стопкрима», а точнее, их главного координатора, произойдет катастрофа. — Ельшин понял, что хотел сказать министр, и поднял руку, призывая к спокойствию. — Но ситуацию мы более или менее контролируем.

— Более или менее... Каким образом «Чистилище» вышло на «Купол»? На кого именно?

— Пока только на арсенал.

— На «Щит»?!

Начальник управления контрразведки кивнул.

— Убит Шмель... Вообще-то мне пока не ясен мотив нападения. Если бы «чистильщики» захотели уничтожить базу, они действовали бы иначе. Правда, база теперь все равно «засвечена», и нам придется перебрасывать оружие дальше, может быть, даже за рубеж. На Украину, например, там у меня хорошие связи. Но как бы то ни было, нужна ваша помощь.

Министр смачно сплюнул, мотнул головой:

— Профессионал, мать вашу!.. Как это произошло?

Ельшин рассказал, помолчал немного.

— И снова у моих спецов создалось впечатление, что против нас работает некий супермен, связанный с нечистой силой... или, наоборот, с чистой, не суть важно.

— Не тот ли ганфайтер, тайный перехватчик Дикого?

— Не знаю... пока. Может быть. Дикого вы заставили уйти, но, к сожалению, он не успокоился и начал задавать вслух вопросы, на которые не должен получить ответа.

— Так уберите его! — повысил голос Галкин. — Пусть ищет ответы в аду! И ганфайтера уберите, неужели нельзя просчитать его шаги? Ведь он стандартный профессионал, а значит, логически вычисляем.

— Работаем, — поморщился Ельшин. — Компьютерный анализ почти закончен, добавим данные по операциям и поймаем.

— Пустите по его следу этих ваших зомби.

— Зомби — не гении сыска, просто запрограммированные люди, не боящиеся смерти и владеющие всеми видами рукопашного боя. Они понадобятся, когда нужно будет его брать, а пока расчет на умы других. У меня есть пара профи его класса, элита боя, но мы не можем открывать им причину, по которой собираемся убрать этого человека.

— И не открывайте. Дайте задание найти и ликвидировать, в крайнем случае, взять живым и доставить на Лубянку.

— Чтобы его взяли в работу ребятаки Панова? Это почти провал, Николай Николаевич. Прошу вас, не отвлекайтесь на такие пустяки, я в состоянии решить эту проблему сам. Давайте поднимем на уровень выше. Меня сейчас волнуют два вопроса. Первый: деятельность «Чистилища», наступающего нам на пятки и имеющего первоклассную информацию. Кстати, откуда они ее берут? Ни одной утечки информации мы не обнаружили, и тем не менее «Стопкрим» знает о нас все! Что меня, естественно, пугает. Второй вопрос: психотронное оружие, прежде всего суггестор «удав», «глушак» и генератор боли. Если мы не реализуем его в ближайшую пару недель, «Чистилище» раструбит о нем по всему миру. А уважаемый Михаил Сергеевич вместо того, чтобы помочь со связями, делает какие-то странные телодвижения, попросту мешает.

— Вы о чем? — насторожился министр обороны.

— У меня есть сведения, что Краснорыжин беседовал о психотронном оружии с экспертами из Совета безопасности. Зачем? Что ему не ясно?

Галкин задумался на минуту, крепко помял шею ладонью, снова взялся за платок. Ельшин, бросив на него взгляд, включил кондиционер, но холодный тоник из бара не предложил.

— Совет безопасности — это уже прерогатива президента. И это опасный уровень. Михаил Сергеевич играет на грани фола. Надо его предупредить.

— Вот и поработайте с ним, Николай Николаевич. Мне труд-

но представить, до какой степени развито у премьера воображение, не дай Бог, он окажется романтиком!

Галкин кивнул:

— Все? А что это вы в прошлый раз намекали на помощь какого-то специалиста? Что за человек?

— Он не человек. — Ельшин засмеялся, глядя на выражение лица министра. — В свое время вы все узнаете, генерал. В случае необходимости он сам вас найдет. До связи.

Несмотря на жару и духоту — кондиционер не помогал, — начальник Московского уголовного розыска был одет в служебный генеральский мундир и чувствовал себя прескверно. В кабинете, кроме него, присутствовали начальник ОРБ полковник Синельников и заместитель начальника ГУБО Зинченко. Оба поглядывали то на генерала, то друг на друга, но молчали.

— Вы держали его в руках, — сказал Юрий Феодосиевич, сдерживая раздражение. — И упустили. Одного человека!

— Он не просто человек, — по обыкновению негромко сказал Зинченко. — Он ганфайтер, профессионал высочайшего класса. И еще надо доказать, что он виновен.

— Да не защищайте вы его, — махнул рукой генерал, не глядя на поникшего Синельникова. — Если двадцать бойцов не могут взять одного, грош цена бригаде! А насчет виновности этого ган... э-э... файтера, пусть это выясняет суд, наше дело обезвредить преступника, поймать его и доложить наверх, что все в порядке.

— В том-то и дело, что он не преступник.

— Откуда такая уверенность? — с подозрением спросил Юрий Феодосиевич.

— Если Александр Викторович описал этого парня точно... прошу прощения, полковник, я верю. Так вот, судя по описанию, это он, ганфайтер-перехватчик, волкодав и барс, сотрудник особого резерва СМЕРШа, которого нам дали «во временное пользование» по просьбе моего шефа. Уверен, к убийству Ильи Шимука он не имеет никакого отношения, его просто подставили. Причем тот, кто знает или хотя бы догадывается о том, кто он, то есть человек из ВКР. Или же из контрразведки ФСК.

— Мы считаем, что позвонивший нам работает в МУРе, — хмуро сказал Синельников.

— Не обязательно, просто он обладает необходимой информацией. Но поискать, конечно, стоит и у вас.

— Свою контору вы исключаете?

— Не исключаю, но в моей конторе о привлечении гангфайтера знали только двое: мой шеф и я.

Генерал, болезненно усмехаясь, закурил.

— Да, новость за новостью... а я, как всегда, узнаю последним. О приказе министра слышали? Сотрудников «Стопкрима», застигнутых во время проведения своих «операций», расстреливать на месте.

— Слышали, — в один голос произнесли Зинченко и Синельников.

— С подачи Генпрокурора, — добавил Николай Афанасьевич. — Почему-то он больше всех заинтересован в ликвидации «чистильщиков» без суда и следствия. Нас это навело на кое-какие размышления.

— На что вы намекаете? — помрачнел генерал.

— Проанализируйте, Медведь просит сделать это как можно быстрее. — Зинченко подал Юрию Феодосиевичу черную папку с тисненными золотом четырьмя нулями вверху. — Здесь кое-какие факты из жизни и деятельности Генерального прокурора. Потом встретимся и помозгуем.

Генерал взял папку, недоверчиво глядя на Николая Афанасьевича, хмыкнул.

— Однако вы меня озадачили. На кого замахиваетесь? И почему именно я должен анализировать, а не министр?

— К нему у меня прямого доступа нет, а в его окружении немало лиц, подконтрольных комиссии по коррупции. Да и ему самому веры мало, об этом говорят кое-какие штрихи из его биографии. А приказы, подобные тому, о котором вы сообщили, просто выходят за рамки законности.

— Так вы далеко зайдете в своих подозрениях, — недовольным тоном сказал генерал, пряча папку в сейф, но в голосе его не было уверенности. Вернулся к столу. — Итак, коллеги, это была прелюдия. Вернемся к делам конкретным. Первое — расширение сети, второе — координация сил. Слушаю ваши предложения, Александр Викторович.

— Мы установили адреса полутора десятков человек, подозреваемых в связях с «Чистилищем», — начал Синельников. — Предлагается одноразовая операция по их захвату, требующая

хорошей подготовки и большого количества оперов. Но стрелять без нужды...

— Понял. Готовьте группы. Только учтите, не мы одни будем участвовать в операции, придется поставить в известность и ФСК, и министра, чтобы не получилось накладок. Учтите еще и то, что преступный мир со своей стороны тоже будет готовиться, так сказать, «помогать» нам. «Купол», насколько я знаю, очень недоволен деятельностью «Чистилища» и пустит по нашим следам своих специалистов по «мокрому» делу. Вам ясна моя мысль?

Синельников покосился на Зинченко.

— Если все мы «под колпаком» у «Купола»... извините за тавтологию, то, закидывая сети, мы тем самым напрямую объявляем мафии о своих планах.

— Можете предложить что-то другое?

— Я могу, — вмешался Зинченко. — Аналитики есть и у вас, и у нас, и у «Купола», и все работают по разработанным стандартным тестам, зная, как будет действовать тот или иной профессионал. Мы с шефом разработали пакет рекомендаций, способных озадачить чужих аналитиков. Предлагаю ознакомиться.

Генерал глянул на часы, кивнул:

— Это ваша компетенция, полковник. Подключите Глеба Максимовича, Рудольфа Олеговича — и вперед. После обеда ко мне. Все ясно?

Синельников и Зинченко молча встали из-за генеральского стола с отечественной аппаратурой интеркома, телефоном «горячей линии» и многофункциональным телефоном японского производства.

Впервые это чувство посетило Матвея на Казанском вокзале, когда он появился там в кассовом зале, чтобы взять билет до Рязани. Чувство можно было выразить двумя словами: тучи сгущаются! Откуда оно взялось, Матвей не мог объяснить, но интуиции своей доверял полностью. Что-то изменилось вокруг, сдвинулись массивы неосознанной информации, создавая вибрации полей, которые улавливались где-то в глубинах психики неизвестными датчиками, и у Матвея как бы открылся третий глаз, позволяющий ему видеть контуры будущего.

Размышляя о том, почему он не поехал в Рязань, чтобы проведать Кристину, на машине, а выбрал поезд, Матвей взял билет и отошел в угол зала, за колонну, где на ворохе узлов сидел крас-

норожий детина и уплетал колбасу, отламывая от батона огромные куски. Ел он так смачно, что Матвею самому захотелось перекусить, поэтому он не удивился, заметив еще одного наблюдателя — пацана лет десяти, одетого бедно, но в аккуратно заштопанные и чистые шортики и майку, который во все глаза смотрел на пирующего Гаргантюа. А когда парнишка подошел ближе, Матвей понял, что тот увечный: правая нога не разгибалась, и он ее подволакивал.

Глядя, как он смотрит в рот краснорожего, Матвей судорожно сглотнул подступивший к горлу комок и хотел было намекнуть детине: поделись, мол, с ребенком, — но передумал и полез в карман за деньгами. И тут краснорожий вдруг протянул руку и дал мальчишке подзатыльник, так что тот врезался головой в колонну.

— Иди отсюда, ворюга!

Парень, однако, не заревел, хотя на глаза навернулись слезы. Завозился, с трудом вставая на ноги, и поковылял по залу, не оглядываясь. В душе Матвея что-то сгорело, жар хлынул к щекам, перехватило дыхание, и он с трудом сдержал готовое вырваться рыдание, будто это ему сделали больно. Шагнув к детине, привычно выбрав точку удара, он вдруг подумал: краснорожий «коммерсант» его не поймет, что бы он ни сделал, и Матвей произнес тихо, но четко одно-единственное слово:

— Ублюдок!

Детина подхватился было с узлов, чтобы дать достойный ответ, но глянул в глаза Соболева, светящиеся ледяной синью, и в растерянности плюхнулся на свои мешки и узлы.

Мальчишку Матвей нашел за киоском с коммерческим набором: парень сидел съехившись на полу, плечи его вздрагивали. Матвей присел рядом на корточки, дотронулся до худенького незагорелого, несмотря на лето, плеча. Мальчишка вздрогнул, отодвинулся, оглянувшись на незнакомого дядю, и, видимо, что-то в лице Матвея поразило его, потому что он широко распахнул глаза, из которых брызнули слезы, и приоткрыл рот, готовый уйти, если прогонят.

— Что, досталось? — улыбнулся Матвей.

Мальчишка ошетинился, вспомнив обиду, сказал сдавленным голосом:

— Я ничего ему не сделал... я не ворую... — Он показал измазанные ладошки. — Дядь, за что он меня, а?

— Он болен, — серьезно ответил Матвей. — Таких за версту надо обходить. Ты что же, кормишься здесь?

— Не, я бутылки собираю, а бабуля сдает.

— А мамка твоя где?

— Нету мамки, сгорела она, похоронили в прошлом году.

— А папки тоже нету?

— Нету, он за границей сидит, я с бабулей живу. Да вы не думайте, я ей помогаю.

Матвей снова проглотил ком в горле, достал пятьдесят тысяч разными купюрами, сунул парню в кармашек шортиков.

— Держи, пацан. Иди к бабуле, привет ей передай, на какое-то время вам хватит, а потом я еще принесу. Бутылки больше не собирай, хорошо? Где живете-то?

— На Ольховской, пять «а», сорок два. Только я денег не возьму, бабуля ругаться будет.

— Не будет, скажешь, Матвей прислал, дальний родственник твоего папки. Смотри не потеряй, по вокзалу не шастай. Тебя как зовут?

— Стасом.

— Ну вот и познакомились. Беги, я, как вернусь, сразу зайду.

Мальчишка вытер слезы, вздохнул по-взрослому, виновато, снизу вверх глянул на Матвея и похромал к выходу из зала. Оглянулся у двери, помахал рукой, робкая улыбка тронула его губы, и соленая волна прихлынула к глазам Матвея, отозвавшись в сердце, в крови, в душе желанием догнать, обнять, прижать к себе и не отпускать.

— Я приду! — поклялся Матвей себе и ему.

В начале одиннадцатого утра он был в Рязани.

Кристина жила с родителями недалеко от площади Победы, на улице Красной, в пятиэтажном доме старой постройки. Чувствуя, как неровно забилося сердце, пытаясь успокоиться и одновременно с удивлением прислушиваясь к себе, Матвей позвонил в дверь двенадцатой квартиры на третьем этаже. Ему открыла молодая женщина, как две капли воды похожая на Кристину, одетая в мужскую рубашку с короткими рукавами и шорты.

— Вам кого? — певуче спросила она, отбрасывая со лба волосы точь-в-точь как Кристина.

— Вы Ольга Николаевна, мама Кристы, — утвердительно сказал Матвей. — Здравствуйте. Я Соболев. Кристина дома?

Женщина с любопытством оглядела Матвея, но в дом не пригласила.

— А Криста уехала. — Вспыхнувшее в глазах удивление сменилось легкой тревогой. — Позавчера за ней зашли двое, сказали... да-да, я сама слышала, я в отпуске и все время дома. Они сказали: с вашим другом случилось несчастье, надо ему помочь.

Сердце Матвея оборвалось.

— Когда это было? Позавчера, говорите? — Он вспомнил о своем налете на базу «Щита». Да, если Кристина его звала, он не слышал. — А ребят этих описать сможете?

Ольга Николаевна повела плечиком точно так же, как дочь.

— Высокие, мускулистые такие. Один вроде бы как грузин, с усиками, а второй шатен с бритыми висками, не очень приятный на вид. Но очень вежливый. Да, у них на пальцах перстни были интересные...

— В виде черепов? — быстро спросил Матвей.

— Д-да... Значит, это все-таки были ваши друзья? Заходите, — спохватилась Ольга Николаевна. — Чаю попьем, или кофе, или тоника.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз, я очень спешу.

«Друзья», значит, — подумал Матвей с удивительным спокойствием. — Вот как они решили меня взять! Откуда же им стало известно о Кристине? От Жоржа? Но ведь знать надо было не просто ее ухажера, а конкретного человека, Матвея Соболева! Кто мог дать такие сведения? Какой ангел, Бог или дьявол знает о Соболеве так много?!»

Мать Кристины продолжала смотреть на него вопросительно и тревожно, и Матвей поспешил ее успокоить:

— Не волнуйтесь, мы просто с ней разминулись, все будет хорошо.

Ольга Николаевна улыбнулась, кивнув, спрятала сомнение.

— Может, все-таки зайдете?

— Если не возражаете, я приеду с Кристиной. Она обещала увезти меня к морю.

Неизвестно, что на него нашло, но Матвей вдруг взял руку Ольги Николаевны и поцеловал, стараясь вложить в этот прощальный жест уверенность, которой не испытывал.

Выйдя из дома в пекло улицы, он остро пожалел, что не поехал на машине. Как теперь добираться до Москвы? Поездом, автобусом или ловить частника? Прикинув возможности, Матвей поспешил на вокзал «Рязань-2» и не пожалел. Уже через сорок

минут он ехал в купе проводника поездом Астрахань — Москва. А когда загнал внутрь мысли о Кристине, вытянул ноги, отрегулировал внутренние напряжения, позволявшие не чувствовать жары, пугающая догадка вдруг заставила его мгновенно вспотеть: Дикой! Только генерал мог сказать кому-то, под известным давлением, кто такой Матвей Соболев.

Глава 21

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Стрелки часов показывали пять дня, когда Матвей подошел к подъезду дома, прислушиваясь к своим ощущениям и проверяя, нет ли «хвоста». Интуиция тревоги не поднимала, хотя на лавочке у подъезда сидел сгорбившись, подогнув под себя ногу, мужчина средних лет со стрижкой «а-ля призывник», одетый в старые джинсы и выгоревшую черную рубашу. Бывший зэк, что ли? — подумал Матвей, проходя мимо и фиксируя лицо незнакомца, бледное, отрешенное, и каждый его жест. Похоже, вышел недавно или сбежал. Впрочем, если бы дал деру, не сидел бы так открыто у всех на виду.

— Эй, друг, — позвал мужчину, — «воздух» есть?

Матвей остановился, хотя делать этого вовсе не собирался. Но от незнакомца веяло не угрозой или опасностью, а тоской и неблагополучием. И лицо у него было не просто бледное, а зеленое, как у страдающего желудком. Предположение Соболева подтвердилось: мужик явно вышел из мест заключения, потому что «воздух» на тюремном аргоне означает «деньги».

— А много надо? — поинтересовался Матвей, внимательно разглядывая мужчину, прикидывая возраст: лет сорок пять — сорок восемь.

— Хоть куса два, есть охота.

— Давно с «дачи»?

Мужчина усмехнулся, хотя глаза его оставались тоскливыми, неподвижными, невидящими.

— Смотри-ка, на кореша напал. Рыбак рыбака видит издалека. Неделю назад отпустили. А домой приехал — жена от ворот поворот: мне бандит не нужен. Вот и сижу, кумекаю, куда идти.

Матвей подумал, сел рядом.

— За что сидел?

Мужчина снова дернул уголком губ, обозначая улыбку:

— А ты не тихарь¹ часом? Так я еще ничего не успел сделать. Да и не волк² я, а олень, смекаешь? Время есть? Хошь, расскажу историю? Шофер я, дальнобойщик. Бывший, само собой. Тормознули меня в Зеленограде, гаишник пьяный попался, придраться не к чему, так он ножик потребовал: я как раз на сиденье колбасу резал, ножик сам сделал, с наборной рукояткой. Ну и отдал. А через день повестка в милицию. Назад уже не вернулся, забрали, пришили статью: «незаконное ношение оружия». Попрыгал сначала, все юриста требовал, пока почки не отбили. Отпахал три года. Понял, за что?

Да, долго еще придется «Чистилищу» разбирать вот такие дела, подумал Матвей, стиснув зубы. Судебно-чиновничий произвол самый страшный, потому что начисто исключает возможность добиться правды. Вряд ли есть организация, способная сломать ему хребет, хребет с и с т е м ы беспредела. Нужно, чтобы заработал закон, но в этом-то как раз никто и не заинтересован. Особенно властные структуры.

— Что молчишь? — поднял брови бывший зэк. — Решаешь, сколько дать? А то валяй звони мусорам.

— Пошли, — встал Матвей.

— Куда?

— Ко мне, покормлю.

Мужчина с любопытством глянул на нового знакомого, хотел отказаться, но передумал. Больше они не разговаривали.

Матвей провел Алексея, точнее, Лешу — так звали бывшего зэка — в ванную, дал полотенце, а сам, пока тот мылся, приготовил ужин: яичницу с колбасой, бутерброды с корейкой, сыр, чай.

— Ну ты даешь! — проговорил Леша после ужина, осоловело откинувшись на диван и недоверчиво разглядывая хозяйна. — Вот так, за здорово живешь, привести к себе блатаря... Не боишься?

— Не боюсь, — сказал Матвей, думая о своем.

— А сам где сидел?

— Далеко. Отсюда не видно.

¹Т и х а р ь — представитель правоохранительных органов, переодетый в гражданское платье.

²В о л к — профессиональный преступник.

— Понятно. Что ж, должок за мной. Мерси за приют, попрись я.

— Оставайся. — Матвей оторвался от дум, глянул на часы. — Идти-то тебе некуда.

— А ты почему знаешь?

— Сам же сказал. Живи пока, только не трогай ничего, квартира чужая. Спать будешь здесь, на диване, постельное белье в шкафу. Вот тебе десять кусков, когда-нибудь отдашь.

На лице Леши отразилось сомнение:

— Что-то я тебя не пойму... Али я на вербняк попал? Уж не пахан ли ты местный?

— Не пахан. Захочешь, уйдешь, только захлопни дверь. Сейчас я уеду и буду часам к девяти. Ужинай без меня.

Не отвечая на недоуменно-ошарашенный взгляд гостя, Матвей переоделся и вышел. Он поверил этому человеку сразу и, хотя в душе понимал, что не вправе вести его к себе на квартиру, принадлежавшую военной контрразведке, не помочь просто не мог.

Вернулся Матвей затемно.

Леша, посвежевший и отдохнувший, смотрел телевизор. Оглянулся на звук открываемой двери:

— Салют, атаман. Я тебе приготовил мясо по-шоферски, пальчики оближешь. Тут тебе звонили. Только что.

Матвей застыл с поднятой ногой. Мгновенно отозвались сторожевые центры тела, заговорил «мотор» сердца, набирая обороты, но даже раньше, чем сработала «молния» озарения, он понял — поздно. Его нашли! Невероятно быстро, слишком быстро!

Зазвонил телефон.

Матвей, склонив голову набок, прислушался к шагам в коридоре, к вечернему шуму за окном. Заметив, что Алексей смотрит на него, открыв рот, приложил палец к губам:

— Ти-хо! — Снял трубку.

— Четверка, уходи! — раздался в трубке сдавленный голос генерала Дикого. — Зекс, понял? Меня пасут, помочь не смогу, быстро ух... — В трубке раздался треск, и голос пропал. По второму щелчку Матвей понял, что это выстрелы. Положил трубку, прошептал про себя: спаси и сохрани! Обернулся к недоумевающему Алексею:

— Делаем ноги. Нас достали.

— Ага. Значит, я не ошибся, ты — из волков...

— Скорее из волкодавов. Не время рассуждать... — Матвей не договорил, потому что в квартиру, одним ударом выломав дверь, ворвался ничем с виду не примечательный молодой человек в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и серых джинсах. Двигался он так стремительно, что просто выпал из поля зрения Леша. Прыгнул через весь коридор в гостиную и застыл напротив Матвея в свободной раскованной позе, оценивая его неподвижность и потенциал. На Алексея он даже не взглянул.

Известно, что любая навязанная телу поза лишает спонтанности атак и защиты, вариативности ответа, возможности максимальной импровизации, поэтому Матвей никогда не принимал никаких стоек, как это делают мастера восточных единоборств. И хотя ворвавшийся в квартиру парень с виду никак не походил на силача и бойца, а также не принял характерной позы каратека, мастерство его, опыт и внутренняя сила чувствовались сразу. Однако и он оценил противника верно, коротко поклонился:

— Привет, ганфайтер. Я не ошибся?

— Здоровеньки булы, ганфайтер. Нет, не ошибся.

— Странно, что меня не предупредили... И лицо мне твое знакомо. Мы встречались?

— Леша, повесь дверь, — бросил Матвей через плечо.

Алексей захлопнул рот, опасливо обошел непрошеного гостя и стал прилаживать сорванную с петель дверь. Матвей, уже давно напрягавший память, вспомнил наконец, где видел парня. Оба когда-то учились у одного наставника по капоэйре — бразильскому боевому искусству.

— Василий, — сказал Матвей. — Фамилии не помню.

— Соболев, — проговорил парень и засмеялся. — Имени не помню. Значит, меня подставили?

Матвей не расслабился, но почувствовал облегчение. Мастера такого класса не работают с группой, а значит, за дверью не скрывается патруль поддержки.

— Что тебе приказали?

— «Погасить облик»¹ носителя утечки информации. И дали твой адрес.

— Лихо! Узнаю почерк «фискалов». Управление «К»?

¹Искусство «гасить облики» в терминологии ниндзюцу означает физическую ликвидацию.

— «Т». А ты из СМЕРШа?

Оба рассмеялись, тихо и невесело.

— М-да. Что будем делать?

— А ничего. Нам двоим нечего делить в этом мире, а в твою вину я не верю. Попытаюсь разобраться, в чем дело.

— Не пытайся — уберут.

— Пусть попробуют, — заявил Василий не без бахвальства, на которое, впрочем, имел основания. — Удачи тебе, ганфайтер. Встретимся в другой жизни.

Исчез он в два приема, не так, как Горшин, но тоже бесшумно и быстро, словно призрак.

— Кто это был? — проворчал сбитый с толку Леша.

— Папа римский. — Матвей очнулся, открыл кое-как навешенную дверь и вытолкал Алексея на площадку. — Аллюр три креста, Леха, не дожидайся облома¹. Может, когда и встретимся.

Собирался Матвей пять минут, в последний раз оглядел квартиру, проверил, не ждут ли его во дворе, и спустился к машине. Через полчаса он подъехал к дому на площади Маяковского, где находилась квартира генерала Дикого Валентина Анатольевича, бывшего шефа военной контрразведки СМЕРШ-2. Пока ехал, в голове вертелась одна-единственная мысль: вычислили его слишком быстро! Слишком!..

Интуиция подала сигнал тревоги, когда он входил в лифт: под почтовыми ящиками на стене в подъезде возился с инструментами в чемоданчике молодой парень, второй в это время «ремонтировал» электрощит, а третий якобы дожидался, пока опустится лифт. В кабину он вошел одновременно с Матвеем, а следом тут же шагнул «ремонтник». Но заговорить с жертвой они не успели, Матвей начал бой первым, по принципу кодосуру².

«Попутчика» он нейтрализовал ударом кулака по точке ванку, расположенной позади уха, причем так быстро, что взмах его руки был нечитаем противником. «Ремонтник» попытался воспользоваться автоматом «АКС-93» «гном», выхватив его из-под комбинезона, и был наказан жестоким блоком с ответом в висок.

Матвей проехал этаж, на котором располагалась квартира Дикого, спустился по лестнице до поворота и прыгнул сверху на

¹Облом — избиение.

²Кодосуру — принцип айкидо: действуй, вовлекайся в действия без колебаний.

двух кутивших амбалов, от могучих бицепсов и шей одежда на них трещала по швам.

— Ну что? — высунулся из приоткрывшейся двери еще один здоровяк. Вряд ли он успел понять, что произошло, прежде чем потерял сознание от легкого прикосновения ребра ладони к темени. Удар этот в русбое называется «поцелуй в лысину».

Придержав его и тихо опустив на пол, Матвей вошел в прихожую генеральской квартиры, состоящей из пяти комнат, и, безошибочно определив, кто еще находится в ней, перешел на сверхскорость.

В двух комнатах он нашел четверых, сняв их без шума точными бросками окатышей. В гостиной мирно беседовали трое, один из которых выделялся осанкой и манерой повелевать, а двое других — исходящей от них физически плотной волной злобы. У их ног лежал на полу Валентин Анатольевич Дикой, и одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять — он мертв. Красная пелена застлала глаза Матвея, когда же он очнулся, двое убийц лежали друг на друге со свернутыми шеями, а третий, наверняка руководитель операции, похожий на казаха или узбека, зажимал себе горло, согнувшись, сясь вздохнуть. Матвей не помнил, что и как он сделал, за него сработали рефлексy, но такое с ним случилось впервые, и он вдруг испугался, поняв, что потерял над собой контроль. Опустился перед телом Дикого на колено, отодвинул веко, вздохнул. Пробормотал про себя: прости, Валентин Анатольевич, это я виноват. Надо было уговорить тебя уехать отсюда.

Поднял голову на «казаха», чьи глаза горели, как угольки. Страх в них не было, разве что изумление и ненависть.

— За что? — Голос сел, и Матвей повторил вопрос.

«Казахоузбек» перестал хрипеть, выпрямился:

— Тебе не уйти, кругом мои люди.

Матвей прыгнул прямо с колен, с наслаждением — не беззащитен, гад! — встретив умелый блок гангстера, и ответил ударом в одну из болевых точек на лице противника. «Казах» отлетел к серванту, но не упал, глаза его от боли вылезли из орбит.

— Это шокy, — любезно объяснил Матвей. — А это чжон-ко-ан, в просторечии «кейф».

Руководитель убийц мешком осел на пол, глотая воздух, закатил глаза, но Матвей не дал ему упасть, нанося отрезвляющий удар по ушам. Если бы «казах» мог вдохнуть, он бы заорал от боли, но легкие его смогли выдавить только икающий хрип.

Матвей наклонился над ним. И глаза его засверкали таким голубовато-ледяным блеском, что «казах» заскулил, пытаясь отодвинуться.

— У меня мало времени, — сказал Матвей. — Но тебя я прикончить успею, если не ответишь на два вопроса. Первый: кто заинтересован в продаже похищенной партии оружия?

— «Ку... пол», — выговорил «казах», кусая губы; в себя он приходил быстро и надежды не терял.

— Это я и сам знаю. Кто конкретно?

— Крас... но... рыжин...

— Премьер?! — Матвей присвистнул. — Занятно... Впрочем, я проверю. Шефа своего ты не упомянул, однако. Второй вопрос: на кого работаешь?

— На...

— Смелее! — Матвей слегка коснулся скулы «казаха», отчего тот отлетел на метр.

— На Ельшина. Все равно тебе не уйти, Соболев, хоть ты и ганфайтер, и волкодав, и барс.

Матвей несколько секунд всматривался в глаза вожака убийц, заставляя того бледнеть до синевы, обыскал его карманы, достал пропуск на имя майора Федеральной контрразведки Хасана Ибрагимова. Сказал беззвучно:

— Встретимся в другой жизни...

Ибрагимов отпрянул, поняв приговор, но привести его в исполнение Матвей не успел: в прихожую ворвались сразу пятеро, группа прикрытия, почуявшая неладное. Высокой выучки подразделение «Стикс».

О да, они были готовы: стрелять, бить, скручивать и ломать руки и ноги, душить, резать, хватать. Они были готовы к любой ситуации, но рассчитанной штатно людьми, привыкшими к нормальному человеческому «материалу», пусть и хорошо тренированному. Однако Матвей в данный момент уже не был обыкновенным человеком. Знакомая «молния» пронзила его с головы до пят, высвободила скрытые резервы и обеспечила мгновенный выход на подсознание, за пределы пяти человеческих чувств.

На сей раз он удержал сознательный контроль над своим синтезированным «сверхчеловеком», хотя все равно действовал за гранью человеческих реакций. Но и сил потратил столько, что

потом с трудом добрался до машины и почти в обмороке рухнул на сиденье.

Бой длился буквально секунды, от силы полминуты, его-то и боем не назовешь, потому что Матвей ураганом пронесся сквозь отделение «Стикса», оставляя за собой падающие тела. Хасана Ибрагимова он выключил первым — тот обнаружил прыть и достал пистолет.

Ребята знали свое дело туго и начали стрелять сразу после его прыжка, но у них не было свободы маневра, в тесноте квартиры они боялись зацепить друг друга, поэтому негромкие очереди из «гномов», а также мощные струи огня из «волков» можно было просчитывать и обходить. Последнего — шестого — десантника Матвей достал в подкате на лестничной площадке, после чего тот улетел в окно пятого этажа. Уцелел ли он, Матвей так и не узнал.

Вконец измотанный, отбившись от двух верзил группы прикрытия во дворе дома, Соболев ввалился в «шестерку» Ильи, с трудом повернул ключ зажигания, а отъехал уже на «автопилоте». В себя пришел тут же, а боль почувствовал лишь через несколько минут, когда чуть-чуть расслабился. У него оказалось около дюжины синяков на плечах и груди и три борозды от пуль: на спине, на шее и на бедре.

— Могло быть хуже, — прошептал он, проваливаясь в минутный сон-забытье. Очнувшись, глянул по сторонам: машина стояла в каком-то тихом дворе, на веревках висело белье — и снова погрузился в сон. Так, с перерывами, он проспал около часа, пока не накопил достаточно сил, чтобы ехать. Подумал: «Ну, ганфайтер, куда теперь?»

«Сдаваться в плен», — с иронией ответил внутренний голос.

«Ну, это мы погодим, — возразил Матвей. — Я еще не все долги отдал».

«Тогда езжай туда, где можно привести себя в порядок».

«Спасибо за дельный совет. Конкретней можно?»

«Да хотя бы к бабуле Стаса, помнишь, на вокзале? Ты обещал ему заехать».

«Ты гений!»

«А как же», — скромно согласился Матвей сам с собой.

Вскоре он оставил машину во дворе дома номер пять «а» по улице Ольховской, недалеко от Казанского вокзала.

Проспал он без малого сутки, перепугав Марию Денисовну, бабушку Стаса, сухонькую беленькую старушку, оказавшуюся прабабушкой мальчугана. После смерти матери и бегства отца за рубеж, на Украину, родные бабушки и дедушки не захотели воспитывать «бандита», и пришлось семидесятидевятилетней старухе взять его к себе.

— Стасик хороший мальчик, — сообщила она после знакомства, потрясенная щедростью новоявленного «родственника». — Добрый и ласковый, но очень замкнутый. Он только летом подрабатывает, и то я его не заставляю, сам так решил. В школе учится неплохо, не отстает. Любит книжки читать.

— Какие же тебе нравятся книжки? — обратился Матвей к Стасу.

— Фантастика, — объявил тот с набитым ртом. — Где на межах дерутся и так... Вырасту, вылечусь и сам буду.

— Драться, что ли?

— Не, слабых защищать.

— Ешь аккуратней, защитник, — скупой улыбнулась Мария Денисовна.

Матвей промолчал. Он чувствовал себя так свободно и легко, как когда-то дома в детстве, и от этого ему было приятно и грустно. А потом его определили на постой в зале, и он отрубился, как только голова коснулась подушки на стареньком диване.

Мария Денисовна разбудила его, коснувшись плеча:

— Ну и горазд же ты спать, милоч! От уж сутки натикало. Я уж думаю, не помер ли! Шутка сказать, ни разу не повернулся. И будто не дышишь.

Матвей не сразу сообразил, где он, потом вспомнил, потянулся, проговорил удивленно:

— И ни одного сна!

— Поешь да снова ложись, сны свои досматривай.

— А Стас где?

— Спит поди давно, ночь ведь уже. Говорю — сутки проспал.

— Ну да, я же вчера вечером приехал... Ладно, чаю попью и снова лягу, завтра у меня трудный день.

Однако лечь сразу после ужина Матвею не дал Горшин.

Он заявился ровно в одиннадцать вечера, ухитрившись понравиться Марии Денисовне так, что она впустила его к постояльцу без лишних расспросов. Матвей еще не привык к манере Тараса находить его в многомиллионном городе безошибочно, однако выказывать удивления не стал.

— Чай будешь, мил человек? — появилась на пороге Мария Денисовна.

— Непременно, — кивнул Горшин, — с лимоном и покрепче. А я мед принес. — Он вытащил откуда-то — Матвею показалось, что из-под мышки, — литровую банку меда. — Липовый. Пчелы по заказу работали. Угощайся, ганфайтер. Кстати, поздравляю: ты объявлен в межгосударственном розыске, ориентировка разослана всем отделениям милиции, ОМОНа и спецназа.

Матвей не ответил, открыл банку, налил в блюдце меда и стал есть, запивая чаем. Тарас понял, молча присоединился к нему.

— Убили Дикого, — сказал наконец Матвей, закончив чаепитие и пытаясь отрегулировать внутренний обмен так, чтобы не выступил пот. Несмотря на духоту, ему это удалось.

— Знаю, — помрачнел Горшин. — Не надо было тебе ехать к нему. Если и впредь будешь так неоправданно рисковать, я пожалею, что предложил тебе работать на «Чистилище».

— Я не давал клятвы подчиняться каждой команде, — угрюмо пробурчал Матвей. — В любой момент могу порвать контракт, особенно если начнут ограничивать мою свободу.

— Ошибаешься.

Они скрестили клинки взглядов. Матвею показалось, что кто-то пытается проникнуть к нему в голову, раздвигая черепные кости, пуская в щели усыпляющий газ. Он усилил плотность эндокрана — на уровне ощущений, конечно, — голова прояснилась.

— Не заставляй меня напрягаться, — шепотом сказал Матвей. — Твои уроки не пропали даром, я научился выходить на уровень подсознания, и тебе меня теперь не одолеть.

— Ошибаешься. — Насмешливые искры зажглись в глазах Тараса. — Конечно, ты паранорм, я тебе говорил, но для скорого и полного созревания тебе нужна пси-коррекция. Ты должен постичь базис вселенских законов и научиться различать энергетические потенциалы любых действий. Лишь после этого ты овладеешь нин-по миккё¹ и, может быть, будешь замечен кем-то из Махатм или иерархов.

Матвей снова промолчал. Он считал, что давно замечен од-

¹Нин-по миккё — тайные знания вселенной (яп.).

ним из иерархов — инфархом, иначе не видел бы свои странные сны.

— А сейчас ты пока — непроросшее зерно, — продолжал Тарас, — по замыслу и слепой невидимка — по сути.

— Слепой невидимка — это здорово! — нехотя улыбнулся Матвей. — Если можешь сделать эту... пси-коррекцию, сделай.

— Это делается в определенное время и в определенном месте. Жди. Наберись терпения и жди.

— Зачем ты нашел меня?

— Мы готовим операцию по уничтожению трех запятнавших себя работников Генпрокуратуры, нужна твоя помощь.

— Прошу меня пока не привлекать, я должен закончить... кое-какие дела.

— Какие? Вопрос не праздный, мы должны знать, чем занимается наш сотрудник и чем рискует.

Матвей отнес на кухню посуду, сказал Марии Денисовне, что ничего больше не нужно, и вернулся в комнату.

— Кто-то увел мою девушку... открыто и нагло! Она уехала домой в Рязань и... Ты знаешь, кто это сделал?

— Нет. — Горшин выдержал взгляд Матвея, побарабанил пальцами по столу. — Я тебя предупреждал. Попытаюсь ее отыскать. Но если девушку взяли, значит, знали, кто ее друг. То есть тебя окончательно вычислили. Так?

— Логично, — вынужден был согласиться Матвей. — Но уж очень быстро меня вычисляют, ты не находишь? Непонятно только, зачем тогда объявляли розыск, я ведь и так к ним приду за Кристиной.

— Розыск объявили прокуратура и милиция, у них свои резоны, а тем, кто захватил девушку, мало задержать тебя или даже уничтожить, они хотят еще и унижить. Обычный стандарт духовных монстров, таких на Земле пруд пруди. Но один ты к ним не пойдешь. Сиди здесь и ничего не предпринимай, пока я не выясню все обстоятельства дела.

— Не обещаю, — тихо сказал Матвей.

— Я сказал — ты слышал.

Матвей поднял похолодевший взгляд:

— Не обещаю. Ты ясно дал понять, что у нас разные цели и разные пути, и я твоим путем не пойду.

— Я мог бы тебя... заставить.

— Попробуй.

Дуэль взглядов длилась несколько мгновений. Горшин отступил не потому, что испугался, и не потому, что был слабее. Он понял, что из друга может сделать врага, а врагов у него и так хватало.

— Бог с тобой, — сказал он хладнокровно. — Поступай как знаешь. Но хотя бы держи со мной связь. Похоже, я действительно пожалею, что встретил тебя.

— Я тоже, — в тон ему ответил Матвей.

Глава 22

ВЫХОД НА БАНКИРА

Они встретились ранним утром на квартире у Завьялова.

Дмитрий Васильевич, после того как разошелся с женой, жил один в двухкомнатной квартире. Второй муж у нее был бизнесменом, имел шикарную пятикомнатку в Центре и все остальное согласно «высоким» духовным запросам, поэтому квартиру жена делить не стала, забрав только машину и видеоаппаратуру. А детей за три года совместной жизни они не нажили.

Горшин был в гостях у первого комиссара «Стопкрима» впервые, но обстановку не разглядывал и вопросов о семье не задавал.

— Что будем пить? — спросил Дмитрий Васильевич, открывая бар в стенке.

— Нарзан, — ответил Горшин.

Завьялов с любопытством глянул на непробиваемое спокойное, уверенное лицо гостя, хотел спросить: откуда вы знаете, что у меня есть минеральная вода? — но не спросил. У него уже давно сложилось впечатление, что Граф знает в с е.

Выпили по бокалу холодного нарзана, сидя в удобных легких креслах.

— Что будем делать, Граф? — спросил наконец Дмитрий Васильевич. — Нас заставляют воевать на всех фронтах. Долго мы так не продержимся.

— К сожалению, ничего успокаивающего сообщить не могу. Против нас заработала куда более мощная организация, чем ФСК и МВД, а деятельность ее спрогнозировать трудно.

— Что еще за организация? — поднял брови Завьялов. — Президентская служба безопасности?

— Конкере. Монарх Тьмы. — По губам Горшина скользнула насмешливая и в то же время грустная улыбка. — С одной стороны, я рад, ибо добивался того, чтобы нас заметил именно он... или она, организация. С другой — мне пока нечего ему... ей противопоставить.

— Это что-то новое. До сих пор я считал, что «Стопкриму» по плечу справиться с любым противником.

— С людьми — да, но она... в общем-то Конкере вовсе не организация, скорее система — и в то же время личность. Короче, он не человек.

— Пришелец, что ли? — с добродушной иронией осведомился Дмитрий Васильевич.

— В том смысле, который в это слово вкладываете вы, нет. Он живет везде, во многих реальностях и пространствах, в том числе и на Земле.

— Может, разъясните мне попроще, что он такое? — со все возрастающим раздражением проговорил Завьялов. — Все непонятное пугает меня, и я принимаю меры.

— Не нервничайте, Дмитрий Васильевич. В то, что я сообщу, вы не поверите, начнете мучиться, прикидывать, не псих ли я. У нас и без того есть о чем беспокоиться. Настанет момент, и я расскажу вам все, что знаю, но лучше бы он не наступил.

Завьялов залпом допил минералку, сходил в ванную, умылся и вышел посвежевший.

— Жарко уже с утра, представляю, что будет днем. Граф, комиссар-три сообщил, что ФСК наметила грандиозное прочесывание спортивного мира с целью захвата работников «Чистилища».

— Знаю, я предупредил кого следует. Но даже если они возьмут одного из наших исполнителей, выше командиров монад им не добраться, не говоря уже о спикерах и оперграндах.

— А если они перехватывают всех исполнителей? С кем будем работать?

— Это моя забота, исполнителей найти легче, чем комиссаров. Кстати, как вам Рыков?

Завьялов насторожился. Граф не сказал «комиссар-три», а назвал фамилию, и это не было случайностью.

— Что я должен знать?

— Ну, во-первых, он начал блокировать мыслесфон, который носит с собой. Раньше не носил. Это такой приборчик, разработан умельцами из лабораторий ФСК для психотронной войны.

Дмитрий Васильевич внутренне поежился. Его давнее ощущение подтверждалось: Граф каким-то образом «читал» их мысли.

— Во-вторых, он обезопасил себя двойным прикрытием: телохранителями высокого класса. В-третьих, некоторые намеки его на контроль криминальных деловых кругов заставляют предполагать, что комиссар-три не прочь занять место босса «Купола». Нов о го «Купола», — подчеркнул Горшин, — того, что возникнет после разгрома «Чистилищем» старого. Причем не исключено, что этот новый «Купол» вырастет из «Стопкрима», особенно если после разгрома клана сохранить все его связи.

Завьялов вздрогнул. Граф не был на последнем совещании «красного квадрата», но з н а л, какие вопросы обсуждались и кто что говорил.

— Не отвечайте, — помог ему Горшин сочувственно. — Я действительно знаю все... или почти все. К сожалению, человек остается человеком, особенно когда дело касается власти. А вот чего не бывает, так это пресыщения властью. Ее всегда мало, особенно тому, кто не блещет умом. Казалось, я подобрал подходящие кандидатуры, «Чистилище» заработало эффективно. И вот начались сбои... Кстати, я ликвидировал Кравчука, а также спикера, который подставил Ариставу, но он перед... э-э... уходом сообщил мне интересную вещь: инструктировал его наш уважаемый комиссар-пять.

— Музыка?! — побледнел Завьялов. — Глеб Максимович? Не может быть!

— Ну, инструктировал, может быть, сильно сказано, скорее наставлял, но смысл наставлений был таков. Нет, Глеб Максимович не завербован «Куполом» или контрразведкой... что почти одно и то же, он просто хочет влиять на события, чтобы всегда быть над ними. А значит, и над нами.

Завьялов закрыл лицо руками, испытывая стыд и печаль, потому что сам хотел того же. Горшин смотрел на него оценивающе, с легкой насмешкой и сочувственно. Он знал, что когда-нибудь придется решать, стоит ли вообще опираться на людей, слабых, непостоянных, ограниченных, живущих только сегодняшним днем. В конце концов, и лучшие из лучших становятся слабыми, подверженными страстям и желаниям... если, конечно, успевают дожить хотя бы до средних лет.

Примерно в это же время состоялась встреча еще двух человек — лидера «Купола» Георгия Георгиевича и начальника его охраны и службы безопасности, главного секьюрмена Хасана Ибрагимова, занимавшего пост командира знаменитого оперативного подразделения «Стикс» в системе Федеральной службы контрразведки.

Георгий Георгиевич, одетый в шикарный шелковый халат с драконами, был бледен от едва сдерживаемой ярости. Ибрагимов, украшенный пластырем над бровью и шикарным синяком на левой скуле, был хмур и сосредоточен.

Встретились они на даче Георгия Георгиевича, возле бассейна, выложенного мраморными плитами и окруженного розовыми кустами и акациями, за которыми просматривались бейсбольное поле и теннисный корт. Георгий Георгиевич только что вылез из воды, и кожа его сверкала алмазными россыпями в лучах еще низкого солнца. Кивнув на плетеное кресло у столика, он сел, выпил стакан молочного коктейля, возникшего словно по волшебству на столе, съел ломтик ананаса.

— Еще один такой прокол — и я тебя уволью, — сказал наконец лидер «Купола», взяв себя в руки. — Вас там было четырнадцать кретинов, и вы умудрились его упустить! Да еще потерять троих!

— Он... дьявол, а не простой ганфайтер, — убежденно проговорил Ибрагимов. — Ни один из наших «гениев дзюдо» в подметки ему не годится. Даже пули его не берут.

— Чушь! — отмахнулся Георгий Георгиевич. — Просто хорошая тренировка плюс экстраскоростная реакция. У нас есть такие бойцы, один из них только что освободился, я выпросил его у директора... и он преподнес мне сюрприз!

— Отказался? — поднял голову Ибрагимов.

— А ты догадливый... Мало того, что отказался, так еще нашел его и предупредил! Интеллигент паршивый!

— Почему интеллигент?

— Закончил физмат, хорошо разбирается в электронике, естественных науках, в живописи, в музыке. Да, интеллектуал высшего класса.

— Для таких дел интеллектуалы не годятся. Он еще... жив?

— Я не могу убрать его сейчас, — нахмурился Георгий Георгиевич, — сразу после выхода. Пусть поживет пока, нам он не страшен.

— Когда придет срок, доверьте это дело мне.

— После таких провалов я не доверю тебе даже машину.

Ибрагимов не возразил, только потрогал пластырь над бровью.

— Есть другие срочные дела, — продолжал шеф «Купола». — Нам стало мешать ГУБО в лице его начальников Медведя и Зинченко, надо их припугнуть, пусть поубавят прыти. Медведь первому предупреждению не внял, пусть полечится. А тут еще МУР путается под ногами, особенно опер Синельников с командой.

— Ну, этого убрать легко, в него можно попасть с закрытыми глазами.

Георгий Георгиевич улыбнулся: начальник безопасности намекал на габариты полковника.

— Резко активизировало свою деятельность «Чистилище». Один лишь захват телецентра позволил им обойти нас на полкорпуса, провокациям теперь никто не поверит, «чистильщики» себя с этой стороны обезопасили. А мы до сих пор не знаем их реальной пирамиды управления, только компьютерные разработки.

— Но мы же взяли троих «чистильщиков». Могли бы и больше, если бы не оперы угро и ГУБО.

— А что нам это дало? Исполнители знают лишь своих коллег по группам... всяким там монадам и мейдерам, а тех, кто отдает приказы, никогда в глаза не видели.

— Примените «глушак», тогда, может быть, они вспомнят номера телефонов, голоса спикеров...

— Применили. — Георгий Георгиевич взглянул на застывшее лицо Ибрагимова. — Иногда, Хасан, ты меня приятно удивляешь. Впрочем, отбросим лирику. Кто больше всех нам мешает? Правильно, отец наш, директор ФСК, главный «фискал». И с ним пора кончать. Через два дня он будет встречать коллегу из Франции и сразу после приема должен исчезнуть. Разработай операцию, вечером обсудим детали. Панов должен исчезнуть тихо, как роса с травы, чтобы никто ничего не заметил.

— Понял.

— И мне он нужен живым. Какое-то время. Посмотрим с помощью «глушака», что он знает. Иди.

Ибрагимов снова потрогал пластырь, встал и молча исчез за кустами. Георгий Георгиевич остался сидеть, подставив лицо солнцу.

И еще интересная встреча состоялась в это чудесное воскресное утро, и тоже на даче. Михаил Сергеевич Краснорыжин, премьер-министр, принимал директора Федеральной службы контрразведки Ивана Сергеевича Панова.

Завтракали на веранде двухэтажной виллы, занимавшей семьсот квадратных метров. Веранда выходила в прекрасно ухоженный сад, навевающий покой и дрему. Лишь высокий сетчатый забор, охраняемый лазерами, несколько диссонировал с природой, подчеркивая значимость владельца дачи.

После завтрака и необязательного разговора о том о сем Михаил Сергеевич блаженно растянулся в кресле-качалке и закурил. Панов никогда не видел его в плавках и с тщательно скрываемым презрением оглядел жирное, обрюзгшее, заросшее рыжими волосами тело. Сам он в свои пятьдесят три выглядел гораздо моложе и был в прекрасной форме.

— Служба безопасности президента, — начал Краснорыжин, — обеспокоена слухами о готовящейся акции «Чистилища» по ликвидации высокопоставленных лиц, якобы уличенных в коррупции.

— Не якобы, — возразил глава ФСК.

Премьер глянул на него сквозь дым, как ленивый кот, но впечатление это было обманчивое: в лености Михаила Сергеевича никак нельзя было упрекнуть.

— Мне над'ели эти раз'воры. — Премьер курил, говорил быстро и невнятно. — С «Чисти'щем» п'ра к'чать. Как и с те'вм каб'нтам.

— С «Куполом», — уточнил Панов.

— Мне наплевать, как вы это сделаете, важен результат. Если в ближайшее время его не будет, мы с вами расстанемся. Президент сделает это без сожаления. Кстати, он созовет Совет безопасности.

— Я готов, — сдержанно ответил Иван Сергеевич. — И могу предложить программу действий. Но она потребует больших финансовых затрат, сил и времени. Однако на скорый результат уповать не стоит. Против нас работают не дилетанты, что в «Стопкриме», что в «Куполе». К тому же я не уверен, что часть сотрудников ФСК не куплена теми или другими. Я даже могу сообщить фамилии.

— Кто же это? — с интересом спросил премьер.

— Ельшин Генрих Герхардович.

— Ого! Но он же начальник «двойки», Управления «Т».

— И Рыков Герман Довлатович.

— Однако! Глава информбюро... Вы уверены? Впрочем, зачем я спрашиваю. Доказательства есть?

— Косвенные. Спецкомиссия по проверке деятельности службы еще не закончила свою работу.

— А ты не так прост, Иван Сергеевич, — перешел на «ты» Краснорыжин. — И на кого же эти двое работают?

Панов улыбнулся:

— Служебная тайна. Все это пока догадки, но небезосновательные. Итак, с какой организации начнем? Обе они, и «Чистилище», и «Купол», вне закона, но по-разному.

— С «Купола», — подумав, сказал премьер-министр. — Он мне больше мешает.

Ни одному из них даже в голову не могло прийти, что разговор прослушивается.

В километре от дачи Краснорыжина на высоком дереве сидел человек с лазерной аппаратурой и записывал каждое слово.

Два дня потратил Матвей на то, чтобы выяснить, кто захватил Кристину и где ее содержат. Он рискнул заявиться ночью на старую квартиру, предоставленную ему еще Ивакиным, обезоружил двух «крапчатых беретов», сидевших в засаде, и полночи гонял компьютер в режиме «белка в колесе», пока тот не «сдох». Но узнать о судьбе девушки ничего не удалось. Ни один из банков данных, принадлежавших спецслужбам, не зафиксировал ее захвата. А это, в свою очередь, означало, что операцию проводили неофициальным путем. Если только это не были «кнопки», рядовые солдаты «Купола», исполнявшие приказ босса.

Матвей помнил их особые приметы, не рост и ширину плеч, конечно, а перстни в форме черепов, и даже подумывал еще раз навестить боевиков проклятого «Щита», однако не стал лезть на рожон без совета Горшина. К тому же, наблюдая за действиями охраны Банкира, он вдруг обнаружил у одного из его дебильных громил точно такой же перстень, и эта приятная неожиданность заставила Соболева заняться Банкиром всерьез.

Уважаемый заместитель председателя Центробанка регулярно навещал свою пассию в Люблино, где она жила в трехкомнатной квартире на двенадцатом этаже шестнадцатизаэтажки. Удобнее всего было перехватить его там, что Матвей и сделал в один из душных, жарких вечеров конца июля.

В квартиру он попал без труда еще днем, когда хозяйка, высокая, стройная блондинка с пышными формами, решила навестить ближайший супермаркет. Сложнее было там спрятаться, и Матвею пришлось изощряться в применении инпо — искусства прятания, которым владели ниндзя. В конце концов он втиснулся в подпотолочную нишу на кухне, загородившись нераспакованным столовым сервизом.

Хозяйка вернулась в начале шестого, и не одна — с собакой! Этот сюрприз едва не испортил все дело, спасла положение врожденная способность Матвея «разговаривать» с животными. Собаки понимали его, а он их.

Видеть пса из своего убежища он не мог, но по дыханию и ворчанию определил ротвейлера. Напрягся, ощутив недоумение и любопытство животного, почуявшего чужой запах и ринувшегося на кухню.

— Спокойно, Гуляка, — раздался приятный голос хозяйки, которой с виду не было и двадцати. — Ты что себе позволяешь?

Пес басовито пролаял и замолчал, повизгивая: мысль Матвея, окрашенная доброжелательными и в то же время предостерегающими эмоциями, все же нашла отклик в его чувственной сфере. Больше он не лаял, но изредка ворчал и порывался зайти на кухню, заставив хозяйку в конце концов сделать это. Тревога собаки передалась и ей.

Евгений Яковлевич Геращинский появился в начале восьмого. Вернее, не он сам, а его телохранители. Они быстро проверили ванную, туалет, кухню, комнаты и шкафы и ретировались. Шурика Залупыйченко среди них не было. Вскоре раздался голос Банкира, рокочущий, красивый, с барскими интонациями, и визг обрадованной (очень даже натурально) девицы, которую Евгений Яковлевич называл Лолой. Полное ее имя было Лолита, звучное и красивое.

Она защелкала, засуетилась, стала раздевать гостя и со смехом заталкивать в ванную. Затем прикрикнула на собаку, которая никак не могла успокоиться.

— Что это с ней? — насторожился Геращинский.

— Да как пришли с прогулки, все ворчит и на кухню рвется. Может, мышку почуяла?

Банкир был волком матерым и битым, сам не стал проверять, что за «мышь» затаилась на кухне, а вызвал охрану.

Ситуация создалась критическая. В какие-то доли секунды Матвею пришлось принимать решение: вылезать или не выле-

зять. Времени было в обрез. Не успеет вылезти, на него насядут «кунаки влюбленного джигита» и пес по кличке Гуляка. Останется на месте — потеряет свободу маневра и, если его обнаружат, получит пулю. И все же инстинкт заставил Матвея остаться. Почему-то мелькнула мысль: уходила без собаки, а вернулась с собакой. Странно. Видимо, проглядел.

Но теперь этого не исправишь, и Матвей настроил себя на действии. Потом вспомнил о своих возросших возможностях и запустил «программу» требуемого паранормального состояния, которая активизировала «разум-волю». Ответ пришел за полсекунды до того, как на кухню заглянул атаман телохранителей.

«Молния с небес» вонзилась в затылок, знакомо разошлась по телу электрической волной, заставив нервную систему вспыхнуть «пронзительно-голубым светом», застряла осязаемой массой в хара — «центре» тела под пупком, а также в затылке и вышла из глаза оранжево-желтыми искрами. И Матвей увидел-осязнул окружающую обстановку как бы изнутри, из каждого предмета, и снаружи, одновременно с близкого расстояния и с огромной высоты.

Заглянувший на кухню охранник светился багровым светом — для внутреннего зрения Матвея, причем ярче всего светились мышцы и фаллос, а вот голова работала хуже, и Матвею не составило труда погасить в ней и последние «тлеющие угольки» интеллекта, в результате охранника охватило полное безразличие, он сообщил, что на кухне нет никого, кроме тараканов.

Герацинский и Лолита остались одни, успокоенные, а Матвей тихо слез и спрятался за кухонный пенал, переживая обратную реакцию организма. Своим способностям он уже не удивлялся, но и не очень-то радовался. То, что он паранорм, не прибавляло ни ума, ни счастья, а также не давало права на исключительность и принадлежность к избранным.

Собака ворвалась на кухню, как только он снял над ней контроль, крупный, пятнистого окраса ротвейлер. Не ожидавший нападения Матвей с силой ударил ее ребром ладони по носу и уложил на месте, о чем потом искренне пожалел. Падение ее тела он смягчил, а также успел поймать задетый ею стул, но, даже если бы стул и упал, хозяева вряд ли услышали бы: они мылись в ванной.

Герацинский, закутанный в халат, вышел первым и получил щелчок по лбу, после чего закрыл глаза и оплыл на пол. Матвей усадил его в кресло, прикрутил руки к спинке, завязал полотен-

цем рот, зашел в ванную и зажал рот девушке, стоявшей спиной к двери и не ожидавшей никакого подвоха.

— Тихо, — сказал он ей на ухо, сжав руки так, что она сразу перестала вырываться. — Я ничего тебе не сделаю, сиди здесь, пока не позову. И не кричи, иначе он умрет. Первым он, второй ты. Поняла?

Девушка затрясла головой.

— Вот и умница, продолжай мыться.

Матвей запер дверь в ванную, вернулся к Банкиру, сел напротив. Геращинский пошевелился, замычал, дернулся, глаза его, и без того навывкате, не прикрытые очками, казались огромными, как бильярдные шары.

— Очухался, наш альфонсик? — добродушно спросил Матвей. — Как настроение? Да ты не бойся, я поговорить зашел. Не рад? А то давай твоей жене позвоним. Уж ей-то ты будешь рад?

Евгений Яковлевич снова замычал, пот лился ручьями с лысины и лица.

— Не хочешь. Ну и ладненько. Я тот самый ганфайтер, которого вы с шефом приговорили к тихому исчезновению. На твою беду, я знаю, кто ты и чем занимаешься. Как там тебя величают в «Куполе»? Хавмачманитор? — Матвей усмехнулся: — Красиво. Аж слеза прошибает. Ну что, манитор, говорить будешь?

Геращинский мелко закивал.

Матвей сдвинул повязку с губ.

— Кто босс «Купола»?

— Не знаю, — быстро ответил Евгений Яковлевич, опасливо отодвинулся. — Правда не знаю, какой и где он занимает пост. Все зовут его Георгием Георгиевичем, но это не настоящее его имя. Не удивлюсь, если он обретается где-то в недрах спецслужб.

— И не надо удивляться. Хорошо, верю. Но вот других боссов — директоров «Купола» ты знать обязан. Так что не хитри, падать из окна будешь долго.

Геращинский побледнел еще больше, облизнул губы.

— Если скажу, меня и так убьют...

— Но я это сделаю быстрее.

— Х-хорошо... н-но... в общем, всего пятеро, с Георгием Георгиевичем, он преемник крестного отца московской мафии, это все, что я о нем знаю. Второй — Мэр, Шкуро Борис Натанович, заместитель губернатора. Третий — Шериф, Генеральный прокурор, дженерози... э-э...

— Дальше, дальше, — подбодрил Банкира Матвей, опасаясь, как бы тот не хлопнулся от переживаний в обморок.

— И Летчик, заместитель начальника Генштаба Министерства обороны.

— Все?

Банкир с ужасом глянул в похолодевшие глаза своего мучителя, с трудом выговорил прыгающими губами:

— Мы договорились... о разделе власти... с премьер-министром... и министром обороны... они теперь...

— Ясно, — кивнул Матвей равнодушно. — Дошло и до них, что лучше не воевать с «Куполом», а работать в одной упряжке. Хорошенькое будущее вы уготовили стране, а? — Матвей закрыл глаза, покачал головой, улыбнулся горько: — Надо же, я думал, такие уровни мне не по зубам. Но ведь за державу обидно! А, хавмач?

Глаза Соболева сверкнули такой яростной синевой, что Банкир отшатнулся, едва не опрокинув кресло. Прошептал:

— Я знаю, Георгий Георгиевич... у него есть какой-то помощник, чуть ли не сам Сатана... Я не лгу, честное слово! — По щекам Геращинского побежали слезы.

— Честное слово, — повторил Матвей. — М-да! — Встал. — Что ж, сладострастенький ты наш, чао. Ничего ты мне нового не сообщил, но и за толику малую спасибо. Теперь последний вопрос, и меня он очень волнует. Где девушка?

— Какая девушка? — всхлипнул Евгений Яковлевич.

— Не шали. — Матвей нахмурился: — Мою девушку похитили ваши люди.

— Мои нет, я ничего об этом не знаю. Это либо люди Шерифа, либо секьюрити босса.

— Хасан Ибрагимов?

Геращинский судорожно сглотнул, снова начал потеть и пахнуть. Матвей кивнул, спокойно вытащил из кармана черную коробочку, положил на стол, нажал на кнопку.

— Знаешь, что это такое? Правильно, взрывное устройство. А это передатчик. — Матвей показал вторую коробочку с усиком антенны. — Сейчас я вылезу в окно и уйду через соседний балкон, а ты четверть часа будешь сидеть и молчать. Если по мне начнут стрелять, я нажму кнопку на этом пенальчике. Непременно. Понял?

— Буду нем как... а если ты... вы... все равно нажмете?

— Слово офицера! — серьезно сказал Матвей.

Через десять минут он был на крыше, где никто из телохранителей Банкаира не догадался выставить пост, а еще через десять ехал домой. То есть к Марии Денисовне и ее правнуку Стасу.

Глава 23

ВЗГЛЯД КОНКЕРЕ

В последние дни июля Москва всколыхнулась серией неслышанно жестоких убийств. Такого не помнили даже старожилы спецслужб, попривыкшие к беспределу криминальных структур, разгулу терроризма, а также разборкам мафиозных кланов.

Сначала был убит в своем офисе заместитель председателя Центробанка Евгений Яковлевич Геращинский: его нашли со вспоротым животом, набитым металлическими сторублевками. Его убрали обеспокоенные возможной утечкой информации коллеги, а кто именно, Матвея не интересовало.

Затем поздно вечером подорвался в своей машине вместе с телохранителями начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью Михаил Юрьевич Медведь. Взрыв был такой силы, что повредило здание столичной префектуры, куда Медведь прибыл по делам службы, и во всем квартале взрывной волной вышибло стекла из окон. Погибло пять человек и было ранено восемнадцать.

Двумя днями раньше в своей квартире был найден мертвым бывший начальник военной контрразведки, знаменитого подразделения СМЕРШ-2, генерал Дикой. На его теле эксперты МВД обнаружили ожоги и следы пыток.

А тридцатого июля «Чистилищем» были убиты прокурор Филин и старший следователь муниципальной прокуратуры Жаров. «За деятельность, несовместимую со статусом органов охраны порядка», как было заявлено журналистам информационной службой «Стопкрима».

В убийстве Геращинского и Медведя органы МВД тоже обвинили «Стопкрим», так что затравленному ложью высокопоставленных лиц обывателю пришлось самому разбираться, где обман, а где правда.

И, наконец, неизвестными была предпринята попытка напа-

дения на директора Федеральной службы контрразведки Панова, при этом шесть человек из охраны погибли, а сам он был ранен.

Заговорили о войне, объявленной мафией «Чистилищу», и слухи эти оказались более достоверны, чем длинные речи телекомментаторов и юристов, пытавшихся анализировать ситуацию с позиций тех, кем они были куплены. Лишь несколько человек в верхних эшелонах власти знали, в чем дело. Знал и Матвей Соболев, ганфайтер, поставленный волей криминальной системы в положение дичи.

Узнав об убийстве Медведя, он понял, что задача его осложняется. Остаться в стороне от террора, развязанного «Куполом» ради устранения основных соперников, он при всем желании уже не мог. И дело было даже не в том, что он оказался виноватым, втянув невольно в чужие кровавые игры ни в чем не повинную девушку, дело было в той очень простой фразе, за которой крылся смысл действий многих исторических героев, отдавших жизнь во имя торжества справедливости и добра: «За державу обидно!» Хотя Матвей и понимал, что одиночке сия благородная цель не под силу, бороться с с и с т е м о й б е с п р е д е л а на равных еще никому не удавалось. Но остаться в стороне значило не уважать самого себя.

Тридцатого июля, когда дело уже шло к ночи, Матвей позвонил Горшину. Кто-то снял трубку, и Матвей вовремя удержался от вопроса: «Тарас»? Он не сразу осознал, что его остановило, но вдруг ощутил внутри какой-то болезненный толчок: кто-то на другом конце провода как бы вылез из трубки, оглядел Матвея со всех сторон, бесплотный, бесшумный, но ощутимо опасный и грозный. Оценил, хмыкнул с легкой досадой и недоумением, оттолкнул, то есть беззвучно, на чувственно-мысленном уровне предупредил: мол, не суйся, парень, не в свое дело — и уполз в телефонный шнур.

Взмокший от поднявшейся в душе бури чувств, Матвей осторожно положил трубку на рычаг и смотрел на нее до тех пор, пока на ней не высохли пятна пота.

«Это был не Тарас», — пискнул взъерошенный внутренний голос.

«Сам знаю», — огрызнулся Матвей.

«Это тот самый... кажется, Монарх Тьмы...»

«Или его слуга».

«Значит, Горшин мертв!»

«А вот в этом позвольте усомниться. Если уж я — агент уровня «абсолют», то он и вовсе «суперабсолют». К тому же он гений тонпо и должен был просчитать возможности врага. Жаль, что теперь не с кем посоветоваться. Ладно, сделаю один шагжок, съезжу к нему домой».

«В пасть дьяволу?! Пропадешь ни за понюшку табаку».

«А мы тихонечко, одним глазком глянем... А потом, Шериф, твоя очередь!»

Генеральный прокурор Вадим Борисович Чураго, бывший спортсмен, страстно любил не только футбол, но еще покер и преферанс. В этих карточных играх он достиг немалого мастерства, что вкупе с ловкостью рук сделало его почти непобедимым и дало возможность в начале семидесятых начать карьеру мафиози. Из боссов «Купола» с ним отваживался играть только Георгий Георгиевич, да и то лишь в хорошем настроении; он не терял слабобой надежды когда-нибудь выиграть у дженерози.

Поэтому, когда «Купол» собирался в катране для «снятия стресса», то есть для карточных игр, Вадим Борисович в них не участвовал, зато очень часто играл в своей компании — в хелс-клабе, где накачивал мышцы, расслаблялся в сауне, принимал массаж — классический и эротический (заканчивающийся сексом и снова сауной) — и встречался с нужными людьми. Выглядел Чураго на двадцать лет моложе своих шестидесяти шести.

Карьеру государственного деятеля он начал по приказу прежнего босса клана, который теперь принадлежал ему, и контролировал потоки наркотиков и связи с коррумпированными элементами в системе правоохранительных органов. По влиянию на среду «кримэкологии» — организованной преступности он занимал второе место после президента «Купола», маршал-босса, сумевшего к концу века осуществить мечту среднего мафиози — объединить столичные кланы в одну мощную структуру, потеснившую или уничтожившую нацгруппировки «залетных гостей» из солнечного Закавказья: армянскую, азербайджанскую, грузинскую, а также чеченскую и другие. Что, правда, не уберегло «хозяев» от частых столкновений, разборок и войн, а также не гарантировало обывателю мирное сосуществование со столь грозным институтом власти.

Два дня Матвей искал подходы к Шерифу и вынашивал план встречи, а на третий окончательно остановился на хелс-клабе,

пользующемся репутацией «чистого» привилегированного клуба для чиновников из высших эшелонов власти.

Клуб с претенциозным названием «У Шварценеггера» был создан по распоряжению Краснорыжина и передан на баланс столичной мэрии, поэтому и мэр Москвы, и вице-премьеры правительства не чурались собиравшейся там компании, называемой за глаза «теневым кабинетом». Входили в компанию и звезды спорта, искусства, театра и эстрады, а также другие знаменитости — воры в законе, политологи и журналисты. По сути, клуб «У Шварценеггера» играл роль второго катрана, отличаясь от первого только «игровым составом»: здесь никогда не появлялись деятели силовых структур, военные, милицейские чины, высокопоставленные чиновники контрразведки и Минобороны.

Охранялся хелс-клуб не хуже зданий на Лубянке, в чем Матвею пришлось убедиться при первом же «пристрелочном» посещении.

Заявился он туда с удостоверением сотрудника охраны президента, якобы для того, чтобы решить вопросы безопасности предполагаемого посещения клуба высшим должностным лицом государства.

Комендант собственной охраны клуба, к которому направили Матвея, лично показал ему все узлы и линии системы охраны, а также поделился кое-какими секретами в надежде на то, что его оценят «наверху». Матвей пообещал поощрение, и расстались они довольные друг другом. Конечно, вряд ли комендант смог бы узнать при встрече Соболева без грима, усов и рыжей шевелюры.

Оставалось еще выяснить принципы работы телохранителей Шерифа, их количество, время смены и вооружение. После этого можно было начинать «перехват». Матвею очень хотелось верить, что в результате он узнает местонахождение Кристины. Он рискнул еще раз объявиться на старой квартире, чтобы поработать на компьютере, и разминулс с ее новым хозяином буквально на несколько секунд. Однако этот поход на явку обогатил его в информационном (компьютер продолжал работать исправно) и экипировочном планах: Матвей узнал кое-что любопытное о связях управлений внутри ФСК, а также забрал некоторые вещи из спецснаряжения, разработанного в лабораториях Министерства безопасности в прежние времена. Рано или поздно они могли пригодиться.

Очередной поход в хелс-клуб «У Шварценеггера» генераль-

ный прокурор запланировал на пятницу первого августа. Матвей уже был готов к встрече с ним и его системой охраны.

В клуб он попал еще днем, до начала вечернего представления, как электромонтер-ремонтник. Обошел здание, выявил расположение необходимых коммуникационных каналов, канализационных стоков и аппаратных помещений и преспокойно удалился. Но вскоре вернулся — через один из канализационных люков — и стал ждать.

Вадим Борисович Чураго заявился в хелс-клуб в начале седьмого вечера, когда в здании вовсю занимались приятным и полезным делом десятка два других высокопоставленных лиц, близких к правительственным и финансовым кругам.

Матвей подождал еще час и вышел из своего укрытия (прятался он в электрощитовой) в белом халате банщика сауны. Вадим Борисович уже закончил «официальную часть» вечера — силовую разминку — и приступил к водным процедурам.

Здание хелс-клуба состояло из трех этажей, в том числе одного подземного. На первом располагались спортзалы, массажные комнаты и лечебные палаты, на втором — игровой зал казино с отдельными кабинетами и баром, в подвале — собственно сауна, занимавшая четыреста квадратных метров площади.

Однако пройти туда Матвею не удалось. Он нес на подносе ведро со льдом, из которого выглядывало золотое горлышко бутылки шампанского, когда его остановили у входа в предбанник две самые настоящие гориллы в халатах, способные посрамить самого Шварценеггера своими бицепсами. Это были солдаты арьергарда: внутри зданий Генпрокурора сопровождали трое — один впереди, двое сзади. Эти всегда прикрывали тыл.

— Куда? — выхрипнул первый, бледный, с наголо обритой головой.

— Туда, — так же хрипло ответил Матвей.

— Откуда?

— Сверху.

— Что-то я тебя не припомню в службе, малый.

— Да и мне б тебя век не знать, рожа. Велено передать лично пахану.

— Кому?!

— Начальнику. Ты что, глуховат маленько?

— Марк, обыщи-ка его, не нравится мне эта физиономия.

Вторая горилла, тоже блондин, коротко стриженный, с руками и грудью, заросшими золотистыми волосами, ловко обыскала

Матвея, но ничего не обнаружила. Для этого надо было заглянуть в рот «банщику» и в ведро, хотя и там не удалось бы отыскать традиционного оружия.

— Ничего.

— Забери посылку. — Бритоголовый перевел недобрый взгляд на Соболева. — Давай поднос и катись отсюда, мы сами передадим его боссу.

Матвей включил себя в режим экстрa и... едва успел остановить руку, потому что в коридоре показалась группа людей: трое сопровождали какого-то разомлевшего толстяка.

— Хорошо, — сказал Матвей. — Баба с возу...

В электрошитовой, где остался мешок со снаряжением, он раздумывал над ситуацией ровно столько, сколько понадобилось, чтобы принять второй вариант. Был еще третий, запасной, но вовсе сумасшедший: перебить всю охрану и половину игроков в покер.

На первом этаже клуба он появился спустя полчаса, как раз когда Вадим Борисович Чураго уединился в массажном кабинете с массажисткой. Теперь на Матвее был строгий костюм песочного цвета, не стесняющий движений, желтая рубашка с кремовым галстуком и летние туфли.

«Гориллы» преградили ему путь, когда до массажного кабинета оставалось пройти полкоридора.

— Глянь-ка, Марк, еще один прет. Сегодня, наверное, день открытых дверей, а нас не предупредили. Куда лезешь, интеллигент? Приемный день у босса в понедельник. И вообще, как ты сюда попал в таком виде?

Матвей мог бы атаковать этих двоих прямо сейчас, успевая перехватить третьего до того, как поднимется тревога, но это было рискованно, а ему еще предстояло отыскать и освободить Кристину.

— Не морщь лоб, — сказал Матвей тихо, доставая удостоверение. — Шкура лопнет. Читать умеешь?

Марк, монументальный, как статуя Геркулеса, нахмурился, бросил на Матвея угрожающий взгляд, сцапал лапишей документ, прочитал, удивленно вскинул брови и передал документ коллеге. Тот среагировал примерно так же, потому что удостоверение принадлежало офицеру ФСК. На зеленоватой пластиковой карточке левого разворота — фотография с печатью, над ней — вытиснен герб России, ниже: «Федеральная служба контрразведки России». На правом развороте наискось две полосы,

красная и золотая. На золотой отпечатано: «Управление «И», на красной: «Майор Карелла Степан Петрович».

— Какого дьявола? — уставился на Соболева стриженный телохранитель. — Что тебе нужно?

— Во-первых, не тебе, а вам. Во-вторых, мне срочно нужен Генеральный прокурор, — сухо ответил Матвей. — Речь идет о его жизни.

— Какого дья...

— Заткнись! Или пропусти, или доложи ему. Скажи, есть сведения о ганфайтере из СМЕРШа, он поймет.

Охранник подумал и принял решение, что для него было равносильно подвигу.

— Ну, смотри, майор! Если шеф меня потом... из-под земли достану!

— Я не уголь, ты не шахтер. Иди, волноваться вредно.

— Ладно, — угрожающе произнес стриженный, — потом поговорим, шутник. Марк, обыщи его на всякий случай.

Пока бритоголовый обыскивал Матвея, тот прикидывал варианты разговора с Чураго, но ничего не успел придумать, охранник вернулся быстро.

— Проходи. Да на массажистку смотри не заглядывайся, шеф этого не любит. Еще покалякаем, если ты такой смелый и крутой, каким кажешься.

— Лучше бы тебе от этого побережься, — равнодушно сказал Матвей, направляясь к двери, из которой выглянул еще один «качок».

То ли сказался резкий выход из состояния «экстра», то ли по другой причине, но чувствовал себя Матвей неважно. Во всяком случае, войти в стресс второй раз ему не удалось.

Вадим Борисович Чураго ждал его, сидя в кресле возле массажного лежака, завернутый в простыню, распаренный, с выражением блаженства на красном лице. Кроме низкого лежака, здесь стояла двухспальная кровать без постельного белья, а рядом с кроватью — хорошо сложенная девица лет двадцати и передвижной столик с напитками и фруктами.

Телохранителей было двое: один у двери в позе Харона, ожидающего пассажиров, второй позади кресла хозяина: этот был опаснее остальных, судя по телосложению, позе и взгляду, которым он с головы до ног смерил Матвея.

— Кто вы? — осведомился прокурор приятным голосом, то-

же не хилый, с приличной мускулатурой, почти без жировых прослоек.

Матвей подал удостоверение охраннику у двери, тот передал ее Шерифу. Хотя, возможно, никто из телохранителей не знал его под этой кличкой.

— Чем обязан?

— Я хотел бы поговорить с глазу на глаз, — буркнул Матвей. — «Светиться» с информацией мне ни к чему.

— Вот уж позвольте не согласиться. Вы сами напросились на встречу, не я, так что принимайте мои условия. В этой комнате лишних нет.

— Самодовольный дебил, — угрюмо усмехнулся Матвей. — Тебе жить осталось, может, до вечера, а ты куражишься. Как говорит Иоанн в Откровении: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв»¹.

На лицо Чураго набежала тень.

— Выбросьте его на съедение псам, — сказал он пренебрежительно.

Телохранитель у двери шагнул было к Матвею, но тому наконец удалось сломить инерцию воли и включиться в суперрежим.

Он был прав: серьезное сопротивление оказал лишь второй телохранитель, худошавый, подвижный и верткий, прекрасно знавший кунгфу и тайский бокс. Первого Матвей вырубил прямым выпадом в солнечное сплетение, затем успокоил готовую завизжать девицу. Но схватку с кунгфуистом закончил лишь спустя минуту: никак не удавалось нанести нокаутирующий удар, противник ускользал, стоически держал не прямые удары и наносил ответные, достав пару раз Матвея на уклонении. В конце концов Матвей разозлился на себя, рассчитал дыхание, успокоился и поймал охранника на атаке, нанеся ему точный удар ладонью в гортань, по точке рэн-сэн. Парень свалился без звука, удар вызвал рефлекторную остановку сердца, и Матвею пришлось несколько секунд массировать ему грудь. Убивать мастера только за то, что он профессионал, не хотелось.

К чести Чураго, он не закричал, не полез под кровать и не стал звать на помощь, просто сидел и смотрел на бой. Желтые глаза его светились, как у кошки.

— Я тебя вычислил, — сказал он слегка севшим голосом, не

¹Откровение апостола Иоанна, 3,1.

пытаюсь бодриться. — Ты тот самый ганфайтер. Соболев, кажется?

— Он самый, — коротко ответил Матвей. Прислушался к звукам вокруг, прикинул резерв времени: две-три минуты, и надо убираться отсюда. — Такое впечатление, что обо мне знают все спецслужбы, — продолжал он, останавливаясь у кресла и глядя сверху вниз на Вадима Борисовича. — А ведь я агент степени «четыре нуля», высшей степени секретности, и знали обо мне лишь непосредственные начальники. На ком вы испытывали «глушак»?

— На Ивакине.

— Так я и думал.

— Я в этом не участвовал.

— Не все ли равно? Кстати, все тело Ивакина было в царапинах и порезах...

— К нему применили... В общем, в него пальнули из «болевика»...

— Так! — Матвей присел на лежак, глядя перед собой. — Значит, это правда... «болевик»... излучатель боли то есть... Я думал, слухи о его разработке — туфта.

— Испытан и успешно применяется.

Матвей кивнул. «Болевиком» называли генератор биополя, вызывающего шумовые наводки в нервных узлах. Говорили, что человек от боли теряет над собой контроль и может даже сам вырвать себе сердце. Верилось в это с трудом, но смерть Ивакина подтверждала слухи. Он убил себя сам, чтобы не страдать и не проговориться.

На лице Матвея, видимо, отразились все его чувства, потому что Генеральный прокурор перестал снисходительно улыбаться и побледнел.

— Все равно тебе не уйти отсюда, — быстро сказал он.

— То же самое говорил и Банкир, — с мрачной улыбкой произнес Матвей. — Но ведь он потом умер?

Чураго побледнел еще больше.

— Чего вы хотите? Я и так сказал вам все, даже больше...

— Не все. Где девушка?

— Кто? — изумился Вадим Борисович.

— Мою девушку забрали люди «Купола». Банкир сказал, что причастны к этому делу вы или Георгий Георгиевич.

— Вот сволочь! Я ничего не знаю! Я даже не слышал, есть ли у вас девушка. Но, скорее всего, Геращ... Банкир прав — это дело

рук босса. Уж очень он на тебя... на вас осерчал. Больше, чем на все «Чистилище». Кстати, неужели ты... вы думаете, что, убрав меня, Банкира и других боссов клана, вы уничтожите «Купол»?

— Я — нет, не думаю. Но позабочусь о вас, а кто-то из «чистильщиков» позаботится о преемниках. Систему можно сломать другой системой.

— Которая тут же возьмет на себя функции первой, разве что видоизменив их. Неужели вы так наивны, молодой человек, что...

— Мне некогда спорить, — перебил Вадима Борисовича Матвей. — Я не собираюсь никого убеждать и твердо знаю, что такие, как вы, в этом мире жить не должны. Ваше место в аду! Где ваш Георгий Георгиевич может держать девушку?

Генеральный прокурор вытер краем простыни пот с лица.

— Скорее всего, на даче, она у него оборудована не хуже, чем Лубянка... — Чураго понял, что проговорился, и поднял округлившиеся, полные ужаса глаза на Матвея. Тот присвистнул.

— Вот оно что! Значит, босс «Купола» все-таки Ельшин?!

— Н-нет... н-не знаю... Георгий Георгиевич, он... — Во взгляде Чураго вспыхнула ненависть. — Все равно тебе не уйти, ган-файтер. Будь ты хоть трижды профессионал, всегда найдется дюжина таких, с которыми тебе не справиться. Я уже не говорю о с и с т е м е. Сопляк! Возомнил невесть что, борец за справедливость...

Тыльной стороной ладони Матвей дал затрясшемуся прокурору пощечину, и тот смолк, тяжело дыша. Потом медленно про-изнес:

— К тому же у нас есть один... помощник. И вот от него тебе не скрыться ни на земле, ни под землей, ни в космосе. Это уж точно.

Матвей вспомнил «темный взгляд» из телефонной трубки, поежился, но время, отпущенное ему обстоятельствами, истекло. Если Чураго что и знает, то за оставшиеся полминуты все равно не скажет.

— Живи, дженерози, — выдохнул он. — Хотя вряд ли ты много переживешь Банкира. И уходи с этого поста, Шериф, тебе не место в прокуратуре. Не уйдешь, я тебя достану. А пока прими в подарок. — Матвей несильно ткнул Вадима Борисовича пальцем в шею, и тот, не успев закричать, обмяк в кресле.

Остальное было делом техники.

Матвей как ни в чем не бывало вышел из кабинета, остано-

вился возле охранников, не спускавших с него глаз. Они, собственно, ждали не его, а сигнала, что все спокойно. Когда Матвей это сообразил, бритоголовый Марк уже топал по коридору к массажному кабинету.

— Не торопись, — преградил путь Матвею стриженный. На его мышцы страшно было смотреть. Пришлось начать первым.

Матвей метнул голыш в спину бритоголовому, попав прямо в мускулистый складчатый затылок, и прыгнул в подкате к горилле.

Стриженный, конечно, знал толк в боевых искусствах и даже сумел поставить блок, но не имел понятия о том, что разработан и применяется комплекс приемов «импоссибл» из самых невозможных положений и стоек, и поэтому пропустил удар в висок — Матвей нанес его с выходом из спирали подката и с поворотом на девяносто градусов. В искусстве ниндзюцу удар назывался касу-ми, в русское — «дюбель», и ломал он внутреннюю костяную пластину черепа, в то время как поверхность его лишь прогибалась.

Стриженный рухнул тяжело, как шкаф. Свалить его можно было, пожалуй, только таким приемом. Казалось просто невысказанным пробить его чудовищный мускульный каркас и найти уязвимые точки тела.

Матвей снова переоделся и, хотя началась тревога и здание хелс-клуба превратилось буквально в муравейник, легко ушел через тот же канализационный люк в подвале. В девять часов вечера, чувствуя себя разбитым и усталым, он входил в дом Марии Денисовны, ставший почти родным. Встретил его крик Стаса:

— Не ходи! Здесь...

Глава 24

ПЕРЕХВАТ ПЕРЕХВАТЧИКА

Телефонный звонок раздался в семь утра, когда премьер завтракал в постели: телятина маренго, катиги из угря, куриный бульон, черничный морс, сладкие булочки.

Вышколенная молодая жена — Михаил Сергеевич был женат третий раз — принесла радиотелефон.

— В эфире. — Краснорыжин взял трубку.

— Линия? — раздался в трубке голос министра обороны.

— Чисто, на защите.

— На завтрашнем заседании Совета безопасности я внесу предложение очистить столицу от криминальных структур с помощью армии. Поддержишь?

— Какой смысл?

— По крайней мере еще год-другой власти.

— Армии с «Куполом» не справиться, не ее это работа.

— А я и не собираюсь сражаться с мафией, нужен карт-бланш для любых действий и шум для общественности. Под этот шумок мы ликвидируем всех противников, и уголовных, и политических, а ликвидацию спишем на «Чистилище».

— Ельшин не согласится, у него свои методы достижения стабильности в центре.

— Конечно, не согласится, ведь он президент «Купола».

— Что?!

— Можно подумать, ты не догадывался.

Михаила Сергеевича бросило в пот, он выразительно посмотрел на жену, и та неслышно исчезла из спальни.

— Ты серьезно?

— Кончай притворяться! — рассвирепел министр. — Все мы в одной упряжке, все одной веревкой повязаны. Сидишь в дерьме — не трепыхайся.

— А если «Чистилище» пришлет тебе конверт с «черной меткой», то бишь с золотым кинжальчиком?

— Это мои проблемы, я сумею за себя постоять. Меня больше волнует тот парень — одиночка-ганфайтер. Он знает всю нашу кухню, и не так-то просто его остановить, несмотря на все заявления Генриха. Ну, до завтра.

Краснорыжин отбросил радиотелефон, посидел немного в прострации, затем, кряхтя, снял с рычага трубку.

— У телефона, — ответили ему на том конце линии связи.

— Иван Кузьмич, пахнет жареным.

— А в чем дело? — спросил министр внутренних дел.

— На хвосте у нас «Чистилище», на горле «Купол», а в горле СМЕРШ.

Трубка некоторое время молчала.

— Слишком образно говоришь, Михаил Сергеевич, — произнес наконец министр. — Мужик я простой, не понимаю. Особенно про СМЕРШ.

— Я только что имел удовольствие беседовать с Николаем Николаевичем, так вот он боится именно СМЕРШа. Ну, не все-

го, конечно, а того волкодава-перехватчика, о котором говорил Генрих Герхардович.

— Несерьезно.

— Но ты же знаешь Николая, он зря гнать волну не станет.

— Все равно несерьезно. МУР уже сидит на хвосте... м-да... у этого волкодава, так что захват его — дело времени.

— Как бы он не наделал крупных неприятностей до исхода... м-м... сделки, натаскан он здорово.

— Все будет нормально, Сергеевич. Сделка состоится дня через три и при любой погоде, как говорится. А тогда пусть этот перехватчик ищет улики за рубежом.

— Ты меня не успокоил.

— Ну хорошо, тебе будет легче, если я сообщу, что по следу этого смершевца идут три разные бригады трех разных ведомств? Во-первых, перехватчики из спецкоманды «Руслан», во-вторых, мои люди и, в-третьих, зомби Николая.

Краснорыжин помолчал.

— Думаешь, я заплачу от радости? Что-то эти бригады пока никак себя не проявили в борьбе с «Чистилищем».

— Так ведь не было особой нужды. «Стопкрим» все время лупил по низам и еле добрался до среднего звена, верхи ему не одолеть. И как только он замахнет на высший эшелон, мы спустим на него всех собак. В принципе, уже спустили, он нам надоел. Спи спокойно, Сергеевич, мы не дадим тебя в обиду.

В трубке запиликали скрипки — отбой скремблера, предохраняющего линию от прослушивания.

В спальне возникла жена с робкой улыбкой на холемом красивом лице.

— Что-нибудь случилось, милый?

— Иди сюда, — распалился приободрившийся премьер.

Стас умолк так же внезапно, как и закричал, и у Матвея упало сердце. Он ворвался в квартиру, ломая нежелание тела напрягаться, заставляя его работать на пределе и не чувствуя при этом ни легкости, ни уверенности. «Нештатный» режим сверхреакции, в который он включился для преодоления охраны Шерифа, перегрузил нервную систему.

Его ждали в комнате Марии Денисовны. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: эти двое — профессионалы высокого класса. От обоих веяло силой и угрозой. И хотя держались

они свободно и стояли в непринужденных позах, были готовы к мгновенному ответу на любое действие соперника. При иных обстоятельствах это вряд ли остановило бы Матвея, но, во-первых, он был не в форме, а во-вторых, один из незваных гостей держал в руке «глушак», то есть суггестор «удав».

Матвей быстро оглядел комнату: Мария Денисовна и Стас лежали на полу. Гулко забилося сердце, замерло, снова заработало — тяжело, с перебоями. Матвей боком подошел к старой женщине, наклонился, взял запястье и отпустил: мертва. Шагнул к Стасу, услышал его стон и чуть было не закричал: живой! Медленно выпрямился, исподлобья оглядывая гостей, которые в свою очередь с любопытством наблюдали за ним.

Один — высокий поджарый брюнет с гривой блестящих черных волос. Туркмен, определил Матвей. Лицо у парня было не то чтобы красивое, но с правильными чертами и вылепленное по мужски, однако черные глаза, пронзительные и блестящие, никак нельзя было назвать родниками добра. В их бездонной глубине таилось стремление к превосходству и презрение к роду человеческого.

Второй, блондин, был на голову ниже, но шире в плечах и явно опаснее: ум, хитрость, ирония, готовность убрать с дороги любого, кто станет на пути, были буквально написаны на его лице. Такие понятия, как совесть, мораль, великодушие, наконец, элементарная порядочность, были чужды этим двоим. Матвей сразу определил: киллхантеры, охотники на охотников, мастера перехвата из «элиты боя» — специального секретного подразделения в недрах ФСК, не уступающие ганфайтерам в подготовке, а может быть, и превосходящие их. Матвей слышал о киллхантерах от Ивакина, но ни разу не встречался с ними лицом к лицу.

— Чем она вам помешала? — прошептал он, кивая на Марию Денисовну.

— Слабая старушка, она бы и так долго не протянула, — небрежно отмахнулся брюнет. — А ты, ганфайтер, что-то не похож на Геракла, каким тебя описали. Жидковат малость.

— Давай, Тамерлан, — кивнул коренастый блондин. — Хватит болтать, дел у нас много.

Брюнет поднял «глушак» и тотчас же его опустил, глянув в светящиеся синие глаза Матвея.

— А ведь он не прочь поиграть, Кир. Может, доставим ему такое удовольствие напоследок?

— Как вы меня нашли? — все так же шепотом спросил Матвей, борясь с внезапной болью в затылке.

— Наглеешь, охотник? Впрочем, почему бы и не удовлетворить твоё любопытство... в последний раз.

— Тамерлан! — предостерегающе сказал блондин.

— Он все равно труп, — отмахнулся брюнет. — Так вот, коллега, у нашего курбаши есть некий друг — всезнайка, придворный шаман, так сказать, который и сообщил ему твой адрес. Видеть мы его не видели, но...

— Тамерлан.

— Все, завязал. Ну что, ганфайтер, сыграем партию в поддавки? Один на один? Посмотрим, так ли уж ты хорош, как говорят.

Матвей молча прыгнул к нему, имитируя сэйкэн-чоку-цуки-ваза, то есть прямой удар передней частью кулака в стиле каратедо. Удар наносить он не собирался, хотелось сначала прощупать противника, арсенал его блоков, приемов и скорости мышления. И черноволосый Тамерлан купился, отбросив суггестор и ответив красивой и четкой техникой кудзи-кири — «энергетической решетки»¹.

Он был отличным бойцом, владеющим русбоем и комплексом кэмпо, и в силе почти не уступал Матвею, но ему мешало самомнение и пренебрежение противником. Поэтому уже через минуту Матвей знал, как его достать. Но не смог выполнить задуманного из-за собственной скованности и недостатка сил. К тому же в схватку вступил блондин. Видимо, они привыкли работать на пару. Он сразу обнаружил незащищенную болевую точку на спине у Матвея, и тот, чудом смягчив удар, зарычал от боли.

Отбив атаку Тамерлана, он какое-то время исполнял смертельный танец вместе с Киром, чьи стремительные выходы на дистанцию поражения заставляли холодеть и одновременно восхищали. Парень знал практически все системы рукопашного боя и двигался в ритме, недоступном лучшим мастерам спортивных видов борьбы. Владел он также и нетрадиционными комплексами приемов ниндзюцу, в том числе искусством сан-нэн-горо-си — смертельного касания. В этом случае атака на противника идет не только на физическом, но и на энергетическом уровне: концентрируя внутреннюю энергию ки, боец создает летальный

¹«Энергетическая решетка» — прием, при котором боец рубит ладонями воздух, создавая вокруг себя зону поражения.

дисбаланс жизненной энергии противника, даже касаясь его руки или плеча, то есть не жизненно важных органов. Матвей понял это, получив шок от одного из таких касаний. Он также понял, что, если не сможет пройти «красный коридор», сосредоточиться и достичь уровня вспышечной активности, ведущей к состоянию турии, живым отсюда ему не уйти. Он тоже владел приемами ниндзюцу: сан-нэн-гороси и дзю-нэн-гороси — «отсроченной смертью», когда удар сказывается через сутки, двое или больше, были ему известны и сикэцу — «точки смерти» на теле человека. Точный удар в такую точку, особенно «кулаком демона»¹, приводит к мгновенной смерти. Все это Матвей знал, но на практике не применял. Однако при сложившейся ситуации табу следовало отменить.

Коренастый Кир между тем почуял угрозу еще до того, как Матвей принял решение, и уступил место напарнику, чтобы выждать и нанести удар, не рискуя получить ответный. Он и нанес его с удлинением рычага, когда сустав «выпрыгивает» из суставной сумки, достав Матвея в точке шендао — между пятым и шестым спинными позвонками, тот как раз пытался в этот момент уклониться от выпада брюнета.

Если бы не железный мышечный каркас и ментальные «доспехи», которыми окружил себя Матвей на время боя, этот удар сломал бы ему позвоночник. Он и так потряс его до полуобморочного состояния, и прошла, казалось, целая вечность, прежде чем Матвей снова ощутил свое тело и стал ориентироваться в обстановке. К счастью, уверовав в победу, убийцы остановились перевести дух и сообщить жертве «решение суда». Подвела их странная человеческая черта, свойственная всем в общем-то недалеким людям: желание унижить противника, насладиться его поражением.

— Кончай его, Тамерлан, — будничным тоном сказал блондин, бросив взгляд на часы. — У нас еще куча заказов.

— Слабоват оказался, ганфайтер, — хищно раздул ноздри брюнет, кружа вокруг скорчившегося Матвея. — Я большего ожидал. Спорим, сломаю ему шею одним пальцем?

— Пропоришь. На вид он не сильно накачан, но мышцы у

¹«Кулак демона» — удар наносится выступом кулака, образуемым сгибом сустава указательного или среднего пальца или кончиком выпрямленного большого пальца.

него стальные, я ведь бил на выдохе, с выплеском, а он даже не вырубился!

Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль! — посчитал про себя Матвей, гигантским напряжением воли преодолевая слабость и входя в свое привычное полумистическое состояние самадхи-турии, подкрепленное выходом сознания за пределы человеческих чувств.

На сей раз «молния» озарения ударила в него не с небес, как это казалось раньше, а словно бы изнутри, возбуждив нервную систему до красного сияния. Это сияние, ореолом окружив тело, озарило все вокруг, проникло во все предметы и тела людей, вышло за стены квартиры, дома и города, ушло в космос. Но и этого мгновенного озарения хватило Матвею на то, чтобы понять, оценить, проанализировать ситуацию, подготовиться и начать действовать. Прямо с колен Матвей прыгнул навстречу блондину как раз в тот момент, когда черноволосый Тамерлан уже готов был нанести ему удар по шее ребром ладони с атакующим воплем «й-а-а!», помогающим высвободить в импульсе максимум энергии.

Киллхантер, надо отдать ему должное, успел поставить блок, хотя ни прыжка, ни удара не ожидал, и все-таки удар Соболева — сян-тюн, или «шашлык» (по терминологии русбоя), в подкожную ямку предотвратить не смог. Матвей при желании мог бы вырвать у него печень, потому что вытянутые пальцы пробили мышцы и брыжейку и проникли в тело противника, но эффектов подобного рода он не любил.

Глянув в глаза блондина, полные изумления и Тьмы, Матвей упал на спину, спасаясь от брюнета, который сориентировался с поразительной быстротой, отбил три его мгновенных выпада и не сразу сообразил, почему вдруг черноволосый метнулся к дивану в углу, но уже через мгновение все понял: на диване лежал суггестор «удав», и Тамерлан ухватился за его рукоять.

Тогда и Матвей прыгнул к столу, вспомнив про бумагу, карандаши и лезвие бритвы. Видимо, когда в квартиру ворвались убийцы, Стас собирался рисовать.

Расчет был точным. В правую руку лег остро заточенный карандаш, ладонь левой сгребла безопасную бритву, и, когда черноволосый, упав на диван, перекатился на бок, подняв оружие, Матвей вонзил ему в левый глаз карандаш.

Матвей не остановился на этом, зная возможности и тренинг киллхантеров, и метнул в противника последнее свое оружие —

лезвие бритвы, причем особым приемом — «щелчком плетью». Тамерлан взвыл от боли после укола карандашом, но «глушак» не выпустил, только отпрянул и прицелился, свободной рукой выдернув карандаш из глаза, однако курок спустить не успел — лезвие бритвы вошло ему глубоко в горло.

Только сейчас Матвей позволил себе отключиться, поддавшись нахлынувшей слабости и безразличию.

Очнулся он от холодного прикосновения к лицу. Над ним стоял на коленях плачущий Стас и лил воду из кружки.

Через час они вдвоем сидели в машине Матвея где-то в районе Щелкова. Как они там оказались, в памяти не сохранилось. Стас уже не плакал, только всхлипывал да изредка глубоко и тоскливо, совсем не по-детски, вздыхал, поглядывая на своего взрослого друга.

Матвей погладил его по волосам, включил мотор, хотя сам не знал, куда ехать.

— Бабуля... умерла? — дрогнувшим голосом спросил Стас.

Матвей кивнул.

Губы у мальчишки задрожали, на глаза навернулись слезы, но плакать он не стал.

— А где мы теперь будем жить?

— У тебя нет родственников? Друзей?

— Не-а... только в деревне. Друзья есть, но у них родители... кому нужен лишний рот?

Рассуждал Стас, как большой, и Матвей вынужден был с ним согласиться. Он уже прикинул, где можно оставить ребенка хотя бы на время, но не был уверен, что вариант этот идеальный. Так уж получалось, что всех его друзей и просто добрых знакомых после встреч с ним преследовали беды, горе и смерть. Снова рисковать не хотелось, но выбора не было.

Впрочем...

Матвея вдруг посетила интересная идея. Некоторое время он взвешивал все «за» и «против» и наконец кивнул сам себе: можно рискнуть. Первый вариант — это на крайний случай — оставить Стаса у девушки, с которой он расстался три с лишним года назад. Адреса ее он забыть не успел.

— Поехали. — Машина выкатилась со стоянки возле автовокзала и влилась в поток автомашин по Варшавскому шоссе.

— Куда?

— Поживешь пару дней у одного моего знакомого, а потом увезу тебя в деревню.

Стас кивнул, сгорбился на заднем сиденье, как старичок, и Матвей почувствовал к нему слепящую нежность и желание защитить от всех напастей и бед. Клясться не стал — знал и так, что сделает все. Если только останется в живых.

Из ближайшего кафе он позвонил по известному ему номеру и договорился встретиться с абонентом через полчаса у аптеки на Маросейке.

Зинченко подъехал на служебной «Волге» минута в минуту. Вышел из машины, огляделся и сел в «шестерку» Матвея, доставшаяся тому от Ильи.

— Рад видеть в здравии, — сказал заместитель начальника ГУБО, не без удивления оглянувшись на забившегося в угол мальчишку. — Вы уже знаете, что Михаил Юрьевич...

— Знаю.

— А кто, знаете?

— Нет, но постараюсь выяснить.

— Это нашли рядом с телом. — Зинченко протянул Матвею тускло блеснувший перстень в форме лошадиного черепа.

Матвей некоторое время рассматривал перстень, поднял ставшие почти прозрачными холодные как лед глаза на руководителя ГУБО.

— Это опознавательный знак «Щита».

— Который официально подчинен службе безопасности и охраны президента, а на самом деле — ФСК. Точнее, Управление «Т».

— То есть непосредственно Ельшину.

— Вы быстро ориентируетесь. По всем данным, генерал Ельшин Генрих Герхардович...

— Президент «Купола» по кличке Георгий Георгиевич.

— Да, — тихо произнес Зинченко с горькой ноткой в голосе. — Но мы, я имею в виду наше управление, никогда не сможем его достать. Медведь попробовал и...

Помолчали.

— Я достану, — сказал Матвей, глядя на поток пешеходов. Глаза его были полузакрыты. В этот момент он проверял свои ощущения: за ними кто-то наблюдал, аморфный, темный, урюмый и опасный, как болотная трясина.

— Вас «пасут», — сказал он наконец.

— Я проверялся не один раз. Может быть, не меня, а вас?

— Я бы учуял. Следят за вами. А я хотел доверить вам этого мальчика.

Зинченко глянул на безучастного ко всему Стаса, и Матвей коротко рассказал ему, что с парнем произошло.

— Придется отказаться от этого варианта, извините.

— Понимаю. Что ж, удачи, ганфайтер. Может, не свидимся больше. Во всяком случае, в этой жизни. Наступают тяжелые времена. Для «Чистилища» тоже. Не исключено, что его комиссары, если захотят выжить, сольются с «Куполом». Когда это произойдет, вспомните мои слова.

— Если такое случится, руководители «Чистилища»... уйдут в отставку. Обещаю.

Зинченко улыбнулся:

— Мне бы вашу уверенность. Звоните, если понадобится, номер этот известен только мне и вам.

Замначальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью пересел в свою машину, и «Волга» умчалась. Следом отъехала бежевая вазовская «девятка» с четырьмя пассажирами; Матвей сумел разглядеть их даже сквозь зеркально затемненные стекла. И пожелал Зинченко уцелеть.

Вторую машину, точную копию бежевой «девятки», он заметил через минуту, свернув по Варварке направо, к Солянке. Заехал в первый попавшийся двор и, приказав Стасу ждать, выбежал на улицу, чтобы рассмотреть преследователей.

Их было всего двое, водитель и пассажир. Остановив машину возле двора, они посоветовались, и пассажир, внушительного вида мужик в брюках с аккуратно сложенной складкой и зеленоватой рубашке «кабретто», шагнул в арку. Матвей встретил его ударом в подбородок, выйдя из-за угла, и вплотную подошел к «девятке». Водитель не сразу сообразил, каким образом оказался в машине незнакомый парень с ледяными глазами, а когда понял, было уже поздно. Очнулся он спустя несколько секунд, обезоруженный и привязанный ремнем за руки к рулю таким образом, что высвободиться самостоятельно не мог.

— За кем идете? — тихо спросил Матвей, пряча в карман найденную на сиденье рацию.

Водитель дернулся было, но понял тщетность попыток освободиться, нервно облизнул губы.

— Кто ты такой, чтобы спрашивать?

— Если я начну повторять вопросы, останешься глухим на всю жизнь.

Шофер снова заерзал на сиденье, выругался:

— Вот скотина!..

Матвей щелкнул его по уху, и водитель заорал от боли.

— Хорошо, хорошо, я скажу! Приказано следить за начальником ГУБО...

— За кем?

— Вы с ним только что разговаривали. Зинченко.

— Он же был замом.

— Назначен исполняющим обязанности.

— Кто приказал следить?

Водитель дернулся изо всех сил, надеясь разорвать ремень, получил второй щелчок по уху и сдался:

— Майор...

— Смелее. Фамилия?

— Ибрагимов.

— А-а, Хасанчик, старый знакомый, жив еще. Где его можно найти?

— На базе.

— То есть на Лубянке. Где еще?

— Дома, в Зеленограде, еще он любит отдыхать в найт-клубах, особенно в «Лотосе».

— Спасибо, ты не так глуп, как выглядишь, и очень любезен. За это я оставлю тебя в живых. Но если расскажешь майору о нашей встрече, я тебя найду. — Матвей вытащил из кармана водителя удостоверение офицера ФСК, прочитал вслух: — Столбухин Виктор Иванович, лейтенант. Значит, договорились?

Матвей вернулся во двор, мельком глянув на второго сотрудника Федеральной контрразведки, распростертого на асфальте, вокруг которого уже собралась толпа, и выехал на улицу.

Он звонил в дверь с некоторым душевным трепетом, хотя все, что было связано с именем Марии, ушло. Правда, ушло из сердца, но не из памяти. Потому что, когда она открыла дверь, по обыкновению в почти прозрачном коротком халатике, показалось, будто и не было трех с лишним лет разлуки.

— Ты?! — округлила глаза девушка.

— Тень отца Гамлета, — неудачно пошутил он, невольно залюбовавшись лицом и фигурой Марии. Лицо девушки он всегда сравнивал с лицом королевы Медичи, столько в нем было величавой гордости, холодной надменности, целеустремленности, решительности и властолюбия. Собственно, и расстались они по причине этого самого властолюбия: Мария хотела, чтобы он подчинялся ей беспрекословно, всегда и во всем.

— Извини, королева, что потревожил, но у меня нет выхода.

Этого мальчугана, — Матвей подтолкнул Стаса вперед, — надо приютить на некоторое время.

Мария прикусила губку, глянула на мальчишку, и тот ответил ей взглядом исподлобья.

— Проходите.

— Нет, я спешу. Он тебе все расскажет. Через два-три дня я его заберу. Если нужны деньги...

— Не нужны. Заходи, чаю хотя бы попей или кофе.

Матвей заколебался было, но, пересилив желание, отступил на шаг.

— В другой раз, королева. До встречи. Стас, не скучай.

— Береги себя, — проговорил мальчишка серьезно, без улыбки. — Ни пуха...

— К черту! — Матвей легонько шлепнул рукой по его подставленной ладошке и, не обращая внимания на изумление и любопытство в глазах девушки, поспешил к выходу из подъезда.

Ощущение знакомого т е м н о г о взгляда в спину появилось, когда он сажился в машину, хотя явных признаков наблюдения не заметил. Это мог быть только Монарх Тьмы или как там его, враг Тараса и всех людей Внутреннего Круга, снявший трубку, когда Матвей звонил Горшину домой. Вряд ли он видел Матвея визуально, скорее всего, пытался лоцировать внутренним зрением, в пси-диапазоне, и Матвей в ответ «ощетинился», как бы отталкивая от себя этот псевдовзгляд, окружил себя «ментальными доспехами».

Ощущение взгляда исчезло с легким дуновением холодного ветра, оставив почти неосязаемый всплеск ч у ж о г о недоумения.

Глава 25

ВЫЗОВ

Генрих Герхардович успел потренироваться, искупаться в бассейне, позагорать и перебрался под тент, прежде чем принесли завтрак: чинзано, лобстеры, креветки, маринованный стахис, крутоны с телячьими мозгами и тертым сыром, кофе по-новозеландски, жареный миндаль. Было только начало седьмого, но жара уже давала себя знать, и начальник Управления «Т» Федеральной службы контрразведки уже второй раз с наслаждением искупался в бассейне на зависть охране, сторожке наблюдавшей

за всем, что происходило на даче и вокруг нее. Скрытые от посторонних глаз охранники находились в спецбункерах, готовые по сигналу наблюдателей появиться в нужном месте в считанные секунды.

Кроме наблюдателей, снабженных телемониторами и примерно тремя десятками телекамер, установленных по всей территории дачи, мощная компьютерная система контролировала работу трех электронных поясов с аппаратурой, позволявшей оценивать обстановку по изменению электромагнитных и гравитационных полей, а также по инфракрасному излучению передвигающихся объектов. Поэтому проникнуть на дачу генерала ФСК не смог бы и крот под землей.

Огневая же мощь охраны, вооруженной сверхсовременным оружием, равнялась огневой мощи полка. И все же Ельшин не чувствовал себя в полной безопасности, с тех пор как на горизонте замаячила зловещая тень «Чистилища». Да и сбежавший контрразведчик-ганфайтер из СМЕРШа-2 торчал как игла в зад, мешая спокойно работать. Несмотря на помощь Конкере, его не удалось ликвидировать ни с первой, ни со второй, ни с третьей попыток, в то время как сам он успел навестить Банкира и Шерифа. Единственное, что согревало душу, это девушка-заложница. Если парень дорожит ею, он придет, ну а тут его ждет немало сюрпризов.

Начальник службы безопасности и охраны возник у тента неслышно, как привидение. Ельшин поднял на него взгляд, отставил стакан с холодным соком манго.

— Он ушел, — бесстрастно сообщил Ибрагимов. — Тамерлан и Кир убиты. Я, кстати, предупреждал. С ним надо действовать проще, не умением, а числом. А эти мастера были о себе слишком высокого мнения, чтобы справиться с делом.

— Он забрал «глушак»?

— Как ни странно, не забрал, я привез его.

Генерал глотнул из стакана, почувствовал озноб и выплеснул остатки сока в бассейн. В принципе, он почему-то был готов к очередной неудаче, однако настроение от этого не улучшалось.

— Ты меня все больше разочаровываешь, Хасан.

— Поэтому и советую привлекать не суперов, а настоящих профессионалов, метких стрелков. Чем больше их будет, тем выше вероятность успеха. От пули ему не скрыться.

— Однажды в него уже стреляли. Ты в том числе.

— Больше такого не повторится.

Ельшин оценивающе оглядел Ибрагимова. Майор не был мастером единоборств, зато великолепно владел всеми видами огнестрельного и холодного оружия.

— Хорошо, собери команду.

— Зачем ее собирать? На второй базе у нас всегда готов «Стикс».

Начальник управления еще раз глянул на невозмутимо-хищное лицо майора, задумался. Тот имел в виду отряд зомби, боевиков, особым образом запрограммированных с помощью суггестора «удав», которые не боялись ни Бога, ни черта, ни смерти. Убить их можно было, лишь попав в голову. На раны они не реагировали, если даже пуля или клинок задевали сердце.

— Будь по-твоему. Соболева надо убрать самое позднее завтра к вечеру, чтобы послезавтра я смог спокойно провести смотрины. Покупатели уже собираются.

— Возможно, он попытается заявиться сюда, на дачу, но дальше ворот ему не пройти.

— Тем не менее это приказ.

— Нужен адрес. Иначе поиски затянутся на год.

— Адрес будет, я сообщу его позже. Готовь полнокомплектную группу. Первый объект — Панов. Ты его упустил, ты и добьешься. Хотя бы и с помощью «нулей». Сегодня вечером. Второй объект — Василий Балуев.

Ибрагимов прищурился:

— Он же лучший в нашей команде. Ганфайтеров такого класса нет ни в одном управлении.

— Но он отпустил Соболева. Солдат, который ослушался приказа...

— Понял.

— Третий объект — Соболев. Готовься.

Главный секьюрмен «Купола» поклонился и неслышно исчез за кустами роз. Флейтой пропел сигнал рации, вмонтированной в кресло.

— Прибыл гость из Великобритании, — доложил руководитель информбюро. — Через час будет у Летчика.

— Прекрасно, — буркнул Ельшин. — Как ведет себя Кавалерист?

— Нервничает. Задействовал особый режим охраны, теперь его сопровождают десять человек. С чего бы это?

Кавалеристом с легкой руки Ельшина все называли минист-
ра обороны.

— О каждой встрече докладывать немедленно. Боров ему
свиданий не назначал?

— Вроде бы нет, сидит на даче со своей телкой и жрет пиво.
Пардон.

Ельшин ухмыльнулся, дал отбой. Боровом или Кабаном на-
зывали премьер-министра. Посидев еще четверть часа, генерал
вдохнул и поднялся, ощутив внутри дрожь. Предстояла встреча
с Конкере, каждый раз уносящая частицу жизни, отнимающая
много энергии и сил. Но Генрих Герхардович понимал, что без
его помощи он не стал бы тем, кем стал, и вряд ли удержится у
власти в будущем.

Поместье, принадлежавшее Ельшину и называемое «дачей»,
не находилось на балансе ФСК, но строили его военные специа-
листы по проекту, разработанному еще предшественником гене-
рала, для которого она и предназначалась. На территории поме-
стья располагалось шесть строений, в частности трехэтажный
коттедж площадью в девятьсот восемьдесят квадратных метров.
Коттедж состоял из двадцати шести помещений, в том числе
шести спален, двух разнокалиберных кабинетов, библиотеки, ба-
ра, музыкального зала, бильярдной, обширной гостиной и холла
для танцев, а также подвала, охраняемого с особой тщатель-
ностью, потому что там находились склад, тир, оружейные комна-
ты, боксы со спецснаряжением, три камеры для содержания в
неволе до двух десятков человек и помещение «01» — камера до-
проса и пыток. Кроме того, был лифт в шахту с выходом на под-
земную станцию специального метро. И было еще одно поме-
щение, о котором не имели понятия ни особо приближенные к
боссу «Купола», ни проектировщики, ни строители. Вернее, те
строители, которые знали о нем, давно канули в небытие. Имен-
но туда и направлялся Генрих Герхардович.

В спальне он переоделся в тренировочный костюм, открыл
дверцу бара и сдвинул декоративную бутылку с шампанским.
Квадрат пола, на котором стоял генерал, превратился в своеоб-
разный лифт и бесшумно заскользил вниз, на глубину в десять
метров.

Комната, в которой автоматически вспыхнул свет, представ-
ляла собой современный вычислительный комплекс на базе
IBM — совместимого компьютера «Шайенн» с памятью, не усту-

пающей памяти мощных машин космических Центров управления. Здесь хранились секретные документы, способные перевернуть представление политиков и общественных деятелей о взаимоотношениях спецслужб бывшего СССР, а также России и вызвать целую сотню революций. К тому же этот комплекс позволял его хозяину входить в любые коммуникативные сети и выуживать информацию, считавшуюся сверхнедоступной теми, кто ею обладал. Но главным достоинством «Шайенна» был выход на канал связи с Конкере, ибо это означало, что он отмечен «печатью зла».

Началась эта связь четыре года назад, когда Ельшин, тогда еще никому не известный офицер по особым поручениям при начальнике Управления «К» Федеральной службы контрразведки, получил доступ к компьютеру. «Шайенну» только что увеличили память, добавив два винчестера по десять гигабайт, и при включении Генрих Герхардович вдруг почувствовал на себе страшный взгляд компьютера и превратился в гигантское существо размерами с планету. Естественно, это его напугало, но не настолько, чтобы сойти с ума и доложить о странном явлении по начальству.

Очередной контакт с Конкере, Монархом Тьмы, прошел легко, а потом Ельшин и вовсе перестал бояться «просачиваний» монстра из других реальностей в земную. После чего и начался его стремительный взлет по служебной лестнице.

Тихий шелест постоянно включенного комплекса действовал на Генриха Герхардовича возбуждающе. Он сел в кресло перед терминалом, набрал код и стал ждать.

Через минуту на пульте перемигнулись огни, вентиляторы охлаждения на миг заработали в темпе авиационных турбин, и Ельшин почувствовал в з г л я д.

Это не был взгляд человека или животного: так могла бы смотреть пещера из глубины гор — как бы со всех сторон сразу, или бездна у ног, или небо над головой; так мог смотреть таинственный и жуткий иероглиф с листа пергамента или мрак преисподней. Так смотрел Некто, справедливо названный Монархом Тьмы, которого вряд ли кто-нибудь когда-нибудь видел.

— Спрашивай, — прошелестело где-то глубоко в черепной коробке.

На мгновение Генрих Герхардович ощутил страх: тот, напо-

тив, воплощенный в электрические токи — кровь компьютера, сам превратившийся в компьютер и в то же время во что-то большее, чем система «человек — машина», з н а л обо всем, о чем думал и мечтал человек за пультом.

На экране дисплея вспыхнуло слово «спрашивай». Потом звонко простучал принтер, и то же слово появилось на листе бумаги. Ельшин вздрогнул и согнулся в поклоне:

— Приветствую тебя, Конкере.

Конструкции пульта, дисплея, электронных шкафов, принтеров вдруг поплыли, стали полупрозрачными, словно дымка, превратились в некое подобие свернутого в кокон получеловека-полудракона. Длилось это ощущение всего две-три секунды, но оно не показалось Ельшину галлюцинацией: внедрение Конкере в аппаратуру изменяло ее свойства, и ограниченный пятью чувствами человеческий мозг реагировал на эти изменения стандартным набором образов.

— Ты слишком часто вызываешь меня, — снова забился в черепной коробке вибрирующий бесплотный голос. — Ты требуешь слишком много внимания.

— Мне кажется, над моей головой сгущаются тучи...

— Ты прав, против тебя ополчились могущественные силы.

— Но мы изгнали из Москвы все гастролирующие нацгруппировки и контролируем все пути проникновения...

— Где гарантия, что они успокоятся? Чересчур лакомый кусок Москва, чтобы от нее отказались сильные кланы. Не исключено, что грядет война передела, она приведет к изменениям в «Куполе». Его и сейчас раздирают противоречия. Вы друг с другом едва уживаетесь. Существуют, кроме того, конкурирующие организации, способные достичь стабильности большей, чем вы.

— «Чистилище»? Это не страшно, с руководителями подобных структур всегда можно договориться.

— Сомневаюсь. «Стопкрим» вам не одолеть, пока там планирует операции и контролирует их исполнение один, ну, скажем, человек по кличке Граф. У меня нет времени на его поиски, он умело скрывается, поэтому вам придется вычислить его координаты.

— Каким образом?

— Он контактирует с тем самым ганфайтером из СМЕРШа, который у вас словно кость в горле, а вы никак не можете его

«погасить», хотя я уже трижды сообщал вам его местонахождение. Запеленговать его легко, не то что Графа, он еще не научился капсулироваться. Ведь он снова ушел от вас?

Ельшин поежился, не решаясь вытереть пот со лба.

— Помогите нам выйти на него еще раз, последний. Клянусь, больше он не уйдет!

— Надеюсь. Человек он не совсем обычный, и мне не хотелось бы в будущем нажать в его лице врага. Давайте договоримся. Я вам — ганфайтера, вы мне — координаты Графа.

— Этого Графа мы можем и сами убрать, нарисуйте только его портрет.

— Убрать Графа не под силу всему вашему управлению. Даже я не могу определить его траекторию с точностью до дистанции поражения. Во всяком случае, не появляясь у вас компактно. Хотя попробовать, конечно, можно. Итак?

— Договорились. Где искать Соболева?

— Не надо его искать. Он сам придет. Ведь у вас его девушка. А когда возьмете его — только живым, понятно? — вызовите меня. Я с ним сам побеседую. После этого он ваш.

— Договорились, — повторил Генрих Герхардович.

В то же мгновение ощущение всеохватывающего взгляда исчезло, и Монарх Тьмы вернулся на прежнее место.

Дрожащей рукой Ельшин провел по лицу, засмеялся. И столько было в этом смехе ненависти, смешанной с трусостью.

Завьялов вернулся домой поздно вечером, отпустил телохранителей — специалистов высокого класса, рекомендованных Горшиным, и, выкурив сигарету, поднялся к себе на третий этаж. Гостя он увидел не сразу, лишь когда включил свет в гостиной. Схватился за пистолет, ожидая выстрела в упор, но незнакомец не пошевелился, только дернул уголок рта, обозначая улыбку.

— Кто вы? — резко спросил Дмитрий Васильевич. — Что вам нужно?

— Я Матвей Соболев, — представился гость, чьи глаза беспрерывно менялись от пронзительно-синих до прозрачно-ледяных. — Капитан военной контрразведки СМЕРШ-2. Я был представлен вам Горшиным.

Завьялов хмыкнул, опустил, но не убрал пистолет.

— Тот Соболев, которого представил Граф... э-э... Горшин, выглядел совсем иначе.

Матвей снова обозначил улыбку.

— Спасибо за похвалу. Контрразведчик, тем более ганфайтер, должен быть мастером не только в рукопашном бою, но и в искусстве маскировки. Тогда я был брюнетом, сегодня...

— Когда же вы настоящий?

— Всегда. Но если вы имеете в виду внешний облик, сегодня я — это я.

Завьялов подумал и убрал пистолет. Этот человек, кем бы он ни был, оружия не боится.

— Вино, пепси, сок, чай, кофе?

— Сок, если можно.

Дмитрий Васильевич принес грейпфрутовый контини в запотевшей литровой бутылке, налил гостю, сел напротив, разглядывая контрразведчика. Матвей уловил его оценивающий взгляд, но от шутки удержался.

— Я на минуту. Дело в том, что я попал в сложное положение и мне необходим совет Горшина. Дома его нет, телефон молчит. Вы не могли бы мне помочь его найти?

Завьялов покачал головой:

— Он всегда звонил и назначал встречи сам. Оставьте ваши координаты. Как только он появится, я дам знать.

Гость кивнул, заколебавшись, говорить ли что-то еще, и от Дмитрия Васильевича это не ускользнуло.

— Может быть, нужен ночлег? У меня три комнаты, занимайте любую. Ни жены, ни детей.

Матвей встал, все еще колеблясь.

— Пожалуй, нет. Сегодня нет, но если... завтра? Можно рассчитывать?

— Нет проблем. Ключи вам, судя по всему, не нужны, — Завьялов усмехнулся, — хотя всегда был уверен, что без ключей открыть замок невозможно. Приходите.

Соболев ушел бесшумно, даже не скрипнув дверью. Завьялов остался сидеть, размышляя о том, как все-таки удалось гостю забраться в квартиру с бронированной дверью, запертой на кодовый электронный замок.

Покейфовать со стаканом сока, приятно холодившим ладонь, помешало ощущение взгляда. Иронично-насмешливого взгляда нового гостя, возникшего в гостиной неизвестно откуда. Завьялов очнулся и увидел Горшина.

— А, чтоб вам пусто было! — в сердцах проворчал он, скрывая невольный трепет. — То один нетопырь, то второй.

— У вас был Соболев? — догадался Тарас. Кивнул на кресло: — То-то мне показалось... Можно присесть? Чего он хотел?

— Искал вас. Ему нужна помощь.

— Это я знаю. Хочет освободить свою девушку, которую захватил президент «Купола». Она на даче у Ельшина. Но идти туда все равно что совать голову в пасть крокодилу.

— Вы хотите сказать, что помогать ему нет смысла?

Горшин с неопределенной миной взглянул на хозяина:

— В принципе да. Но он этого еще не знает.

— Это... жестоко.

— Любая истина жестока.

Теперь уже Дмитрий Васильевич глянул на собеседника с любопытством и сомнением.

— Давно хотел спросить у вас, Граф... Вы... человек?

Горшин тихо засмеялся:

— И да и нет. Не боитесь задавать такие вопросы?

— Я боюсь только одного: дожить до глубокой старости. Что вы на меня так смотрите? Думаете, начну комплексовать? Да я давно догадывался, что вы представитель нового разумного вида хомо. Разве нет? Одного я только не понимаю: вам-то зачем вся эта мирская суета? Неужели там, в вашем «параллельном мире» или в «иной реальности», может быть, в Шамбале, нет более интересного занятия?

— Наверное, есть, не знаю, я туда не дошел, хотя и посвящен в тайные знания скрытых реальностей. Но и в этой земной реальности существует множество параллельных миров: мир науки, открытий, радостных озарений и творчества, мир искусства, красоты и гармонии, мир детства, наконец, и рядом — миры гнусной лжи, интриг, борьбы за власть, подлости и предательства, которые сами по себе не исчезнут. Понимаете?

Завьялов задумался.

— Это-то я как раз понимаю и тоже не вижу способа избавиться от миров зла, кроме насилия. Кстати, что за скрытые реальности вы упомянули?

— Я не смогу вам этого объяснить, оперируя терминами и понятиями современного земного языка. Существуют четыре формы понимания мира: религия, философия, наука и искусство, — и все четыре несовершенны. Сейчас они не только отделены друг от друга и зачастую противоречивы, но было время, ко-

гда в Древнем Египте, в Праславянской Европе, Индии, Греции они составляли единое целое и отражали мир целиком, как он есть. Опять же в данной реальности. Скрытые слои жизни могли созерцать и чувствовать лишь отдельные личности.

— Вы тоже?

— И я, — кивнул Горшин спокойно. — Но хватит лирики. Дмитрий Васильевич, возможен вариант, когда мы вынуждены будем прийти на помощь Соболеву. Послезавтра на даче у Ельшина состоится встреча отцов «Купола» с зарубежными покупателями похищенной партии оружия. У нас есть реальная возможность уничтожить гнездо, сорвать сделку и вернуть оружие законному владельцу.

Завьялов поставил стакан на столик, лицо его приняло жесткое выражение.

— Вы это серьезно?

— Вне всяких сомнений, — сухо сказал Горшин. — Я еще не уверен, что такая операция соответствует моим планам и я найду на даче то, что ищу, хотя это не исключено.

— Мы потеряем половину оперативного состава.

— Если не все девяносто процентов. И все же...

— Понял. Я должен уговорить комиссаров, так?

— Уговаривать пока не надо. Предложите им это и посмотрите на реакцию каждого. Если они согласятся, все нормально, если нет... План операции будет готов к утру, и я представлю его сразу, как только комиссары дадут «добро». Не дадут — нашему ганфайтеру придется сражаться с этой сворой в одиночку.

Завьялов долго не отвечал, о чем-то думал. Наконец произнес негромко, будто обращаясь к самому себе:

— Я иногда задаюсь вопросом: что порождает героизм одиночек? Жажда приключений, смертельная опасность, любовь, обостренное чувство справедливости? Зачем они очертя голову бросаются на борьбу с бедствиями, помогают ликвидировать аварии, последствия дикого, смертельно опасного для миллионов непрофессионализма? Не знаю. Я не таков, хотя и не живу по принципам кёся и ракуся¹. Но время идет, а ничего не меняется. Как и вчера, расчет на счастливую случайность, надежда на одного-единственного, того, кто явится и спасет, выручит, отведет беду. Есть ли этому предел?

¹Кёся и ракуся — кротость, лень и трусость (кэмпо).

Горшин молчал. Он знал, что ответить, но Завьялов не нуждался в ответе, просто рассуждал вслух.

— Может быть, мы не с теми боролись? — продолжал Дмитрий Васильевич. — Ведь по-прежнему, несмотря на все наши усилия, миром правит продажная чиновничья рать, которая плодится с быстротой тараканов. Купленные судьи и прокуроры, рэкетеры, мафиози и бандиты — это уже следствие произвола системы. Зачем же нам уподобляться Дон Кихоту, воюющему с мельницами?

Горшин вздохнул.

— Вы становитесь сентиментальным, Дмитрий Васильевич. Впрочем, вы, может быть, и правы.

Полдня Матвей вел наблюдение за Хасаном Ибрагимовым, майором контрразведки, правой рукой Ельшина, но так и не решился на перехват: не потому, что Ибрагимова сопровождали пять-шесть человек охраны, а из-за собственной внутренней неуверенности. Что-то мешало ему взять инициативу в свои руки, почувствовать себя в форме и действовать с максимальной отдачей. Вероятно, это подавало сигналы подсознание, зафиксировавшее опасность в глубинах событийных полей, и все чаще вспоминались темные взгляды Монарха Тьмы, если, конечно, это был он. Вполне возможно, что «монарх» продолжал следить за ним из иных планов бытия, на уровнях мистических предвосхищений.

Подумав так, Матвей снова пожалел, что до сих пор не воспользовался предложением Горшина провести био- или психокоррекцию, которая помогла бы выявить скрытые резервы и перейти на другой уровень мышления и чувствования. Пока что паранормальные способности Матвей проявлял лишь громадным усилием воли, мобилизовав все силы, что, конечно, отрицательно сказывалось на нервной системе. После боя с киллхантерами, например, он приходил в себя сутки.

Дождавшись появления Ибрагимова из дверей центрального входа в Генпрокуратуру на Пушкинской, Матвей поехал за его машиной, еще не уверенный в своих дальнейших действиях. Ему вдруг показалось, что назревают какие-то события, и это невольно взбодрило и заставило собраться.

Он не ошибся. В сопровождении девяти здоровых ребят на двух машинах Ибрагимов добрался до Курского вокзала, свернул с Чкалова в переулок напротив гастронома и остановился возле

старой пятиэтажки кирпично-красного цвета. Захлопали дверцы автомобилей — уже знакомых Матвею бежевых «Жигулей», все сопровождавшие майора вышли из машин и, разбившись на три группы, просочились во двор дома. Машины отъехали, и наступила тишина.

Поскольку в течение последующих пятнадцати минут ничего не происходило, шум не поднимался, Матвей понял, что отряд Ибрагимова сел в засаду и кого-то ждет. Не успел он обдумать эту возможность, как вдруг заметил быстро идущего по тротуару молодого человека, кого-то ему напоминавшего. Через секунду он узнал его, а еще через два удара сердца понял, что команда Ибрагимова ждет именно этого парня.

Дождавшись, когда прохожий поравняется с машиной, идя по другой стороне улицы, Матвей негромко окликнул его:

— Вася!

Молодой человек, одетый в безрукавку и легкие летние брюки, не стесняющие движений, — это был тот самый ганфайтер, который отказался исполнять приказ по ликвидации его, Соболева, — косо глянул на заговорившего с ним усатого водителя, приостановился.

— Садись в машину, быстро! Тебя там ждут.

Василий раздумывал мгновение, затем свернул на дорогу и нырнул в кабину «шестерки». Тотчас же из-за угла дома выскочили трое боевиков Ибрагимова, на ходу доставая оружие, и Матвей с визгом шин рванул машину с места, не заботясь о двигателе. Однако далеко уехать не удалось: боевики открыли огонь из автоматов и пули мгновенно порвали шины задних колес.

Все же им удалось проскочить до поворота на Сыромятную, где оба выскочили из машины и, не пытаясь демонстрировать ухарство и ложную смелость, помчались прочь. Василий лучше знал эти места, поэтому Матвей инициативу отступления предоставил ему, но им повезло. Рядом притормозил хлебный фургон, и водитель, высунувшись из кабины, крикнул:

— Эй, спортсмены, куда спешите?

Матвей не сразу узнал шофера Лешу, которого приютил у себя и выслушал исповедь бывшего зэка.

— Садимся, — хлопнул Матвей Василия по плечу.

Они впрыгнули в кабину фургона, и Алексей дал по газам. Через пять минут машина выехала из зоны контроля засады, а еще через четверть часа Леша высадил их на Таганке у метро.

— Спасибо. — Матвей с чувством пожал ему руку, кивнул на фургон: — Устроился?

— Помогли добрые люди. Наверное, с твоей подачи. Я имею в виду, ты помог мне прорвать мешок равнодушия вокруг моей персоны, когда согласился выслушать просто от доброты душевной. Так что я у тебя в долгу.

— Ну, не такой уж я и добряк. Где тебя можно найти?

— В Чертанове, бабка одна приютила. Вот телефон, звони, если понадобится. — Алексей продиктовал номер, который Матвей запомнил не записывая. Они пожали друг другу руки и расстались.

Василий ждал его у журнального киоска, делая вид, что рассматривал товар.

— Как ты оказался возле моего дома?

— Следил за одним типом. Фамилия Ибрагимов тебе о чем-нибудь говорит?

— Волкодав Ельшина. — Василий мрачно усмехнулся: — Вон откуда ветер дует. Что ж, благодарю за помощь, я теперь тоже твой должник. Хотя вряд ли им удалось бы меня взять.

— Они пришли не брать, а убивать.

Василий задумался, покачал головой:

— Не вижу для этого причин. Единственное, в чем я виноват, так это в отказе «погасить облик» одного местного ганфайтера. Или я чего-то не знаю?

— Ельшин — крестный отец «Купола». Меня вызвали начальники моего ведомства по поводу утечки партии новейшего секретного оружия. Так вот, похищено оружие по приказу Ельшина, для продажи за рубеж, наверное. Сумма сделки, очевидно, так велика, что генерал решил рискнуть всем: положением, службой, властью и даже жизнью. Что ему твоя жизнь или моя? Ты контактировал со мной, я в розыске — делай выводы.

Василий отвернулся, не отвечал минуту.

— И что ты намерен делать?

— Они захватили мою девушку и, по всем данным, держат на даче Ельшина.

— То есть ждут тебя там. — Василий с интересом глянул на твердое и спокойное лицо Матвея, на котором горели холодные голубые глаза. — Видимо, здорово ты им насолил, раз они решились на этот шаг. Я могу чем-то помочь?

— Мне придется туда пойти.

— Тогда нам не по пути, я не самоубийца. Знаешь, что такое дача Ельшина?

— Для этого и иду по следу Ибрагимова. Он расскажет.

— Ну-ну. — Василий покачал головой, протянул руку: — Бывай, ганфайтер. Я вынужден буду проверить твоё сообщение. На всякий случай запомни телефон, — он продиктовал номер, — но звони не раньше двенадцати ночи, может быть, я скажу что-нибудь определенное.

Матвей хлопнул ладонью по подставленной ладони, и Василий растворился в толпе у метро.

«Ну, волчара, погоди!» — подумал Матвей об Ибрагимове.

Глава 26

НЕПОСВЯЩЕННЫЕ В ХРАМЕ

Панова убрать не удалось: директор Федеральной службы контрразведки понимал, что если первое покушение не удалось, то второго лучше ждать во всеоружии, и подготовился соответствующим образом. Поэтому охранник Панова, который работал на Ельшина и получал за это в пять раз больше, отказался лезть в петлю, даже за сто тысяч «зеленых». Не смогла подойти близко к директору ФСК и спецгруппа киллхантеров, подготовленная Ибрагимовым, а отряд снайперов остался не у дел, потому что Панов после выхода из больницы практически не покидал дома.

— Придется ждать благоприятного случая, — доложил Ельшину главный секьюрмен «Купола». В глазах его постоянно тлел огонь угрозы и жажды убийства, хотя вел он себя всегда сдержанно и хладнокровно.

— Но вы упустили и Балуюева, — сказал генерал резким тоном, сидя на веранде дачи, где принимал прибывающих высоких гостей.

— Ему помогли, — бесстрастно проговорил Ибрагимов. — Кто-то следил за мной, я это все время чувствовал, и, очевидно, предупредил объект. Мы раздолбали их машину, ребята сейчас ищут ее владельца. К вечеру найдем и выйдем на Балуюева.

— Мне бы вашу уверенность...

— Прошу прощения, — возник на веранде адъютант. — Прибыл генерал Жариновский.

— Что? — поднял бровь Ельшин. — Один?

— Так точно.

Генерал и начальник службы безопасности переглянулись.

— Галкин не захотел прибыть сам. Что это — перестраховка, тактический ход, хитрый расчет, трусость? Или он знает то, чего не знаю я?

Ибрагимов молчал.

— Ты проверил охрану, подходы, каналы связи?

— Все в норме.

— А как там наши коллеги? МВД, ГУБО, Управление «К», СМЕРШ?

Ибрагимов отвел взгляд, но и на этот раз промолчал.

— Может быть, они что-то пронюхали? — Ельшин поднялся из плетеного кресла, прошелся из угла в угол веранды. — Но даже если и узнали что-то, что они могут сделать?

— Ничего.

— Ай да Галкин, ай да Кавалерист, ай да министр обороны! Неужто почуял, что пахнет жареным? И ничего не сказал? — Ельшин остановился. — Задействуй вариант «ЭС» и спусти собак. А мне придется навестить подвал, кое с кем проконсультироваться. — Генерал не заметил, что проговорился, а Ибрагимов не подал виду. Кое о чем он догадывался и прежде, однако вряд ли его фантазии хватило бы, чтобы представить истинное положение вещей.

Видимо, Ибрагимов что-то заметил, а может, сопоставил факты, но Матвею следить за ним, не раскрываясь, стало практически невозможно. Проанализировав ситуацию, Соболев понял, что взять майора без боя и крови не удастся ни в одном из стандартных вариантов: ни дома, ни в барах и ресторанах, ни в общественных местах и уж тем более в конторе ФСК. Следовало что-то придумать, и как можно быстрее, но в голову ничего путного не приходило. Раздосадованный на обстоятельства и собственную недалекость, Матвей еще раз позвонил Тарасу, ответа не получил и решил потерпеть до вечера. Тело требовало отдыха и энерго-духовной подпитки. Одним из методов такой подпитки, которые знал Матвей, было саймин-дзюцу — «искусство ментальной мощи», то есть самогипноз, возбуждение «разума-воли».

Единственной закавыкой являлось отсутствие надежного пристанища, и Матвей скрепя сердце решил еще раз навестить Марию, якобы проведать Стаса.

Поскольку «шестерка» Ильи после перестрелки осталась у Курского вокзала, пришлось соображать насчет транспорта, и Матвей рискнул: залез в опломбированный гараж Ильи и увел свою перекрашенную «Таврию».

Мария не особенно удивилась просьбе Соболева принять душ и поспать часок, знала, что просто так Матвей никогда ничего не просит. Стас появлению «дяди Матюши» обрадовался так, что у Матвея защемило сердце, и он вынужден был уделить мальчишке полчаса, выслушать его и поделиться своими заботами. Лишь после этого серьезного «мужского» разговора, принесшего, кстати, облегчение, Матвей залез в ванну и, сменив воду с ледяной на горячую, ушел в медитацию.

Мысль, что Ибрагимова лучше всего перехватить с помощью Василия, сформировалась окончательно к концу сеанса сайминдзюцу, когда Матвей почувствовал свою прежнюю силу и вкус к острым ощущениям.

Стас уже спал, устав ждать «дядю».

Мария смотрела на Матвея с неопределенным интересом, он чувствовал ее желание выяснить, чего он хочет, но ответить ему было нечем. Пришлось сочинить короткую сказку о погибших родственниках, в том числе родителях и бабушке Стаса, и, не раскрывая деталей, рассказать о «сгоревшей» квартире. Поверила ли Мария, Матвей не знал, после чаепития сразу засобирался, пропустив мимо ушей слова хозяйки: «Так поздно? Можешь остаться». И тут вспомнил о предложении Василия.

— Позвонить можно?

— Ради Бога. — Мария ушла на кухню, покачивая бедрами. В алом с черными бортами атласном халате она выглядела чертовски соблазнительно. Однако до Кристины ей было далеко.

Василий ответил на третьем звонке, ровно в одну минуту первого:

— Кто говорит?

— Волшебник.

— Соболев?

— Да, я, ты мне нужен.

— Надо же, какое совпадение, ты мне тоже.

— А я тебе зачем?

— Позвонил первым и говори первым.

— Я планирую перехват Хасана Ибрагимова.

Трубка изумленно замолчала на несколько секунд, потом донесла сдержанный смешок ганфайтера:

— Или ты читаешь мои мысли, или я твои. Представляешь, я тоже подумываю о перехвате майора. Проверил твой стег насчет Ельшина, похоже, ты по-крупному прав. Поэтому нужен уточняющий штрих — Хасан. У тебя есть план?

— Нет. Я водил Хасана полдня, но подойти не смог.

— Он сейчас у своей подруги на Жабенке. Стерегут его двенадцать человек, трое — киллхантеры.

Матвей присвистнул:

— Как президента! Не знал, что у него есть подруга. Банкира я тоже брал у любовницы, мог бы догадаться, что и у их подручных тот же образ жизни.

— Приезжай через час к Тимирязевскому мосту через Жабенку, вдвоем мы его возьмем и попросим ответить на вопросы, твои и мои.

Матвей повесил трубку, повернулся и встретил взгляд Марии.

— Останешься?

Говорить ничего не хотелось, но ему все же удалось выдать:

— Извини, королева, я тороплюсь. Поговорим в следующий раз.

Ушел он не оглядываясь. Перед мысленным взором улыбалась Кристина.

Василий ждал его в черном «Опеле» последней модели, одетый во все черное.

— Привет, ниндзя, — сказал Матвей, влезая в кабину. — Ну и тачка у тебя — страх! Какую школу проходил?

— Основа — айкидо, но в общем-то занимался понемногу почти всеми видами азиатских единоборств. А ты — барс?

— База — русбой, но тоже владею многими вариантами кэмпо. Хотя русбой взял от них практически лучшие приемы.

— «Кулак демона»? Смертельное касание?

— При необходимости. Русбой, как и айкидо, этически относится к защите от неспровоцированного нападения. Как и айкидо, барс редко калечит противника, а тем более...

— Понял, не читай лекций. Жаль, что не послушал своего наставника десять лет назад, когда он советовал мне заняться русбоем. Но в сторону лирику, переодевайся.

Матвей нащупал на заднем сиденье объемистую сумку, а сверху — такой же черный, не стесняющий движений костюм, что и на Василии. Быстро переоделся, кивнул на сумку:

— Спецуха?

— Возьми, что считаешь нужным, я уже экипирован.

Матвей открыл сумку, выпятил трубочкой губы.

— Однако!

В сумке, аккуратно сложенный, наличествовал весь арсенал ниндзя плюс рации, приборы ночного видения и огнестрельное оружие в придачу: так называемые «карты смерти» — метательные звездочки и многогранники — сякэны и сюрикэны, кагинавы — кошки, дротики, бьяндао — «летающие ножи», эмейские иглы, многосекционные металлические плети, йойо, «железные лотосы», «летающие когти», метательные и хватовые ножи, комплекты сай, арбалет (!) и пистолеты.

— Похоже, ты готовился к настоящей войне!

Василий промолчал.

Матвей выбрал два вида сюрикэнов, эмейские иглы, комплект сай и пристроил в кармашке длинный и узкий швейцарский кинжал.

— Какова стратегия?

— Самая простая: идем туда, выключаем всех, кто мешает, и берем Ибрагимова. Учти: стреляет он как Бог — даже на звук и на запах.

— Я с ним уже встречался, и он не произвел на меня особого впечатления.

— Нельзя недооценивать соперника, это аксиома. Пошли.

Владея дзэаи-но дзюцу — искусством беззвучного и бестеневоего движения, они пересекли дорогу, углубились во дворы и через пару минут по улице Пасечной вышли к стандартной девятиэтажке с двумя подъездами. Окна горели только в нескольких квартирах, в том числе в квартире подруги Ибрагимова, как отметил Василий, живущей на самом верхнем этаже.

— Я думаю, стерегут его группами по три-четыре человека. Четверо во дворе, двое в подъезде, трое на этаже и столько же на крыше.

— Штатная упаковка. Снимаем «наружку», потом один из нас идет на крышу через второй подъезд, а другой — через первый. Встречаемся у дверей квартиры.

Они бесшумно стукнули кулак в кулак и разошлись: Василий вправо, Матвей влево. Только сейчас Матвей наконец перешел на скоростной рефлекторный режим, резко усиливший обменные процессы и ускоривший реакции. С переходом в состояние

турии он решил не спешить, обстоятельства этого пока не требовали.

Обоих охранников он без труда обнаружил в беседке: они курили, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. В темноте трудно было прицеливаться и метать камни в нервные узлы, поэтому Матвей предпочел подобраться ближе и отключить их ударом обеих рук в горло. Отобрав рацию у одного из упавших, Матвей прислушался к тишине и метнулся к левому подъезду. У правого бесшумно мелькнула тень: Василий справился со своими и вошел внутрь. Через несколько минут Матвей был на крыше.

Вопреки ожиданиям, сторож здесь был один и так умело замаскирован, что Матвей обнаружил его лишь благодаря случайности — по короткому зуммеру рации: устроился парень аж на крыше лифтового бокса. Отрабатывая зарплату, охранник был достаточно бдителен и успел выхватить пистолет, но Матвей оказался проворней. Эмейская игла прошла руку парня, заставив его выронить пистолет, а удар в висок — Матвей выпрыгнул вверх на добрых полтора метра — успокоил его надолго.

Второго сторожа Соболев отыскал на лестнице прямо над люком выхода на крышу. Вряд ли парень успел удивиться, когда сверху на него упало что-то черное и твердое, как бетонный столб.

Василий уже ждал Матвея у двери под номером шестьдесят три. У ног его лежал ничком здоровяк в спортивном костюме. Второй сидел на полу у лифта, уронив голову.

— Живы, — буркнул Василий в ответ на взгляд Матвея. — Третий в лифте. Еще трое внизу. Но времени у нас, боюсь, кот наплакал. Вздумай Хасан проверить охрану по рации, и молчание его тут же насторожит.

— Он может услышать и скрежет в замке, если мы пустим в ход отмычки.

— Тогда остается единственный способ...

Матвей кивнул, все поняв без слов.

Василий отошел к лифту, разогнулся и прыгнул вперед ногами в дверь, вбивая ее в прихожую, а Матвей тут же нырнул в проем, группируясь в падении.

Опасения Василия подтвердились: Ибрагимов почуял опасность, хотя и не проверял охрану — и открыл стрельбу практически одновременно с прыжком Матвея; стрелял он из пистолета-пулемета с глушителем.

Спасла их только реакция да пассия Хасана, выбежавшая с криком из спальни в одном пеньюаре. Чтобы не попасть в нее, Ибрагимов вынужден был прекратить огонь, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Матвей проскочил в гостиную, схоронившись за сервантом, а Василий — на кухню.

Было слышно, как сбежавшая на кухню девушка что-то быстро говорит, видимо перехваченная Василием, а Ибрагимов хрипловатым шепотом орет в микрофон рации:

— Олухи, очнитесь! Ко мне, быстро! Марк, Пит, Фил — сюда!

Матвей быстро оглядел гостиную, обставленную по безвкусовному стандарту: сервант, комод, книжный шкаф, диван, стол, три кресла, три стула. На одном из стульев висел халат, и Матвей метнул его в проем двери, ведущей в спальню. Короткий — в четыре выстрела — треск автомата возвестил, что Ибрагимов начеку. И стрелял он действительно классно, экономно и точно. Секунды шли, а с ними таяли и шансы на успешное окончание операции. Матвей уже решил было попробовать добраться до спальни под прикрытием кресла, но в это время Василий принял отвлекающий маневр.

— Ложись, барс! — крикнул он и метнул из кухни в сторону спальни круглый металлический предмет.

Интуиция сработала прежде, чем Матвей понял, что это не граната, Василий метнул игадама — металлического ежа, используемого в ниндзюцу для остановки преследователей. Но Ибрагимов не разбирался в технике ниндзя и бросился в одних плавках в глубь спальни, под кровать, прикрыв голову руками. Матвей успел проскочить гостиную и прыгнул в спальню в тот момент, когда лжеграната воткнулась в стену и застряла.

Ибрагимов среагировал на звук, сначала всадив очередь в металлический шар с иглами, а потом, не оглядываясь, выпустил очередь в проем двери. Задержись Матвей с броском хотя бы на долю секунды, его не спасло бы даже искусство ядомэ-дзюцу¹, доведенное множеством тренировок до совершенства.

Третью очередь Ибрагимов дать не успел: Матвей пяткой вбил его руку с автоматом в щель под тумбочку трельяжа, а второй чуть не сломал шею.

Бой закончился.

¹Ядомэ-дзюцу — отбивание стрел и пуль руками и предметами, ловля стрел руками, уворачивание от стрел и пуль (яп.).

В спальне появился готовый к прыжку Василий, кивнул, расслабляясь:

— Порядок, ганфайтер.

Матвей хлопнул ладонью по подставленной ладони, вынул из руки потерявшего сознание майора автомат, снял с кровати еще один пистолет-пулемет.

— Неплохой арсенал он носит с собой. Черта с два мы взяли бы его живым, если бы не твоя «граната».

— Я был уверен, что он среагирует как надо. Смотри-ка, что у него тут есть! — Василий высыпал из черной сумки на кровать груду оружия.

Матвей потрогал пальцем гранатомет, подержал в руке автомат «АКС-93», выудил из кучи знаменитый «гном», потом «волк-2», бросил обратно.

— Хотел бы я знать, зачем ему столько оружия. Может быть, это просто болезнь? Зачем ему, например, таскать с собой гранатомет, да еще такой мощный, как этот?

— Плюс вот это. — Василий вытащил из горки оружия пистолет, похожий на «волк». — Знаешь, что это такое?

— Знаю, — медленно проговорил Матвей. — Суггестор «удав».

— «Глушак», — кивнул Василий мрачно. — Ты этим занимался? Я имею в виду утечку оружия.

Матвей предостерегающе поднял руку: Ибрагимов зашевелился, открыл глаза, сморщился, глядя в стену. Затем глаза его прояснились, он подхватился с пола и бросился к оружию на кровати, но наткнулся на ребро ладони Василия и осел у стены, не сводя горящих глаз со своих врагов.

— Времени у нас мало, а терять нам нечего, — тихо сказал Василий, разглядывая начальника службы безопасности «Купола». — Ты меня знаешь, Хасан. Честно говоря, тебе и так здорово везет, раз ты еще жив.

— Что вам нужно?

— Подступы к Ельшину, — безмятежно сказал Матвей.

Ибрагимов с недоумением глянул на него, потом на его напарника, глаза его расширились, и он захохотал. Гости молча ждали, пока он успокоится. Затем Василий взял с кровати «глушак», повертел в руках, ровным голосом проговорил:

— Сам расскажешь или помочь?

Майор как зачарованный уставился на тускло блеснувший ствол пистолета-суггестора.

— Ну? — кинул Матвей, выглянув в коридор; из кухни доносились приглушенные всхлипывания девушки, хозяйки квартиры.

Ибрагимов вздрогнул, отвел глаза.

— Вы с ума сошли? Вам и шагу ступить не дадут...

— А это уже наша проблема, киллер. Итак? — Василий поднял суггестор, направил ствол в лицо побледневшего Хасана.

Ибрагимов сглотнул, не сводя взгляда с черного зрачка, в глазах его зрело какое-то решение, и Матвей понял, что полагаться на слова профессионального негодяя нельзя. Понял это и Василий. Нажал на курок, и... ничего не произошло! Ибрагимов не вскрикнул, не упал, продолжал смотреть на пистолет, но Матвей вдруг понял, что застывший взгляд майора перестал излучать ненависть.

— Кажется, сработала... — прошептал он.

Василий оглянулся на него, коротко рассмеялся:

— Если бы я знал, что делать дальше.

— Он лишен воли — и только. Теперь можно его программировать... но я тоже не знаю, как это делается.

— Может быть, просто приказать, и все?

— Попытка не пытка. — Матвей пожал плечами, с сомнением глянул на полууголого человека на полу. — А он не притворяется?

Василий провел перед глазами Хасана рукой, но тот не среагировал.

— Похоже, что нет. Да и что нам остается? Но прежде пусть расскажет о секретах дачи, кто и как ее стережет, где они прячут твою Кристину... в общем, все.

При словах «где они прячут Кристину» Василий искоса глянул на Матвея, улыбнулся, но продолжать эту тему не стал.

Ибрагимов рассказывал десять минут, пока не заговорила рация: очнулся один из командиров группы охраны. Ганфайтеры заставили Хасана выматерить ничего не соображавшего телохранителя, и это дало им еще десять минут. После чего они приказали Ибрагимову забыть о встрече и собрались было уходить, как вдруг Матвею пришла в голову идея.

— Слушай, волкодав, а что, если внушить ему в определенное время поднять шум на даче? Мы будем там не раньше завтрашнего вечера, вот и пусть начнет бузу, «учебную стрельбу» по всему, что движется.

— Ты гений!

— Я знаю, — скромно согласился Матвей.

— Но тогда пусть поднимет не просто бузу или стрельбу, а прицельную: пусть начнет расстреливать телекамеры, лазеры, электростолбы и аппаратуру магнитного сканирования, это поможет нам отступить.

— Ты гений!

— Я знаю, — скромно согласился Василий.

Через минуту, продиктовав оловелому майору новый приказ — «начать шум» на даче Ельшина, а также забыть все, что произошло на квартире у любовницы, оба ганфайтера успокоили плачущую хозяйку и ушли из дома тем путем, которым шел Матвей, — через крышу и второй подъезд, еще раз избив очнувшуюся охрану.

— Надо переварить все, что он рассказал, и разработать план, — сказал Василий в кабине своего «Опея». — Куда поедем?

— У меня крыши нет, — отозвался Матвей. — Я гол как сокол.

— Тогда поехали ко мне.

— А если там засада?

Василий улыбнулся уголком рта:

— У меня есть еще одна квартира, о которой не знает даже генерал Ельшин. Ты звонил туда. Ну?

— Поехали, — махнул рукой Матвей, чувствуя, как ноют мышцы и усталость разливается по телу. — Хочу пить, есть и спать. А с чего это ты вдруг загорелся посетить дачу Ельшина?

Лицо Василия осталось спокойным, но в голосе прозвучали угрожающие нотки:

— Может быть, ты будешь смеяться. Я не ханжа и многое позволял себе в этой жизни, но могу ответить лишь словами Верещагина из «Белого солнца пустыни»: за державу обидно! И еще мне очень хочется доказать господину Ельшину, что есть закон и для беспредела.

Дальнейший путь они проделали молча.

Квартира, о которой говорил Василий, оказалась дачей в Абрамцеве, расположенной на берегу небольшой речки. С виду дача походила на развалюху времен Великой Отечественной войны, готовую вот-вот рухнуть, но внутри оказалась вполне совре-

менной городской постройкой с отдельными ванной и туалетом, с кухней и двумя комнатами, одна из которых служила хозяину рабочим кабинетом, с компьютером класса «Тошиба».

— Не боишься оставлять? — кивнул на компьютер Матвей. — Ворам ничего не стоит взломать хату и выволочь все оборудование.

— Ошибаешься, — флегматично отозвался Василий. — В-первых, никто на такую хату не позарится, сам видел, как она выглядит внешне. Во-вторых, открыть дверь можно разве что гранатой, да и то не уверен, а окна полны ловушек. Впрочем, их и внутри хватает. Иди мойся, я за тобой.

В три часа ночи они сели пить чай, после чего приступили к разработке плана проникновения на дачу Ельшина. Информация, полученная от Ибрагимова, требовала проверки, но времени на это уже не было. Исходили из того, что она достоверна.

Как оказалось, Ельшин спланировал операцию по продаже похищенной партии оружия и пригласил покупателей из-за рубежа на следующий день. В двенадцать часов должна была состояться демонстрация оружия, в три планировался обед, в шесть вечера — обсуждение предложений и составление сделок.

— Мы должны пройти туда не позднее двенадцати часов, — сказал Матвей, глядя на схему операции, которую оба называли «полем возможных событий».

— Пожалуй. И пойдем мы вот этим путем. — Василий провел штриховую линию от кружка с буквами СМ до кружка с буквой Д.

Он имел в виду специальную линию метро, ведущую к даче Ельшина от станции «Лубянка», о которой не знало даже высшее руководство страны.

Матвей хотел выразить согласие и в этот момент почувствовал знакомый «взгляд»: кто-то смотрел на него со всех сторон, даже изнутри! Длилось это состояние всего миг, но у Матвея тоскливо сжалось сердце. Он уже догадывался, что ощущение «взгляда со всех сторон» означает локацию его неизвестными темными силами, точнее, Монархом Тьмы.

— Ты что? — заметил его реакцию Василий. — Не нервничай, тут мы в безопасности.

Матвей хотел рассказать ему обо всем, что знал сам со слов Горшина, но передумал.

Дальнейшее обсуждение плана длилось полчаса: оба были профессионалами и понимали друг друга без слов.

— Спать будем? — зевнул Матвей, прикрыв рот ладонью.

Ответить Василий не успел: сработала сигнализация, предупредившая их о появлении на территории дачи посторонних.

— Карамба! — изумленно воскликнул Василий, подскакивая к компьютеру, на дисплее которого высветилась зелеными линиями схема дачи, а красным цветом — векторы проникновения на территорию неизвестных лазутчиков.

Матвей вспомнил недавнее переживание «темного взгляда» и пожалел, что не предупредил хозяина. Кожу взъерошил озноб жути. Их действительно вычислили, и сделал это горшинский Монарх, каким-то образом чуявший Матвея, где бы тот ни находился.

— Их слишком много, чтобы принимать открытый бой. У тебя предусмотрен путь отступления?

— Мог бы не спрашивать. — Василий стремительно прошел в одну из спален, вскрыл в стене незаметную дверцу, вытащил одну за другой две сумки. — Одна тебе, одна мне. Здесь все, что может пригодиться на даче босса. Держись в кильватере. Но, черт возьми, хотел бы я знать, кто меня раскрыл!

Они вернулись в прихожую, глянув по пути на дисплей: дачу окружало по крайней мере отделение в двадцать с лишним человек. Василий что-то сделал, и унитаз в туалете отъехал в сторону, открыв полуметровый лаз. Один за другим они спустились по лесенке вниз, на глубину в три с лишним метра, согнувшись в три погибели, потопали по узкому ходу в полной темноте.

Ход был прорыт в супесчаном грунте и укреплен деревянными плахами, но за шиворот то и дело падали комья земли и сыпался песок, поэтому, когда Василий остановился, Матвей выдохнул ему на ухо:

— Не мог залить бетоном, лентяй?

Василий фыркнул, ответил шепотом:

— Я не знал, что когда-нибудь поведу здесь сноба. Мы вышли к берегу реки, за проволоку, но если за нами пришли профи, то пост будет и здесь. Когда рвану, не отставай, заплутаешь.

Матвей глубоко вздохнул, напрягся так, что застонали жилы и мышцы, и тихая «молния» ментального разряда пронзила его насквозь.

Время остановилось... или почти остановилось. Область чувствования расширилась многократно, охватила все диапазоны электромагнитного спектра, а также поля биоизлучений и пси-

поле, несущее основную смысловую информацию. Матвей увидел Василия — полупрозрачную, будто отлитую из цветного стекла фигуру, увидел пещеру, дверь на запоре, — сместил диапазон. Сфера зрения-ощущения охватила подземный мир, берег реки, близстоящие дома поселка, лес, церковь, опоры линии электропередачи. Красными угольками затлели на этом зелено-коричнево-фиолетовом фоне ауры людей. Трое из них находились совсем рядом, на берегу реки, вооруженные автоматами (Матвей чуял угрозу металла), еще трое шли вдоль проволочной изгороди, отделяющей частные дачи от реки.

— Обложили по полному профилю, — пробормотал Матвей, отодвинул Василия. — Пойду первым, я их вижу. К машине нам не пройти, там их человек восемь.

— Метрах в ста отсюда гаражи, в крайнем стоят мои велосипеды и мотоцикл.

— Вижу. Пошли.

Они закинули сумки с ляками за спины, чтобы не мешали. Дверь, по сути — люк, открылась бесшумно. Матвей выскочил из-под земли, в стене речного обрыва, как чертик из коробки, застав троих вооруженных людей врасплох. Первого он сбил круговым учи-ваза, точнее, сото-шуту-учи, в терминологии русбоя — «шееломом», второго — ударом ребра ладони изнутри наружу, как бы возвращая руку, а третьего — ударом агэ-эмпи-учи, то есть локтем снизу вверх, в подбородок. Все трое послушно легли на песчаный берег речушки... чтобы тут же вскочить, словно удары, ломавшие кости, были для них просто оплеухами. Матвей предпринял еще одну атаку, но с тем же результатом: противник держал удары, как индийские мастера мукки-бази, хотя Матвей был точен и поражал их в нервные узлы. Такие удары обычно приводили к шоку и потере сознания, однако бойцы падали и тут же вставали, как заговоренные, и наступил момент, когда один из них успел дать очередь из автомата. Бой длился всего четверть минуты. Но Матвею показалось, что долго, потому что жил он сейчас гораздо быстрее.

— Это зомби! — крикнул откуда-то сверху Василий. — Бей в голову, иначе задавят!

Свой совет он подкрепил броском сюрикэна, и один из противников Матвея без звука нырнул лицом в песок. Матвей успел удивиться — как это Василий видит в темноте?! — сообразить,

что тот надел инфраптон — прибор ночного видения, уйти от второй очереди, прицельной и почти точной — боевики тройки тоже были экипированы инфраочками, — и, автоматически отбив выпад одного из них, в полную силу ответить тычком хитю, травмирующим дыхательное горло и сонную артерию. Оставшегося соперника — зомби, запрограммированного терпеть любую боль и идти вперед даже с пронзенным сердцем, Матвей добил, воткнув ему в темя десятисантиметровый итакэн — сюрикэн в форме пера. Остановился, прислушиваясь.

По берегу приближалась еще одна группа зомби численностью в пять человек, а на речном обрыве Василий вел бой с тремя боевиками, бежавшими к ним со стороны дачи. Треск очередей напомнил бой октябрьских переворотов всех времен: казалось, в атаку идет целая рота автоматчиков.

Матвей выпрыгнул наверх, снова подчиняясь ускоренному ритму жизни, метнул в набегавшего зомби сай, попал точно в лоб, сбил с ног второго и с выплеском энергии вогнал ему в висок «кулак демона», сломавший височную кость. Василий достал третьего автоматчика, махнул рукой вправо — туда, мол, перескочил изгородь и понесся огородами. Матвей легко обогнал его, первым оказался возле гаража.

Спустя пару минут они мчались на мотоцикле («Харли-Дэвидсон-99») по берегу, потом между боксами лодочной станции, вдоль забора, по поселку и наконец вырвались на Кольцевую автодорогу. Вел мотоцикл Василий.

— Куда теперь? — крикнул Матвей в спину товарища.

— А хрен его... — откликнулся тот. — Если уж они узнали об этом моем схроне, то даже не знаю, где нам укрыться хотя бы до утра.

Нигде, хотел сказать Матвей, но передумал. Рассказывать о Монархе Тьмы он тоже не стал, обстановка неподходящая, зато вспомнил, что недалеко расположен дом Горшина. Стоило попытаться спрятаться там. Если Монарх вычислит и это прибежище, они ничего не потеряют, а главное, не подвергнут опасности близких людей, друзей и знакомых.

— Сворачивай на Энтузиастов, — прокричал он на ухо Василию. — В Измайловском лесопарке живет один мой приятель, едем к нему.

Василий молча добавил газу, и мотоцикл превратился в ревущую черную, без огней — фар они не включали — торпеду.

Глава 27

КОРРЕКЦИЯ

Уже рассвело, и жилище Горшина предстало в ином свете, чем ночью.

Матвей и Василий сидели в глубоких креслах в гостиной Тараса и пили кофе. Они уже успели принять душ, обследовать квартиру и теперь отдыхали, поглядывая друг на друга и на интерьер. Матвею все время казалось, что сидят они на камнях над пропастью, что со всех сторон их окружает космос, а сверху — или снизу, не разберешь — на них смотрит безглазое равнодушное Нечто...

Однако остальные чувства не подтверждали внутреннего впечатления, и Матвей в конце концов сумел отстраниться от ложной памяти, рождающей галлюцинации.

Атмосфера дома Горшина действовала и на Василия, но он держался достойно и не задал ни одного вопроса, считая, что в свое время получит все объяснения.

Удивительные вещи начали происходить после их бегства, еще когда они только подъехали к дому на мотоцикле. Горизонт на востоке уже побледнел, но было еще недостаточно светло, чтобы ориентироваться свободно. Однако стоило беглецам приблизиться к воротам дома Тараса, полускрытым кустами сирени, как одна из створок вдруг на мгновение вспыхнула желтым светом и в ней сформировался прямоугольный проем, как бы приглашая войти.

Приятеля переглянулись, Матвей первым шагнул в проем, жестом приказав Василию остаться. Но опасностью во дворе темного, без единого проблеска света в окнах дома не пахло, и Матвей вернулся, чтобы помочь товарищу закатить мотоцикл.

Вторым чудом был прожектор, осветивший их у порога дома, прожектор странный, вспыхнувший пронзительным фиолетово-синим светом. Дверь после этой вспышки отворилась автоматически, так же автоматически вспыхивал свет в коридоре, в прихожей, на кухне и в комнатах — когда они входили туда. Однако хозяина дома не было, глубокая тишина подчеркивала таинственность его жилища и порождала глухую тревогу, слегка рассеявшуюся только после душа и завтрака. Оба чувствовали себя не в своей тарелке, хотя и по разным причинам.

— Кто он? — это были первые слова, которые произнес Василий после прибытия в дом, имея в виду хозяина.

— Человек Внутреннего Круга, — сказал Матвей, забавляясь выражением лица Василия.

Бывший ганфайтер вытянул губы трубкой, задумчиво устался на собственные ноги. Матвей улыбнулся, но с объяснениями не спешил.

— Вероятно, это что-то связанное с закрытой сектой. — Василий поднял взгляд: — Ты тоже человек этого... Круга?

Матвей покачал головой:

— Не сподобился.

— Но я видел, как ты дрался, барс. Если ты не человек какого-то скрытого Круга, то... просто не человек!

Матвей встретил взгляд Василия, в котором сомнения боролись с трезвой оценкой действительности.

— Ну и?.. Ты ждешь, что я занервничаю? Или проявлю свою ужасную нечеловеческую сущность?

Василий пожал плечами:

— Во-первых, мы живем в реальном мире, где нет ни вурдалаков, ни вампиров. Кстати, ни на того, ни на другого ты не похож.

— Льстишь.

— Во-вторых, я хорошо чувствую людей, тебя в том числе. Ты опасен, ганфайтер, нет слов, но опасен подонкам, а не вообще всем людям, так что...

— Благодарю. Наверное, ты прав, хотя добрым меня назвать нельзя, уж так я воспитан. Скорее справедливым. Как сказал мой приятель, у которого мы сейчас находимся, я паранорм, то есть «человек другого плана» бытия, куколка, так сказать, хотя и рожден от земной женщины. Время у нас еще есть, а желание слушать?

Василий кивнул.

Матвей допил кофе и принялся за рассказ, начав со своих странных снов. Через полчаса Василий знал историю ганфайтера Матвея Соболева, закончившуюся их знакомством.

Некоторое время оба молчали. Василий допил вторую чашку кофе, сходил на кухню, помыл чашки, снова сел рядом. Наконец Матвей наслаждался замешательством собеседника, хмыкнул.

— Ну и как?

— Нормально, — ответил Василий хладнокровно. — Или ты ждешь, что я закомплексую и начну вызывать «Скорую»?

Матвей засмеялся:

— Один — один. Можно подумать, ты каждый день встречаешься с паранормальными людьми.

— С паранормальными нет, а с ненормальными да. Тебе вообще-то обязательно надо идти к генералу Ельшину в гости?

Матвей понял подтекст вопроса, но ответил не сразу. Думал о своих контактах с людьми, участвовавшими в его становлении как профессионала и специалиста, вспоминал Ивакина, Дикого, Марию Денисовну, Илью Муромца, Стаса. Вспоминал Кристину. И понимал, что даже их судьба — не главное в его решении навестить к Ельшину и «объяснить» ему суть закона о беспределе.

Видимо, его переживания как-то отразились на лице или в глазах, потому что Василий кивнул, поднял ладонь:

— Хорошо, уговорил. Хотя если бы не твое «надо», я плюнул бы на эту кодлу. Все равно всех гадов не передавишь.

— Я не просил тебя идти со мной.

— Ты меня не понял. Двоих мало для штурма цитадели Ельшина, о которой поведал наш друг Хасан. Если только он не при сочинил чего-нибудь. Кстати, меня очень заинтересовало секретное помещение генерала в подвале. Что он там прячет? Впрочем, выясним по ходу дела. И еще: кто такой все-таки Монарх Тьмы?

— Если бы я это знал, — ответил Матвей, ощутив внезапное дуновение ледяного ветра. Кто-то глянул на него в упор — Матвей даже обернулся: стена! — глумливо подмигнул и исчез, но уже было ясно, что их снова запеленговали.

— Что? — Василий внимательно посмотрел на застывшего напарника.

— Пора уходить... — Матвей не договорил, кто-то вошел в дом.

Дверь открылась, пропуская не человека — тень, призрака, материализовавшегося посреди гостиной. Горшин глянул на гостей, готовых к бою и застывших в характерных позах, блеснул безликой зубов:

— Привет, бойцы. Моя автоматика сообщила мне, что в доме появились «крутые» гости, и я поспешил сообщить, что здесь небезопасно. Собирайтесь, уходим.

Сборы длились несколько минут. Горшин предложил гостям переодеться в пятнистые десантные костюмы, легкие, прочные и удобные, сменил одежду сам, и они поспешили из дома. Но хозя-

ин вывел их не на улицу, а во двор, где задержался на минуту, чтобы вывести из сарая сказочной красоты спортивный «Понтиак».

— Берите, это ваш.

Ганфайтеры переглянулись.

— Боюсь, мы не сможем вернуть его на конюшню, — пробормотал Матвей.

— Не важно, садитесь. Выезжайте задами и ждите вон у того леса. — Горшин показал рукой. — Я тут оставлю кое-какие сюрпризы и догоню.

— Что-то мне не нравится подобная щедрость, — понизил голос Василий, встрепнулся: — Можно, я за руль сяду? Ни разу такой машины не водил.

«Понтиак» был красив не только снаружи, но и внутри, и некоторое время ушло на разглядывание внутреннего дизайна кабины. Наконец Василий сказал: «Да-а!» — и включил зажигание; в кабине мотор был практически не слышен. Но отъехать со двора они не успели: со стороны дома вдруг послышались крики и стрельба.

— Карамба! — мрачно сказал Василий. — Этого нам только не хватало.

Матвей давно ждал чего-то в этом роде, поэтому остался спокоен.

— Езжай.

— Но там этот твой приятель... человек Круга...

— Поехали, ты еще не знаешь, на что он способен. Сказал, догонит, значит, догонит.

Василий погнал «Понтиак» по еле заметной, заросшей травой дороге к воротам, распахнувшимся перед ними, и дальше вниз, к балке, пока не выехал к лесополосе. Остановил машину, оглянулся.

— Может быть, все-таки вернемся, поможем? Если это снова зомби, даже твоему гипермену придется туго.

Матвей не отвечая смотрел назад, на дом Горшина, там вокруг металась какие-то фигурки, мелькали огни, дымы, шла стрельба. Серебристый, отсвечивающий рыбьим перламутром «Шевроле» Тараса вынырнул откуда-то слева, притерся рядом.

— Что остановились? — Горшин тоже глянул на свой дом.

— С кем они воюют? И кто?

— Зомби. С такими же зомби, но с призраками, идеальными видеокопиями.

Над одним из строений поместья вдруг рассыпалось веером зеленое сияние, строение — нечто вроде гаража — превратилось в мыльный пузырь и лопнуло с режущим слух свистом.

— Эт-то еще что... — Матвей остановился, ощутив на затылке тяжелый угрожающий взгляд, схватил автомат с заднего сиденья.

Еще с одним строением — сараем для скота — произошло то же самое. Следом превратились в шары-взрывы и остальные сарайчики, постройки и погреба, лишь дом оставался самим собой, только налился оранжевым светом, будто раскалился докрасна.

— Езжайте, я догоню, — странным голосом произнес Горшин.

Матвей глянул на него и не смог отвести взгляд: глаза у Тараса светились, но светились многоцветно! Радужки глаз были поделены на четыре сектора, имеющих каждый свой цвет — желтый, зеленый, голубой и красный. И плавилась в этих глазах такая ненависть и угроза, что у Матвея волосы стали дыбом. В следующее мгновение Горшин рванул свою машину вниз, в балку, и исчез. Матвей очнулся, ткнул Василия в плечо, и тот погнал «Понтиак» вдоль лесополосы к шоссе. Спустя несколько секунд их догнал странный вопль, полный тоски и силы и других не определимых человеческим языком чувств, в котором смешались орлиный клекот, рыдание, вой пурги и трубный зов слона. Вопль был так необычен и жуток, что даже у привычных к неожиданно-стям контрразведчиков вызвал приступ страха и желание заткнуть уши. Запомнили они его на всю жизнь.

— Ни фиги себе! — пробормотал Василий спустя несколько минут, когда за лесом уже не стало видно ни дома Тараса, ни поселка. — Что это было?

— Конкере, — ответил притихший Матвей. — Монарх Тьмы. Вернее, его проявление.

Дальше они ехали молча.

Горшин догнал их через полчаса, посигналил и, когда «Понтиак» остановился, пересел к ним в машину. Он был угрюм, но спокоен.

— Поехали, довезете меня до Буденного, а там наши пути разойдутся.

— А «Шевроле»?

— Он мне больше не понадобится. К тому же боюсь, что на нем осталась печать зла.

— Ты... видел его?

— Кого?

— Монарха?

Горшин неожиданно засмеялся:

— Монарха на Земле нет, парень. Он живет в иной реальности и в иных временах. Здесь же иногда появляется его тень, псидвойник, принимающий, кстати, любую форму. А я, кажется, определил наконец координаты точки выхода. Благодаря вам, кстати. И теперь у меня появляется шанс объявить ему хиссацу¹.

Прятели обменялись взглядами.

— Не понимаю, — буркнул Василий, трогая машину с места. «Понтиак» вписался в поток машин на шоссе Энтузиастов, едущих к столице.

Горшин не обратил на его реплику внимания.

— Зачем ты возвращался? — тихо спросил Матвей.

— Чтобы передать ему привет, — улыбнулся Тарас. — Надеюсь, он остался доволен.

— Дом уцелел?

— А что с ним сделается? В нашей реальности он существовал частично, я просто вернул его в скрытую реальность.

Помолчали, поглядывая на обгоняемые автомобили.

— А кто-то так и не выполнил своего обещания, — безразличным тоном проговорил Матвей.

Тарас остро взглянул на него, но прочитать мысли не смог.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил о какой-то коррекции, помнишь?

Горшин хмыкнул:

— Считаешь, созрел?

— О чем речь? — осведомился Василий; было видно, что ведет машину он с удовольствием.

— Матвей — потенциальный трансформ, — пояснил Тарас, обдумывая какую-то проблему. — Его родовая ветвь насчитывает миллионы колен и простирается на десятки миллионов лет. Разве он не рассказывал?

— Говорил, что паранорм. А трансформ — это в каком смысле?

— Ладно, попробуем, — бросил Горшин, не отвечая водителю. — Одним нарушением больше, одним меньше... Едем в центр, на Остоженку, я вам кое-что покажу. Но учти, ганфайтер,

¹Хиссацу — бой насмерть (яп.).

тебе придется учиться владеть своей скрытой силой самостоятельно. К тому же после пси-коррекции организму необходим адаптационный период, который может длиться от двух до четырех часов. — Горшин вздохнул завистливо-горестно. — Будь у меня такие задатки с детства, я не просидел бы в учениках столько сотен лет, давно уже стал бы Хранителем. Сейчас налево.

Василий послушно свернул.

— Так все-таки что такое трансформ?

— Вам как объяснить — попроще или с учетом образования?

— Проще, человек я не шибко увлекающийся наукой.

— Что такое аура, знаете?

— Ну, это излучение... такое сияние вокруг головы.

Горшин покосился на Матвея, в глазах его мелькнули иронические искры.

— Примерно так. Аура — энерго-информационное тело человека, собственно разум. Биологическая часть человека, его физическое тело, служит лишь для энергоподпитки ауры. Матвей мог бы управлять аурой более эффективно, имей он пси-мостик между сознанием и подсознанием и связь между энергетическим каркасом тела — сетью нервных узлов, стимулирующих организм при иглоукалывании, — и центром хара.

Как мастер айкидо Василий знал, что такое хара и каково его влияние на регуляцию сил организма, поэтому спросил о другом:

— И что это может дать?

— Выход в запределье — в самом общем смысле. Конкретно же: владеющему собой в стиле уна рес¹ станет доступно скрытое внедрение в умы окружающих, непосредственное восприятие многомерности мира. Он сможет выполнять трюки, смертельно опасные для обычного человека, освободиться от ограничений времени и пространства, черпать информацию по ментальному каналу из будущего и даже из прошлых времен. В перспективе — контроль над материей посредством воли... Приехали, — закончил Горшин будничным тоном и первым полез из машины.

Василий, открыв рот, смотрел ему вслед. Матвей похлопал напарника по плечу, на жест его — палец у виска — отрицательно качнул головой и догнал Тараса уже у входа в действующую церковь.

Это была надвратная церковь Спаса, построенная еще в кон-

¹Una res — единая вещь (лат.).

це семнадцатого века на территории Зачатьевского женского монастыря между Остоженкой и Москвой-рекой. От монастыря сохранилась только часть стен, но церковь восстановили, и в ней регулярно проводились богослужения.

Однако Горшин не повел приятелей в саму церковь, обошел ее кругом и во дворе свернул к низкой каменной постройке, напоминающей склеп, с единственной железной дверью, запертой на огромный амбарный замок. Было видно, что ходили сюда редко, а замок и вовсе выглядел столетним, но стоило Тарасу прикоснуться к нему, и он открылся сам, без ключей и отмычек.

Дверь, толщиной чуть ли не в полметра, тоже открылась сама, тихо, без скрипа и визга петель, проводник молча шагнул в темноту «склепа», и переставшие чему-либо удивляться молодые люди вынуждены были последовать за ним.

Дверь закрылась за ними автоматически, с тяжелой основательностью, отрезав дневной шум и свет, но фигура ушедшего вперед Тараса была видна в кромешной тьме хорошо: вокруг его головы и кистей рук засветилось золотистое электрическое сияние.

По узкой лестнице они спустились вниз, в подвал, открыли еще одну дверь, тоже металлическую, с заклепками, и долго спускались по другой лестнице, с каменными ступенями, с пролетами не менее полусотни метров. Когда Горшин наконец остановился, Матвей прикинул, что находятся они на двухсотметровой глубине под Москвой-рекой.

Тарас с неопределенной усмешкой красноречиво оглядел молчавших контрразведчиков, зубы его тоже излучали золотое свечение.

— За этой дверью, — он отодвинулся чуть в сторону, — расположен храм, которому около трехсот миллионов лет. Впрочем, вряд ли его можно назвать храмом.

Трехметровой высоты и такой же ширины дверь имела странный вид, будто сделана была из отливающих шелковой зеленью крыльев гигантских жуков. Во всяком случае, это был не металл, вообще какой-то неизвестный Матвею материал.

Горшин коснулся двери пальцем, весь засветился зеленым светом и прошел ее насквозь. Потом из ниоткуда — из воздуха, но не со стороны двери — раздался его насмешливый голос:

— Смелее, герои.

— Хорошо, если я сплю, — пробурчал Василий, осторожно

дотрагиваясь до необычной двери, шагнул в нее и исчез. Матвей не без колебаний шагнул следом.

Они оказались на балюстраде, опоясывающей гигантский зал с бугристым, сложенным из скалистых пород потолком. Глубина зала достигала не менее ста с лишним метров, и весь он был заполнен одной колоссальной, светящейся оранжевой желтизной постройкой, аналогов которой в земном градостроительстве Матвей найти сразу не смог. Больше всего она напоминала созданный с великолепным размахом термитник, с тонкими и плавными переходами, создающими потрясающий эстетический эффект. Но главное, что бросалось в глаза и ощущалось на расстоянии, термитник был создан не человеческими руками и не для людей.

— Карамба! — прошептал Василий после пяти минут молчания. — Теперь уж точно я сплю! Кто мог это здесь построить?!

— На самом деле термиты, — обернулся Горшин, сверкнув фосфорически светящимися белками глаз. — Правда, по размерам они не уступали нашим овцам. К тому же в те времена это были разумные существа.

— Бред! — сплюнул Василий, с благоговейным трепетом разглядывая термитник.

— Под Москвой около сотни таких подземных храмов, сохранных благодаря заранее принятым мерам, — не обратил внимания на его реплику Горшин. — Под Кремлем — самый большой и красивый и самый древний, ему около полумиллиарда лет. Строили его пчелы... я имею в виду разумных пчел. Так что Москве на самом деле гораздо больше лет, чем принято считать.

— Кто же ухаживает за таким чудом?

— Хранители.

— Значит, люди все же сюда проникают?

— Хранители — не люди или, вернее, не совсем люди. — Горшин начал терять терпение: — Ганфайтеры, нам пора. Посмотрели — и будет, хорошего понемножку.

— Значит, Успенский оказался прав? — тоже зачарованный, произнес Матвей, хотя был подготовлен к тому, что увидел.

— Не во всем, но что касается разумных существ, населяющих Землю, тут он просто провидец. А может, его посвятили Хранители, забыв взять клятву о неразглашении знаний? Идемте.

— Как же мы спустимся?

— Вниз не пойдем, хотя спуск предусмотрен. Захочешь, придешь сюда один. У меня просто нет времени любоваться этим термитником. Не отставайте.

Горшин повернул налево по балюстраде, и приятели вынуждены были оторвать взгляд от дворца, созданного разумными термитами во время динозавров.

Зал они обходили недолго. Вскоре Горшин остановился у каменного выступа, формой напоминавшего панцирь черепахи, ткнул в него пальцем, и выступ превратился в нишу с черным треугольником входа.

Как только они вошли, вспыхнул свет, но источник его остался необнаруженным. Казалось, светится сам воздух. С грубо обработанными каменными стенами, помещение имело форму полумесяца и делилось полупрозрачной перегородкой на две части. Судя по виду, строилось оно значительно позднее храма.

— Вы подождите здесь, — сказал Горшин Василию, а Матвеем махнул рукой: — Иди за мной.

— А он тебя там, — понизил голос Василий, когда Тарас скрылся за перегородкой, — не того? Не превратит в термита?

— Это избавит тебя от необходимости идти на дачу Ельшина, — бодро улыбнулся Матвей, в то же время холодея внутри.

Он зашел за перегородку, и та стала полностью непроницаемой, монолитной, как перламутровая пластина. Отверстие прохода держалось секунду, затем и оно исчезло.

Выругавшись про себя, Василий обошел остальную часть помещения, пустую, как склеп, после чего сел на полу, лицом к перегородке, в позе сейдза и стал ждать.

Сеанс пси-коррекции длился немногим больше получаса.

Василий вздрогнул, когда в перегородке появилась треугольная дыра, из которой, пошатываясь, вышел Матвей Соболев. Горшин поддерживал его под локоть.

— Можно где-нибудь спокойно провести пару часов? Ему нужен сон и питье, лучше всего фруктовые соки.

— Найду. — Василий подумал о знакомой девушке. — Но вообще-то нам...

— До обеда он оклемается, так что планы ваши не пострадают.

Горшин повел к выходу ни на что не реагиовавшего Матвея, которого Василий взял под локоть с другой стороны. Поднима-

лись из-под земли они долго, пока не вылезли на божий свет. Василий как-то не заметил, что уходили они утром и возвращаются тоже утром — шел всего одиннадцатый час. Духота и жара обрушились на них ударом дубины; в подземелье, как оказалось, дышать было намного легче.

Усадив осоловелого Соболева на заднее сиденье «Понтиака», Горшин помахал рукой на прощание:

— Удачи, ганфайтеры. Может, еще свидимся.

— Э-э, постойте! — заволновался Василий. — А что мне делать с ним?

— Ничего.

— А если он... м-м... так и не придет в себя?

— Придет. — Горшин задумчиво глянул на сидевшего с отрешенным видом Матвея. — В каждом из нас закодированы все энергетические грани Вселенной, но не каждый может реализовать свое умение пользоваться ими. Он, наверное, сможет.

— Чего же он такой... смурной?

— Пси-коррекция — процесс болезненный, я просто отвлек его альфа-сном. Он сейчас видит кое-какие энергетические планы бытия, чья эстетика требует включения всего сознания. Через час он очнется.

И Горшин исчез. Только что стоял рядом с машиной, в белоснежном костюме, и вдруг его не стало. Василий чертыхнулся, оглядевшись по сторонам, похлопал Матвея по плечу — тот смотрел прямо перед собой остановившимися глазами — и сел за руль.

— Хотел бы я знать, кто из нас спит: он или я, — сказал Василий вслух, вспоминая подземный «храм» и ощущая дрожь при мысли, что земная история кем-то корректируется, потому что истину в массе своей люди не знали.

Глава 28

УДАЧА ЗЛА

Матвей пришел в себя к обеду. Василий ожидал каких-то эффектов, чего-то необычного в поведении товарища, но тот выглядел, как всегда, невозмутимым, собранным, внимательным. Не изменилось и выражение глаз, в них сквозь прозрачно-синий

холод всепонимания проглядывало предостережение. На вопрос Василия: ну как? — он ответил:

— Жарко. Или ты не об этом?

Рассказывать о своих ощущениях не хотелось, сам еще не все понял, необходимо время, чтобы разобраться в происходящем с нервной системой. Во всяком случае, самочувствие его позволяло заниматься делом.

Василий, следует отдать ему должное, хорошо понимал состояние товарища и не стал пускаться в расспросы, за что Матвей был ему благодарен.

В два часа дня, пообедав у приятельницы Василия, они проверили экипировку, подогнали снаряжение и с сумками за плечами отправились к метро. С виду они выглядели омовцами при исполнении, одетые в пятнистые костюмы, ботинки и береты спецмилиции. Впрочем, и документы были у них соответствующие: капитана — у Матвея и старшего лейтенанта — у Василия.

На тот случай, если Ибрагимов приготовил им засаду в метро — не сработал их приказ «не помнить, что он им говорил», — они готовы были отступить, чтобы войти в метро особой ветки в другом месте, но засады не оказалось. Приказ сработал.

Вход в спецметро начинался за служебными помещениями станции «Лубянка», расположенными в конце перрона правой ветки, ведущей к конечной остановке «Улица Подбельского».

Дверца из металлической сетки с табличкой «Под напряжением. Опасно для жизни» была заперта. Матвей сорвал замок мощным, хотя и незаметным со стороны кистевым рывком во время прихода поезда, после чего они тихо исчезли в тоннеле, никого не потревожив. Бордюрик вдоль рельсового пути закончился у тупика с еще одной дверью, где было написано масляной краской: «ПК № 21». Матвей знал, что хлипкую с виду дверь не пробьешь и гранатой. У двери стоял метровый железный шкаф с надписью: «Огнетушители». Василий открыл его, подсвечивая фонарем (здесь гнезвился полумрак), вытащил спецтелефон с изогнутым рожком микрофона, подождал, пока пройдет электропоезд, и сказал в трубку всего одно слово: «Титул». Внутри шкафа загудело, и дверь «ПК № 21» медленно открылась. В метре от нее шла еще одна, но уже освещенная, с современным дизайном, электронно-оптическим блоком и фанерной табличкой: «Контроль состояния ТТ».

Став так, чтобы тень от надвинутого берета падала на лицо, Матвей набрал комбинацию цифр на небольшом пультике, врезанном в металл двери, и та легко ушла в сторону, открывая помещение размером в шкаф, с люком в бетонном полу. Люк открылся поворотом рукояти сбоку, и взору предстал колодец, освещенный скрытыми лампами.

Спускались они минут пятнадцать на глубину в полсотни метров, пока не повисли на лесенке, выходящей из потолка тоннеля спецметро. Диаметр тоннеля был раза в полтора меньше обычного, предназначенного для поездов метрополитена. Из конца в конец он был пуст и темен, без единого фонаря. Но лазутчики знали, что метро, построенное еще во времена КГБ, продолжало функционировать и использовалось известными работниками ФСК.

— Где же транспорт? — прошептал Василий с разочарованием.

— Здесь его и не должно быть, — так же тихо ответил Матвей, спрыгивая на полотно. — Секретная станция расположена под зданием ФСК, где и осуществляется посадка, а мы вошли через технический колодец, не требующий усиленной охраны. Кстати, до станции всего метров четыреста, так что кончай разговоры и готовься прикрывать тыл, я пойду первым.

После того как они еще раз проверили снаряжение, оружие, а Василий нацепил инфракрасный датчик, Матвей повернул налево и углубился в тоннель, сосредоточиваясь на ходу; видел он в темноте гораздо лучше, чем раньше, но не придавал этому значения.

Их появления в спецметро никто не ждал, только этим и можно объяснить ошибку охраны тоннеля, принявшей двух «омоновцев» за техническую бригаду. А когда лениво развлекавшиеся игрой в пристенок парни, увидевшие по телемонитору две фигуры и не поднявшие тревоги, окликнули «технарей», те ответили бесшумной атакой из «глушака». Луч разряда накрыл всех троих охранников, и они так и не узнали, кто проник на территорию метро особого назначения. Матвей и Василий уточнили у них, как работает электросистема станции, и приказали «нести службу, словно ничего не произошло». Сами же лазутчики уже через минуту отбыли со станции в мотор-вагоне, похожем на большую торпеду. Оба понимали, что факт отправки вагона по особой ветке скоро станет известен службе эксплуатации, а через нее — тайному начальству, но иного пути на дачу Ельшина не знали.

Привычным мысленно-волевым усилием Тарас вошел в компьютерную сеть огромного города и сразу же понял, что его ж д у т! Пришлось срочно выходить обратно, отстраиваться от чужого пеленга и вытряхивать из мысленной сферы проникшего туда «паука угрозы». Выход ему дался нелегко, и некоторое время Тарас отдыхал, блокируя работу мозга по всем пси-векторам, пока не почувствовал себя лучше. То, что сеть компьютерного анализа оказалась под чужим контролем, говорило о частично проникаемом или даже константном появлении Конкере. Монарх Тьмы был здесь, на Земле, физически воплотившись во что-то или в кого-то, и решал какие-то свои задачи, одновременно помогая своему протеже — генералу Ельшину.

И все же Тарас был доволен: проявление «монарха» в нынешней реальности Земли стало возможным в значительной мере благодаря его усилиям, а также действиям ганфайтера Соболева, о чем тот, конечно, и не подозревал. Горшин давно ждал этого момента, чтобы лицом к лицу встретиться со своим врагом, виновным в гибели любимых и близких. Судя по всему, момент этот был недалек. Но для стопроцентной гарантии необходимо не только удержать интерес Конкере к деятельности людей, но и спровоцировать его на решительные действия, в чем могли помочь опять же действия ганфайтера Матвея Соболева, отмеченного вниманием иерархов. Соболева нужно поощрять и поддерживать. В принципе в это положение он попал не по своей воле, о чем уже, видимо, стал понемногу догадываться.

Тарас открыл мозг в диапазоне астрала, но уровень паранормальной активности в этом диапазоне был все еще очень высок, и сомнений не оставалось: Конкере искал его, хотя и не прибегал пока к прямым методам зондажа — вероятно, боялся быть обнаруженным иерархами.

Расставшись с ганфайтерами Соболевым и Балуевым, Тарас провел два с лишним часа в специально оборудованном гараже на Фрунзенской, где у него стояла еще одна машина — «Чайка» последней модели с пуленепробиваемыми стеклами и корпусом. Такими авто пользовались только два человека в стране — президент и премьер-министр. ГАИ пропускала их «под козырек». На машине Тараса даже номера стояли президентские, он хранил ее на крайний случай, и этот случай наконец представился.

Прямо из кабины он позвонил Завьялову и договорился о встрече. Спустя сорок минут референт премьера открыл дверь на звонок.

— Что произошло, Граф?

— Пока ничего, — Тарас проверил «горизонт» — все чисто, никто Завьялова не пасет, — и прошел за хозяином, раздетым из-за жары до трусов, в гостиную. — Просто хочу предупредить.

Дмитрий Васильевич смотрел выжидательно, и Тарас продолжал:

— До сих пор деятельность «Чистилища» подчинялась «квадрату» комиссаров, то есть никто из нас единолично управлять исполнительной сетью не мог. Сегодня наступил момент ломки закона.

Завьялов опять не понял, это было видно по его глазам, и Горшин только сейчас сообразил, что нормальный человек не умеет читать его мысли. Пришлось объяснять:

— «Купол» решил на сделку.

— То есть хочет продать похищенную партию оружия?

— В том числе «глушаки» и «болевики», что гораздо страшнее... и прибыльнее. По сути, это сделка века, и «Купол» сделает все, чтобы ее осуществить... если ему не помешают.

— Кто? Мы?

— Ганфайтер Соболев.

Завьялов от неожиданности хихикнул, но, видя, что собеседник настроен иначе, нахмурился:

— Это несерьезно, Граф. Или вы... шутите?

— Какие уж тут шутки. Конечно, одному Соболеву не справиться, поэтому я и хочу, чтобы «Чистилище» ему помогло. Теперь ясно?

Дмитрий Васильевич медленно сел на диван, наморщив в размышлении лоб, покачал головой, признался с грустной улыбкой:

— Я почему-то всегда был уверен, что в один прекрасный момент вы круто измените реальное соотношение сил. Это во-первых. Во-вторых, ни Рыков, ни Музыка на это не пойдут. А в-третьих, мы все можем оказаться у разбитого корыта. Мощь Купола пока превышает наши ресурсы, и в результате мы вполне можем проиграть операцию... и жизнь.

— Вот почему я и не хочу использовать все силы «Чистилища» за вашей спиной, хотя, в принципе, вся сеть исполнителей подчиняется мне. Я предполагал такой случай... до создания «квадрата». Но если даже решение «квадрата» будет единогласным, в операции должны будут принимать участие только добровольцы. Попробую уговорить Рыкова и Боханова, а вы — Глеба

Максимовича, он вас скорее послушает. Времени на все уговоры — час. Не согласятся, я вынужден буду подключить к операции мейдеры, подчиняющиеся не спикерам, а непосредственно мне, а также сообщить об акции «Купола» всем особым службам: ФСК, ГУБО и Министерству внутренних дел.

— Все эти службы заняты сейчас не столько «Куполом», сколько «Стопкримом», они тоже не станут связываться с «Куполом», да еще в открытом бою.

— Но если этого не сделаем мы, то кто же? Кто остановит государственно-мафиозный беспредел? Помните у классика: «Если я не за себя, то кто же за меня? Если я только за себя, тогда зачем я?»

Завьялов опустил голову. Молчал. Думал.

— В конце концов, я мог бы ничего не говорить, — закончил Горшин. — У меня свой путь, у вас — свой, дошли вместе до перекрестка — и разошлись. Почему я должен думать за вас, людей, что-то делать для вас, решать за вас? Когда вы начнете думать сами, без поводырей, пастухов, учителей, героев?

При словах «за вас, людей» Завьялов встrepенулcя, глянул на задумчиво-спокойное, уверенное и в то же время горестно-недоумевающее лицо Горшина, однако ничего не сказал.

Тарас, который так и не присел, направился к выходу. Дмитрий Васильевич глухо сказал ему в спину:

— Я попробую... но не гарантирую, что Глеб согласится. Как и Рыков. Если хотите, забирайте и мои две монады телохранителей. И... ни пуха вам, ни пера, Граф!

— К черту! — донеслось из прихожей.

Мотор-вагон имел ручное управление, поэтому Матвею не составило труда остановить его за полкилометра до станции под дачей Ельшина.

После того как они стартовали от станции под Лубянкoй, им за пять минут удалось разобраться в схеме метро, и вагон помчался по нужному тоннелю — к даче, хотя дважды мог повернуть соответственно стрелкам: сначала к аэродрому в Шереметьево, потом к военному аэродрому в Гриневе. Пришлось останавливаться и переводить стрелки вручную.

Оставив вагон, контрразведчики привычно проверили экипировку и настроились на преодоление препятствий. Оба понимали, что выиграть открытый бой вряд ли возможно, и надеялись

только на свой ум, искусство скрытого передвижения и опыт изворотливости.

Станции как таковой под дачей Ельшина не существовало, тоннель в этом месте заканчивался тупиком, чуть расширялся, образуя платформу длиной в десять и шириной в три метра. В стену площадки были врезаны две металлические двери, массивные даже с виду, без замков и ручек. В каждой двери имелись непросматривающиеся амбразуры, но Матвей знал, что в них прячутся пулеметы.

Первым делом они заклеили пластырем объективы трех телекамер, обзоревавших тоннель. Затем спрятались за ребристые уступы, образующие нечто вроде контрфорсов сбоку от дверей, и стали ждать.

Техники, следившие за подъездом спецметро, отреагировали только через четверть часа.

Одна из дверей с гулом отодвинулась, и на платформу выскочили двое автоматчиков в черных комбинезонах. Они и не подумали снять автоматы с плеч, уверенные в незначительности тревоги, и ганфайтеры уложили обоих СА-атакой¹ в течение трех секунд, так что те не успели ни предпринять что-либо, ни понять, в чем дело. Еще с полминуты потребовалось на переодевание в форму техников, после чего, собственно, и начался «поход мстителей» навстречу самому жестокому в их жизни приключению.

Со слов Ибрагимова они знали об устройстве лифта, выходящего на поверхность, но, чтобы тревога не поднялась раньше времени, им предстояло сначала обезвредить посты охраны на двух уровнях выхода и смену техников, дежуривших у монитора, на который сводились каналы аппаратного контроля подземного хозяйства дачи. Этот комплекс сооружений, принадлежавший Ельшину, вряд ли можно было назвать дачей, скорее секретной базой с мощной системой сохранения тайны, использующей самые современные методы маскировки и охраны.

Пси-коррекция, проведенная Горшиным, пока не сказывалась на работе организма, как ни старался Матвей увеличить диапазон возможностей с приставкой «экстра», но он был доволен и тем, что режим турии остался ему подвластен. Это Матвей обнаружил, сосредоточившись на внутренних запасах энергии и получив в ответ «тихую молнию» ментального заряда, который

¹Атака на сонную артерию.

превратил его в паранорма, человека, живущего в другом потоке времени.

Первый пост охраны они обнаружили у лифта, больше напоминавшего шахтерскую клеть. Василий успел разрядить в двух могучих парней «глушак», прежде чем они схватились за автоматы, после чего у суггестора кончился заряд, и его пришлось бросить. Как оказалось, здесь несли службу в качестве охранников офицеры из состава внутренних войск, но вряд ли эти юные лейтенанты и капитаны знали, что и кого они охраняют. Для них дача Ельшина была, очевидно, каким-то военным объектом, о котором они не имели ни малейшего представления, потому что доставляли их и увозили подземным путем.

Местонахождение второго поста удалось вычислить заранее, и охранники, озадаченно наблюдавшие за спокойной, несуетливой работой двух «техников», не сразу сообразили, что подпустили их к себе, простукивающих стены и что-то измеряющих, слишком близко. А когда сообразили, было уже поздно: двоих оглушил Матвей, третьего Василий.

Затем наступила очередь дежурной смены технического контроля, несшей вахту в бункере на втором горизонте — под землей, но уже на уровне цокольного этажа дачи, служившего гаражом. Техников — опять-таки офицеров внутренних войск — было уже двое, и они тоже не ожидали, что их «сменят» в неурочное время.

— Что теперь? — осведомился Василий во время краткого отдыха в бункере, заполненном шкафами с электрооборудованием и счетно-решающей техникой.

Матвей собрался было махнуть рукой вперед, но при взгляде на десять работающих экранов системы телеконтроля у него появилась неплохая идея.

— Подожди-ка, — бросил он товарищу, подсаживаясь к терминалу компьютера.

Идея оказалась стоящей. Через несколько минут дисплей выдал на экран расположение апартаментов дачи, а также ее подвалов и подсобных помещений. По шести из них, однако, он информацию не выдал, видимо, это были особо секретные помещения, и Матвей предположил, что в каком-то из них и содержится пленная Кристина. Оставалось выяснить, в каком именно, но тут уж приходилось надеяться только на удачу.

Подземный гараж, в котором стояли четыре автомашины, в том числе БМП — боевая машина пехоты (!), они проскочили без

инцидентов, но уже в переходе в подвал, где начиналась анфилада таинственных комнат, их настигла спецгруппа, состоящая из профессионалов рукопашного боя, и с ходу предложила «штатный режим поединка в условиях тесного помещения».

По тому, как слаженно действовала группа, не применяя огнестрельного оружия, молча, с какой-то зловещей уверенностью, Матвей понял, во-первых, что это зомби, во-вторых, что у них приказ — взять лазутчиков живыми. А из этого следовало, что здесь контрразведчиков ждали.

Понял это и Василий, но уже ничего нельзя было сделать, инициатива перешла в другие руки, им навязывали бой, и выйти из положения с максимальным эффектом могло помочь только чудо. Что чудес не бывает, ганфайтеры поняли через несколько минут.

Первую группу из шести бойцов, одетых в десантные балахоны, Матвей и Василий нейтрализовали чисто, израсходовав больше половины своего «боезапаса» из спецснаряжения ниндзя. Оба были в отличной форме и превосходили в технике любого и каждого, кто пытался их взять или ранить. Но, отбившись от первой шестерки и снова выбежав в гараж, они нарвались на второй наряд зомби числом в дюжину, и тут уж пришлось отбиваться на предельной отдаче, с использованием «смертельного касания» и «кулаков демона», потому что против этих полуроботов ни удары, ни уколы в нервные узлы не помогали, а сикэцу — «точки смерти» — у них были прикрыты кевларовыми жилетами.

Наверное, они справились бы и с этим отрядом: Василий дрался с вдохновением, демонстрируя великолепнейшую технику айкидо и кунгфу, а Матвей все еще держался в состоянии свержреакции, но, когда им удалось завладеть автоматами, в спину ударил еще один отряд и накрыл их веерными сетками, связавшими движения. В конце концов их задавили числом, ранив обоих: Василия — кинжалом в грудь, Матвея — в плечо и в спину.

Обоих связали и уложили в подвале на пол лицом вверх. Понимались шаги двух человек, кто-то наклонился над ними. Матвей с трудом отогнал кровавую пелену с глаз и увидел лицо Хасана Ибрагимова с хищно раздувающимися ноздрями.

— Дышат, — сказал Ибрагимов почти беззвучно; Матвей едва расслышал его голос сквозь шум в ушах.

Еще один человек наклонился над лежащими контрразведчиками. Это был Генрих Герхардович Ельшин, начальник Управления «Т» службы контрразведки.

— Долго же я тебя ждал, капитан. Не думал, конечно, что объявишься здесь, да еще с подарком. — Ельшин перевел взгляд на потерявшего сознание Василия. — Спасибо, не забуду. Но ты все же заставил нас поволноваться, ганфайтер. Жаль, что ты не с нами. Честно скажу, таких профессионалов у меня нет. Если бы не помощь... одного моего знакомого, я вряд ли имел бы удовольствие лицезреть тебя здесь в таком положении. А ведь ты мог бы, пожалуй, и добиться успеха в своем безумном предприятии. — Ельшин задумчиво оглядел Матвея. — Девушка твоя у меня, в полном здравии. Я даже устрою вам свидание... — Он глянул на часы. — До шести вечера. Хорошо, что мы перенесли испытания... м-м... оборудования. А потом тебе и твоим друзьям придется побыть «кроликами», не возражаешь? Я хочу кое-что продемонстрировать своим гостям, прежде чем предлагать им товар.

Ельшин разогнулся, кивнув Ибрагимову:

— Во вторую обоих.

— Но там же сидит эта тигрица. Может, не стоит оставлять их вдвоем? Вернее, втроем?

— Во вторую. — Ельшин удалился.

Ибрагимов больно ткнул Матвея носком ботинка в бок.

— Останешься живой, капитан, я использую тебя вместо мишени в тире. Посмотрим, как ты будешь увертываться от пуль.

— Как ты вышел на нас? — прошептал Матвей, чувствуя, что проваливается в глухую тьму небытия.

— Не я, — засмеялся главный секьюрмен «Купола». — Мы и не подозревали, что вы пойдете этим путем, пока не вызвал вдруг босс и не сообщил, что вы уже в подвале.

Снова «монарх», подумал Матвей с каким-то облегчением, и свет в глазах его померк.

В четыре часа дня их вынесли из подвала и подняли наверх, на второй этаж дачи, в помещение, куда они так стремились попасть, и одного за другим швырнули на пол под удивленно-испуганный вскрик узницы, находившейся здесь уже четвертые сутки.

Ельшин оглядел аудиторию.

Прибыли все зарубежные гости и почти все отечественные, одинаково заинтересованные в успехе сделки. Всего набралось полтора десятка человек, из которых четверо представляли воен-

ную элиту Соединенных Штатов, остальные — Азию и Европу. Первых лиц, конечно, не было, но и те, что присутствовали, вполне отвечали статусу ИВП — исключительно важных персон — и имели право голоса в своих штабах и органах власти. Хотя, с другой стороны, широкой общественности их имена известны не были. Эти люди всегда находились в тени и работали в условиях абсолютной секретности.

— Начнем, господа, — обратился после приветствия Ельшин к собравшимся на английском языке. — Все вы знаете, зачем вас сюда пригласили. Обратите ваше внимание на сугубую секретность нашей встречи, ибо она происходит в обход законов нашей страны. Но... нет такого закона, который нельзя было бы нарушить.... во имя великой цели, конечно. А цель наша — сохранение мира во всем мире.

Ельшин позволил себе улыбнуться, оглядел внимательные лица присутствующих, скорее похожих на туристов, чем на генералов и адмиралов, не нашел среди них министра обороны, и недоброе предчувствие кольнуло сердце.

— Именно во имя этой благой цели мы предпочли собрать сегодня всех заинтересованных персон, — продолжал генерал, — а не работать с каждым в отдельности, пытаясь поднять цену предлагаемого товара. Но мы не хотим неприятностей в виде угрозы со стороны отдельных государств, заимевших ору... м-м... товар, этот товар должны иметь все.

Тишина в небольшом зале со столиками, уставленными напитками и фруктами, который напоминал больше зал ресторана, наступила после слов Ельшина полная. Он снова оглядел лица заинтересованных слушателей, рассмеялся, махнул рукой:

— Что это вы, господа, как на официальном приеме? Чувствуйте себя как дома. Эта дача принадлежит мне, а не государству, так что безопасность и тайна вашего пребывания здесь обеспечены. К тому же близится время, когда вся в л а с т ь в этой стране будет принадлежать также хозяину дачи. То есть мне. Вопросы есть?

— Какова процедура встречи? — поднял руку широколицый толстяк, главный дилер ЦРУ.

— Сейчас ленч, потом смотрины товара. В шесть часов — обсуждение условий и подписание контрактов. В десять вечера вас доставят в аэропорты, и — адью, господа. Во избежание утечки информации такие встречи следует проводить оперативно. Сче-

та, на которые следует перечислять сумму сделки — для всех она одинакова и составляет полмиллиарда долларов, — указаны в контрактах. До встречи на полигоне.

Генерал вышел, оставив онемевших гостей переваривать услышанное. Впрочем, люди они были опытные и реагировали на подобные заявления сдержанно.

После непродолжительного, но по-русски калорийного ленча гостей проводили во внутренний дворик дачи, мощный мраморными плитами, и рассадили в тени лип по плетеным креслам, за прозрачными листами из пуленепробиваемого стекла. Появился Ельшин, загорелый, в белоснежной рубашке, таких же шортах и кроссовках «Юса», смахивающий на преуспевающего бизнесмена.

— Господа, внимание! Начинаем демонстрацию товара. Первый пункт программы — огневая мощь.

На дальнем конце дворика появились четыре мишени в рост человека. Из ближайшего к дворику строения выкатилась платформа с разложенным на ней оружием. Первым пунктом программы было испытание новейших образцов стрелкового оружия: пистолетов скрытого ношения «анаконда» и «купон», замаскированных под рации, детские игрушки, авторучки и записные книжки; пистолетов-пулеметов «волк-2» и «гризли», пирожидкостных пистолетов «удар» и «днепр»; автоматов «гном» и «А-93М», гранатометов «ГП-101».

Вперед вышел Ибрагимов и продемонстрировал такую великолепную стрельбу из всех видов оружия, что вызвал аплодисменты. Стрелял он из всех положений: лежа, в прыжке, стоя спиной к мишени — и даже с закрытыми глазами, поразив все мишени в «яблочко», то есть в сердце и в голову. Четырьмя последними выстрелами из подствольного гранатомета он разнес все мишени в клочки, в том числе и горящую от выстрела «удар». Огневая демонстрация закончилась.

Пока двор очищали от гильз, осколков и мусора, гости потребовали холодные напитки и оживленно переговаривались. Стрельба превзошла все их ожидания, особенно понравился пистолет «волк-2», по мощности и точности превосходящий знаменитые «маузер» и «магнум».

— Второй пункт — гладиатор-зомби, — объявил Ельшин.

С разных сторон к дворику строем подошли две группы «черных беретов», вооруженных ножами, мечами и другим холодным

оружием, по сигналу Ельшина бросились друг на друга. Дрались они молча, но яростно и жестоко, не обращая внимания на раны и даже отрубленные кисти рук, выбитые глаза и торчавшие в сердце клинки. Бой стих сам собой, когда в живых остался всего один «берет», остальные были убиты в голову.

Смотреть на это кровавое месиво было жутко, но гости смотрели, не слишком переживая, изредка обмениваясь впечатлениями.

Трупы унесли, двор очистили от оружия, отрубленных голов, рук и ног, смыли кровь, и он снова стал красивым и чистым.

— Вы видели результаты обработки человеческого материала, — начал Ельшин, — психотронным оружием, способным подавлять волю человека до пороговых значений, отменяющих инстинкт самосохранения. Кроме того, это оружие, а именно суггестор «удав», именуемый в просторечии «глушаком», можно в принципе применять для воздействия на психику, сознание, поведение и желания любого индивидуума. В перспективе — создание излучателей, осуществляющих скрытое управление поведением больших сообществ людей. А сейчас заключительное испытание. Вы увидите действие «глушака» и еще одной разновидности психотронного генератора, так называемого «болевика», на испытуемых. Судьба этих «кроликов» пусть вас не беспокоит, они знали, на что шли.

Зрители с любопытством уставились на двух спотыкающихся молодых людей, которых вывели во дворик помощники генерала. Это были Матвей Соболев и Василий Балуев. Чуть в стороне еще один служитель держал за руку девушку, порывающуюся броситься к двоим испытуемым. Однако никто из гостей генерала так и не спросил, что это за «кролики», добровольцы они или нет, что их привело сюда и что с ними будет потом. В принципе гостям все это было глубоко безразлично.

Процедура испытаний «глушака» оказалась простой и внешне не впечатляющей, зато включение «болевика» превзошло все ожидания. Первый из «кроликов» кричал так, что звенело в ушах, корчился, изо всей силы бил руками о плиты, пытался содрать с себя кожу и вырвать глаза, пока не потерял сознание от шока. Второй тоже начал было кататься по двору, рычать от боли и царапать тело ногтями, но потом вдруг перестал и метнулся к прозрачной перегородке, за которой, скрестив руки на груди, стоял генерал Ельшин. «Кролик» убил четверых охранников,

прежде чем его удалось скрутить, что произвело на зрителей довольно сильное впечатление.

Он и на излучение «глушака» реагировал иначе, не так, как первый испытатель. Тот превратился в робота, а второй, справившийся с разрядом «болевика», лишь на второй минуте непрерывного облучения стал проявлять признаки находящегося под наркотическим «кайфом» человека. Движения его стали замедленными, неуверенными, он вдруг упал, приподнялся, глянул в сторону девушки, которая давно потеряла сознание — то ли от ужаса, то ли по другой причине, крикнул что-то нечленораздельное и упал лицом вниз.

— Кто это? — вполголоса поинтересовался у соседа представитель французских военных кругов. — Не похоже, что это доброволец. Да и дерется он, как дьявол.

Ельшин услышал француза.

— Вы правы, он не обычный испытатель. Его прежнее место работы — СМЕРШ-2, наша военная контрразведка. В результате провала ему грозила смертная казнь, и мы решили его... э-э... помиловать. Господа, вопросы прошу приберечь на деловую встречу, ждать осталось недолго.

Генерал махнул рукой руководителю испытаний, и тот закончил демонстрацию пси-генераторов на девушке, которую быстро привели в себя операторы. «Болевик» заставил ее кричать и плакать, рвать на себе волосы и кожу, но сопротивлялась она недолго, потеряв сознание уже через минуту. А на излучение суггестора «удав» отреагировала почти как и ее приятель из СМЕРША: сначала замерла, после приказа «раздеться» стала снимать с себя одежду, но уже спустя несколько секунд упала и отключилась. Фигура у девушки была так хороша, что среди зрителей поднялся гул, а толстяк-американец проворчал:

— Такой материал пропадает!

Гости засмеялись, стали перебрасываться шутками, замечаниями, задвигались, но было видно, что испытания произвели на них должное впечатление. Ельшин, довольный произведенным эффектом, дал знак унести с арены «кроликов». Ибрагимов подошел к нему сзади:

— Вы обещали отдать их мне, босс.

— Позже, — бросил Ельшин. — Пусть побудут до вечера там же, где и были. Мне надо выяснить, почему Соболеву удалось сопротивляться так долго. Потом они — твои. Узнал, где Галкин?

— В своем кабинете в МО, — ответил Хасан, — сидит там с утра, но дал команду отвечать, что отдыхает на рыбалке.

Лидер «Купола» озабоченно потер висок.

— Что это означает?

Ибрагимов молчал. На такие вопросы он не отвечал никогда.

Глава 29

ТОЧКА СМЕРТИ

— Пошли к шефу, — сказал Агапов Синельникову. — Дальше работать по «Куполу», а тем более по «Чистилищу» без его санкции нельзя.

— Рано, — отмахнулся страдающий от жары начальник оперативно-розыскной бригады. — Возьмем «чистильщика», выясним причины особой ненависти к «Стопкриму» нашего высокого начальства, тогда и пойдем.

— А приказ уничтожать «чистильщиков» на месте без суда и следствия?

— Я такого приказа не получал.

— И все же он существует. Давай пойдем ко мне домой, выпьем и все трезво взвесим.

Синельников хмуро улыбнулся, оценив каламбур, вытер лицо и шею платком, задумался.

— И вообще какого черта мы делаем в конторе в воскресенье? — сердито продолжал Агапов. — Чего ждем? Ясно же, что все наши засады провалены. А мы, кстати, до сих пор гадаем, кто из наших работает на «Чистилище». Или ты знаешь, но перестраховываешься?

Полковник ответить не успел, вздрогнув от телефонного звонка, снял трубку:

— Синельников.

— Александр Викторович, — раздался в трубке звучный незнакомый голос, — если хотите поучаствовать в захвате лидеров «Купола», объявите тревогу своему спецназу и выезжайте на дачу генерала ФСК Ельшина. Знаете, где она находится?

— Знаю, на тридцать втором километре Можайского шоссе. Кто вы? — спохватился Синельников...

— Поторопитесь, — донеслось до слуха полковника, — и учтите, это не розыгрыш. Как раз в это время на даче собрались за-

рубежные военспецы на предмет покупки нашего новейшего оружия. Кстати, в обход законов. До встречи.

— Кто вы? — раздраженно повторил Синельников, но в трубке уже послышались гудки отбоя.

— Что случилось? — поднял брови встревоженный Агапов. — Кто звонил? Новиков, Арсенюк?

— А хрен его знает! — Полковник смотрел на зажатую в кулаке трубку и впервые в жизни не знал, что делать. Голосу из телефона он почему-то поверил сразу.

— Который час?

— Полпятого. Что произошло, Саша?

Синельников не ответил.

...Точно такие же сообщения получили новый начальник ГУБО, замминистра МВД, начштаба московского ОМОНа, начальник военной контрразведки СМЕРШ-2 и директор Федеральной службы контрразведки Панов. Из них лишь Панов оценил информацию как требующую немедленного оперативного ответа, остальные начали анализировать данные, запрашивать свои компетентные службы и консультироваться с экспертами, потеряв драгоценное время, а заодно и насторожив службу безопасности «Купола». Правда, и она отреагировала с запозданием, получив несколько противоречивых сообщений якобы от осведомителей и наблюдателей разведсистемы мафии. В одном говорилось о готовящейся Министерством внутренних дел провокации с целью натравить внутренние подразделения «Купола» друг на друга, в другом — об операции Федеральной контрразведки по «захвату иностранного шпиона», проникшего в одно из управлений ФСК.

Инспирировал эти сообщения Горшин, используя соответствующие компьютерные сети, но об этом никто никогда не узнал.

Подъем из пропасти небытия на вершину сознания был долгим и мучительным. Сто раз он срывался с полпути и разбивался о «дно пропасти» насмерть. Сто раз он пытался отогнать кошмары и получал сильнейшие встряски нервной системы, парализующие тело, мозг и душу до состояния полнейшего равнодушия. Дважды он всплывал сквозь толщу огня и воды в миры со странными и необычными пропорциями, чтобы глянуть в глаза двух ожидавших его существ — мужчины и женщины, но не

людей! — и тут же снова погрузиться в расплавленное олово боли. Встречи эти запомнились не конкретно, а как бы фрагментарно, словно плотный туман времени — тысячелетия! — растворил события в себе, оставил в памяти только тени событий, их следы, призрачные «фигуры умолчания» да сожаление о безвозвратно потерянном и прошедшем.

При втором «всплытии» Матвею даже удалось спросить мужчину и женщину: «Я уже на том свете?» — и услышать ответ: «Тебе сюда пока рано, идущий, ты еще не закончил свой путь в той реальности...» Под «той реальностью», очевидно, подразумевался мир Земли, в котором он родился.

Но пришел наконец момент, когда он осознал себя как личность, и жизнь встрепенулась в теле и закричала во весь голос — от боли! — потому что не осталось ни одной нервной клетки, которую не затронуло бы излучение «болевика».

Однако Матвей чувствовал и кое-что другое: организм постепенно успокаивал боль, настраивал потрясенную нервную систему, приводил в порядок артериальное давление, ритмы сердца, дыхание и энергоотдачу. Кроме того, мозг фиксировал ощущения, которые Матвей не смог бы выразить словами, потому что в русском языке таких слов просто не существовало. Впрочем, как и в любом другом.

И тогда он вспомнил слова Горшина об «адаптационном периоде» пси-коррекции и понял, что период этот завершился. Ни болеизлучатель, ни суггестор «удав» не смогли подчинить его и заставить делать то, что он не хотел делать.

Не открывая глаз, Матвей огляделся: видел он теперь сквозь веки так же хорошо, как и с открытыми глазами, хотя и в другом диапазоне спектра.

Комната была та же, куда их с Василием поместили после боя в подвале и где находилась Кристина. Они так и не успели поговорить как следует, обменялись парой фраз да поцелуями, а потом началась пытка.

Убранство комнаты с единственным окошком, выходящим на стену не то сарая, не то гаража, свидетельствовало о том, что Ельшин не скупился на комфорт для своих пленников, кто бы они ни были. Широкая кровать-альков, роскошный диван, кресла, гарнитуры, ковры на полу говорили сами за себя. Но выйти отсюда час назад ни Матвей, ни Василий не смогли.

Бывший контрразведчик лежал ничком на полу, и Матвею

достаточно было одного взгляда, чтобы понять: парень плох настолько, что вряд ли выживет, если его не доставить в больницу.

Кристина лежала боком на диване, подогнув руки, и тоже выглядела почти мертвой, хотя еще дышала, и сердце билось медленно и неровно.

Матвей рывком сел, переждал головокружение, подскочил к девушке, перевернул ее на спину, ужаснувшись царапинам и рваным ранам, сунул под голову подушку. Жива, а это главное. Подожди, милая, я тебя вылечу, а пока надо заняться собой.

Без двадцати минут семь — он мог теперь ориентироваться во времени без часов с точностью до минуты — Матвей забрался на кровать, чтобы его не было видно из двери, и приступил к анализу собственных ресурсов и залечиванию ран. Канал связи с менталом сработал без обычного сверхнапряжения душевных сил, и уже через пять минут Матвей был полон сил и энергии. Резервы его были, разумеется, не бесконечными, в конце концов, и возможности паранорма базируются на энергетической подпитке биологического организма — тела человека, но для осуществления задуманного Матвей готов был потратить даже бесценные запасы внутренней энергии — ки, ответственной за постстрессовое восстановление, а также за долголетие и препятствующей старению. Используя их, организм в мощной импульсной отдаче мог за короткое время — часы и минуты — израсходовать то, что распределялось на месяцы и годы, на все шестьдесят-сто лет жизни, истощиться, буквально сгореть! Впрочем, об этом Матвей не думал.

Первым делом он позаботился о Василии: перенес его на кровать, сделал массаж сердца и акупрессуру жизненно важных точек на спине и груди, стараясь не задеть ран, нанесенных гангайтером самому себе. После чего устроил трехминутный сеанс энергопереноса, буквально вдохнув жизнь в полумертвое тело. Отдохнул, глядя на порозовевшее лицо контрразведчика, похлопал его по голому плечу:

— Полежи немного, старик, я тобой еще займусь.

Затем подошел к Кристине, чувствуя, как сжалось сердце. После осмотра девушки он дал клятву, что тот, кто отдал приказ надругаться над ней, умрет! И приступил к лечению.

Кристине он отдал гораздо больше энергии, чем рассчитывал, из-за чего потом пришлось восстанавливать силы чуть ли не полчаса, зато результата достиг почти сразу: девушка открыла глаза, непонимающе огляделась, встретила взгляд Соболева и

чуть было не закричала. Матвей еле успел зажать ей рот и прошептать:

— Тихо! Все в порядке, это я.

И тем не менее выражение ужаса не сразу ушло из глаз Кристины. Все то время, что он отдыхал и настраивал тело, она проплакала у него на груди, не отпуская ни на секунду.

— Никогда не думала, что такое... такая мерзость существует на свете! За что они нас?!

— Это я виноват. — Матвей наконец пришел в себя, отстранил девушку, вытер ей слезы. — Просто надо было рассказать тебе все, может быть, ты сто раз подумала бы, оставаться со мной или нет.

— Не говори ерунды. За что они тебя преследуют? Я уже поняла, что меня взяли в качестве заложницы.

— Не заложницы — приманки. Дело в том, что я контрразведчик-ганфайтер и место моей работы СМЕРШ, военная контрразведка. — Матвей вкратце пересказал Кристине обстоятельства, поставившие его в положение дичи, но опустил многие подробности. — Теперь поняла?

— Да. — На мгновение Кристина прижалась к его груди, поцеловала в губы. — Вообще-то я догадывалась, что ты не учитель, не филолог, вернее, не совсем филолог. И я — с тобой, что бы ни произошло!

Матвей заглянул в ее сияющие глаза и словно умылся родниковой водой. Ледяная голубизна в его глазах уступила место нежности. Ненадолго — он помнил, где находится.

Василий пришел в себя через несколько минут, после второго сеанса энергопереноса, однако полностью восстановить его прежнюю форму Матвей, конечно, не мог. И все же они были живы и могли бороться, судьба хранила их, дав необходимое время на зализывание ран.

— Что теперь? — попытался приободриться Василий. Дружески сжал руку Кристины, с которой успел познакомиться до испытаний психотронных генераторов. Кивнул на зрачок телекамеры, наблюдавшей за ними со входной двери.

— Заснули они там, что ли? Неужели не видят, что мы тут пришли в себя?

— Может, и видят, да приказ имеют не вмешиваться, а скорее всего камера имеет выход в апартаменты генерала, а он занят с клиентами. Но должен скоро заявиться, нам надо поспешить. Предлагаю отступить тем же путем — через подвал и метро.

Василий некоторое время размышлял, ощупывая свои царапины, синяки и шишки, кивнул:

— Наверное, это лучший выход из положения... если нас не остановят еще на подходах к метро. Но поверху нам точно не пройти. Вооружиться бы, ганфайтер из меня сейчас хреновый. Мне бы ту штучку, от которой я чуть не сдох.

— «Болевик». Да, не помешал бы, как и «глушак», впрочем.

— Или хотя бы автомат, тот же «гном», да и «волк» сгодится.

— Обходись пока руками и головой. Пара минут у нас есть, давай-ка обыщем сей приют.

Они обошли довольно уютную тюрьму, но никакого оружия, ни холодного, ни огнестрельного, не отыскивали. Правда, для такого профессионала, каким был Матвей, в качестве оружия годился любой предмет — от карандаша и скрепки до баночки с клеем и листа плотной бумаги. Именно эти вещи он и обнаружил в ящике серванта. Правда, у них был еще «стратегический запас» — сервиз из красивого богемского стекла на шесть персон, и знавший толк в таких вещах Василий удовлетворенно потер руки:

— То, что надо. Пару-тройку спецназовцев я обезврежу.

Кристина переводила взгляд с одного на другого, ничего не понимая, и Василий подмигнул ей, под тихий вскрик девушки разбил два бокала. Разбил удивительно точно — всего на два-три узких осколка, и Матвей показал контрразведчику большой палец: он сам не сделал бы лучше.

— Ну что, леди и джентльмены, пора? — Матвей незаметно для остальных настроил себя на нужный режим. — Василь, у тебя одна задача — оберегать Христю, остальное я беру на себя. Выберемся отсюда — рвите когти без оглядки, не обращая внимания на то, что делаю я. Никаких попыток помочь, подстраховать и так далее! На тот случай, если мы не успеем обсудить дальнейшие планы: как только уйдете с дачи, уезжайте из Москвы. У тебя есть родственники в других городах?

— В Тамбове, в Брянске, в Сибири.

— Тамбовские волки, что ли? — пошутил Матвей. — Вот и отправляйтесь туда, а я вас найду. Обещай.

— Хорошо, обещаю. — Василий посерьезнел, лицо его стало решительным и твердым, а в глазах зажглись азартные огоньки. — Все будет в порядке. Пожелаем друг другу удачи — и поехали.

Кристина подошла к ним, обняла сразу двоих, поцеловала каждого, но ничего не сказала.

— А теперь я продемонстрирую вам кое-какие скрытые возможности паранорма, — проговорил Матвей. — Эй, айкидок, ты должен знать: это называется тэ-гатана¹.

Ребром ладони Матвей нанес удар по зрачку телекамеры, выглядывающему из двери, но так быстро, что рука исчезла из поля зрения. От удара толстая деревянная дверь прогнулась, и камера вылетела в коридор, перепугав двух охранников, от безделья играющих в крестики-нолики.

— А это нукитэ².

Матвей достаточно хорошо видел, что происходит за дверью, и ударил в дверь в тот момент, когда один из охранников — рыжий верзила с бородой и усами — взялся за ручку двери.

Рука прошла восьмисантиметровую доску насквозь, как тонкий газетный лист, и ударила в грудь рыжебородого с такой силой, что тот отлетел в глубь коридора, едва не сбив напарника. Вторым ударом Матвей выбил замок и, молниеносно распахнув дверь, метнул скрепку, превращенную в иглу, в глаз второму охраннику. Пока тот одной рукой с воплем хватался за голову, а второй ловил рукоять автомата, Матвей успел достать его в прыжке и послать в глубокий нокаут.

— Неплохо, — сказал с подчеркнутым безразличием Василий, проходя мимо, похлопал Матвея по плечу. — Натуральный киборг прямо-таки.

Круглые от изумления и недоверия глаза Кристины говорили сами за себя, и в другое время Матвей не преминул бы пошутить и посмеяться, но данная обстановка к шуткам не располагала.

По рассказу Ибрагимова они знали, что на даче имеются два спуска в подвал: лестница от холла и лифт с третьего этажа, от покоев самого Ельшина. О том, что существует еще один лифт — прямо из спальни генерала, Ибрагимов не знал, а поэтому не знали и пленники. Решили идти вниз по лестнице, хотя понимали, что в холле наверняка дежурит охрана.

Только теперь они обратили внимание на интерьер: такого роскошного коридора — с мраморным полом, стенами из раку-

¹Тэ-гатана — «рука-меч», удар ребром открытой ладони (яп.).

²Нукитэ — «рука-копье», удар тычком вперед вытянутыми пальцами (яп.).

шечника, зеркальным потолком, с пальмами, растущими из пола, с изумительной работой светильниками — не имела ни одна из коммерческих или государственных контор, не говоря уже о частных владениях. Какую роскошь скрывали двери, выходящие в коридор, можно было только догадываться.

Предположения ганфайтеров оказались верными: в холле дачи, больше напоминавшем холл современной пятизвездочной гостиницы, находились шестеро охранников, одетых в стандартную пятнистую форму, но что еще хуже — там же бродили два пса величиной с теленка, знаменитые ротвейлеры, способные перекусить кости рук и ног. Если бы не способность Матвея «разговаривать» с собаками телепатически, участь беглецов была бы решена тотчас же.

Выглянув из приоткрытой двери в холл, Матвей мгновенно оценил опасность и тут же послал пси-сигнал собакам, которые уже настороженно ворчали: «Тихо, я свой! Все в порядке. Объект угрозы вне здания! Угроза — снаружи, во дворе! — Матвей представил лужайку перед дачей и тигра на ней. — Взять его!»

Собаки отвернулись от двери, за которой затаились беглецы, и с тихим рычанием — ротвейлеры никогда не лаяли — рванулись к выходу из холла.

Поднялся переполох. Те из охранников, что стояли у дверей, бросились за собаками, но двое из них, заметившие первую реакцию псов, направились к двери в коридор, ведущий во внутренние покои дачи.

Дверь открывалась в коридор, и поэтому Матвея, спрятавшегося за ней, они сразу не заметили, зато от увиденной картины оба, что называется, обалдели: посреди коридора нежно обнималась парочка.

Один из охранников присвистнул, делая шаг вперед, второй засмеялся:

— Ну и сюрприз! Эй, вы как здесь оказались?

Матвей кашлянул, тихо закрывая дверь в холл, и, когда охранники повернули к нему головы, двумя мгновенными выпадами пальца парализовал обоих. Подхватил падающие тела, чтобы не допустить шума, шепнул свирепо:

— Хватит целоваться! Быстро наверх, к лифту!

Василий подтолкнул Кристину, и они помчались к тупику коридора, где начиналась лестница на второй и третий этажи дачи. Матвей подождал несколько секунд, фиксируя передвижения оставшихся в холле охранников. Никто из них ничего не ус-

лышал, и разговаривали они спокойно. Тогда Матвей в три прыжка пересек коридор и догнал Василия и Кристину уже на третьем этаже.

Здесь тоже был коридор, только в два раза короче нижнего, и дверей в его стенах оказалось всего две. Третья — красивейшая бронзовая решетка — была врезана в тупик и вела в спальню Ельшина. У Матвея мелькнула мысль проникнуть туда и поискать другой путь к свободе, но осуществить эту идею ему не дали.

— Лифт! — прохрипел Василий, кивая на ближайшую дверь. — Только кнопки не видно. Как они его вызывают?

В то же мгновение дверь лифта бесшумно скользнула вбок и в лицо Василию уставился зрачок пистолета-пулемета «волк-2».

— Какой я молодец! — сказал Ибрагимов с удовлетворением, шагнул из лифта, насмешливо улыбнулся: — Не дергайтесь, ганфайтеры, положу всех без сожаления. Как я стреляю, вы уже видели. Стоять, я сказал!

Матвей замер, но не потому, что на него подействовала угроза, а для пространственного анализа обстановки, и вздохнул с облегчением: Ибрагимов был один. То ли понадеялся на свои силы, то ли, обнаружив пустую «камеру» и тела охранников в коридоре, обезумел от ярости и бросился в погоню без сопровождающих.

— Вообще-то в ваших способностях не сомневался и я, — продолжал Хасан, держа оружие с профессиональной небрежностью, готовый открыть огонь в любой момент, — но не думал, что вы придете в себя так скоро. Что ж, поиграем в догонялки? Вы убегаете, пули вас догоняют. А? Кто первый?

— Серп и молот! — произнес Василий условную фразу, после которой главный секьюрмен «Купола» должен был начать «бузу» против Ельшина по программе, которую внушили ему контрразведчики почти сутки назад. Однако Ибрагимов не спешил «бузить». Глянул на Василия, хмыкнул, почесал за ухом стволом второго пистолета — это был девятимиллиметровый «джерихо-941», как заметил Матвей.

— Ага, значит, прав был босс: вы меня заколдовали во время последней нашей встречи. Молодцы, использовали момент неплохо. — Ибрагимов явно был настроен поговорить и позабавиться, исключая для пленников всякую возможность сопротивления и бегства. — Только придется вас огорчить: меня раскодировали. Придется вам... — Он еще что-то говорил, но Матвей не

слушал, готовясь к сверхдействию. Времени у них оставалось все меньше и меньше.

К сожалению, та же мысль крутилась и в голове Василия, но он начал свою программу раньше.

— Камаэ-тэ, — сдавленным голосом проговорил он, предупреждая напарника. По терминологии кэмпо «камаэ-тэ» означало — «займи боевую позицию».

Матвей хотел остановить контрразведчика, но не успел: с криком «Чи мэй!» Василий бросился на Ибрагимова.

Хасан вряд ли знал термины восточных единоборств, но реакция его была молниеносной, и, когда Василий уже доставал его в прыжке, он выстрелил ему в грудь. Пуля с экспрессивной головкой вошла точно в середину грудной кости и развернулась там лепестками уже внутри тела, отбросив Василия к стене коридора. Он еще падал, а Хасан уже стрелял в не двинувшуюся с места Кристину и тут же в Матвея... вернее, в то место, где тот стоял. Затем Ибрагимову показалось, что в голове взорвалась граната, и он потерял сознание прежде, чем успел определить, куда делся противник.

Матвей действовал быстро, как только мог.

Осмотрел Кристину — пуля попала ей в плечо, забрал у Ибрагимова оба пистолета, втащил Василия и Кристину в лифт, так и оставшийся открытым после выхода Хасана, нажал светящуюся пластинку с буквами «ПГ», а когда лифт спустился в подвал, перенес не подающих признаков жизни друзей к другому лифту, ведущему к метро.

Двух охранников подземного гаража он нейтрализовал походя: одного — броском карандаша в глаз, второго — баночкой с клеем в горло; воспользоваться пистолетами ему не пришлось в голову. Жизнь охранников его не заботила, он спасал дорогих ему людей и держался на инстинктах да на обострившихся до предела чувствах.

Бункер технического управления он просто расстрелял, вспомнив наконец, что у него есть оружие. Вернее, расстрелял всю его аппаратуру, а смену техников связал спиной к спине с помощью ремней, зная такие приемы искусства связывания, которыми владели только ниндзя. Пост охраны у клетки лифта он перехитрил, скомандовав из бункера «прибыть для инструктажа» и отключив болванов по-русски — от души ударами в лоб и в переносицу.

К счастью, торпеда мотор-вагона оказалась у станции, види-

мо, ее обнаружили и привели на стоянку, собираясь воспользоваться или отправить обратно. Но не отправили.

Матвей на одном дыхании затащил в вагон раненых и принял за сеансы энергопереноса, на сей раз контактные, многодиапазонные и длительные — по пять-шесть минут каждый. Когда закончил, был мокрый как мышь и слабый как мышь, зато вывел обоих из шока, вынул пули из тел, остановил кровь и заставил работать сердце и легкие. Василий очнулся через минуту, глянул на бледного до прозрачной синевы Матвея, попытался улыбнуться:

— Не повезло... где мы? И где этот... киллер?

— На... вер... ху, — выговорил Матвей в три приема.

— Ты его?..

— Не знаю.

— Живучий, сволочь... значит, у нас хикивакэ?¹ А как Крис?

Матвей перевел взгляд на Кристину, которая дышала тяжело, со стонами, но дышала.

— Ее надо к хирургу, задета артерия... довезешь?

Василий пошевелился, скривился от боли, глянул на свою окровавленную грудь:

— О черт! Это же точка смерти! Я был уже на том свете! Как ты меня оттуда вытащил?

— Жить будешь, но недолго, лет пятьдесят. Тебе тоже нужна операция, я не смог зашить все сосуды.

— Считаю, я твой должник дважды. Довезу, не беспокойся. Что собираешься делать?

Матвей передал контрразведчику оба пистолета, две обоймы, еще раз осмотрел Кристину, пробормотал:

— Я злодея погубил, я тебя освободил, а теперь, краса-девица, на тебе хочу жениться... поезжайте, я задержусь. У меня с ними свои счета.

— А стоит ли?

— Может быть, и нет.

Они обнялись.

Матвей поцеловал Кристину и полез из вагона, пошатываясь от слабости, стараясь, чтобы этого не заметил Василий.

Зашумел мотор, торпеда ушла, гул втянулся в стены тоннеля, и наступила удивительная тишина.

¹Хикивакэ — ничья (яп.).

ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Премьер-министр смотрел по виду «крутой» американский боевик, когда позвонил Галкин. По его тону было ясно, что министр обороны если и не в панике, то сильно взволнован.

— Ты один?

— Нас двое: я и телевизор, — пошутил Краснорыжин, внезапно покрываясь холодным потом, хотя в спальне было прохладно из-за работающего кондиционера. — Кручу боевик, пью пиво и жду роскошную женщину. Надеюсь, ты позвонил от скуки?

— Если бы, — нервно проговорил Николай Николаевич. — По моим сведениям, вокруг дачи Генриха крутятся «чистильщики».

— Ну и что?

— Как это «ну и что»?! Забыл? Генрих сегодня собрал у себя всех клиентов для демонстрации спецору...

— Тише!

— ...оружия, — закончил Галкин. — Чего тише? Скремблер не включен, что ли? Кроме того, поступил сигнал, что и ФСК, и угро получили странные сообщения о проводимом на даче мероприятии, так что не исключено, что через час туда примчатся группы быстрого реагирования.

— Ты думаешь, «чистильщики»... и остальные... знают о переговорах наверняка?

— Я не думаю, почти уверен. Что делать?

Краснорыжин покрылся гусиной кожей, потом снова вспотел, дотянулся до бутылки боржоми и выдул ее в один присест.

— Пошли туда полк «Оборотней» или «Драконов»¹ и разнеси дачу в пух и прах!

— С ума сошел?! Я мгновенно лишусь погон и должности!

— А так лишишься головы, мон шер, если «чистильщики» раскрутят всю историю с оружием! Дай приказ заму, а потом сваляй на него и на командира полка вертолетчиков. Учить тебя, что ли, как это делается?

¹«Оборотни», «Драконы» — боевые вертолеты.

Галкин шумно выдохнул в микрофон, с минуту тяжело сопел и выключил связь. Михаил Сергеевич потряс трубку, подул в нее, и ему показалось, что из динамика вдруг выглянул некто бесформенный, как облако, но непередаваемо страшный и опасный.

Тревога началась в девятнадцать ноль пять, и Ельшин был вынужден прервать переговоры, успокоив встревоженных клиентов:

— Не волнуйтесь, господа, у меня вы — как у Христа за пазухой, сейчас разберусь, в чем дело, и вернусь. А вы пока подписывайте контракты.

Ибрагимов генерал обнаружил на третьем этаже у дверей своей спальни. Начальник службы безопасности держался за голову и выглядел словно после прямого попадания танковой болванки.

— В чем дело, Хасан?

— Ушли, — морщась, просипел Ибрагимов. — Ганфайтеры ушли... вместе с бабой... хотя я в них стрелял и попал!

— Когда?!

— Минут десять-пятнадцать назад!

— Куда?

— Скорее всего, вниз, в метро, куда же еще? Понимают, суки, что это единственный путь.

— Который ты обязан был перекрыть! Людей посылал?

— Лифт не работает, они, наверное, уничтожили управление, а через колодец мои люди не успеют. К тому же я только что слышал гул отходящего вагона. Это не главная забота, босс. Наблюдатели сообщили, что в километре от дачи происходит подозрительное передвижение каких-то групп. Скорее всего это «чистильщики».

— Пронюхали все-таки? — Ельшин недобро улыбнулся, пошел к спальне, махнул рукой. — За мной. Ну что ж, я им покажу, кто на этой земле хозяин.

Из спальни, сверкающей хрусталем, фарфоровой белизной стен, золотом и серебром, зеркалами и бисерными пуфами, он соединился со службой внешнего контроля:

— Аграмян, что там у вас?

— Обнаружили три группы по три человека, подбирающиеся к даче с трех сторон. Кроме того, только что передали из конто-

ры: кто-то звонил главному «фискалу» и назвал наш адрес. Такой же звонок получило и руководство МВД, но Горбаню удалось заблокировать канал.

— Докладывайте о передвижении групп каждые пять минут лично мне и дайте информацию на монитор охраны для анализа. Как только группы окажутся на дистанции поражения, уничтожьте их!

Ельшин отпустил кнопку радиотелефона, глянул на молча страдающего Ибрагимова, усмехнулся:

— Кто это тебя так? Соболев?

— Я его... на куски... разорву! — Ибрагимов согнул пальцы на обеих руках, отчего руки стали похожи на когтистые лапы хищной птицы.

— Найди сначала. Если он не дурак, то, заполучив свою девушку, давно мчится прочь во все лопатки.

— Мотор мы перехватим. Я его везде найду...

— Упаси тебя Господь, майор! Этот зверь тебе не по зубам. Займись-ка охраной по варианту «БИ», а я тут кое-что предприму со своей стороны.

— Оружие вернуть на базу? Или пусть здесь побудет?

— Того оружия всего ничего — три десятка стволов. Принеси все образцы сюда, в случае чего я спрячу.

— А что делать с гостями?

— А ничего. Прибыли они сюда инкогнито, ни одна из их спецконтор не знает — куда, так что в случае неприятности...

— Понял. — Ибрагимов потрогал синяк под глазом, царапину над верхней губой, скривился больше от ненависти, чем от боли. — Я не верю, что Соболев ушел.

— Если он еще здесь... хорошо бы взять его живым. Он нужен... одному моему другу.

— Я сам хочу взять его живым. Но потом... отдайте его мне.

Ельшин жестом отослал начальника службы безопасности, подождал, пока закроется дверь, и вызвал свой секретный лифт, ведущий к узенькой щелочке в стене «запредельного мира», откуда время от времени выглядывал Конкере, Монарх Тьмы.

...Ни один из комиссаров «Стопкрима» не пожелал участвовать «в собственных похоронах», по образному выражению комиссара-два Рыкова. Музыка Глеб Максимович вообще отказал-

ся связываться с «Куполом», резко осудив инициативу Графа. Завьялов передал это Горшину после недолгих колебаний, будучи уверенным, что Граф и так все узнает. Комиссары «Чистилища» не хотели рисковать своим положением, полагая, что время открытой войны с мафией еще не пришло. К тому же они втайне надеялись на ослабление влияния Графа на деятельность «Стоп-крима» и укрепление собственных позиций после всех событий. Каждый из них, в особенности Рыков, исключая разве что Завьялова, мечтал об абсолютной власти над криминальным, да и чего греха таить — над остальным миром, не понимая при этом, что все их «мечты» инспирированы Монархом Тьмы, так же лелеющим мечту о Сверхвласти, но уже на неизмеримо более высоком уровне.

В результате у дачи Ельшина Тарасу удалось собрать всего две монады и два мейдера — шестнадцать человек, и, хотя все они были профессионалами боя, мастерами разведопераций и операций захвата, справиться с батальоном охраны дачи генерала ФСК они, конечно, не могли. Но попытаться помешать сделке — могли. И хотели.

О том, что рано или поздно их вычислят, командиры групп знали и разработали план, по которому три группы — две монады и мейдер — не слишком маскировались и не скрывали своих намерений, в то время как четвертая группа из пяти человек должна была незаметно подойти к даче со стороны реки и ударить по охране в тот момент, когда она увлечется охотой за теми, кого обнаружит.

План сработал, и бой начался в четверть восьмого вечера, сразу изменив ситуацию во всей сложной системе взаимодействия мафии, государственных структур, военного комплекса и правоохранительных органов.

Четвертой группе удалось подобраться к даче скрытно, в то время как три остальные делали вид, что атакуют дачу в лоб, со стороны главного въезда на территорию. «Чистилищикам» удалось преодолеть ограждение «частного владения» и обезвредить проволочные ловушки, но дальше второй линии защиты — лазерных батарей — они не прошли, потеряв одного из бойцов.

В этот момент им на помощь пришел Горшин, который час назад проводил инструктаж со всеми участниками операции. Он провел группу мимо замолчавших по неизвестной причине лазеров и велел держать оборону в районе бани-сауны до прихода ос-

новых сил или его команды, после чего тихо отойти и рассеяться. Сам Горшин через минуту исчез за хозяйственными строениями дачи, не обращая внимания на заговорившие со стороны главного корпуса пулеметы. У него была своя цель.

Матвею очень бы пригодилась помощь Василия, потому что он до сих пор не вышел из состояния «выжатого лимона», все приходилось делать с невероятными усилиями; чуть ли не на грани беспамятства, а подпитать себя через канал ментала не удавалось из-за отсутствия времени: счет уже шел на минуты и секунды, Матвей это чувствовал.

Обратно наверх он поднялся сравнительно легко: дождался лифта с отрядом погони, высланным Ибрагимовым, «отключил» охранника, оставленного стеречь лифт, и поднялся в подземный гараж дачи, где с ходу «вырубил» еще двух «горилл» в черном. Переоделся в форму одного из них, прихватил автомат и кинжал и по лестнице поднялся на первый этаж. Именно в этот момент началась атака «чистильщиков» на дачу и отвлекла внутреннюю охрану, что позволило Матвею пересечь холл и в общей суматохе преодолеть лестницу на третий этаж.

Здесь он встретил лишь одного человека — стюарда с подносом, на котором стояли напитки и вазы с фруктами, безмолвно пропустил его, готовый, однако, применить силу, если понадобится, но стюард прошмыгнул мимо на полусогнутых, даже не глянув на попавшегося на пути «охранника». Видимо, на него сильно подействовала начавшаяся пальба.

В спальню Ельшина Матвей проник неожиданно легко: дверь оказалась не запертой. Матвей, исходя из этого факта, ожидал засады или в крайнем случае надеялся застать самого хозяина, но ни засады, ни Ельшина в сверхроскошной спальне, способной поразить воображение не только провинциала, но и любого принца, не обнаружил. Выглянул в окно с пуленепробиваемыми стеклами, которые закрывались автоматически. Стрельба поутихла, по двору перемещались «черные береты» в количестве до взвода, еще один отряд быстро готовил к бою огнеметы. Ни Ельшина, ни Ибрагимова нигде видно не было.

Сердце заныло от нехорошего предчувствия.

Матвей не знал, кто и зачем затеял стрельбу, хотя и догадывался, что это могли быть «чистильщики», но считал свою задачу невыполненной до тех пор, пока не отыщет генерала. Все осталь-

ное отходило на второй план, в том числе и переговоры по продаже украденного оружия, особенно отвечающего целям террористов всех мастей. С этим можно разобраться потом, после «гашения» главного босса «Купола», который в своих действиях перешел уже все границы.

Обойдя спальню и не отыскав второго выхода, Матвей подкрепился фруктами и попытался заставить себя выйти на уровень турийи, но удержался в этом состоянии всего несколько секунд. Правда, ему удалось в момент сосредоточения обнаружить лифт, замаскированный под квадрат пола, что несколько скрасило горечь неудачи. Однако воспользоваться тайной «кабиной» он не успел: в комнату ворвалась группа вооруженных «беретов» под командованием вездесущего Ибрагимова.

В принципе Матвей был готов к такой ситуации и шестеро автоматчиков не могли бы заставить его сдаться в плен без сопротивления. Остановило его не количество нападавших, а выражение глаз Ибрагимова: в них тлела ненависть и скрытое торжество, будто он знал нечто такое, что для противника наверняка окажется страшным сюрпризом.

Снова в тревоге сжалось сердце, и Матвей, уже понимая, в чем дело, опустил автомат.

— Не стрелять! — поднял руку Ибрагимов. Змеиная улыбка скользнула по его жестким узким губам. — Я знал, ганфайтер, что ты вернешься. Но лучше бы ты этого не делал. Впрочем, своим друзьям ты бы тоже вряд ли помог.

Матвей молча смотрел на него, и начальник службы безопасности «Купола» продолжал:

— Их взяли на развилке, так что, увы, надежды твои не сбылись. Да и чего ты ждал, собственно? Вам и так везло слишком долго.

— Что... с ними? — разлепил губы Матвей.

Майор засмеялся. От его смеха, наверное, свернулось бы молоко.

— Шеф подкинул хорошую идею: мы из них сделаем зомби, как вот из этих ребят, и выпустим. Даже если ты вывернешься и на этот раз, что маловероятно... и даже совсем невероятно, твои друзья в один прекрасный момент убьют тебя. А потом и друг друга. Как тебе нравится перспектива?

И Матвей сразу поверил Хасану: именно так и случится, если он не успеет предотвратить кодирование.

Бесшумная и не видимая никем «молния» ментального раз-

ряда вонзилась в голову, растеклась по жилам, запульсировала странным, жгучим и одновременно приятным огнем в нервных узлах, включила экстрасенсорное видение и сферу парачувств, перевела энергетику организма на прямое «сгорание» эритроцитов, изменила внутреннее течение времени.

Матвей «вышел» из общего потока времени, и для него внешний мир перестал быть динамичным, застыл, как в проекторе слайд.

Нет, парни в черном, конечно, двигались, как и Хасан Ибрагимов, чей пистолет, словно по волшебству, начал стрелять почти одновременно с первым шагом Матвея, но все равно их реакция уступала реакции Соболева на порядок. если не больше.

Убивать Ибрагимова собственноручно Матвей не стал, просто у двух «беретов» направил стволы автоматов таким образом, что стрелять они начали в своего командира и друг в друга, а оставшихся в живых «взял на удар», впервые в жизни действуя в полную силу, не дозируя силу и не чувствуя при этом ни малейших угрызений совести.

Бой закончился в течение пяти-шести секунд «по внешнему времени», и отряд зомби во главе с Хасаном Ибрагимовым перестал существовать. А Матвей с «плеском» нырнул в омут беспмятства, внезапно выходя из состояния паранормальной активности с мыслью, что еще одного пси-включения он не выдержит.

Очнулся через минуту, чувствуя себя столетним стариком, с которого вдобавок содрали кожу и заменили ее слоем цемента. Оглядел невеселую картину боя: автоматные очереди распороли кровать под балдахином, пуфы, кресла, разбили зеркала и фарфоровые светильники, понаделали дыр в красивейших панелях из резного красного дерева. Трое из отряда зомби были еще живы, но стрелять уже не могли, остальные, в том числе и главный киллер «Купола» Хасан Ибрагимов, ушли в другую реальность, закончив свой земной путь далеко не лучшим образом.

И вдруг Матвей почувствовал тяжкий удар — не физический, извне, а изнутри, на уровне колебаний атомов, молекул, нервных тканей, на уровне пси-чувствования, — удар, потрясший организм до тошноты. Секунды хватило, чтобы понять: Монарх Тьмы вышел наконец в трехмерный мир Земли!

Можно было попытаться отгородить сознание от чужого пси-взгляда энергоинформационным барьером, и частично Матвею это удалось, но ощущение тяжести в голове и в теле оставалось. «Монарх» держал его в фокусе своего сверхчувственно-

го «локатора» с небрежной легкостью Гулливера, знающего, что лилипут от него никуда не спрячется, как бы ни старался.

Едва слышно свистнул лифт, квадрат пола опустился вниз, открыв колодец шахты, и вернулся уже с пассажиром: в разгромленную спальню шагнул начальник Управления «Т» Федеральной службы контрразведки генерал Ельшин. Впрочем, по усилению «взгляда изнутри» Матвей сразу понял, что это в оболочке генерала появился Конкере, Монарх Тьмы.

Он скользнул взглядом по готовой к прыжку фигуре Матвея, поднял брови полунасмешливо-полупренебрежительно, оглядел комнату, качнул головой:

— Похоже, Хасан переоценил свои силы.

В следующее мгновение Матвей открыл огонь из автомата вопреки уверенности, что «монарх» легко справится с этим. Так и случилось. Конкере — Ельшин выбрал самый простой метод демонстрации своих возможностей: он легко... поймал рукой все выпущенные пули! Равнодушно бросил их на пол, подошел к окну. Голос его остался негромким, как шорох камыша, и в то же время объемным и гулким, как звук Царь-колокола:

— А финал не в вашу пользу, генерал.

Матвей не сразу понял, что Конкере обращается к Ельшину, чье тело и разум он временно занял. Или не временно?

— Чего вы ждете? — хрипло спросил Матвей. — Кот решил поиграть с мышью?

— К сожалению, ты не мышь, ганфайтер. Да и я не кот — не те масштабы. Просто у тебя есть шанс стать кем-то большим, чем волкодав-перехватчик.

На мгновение глаза Ельшина засветились, как тлеющие угли, темная сила сжала голову Матвея, стены комнаты пошли рябью, будто вода под ветром, сдержанный гул ушел в пол, стек по стенам в фундамент, качнул здание дачи.

Матвей пристально глянул в эти страшные глаза и смотрел в них, пока красное сияние не погасло, хотя сам почти ничего не видел из-за набежавших слез.

— И какова же цена... моего шанса? Перейти в твой лагерь?

— Почему бы и нет?

Матвей покачал головой, расслабился, еще раз качнул головой, словно отвечая самому себе, бросил автомат под ноги Ельшину.

— Вряд ли меня можно назвать свободным от меркантильных расчетов, но друзей своих я все же не предаю. Говоря слова-

ми Д'Артаньяна, обо мне плохо подумали бы там и плохо приняли бы здесь. У нас разные понятия о добре и зле.

— О добре и зле тебе судить еще рано. Да и кто ты такой, собственно, чтобы судить? Один из баранов стада, которое гордо называет себя человечеством.

— Почему же это человечество — стадо?

— Потому что люди — слабые существа, которые сбиваются для защиты в стада и требуют, чтобы ими управлял не закон, а пастух. Хочешь быть пастухом?

— Не хочу. Уж не ты ли... этот пастух?

— Все не так просто, мой милый, как ты себе представляешь, начитавшись книг. Ты вон даже с собой разобраться не можешь, а уже пытаешься навязать миру свое мнение. Оглянись на путь свой. Неужели не видишь, что все, кто начинает контактировать с тобой, плохо кончают? По вашим земным законам, конечно. Но ведь и судишь ты по земным, человеческим меркам? Ивакин и Дикой погибли. Илья Муромец — убит. Старушка эта, Мария Денисовна, умерла. Кристина потеряла полжизни, и неизвестно, что будет с ней дальше. Список можно продолжать вверх и вниз по времени, в будущее и в прошлое, но стоит ли?

— Что ты... что вы хотите сказать?

— Да ничего особенного. Ты не человек, Матвей Соболев, хотя и рожден людьми. И путь твой — не среди людей и не с Тарасом Горшиным, который стал отступником ради глупой и смешной традиции — мести, не сумев подавить эмоции. В результате Внутренний Круг для него оказался закрыт, его отвергли Хранители и не приняли иерархи. Но речь не о нем — о тебе. Чем дольше ты будешь жить среди людей, подчиняясь их законам, но сообразуясь со своими понятиями о мироздании, тем больше причинишь несчастий и страданий. А ведь ты этого не хочешь?

Матвей ответил не сразу, сбитый с толку миролюбивым и даже участливым тоном Конкере.

— Я не хочу быть ни бараном, ни пастухом...

— Пастухом хочет быть каждый, — усмехнулся «Ельшин».

— Я не каждый. Да, я живу среди людей, из которых многие мне просто несимпатичны, а иные, по моему мнению, и вовсе не должны жить. И уж совсем мало тех, буквально единицы, кого я уважаю и люблю. И вот ради них я никогда не приму сторону того, кто причинил им зло. Какие бы высокие цели он ни преследовал.

— Зло не бывает абсолютным, мой милый, оно всегда относительно, и стоит лишь посмотреть на него с другой стороны...

— Да плевать я хотел на ваши оценки, генерал... или кто ты там! Одно мне непонятно: почему иерархи мирятся с твоим существованием? Или даже в тех реальностях, где они являются равными среди равных, закон допускает двойное понимание истины? То есть те же самые два полюса — добро и зло?

— Конечно, нет. — «Ельшин» выглянул в окно. — Но борьба есть и там, вернее, не борьба — игра законов. Судьбы личностей в этой игре не имеют особого значения. Что ж, ты выбрал тупик, больше нам не о чем говорить. Вряд ли мы встретимся в какой-нибудь из будущих жизней. Но прежде чем расстаться, я покажу силу, от которой ты отказался. Мой друг, — «Ельшин» тонко улыбнулся, — министр обороны Галкин, дабы перестраховаться, от испуга выслал сюда звено «Черных акул» и звено «Оборотней». Знаешь, о чем речь?

— Волки от испуга скушали друг друга... — Матвей кивнул. — Он что же, собирается высадить десант?

«Черными акулами» называли новейшие военные вертолеты, равных которым не было ни в одной армии мира. Ракетный залп одного такого вертолета мог уничтожить город с населением в сто тысяч! А каждый «Оборотень» мог нести в своем чреве до батальона десантников.

— Вот они, над лесом, заходят для атаки.

Матвей подошел к окну и в самом деле разглядел около двух десятков низколетящих металлических стрекоз. Одна из них пыхнула дымком, и во дворе вырос веер огня, дыма и земли. Вертолеты начинали обстрел.

В то же мгновение Матвей пережил еще один внутренний пси-удар и временно оглох, перестал слышать какие-либо звуки.

«Ельшин» причудливым образом превратился в «букет» из полупрозрачных человеческих фигур, увеличился в объеме, заполнив собой чуть ли не всю спальню, одной из множества рук продавил окно, так что оно застыло в форме прозрачного кратера. Воздух в комнате загустел, завибрировал, задрожали стены, пол, дрожь вошла в ноги, передалась позвоночнику, достигла головы, и Матвей с ужасом увидел, как из распухшего тела «Ельшина» вылетел призрак, похожий на динозавра, устремился в окно и метнулся к вертолетам. Второй залп они дать не успели.

Матвею не нужно было напрягать зрение, чтобы разглядеть, что творится в радиусе двух-трех километров от дачи. Если у него

что и осталось от паранорма на данный момент, так это способность видеть в более широком диапазоне спектра. Драму в воздухе он рассмотрел до мельчайших подробностей, стоя за спиной Ельшина-«монарха» в полной прострации.

Огромные пятнистые машины с четырьмя подвесками «НУРС» под короткими крыльями и четырьмя управляемыми ракетами типа «воздух — земля» вдруг стали зыбиться, плыть, деформироваться, превращаться в зловещие черные сосульки, опали на землю редкими каплями странного и страшного дождя! В три секунды от двух десятков боевых винтокрылых аппаратов остались быстро испаряющиеся на земле черные кляксы. Ни одному человеку из экипажей «Акул» и десанта «Оборотней» спастись, конечно, не удалось.

— Ну вот и все, — обернулся «Ельшин» на слабый возглас Соболева. — Не передумал, ганфайтер? Э-э, какой ты впечатлительный. Ну, не передумал, тогда прощай.

Матвей не ответил, все еще находясь под впечатлением происшедшего.

Только что на его глазах были уничтожены ни в чем не повинные люди, солдаты, молодые ребята, которым едва исполнилось девятнадцать-двадцать лет. Вряд ли они знали, куда и зачем летят, за кого и против кого их послали воевать, но ни один не заслужил такой смерти!

И как бы в ответ на мысли и чувства Соболева его внутренняя вселенная сама собой соединилась с внешней, образовав канал связи с менталом и мгновенно изменив энергетическое состояние реципиента, переведя его на уровень, практически недоступный обыкновенному человеку. Правда, как оказалось, уровень этот был все же гораздо ниже того, который требовался для схватки с Монархом Тьмы на равных.

Видимо, Ельшин — Конкере был занят своими мыслями и решал какие-то иные задачи, не связанные с делами Земли, потому что не сразу отреагировал на изменившееся поведение ганфайтера, которого не считал серьезным соперником. Для «гашения» обычного человека, по его мнению, достаточно было мысленного приказа «Умри», чтобы сердце у того остановилось, но Матвей сумел заблокировать приказ и даже ответить таким же, правда, в несколько ином диапазоне и с иной эмоциональной окраской. Его пси-ответ можно было перевести как: сам сдохни, гад!

«Ельшин» удивленно оглянулся, в свою очередь легко пари-

ровав удар, затем нахмурился, выбирая, каким образом лучше наказать наглеца, но в это время в спальне возник Тарас Горшин.

Волна оцепенения, накрывшая Матвея, отхлынула, вернулся пульс паранормального чувствования, а с ним появилась и способность психокинетического воздействия на предметы. Словно в подсознании открылась вдруг незаметная дверца и суфлер, высунувшийся оттуда, шепнул Матвею-актеру заветную магическую фразу: сим повелеваю!

Дальнейший поединок «монарха» с молодыми магами — если воспользоваться терминологией мифов и сказаний, почти адекватно отражающих точность термина для земных условий, — проходил с применением пси-энергетических ударов в иновре-
мье и частично в ином пространстве с другим количеством измерений. Закончился бой спустя десятую долю секунды по земному времени, хотя, по впечатлениям Матвея, длился не меньше часа.

В результате не ожидавший отпора Конкере, базой которому служило обыкновенное человеческое тело генерала Ельшина, сковывающее его, как тесный костюм, отступил, мобилизуя резервы и перестраивая организм.

Матвей огляделся и не поверил своим глазам: от дачи не осталось камня на камне! Они стояли посреди причудливой формы развалин, словно в руинах инопланетного города, и ползли среди искривленных, сочащихся зеленым дымом столбов и стен полупрозрачные языки светящейся пыли, вспыхивающие голубыми и зелеными искрами.

Горшин воспользовался паузой, бросил Матвею в пси-диапазоне:

— Уходи!

— Я помогу.

— Уходи, дурак! Спасай свою Кристину. Кому ты будешь нужен, состарившись за минуту на полста лет?

— Я помогу, — упрямо повторил Матвей.

— Это моя проблема, и решать ее я буду сам. Беги!

И Матвей повиновался. За что потом себя возненавидел. Убежал он недалеко и тут же вернулся, но бой между Монархом Тьмы и Тарасом уже закончился. Конкере ответил на вызов, и даже человеку Внутреннего Круга, коим считал себя Горшин, не удалось отбить атаку.

Когда Матвей глянул на то, во что превратилось тело Тараса,

к горлу подступила тошнота. Пси-взрыв не потревожил только головы Горшина, остальное трансформировалось в кошмарную мешанину трех десятков живых существ, проросших друг в друга, и весь этот конгломерат еще жил, вздрагивал, копошился, царапал сам себя, расползался в разные стороны. Глаза Тараса были открыты, но ничего не видели. Губы шевельнулись, и Матвей услышал шепот:

— Она была... всегда свежа и приятна... и верна... и всегда — неизменно добра... моя Елинава... лю-би-ма-я.

Шепот стих.

Матвей снизу вверх глянул на убийцу, не особенно удивившись тому, что Ельшиных стало двое: один в два раза выше другого. Конкере создал себе другую оболочку, освободив тело генерала, хотя и сохранил его облик.

— Будь ты проклят!

Псевдо-Ельшин только отмахнулся, и этот его небрежный жест мог стать последним для Матвея, если бы в действие не вмешались силы, превосходившие мощь «монарха».

Кто-то прикрыл Соболева прозрачным колпаком пси-поля. Рядом возникли такие же прозрачные пузыри с фигурами внутри, лопнули, и взору представились трое людей. Двоих Матвей узнал сразу — это были инфарх и его спутница, приходившие к нему во снах. Одетые во все белое, они походили на библейских ангелов, только что без крыльев. От мужчины веяло скрытой мощью и мужественностью, женщина была молода и прекрасна.

Монарх Тьмы стал таять, исчезать, распадаться на множество «капустных листьев», которые попытались охватить появившихся иерархов со всех сторон, однако сделать этого не смогли. Всплеском пси-поля, который Матвей ощутил, как упавший на голову кирпич, иерархи остановили трансформацию Конкере. Женщина кивнула Матвею и наклонилась над телом Горшина, а мужчина постарше, инфарх, подошел к Монарху Тьмы. Их спутник, с виду не уступавший Матвею по молодости, повернулся к нему, разглядывая лицо ганфайтера пронзительными серыми, почти прозрачными глазами.

— Значит, вы и есть Матвей Соболев. Я представлял вас другим.

— А вы кто? — с трудом выговорил Матвей. Как всегда, выход из состояния пси-резонанса сопровождался приступом сла-

бости, и больше всего в данный момент ему хотелось лечь и уснуть.

— Я декарх, — сказал прозрачноглазый незнакомец. — Хранитель десятой ступени Внутреннего Круга. В мои обязанности входит контроль границ запрещенных реальностей.

Матвей смотрел непонимающе, и декарх добавил с едва заметной улыбкой:

— Земля данной трансфузии входит в число запрещенных реальностей. Вселенная тоже иногда ошибается, порождая подобные аномалии.

— И кто же нас... нашу реальность... запретил?

— Закон. Однако на земной язык он непереводим, не существует даже приближенного понятия. Но этот Закон сработал по известной причине: из-за появления человека! Вернее, из-за расщепления его души на дьявола и ангела. Вселенная уже рождала подобных существ, в том числе и на Земле, и заканчивалась их эпоха вселенскими катастрофами.

— Вы говорите так... легко! Разве вы сами не человек?

— Чисто внешне. — Декарх тихо рассмеялся. — Но рожден я, как и вы, земной женщиной, в месте, которое вы называете Шамбалой, около трех тысяч лет назад. Поэтому я еще достаточно молод.

Матвей проглотил ком в горле, перевел взгляд на женщину, склонившуюся над тем, кто называл себя человеком Круга.

— Что с ним? Он... умер?

Декарх тоже посмотрел в ту сторону.

— Для данной реальности — да. Но мы постараемся, чтобы он прошел свой путь до конца в другой запрещенной реальности, несмотря на свои ошибки.

— Какие же ошибки он совершил?

— О, достаточно серьезные, чтобы перекрыть ему доступ к информации Круга.

— Например?

Декарх смерил Матвея взглядом, снова улыбнулся:

— Почему вас это интересует?

— Потому что он погиб и потому что я, возможно, изберу его путь.

— Ваш путь — ваша карма, ганфайтер. Что касается Горшина, то он нарушил много законов Круга, из-за чего и стал отступ-

ником. Например, он проигнорировал закон минимальных последствий, преступил закон ненасилия, отверг принцип недеяния, известный на Земле под названием увэй и мугэ¹, исповедуемый даосской философией. Кроме того, он изначально не принял закона интеллектуальной чистоты, по которому мышление человека Круга не должно нести эмоциональной окраски.

— В чем же это выразилось?

— Он любил женщину Земли, и когда она погибла...

— От руки «монарха»?

— Можно сказать и так. После ее гибели он дал клятву отомстить, а месть несовместима с поиском и хранением истин.

Матвей криво усмехнулся:

— Тут у меня с ним полное совпадение взглядов. А как выглядит нарушение принципа недеяния в его исполнении?

— Создание организации под названием «Стопкрим», например. Или коррекция вашей пси-сферы.

Со стороны, где инфарх «беседовал» с укрошенным «монархом», раздался звонкий шелчок, будто выстрелил арбалет. Матвей напряг зрение, пытаясь разглядеть, что делают иерархи, но ничего особенного не увидел. Исполинская фигура Конкере колебалась, как облако дыма, и готова была растаять окончательно. Матвей кивнул на нее:

— Что вы с ним делаете?

— Ничего, — ответил декарх флегматично. — Если бы не деятельность незавершенного... я имею в виду Горшина, «монарх» никогда не послал бы своего эмиссара — Конкере — в запрещенную реальность, зная об ответственности.

— Так это... не «монарх»?! — Матвей был ошеломлен.

Декарх с любопытством глянул на него, покачал головой, но ответил без насмешки или пренебрежения:

— Конечно, нет. Монарх Тьмы живет в иных реальностях, или, как у вас принято говорить, в иных пространственно-временных континуумах. Даже появление его «призрака» — серьезное нарушение пси-экологии вашей Вселенной, а появившись он здесь константно, как личность...

¹Увэй (кит.), мугэ (яп.) — даосский принцип недеяния, действие, не мешающее естественному ходу событий, не является деянием.

Еще один струнно-металлический щелчок прервал декарха.

Фигура Конкере исчезла. Инфарх спрятал что-то сверкающее в складки своего плаща, подошел к женщине, склонившейся над Горшиным, тоже наклонился, и оба распрямились, повернувшись к беседующим молодым людям. Между ними произошел мгновенный мысленный обмен, который Матвей все же уловил своим еще несовершенным «телепатическим приемником». Инфарх кивнул, а глаза женщины стали печальными. Они поняли, что решил Матвей, хотя сам он этого еще не знал.

— Прощайте, ганфайтер, — сказал декарх, протягивая Матвею руку. — Может, когда-нибудь свидимся.

— В другой жизни? — улыбнулся Матвей через силу.

— Зависит лишь от вас. Хотите совет?

— Валяйте. Хотя не уверен, что я ему последую.

— Высшие истины не достигаются кулаком и мечом. Сможете ли вы понять это?

— Не знаю. — Матвей метнул взгляд на Ельшина, который, похоже, приходил в себя. — Но этот человек недостоин жить ни в одном из миров, даже в запрещенной реальности.

Инфарх покачал головой:

— Вы не станете от этого счастливей, юноша. Даже если вы уничтожите всех главарей «Купола», система останется жить и на смену старым придут новые убийцы. Так будет до тех пор, пока человечество не изменится в корне. Но мы не можем осуждать ваши решения, потому что вы еще не человек Круга. И станете ли им, неизвестно. Во всяком случае, даже я этого не знаю. Мы торопимся, прощайте.

Все трое сделали одинаковый жест — прижали ладонь к сердцу — и исчезли. Вместе с ними исчезло и тело Тараса Горшина.

В центре странной архитектурной причуды, оставшейся от разрушенной дачи, стояли двое — Матвей Соболев и генерал Ельшин. И тот и другой знали, что произошло, только восприняли это по-разному. И Матвей еще не решил, оставит ли главного босса «Купола» в живых.

— Где Крис? — тяжело спросил он.

Недалеко, в полукилометре, завывала милицейская сирена, ей отозвалась другая — это примчались машины МВД и Федеральной службы контрразведки. Ельшин огляделся, кусая губы, гля-

нул на Матвея. Взгляд его стал осмысленным и жестоким. Матвей покачал головой:

— Конкере дисквалифицирован, генерал, и больше не придет вам на помощь. Сделка не состоялась — слишком много свидетелей. Это провал, босс. Предлагаю обмен: жизнь за жизнь. Жизнь твою за жизнь Кристины.

Ельшин выхватил из-под мышки пистолет — то ли «волк», то ли суггестор «удав», отступил, озираясь.

И Матвей с пронзительной ясностью осознал, что его путь «кулака и меча» в этой реальности не закончен. Да, иерархи Круга правы: насилие порождает насилие, зло порождает зло, а боль — боль. Но пока добро бессильно, его надо защищать, давать отпор насилию и злу, и делать это легче профессиональному воину, а не комплексующему интеллектуалу. «Но, может быть, я не прав, — подумал Матвей. — Пусть даже я не прав, но своих друзей в беде не оставляю! Кристина, отзовись, я иду за тобой!..»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОДИНОЧКА. Роман

Глава 1. ПОГРУЖЕНИЕ	7
Глава 2. УЖИН С УЧИТЕЛЕМ.	16
Глава 3. КРАСИВО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ	27
Глава 4. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОДОЖДЕМ?	38
Глава 5. КАДОМ	43
Глава 6. ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ	53
Глава 7. ДЕЯНИЕ.	64
Глава 8. АДЕКВАТНЫЙ ОТВЕТ	76
Глава 9. «КУПОЛ»	92
Глава 10. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	97
Глава 11. ОСТОРОЖНО, ЧЕЧНЯ!	105
Глава 12. АТАКА	116
Глава 13. В ОСАДЕ ЧУВСТВ	126
Глава 14. ХРАНИТЕЛЬ	138
Глава 15. ПРОШЛОЕ ЗОВЕТ	143
Глава 16. НЕЛЮДИ ЖИТЬ НЕ ДОЛЖНЫ	154
Глава 17. РАЗМИНИРОВАНИЕ	168
Глава 18. НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ.	180
Глава 19. ПЛАНОВ ГРОМАДЬЕ	193
Глава 20. ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА	205
Глава 21. ЧЕРНОЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД	216
Глава 22. ХРАМ ПОД ГОРОДОМ.	228
Глава 23. ИЩИ ВЕТРА В ПОЛЕ	241
Глава 24. ВИЗИТ В ЛАБОРАТОРИЮ.	252
Глава 25. ЗРИ В ЗАТЫЛОК	262
Глава 26. НАЙДИ МНЕ ПРЕЕМНИКА	274
Глава 27. ДРУГАЯ СИЛА	281
Глава 28. ПРОШЛОЕ ВЫТЕКАЕТ ИЗ НАСТОЯЩЕГО	291
Глава 29. СХВАТКА ПОД ВОДОЙ	300

Глава 30. ВРЕМЯ БРАНИ	310
Глава 31. ДО ПРЕДЕЛА	320
Глава 32. ЗА ПРЕДЕЛОМ	332

СМЕРШ-2. Роман

Глава 1. СУД И КАЗНЬ	339
Глава 2. ВЕКТОР СМЫСЛА	341
Глава 3. ТОЧКА ОТСЧЕТА	354
Глава 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	363
Глава 5. ПУНКТИР РАЗГОНА	379
Глава 6. ПРАВОЗАЩИТА	390
Глава 7. ОСВОБОЖДЕНИЕ АРИСТАВЫ	404
Глава 8. РАЗБУЖЕННЫЙ МУРАВЕЙНИК	416
Глава 9. ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ	427
Глава 10. ПРИНЦИП СИЛЫ	438
Глава 11. ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ	450
Глава 12. РАССЛАБЬСЯ И ОТДОХНИ	464
Глава 13. КОЕ-ЧТО О ВНУТРЕННЕМ КРУГЕ	478
Глава 14. БУСИДО	491
Глава 15. ВЫХОД В ЭФИР	506
Глава 16. МУР ПРОТИВ СМЕРША	517
Глава 17. МЕМЕНТО МОРИ	529
Глава 18. УДАР КИНЖАЛОМ	544
Глава 19. МЕСТЬ И ЗАКОН	555
Глава 20. ЗЛО УДАЧИ	566
Глава 21. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА	577
Глава 22. ВЫХОД НА БАНКИРА	588
Глава 23. ВЗГЛЯД КОНКЕРЕ	599
Глава 24. ПЕРЕХВАТ ПЕРЕХВАТЧИКА	609
Глава 25. ВЫЗОВ	620
Глава 26. НЕПОСВЯЩЕННЫЕ В ХРАМЕ	633
Глава 27. КОРРЕКЦИЯ	647
Глава 28. УДАЧА ЗЛА	657
Глава 29. ТОЧКА СМЕРТИ	671
Глава 30. ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	682

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *И. Ларина*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 11.07.2005.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 36,96. Уч.-изд. л. 37,1.

Тираж 6000 экз. Заказ 1307.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 5-699-12517-5

9 785699 125173 >